ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Подъ редакціею и съ біографическимъ очеркомъ
П. В. Быкова и съ приложеніемъ портрета
К. М. Станюковича.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1907 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1907.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ОТКРОВЕННЫЕ.

Романъ въ двухъ частяхъ.

ОТКРОВЕННЫЕ.

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ зимній день 187* года часы въ пріемной департамента медленно и внушительно пробивали одиннадцать ударовъ.

Молодой дежурный чиновникъ свѣтской выправки, остриженный подъ гребенку, то поглядывавшій украдкой на одну изъ просительницъ, хорошенькую, пикантную блондинку въ пенсне, то любовавшійся своими красивыми, выхоленными руками,— при первомъ ударѣ часовъ быстро поднялся съ кресла, обдернулъ бортъ вицмундира и вытянулся, чуть-чуть подрагивая выставленной впередъ ногой. И въ ту же минуту его беззаботное молодое румяное лицо добродушнаго шалопая сдѣлалось необыкновенно серьезнымъ, и во взглядѣ его карихъ, нѣсколько телячьихъ глазъ появилось выраженіе офиціальной озабоченности исправнаго чиновника.

Просители встрепенулись и встали съ креселъ. Въ солидной пріемной воцарилась мертвая тишина. Взоры всѣхъ обратились на высокую дубовую дверь, за которой былъ кабинетъ директора.

Съ послѣднимъ боемъ часовъ дверь безшумно отворилась, и—аккуратный, какъ хронометръ—въ пріемную вошелъ, слегка щуря свои небольшіе сѣрые глаза, его превосходительство Степанъ Ильичъ Павлищевъ.

Это былъ видный и представительный, недурной собою блондинъ съ шелковистою подстриженною бородкой и свѣтлыми небольшими усами. Свѣжій, гладкій, слегка благоухающій, онъ казался совсѣмъ молодымъ несмотря на свои сорокъ пять лѣтъ.

Безукоризненно сшитый, еще совсѣмъ новый вицмундиръ, на которомъ блестѣла звѣзда, необыкновенно ловко сидѣлъ на статной, высокой, слегка полноватой фигурѣ Павлищева. Стоячій воротникъ сорочки, подпиравшій розоватыя мясистыя щеки, и рукава съ крошечными запонками сіяли ослѣпительною бѣлизной. Все, начиная отъ галстука и кончая остроносыми суконными ботинками, свидѣтельствовало, что его превосходительство тщательно заботится о своемъ туалетѣ.

Несмотря на преувеличенную серьезность его умнаго и энергичнаго лица и на нѣкоторую юпитеровскую застланность взгляда, и въ физіономіи, и въ глазахъ, и во всемъ его существѣ чувствовалось радостное довольство человѣка, переживающаго медовый мѣсяцъ своего новаго положенія и котораго еще тѣшитъ и престижъ власти и игра въ начальники. Онъ весь словно внутренно сіялъ, хотя и старался казаться невозмутимо-серьезнымъ авгуромъ.

Павлищевъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и, слегка наклоняя на-бокъ свою бѣлокурую голову, какъ бы готовый слушать, уставилъ глаза на ближайшаго просителя. Онъ сразу узналъ этого высокаго рыжаго пожилого господина, въ потертомъ фракѣ и съ потертымъ непріятнымъ лицомъ, на которомъ стояло заискивающее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наглое выраженіе безшабашнаго малаго, прошедшаго огонь и воду. Особенно были наглы глаза — большіе, блестящіе черные глаза, глядѣвшіе изъ глубокихъ темныхъ глазницъ въ упоръ на Павлищева.

Павлищевъ не подалъ вида, что узнаётъ просителя.

— Коллежскій ассесоръ Бугаевъ, ваше превосходительство!—громко отчеканилъ «потертый фракъ».—Имѣлъ счастье, десять лѣтъ тому назадъ, служить съ вашимъ превосходительствомъ!—прибавилъ онъ, произнося этотъ титулъ громко и звучно, съ какимъ-то, казалось, особеннымъ удовольствіемъ, и его голосъ при этомъ вибрировалъ восторженно и нѣжно.

Это безтактное напоминаніе о томъ, сравнительно недавнемъ времени, когда Павлищевъ, безызвѣстный, незначительный чиновникъ, служилъ вмѣстѣ съ господиномъ Бугаевымъ въ одномъ захолустномъ городкѣ и, случалось, даже «перехватывалъ» у своего сослуживца «до двадцатаго», — повидимому, не доставило его превосходительству ни малѣйшаго удовольствія, тѣмъ болѣе, что внезапно вызвало въ его памяти и кое-какія «ошибки молодости», которыя его превосходительство хотѣлъ бы забыть навсегда.

— Какъ же, помню, помню... Чѣмъ могу служить вамъ?— проговорилъ Павлищевъ вѣжливо-сухимъ офиціальнымъ то-

номъ, не допускающимъ никакихъ дальнѣйшихъ воспоминаній.

Бугаевъ какъ будто даже удивился. Въ самомъ дѣлѣ, странный вопросъ! Казалось, было такъ очевидно, чѣмъ могъ служить его превосходительство человѣку, явившемуся во фракѣ, да еще значительно потертомъ, съ крестомъ на шеѣ, повязанной плохонькимъ галстукомъ поверхъ не особенно ослѣпительнаго воротничка и съ докладной запиской въ рукѣ?

И господинъ Бугаевъ произнесъ не безъ нѣкоторой веселой развязности:

— Хотѣлъ бы имѣть занятія подъ просвѣщеннымъ начальствомъ вашего превосходительства!

Красивое и просвѣщенное лицо его превосходительства сдѣлалось совсѣмъ серьезнымъ.

— У меня нѣтъ никакой вакансіи,—медленно проговорилъ онъ, отчеканивая каждое слово, какъ бы для большей убѣдительности, что вакансій нѣтъ.

Но господинъ Бугаевъ, казалось, не убѣдился и, нисколько не смутившись, продолжалъ:

— Я, ваше превосходительство, прошусь не сюда, не въ Петербургъ... Я готовъ служить и въ провинціи... И тамъ, смѣю думать, нужны люди... Лишившись мѣста, я нахожусь можно сказать, въ самомъ критическомъ положеніи...

— Вы гдѣ служили?

— Исправникомъ, ваше превосходительство.

— Отчего же вы оставили это мѣсто?

— Изъ-за патріотическаго образа мыслей, ваше превосходительство!—не безъ паѳоса воскликнулъ Бугаевъ и горько усмѣхнулся. — Я старался исполнять свою высокую, смѣю думать, миссію вполнѣ согласно съ духомъ закона. Я хотѣлъ быть дѣйствительно авторитетнымъ и властнымъ лицомъ среди ввѣренныхъ моему охраненію крестьянъ, но это, разумѣется, не понравилось многимъ неблагонамѣреннымъ людямъ. Къ сожалѣнію, вліяніе этихъ людей не осталось безъ воздѣйствія и на господина начальника губерніи. Меня обвинили въ превышеніи власти и предложили подать въ отставку! Все это подробно изложено въ докладной запискѣ, ваше превосходительство!

И съ этими словами Бугаевъ протянулъ записку, продолжая смотрѣть въ упоръ на его превосходительство.

Этотъ почтительно-наглый взглядъ нѣсколько смущалъ Павлищева.

«Того и гляди, эта каналья позволитъ себѣ какую-нибудь фамильярность, скажетъ что-нибудь о прежнихъ ихъ отно-

шеніяхъ... Отъ этого нахала можно всего ожидать!»—промелькнуло въ головѣ у Павлищева.

И, чтобъ отдѣлаться отъ этого назойливаго просителя, онъ проговорилъ, принимая записку:

— Хорошо-съ. Я буду имѣть васъ въ виду. Потрудитесь записать господина Бугаева въ списокъ кандидатовъ!—прибавилъ Павлищевъ, слегка поворачивая голову къ стоявшему сзади дежурному чиновнику и отступая отъ просителя.

— Кандидатомъ? — протянулъ Бугаевъ иронически. — О, ваше превосходительство, я въ двухъ министерствахъ записанъ кандидатомъ и числюсь въ такомъ званіи третій годъ... Осмѣлюсь доложить, мое положеніе не позволяетъ мнѣ утѣшаться кандидатурой, ваше превосходительство. Не имѣя никакой протекціи, я рѣшился именно обратиться къ вашему превосходительству, полагая, что вы не изволили забыть бывшаго сослуживца и знаете меня, какъ добросовѣстнаго работника...

— Но я ровно ничего не могу сдѣлать,—нетерпѣливо перебилъ Павлищевъ.

— Вы, ваше превосходительство?.. Одно ваше слово...

И, понижая голосъ почти до шопота, Бугаевъ прибавилъ:

— Марья Евграфовна проситъ... Она знаетъ мое отчаянное положеніе съ женой и дѣтьми... Если угодно, она явится сама просить за меня, ваше превосходительство!

При этомъ имени Павлищевъ слегка смутился. Но смущеніе его продолжалось мгновеніе. Онъ овладѣлъ собою и рѣзко проговорилъ:

— Кто бы ни просилъ за васъ, все равно. Я не имѣю права обходить другихъ кандидатовъ. У меня строго соблюдается очередь! — подчеркнулъ онъ нарочно громко, чтобы слышали всѣ, и отошелъ къ слѣдующему просителю.

Бугаевъ пожалъ плечами и, мрачный, вышелъ изъ пріемной.

Съ остальными просителями дѣло пошло гораздо скорѣй и безъ всякихъ непріятныхъ воспоминаній. Его превосходительство ясно, коротко и толково давалъ нужныя объясненія, обѣщалъ, отказывалъ, просилъ повременить, давалъ слово прочесть записку, видимо щеголяя своимъ мастерствомъ говорить съ дѣловитой краткостью и схватывать самую суть дѣла.

Только хорошенькая блондинка, съ пенсне на задорно приподнятомъ носикѣ, никакъ не могла или, быть-можетъ, не хотѣла понять, что сестра, за которую она хлопотала, не имѣетъ права на пенсію, и послѣ объясненій Павлищева, самыхъ, казалось бы, убѣдительныхъ, снова повторила съ ви-

домъ непонимающаго ребенка, даря Павлищева самой очаровательной улыбкой:

— Но ужъ вы устройте, ваше превосходительство. Если вы захотите, все возможно...

— Законъ, сударыня... Я рѣшительно не могу... Супругъ вашей сестры прослужилъ всего 12 лѣтъ!..

— Но войдите въ ея положеніе... Сестра осталась безъ всякихъ средствъ... дѣти... Мужъ ея умеръ внезапно... ударъ... Онъ отлично шелъ по службѣ... Ахъ, если-бъ вы были такъ добры и захотѣли сдѣлать истинно-христіанское дѣло...

— При всемъ желаніи, я все-таки ничего не могъ бы сдѣлать, повѣрьте,—возразилъ Павлищевъ, не безъ тайнаго удовольствія любуясь пикантнымъ личикомъ молодой женщины.— Я имѣлъ честь уже нѣсколько разъ докладывать вамъ, что законъ...

«Однако премиленькая бабенка!»—подумалъ его превосходительство, и серьезный взглядъ его скользнулъ по ея открытой шеѣ и роскошному бюсту.

Вѣроятно, блондинка замѣтила этотъ взглядъ, подавшій ей новую надежду выхлопотать для сестры пенсію, и, вмѣсто того, чтобы уйти, она снова-защебетала:

— Но мадамъ Анисьевой дали пенсію, хотя мужъ ея прослужилъ всего десять лѣтъ. Отчего же не дать моей сестрѣ?— прибавила она и сдѣлала обиженную мину, которая тоже очень шла къ ней и могла, по ея мнѣнію, разжалобить его превосходительство.

Она очень хорошо знала,—эта маленькая хорошенькая женщина, хлопотавшая за приличный гонораръ въ пріемныхъ за разныхъ миѳическихъ сестеръ и братьевъ,—что самые неподкупные и суровые администраторы за сорокъ лѣтъ дѣлаются сердобольны при видѣ хорошенькихъ просительницъ, да еще, вдобавокъ, съ такимъ роскошнымъ станомъ, какимъ обладала она.

— Я не освѣдомленъ, сударыня, на какомъ основаніи дали пенсію госпожѣ Анисьевой, но смѣю васъ увѣрить, что о подобной просьбѣ я не могу доложить... Просите самого министра... Вамъ что угодно?—обратился его превосходительство къ послѣднему просителю, пожилому человѣку съ вихрастой шевелюрой посѣдѣвшихъ волосъ, все время стоявшему въ мечтательной задумчивости и, казалось, не обращавшему ни на что своего вниманія.

Не первой свѣжести фракъ и бѣлье, плохо вычищенные сапоги, небрежно повязанный галстукъ, блѣдное, изборожденное морщинами, когда-то красивое лицо, опушенное громад-

ною, черною съ просѣдью бородой, закрывавшею почти всю грудь, глубоко сидящіе глаза, упорные и сосредоточенные, высокій благородный лобъ и выраженіе какой-то спокойной и даже нѣсколько надменной увѣренности въ умной физіономіи и въ глазахъ,—все отличало этого просителя отъ остальныхъ, бывшихъ въ пріемной.

Вмѣсто отвѣта, этотъ господинъ подалъ его превосходительству объемистую тетрадь.

— Это что̀ такое?

— Описаніе моего изобрѣтенія, ваше превосходительство... Хочется думать, что вы прочтете и убѣдитесь въ огромномъ его значеніи... Вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ я хлопочу, хожу по пріемнымъ и... и получаю отказы... Я убѣжденъ, что никто и не читалъ этой записки... Узнавъ изъ газетъ, что вы назначены на столь важный постъ, я рѣшилъ обратиться къ вамъ за содѣйствіемъ... Прочтите и вы увидите, безумецъ ли я, какъ находятъ господа чиновники, или предлагаю Россіи десять милліоновъ ежегоднаго сбереженія...

— Хоть это и не по моему департаменту, но я непремѣнно прочту,—проговорилъ Павлищевъ, принимая объемистую записку и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ взглядывая на просителя и какъ бы соображая: сумасшедшій онъ или нѣтъ...

— Искренно вамъ благодаренъ,—съ чувствомъ произнесъ старикъ:—но предварительно позвольте вамъ вкратцѣ изложить принципы моего изобрѣтенія...

Павлищевъ позволилъ, и краткое изложеніе заняло цѣлыхъ пятнадцать минутъ убѣжденнаго и оживленнаго изложенія и грозило еще продолжаться, если бы Павлищевъ не остановилъ изобрѣтателя.

— Извините, мнѣ некогда... Я непремѣнно прочту вашу записку... Идея ваша мнѣ нравится... Приходите черезъ мѣсяцъ...

Обрадованный изобрѣтатель еще разъ поблагодарилъ его превосходительство и ушелъ, счастливый, съ загорѣвшимися глазами, почти увѣренный, что теперь дѣло его въ шляпѣ.

Его превосходительство направился въ свой кабинетъ. У дверей онъ остановился и спросилъ у дежурнаго чиновника:

— Какъ фамилія этой просительницы, которая хлопочетъ о пенсіи своей сестры?

— Рогальская, ваше превосходительство! Анна Аполлоновна Рогальская...

— Назойливая дама! — промолвилъ недовольнымъ тономъ Павлищевъ и скрылся въ дверяхъ кабинета.

II.

Представительный курьеръ Сидоренко — почтенный сѣдовласый старикъ изъ отставныхъ вахмистровъ, съ золотой медалью на шеѣ, бодрый и крѣпкій, съ благообразнымъ, солиднымъ и серьезно-внушительнымъ лицомъ—безшумно вошелъ, вслѣдъ за звонкомъ, въ кабинетъ и вытянулся въ струнку.

— Переодѣться!

Старикъ досталъ изъ шкапа темную жакетку и, принявъ вицмундиръ и владимірскій крестъ, снятый съ шеи, помогъ его превосходительству принять неофиціальный и даже нѣсколько легкомысленный видъ обыкновеннаго смертнаго.

Этотъ курьеръ, перемѣнившій на своемъ вѣку немало директоровъ, а съ ними вмѣстѣ и немало взглядовъ на внутреннюю политику, остававшійся при разныхъ перемѣнахъ несмѣняемымъ, сумѣвшій скопить на своемъ скромномъ посту изрядный капиталецъ, ссужая за небольшіе «проценты» господъ чиновниковъ,—этотъ философъ сразу замѣтилъ, что «новый генералъ» не въ духѣ. По наблюденіямъ стараго курьера, генералъ, послѣ своихъ первыхъ четырехъ пріемовъ, со времени назначенія въ должность, возвращаясь въ кабинетъ, имѣлъ всегда веселый и даже игривый видъ, точно именинникъ, что̀ Сидоренко, какъ тонкій наблюдатель, объяснялъ себѣ тѣмъ, что генералу «лестно» принимать просителей въ новомъ званіи. Эта «лестность» казалась ему тѣмъ болѣе понятной, что «новый генералъ» былъ опредѣленъ прямо «съ вѣтра», изъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ при министрѣ, не пройдя обычныхъ іерархическихъ ступеней и попавъ, такъ сказать, прямо въ рай, не побывавъ въ чистилищѣ. И, надо сказать правду, назначеніе Павлищева едва ли не поразило старика-курьера болѣе, чѣмъ господъ чиновниковъ департамента. Консерваторъ по убѣжденіямъ и привыкшій, чтобы все дѣлалось «по порядку», старый курьеръ отнесся къ «новому генералу» сперва недоброжелательно и какъ бы обиженно за нарушеніе «принципа». Но—оппортюнистъ по натурѣ—Сидоренко, убѣдившись, что «новый генералъ» ничего противъ него не имѣетъ, самъ черезъ недѣлю противъ генерала ничего не имѣлъ и даже втолковывалъ одному своему пріятелю, что умныхъ генераловъ велѣно назначать со стороны или выписывать изъ провинціи, такъ какъ столичные пріѣлись.

Курьеръ не ошибся. Павлищевъ дѣйствительно имѣлъ недовольный, раздраженный видъ. Оставшись одинъ, онъ, вмѣсто того, чтобы присѣсть къ столу, быстрыми шагами заходилъ по кабинету, подергивая однимъ плечомъ и хмуря брови.

Это была обширная, высокая и свѣтлая комната въ четыре окна, съ огромнымъ письменнымъ столомъ посрединѣ, на которомъ лежало множество бумагъ, печатныхъ записокъ и брошюръ. Солидная мебель была обита чернымъ сафьяномъ. Шкапъ съ книгами стоялъ у одной стѣны, а на другихъ висѣли карты и разныя таблицы. Въ углу былъ телефонный аппаратъ.

Здѣсь, въ этомъ кабинетѣ, одушевляемый честолюбивыми мечтами, Павлищевъ работалъ съ ретивостью человѣка, недавно назначеннаго на видный постъ, открывающій дальнѣйшія перспективы. Онъ здѣсь принималъ доклады, поражая докладчиковъ необыкновенной памятью, диктовалъ конспекты записокъ, набрасывалъ представленія въ Государственный Совѣтъ, принималъ посѣтителей по дѣламъ, бесѣдовалъ съ начальниками отдѣленій, подписывалъ бумаги и, проработавши до шести часовъ, туго набивалъ бумагами свой портфель, который курьеръ отвозилъ домой, и дома, случалось, просиживалъ за бумагами до утра.

Павлищевъ недаромъ пользовался репутаціей талантливаго и неустаннаго работника.

Работая самъ, какъ волъ, онъ заставлялъ работать и подчиненныхъ, и вскорѣ послѣ его назначенія въ департаментѣ кипѣла оживленная работа. Чиновники приходили въ 10 часовъ утра и нерѣдко сидѣли до шести. Новый директоръ «подтянулъ» департаментъ. Всѣ чувствовали, что съ нимъ шутить нельзя, а надо было работать или уходить вонъ. Всѣ знали, что Павлищевъ имѣетъ вліяніе на министра, и боялись его. Въ чиновничьемъ мірѣ въ немъ видѣли восходящую звѣзду и изъ зависти называли его выскочкой и человѣкомъ, у котораго ni foi ni loi и, вдобавокъ, весьма подозрительное прошедшее. Съ какимъ апломбомъ говоритъ онъ, что отдалъ дань «молодой дури», и нисколько не скрываетъ этого. И какая въ немъ самоувѣренность и даже наглость!

Его превосходительство наконецъ присѣлъ къ столу и принялся-было за бумаги, но работа видимо не шла, и въ головѣ его снова проносилось то далекое прошлое, о которомъ напомнилъ ему этотъ наглецъ Бугаевъ, упомянувъ имя женщины, давнымъ-давно забытой...

А между тѣмъ это имя, соединенное съ воспоминаніемъ объ одной изъ очень печальныхъ «ошибокъ молодости», нарушило его жизнерадостное веселое настроеніе и даже смущало его, человѣка, казалось, не особенно легко смущавшагося.

«Къ чему она здѣсь? Зачѣмъ пріѣхала? И какая цѣль была у Бугаева говорить о ней?»

Такіе вопросы задавалъ себѣ Павлищевъ и раздумывалъ, можетъ ли эта женщина повредить его репутаціи подъ вліяніемъ такого мерзавца, какъ этотъ Бугаевъ, готоваго, повидимому, на шантажъ...

Павлищевъ презрительно усмѣхнулся. Разумѣется, такіе пустяки не могутъ серьезно повредить ему. Мы, слава Богу, живемъ не гдѣ-нибудь въ Англіи или во Франціи, гдѣ частная жизнь общественныхъ дѣятелей является предметомъ газетныхъ толковъ. И наконецъ онъ слишкомъ хорошо зналъ, что прошедшее, и иногда даже очень двусмысленное и всѣмъ извѣстное, не мѣшаетъ нѣкоторымъ дѣятелямъ спокойно наслаждаться благами положенія и пользоваться общимъ почтеніемъ. Тѣмъ не менѣе Павлищевъ все-таки пожалѣлъ, что у него была эта «ошибка молодости»... Лучше, если-бъ ея не было!

И онъ невольно припомнилъ это прошлое, которое казалось теперь такимъ далекимъ, особенно при теперешнемъ его положеніи, припомнилъ этотъ маленькій городокъ, гдѣ онъ служилъ, припомнилъ эту простенькую, добрую Марью Евграфовну, молоденькую акушерку, которая влюбилась въ него и сошлась съ нимъ, не требуя ничего, кромѣ взаимности... И эта связь продолжалась три года, были дѣти... Онъ даже подумывалъ о томъ, не жениться ли ему, какъ вдругъ судьба внезапно ему улыбнулась, и онъ уѣхалъ въ Петербургъ и скоро забылъ и о Марьѣ Евграфовнѣ и о дѣтяхъ. Сперва еще посылалъ рублей по двадцати пяти, а затѣмъ и посылать пересталъ и прервалъ всякую переписку...

И вотъ теперь, когда ужъ онъ совсѣмъ забылъ объ этой «ошибкѣ молодости», какъ забылъ и о нѣкоторыхъ другихъ, она снова напоминаетъ о себѣ и даже тихо и деликатно нашептываетъ на ухо его превосходительству, что онъ поступилъ не совсѣмъ корректно, бросивъ на произволъ судьбы бѣдную женщину съ двумя дѣтьми, и вызываетъ въ немъ сложное чувство раздраженія, испуга и стыда.

Со свойственною ему быстротой, онъ обдумалъ это непріятное дѣло и рѣшилъ: немедленно же узнать адресъ этой женщины, повидаться съ нею и деликатно предложить ей нѣкоторую сумму и свою помощь устроить ее, разумѣется, гдѣ-нибудь въ провинціи. Такимъ образомъ онъ поправитъ свою «ошибку» и предотвратитъ «скандалъ», если-бъ онъ и грозилъ ему. Наконецъ можно будетъ и этому канальѣ Бугаеву дать какое-нибудь мѣсто. Чортъ съ нимъ!

Принявъ такое рѣшеніе, его превосходительство нѣсколько успокоился и принялся за работу.

Говорятъ, что въ жизни каждаго человѣка бываетъ случай счастья, которымъ только надо умѣть воспользоваться. Такой случай выпалъ и на долю Павлищева въ то время, когда онъ тянулъ свою скромную служебную лямку, чувствуя неудовлетворенность и даже нѣкоторую озлобленность человѣка, принужденнаго зарывать въ землю свои таланты и влачить безвѣстное существованіе въ маленькомъ городкѣ, безъ надежды сдѣлать какую-либо серьезную карьеру. А честолюбивый червякъ жилъ въ немъ и не давалъ ему покоя. Онъ видѣлъ, какое ничтожество, благодаря связямъ и протекціи, иногда дѣлаетъ карьеру, выдвигается, а для него, сознающаго свои способности, будущее казалось сѣренькимъ и безцвѣтнымъ. Ему ужъ около тридцати пяти лѣтъ, а онъ всего лишь незначительный чиновникъ, хотя и окончилъ блестяще курсъ по двумъ факультетамъ. Ужъ онъ - было серьезно подумывалъ бросить службу и пріискать занятія гдѣ-нибудь въ частномъ банкѣ или по желѣзной дорогѣ съ хорошимъ содержаніемъ, какъ неожиданная встрѣча и знакомство съ однимъ петербургскимъ сановникомъ, пріѣхавшимъ отдохнуть на мѣсяцъ въ свое имѣніе, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ того города, гдѣ служилъ Павлищевъ, измѣнила его судьбу. Сановнику, озабоченному, что нѣтъ «людей», и искавшему «свѣжихъ силъ», очень понравился этотъ умный, энергичный, обладавшій большимъ тактомъ, красивый молодой человѣкъ, который съ такимъ вниманіемъ слушалъ, схватывая, казалось, мысли налету, о томъ, какъ возможно осчастливить Россію, и такъ тонко умѣлъ польстить ему, выражая свое восхищеніе идеямъ, которыя втайнѣ считалъ болтовней доктринера, бумажнаго человѣка, незнакомаго съ жизнью. Павлищеву было милостиво предложено мѣсто, и Павлищевъ, разумѣется, съ радостью согласился и скоро уѣхалъ въ Петербургъ.

Тамъ онъ блистательно воспользовался случаемъ и въ короткое время пріобрѣлъ совершенно заслуженно репутацію дѣльнаго и талантливаго человѣка. Онъ работалъ, писалъ записки, составлялъ проекты, исполнялъ разныя порученія и всегда дѣльно и толково, и когда, вмѣсто сановника, не успѣвшаго осчастливить Россію, назначили въ тѣ далекія времена другого, который рѣшительно обѣщалъ это сдѣлать и даже въ самое короткое время, Павлищевъ, какъ дорогой кладъ, какъ незамѣнимый человѣкъ à tout faire, былъ рекомендованъ новому своему начальству. Дѣловитый, способный и умѣвшій понимать людей, онъ съ прежнею ретивостью сталъ проводить новую программу облагодѣтельствованія родины и съ тою же талантливостью писать проекты и записки, сдѣ-

лавшись близкимъ человѣкомъ новаго патрона и постепенно забывая стараго, сданнаго въ архивъ. Дѣятельность его онъ теперь ужъ находилъ возможнымъ порицать съ снисходительной, впрочемъ, оговоркой, что «старикъ» былъ слишкомъ бумажный человѣкъ, хотя несомнѣнно искренній и благонамѣренный.

Карьера улыбалась Павлищеву, и онъ работалъ, не зная устали. Его новый патронъ, энергичный и умный человѣкъ, самъ неустанный работникъ, умѣлъ цѣнить работу другихъ, и награды сыпались, какъ изъ рога изобилія, на этого «новаго человѣка» и enfant cheri, возбуждая завистливые и злостные толки.

— C'est un vrai prokwost!—говорили про Павлищева свѣтскіе чиновники, не переваривавшіе его быстрыхъ успѣховъ.— Онъ несомнѣнно уменъ и талантливъ, но первый же продастъ своего новаго патрона, какъ продалъ стараго!

Нечего и прибавлять, что такіе отзывы диктовала зависть, и, конечно, подобная репутація врядъ ли имѣла основаніе. Павлищевъ просто былъ «человѣкомъ жизни», какъ онъ себя называлъ, добивающимся своимъ горбомъ того, чего другіе добиваются связями и родствомъ.

Онъ зналъ всѣ эти толки и зналъ всю эту злобу обиженныхъ маменькиныхъ сынковъ и карьеристовъ по праву рожденія. Зналъ и не обращалъ никакого вниманія, и даже не старался какъ-нибудь задобрить ихъ. Напротивъ, всѣ очень хорошо знали, что Павлищевъ всѣми силами старался у министра, чтобы отличали только хорошихъ работниковъ, а не разныхъ протеже. И потому въ свѣтѣ всѣ эти маменьки и бабушки, всѣ эти дяди и папеньки, желающіе пристроить своихъ присныхъ, терпѣть не могли и министра и его любимца.

Мало ли что говорятъ про людей на виду? Пусть говорятъ. Да наконецъ Павлищевъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы понимать, что крупные успѣхи въ жизни очень рѣдко достигаются безъ шиповъ и однѣми добродѣтелями, къ тому же и не всегда имѣющими цѣнность на житейскомъ рынкѣ. Эти прямые, правдивые, убѣжденные герои-чиновники, говорящіе начальству тирады à la маркизъ Поза, могутъ являться только въ очень плохихъ романахъ, а въ дѣйствительности, если-бъ и нашелся «человѣкъ 20-го числа», рискнувшій на роль маркиза Позы, то такого Позу при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ уволили бы по третьему пункту. Онъ понималъ условія, въ которыхъ приходилось дѣйствовать, и, снѣдаемый честолюбіемъ, сознававшій свои способности, готовъ

былъ отдавать ихъ на что попало, увѣренный, что и онъ когда-нибудь «осчастливитъ Россію» и покажетъ, какъ это можно сдѣлать.

И онъ, давнымъ-давно бросившій «дурь молодости», ставшій «человѣкомъ жизни», поневолѣ приспособлялся къ духу времени, чтобы успѣвать, и успѣвалъ по мѣрѣ того, какъ приспособлялся.

Далеко не религіозный человѣкъ, онъ находилъ нужнымъ посѣщать каждое воскресенье обѣдни и истово креститься на улицахъ, проѣзжая на своемъ рысакѣ мимо церквей—это давало извѣстный cachet. Онъ громко говорилъ,—и, казалось, съ убѣжденіемъ,—что Россія самобытна и нисколько не похожа на Европу, и потому все, рѣшительно все, должно быть въ ней самобытно. Когда-то самъ пописывавшій въ газетахъ и большой поклонникъ литературы, онъ, со времени возвышенія своей счастливой звѣзды, сталъ говорить, что печать распущена, и что «невѣжественные журналисты» приносятъ вредъ, толкуя о мѣропріятіяхъ, блага которыхъ не понимаютъ.

Напрасно только его превосходительство нападалъ на печать. Неблагодарный! Когда его назначили въ 187* году директоромъ департамента, многія газеты, воспользовавшись правомъ свободнаго обсужденія, привѣтствовали его восторженными диѳирамбами.

И вотъ такому счастливцу, цвѣтущему, бодрому и здоровому, это зимнее солнечное утро напомнило о давно прошедшемъ времени и объ «ошибкѣ молодости». Казалось, принявъ рѣшеніе, его превосходительство успокоился. По крайней мѣрѣ онъ весь этотъ день работалъ съ обычной быстротой, принималъ доклады, былъ на засѣданіи одной комиссіи и говорилъ съ извѣстнымъ своимъ мастерствомъ. Но, вернувшись, послѣ поздняго обѣда у Донона, въ свою уютную холостую квартиру, онъ снова въ раздумьѣ заходилъ по кабинету и долго не принимался за дѣла.

Только передъ отходомъ ко сну онъ написалъ на клочкѣ бумажки своимъ четкимъ крупнымъ почеркомъ: «Дочь купца третьей гильдіи, Марья Евграфовна Борщова» и, отдавая клочокъ камердинеру, приказалъ ему завтра же пораньше справиться въ адресномъ столѣ, гдѣ живетъ эта особа.

— Завтра же покончу все это!—прошепталъ уже въ постели Павлищевъ раздраженнымъ тономъ, чувствуя, что боится свиданья съ этой кроткой и простоватой Марьей Евграфовной.

III.

Господинъ Бугаевъ возвращался изъ департамента въ озлобленномъ настроеніи человѣка, горько обманувшагося въ сво-

ихъ ожиданіяхъ. Онъ очень надѣялся, что Павлищевъ дастъ мѣсто своему бывшему сослуживцу и знакомому, вдобавокъ еще потерпѣвшему изъ-за «патріотическаго образа мыслей», что̀ Бугаевъ,—какъ человѣкъ нѣсколько увлекающійся и ужъ черезчуръ исключительно понимавшій патріотизмъ и духъ времени,—считалъ большимъ козыремъ въ своихъ рукахъ, дающимъ ему значительныя преимущества передъ другими искателями мѣстъ. Сколько онъ ходилъ по разнымъ пріемнымъ и сколько разъ говорилъ онъ съ благородною откровенностью пострадавшей жертвы о своемъ положеніи—и вездѣ одно обѣщаніе «имѣть въ виду», вездѣ какое-то безучастное отношеніе, несмотря даже на то, что о немъ, какъ о «невинно-пострадавшемъ», писалось даже въ одной газетѣ года два тому назадъ.

И Павлищевъ отказалъ, хотя онъ, въ виду послѣдняго внушительнаго аргумента, и упомянулъ о Марьѣ Евграфовнѣ. И, вдобавокъ, узнавать не хотѣлъ. Руки даже не подалъ. Забылъ, какъ прежде занималъ деньги. «Зазнался, скотина этакая!»—мысленно обругалъ Павлищева Бугаевъ, полный злобы за его безсердечный отказъ и высокомѣрный пріемъ. О, какъ онъ ненавидитъ и Павлищева и всѣхъ этихъ господъ, располагающихъ мѣстами, которые являются виновниками его ужаснаго положенія. Чѣмъ онъ хуже другихъ? Отчего ему именно нѣтъ мѣста?.. Не онъ ли старался, изо всѣхъ силъ лѣзъ, чтобы отличиться энергіей и распорядительностью и показать, что и онъ на своемъ маленькомъ полѣ дѣйствій дѣйствительно «сильная власть», какъ, казалось ему, и требовалось по духу времени, проповѣдывалось благонамѣренными органами печати. И отчего же другіе выдвинулись именно за то, что дѣйствовали въ такомъ направленіи, а онъ, дѣлавшій то же самое въ другой губерніи, уволенъ въ отставку!? Гдѣ логика!? Гдѣ справедливость!?

Разсуждая такимъ образомъ, Бугаевъ проклиналъ судьбу и людей и съ какой-то злобной ненавистью затравленнаго волка посматривалъ на хорошо одѣтыхъ чиновниковъ съ портфелями въ рукахъ, торопившихся въ свои департаменты.

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе Бугаева было не изъ пріятныхъ. Онъ съ женой и двумя дѣтьми, которыхъ страстно любилъ, доживалъ послѣдніе остатки тѣхъ небольшихъ деньжонокъ, которыя предусмотрительно нажилъ на послѣднемъ своемъ мѣстѣ. Еще одинъ мѣсяцъ—и тамъ хоть иди по міру!

«Нѣтъ! Вы такъ не отдѣлаетесь отъ Евлампія Бугаева, ваше превосходительство! Не от-дѣ-ла-е-тесь!.. Только убѣдить бы эту дуру Марью Евграфовну, и я вамъ приподнесу сюрпризецъ, какого вы не ожидаете!»

Такъ мысленно грозилъ Евлампій Бугаевъ и, занятый мыслями о «сюрпризцѣ», продолжалъ свой путь, ежась и вздрагивая на морозѣ въ своемъ потертомъ и мало грѣвшемъ пальто. И медвѣжья шуба и шинель съ бобромъ—остатки прежняго благополучія—были давно заложены.

Обыкновенно въ первомъ часу Бугаевъ заходилъ къ Доминику и тамъ проводилъ цѣлые дни, играя на бильярдѣ. Превосходный игрокъ, онъ, случалось, приносилъ домой рублей пять-десять, если отыскивалъ пижона, но въ послѣднее время заработокъ его былъ плохъ: съ нимъ не играли — а если и играли, то брали много впередъ, партія уравнивалась. и выигрышъ не всегда былъ вѣрный.

Но сегодня Бугаевъ торопился прямо домой. И чѣмъ ближе подходилъ онъ къ «дому», тѣмъ печальнѣе и безнадежнѣе было его помятое, непріятное лицо съ длиннымъ носомъ, обросшее большой рыжей бородой. Наглое выраженіе исчезло, и большіе, сверкающіе черные глаза его засвѣтились мягче.

Онъ зашелъ въ лавку, купилъ дешеваго сыра и колбасы, взялъ въ булочной хлѣба и три сладкихъ пирожка и вошелъ въ подъѣздъ большого дома, занятаго меблированными комнатами.

— Что̀, братецъ, писемъ не было?—спросилъ онъ, принимая внушительный видъ, по обыкновенію, швейцара, бойкаго, плутоватаго и прожженаго малаго, вышедшаго изъ своей грязной конуры, гдѣ онъ помѣщался съ большимъ семействомъ.

— Не было, Евлампій Иванычъ.

— Гмм! Странно... Должно быть давно денежное.

— Идетъ-съ, видно,—не безъ скрытой ироніи промолвилъ швейцаръ.

— Ну, да теперь, если и опоздаетъ — не бѣда... Мѣсто, братецъ, наконецъ получаю.

— Получаете? Ну, слава Богу... Честь имѣю поздравить, Евлампій Ивановичъ. Давно ужъ вамъ пора... Слава Богу, сколько ждете!

— Нынче, братецъ, и по пяти лѣтъ ждутъ. Самъ знаешь. На одно мѣсто—сто кандидатовъ.—И, подавая швейцару гривенникъ, прибавилъ:—Вотъ тебѣ, Семенъ, за поздравленіе. Какъ получу приказъ, дамъ какъ слѣдуетъ... будешь доволенъ!

Швейцаръ поблагодарилъ и спросилъ:

— Здѣсь мѣсто, или въ провинціи, Евлампій Ивановичъ?

— Вѣроятно, въ провинціи... А барыня не выходила?

— Не должно быть... Да, Евлампій Ивановичъ, нынче насчетъ мѣстовъ очень трудно даже и нашему брату...

Бугаевъ, поддерживавшій со швейцаромъ добрыя отноше-

нія, кивнулъ утвердительно головой и поднялся въ третій этажъ. Отворивъ двери, онъ очутился въ темномъ коридорѣ, и его обдало прокислымъ, специфическимъ запахомъ петербургскихъ меблированныхъ квартиръ средней руки.

Въ этомъ коридорѣ Бугаевъ жилъ уже второй годъ и зналъ почти всѣхъ его обитателей. Это были по большей части такіе же алчущіе и жаждущіе, какъ и онъ самъ, пріѣхавшіе въ Петербургъ искать мѣстъ и счастья и, вмѣсто двухъ-трехъ мѣсяцевъ, застрявшіе надолго въ этомъ самомъ длинномъ коридорѣ, названномъ однимъ изъ неунывающихъ жильцовъ «коридоромъ сладкихъ надеждъ».

Кого тутъ только не было!

Здѣсь, въ самомъ концѣ, въ крошечной комнатѣ жилъ терпѣливо ожидавшій славы и милліоновъ старикъ-изобрѣтатель, котораго Бугаевъ сегодня видѣлъ у Павлищева, хотя и говорилъ еще наканунѣ старику, что Павлищевъ изобрѣтеній не касается и къ нему идти нечего. Тутъ же жила и худенькая старушка, которая хлопотала о возвращеніи ей имѣнія, будто бы неправильно отъ нея отобраннаго. Она по цѣлымъ днямъ писала прошенія, не знала, куда ужъ ихъ подавать, такъ какъ проиграла дѣло во всѣхъ инстанціяхъ и получила отказъ во всѣхъ мѣстахъ, куда только можно было жаловаться. Но это ее не останавливало, и она все писала, отрываясь только за тѣмъ, чтобы разсказать о своемъ дѣлѣ кому-нибудь изъ жильцовъ, недавно пріѣхавшихъ и еще не имѣвшихъ повода бѣгать отъ этой полусумасшедшей старухи, какъ отъ чумы... И бѣдняжка читала свое послѣднее прошеніе, въ которомъ она въ тысячный разъ призывала громы небесные на виновниковъ ея разоренія, на губернатора, на судъ, на министровъ, вполнѣ увѣренная, что она права, и что истина наконецъ восторжествуетъ, только нашелся бы человѣкъ, который взялся бы хлопотать. Она съ удовольствіемъ дала бы такому человѣку половину отнятаго у нея имѣнія... Тутъ же жила пожилая дама, пріѣхавшая, чтобы упечь куда-нибудь своего «подлеца-мужа» и всѣмъ разсказывающая о пакостяхъ «этого человѣка» съ такимъ увлеченіемъ и удовольствіемъ, что, казалось, если бы у нея вмѣсто «этого человѣка» былъ добропорядочный супругъ, то она была бы невыразимо несчастна. Она «упекала» мужа уже пятый мѣсяцъ и все-таки не могла никуда «упечь», и, находя, что законы на этотъ счетъ въ Россіи никуда не годятся, ходила съ жалобами по разнымъ пріемнымъ. Въ этомъ же коридорѣ жилъ молодой литераторъ, исписывавшій вороха бумаги и вотще ходившій по редакціямъ, и тутъ же оглушала своими руладами и трелями одна довольно видная еще пѣвица,

имѣвшая, конечно, громадный успѣхъ на трехъ провинціальныхъ сценахъ (если не вѣрите—вотъ вамъ вырѣзки изъ газетъ!) и не принятая по интригамъ на казенную сцену. Но она добьется наконецъ своего. Ее примутъ и... посмотрите, что̀ пишетъ харьковскій рецензентъ о томъ, какъ исполняла она Травіату... а вотъ вѣнки и адресы отъ почитателей... Тутъ же не жилъ, а проводилъ только ночи молодой и франтоватый человѣкъ восточнаго типа, неизвѣстно чѣмъ занимавшійся и неизвѣстно на что надѣявшійся. Даже и Евлампій Ивановичъ Бугаевъ, имѣвшій какую-то особенную способность вывѣдывать всю подноготную, и тотъ оставался въ недоумѣніи передъ соціальнымъ положеніемъ этого здороваго брюнета съ крѣпкими, сверкающими бѣлизной, зубами и крупными глазами съ поволокой, который возвращался поздно домой и рано уходилъ, всегда веселый, бодрый и здоровый и, судя по этому, не нуждающійся въ деньгахъ. Наконецъ Бугаевъ рѣшилъ, что этотъ брюнетъ, должно-быть, на содержаніи, и нѣсколько успокоился.

Отворивъ двери довольно большой комнаты, Бугаевъ былъ весело и шумно встрѣченъ двумя дѣтьми: мальчикомъ лѣтъ 12 и дѣвочкой лѣтъ 10, которые бросились ему навстрѣчу. Онъ крѣпко ихъ расцѣловалъ и, снявъ пальто, вошелъ въ комнату, гдѣ на диванѣ сидѣла за починкой бѣлья блѣдная и болѣзненная, худая и истомленная женщина съ большими сѣрыми глазами и съ какимъ-то безнадежно-покорнымъ выраженіемъ на своемъ довольно пріятномъ и миловидномъ лицѣ. При видѣ мужа она оставила работу и взглянула на него пристально и тревожно.

— Ну, что̀?—спросила она.

— Подлецъ!—угрюмо отвѣтилъ Бугаевъ.

Жена больше ничего не спросила и, опустивъ голову, снова принялась за работу.

— Да ты не сокрушайся, Варенька... Не отчаивайся! — заговорилъ Бугаевъ мягкимъ, заискивающимъ тономъ, съ нѣжностью взглядывая на эту худую, больную женщину въ черномъ старенькомъ платьѣ, въ рукѣ которой мелькала иголка. —Это не бѣда, что онъ съ перваго раза отказалъ! — продолжалъ Бугаевъ, присаживаясь у стола и развертывая пакетъ съ покупками. — Я еще разъ къ нему пойду... на квартиру... Вотъ, Варенька, я сыру и колбасы принесъ... Закуси. Ты сыръ любишь. Дѣтки! Идите завтракать! Идите, милыя!

Онъ былъ необыкновенно ласковъ и нѣженъ съ дѣтьми и,

видимо, нѣсколько трусилъ жены и какъ бы чувствовалъ себя передъ ней виноватымъ.

— Право, Варенька, не тревожься...

— Да развѣ я за себя?—кинула Варенька, и блѣдное ея лицо вспыхнуло румянцемъ.—Я скорблю за нихъ!—тихо прибавила она, кивнувъ головой на дѣтей. — Мнѣ что̀?.. Моя жизнь спѣта, а вотъ они... Цѣлыхъ два года ты безъ мѣста... И самъ виноватъ... Я тебя предупреждала...

Бугаевъ ничего не отвѣчалъ. Ахъ, если-бъ онъ ее послушалъ тогда!

— Ты знаешь, сколько у насъ денегъ?—снова заговорила она, одѣливъ дѣтей.

— Знаю, что немного.

— Тридцать рублей.

— Я денегъ достану... И мѣсто будетъ, ей-Богу, будетъ, черезъ того же Павлищева. Когда я намекнулъ этому скоту о Марьѣ Евграфовнѣ, онъ смутился... очень даже. Знаетъ кошка, чье мясо съѣла! Я ее уговорю... Она попроситъ за меня, и онъ не посмѣетъ отказать... Что-жъ ты не ѣшь, Варенька?.. Я для тебя сыръ купилъ... Не посмѣетъ... Онъ долженъ дать мнѣ мѣсто, а не то...

— Опять какую-нибудь гадость придумаешь?.. — брезгливо спросила молодая женщина.

— Ахъ, Варенька!.. Съ такими людьми всякія средства хороши...

— И ты думаешь испугать Павлищева?

— И испугаю. Повѣрь, что испугаю... Я знаю, чѣмъ его испугать! Только бы Марья Евграфовна меня послушалась. Дура! Не понимаетъ своего же счастья... Хотя бы ради сына взялась за умъ... Могла бы его обезпечить!.. Я вѣдь, собственно говоря, ничего дурного ей не предлагаю!—прибавилъ Бугаевъ, замѣтивъ на лицѣ жены презрительную гримасу.—Что̀, какъ ея Вася? лучше ему?

— Нѣтъ... У него жаръ. Докторъ былъ, говоритъ: сильная простуда...

— Знаешь ли что̀, Варенька?.. Поговори ты съ ней... Попроси ты ее написать обо мнѣ Павлищеву...

— Проси самъ, а я не стану!—холодно промолвила жена и какъ-то вся съежилась, точно ей вдругъ сдѣлалось холодно.

Въ это время за стѣной раздались выкрикиванія пѣвицы, имѣвшей успѣхъ на трехъ сценахъ. Она продѣлывала свои ежедневныя упражненія: тянула ноты. А затѣмъ предстояло еще прослушать сольфеджіо и уже затѣмъ нѣсколько арій.

Варенька, у которой и безъ того нервы были измотаны, проговорила со вздохомъ:

— О, Господи! И такъ каждый день!

— Хочешь, я попрошу ее перестать. Скажу, что ты больна?

— Не надо. Я разъ ее просила черезъ горничную. Она отвѣтила, что она должна заниматься, и, разумѣется, права... Какое ей дѣло до другихъ...

— Ну, такъ я пойду, Варенька, къ Марьѣ Евграфовнѣ... Попрошу ее...

Съ этими словами онъ вышелъ въ коридоръ, а молодая женщина нѣсколько времени сидѣла въ глубокой задумчивости, оставивъ работу. Наконецъ она взглянула на дѣтей, тихо игравшихъ въ отдаленіи, позвала ихъ и вдругъ съ какою-то порывистою страстностью прижала къ себѣ, и неудержимыя слезы лились изъ ея глазъ.

И бѣдная, измученная женщина думала въ это время свою старую безотрадную думу о томъ, что если бы не эти ненаглядныя ея крошки, то развѣ вынесла бы она всю эту каторгу и развѣ могла бы жить съ этимъ человѣкомъ, котораго она давно уже перестала любить и уважать.

Дѣти испуганно смотрѣли на мать, а за стѣной пѣвица выдѣлывала рулады.

IV.

Въ небольшой, чисто убранной, хорошо провѣтренной комнатѣ того же «коридора сладкихъ надеждъ», на мягкомъ низенькомъ креслѣ у кровати сидѣла Марья Евграфовна съ книгой въ рукахъ. Читала она, видимо, невнимательно, потому что поминутно поднимала глаза на спящаго хорошенькаго мальчика съ бѣлокурыми вьющимися волосами и тревожно, вся напряженная, прислушивалась къ его дыханію и прикладывала руку ко лбу и разгорѣвшимся щечкамъ ребенка.

Это была хорошенькая женщина, казавшаяся гораздо моложе своихъ тридцати лѣтъ, свѣжая, здоровая и крѣпкая, съ пышнымъ румянцемъ на щекахъ, хорошо сложенная, съ тонкой, гибкой таліей и съ роскошными темно-русыми волосами, гладко зачесанными назадъ и собранными въ видѣ коронки на темени. Было что-то необыкновенно милое, простое и располагающее въ чертахъ этого пригожаго, открытаго и серьезнаго лица и особенно въ этихъ большихъ темныхъ глазахъ, кроткихъ и вдумчивыхъ, съ большими пушистыми рѣсницами. Одѣта она была очень скромно, но опрятно и не безъ нѣкотораго изящества, свидѣтельствующаго о вкусѣ и привычкѣ не распускать себя. Поношенное черное шерстяное платье си-

дѣло на ней ловко, и вся она имѣла необыкновенно свѣжій и опрятный видъ — эта небольшого роста женщина, когда-то любившая Павлищева до безумія и немало перенесшая изъ-за него горя.

Въ самомъ дѣлѣ, тяжело было ей, молодой дѣвушкѣ, брошенной съ двумя дѣтьми на произволъ судьбы въ маленькомъ городкѣ на общее глумленіе и позорище. Надо было много выносливости, энергіи и силы материнскаго чувства, чтобъ не сойти съ ума или не пасть духомъ отъ отчаянія послѣ того, какъ человѣкъ, котораго она беззавѣтно любила, на котораго молилась, считая высшимъ существомъ, — поступилъ съ ней такъ безсердечно, такъ жестоко! Черезъ два-три мѣсяца послѣ разлуки онъ даже не отвѣчалъ на ея письма, въ которыхъ она просила не денегъ—о, нѣтъ,—а слова любви и утѣшенія. А она такъ ждала этого слова, бѣдная, только-что потерявшая одного ребенка, голодавшая, оставшаяся почти безъ практики и не знавшая, къ кому обратиться за помощью. Родители ея давно умерли; была въ Сибири тетка, и состоятельная, но Марья Евграфовна ея совсѣмъ не знала. Былъ у нея еще братъ-гимназистъ въ Москвѣ, но что могъ онъ для нея сдѣлать? Въ этотъ ужасный періодъ ея жизни какихъ только унизительныхъ предложеній ни дѣлалось ей! Одинъ купецъ предлагалъ взять ее на содержаніе, а одинъ помѣщикъ звалъ въ деревню къ нему въ экономки, но съ тѣмъ, чтобы она отдала своего сына въ воспитательный домъ. Сколько слезъ пролила она въ своей убогой комнаткѣ у старушки-мѣщанки, и сколько горькихъ думъ передумало это кроткое существо, такъ горько обиженное на зарѣ своей жизни и такъ поруганное за свою любовь и вѣру въ людей! Спасибо добрымъ людямъ, которые помогли ей въ ту пору уѣхать изъ маленькаго городка, гдѣ всѣ знали ея исторію. Въ числѣ этихъ людей былъ, между прочимъ, и Бугаевъ и, главное, его жена. Они снабдили Марью Евграфовну небольшою суммой, собранной тремя-четырьмя человѣками, и она переѣхала въ губернскій городъ.

Нѣсколько тяжелыхъ лѣтъ пережила она въ борьбѣ съ нуждой, испытывая всевозможныя лишенія, но честно и упорно выносила въ битвѣ жизни всѣ суровыя испытанія ради этого маленькаго Васи, которому она отдала свою жизнь, пугливо сторонясь всякой привязанности и считая себя не въ правѣ дѣлить свою любовь. А искушенія бывали! Только года черезъ три, когда она, при помощи одного почтеннаго врача, пріобрѣла практику и получила еще постоянное мѣсто въ больницѣ, Марья Евграфовна нѣсколько вздохнула отъ лишеній и

могла не только безъ ужаса думать о завтрашнемъ днѣ, но даже и откладывать кое-что, чтобъ имѣть возможность впослѣдствіи дать образованіе своему Васѣ. Имъ однимъ она только и жила. Имъ, что̀ называется, дышала. Для него, кажется, она старалась пополнить свое образованіе, читала въ свободное время и слушала лекціи одного изъ профессоровъ университета, читавшаго спеціальный курсъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ судьба ей улыбнулась. Марья Евграфовна совершенно неожиданно получила отъ сибирской тетки пять тысячъ наслѣдства и могла теперь на время оставить практику и уѣхать въ Петербургъ, чтобъ посовѣтоваться съ докторами о сынѣ. У него одинъ глазъ былъ полуприкрытъ вѣкомъ, и ей совѣтовали сдѣлать ему операцію. Съ этою цѣлью она и пріѣхала въ Петербургъ недѣлю тому назадъ и, встрѣтившись случайно на улицѣ съ Бугаевымъ, перебралась, по его совѣту, въ меблированныя комнаты, гдѣ жилъ и онъ. Бугаевъ былъ чрезвычайно радъ этой встрѣчѣ. Мысль эксплоатировать прежнія отношенія Павлищева къ Марьѣ Евграфовнѣ засѣла ему въ голову. Но съ первыхъ же словъ онъ убѣдился, что она такая «дvра», какихъ по нынѣшнимъ временамъ рѣдко встрѣтишь.

Давно уже она похоронила любовь, простила свою обиду и забыла, что̀ перенесла изъ-за Павлищева. Она не знала, гдѣ онъ, и не пыталась узнавать, никогда о немъ не слыхала, и только въ минуты раздумья о своей неудачной жизни и о томъ, что у сына нѣтъ отца, воспоминаніе о Павлищевѣ поднимало въ ея душѣ больное чувство. И вотъ теперь она узнаётъ, что Павлищевъ въ Петербургѣ, что онъ—важный и вліятельный человѣкъ.

«И Богъ съ нимъ!»—подумала Марья Евграфовна и была крайне изумлена, когда Бугаевъ сталъ-было намекать ей о возможности какого-то будущаго ея «счастья», если только она захочетъ воспользоваться случаемъ. Она даже, казалось, не понимала, какой можетъ быть «случай», и довольно рѣзко оборвала этотъ первый разговоръ Бугаева. «Ничего ей не надо отъ Павлищева. Она, слава Богу, ни въ комъ не нуждается!»—съ горделивымъ чувствомъ собственнаго достоинства прибавила Марья Евграфовна.

Но если ей ничего не надо было отъ Павлищева, тѣмъ не менѣе чисто-женское чувство не то любопытства, не то, быть-можетъ, воспоминанія о прежней любви къ этому человѣку, отцу ея ребенка, нѣсколько взволновало ее, снова напомнивъ прошлое. Ей втайнѣ хотѣлось подробнѣе узнать о немъ: женатъ ли, есть ли дѣти, постарѣлъ или попрежнему красивъ,

счастливъ ли онъ и вспоминаетъ ли когда-нибудь о ней. Да, Марьѣ Евграфовнѣ очень бы хотѣлось все это знать теперь, когда, казалось, она давно порѣшила, что Павлищевъ—безсердечный эгоистъ, и ей нѣтъ до него никакого дѣла. Но она, разумѣется, ничего не спросила, точно Павлищевъ для нея пересталъ существовать.

Потерпѣвъ неудачу, Бугаевъ, по обыкновенію, не смутился. Онъ только вытаращилъ на Марью Евграфовну глаза, словно бы удивляясь, что она осталась такой же «дурой», какой была и десять лѣтъ тому назадъ. Онъ все-таки не терялъ надежды воспользоваться ею. И теперь, послѣ отказа Павлищева дать ему мѣсто, въ его головѣ явился блестящій, по его мнѣнію, планъ, и притомъ самаго рѣшительнаго характера. Ничего нѣтъ легче, какъ привести его въ исполненіе. Небось, тогда его превосходительство запоетъ.

Тихонько постучавъ въ двери, Бугаевъ осторожно вошелъ въ комнату Марьи Евграфовны.

— Не помѣшаю я вамъ, дорогая Марья Евграфовна? — спросилъ онъ, пожимая руку подошедшей къ нему молодой женщины.—Надѣюсь, Васѣ лучше?

— Спитъ! — тихимъ голосомъ промолвила Марья Евграфовна. — Садитесь, Евлампій Ивановичъ, — прибавила она, указывая на кресло вдали отъ кровати и сама присаживаясь подлѣ.

— И отлично, что спитъ, — такимъ же тихимъ голосомъ говорилъ и Бугаевъ:—сномъ всякія болѣзни проходятъ. Коли спитъ, значитъ, силъ набирается. Надѣюсь, у Васи ничего опаснаго нѣтъ?

— Докторъ говоритъ, что ничего опаснаго. Гриппъ только... А все-таки...

Она не досказала о своемъ опасеніи, что можетъ сдѣлаться что-нибудь серьезнѣе гриппа, и вздохнула.

— А вы не волнуйтесь, дорогая. Не изъ-за чего волноваться и разстраивать себя... Сами берегите-то свое здоровье, благо Господь его вамъ далъ... Эка, какая вы цвѣтущая, Марья Евграфовна!—вставилъ Бугаевъ, любуясь ея красивымъ лицомъ. — Вамъ надо беречь здоровье вонъ для этого молодца! — кивнулъ онъ головой на кровать.—Вы вѣдь у него одна. Докторъ сказалъ, что гриппъ, значитъ, гришъ и есть. Такъ-то, Марья Евграфовна...

И, помолчавъ съ минутку, продолжалъ:

— А знаете ли, Марья Евграфовна, у кого я сейчасъ былъ? Ходилъ просить мѣста!

— У кого?

— У Павлищева.

— Ну, и что̀ же, успѣшно ходили? — спросила молодая женщина.

Бугаевъ горько усмѣхнулся.

— Отказалъ, Марья Евграфовна. И даже узнать не пожелалъ. И когда я ему сказалъ, что десять лѣтъ тому назадъ мы были сослуживцами, онъ проговорилъ: «помню», и такъ, знаете ли, проговорилъ, что словно водой холодной облилъ... Еще бы... Онъ нынче важный сталъ... Персона въ нѣкоторомъ родѣ, но, ужъ только извините, Марья Евграфовна, а я прямо скажу: какая онъ тамъ ни будь персона, а прямо безстыжій человѣкъ... Ужъ какъ я его просилъ... объяснялъ свое положеніе... Вы вѣдь знаете, каково оно?.. Ни капли жалости. И если бы вы знали, какую онъ важность на себя напускаетъ!? Въ вицмундирѣ, знаете ли... Тутъ звѣзда... Владиміръ на шеѣ, одѣтъ съ иголочки... франтъ... раздушенъ... Сзади стоитъ чиновникъ... а вѣдь прежде... помните ли, когда онъ въ Черногорскѣ-то былъ?

— Но, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ у него мѣста нѣтъ? — проговорила Марья Евграфовна и почему-то вдругъ покраснѣла.

— У него-то нѣтъ!? Я узнавалъ, мѣста есть... Да захоти онъ, такъ, по его рекомендаціи, гдѣ угодно мѣсто бы нашлось въ другомъ мѣстѣ, потому что Павлищевъ сила, правая рука министра... Вотъ кто онъ такой... А вы: «нѣтъ мѣста»! Эхъ, какъ посмотрю, Марья Евграфовна, вы, кажется, и до сихъ поръ думаете, что это человѣкъ... Съ вами-то какъ онъ поступилъ, а?.. Надо вѣдь быть великимъ, я вамъ доложу, негодяемъ, чтобы такъ поступить... А вы еще готовы за него заступаться!..

— Я не заступаюсь. Тамъ, что̀ было со мной,—это другое дѣло... Объ этомъ нечего говорить... Такъ онъ сталъ важный? И, вѣрно, постарѣлъ?—съ любопытствомъ спросила Марья Евграфовна.

— Какое!?—прошипѣлъ Бугаевъ.—Совсѣмъ молодой... Женихъ, да и только!

— Развѣ онъ не женатъ?

— То-то нѣтъ... Вѣрно, подцѣпитъ какую-нибудь богатую невѣсту. Еще бы... Такая карьера. Выбирай кого хочешь съ милліономъ въ придачу! А это вы напрасно, что не сто̀итъ говорить... Именно сто̀итъ, Марья Евграфовна... И я считаю долгомъ честнаго человѣка сказать вамъ, — сердитесь тамъ или нѣтъ,—что вамъ слѣдуетъ подумать хоть о своемъ сынѣ,

если вы о себѣ не хотите подумать... Бились вы, всего переиспытали, знаете, какъ это сладко, такъ неужели вы хотите, чтобы и сынъ вашъ могъ рисковать тѣмъ же?.. Ходить, знаете ли, и клянчить мѣста... да еще, вдобавокъ, съ позволенія сказать, незаконный сынъ...

— Тише... тише, ради Бога! — взволнованно промолвила Марья Евграфовна.—Вы разбудите Васю!

И она пошла своей легкой, увѣренной походкой взглянуть на мальчика. Тотъ крѣпко и спокойно спалъ.

— Я не понимаю, Евлампій Ивановичъ, что̀ вы хотите сказать?.. Ужъ не въ первый разъ я слышу ваши намеки,— проговорила Марья Евграфовна, возвращаясь къ Бугаеву.

— Очень просто, что̀ я хочу сказать, Марья Евграфовна. Вы можете обезпечить сына и должны это сдѣлать. Отецъ его не смѣетъ отказать въ этомъ.

— Никогда я не обращусь къ нему. И безъ него мы проживемъ!—промолвила Марья Евграфовна.—Пожалуйста, и не говорите объ этомъ.

— А я буду говорить... Поймите, Марья Евграфовна, что вы изъ какой-то фанаберіи такъ разсуждаете. Нынче, голубушка моя, фанаберія-то вездѣ по боку, а ты, коли не желторотый галченокъ, такъ пользуйся случаемъ! Всѣ въ наше время такъ живутъ, сударыня! Вы думаете, что вашъ Вася поблагодаритъ васъ потомъ, что вы его, по своей, можно сказать, простотѣ, пустите въ жизнь голякомъ, да еще незаконнорожденнымъ. Держите карманъ! Къ тому времени люди еще, надо думать, злѣе станутъ, и жизнь будетъ труднѣй... Такъ будьте увѣрены, что онъ не восхитится вашей незаботливостью... Скажетъ: нечего сказать, хороша мать!

Марью Евграфовну взволновало напоминаніе о томъ, что Вася незаконный сынъ. Это было ея больное мѣсто и часто удручало. Картина будущаго Васи, нарисованная Бугаевымъ, произвела на нее впечатлѣніе. И она, нѣсколько смущенная, сказала:

— Неужели вы думаете, что человѣкъ, бросившій раньше дѣтей, теперь захочетъ что-нибудь сдѣлать для сына?

— Конечно, не захочетъ добровольно, а если его пугнуть...

— То-есть какъ пугнуть?.

— А такъ... Ужъ вы предоставьте мнѣ... Я это обдѣлаю. Я, знаете ли, деликатно увѣдомлю его, что если онъ не обезпечитъ сына, то вы подадите прошеніе на высочайшее имя... Этого онъ испугается...

— Ахъ, какія вы нехорошія вещи говорите, Евлампій Иванычъ!..—промолвила, вся вспыхивая, молодая женщина и строго взглянула на Бугаева.

«О, дура, дура!»—мысленно обругалъ ее Бугаевъ и проговорилъ:

— Да что-жъ тутъ нехорошаго, Марья Евграфовна!.. Разсудите... Развѣ съ такимъ человѣкомъ можно церемониться?.. Ну... ну... не сердитесь!.. Я вамъ даю совѣтъ, желая вамъ добра... Не хотите—такъ какъ хотите... Но ужъ исполните мою личную просьбу... Не откажите!..

— Какую?..

— Напишите Павлищеву... Попросите за меня.

— Евлампій Иванычъ! Пощадите! Я не хочу ничѣмъ напоминать о себѣ Павлищеву. Пусть онъ не думаетъ, что я... Господи! Да неужели вы этого не понимаете!? И почему у васъ явилась такая странная мысль... Что̀ ему моя просьба?

— Онъ ее исполнитъ. Я увѣренъ.

— Но почему?

— А потому, что я... Ужъ вы не сердитесь, дорогая... Сегодня, когда я просилъ у Павлищева мѣста, я сказалъ, что вы знаете о моемъ ужасномъ положеніи...

— Зачѣмъ вы упомянули мое имя, зачѣмъ? — съ укоромъ прошептала Марья Евграфовна. И тотчасъ же съ живостью спросила:—Что̀ же онъ?

— Смутился. Всю рожу передернуло. Видно, испугался, каналья!

— Испугался? — грустно протянула Марья Евграфовна. — Чего ему меня бояться?

— Значитъ, есть чего... И хотя сказалъ, что ему все равно, кто проситъ (вотъ, дескать, какой справедливый!), однако я полагаю, что если-бъ вы, Марья Евграфовна...

— Нѣтъ... нѣтъ... ради Бога, Евлампій Иванычъ, — воскликнула молодая женщина умоляющимъ голосомъ.

— Мама! съ кѣмъ это ты говоришь? — раздался въ эту минуту слабый голосокъ ребенка.

И Марья Евграфовна, забывъ всѣхъ на свѣтѣ, бросилась къ постели.

Бугаевъ посидѣлъ еще минуту-другую и вышелъ изъ номера, все еще не побѣжденный окончательно.

V.

Хотя Васѣ видимо стало лучше, тѣмъ не менѣе Марья Евграфовна цѣлый день была въ тревожномъ настроеніи. Рѣчи Бугаева взволновали мать и заставили сильно призадуматься.

Въ самомъ дѣлѣ, права ли она, упорствуя въ своемъ нежеланіи напоминать о себѣ Павлищеву? Не обязана ли она

побороть свою гордость оскорбленной женщины, забыть о самолюбіи и обратиться къ Павлищеву съ просьбой что-нибудь сдѣлать для сына? Онъ теперь въ такомъ положеніи, что ему нетрудно обезпечить хоть немного Васю. Мало ли что̀ можетъ быть впереди? Теперь она, слава Богу, зарабатываетъ до тысячи двухсотъ рублей, но вѣдь практика можетъ и уменьшиться. Положимъ, у нея есть пять тысячъ для Васи, но эти деньги, въ случаѣ ея болѣзни, могутъ быть истрачены. И наконецъ, если она умретъ, не поднявъ Васю на ноги? Что̀ будетъ тогда съ несчастнымъ, одинокимъ въ мірѣ мальчикомъ? За что же подвергать его всякимъ случайностямъ, если представляется возможность предотвратить ихъ? И развѣ не обязанность отца позаботиться о своемъ ребенкѣ, и не святой ли долгъ матери напомнить о такой обязанности... Вѣдь она не для себя будетъ просить, а для сына!?

И материнское чувство пересиливало чувство обиды, гордости и брезгливости и нашептывало ея возмущенному сердцу всевозможные софизмы, рисовало всякія бѣды въ будущемъ, убѣждая, что она должна сдѣлать хотя бы попытку... написать Павлищеву... Письмо будетъ самое деликатное, безъ какихъ бы то ни было упрековъ... Она просто напомнитъ ему о сынѣ и пошлетъ его фотографическую карточку.

А если онъ не захочетъ признать своего ребенка? Человѣкъ, молчавшій десять лѣтъ, въ состояніи отречься отъ сына. Гдѣ доказательства? Развѣ эти два-три письма отъ него, омоченныя слезами, которыя она такъ бережно хранитъ вмѣстѣ съ двумя его фотографіями? Но онъ знаетъ ее и, конечно, увѣренъ, что она не подниметъ исторіи, не будетъ ни жаловаться ни угрожать...

Нѣтъ! Онъ не отречется! Это было бы совсѣмъ жестоко... Онъ могъ и не знать, живы ли его дѣти! Наконецъ онъ могъ думать, что она вышла замужъ... Тогда онъ былъ молодъ, у него не было средствъ... Мало ли что̀ могло быть...

И добрая Марья Евграфовна пыталась теперь найти какое-нибудь оправданіе Павлищеву, чтобы не терять надежды, что Павлищевъ не поступитъ жестоко, а, напротивъ, быть-можетъ, и захочетъ взглянуть на этого чуднаго мальчика... А какъ увидитъ его, то и полюбитъ... И тогда она была бы вполнѣ вознаграждена за всѣ свои прошлыя страданія.

Такъ мечтала Марья Евграфовна, полная вѣры въ людей, и рѣшила, прежде чѣмъ предпринять этотъ шагъ, посовѣтоваться съ братомъ Маркомъ и сказать ему, кто такой отецъ Васи. До сихъ поръ братъ этого не знаетъ, никогда объ этомъ

не спрашивалъ и вообще избѣгалъ всякихъ интимностей. Давно ужъ они не видались другъ съ другомъ и только изрѣдка обмѣнивались письмами. Письма этого Марка были кратки, сухи и не особенно теплы. Онъ самъ проходилъ суровую школу нужды и лишеній, и въ гимназіи, а потомъ и въ университетѣ добывалъ средства уроками — вотъ все, что̀ знала о немъ сестра. Только на послѣднемъ курсѣ Маркъ однажды послалъ ей двадцать пять рублей и обѣщалъ посылать по десяти рублей въ мѣсяцъ, но Марья Евграфовна, тронутая этимъ вниманіемъ, горячо благодарила брата и отказалась, объяснивъ, что у нея заработокъ хорошій, и она не нуждается. Напротивъ, если брату нужно, то она свободно можетъ съ нимъ дѣлиться. Но Маркъ, дѣйствительно еле перебивавшійся и сократившій свои потребности до послѣдней возможности, чтобы только помочь сестрѣ, — лаконически отвѣтилъ, что ему «не надо», и продолжалъ разъ въ два мѣсяца писать ей коротенькія, сухія письма и попрежнему о себѣ ничего не писалъ.

И когда Марья Евграфовна пріѣхала въ Петербургъ и увидала брата, то была нѣсколько даже сконфужена его превосходствомъ. Такой онъ казался ей умный, образованный и красивый, и такъ онъ говорилъ спокойно, увѣренно, хотя и не выказывалъ особенной словоохотливости, и такая въ немъ чувствовалась сила. Однако Марья Евграфовна стѣснялась Марка и не рѣшалась съ нимъ говорить съ тою откровенностью, на которую порывалась ея душа. Кому же открыться, кому же разсказать о своей неудачной жизни и пережитыхъ горестяхъ, какъ не единственному на свѣтѣ близкому человѣку, брату? И ей такъ хотѣлось этого. Она такъ надѣялась сблизиться съ Маркомъ и найти въ немъ сочувственную, родную душу. Но съ перваго же свиданія съ этимъ спокойнымъ, замкнутымъ въ себѣ человѣкомъ, — который не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія узнать интимную сторону жизни сестры и самъ, въ свою очередь, совсѣмъ не имѣлъ намѣренія разсказывать о своей прошлой жизни и о себѣ самомъ, — она почувствовала какую-то робость передъ младшимъ братомъ и въ то же время прониклась къ нему почтительнымъ уваженіемъ.

Онъ заходилъ къ ней почти каждый день на полчаса, разъ сводилъ ее въ театръ, но говорилъ, по обыкновенію, мало и больше о самыхъ обыденныхъ вещахъ, точно не снисходя до какого-нибудь болѣе серьезнаго разговора. Съ Васей онъ не особенно дружилъ (онъ, кажется, вообще дѣтей не любилъ) и никогда не ласкалъ. И Вася не благоволилъ къ дядѣ, тѣмъ

болѣе, что дядя какъ-то разъ замѣтилъ, что мать его очень балуетъ, и насмѣшливо прибавилъ:

— Видно, думаешь, что онъ герцогомъ будетъ?

Послѣ чего прочелъ коротенькую и вполнѣ основательную лекцію о томъ, какъ портятъ матери дѣтей, и какія отъ этого вырастаютъ нюни.

Марья Евграфовна стала возражать, но Маркъ, видимо, слушалъ съ снисходительнымъ презрѣніемъ ея доводы, что нельзя не побаловать ребенка, и вмѣсто отвѣта только усмѣхнулся, обидѣвъ и сконфузивъ Марью Евграфовну.

— А ты не сердись, Маша,—проговорилъ, уходя, Маркъ:— и извини меня дурака, что вмѣшался не въ свое дѣло и вздумалъ убѣждать женщину, да еще мать! Совершенно безполезная трата словъ и времени!

Не высказывая сестрѣ ни своихъ взглядовъ, ни мнѣній, ни плановъ и надеждъ, что̀ казалось столь страннымъ въ молодомъ человѣкѣ двадцати пяти лѣтъ, Маркъ оставался для Марьи Евграфовны нѣсколько загадочнымъ, хотя безспорно выдающимся человѣкомъ. Ее удивляло, что онъ такой сдержанный, спокойный и, казалось, рѣшительно ничѣмъ не увлекающійся. Все, что̀ за всѣ эти дни Маркъ сообщилъ о себѣ, относилось къ его внѣшнему положенію. Онъ служилъ и получалъ восемьсотъ рублей. Доволенъ ли онъ своимъ положеніемъ и заработкомъ, Маркъ не проронилъ ни слова, точно говорилъ не о себѣ, а о комъ-то постороннемъ. И еще была въ немъ одна черта, поразившая Марью Евграфовну: братъ никого не бранилъ, никого не осуждалъ, а если и бранилъ, то равнодушно, скорѣе опредѣляя явленіе, но не возмущаясь имъ, и ни на что не жаловался. Даже погоду петербургскую ни разу не обругалъ.

По обыкновенію, Маркъ заходилъ къ сестрѣ по вечерамъ, часовъ около семи. И въ этотъ вечеръ, въ тѣ же часы раздались его хорошо знакомые три удара, твердые и медленные, въ дверь, и вслѣдъ за разрѣшеніемъ въ комнату вошелъ Маркъ Борщовъ.

Онъ былъ поразительно похожъ на Марью Евграфовну. Такой же пригожій и цвѣтущій, ухитрившійся сохранить въ Петербургѣ здоровый, пышный румянецъ на щекахъ, средняго роста, съ темно-русыми кудрявыми волосами, маленькой бородкой и шелковистыми усами. Тотъ же высокій лобъ, тотъ же русскій, слегка мясистый носъ, тѣ же каріе глаза и большія широкія руки съ короткими пальцами. Но выраженіе и лица и глазъ у Марка было совсѣмъ другое — далеко не

простодушное и кроткое, а строгое и увѣренное, опредѣленное и какъ будто нѣсколько вызывающее. Что-то энергичное, сильное и упрямое чувствовалось и въ красивомъ серьезномъ лицѣ Марка, и въ его сухощавой крѣпкой фигурѣ, и въ твердой походкѣ, и въ манерахъ, слишкомъ увѣренныхъ для молодого человѣка.

Одѣтъ онъ былъ съ скромной простотой хорошаго вкуса. Въ его костюмѣ не было ничего крикливаго, яркаго. Темная жакетка, темный галстукъ, свѣжее бѣлье. И самъ онъ былъ свѣжій, чистый и опрятный—видно, что смотрѣлъ за собой.

Маркъ пожалъ руку сестры и присѣлъ на кресло, предварительно раздвинувъ полы жакетки, чтобы не смять ее.

— Ну, герцогъ нашъ, кажется, поправляется?—спросилъ онъ.

— Ему сегодня гораздо лучше. Жаръ спалъ.

— И тебѣ, слѣдовательно, нѣтъ причины волноваться?

— Я и не волнуюсь. Хочешь чаю?

— Нѣтъ... Некогда.

— Спѣшишь?

— Да, дѣло есть...

— А я, Маркъ, хотѣла съ тобой поговорить объ одномъ дѣлѣ,—заговорила послѣ минутнаго молчанія Марья Евграфовна, робѣя и конфузясь.—Ты можешь удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ?

— Сдѣлай одолженіе, Маша. Я могу десять минутъ, а то и всѣ четверть часа удѣлить тебѣ.

— Видишь ли, я хочу спросить твоего совѣта...

— Чтобы, конечно, не исполнить его?—насмѣшливо отвѣтилъ Маркъ, открывая рядъ маленькихъ бѣлыхъ зубовъ.—Что-жъ, спрашивай...

— Ахъ, Маркъ... Ты все точно смѣешься,—съ сердцемъ проговорила Марья Евграфовна.

— И не думаю, Маша. Говорю совершенно серьезно... Изъ десяти человѣкъ, спрашивающихъ совѣта, девять, навѣрное, поступаютъ по-своему... Такъ въ чемъ же дѣло.

Марья Евграфовна взглянула на Васю и, понижая голосъ, начала разсказъ о своемъ прошломъ, о томъ, какъ бросили ее съ дѣтьми, что она вынесла. Она говорила горячо, словно бы переживая прошлое.

Маркъ слушалъ очень внимательно, но никакого сочувствія не выражалъ. Лицо его, по обыкновенію, было холодно и серьезно.

Увлеченная своимъ разсказомъ, Марья Евграфовна сперва не замѣтила безучастія брата. Но когда она, окончивъ исповѣдь, взглянула ему въ лицо, ожидая слова сочувствія или взрыва негодованія противъ человѣка, причинившаго ей столько горя, то совсѣмъ смутилась и оробѣла...

Онъ молчалъ. И какой странный, не то порицающій, не то насмѣшливый взглядъ!

И, обиженная до глубины души, она воскликнула:

— Маркъ! Что-жъ ты молчишь? Или ты оправдываешь этого человѣка и во всемъ винишь меня?

— И его не оправдываю и тебя, Маша, не виню. Да и вообще, что̀ толку въ обвиненіяхъ и въ оправданіяхъ! Твоя исторія одна изъ обыкновеннѣйшихъ исторій, и я только удивляюсь, что ты до сихъ поръ продолжаешь возмущаться. Ты поступила легкомысленно, не заставивъ его жениться, а онъ воспользовался твоимъ легкомысліемъ. Называй его поступокъ, какъ хочешь, но отъ этого тебѣ не легче. Не такъ ли?—говорилъ Маркъ спокойнымъ, убѣжденнымъ тономъ.

— Но правда-то есть одна на свѣтѣ?

— Правда?.. Объ этомъ когда-нибудь поговоримъ въ другой разъ, Маша. Это вопросъ очень деликатный... У всякаго человѣка и въ разные моменты бываетъ своя правда... а теперь разсказывай, къ чему ты начала весь этотъ разговоръ.

— Я хочу просить этого человѣка обезпечить ребенка.

Маркъ взглянулъ на сестру, и снова въ его глазахъ мелькнула улыбка.

— Гмм! Отчего же не просить. Но какіе ты имѣешь шансы на успѣхъ?

— Во-первыхъ, я вѣрю, что онъ не совсѣмъ подлецъ.

— Ну, Маша, это шансъ очень невѣрный... А во-вторыхъ?

— А во-вторыхъ, этому человѣку ничего не сто̀итъ что-нибудь сдѣлать для сына. Онъ не женатъ и получаетъ большое содержаніе... Онъ теперь сталъ важный человѣкъ, этотъ Павлищевъ.

— Павлищевъ?—воскликнулъ Маркъ.

— Что̀ тебя такъ удивило? Ты его развѣ знаешь?

— Какъ не знать хоть по фамиліи такого человѣка, какъ Павлищевъ. Но я его и встрѣчалъ раза два у Трифонова... Есть такой богатый баринъ, желѣзнодорожникъ, у котораго я давалъ уроки сыну... Удивляюсь, какъ такой умный и ловкій человѣкъ, какъ Павлищевъ, могъ совершить такую неосторожность... Способный человѣкъ. Будущая звѣзда у насъ! Только слишкомъ большой юбочникъ... Объ амурахъ много думаетъ!—презрительно прибавилъ Маркъ.

— А ты, Маркъ, развѣ ужъ вовсе объ амурахъ не думаешь?—спросила удивленная Марья Евграфовна.

— Я?—переспросилъ Маркъ.—Если-бъ я занималъ такое положеніе, какъ Павлищевъ, я не думалъ бы объ амурахъ... У меня не было бы ошибокъ молодости...

— Будто ты застрахованъ?

— А на что сила воли у человѣка, Маша... какъ ты думаешь?—спросилъ Маркъ.

И въ его лицѣ и въ тонѣ его голоса чувствовалось, что этотъ разсудительный молодой человѣкъ говоритъ не праздныя слова.

— Этотъ Павлищевъ,—продолжалъ Маркъ:—кажется, хочетъ жениться на дочери Трифонова... Братъ ея мнѣ говорилъ, что его превосходительство часто туда ѣздитъ. Но едва ли его превосходительству удастся. Барышня уже въ годахъ и не изъ фефелъ... Къ чему ей сорокапятилѣтній генералъ!.. Молодой интереснѣй!—какъ-то загадочно протянулъ Маркъ.

Марья Евграфовна слушала брата съ недоумѣніемъ. Какъ онъ равнодушно отнесся къ ея исповѣди! Какіе у него странные взгляды на правду, и какъ онъ странно говоритъ о Павлищевѣ!..

И братъ ея становился еще непонятнѣе для простодушной Марьи Евграфовны. И инстинктъ ей подсказывалъ что-то страшно жестокое, холодное и безотрадное въ его словахъ.

Наконецъ она спросила:

— Что-жъ, совѣтуешь ты написать Павлищеву?

— Поручи мнѣ сходить и переговорить съ нимъ, Маша. Повѣрь, что я не унижу твоего самолюбія... И его ничѣмъ не оскорблю. Я буду лучшій посредникъ. А кстати и познакомлюсь съ нимъ. Это для меня очень важно... Согласна? А я почти увѣренъ, что Павлищевъ что-нибудь сдѣлаетъ для нашего герцога...

— Почему ты думаешь? Ты вѣришь, что онъ еще не совсѣмъ скверный человѣкъ? Не правда ли?

— Нѣтъ, Маша, я просто думаю, что онъ трусъ! Бугаевъ недаромъ предлагалъ тебѣ шантажъ. Эта каналья понимаетъ людей, хотя и не умѣетъ ими пользоваться, да и самъ слишкомъ глупъ со своими «патріотическими убѣжденіями»... Онъ ужъ мнѣ успѣлъ разсказать у подъѣзда о своей неудачѣ у Павлищева! Ну, до свиданія. Завтра же я буду у Павлищева...

И Маркъ, пожавъ руку сестры, ушелъ, оставивъ бѣдную Марью Евграфовну въ какомъ-то странномъ настроеніи подавленности и духовнаго одиночества.

«Что за странный человѣкъ этотъ Маркъ!»—подумала она невольно послѣ его ухода.

VI.

Маркъ рано остался круглымъ сиротой. Отецъ его, изъ штундистовъ, сперва прасолъ и потомъ хлѣбный комиссіо-

неръ, человѣкъ умный, рѣшительный и энергичный, почитывавшій книжки и мечтавшій дать сыну образованіе, разорился на какой-то спекуляціи передъ внезапной смертью и оставилъ дѣтей—дѣвочку и мальчика—совсѣмъ нищими. Небольшой домишко и кое-какое имущество было продано за долги. Мать, дочь мелкаго чиновника въ захолустномъ городкѣ на югѣ, умерла за годъ до мужа. Положеніе сиротъ было критическое. По счастью, нашлись сердобольные родственники, взявшіе дѣтей на попеченіе. Дѣвочка попала къ теткѣ, а мальчикъ—къ дядѣ, брату матери, чиновнику полицейскаго управленія въ губернскомъ городѣ, человѣку очень способному, но горчайшему пьяницѣ и взяточнику.

Десятилѣтній Маркъ былъ помѣщенъ въ гимназію, благодаря настояніямъ дяди и послѣ большой стычки, которую онъ выдержалъ со своей женой, дамой весьма рѣшительнаго характера и далеко не мягкой. Понятливый и умный мальчикъ учился превосходно и скоро сдѣлался первымъ ученикомъ. Серьезный и разсудительный не по лѣтамъ, онъ какъ-то держался особнякомъ отъ товарищей и ни съ однимъ изъ нихъ не водилъ дружбы. Ни съ кѣмъ, впрочемъ, и не ссорился. Его не особенно любили въ гимназіи, но уважали и даже нѣсколько побаивались. Онъ былъ здоровый, сильный мальчуганъ и обиды никому не спускалъ.

Жизнь у дяди была для мальчика самая тяжелая и обидная, и онъ постоянно чувствовалъ свое сиротство и горечь чужихъ хлѣбовъ. Тетка положительно возненавидѣла Марка и отравляла его существованіе. Еще бы! И безъ того своя семья была не маленькая—трое дѣтей—и кое-какъ перебивалась на маленькое жалованье да на грошовыя взятки, которыя бралъ, по мѣрѣ возможности, мужъ, а тутъ еще прибавился новый ротъ! Было отъ чего возмутиться женщинѣ, у которой и о своихъ-то дѣтяхъ заботъ было много, а теперь пришлось еще заботиться о чужомъ, благодаря глупости мужа, пожелавшаго взять племянника.

И Марка держали, что̀ называется, въ черномъ тѣлѣ. Ему отвели помѣщеніе въ какомъ-то темномъ чуланчикѣ, гдѣ онъ спалъ на жесткомъ тюфякѣ, безъ бѣлья, подъ тонкимъ дырявымъ одѣяломъ; ему за обѣдомъ давали куски похуже, тетка то и дѣло посылала его съ порученіями, бранила его, упрекала и, случалось, взбѣшенная, колотила. Мальчикъ терпѣлъ, казалось, безропотно и только становился еще угрюмѣе и сосредоточеннѣе въ себѣ, по временамъ какъ-то смотрѣлъ на тетку и передъ сномъ, лежа въ своей каморкѣ, нерѣдко подолгу думалъ о своемъ положеніи и потихоньку плакалъ. Пла-

калъ и мечталъ о томъ, какъ бы уйти отъ тетки и не жить на чужой счетъ. Эта дума гвоздемъ засѣла въ его голову, а въ сердцѣ зрѣла ненависть.

Изъ гимназіи Маркъ возвращался почти всегда въ нервномъ настроеніи, ожидая какой-нибудь непріятности. Въ этомъ маленькомъ домикѣ, окруженномъ садикомъ, на краю города, у спуска къ рѣкѣ, въ которомъ семья дяди занимала три комнаты, почти постоянно стоялъ кромѣшный адъ. Ругань и крики не прекращались, особенно по буднимъ днямъ, когда воевала тетка, не встрѣчая никакого противодѣйствія.

То она бранилась съ кухаркой, то кричала на дѣтей, то дѣлала за обѣдомъ мужу сцены ревности и, не стѣсняясь присутствіемъ маленькихъ дѣтей, допрашивала, гдѣ этотъ «подлецъ» вчера пропадалъ всю ночь, съ какой «шлюхой», то упрекала его за то, что онъ «рохля», не умѣетъ пользоваться доходами, какъ умѣютъ другіе (шли указанія на другихъ), и не заботится о ней и о дѣтяхъ, при чемъ въ концѣ концовъ называла мужа мерзавцемъ и пьяницей и грозила, что она «броситъ все» и уйдетъ... «Небось, есть люди, которые обо мнѣ позаботятся!»—загадочно намекала она.

«Мерзавецъ», довольно невзрачный и совсѣмъ маленькій и худенькій человѣчекъ лѣтъ сорока, съ болѣзненнымъ лицомъ, съ юркими, плутоватыми и въ то же время добродушными глазами, казался совсѣмъ мизернымъ въ сравненіи со своей высокой, очень крупныхъ формъ, дебелой и видной супругой. Повидимому, онъ нѣсколько трусилъ ее, по крайней мѣрѣ, въ будни и, вѣроятно, боясь раздражить ее, благоразумно отмалчивался на обвиненія въ невѣрностяхъ и въ знакомствѣ со «шлюхами», ожидая, пока жена, какъ выражался онъ, «не выкипитъ». Но упреки въ томъ, что онъ не умѣетъ пользоваться случаемъ, задѣвали его довольно чувствительно, и онъ объяснялъ, что онъ, слава Боту, не дуракъ и своего не упуститъ. Онъ не виноватъ, что по нынѣшнимъ временамъ полицію меньше «уважаютъ» и даютъ двугривенные, а не рубли, какъ бывало прежде. Однако никто не скажетъ, чтобы онъ когда-нибудь зѣвалъ, и, чуть возможно, и красненькую возьметъ... Вотъ еще на прошлой недѣлѣ одинъ пижонъ попался... свидѣтельство было нужно...

И шелъ довольно подробный, такъ сказать, оправдательный разсказъ о томъ, какъ ловко онъ нагрѣлъ «пижона».

— Слава Богу, еще кое-какъ жить можно,—прибавлялъ невзрачный человѣкъ.—А вотъ, ежели меня сдѣлаютъ становымъ, какъ обѣщали—ну, тогда и не такъ заживемъ...

— Сдѣлаютъ тебя, пьяницу, жди!—обыкновенно отвѣчала жена и кидала на мужа уничтожающій взглядъ.

Въ воскресенье и по праздникамъ положеніе дѣлъ въ маленькомъ домикѣ круто измѣнялось, и тетка, властвовавшая цѣлую недѣлю, въ такіе дни трусила и притихала, къ большой радости Марка, ожидавшаго такихъ дней не безъ злорадства. Наблюдательный, онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ въ семьѣ дяди и внимательно вслушивался во всѣ эти разговоры, знакомившіе его на зарѣ жизни съ грязью, подлостью и нуждой.

Обыкновенно дядя «закатывался» куда-нибудь подъ праздникъ и въ воскресенье являлся домой совсѣмъ не прежнимъ покорнымъ супругомъ, а грознымъ, полнымъ величія, судьей и мстителемъ за свои обиды и отъ жены и вообще отъ людей. Худенькій и маленькій, онъ, казалось Марку, даже вырасталъ, когда, войдя въ квартиру, подходилъ къ женѣ и, глядя на нее насмѣшливыми пьяными глазами, говорилъ:

— Ну, вотъ, я пьянъ, а тебя, подлой, не боюсь. Слышишь, мерзавка, не боюсь!?

Обыкновенно тетка старалась спрятаться отъ мужа въ такіе дни, но это не вело ни къ чему и только раздражало пьянаго дядю. Онъ ее разыскивалъ и начиналъ казнить словами съ какой-то утонченной жестокостью человѣка, обрадованнаго, что можетъ покуражиться надъ тѣмъ, кого еще вчера трусилъ.

Усадивъ жену противъ себя, этотъ маленькій худенькій человѣкъ начиналъ «припоминать» все, разражаясь пьяными монологами, и въ нихъ, должно-быть, было немало горькой правды, потому что тетка нерѣдко блѣднѣла и съ тупымъ страхомъ виноватаго животнаго глядѣла на мужа, приходившаго въ бѣшенство по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, возбуждаясь своими же словами. И, бывало, Маркъ слушалъ, какъ дядя восклицалъ:

— Такъ я, по-твоему, мерзавецъ и пьяница, а ты у насъ цаца? Распрекрасная благородная женщина... Скажите, пожалуйста... И ты можешь мною помыкать по своему благородству... Еще бы! Я и подлецъ и пьяница, я вотъ и двугривенные беру... А изъ-за кого я сталъ такимъ, какъ вы думаете, сударыня?.. Изъ-за какой-такой персоны, а? Не будь этой персоны, можетъ-быть, и я былъ бы другимъ человѣкомъ. И былъ бы! Кто тогда облестилъ меня, извольте припоминать? Кто обманулъ?.. Полицеймейстерская любовница обманула! Надо было грѣхъ прикрыть, найти мужа, и нашли превосходнаго... Онъ простилъ, а ты опять распутничала... Онъ, молъ, дуракъ... И еще теперь грозишься къ кому-то уйти... И уходи!

Слышишь, уходи!.. И своихъ дѣтей бери... Думаешь, я не знаю, чьи они всѣ!? А я долженъ на чужихъ работать... Понимаешь ли, какая ты подлая тварь?.. Понимаешь?.. Можешь ты понять, почему я лишился того мѣста и вотъ теперь двугривенные въ полицейскомъ управленіи собираю. Все ты... ты, подлая!.. Ты уговаривала пользоваться случаемъ... Тебѣ нужны были шляпки, шлейфы, да по клубамъ... И я тоже хорошъ... гусь, нечего сказать... Вѣдь слушалъ тебя... Какъ же, рабъ покорный... Красавица, мое почтенье!.. Шлюха, съ позволенія сказать, но и мнѣ, аки законному мужу, вниманіе оказывала... такому, съ позволенія сказать, низменному человѣку... Ха-ха-ха!.. Очень вами благодаренъ... Въ ноги, каналья... Змѣя подколодная! Не то убью!—вдругъ вскрикивалъ, весь блѣднѣя, мужъ.

И Маркъ видѣлъ, какъ тетка кланялась въ ноги дядѣ. И тотъ тогда торжествующе улыбался и, нѣсколько успокоившись, декламировалъ:

— «Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ!..» И не смѣй ты мнѣ Марка обижать... За что ты мальчика изводишь, злющая женщина?..

Дядя послѣ этого обыкновенно ложился на кровать и философствовалъ самъ съ собой. А то подзоветъ Марка и скажетъ:

— Она, братъ, больше не будетъ тебя грызть. Слышишь, Маркъ...

И, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:

— А знаешь, Маркъ, безъ подлости не прожить на свѣтѣ... ни за что. И въ комъ болѣе этой самой подлости и злости, тому и лучше... Вонъ тетка твоя и подлая и злая, а что ей?.. Только толстѣетъ... Ха-ха-ха... А ты ей не позволяй надъ собой командовать. Ни-ни!

Дядя засыпалъ, а Маркъ уходилъ изъ дому и долго бродилъ по берегу рѣки и припоминалъ слова дяди, стараясь вникнуть въ ихъ смыслъ и рѣшительно не понимая, почему дядя, послѣ этихъ пьяныхъ вспышекъ, снова становился покорнымъ и безотвѣтнымъ передъ теткой.

Въ такой обстановкѣ, среди вѣчныхъ ссоръ и криковъ, слушая одни и тѣ же разговоры о томъ, гдѣ дядя «урвалъ» и т. п., преслѣдуемый съ какимъ-то упорствомъ теткой, Маркъ прожилъ три года. Ужъ онъ со второго же года былъ освобожденъ отъ платы за обученіе, и директоръ, знавшій, въ какой атмосферѣ живетъ этотъ даровитый и способный мальчикъ, давно уже имѣлъ въ виду какъ-нибудь устроить его иначе.

И вотъ въ одинъ день, вернувшись изъ гимназіи и садясь обѣдать, Маркъ объявилъ дядѣ, что онъ отъ него уѣзжаетъ.

— Какъ уѣзжаешь? Куда?—спросилъ дядя и бросилъ взглядъ на жену, которая, видимо, обрадовалась такой новости.

— Буду самъ по себѣ жить!—серьезно и не безъ гордости отвѣтилъ Маркъ.

— Да какъ же ты въ тринадцать лѣтъ самъ по себѣ жить будешь? Тоже выдумалъ! Такъ я тебя и пустилъ.

— Мнѣ нашъ директоръ урокъ нашелъ...

— Урокъ? Такому мальчику?—удивился дядя.

— И хорошій,—продолжалъ Маркъ:—столъ и квартира и десять рублей въ мѣсяцъ.

— И ты не врешь? У кого же это?

— У адвоката Нелюбимова... Знаете?

— Какъ не знать... Первый у насъ въ городѣ адвокатъ. Такъ дѣтей его, что ли, учить?

— Да, буду заниматься съ ними!

— Ну, Маркъ, поздравляю, братъ... Дай тебѣ Богъ. Тамъ тебѣ будетъ лучше, чѣмъ у насъ!—прибавилъ дядя и снова взглянулъ на жену.

— Чѣмъ же ему у насъ худо было? Кажется, дѣлили, что могли!—замѣтила тетка.—Чего еще? Мы сами не богаты!—прибавила она.

Дядя замолчалъ.

— А надо бы Марку хоть новый костюмчикъ сдѣлать,—робко заговорилъ онъ, обращаясь къ женѣ.—И, знаешь ли, хоть бѣлья немного...

— Дай денегъ, такъ сдѣлаю!—рѣзко сказала тетка.

— Я дамъ... Завтра же достану...

— Благодарю, дядя. Мнѣ ничего не надо. Директоръ уже сдѣлалъ мнѣ все.

Дня черезъ три Маркъ переѣхалъ въ роскошную квартиру адвоката Нелюбимова.

Послѣ отвратительной жизни у дяди, жизнь въ семьѣ адвоката Нелюбимова показалась Марку настоящимъ раемъ. И Нелюбимовъ, веселый и жизнерадостный, свѣжій и круглый мужчина лѣтъ сорока, съ изряднымъ брюшкомъ, и жена его, довольно красивая женщина не первой молодости, были люди очень добродушные, мягкіе и обходительные и относились къ Марку всегда ласково и привѣтливо.

Обязанности Марка были не трудныя. Онъ долженъ былъ заниматься по два часа въ день съ двумя девятилѣтними мальчиками-близнецами — вотъ и все. Остальное время они находились подъ присмотромъ гувернера, молодого и необы-

кновенно скромнаго швейцарца, съ румяными щеками и ослѣпительно сверкающими зубами, не говорившаго ни одного слова по-русски. Оба мальчика охотно занимались съ Маркомъ, который умѣлъ пріохотить ихъ къ своимъ урокамъ и въ то же время, несмотря на свой возрастъ, пользовался у своихъ учениковъ большимъ авторитетомъ.

У Марка была своя отдѣльная маленькая комната; послѣ жизни впроголодь у дяди, онъ теперь отъѣдался. Нелюбимовъ любилъ покушать, и столъ у него былъ вкусный и обильный. Нечего и говорить, какъ Маркъ былъ доволенъ и какъ дорожилъ урокомъ у Нелюбимовыхъ, у которыхъ онъ вскорѣ сдѣлался какъ бы членомъ семьи. Маркъ прожилъ у нихъ до окончанія гимназическаго курса, оставшись репетиторомъ, когда его ученики поступили въ гимназію.

Несмотря на благопріятную въ матеріальномъ отношеніи обстановку Марка, жизнь у Нелюбимовыхъ имѣла очень скверное вліяніе на мальчика. И здѣсь, какъ и прежде у дяди, онъ очень скоро увидалъ ту же ложь и гадость, но только не въ обнаженномъ видѣ, а прикрытую, услыхалъ тѣ же разговоры и тѣ же мнѣнія, но, разумѣется, не въ столь грубой формѣ, а, напротивъ, въ мягкой и даже утонченной. Нелюбимовъ, очень неглупый, но совершенно безпринципный человѣкъ, жившій широко и далеко не щекотливый въ дѣлахъ, которыя онъ бралъ, съ добродушнымъ смѣхомъ говорилъ, что онъ «адвокатъ для всѣхъ» и потому беретъ всякія дѣла, не разбирая, чисты ли они или нечисты. Онъ обязанъ подать юридическую помощь всякому, обращающемуся за ней. Это его долгъ, какъ адвоката, и кромѣ того такая терпимость даетъ ему хорошій заработокъ. Если же разбирать, что чисто или нечисто, то останешься безъ дѣлъ.

И онъ дѣйствительно «не разбиралъ», имѣлъ громадную практику, считался лучшимъ адвокатомъ, жилъ роскошно и былъ почти всегда веселъ, доволенъ и жизнерадостенъ.

Прислушиваясь къ такимъ рѣчамъ Нелюбимова, наблюдательный и умный Маркъ сперва возмущался и не понималъ, какъ это можно сегодня защищать то, противъ чего Нелюбимовъ возставалъ еще вчера. Его удивляла та легкость и беззаботность, съ которыми говорилъ Нелюбимовъ о справедливости и правдѣ юридической и о справедливости, такъ сказать, нравственной... Отроку въ пятнадцать лѣтъ это было не совсѣмъ понятно. Но онъ видѣлъ, что Нелюбимовъ преуспѣваетъ, пользуется почетомъ и уваженіемъ, и что, напротивъ, другой адвокатъ—знакомый Нелюбимова, болѣе разборчивый, и бѣденъ и ни во что не цѣнится, и Маркъ, не

безъ логичной послѣдовательности, выводилъ отсюда свои заключенія и самъ мечталъ быть когда-нибудь и значительнымъ и богатымъ. Это вѣдь такъ нетрудно, казалось ему. Стоитъ только захотѣть...

Почти всѣ многочисленные знакомые, бывавшіе у Нелюбимовыхъ, одобрительно слушали, когда хозяинъ послѣ хорошаго обѣда за ликеромъ разсказывалъ о какомъ-нибудь «фортелѣ», о какой-нибудь «ловкой штукѣ». Никто не возмущался, никто не протестовалъ, хотя нерѣдко и «фортель» и «ловкая штука» имѣли самый мошенническій характеръ. Всѣ находили, что это «умно» и «ловко».

И присутствовавшій при такихъ разговорахъ Маркъ, жадно ихъ слушавшій, воспринималъ, такъ сказать, эти лекціи практической философіи, которыя какъ будто отвѣчали его честолюбивымъ мечтамъ выдвинуться и отличиться въ жизни.

Сдержанный и скромный, онъ, разумѣется, всегда молчалъ и никому не открывалъ своихъ помысловъ и мечтаній. А если-бъ заглянуть въ душу этого отрока, то можно было бы ужаснуться. Въ пятнадцать лѣтъ въ его юной душѣ уже зрѣло сомнѣніе въ необходимости того добра и той правды, о которыхъ онъ слушалъ отъ нѣкоторыхъ учителей и о которыхъ читалъ въ книгахъ. И умъ и наблюденія подсказывали, что только безъ нихъ можно добиться серьезнаго успѣха. Надо только понимать людей и умѣть ими пользоваться...

Немало поразила Марка и та ложь, какая существовала въ этой, повидимому, хорошей и дружной семьѣ. Нелюбимовъ и жена, казалось, жили душа въ душу и пользовались самою безукоризненною репутаціей. Необыкновенно привлекательная, спокойная и ровная, съ скромно-горделивымъ видомъ женщины, сознающей свои добродѣтели и права на уваженіе, любившая иногда говорить о долгѣ жены и матери и бывшая, казалось, образцовой женой и матерью,—она возбуждала въ Маркѣ невольное благоговѣйное почтеніе, какъ единственное существо чистое и свѣтлое, на которомъ нѣтъ пятенъ и которое какъ будто опровергало его пессимистическій взглядъ на людей, вынесенный имъ изъ первыхъ уроковъ жизни.

Но каково же было его разочарованіе и въ то же время какое-то ужасное для пятнадцатилѣтняго отрока злорадное чувство, когда, послѣ двухлѣтняго пребыванія у Нелюбимовыхъ, онъ однажды лѣтомъ случайно увидалъ, что швейцарецъ-гувернеръ цѣлуетъ руку Нелюбимовой. Это было въ саду, въ деревнѣ, гдѣ обыкновенно Нелюбимовы проводили лѣто. Пораженный и заинтересованный этимъ, Маркъ при-

таился за деревьями и подслушалъ такой разговоръ и такіе поцѣлуи, которые не давали повода сомнѣваться въ отношеніяхъ швейцарца и этой женщины.

И Маркъ, вернувшись въ домъ, нѣсколько взволнованный отъ этого открытія, черезъ часъ видѣлъ Нелюбимову за чаемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, такою же спокойною и величавою, такъ же любезно и, казалось, совершенно равнодушно бросившую нѣсколько фразъ гувернеру такимъ тономъ, будто онъ ей совсѣмъ и не близкій человѣкъ.

Маркъ началъ осторожно выслѣживать любовниковъ и скоро выслѣдилъ, какъ разъ ночью, когда Нелюбимовъ по дѣламъ былъ въ городѣ, швейцарецъ пробирался къ его женѣ.

И Маркъ словно торжествовалъ. И она такая же, какъ и тетка. И эта «святая женщина», какою считалъ онъ ее, обманываетъ мужа и лицемѣритъ...

«Всѣ, значитъ, такія!»—поспѣшно дѣлалъ онъ обобщенія и втайнѣ сталъ презирать Нелюбимову, сохраняя попрежнему къ ней самое почтительное отношеніе и ни однимъ словомъ не обнаруживая, что знаетъ эту тайну. И со швейцарцемъ Маркъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что занимался съ нимъ французскимъ языкомъ и для практики часто разговаривалъ. Удивлялся онъ только тому, что этотъ скромный и тихонькій швейцарецъ не извлекаетъ, повидимому, никакихъ существенныхъ выгодъ изъ этихъ отношеній, и находилъ его достаточно глупымъ.

Почти одновременно Маркъ узналъ, что и Нелюбимовъ, тоже разыгрывавшій дома примѣрнаго мужа, имѣетъ любовницу, какую-то заѣзжую пѣвичку, и тратитъ на нее большія деньги. Это онъ находилъ ужъ совсѣмъ глупымъ...

Когда Маркъ окончилъ гимназію и, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, прощался съ Нелюбимовымъ, тотъ было-предложилъ ему денегъ, но Маркъ наотрѣзъ отказался. У него скоплены деньги. Онъ не нуждается.

— А какъ же вы, милый человѣкъ, будете въ Петербургѣ жить... Много ли у васъ-то денегъ?

— Двѣсти рублей есть.

— Ну, положимъ, хватитъ на нѣсколько мѣсяцевъ, а послѣ?

— Заработаю. Не пропаду, не безпокойтесь!—самоувѣренно отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Во всякомъ случаѣ, если будете нуждаться, помните...

— Благодарю васъ,—перебилъ Маркъ:—но надѣюсь прожить и безъ чужой помощи.

— Эка гордыня въ васъ, Маркъ! А вѣдь вы не пропадете—это вѣрно. Характеръ въ васъ есть.

И Нелюбимова очень дружелюбно разсталась съ Маркомъ и просила подавать о себѣ вѣсти.

Петербургъ далъ окончательную шлифовку почти уже готовому молодому человѣку. За четыре года студенческой жизни Маркъ вынесъ немало лишеній и нужды. Жилъ, онъ, случалось, впроголодь, но не падалъ духомъ, не сдѣлалъ ни копейки долга и ни разу не обращался къ Нелюбимову. Онъ закаливалъ себя, надѣясь вознаградить себя впослѣдствіи сторицей. Занимался онъ превосходно, велъ самую аскетическую жизнь и не сходился близко ни съ однимъ изъ товарищей. Но зато много думалъ, много наблюдалъ, много читалъ и приходилъ мало-по-малу къ самымъ безотраднымъ выводамъ. То, что̀ пишутъ въ хорошихъ книгахъ, можетъ-быть, и недурно, но въ жизни не годится и неприложимо. Онъ не чувствовалъ склонности быть хотя бы «героемъ», но страдающимъ. Что̀ за радость, если такихъ героевъ и прославляютъ послѣ смерти, когда при жизни ихъ только гонятъ и ненавидятъ. Благодарю покорно! Его, напротивъ, привлекали торжествующіе «герои», которыми такъ богата исторія и которые добивались успѣха только силой и неразборчивостью средствъ. Вотъ такимъ героемъ сто̀итъ быть. Изъ-за этого сто̀итъ жить и сто̀итъ учиться.

Такъ нерѣдко мечталъ студентъ Маркъ въ своей крошечной комнаткѣ на Васильевскомъ островѣ и, несмотря на голоданіе, чувствовалъ себя бодрымъ и довольнымъ, ощущая въ себѣ ту силу, которая доставитъ ему все, что̀ нужно.

И, проходя полуголодный по улицамъ, взглядывая на витрины магазиновъ, на роскошные экипажи, на сановниковъ и богачей — онъ не завидовалъ и не злобствовалъ, а съ какою-то горделивой увѣренностью думалъ:

«Все это и у меня будетъ! Всего я достигну, чего захочу! Сто̀итъ только хотѣть сильно и ничего не бояться. Въ этомъ вся сила!»

Дѣйствительно, у него была эта сила. Когда онъ кончилъ университетъ, онъ ни во что не вѣрилъ и ничего не боялся. Культъ своего «я» былъ его міросозерцаніемъ, его единственной вѣрой. Успѣхъ—какою бы то ни было цѣной—его идеаломъ. На остальное наплевать!

Его сдержанный, холодный темпераментъ какъ нельзя болѣе отвѣчалъ его скептическому, практическому уму. Вся грязь и пакость жизни, всѣ обиды и несправедливости, вся глупость людская—все это Маркъ взвѣшивалъ и оцѣнивалъ, но это не трогало его сердца. Сильнымъ — дорога, а слабымъ... кто же

виноватъ, что они слабы... Въ этой битвѣ жизни или будь побѣдителемъ, или побѣжденнымъ—выбора нѣтъ!

И Маркъ съ какимъ-то снисходительнымъ презрѣніемъ человѣка, понявшаго, какія доблести требуются въ данную минуту на житейскомъ рынкѣ, относился къ тѣмъ, не потерявшимъ еще стыдъ, брезгливымъ людямъ, которые нѣтъ-нѣтъ да и заявятъ о себѣ. Сильныхъ изъ нихъ онъ считалъ неразумными мечтателями, не понимающими безполезности борьбы съ жизнью, а слабыхъ — дураками, которыхъ и жалѣть не стоитъ.

Подобныя мысли не разъ приходили Марку на помощь, когда въ минуты раздумья внутренній голосъ шепталъ ему совсѣмъ другія слова, но онъ всегда выходилъ побѣдителемъ.

Однако, когда этотъ безшабашный молодой герой вышелъ изъ университета, ему еще цѣлый годъ пришлось пробиваться уроками. И только благодаря богатому желѣзнодорожнику Трифонову, у котораго Маркъ давалъ уроки, онъ получилъ казенное мѣсто. Мѣста на частной службѣ Маркъ не хотѣлъ. Его честолюбивыя мечты направлялись въ другую сторону.

И Маркъ въ скоромъ времени обратилъ на себя вниманіе своего начальника отдѣленія, и тотъ эксплоатировалъ его самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

Но Маркъ не протестовалъ и работалъ, какъ волъ, за свои восемьсотъ рублей, выжидая «случая».

Предстоявшее свиданіе съ Павлищевымъ являлось для Марка такимъ «случаемъ», и онъ надѣялся воспользоваться имъ съ блестящимъ успѣхомъ.

VII.

Въ одиннадцатомъ часу утра на слѣдующій день, когда Павлищевъ, послѣ обычной своей ванны и тщательнаго туалета, свѣжій и румяный, гладкій и благоухающій, вышелъ въ своемъ кургузомъ темно-синемъ вестонѣ въ кабинетъ и подошелъ къ письменному столу, справка объ адресѣ Марьи Евграфовны лежала на кипѣ газетъ вмѣстѣ съ нѣсколькими письмами.

Павлищевъ прочиталъ адресъ, спряталъ бумажку въ жилетный карманъ, слегка поморщившись, и, взявъ газеты и письма, направился въ уголокъ кабинета, къ небольшому столу, вокругъ котораго стояло нѣсколько креселъ, и, усѣвшись, принялся за письма и газеты. Въ этомъ уголкѣ онъ обыкновенно пилъ кофе и принималъ пріятелей и знакомыхъ, желавшихъ повидать Степана Ильича до службы.

Въ ту же минуту его камердинеръ Викентій, молодой и

представительный литвинъ, жившій у Павлищева уже пятый годъ и въ точности изучившій барина и его привычки, неслышно ступая по ковру, подалъ кофе, сливки и горячіе тосты и, поставивъ подносъ, проговорилъ:

— Изволили видѣть справку?

— Видѣлъ. Спасибо.

«Вѣрно, новая краля!» — подумалъ камердинеръ, хорошо знавшій авантюры своего барина и любовь его къ хорошенькимъ женщинамъ, и такъ же безшумно вышелъ.

Пробѣжавъ письма, Павлищевъ принялся за кофе и сталъ просматривать газеты, начавъ, по обыкновенію, съ той, самой рѣшительной и quasi-патріотической, у издателя которой онъ бывалъ на собраніяхъ вмѣстѣ съ другими лицами и гдѣ трактовались въ извѣстномъ духѣ всевозможные вопросы, касавшіеся общественныхъ нуждъ Россіи. Павлищевъ, конечно, очень хорошо понималъ этого господина, разыгрывавшаго роль вліятельнаго журналиста, цѣнилъ по достоинству и его богатое, разнообразное прошлое и нынѣшнія добродѣтели, и все-таки считалъ необходимымъ бывать у него. Еще бы! У него бываютъ, къ нему ѣздятъ и его нелѣпости и глупости слушаютъ и не такія лица! И Павлищевъ, какъ умный человѣкъ, смѣявшійся въ глубинѣ души и надъ проповѣдью обскурантизма и презиравшій самого проповѣдника, добродѣтели котораго ему казались болѣе чѣмъ сомнительными и патріотизмъ взмыленнымъ,—тѣмъ не менѣе искалъ въ немъ поддержки и былъ бы огорченъ, если-бъ журналистъ назвалъ Павлищева въ своей еженедѣльной газетѣ недостаточно «истинно-русскимъ» и благонамѣреннымъ. Онъ отлично зналъ, какъ неудобно прослыть, хотя бы и безъ достаточныхъ къ тому основаній, «либераломъ». Все, что угодно, но только не это!

Павлищевъ, хорошо усвоившій себѣ эту мораль, проповѣдуемую газетою своего знакомаго, не разъ однако презрительно усмѣхался при ея чтеніи. Господи! Какими вздутыми казались всѣ эти громы! Какими пошлыми и шаблонными всѣ эти ламентаціи! Какъ быстро редакторъ разжаловывалъ изъ «геніевъ» въ «узкіе умы» людей, оставляющихъ, по волѣ Провидѣнія, власть. Какими наглыми были всѣ эти восхваленія энергіи и силы разныхъ лицъ, не стѣснявшихся нарушать законъ!..

Приходъ Викентія заставилъ Павлищева поднять глаза.

— Одна дама очень желаетъ видѣть ваше превосходительство!—проговорилъ своимъ негромкимъ, мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ Викентій

— Кто такая?—недовольно спросилъ Павлищевъ.

— Вотъ-съ ихняя карточка, — продолжалъ, нисколько не смущаясь, камердинеръ, подавая на маленькомъ серебряномъ подносѣ визитную карточку.

Павлищевъ взглянулъ на карточку, и недовольное выраженіе вмигъ исчезло съ его красиваго лица.

«Небось, обрадовался!» — подумалъ Викентій, получившій отъ дамы три рубля и заранѣе увѣренный, что визитъ ея будетъ пріятенъ барину.

— Просите! — проговорилъ весело Павлищевъ, невольно оживляясь, поглаживая русую, подстриженную бородку своей бѣлой, выхоленной рукой, съ крупной бирюзой на мизинцѣ, и щуря свои сѣрые лучистые глаза.—Да, къ двѣнадцати часамъ чтобы лошадь была готова! — прибавилъ Павлищевъ, вспоминая въ то же время о предстоявшемъ непріятномъ визитѣ къ Марьѣ Евграфовнѣ.

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ Викентій и ушелъ приглашать даму, которая ждала въ гостиной.

Черезъ минуту въ кабинетъ вошла Анна Аполлоновна Рогальская, та самая пикантная блондинка съ пенсне на носу, которая вчера въ департаментѣ такъ настойчиво просила о назначеніи пенсіи для своей миѳической сестры.

Свѣжая, сверкавшая бѣлизной лица, съ искусно подведенными карими глазами, въ изящномъ черномъ платьѣ, обливавшемъ красивыя формы ея роскошнаго стана, съ крошечной шляпкой на маленькой головѣ, съ вьющимися у лба кудерками бѣлокурыхъ волосъ, небольшого роста, граціозная и хорошенькая, она съ самымъ скромнымъ видомъ просительницы сдѣлала нѣсколько шаговъ къ поднявшемуся къ ней навстрѣчу Павлищеву.

— Простите, ваше превосходительство, — заговорила она своимъ мягкимъ, груднымъ контральто: — я опять къ вамъ... Мы—женщины—упрямы, когда дѣло касается нашихъ близкихъ!—прибавила маленькая женщина, бросая на Павлищева тотъ дѣтски-наивный, улыбающійся и безпомощный взглядъ слабаго ребенка, полный въ то же время чарующей улыбки женщины, сознающей свою обворожительность, который госпожа Рогальская иногда не безъ успѣха пускала въ ходъ при началѣ своихъ дѣловыхъ сношеній съ административными лицами.

— Я вижу, что вы упрямы, и что, благодаря вашему упрямству, я имѣю удовольствіе видѣть васъ у себя,—проговорилъ, стараясь быть серьезнымъ, Павлищевъ и пожимая маленькую ручку въ черной лайкѣ крѣпче, чѣмъ бы, казалось, слѣдовало въ интересахъ служебнаго долга.—Прошу покорно

присѣсть, вотъ сюда, на диванъ... Здѣсь вамъ будетъ удобнѣе.

И Павлищевъ указалъ на маленькую оттоманку и, когда Рогальская опустилась, присѣлъ около нея, въ благоразумномъ однако отдаленіи.

— Вы по вчерашнему дѣлу, конечно?

— Да... Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ совѣстно быть такой назойливой, но...

Анна Аполлоновна не докончила и вздохнула. Вздохнулъ и Павлищевъ, любуясь хорошенькой просительницей. Вздохнулъ и покосилъ заискрившимися глазами на ея бѣлую, словно выточенную шейку и, все еще не теряя своего административнаго апломба, замѣтилъ:

— То, о чемъ вы просите, совершенно незаконно, Анна Аполлоновна...

— Я знаю это и прошу милости для сестры... Ея положеніе...

Она опять не договорила, и двѣ-три крупныхъ слезинки, скатившіяся по ея щекамъ, заставили ее вынуть батистовый платокъ и утереть слезы, въ то время, какъ въ сердцѣ ея играла надежда. Какъ женщина опытная, она понимала, что и это приглашеніе присѣсть на оттоманку, и нѣкоторая особѣлость взгляда Павлищева, и это крѣпкое пожатіе руки предвѣщаютъ нѣчто утѣшительное.

И Анна Аполлоновна, знавшая мужчинъ въ достаточной мѣрѣ для своихъ двадцати семи лѣтъ, хотя и плохо знавшая законы Россійской имперіи, снова бросила на Павлищева такой умоляющій, полный ласки взглядъ, что Павлищевъ невольно взялъ ея руку и просилъ успокоиться.

— Я только потому и рѣшилась безпокоить васъ, — говорила маленькая женщина:—что слышала о вашей всегдашней готовности помочь несчастнымъ людямъ... Не откажите, Степанъ Ильичъ... А я буду вѣчно поминать васъ въ своихъ молитвахъ!—прибавила она и, сдернувъ перчатку, протянула свою бѣлую, маленькую, тонкую руку въ кольцахъ и крѣпко пожала руку Павлищеву.

«Только-то!» — подумалъ про себя его превосходительство, задерживая на мгновеніе теплую руку въ своей рукѣ и глядя на хорошенькую просительницу въ упоръ застланными, нѣсколько поглупѣвшими глазами.

Положительно эта бабенка ему нравилась. И онъ готовъ былъ для нея хлопотать за ея сестру...

Но вмѣсто этого Павлищевъ замѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, очень трудно сдѣлать что-нибудь для

вашей сестры, Анна Аполлоновна, несмотря на искреннее желаніе быть чѣмъ-нибудь полезнымъ для такой хорошенькой женщины и имѣть счастье пользоваться ея молитвами...

И Павлищевъ поцѣловалъ ея руку.

— Будто трудно?.. Вамъ? Если вы захотите?—кинула Анна Аполлоновна, бросая на Павлищева лукавый, вызывающій взглядъ. — Полноте, я вамъ не вѣрю. Вы просто не хотите ничего для меня сдѣлать... Или вамъ мало моихъ молитвъ?— промолвила она съ улыбкой, понижая голосъ.

— Конечно, мало,—отвѣтилъ Павлищевъ, теряя свой серьезный видъ административнаго авгура и дѣлаясь похожимъ на шалаго кота по веснѣ.

— Вотъ вы какой... Чего-жъ вамъ еще?

Вмѣсто отвѣта Павлищевъ охватилъ хорошенькую блондинку за талію и, прижавъ къ себѣ, осыпалъ ея лицо и шею горячими поцѣлуями.

— Когда васъ можно видѣть? Гдѣ? Вы обворожительны, Анна Аполлоновна...

Анна Аполлоновна хорошо знала, что раньше или позже, а дѣловое свиданіе кончится подобнымъ признаніемъ. Немало было такихъ въ ея практикѣ! Но не такая она была женщина, чтобы давать свиданія раньше того, какъ сдѣлается дѣло. И она, оправивъ прическу и отодвигаясь отъ Павлищева, отвѣтила, что мужъ ея ревнивъ, какъ Отелло, и что видѣться съ ней нельзя ранѣе двухъ-трехъ недѣль...

— Понимаю,—улыбнулся Павлищевъ.—Не раньше, какъ ваша сестра получитъ пенсіонъ?

— Вы догадливы, Степанъ Ильичъ.

— Ну, такъ черезъ три дня свиданіе за вами... И не одно... слышите ли?.. Вы совсѣмъ вскружили мнѣ голову...

И Павлищевъ хотѣлъ - было снова привлечь къ себѣ пикантную барыньку, какъ послышался электрическій звонокъ.

Онъ однако поцѣловалъ еще разъ Анну Аполлоновну и, взволнованный и красный, проводилъ ее до дверей кабинета...

— Фу, какой однако я мальчишка! — проговорилъ онъ вслухъ, присаживаясь къ столу. — А прехорошенькая, чортъ ее побери! Изъ - за такой женщины стоитъ дать пенсіонъ вдовѣ, которой мужъ даже и не служилъ!.. — мысленно говорилъ Павлищевъ, предвкушая заранѣе удовольствіе новой авантюры и не вѣря въ ревниваго Отелло-мужа у такой покладистой женщины.

«Да, власть хороша еще и тѣмъ, что можно наслаждаться жизнью!»—подумалъ въ заключеніе Павлищевъ.

— Ну, кто это тамъ звонилъ? — спросилъ онъ, когда Викентій появился въ кабинетѣ.

— Господинъ Борщовъ. Просятъ безпремѣнно принять.

— Борщовъ?—переспросилъ Павлищевъ, недоумѣвая.

— Вотъ-съ карточка...

И только, когда Павлищевъ прочелъ на карточкѣ: «Маркъ Евграфовичъ Борщовъ», онъ догадался, что это братъ Марьи Евграфовны, о которомъ часто слышалъ отъ сестры. Это посѣщеніе брата не особенно понравилось его превосходительству. Что̀ еще за визитъ? Къ чему онъ?

Павлищевъ нѣсколько минутъ колебался: принять брата или нѣтъ? Того и гляди, еще нарвешься на какой-нибудь скандалъ!

— Зачѣмъ вы не сказали, что меня нѣтъ дома?—раздражительно проговорилъ онъ.

Тотъ молчалъ и, разумѣется, не объяснилъ, что зеленая бумажка, полученная и отъ Марка, заставила его доложить о посѣтителѣ.

— Что̀ это за господинъ?—наконецъ спросилъ Павлищевъ камердинера.

— Какъ слѣдуетъ господинъ... И одѣтъ хорошо...

— Просить его!—внезапно рѣшилъ Павлищевъ и принялъ серьезный, внушительный видъ, чувствуя однако, что малодушно труситъ.

VIII.

При первомъ же взглядѣ на этого пригожаго, вполнѣ приличнаго молодого человѣка въ безукоризненномъ фракѣ и свѣжемъ бѣльѣ, у Павлищева отлегло отъ сердца.

«Какъ онъ похожъ на сестру!» — подумалъ онъ, внезапно охваченный воспоминаніями прошлаго, и любезно протянулъ руку Марку.

— Прошу садиться,—промолвилъ Павлищевъ, указывая на кресло по другую сторону письменнаго стола.

Оба они усѣлись и нѣсколько мгновеній внимательно оглядывали другъ друга. Умное и спокойное лицо Марка, его приличныя манеры, полныя чувства достоинства, произвели на Павлищева хорошее впечатлѣніе, и онъ, почти успокоившійся, проговорилъ:

— Папиросы около васъ... Курите, пожалуйста...

— Благодарю, я не курю,—отвѣтилъ Маркъ и продолжалъ, отводя взглядъ: — я пришелъ къ вашему превосходительству по порученію сестры.

Его превосходительство слегка смутился и покраснѣлъ.

— Я только вчера и совершенно случайно узналъ, что Марья Евграфовна здѣсь,—замѣтилъ Павлищевъ.

— Сестра больше недѣли здѣсь. Она пріѣхала сюда посовѣтоваться съ докторами о своемъ сынѣ.

— Что̀ съ нимъ?—какъ-то нерѣшительно, испытывая смущеніе, спросилъ Павлищевъ.

— Вѣко на одномъ глазѣ длиннѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Надо сдѣлать операцію...

— Она не опасна?

«Ишь выспрашиваетъ, точно ему не все равно!»—подумалъ Маркъ и отвѣтилъ:

— Окулистъ говоритъ, что пустяки. Послѣ операціи сестра тотчасъ же уѣдетъ отсюда. Дѣло, впрочемъ, не въ этомъ, а въ томъ, что вчера Маша узнала отъ Бугаева, что онъ, помимо ея позволенія, упомянулъ о ней, когда былъ и просилъ мѣста, и даже сказалъ, что сестра пріѣдетъ просить васъ за него. Вся эта исторія была ей крайне непріятна. Непріятна главнымъ образомъ потому, что вы могли имѣть основаніе предположить, будто съ ея стороны есть какія-либо притязанія напомнить вамъ о себѣ... Такихъ притязаній, разумѣется, нѣтъ, и я, по просьбѣ сестры, счелъ обязанностью сообщить вамъ объ этомъ... Бугаевъ просто навралъ... Положеніе его отчаянное, и онъ, какъ недалекій человѣкъ, вообразилъ, что имя сестры можетъ ему помочь!—прибавилъ Маркъ и усмѣхнулся.

Павлищевъ, признаться, никакъ не ожидалъ подобныхъ рѣчей. Онъ думалъ, что если не простоватая Марья Евграфовна, то, по крайней мѣрѣ, братъ сдѣлаетъ какую-нибудь попытку эксплоатировать его «ошибку молодости», а между тѣмъ, вмѣсто этого, такое деликатное и гордое заявленіе. И это послѣ его дѣйствительно сквернаго и жестокаго поступка съ бѣдной дѣвушкой, беззавѣтно его любившей!..

«Этотъ братъ, видимо, порядочный человѣкъ!» — невольно думалось Павлищеву, когда онъ внимательно, опустивъ глаза, выслушивалъ Марка. Въ словахъ его, точныхъ и обстоятельныхъ, не слышно было ни одной нотки негодованія и не чувствовалось ни малѣйшей непріязни, и это нѣсколько удивило Павлищева. Вѣрно, сестра не передала ему всего, не разсказала, какъ онъ бросилъ дѣвушку съ двумя дѣтьми въ нищетѣ и даже не отвѣчалъ на ея умоляющія письма.

«Конечно, онъ ничего этого не знаетъ!» — рѣшилъ Павлищевъ.

Казалось бы, что, послѣ такого категорическаго объясненія, Павлищевъ долженъ былъ бы вполнѣ успокоиться и порадоваться, что все обошлось такъ мирно и хорошо. Прошлые грѣхи забыты, и дѣло съ концомъ! Но именно эта-то порядоч-

ность Марьи Евграфовны и ея брата подавляла его, и Маркъ не безъ нѣкотораго удивленія видѣлъ, что его превосходительство нѣсколько смущенъ и какъ будто даже растерянъ.

«Не вѣритъ, видно, и боится! — подумалъ Маркъ, никакъ не предполагавшій въ такомъ человѣкѣ, какъ Павлищевъ, возможности если не раскаянія, то хотя желанія какъ-нибудь поправить свою вину. — Или не хочетъ ли онъ разыграть для меня сцену благородства? Что-жъ! Пусть разыгрываетъ! Сестра только выиграетъ отъ этого!»

— Признаюсь вамъ, Маркъ Евграфовичъ,—заговорилъ наконецъ Павлищевъ: — я очень радъ случаю, благодаря которому я снова узналъ о Марьѣ Евграфовнѣ послѣ десятилѣтняго невѣдѣнія объ ея судьбѣ. Я искренно желаю быть чѣмъ-нибудь полезенъ ей и ея сыну. Я самъ собирался быть у нея сегодня... Вотъ и справка объ ея адресѣ!—прибавилъ Павлищевъ, вынимая изъ жилетки бумажку.

«Трусъ однако же ты порядочный!»—рѣшилъ Маркъ.

— Надѣюсь, Марья Евграфовна не откажется меня видѣть?

— Полагаю, что нѣтъ!.. Напротивъ, я думаю, будетъ рада.

— Что̀, она замужемъ?

— Нѣтъ...

— Чѣмъ она занимается?

— Попрежнему акушерствуетъ въ Харьковѣ и попрежнему наивна до святости...

— Прекрасная женщина ваша сестра!—серьезно замѣтилъ Павлищевъ и спросилъ:—А вы здѣсь живете? Мнѣ сдается, что мы съ вами гдѣ-то встрѣчались?

— У Трифоновыхъ...

— Именно... Теперь вспомнилъ...

— Я тамъ давалъ уроки молодому Трифонову...

— Вы не служите?

— Напротивъ, поступилъ на службу. Что̀ же больше дѣлать?

— Окончили университетъ?

— Какъ же, и даже магистрантъ! — прибавилъ Маркъ и усмѣхнулся.

— Ученая карьера не понравилась?

— Нѣтъ, не по мнѣ она.

— Гдѣ же вы служите?

Маркъ назвалъ министерство.

— И довольны службой?—продолжалъ допрашивать Павлищевъ, видимо заинтересованный молодымъ человѣкомъ.

— Приходится быть довольнымъ, когда нѣтъ ничего лучшаго.

— Что-жъ вы дѣлаете?

— Пишу записки и доклады для своего начальника отдѣленія, получаю восемьсотъ рублей жалованья, а онъ за мои доклады получаетъ благодарности и говоритъ, что я очень хорошій чиновникъ. Если ему улыбнется карьера, и я выдвинусь... Только врядъ ли онъ сдѣлаетъ карьеру.

— Отчего?

— Безъ всякихъ связей, и самъ недостаточно уменъ!—категорически отрѣзалъ Маркъ.

— Однако вы рѣшительны въ приговорахъ! — улыбнулся Павлищевъ.

— И кромѣ того плохо приспособляется... Позволяетъ себѣ роскошь имѣть свое мнѣніе...

— Вы называете это роскошью?

— Еще бы! Особенно когда его мнѣній никто не слушаетъ!

— И вы не позволяете себѣ такой роскоши?

— Не позволяю. Я работаю — вотъ и все, а мнѣнія свои держу про себя...

Павлищеву, который у себя въ департаментѣ хотѣлъ видѣть «свѣжія силы» и дѣльныхъ работниковъ, очень понравился этотъ спокойный, полный увѣренности въ себя, «трезвенный» молодой человѣкъ. Онъ поговорилъ съ нимъ еще и, оставшись вполнѣ доволенъ своимъ экзаменомъ, весело проговорилъ:

— Хотите, молодой человѣкъ, служить у меня?

— Съ удовольствіемъ!

— И при этомъ можете даже сохранить за собою роскошь своихъ мнѣній...

— Если ваше превосходительство ихъ спроситъ?—подсказалъ Маркъ.

— Ну, разумѣется,—улыбнулся Павлищевъ.—Для испытанія я сперва вамъ дамъ маленькую работу. Вы знаете языки?

— Французскій, англійскій и нѣмецкій.

— И отлично... Вотъ вамъ англійская книга,—продолжалъ Павлищевъ, доставая съ письменнаго стола, заваленнаго книгами и брошюрами, объемистый томъ: — составьте изъ нея обстоятельное и небольшое резюме и, когда окончите, приходите. Если работа будетъ удовлетворительна, я беру васъ къ себѣ и, не бойтесь,—прибавилъ Павлищевъ съ улыбкой: — я не оставлю васъ на восьмистахъ рублей жалованья... Я умѣю цѣнить труды хорошихъ работниковъ. Я самъ не бѣлоручка!

Съ этими словами его превосходительство поднялся, давая знать, что аудіенція окончена, и, протягивая руку, проговорилъ:

— Очень радъ, что съ вами познакомился. Увѣренъ, что

будемъ вмѣстѣ служить и ближе познакомимся. Вы мнѣ понравились.

Маркъ поклонился и вышелъ изъ кабинета съ книгой въ рукѣ, попрежнему холодный и спокойный, но внутренно торжествующій и счастливый.

Звѣзда его поднимается! Теперь онъ выдвинется и сдѣлаетъ карьеру во что бы ни стало. Павлищевъ умный человѣкъ и оцѣнитъ его способности. Недаромъ же онъ сразу обратилъ на него вниманіе. И какъ все это скоро случилось! Достаточно было одного свиданія, и еще какого щекотливаго свиданія!.. А съ Павлищевымъ служить хорошо. Онъ высоко поднимется, а вмѣстѣ съ нимъ и Маркъ.

Такъ самоувѣренно думалъ молодой человѣкъ, шагая по улицѣ и уносясь далеко въ своихъ честолюбивыхъ мечтахъ о будущей карьерѣ.

Онъ вошелъ на дворъ большого многоэтажнаго дома на Николаевской, поднялся на самый верхъ и вошелъ въ свою маленькую, необыкновенно чистую и опрятную комнатку, которую Маркъ нанималъ у одной вдовы-полковницы.

Въ этой маленькой комнатѣ обстановка была чисто-спартанская. Кровать, два-три стула, клеенчатый диванъ и письменный столъ. Но зато два шкапа и полки по стѣнамъ были полны книгъ, и большею частью книгъ серьезнаго содержанія.

Маркъ переодѣлся и торопливо съѣлъ свой обычный завтракъ: два куска чернаго хлѣба, круто посыпанные солью, которые онъ запивалъ молокомъ, снова вышелъ изъ комнаты, заперевъ ее на ключъ, и отправился въ департаментъ, захвативъ съ собою туго набитый портфель.

Въ шестомъ часу онъ вернулся домой, съѣлъ свой скромный обѣдъ изъ двухъ блюдъ, который ему принесла кухарка, и засѣлъ за работу для Павлищева.

Послѣ нѣсколькихъ ночей упорнаго труда работа была окончена, и Маркъ, черезъ недѣлю послѣ свиданія съ Павлищевымъ, въ десять часовъ утра уже звонилъ въ квартиру Павлищева и отдалъ пакетъ Викентію съ просьбою немедленно передать его барину.

— А сами развѣ не зайдете къ его превосходительству? Они дома.

— Нѣтъ, не зайду. Скажите только, что я былъ и принесъ вотъ эти бумаги. Нечего отнимать у него время!—прибавилъ Маркъ, удаляясь.

Прошло два дня, и Маркъ получилъ записку отъ Павлищева съ приглашеніемъ быть у него на другой день въ девять часовъ утра.

Облачившись во фракъ, Маркъ отправился къ Павлищеву настолько увѣренный, что работа его понравится и что новое мѣсто у него въ шляпѣ, что еще наканунѣ намекнулъ своему начальнику отдѣленія о томъ, что онъ, быть-можетъ, оставитъ службу, чѣмъ привелъ своего патрона въ большое смущеніе и вызвалъ даже упреки въ неблагодарности.

И дѣйствительно, когда Маркъ вошелъ въ кабинетъ его превосходительства, Павлищевъ крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ:

— Работа ваша, Маркъ Евграфовичъ, образцовая... Я просто восхищенъ. Все, что нужно, самое существенное, и ни одного слова лишняго... Мастерская работа... И какъ скоро вы ее сдѣлали!.. Какъ это вы ухитрились въ недѣлю?..

— Я довольно скоро работаю, ваше превосходительство!

— И съ вашими собственными выводами я вполнѣ согласенъ, вполнѣ. Таковъ и мой взглядъ на этотъ вопросъ,—весело говорилъ Павлищевъ, не подозрѣвавшій, конечно, что Маркъ писалъ свои выводы не потому, что раздѣлялъихъ,—напротивъ, онъ ихъ считалъ неправильными, —а потому, что приспособилъ ихъ ко взглядамъ Павлищева на этотъ вопросъ, о которыхъ сумѣлъ предварительно узнать черезъ одного своего знакомаго, служащаго у Павлищева въ департаментѣ.

— И какъ талантливо изложено... Ну, батюшка, мѣсто за вами... Хотите быть чиновникомъ по особымъ порученіямъ при мнѣ?.. На первое время двѣ тысячи жалованья?..

Признаться, такого благополучія и Маркъ не ожидалъ для начала и въ первую минуту даже не находилъ словъ.

— Ну, что же, довольны?

— Очень, ваше превосходительство!

— Такъ подавайте докладную записку и являйтесь ко мнѣ въ департаментъ. Весьма радъ имѣть такого дѣльнаго работника у себя,—прибавилъ Павлищевъ.

Скоро онъ распростился съ Маркомъ, ни однимъ словомъ не заикнувшись о свиданіи съ его сестрой недѣлю тому назадъ.

IX.

По нѣкоторымъ соображеніямъ, Маркъ не счелъ нужнымъ предупреждать сестру о намѣреніи Павлищева навѣстить ее. И для Марьи Евграфовны было совершенной неожиданностью его появленіе. Она страшно смутилась и заволновалась. Внезапно поблѣднѣвшая, съ замирающимъ сердцемъ, она смотрѣла во всѣ глаза на человѣка, котораго такъ любила, на этого, такъ мало перемѣнившагося съ тѣхъ поръ «Степу»,

такого красиваго и элегантнаго, тоже, въ свою очередь, нѣсколько смущеннаго и изумленнаго. И онъ не ожидалъ увидать передъ собою такую хорошенькую, свѣжую женщину, казавшуюся совсѣмъ молодой дѣвушкой, съ этими большими, дѣтски-испуганными, широко раскрытыми глазами, съ гибкимъ станомъ и съ роскошными темно-русыми волосами. Что-то невольно располагало къ ней, и Павлищевъ, при видѣ этого взволнованнаго красиваго лица, испытывалъ смѣшанное чувство жалости, виноватости и удивленнаго восхищенія завзятаго женолюба, понимающаго толкъ въ женской красотѣ.

«И какъ она выправилась. Какъ хорошо держитъ себя!»— невольно пронеслось у него въ головѣ.

Около Марьи Евграфовны стоялъ прелестный мальчикъ съ бѣлокурыми вьющимися волосами и съ недоумѣніемъ и страхомъ переводилъ свой темный глазъ съ блѣднаго, взволнованнаго лица матери на этого незнакомаго красиваго господина. Другой глазъ мальчика былъ почти закрытъ вѣкомъ, и это придавало его личику какое-то грустное и меланхолическое выраженіе. Онъ былъ до поразительности похожъ на отца, и Павлищевъ почувствовалъ это съ перваго же мгновенія. Почувствовала это и Марья Евграфовна.

— Вы не ожидали, Марья Евграфовна, что я осмѣлюсь придти къ вамъ,—заговорилъ наконецъ Павлищевъ тихимъ, мягкимъ своимъ теноркомъ и робко протянулъ ей руку.

Она подала ему свою похолодѣвшую бѣлую, широкую руку. Павлищевъ поднесъ ее къ губамъ и почтительно поцѣловалъ. Марья Евграфовна какъ-то смущенно отдернула руку.

— Не ожидала,—чуть слышно проронила она:—послѣ столькихъ лѣтъ...

И, стараясь подавить свое волненіе, прибавила, опускаясь на диванъ:

— Садитесь, Степанъ Ильичъ...

Мальчикъ тотчасъ же сѣлъ около матери, словно бы желая защитить мать противъ господина, который, казалось ему, такъ напугалъ маму. И онъ съ вызывающимъ и въ то же время испуганнымъ видомъ взглядывалъ на Павлищева.

А Павлищевъ, опустившись въ кресло, между тѣмъ продолжалъ:

— Я не стану оправдываться. Я много, много виноватъ передъ вами, и вы меня, конечно, никогда не простите...

Голосъ его, гибкій и нѣжный, звучалъ, казалось, искренностью и пробирался къ самому сердцу Марьи Евграфовны.

Съ какимъ-то инстинктивнымъ кокетствомъ когда-то люби-

мой женщины, она оправила свои волосы и, вся краснѣя, отвѣтила кротко и просто:

— Я давно простила.

— Давно простили!? Добрая вы!—вымолвилъ Павлищевъ, чувствуя, что не совсѣмъ еще потерялъ прежнее свое обаяніе у этой женщины, и взглянулъ на Марью Евграфовну мягко и нѣжно, какъ умѣлъ глядѣть на женщинъ, которыхъ хотѣлъ обворожить.

Почувствовала и Марья Евграфовна, что этотъ чарующій взглядъ все еще дѣйствуетъ, и сердце ея тревожно встрепенулось. Она поняла, что этотъ человѣкъ до сихъ поръ не совсѣмъ чужой ей, и все хорошее въ прошломъ, эти три года ихъ совмѣстной жизни, эти розы ея первой любви безъ позднѣйшихъ шиповъ и разочарованій, все это невольно припомнилось ей при видѣ Павлищева... И въ доброй душѣ ея уже готово было оправданіе сильно любившей женщины для человѣка, котораго никто бы не оправдалъ.

— Еслибъ не Бугаевъ, я и не зналъ бы, что вы здѣсь...

— Но я не просила Бугаева говорить обо мнѣ!—перебила съ горделивымъ видомъ молодая женщина.—Я не разсчитывала когда-нибудь съ вами встрѣтиться и чѣмъ-нибудь напомнить вамъ о себѣ.

— Знаю, знаю. Къ чему вы это говорите? Вы все такая же, какъ были десять лѣтъ тому назадъ... И какъ же мало вы перемѣнились!?. Только еще болѣе расцвѣли и... похорошѣли.

Марья Евграфовна вспыхнула и нахмурила брови, точно недовольная этимъ комплиментомъ, хотя въ душѣ и безконечно была рада, что Павлищевъ сказалъ ей это. Но гордость не позволяла ей показать этой радости. Пусть онъ ничего не знаетъ.

И она съ строгимъ видомъ, какъ будто не обращая никакого вниманія на послѣднія слова, проговорила:

— Я, конечно, не виню Бугаева... Семья его дѣйствительно въ отчаянномъ положеніи, и онъ...

— А я теперь положительно благодаренъ Бугаеву. И въ доказательство дамъ ему мѣсто... Скажите ему объ этомъ,—перебилъ Павлищевъ, испытывая желаніе явить передъ Марьей Евграфовной свое великодушіе:—пусть приходитъ ко мнѣ въ департаментъ...

Молодая женщина промолвила:

— Вы дѣлаете большое благодѣяніе для его семьи...

— Я это дѣлаю ради нашей встрѣчи, Марья Евграфовна... Вѣрьте, я никогда не сомнѣвался въ вашей гордости... Се-

годня еще былъ у меня вашъ братъ и говорилъ, что вы никогда и не думали дать вѣсть о себѣ... Я васъ понимаю. Я такъ тяжко виноватъ... И какой славный вашъ братъ и какъ онъ похожъ на васъ наружностью... Такъ же, какъ вотъ этотъ бѣдный мальчикъ на своего отца!—прибавилъ вдругъ тихо Павлищевъ, взглядывая на Васю.

— Да, онъ похожъ,—прошептала Марья Евграфовна и задумалась.

— Я слышалъ, вы хотите дѣлать ему операцію.

— Не рѣшаюсь еще...

— Позвольте мнѣ помочь въ этомъ... Я приглашу лучшаго хирурга...

— Благодарю васъ, не надо...

— Вы не хотите принять даже такой услуги?

— Я уже была у хирурга, у профессора, и уже уговорилась съ нимъ... На-дняхъ надо рѣшиться...

— Говорятъ, операція пустая.

— А все-таки...

— А ты, Вася, не боишься операціи?—вдругъ обратился Павлищевъ къ мальчику.

— Не боюсь, если мама будетъ со мной.

— Буду, всегда буду!—нѣжно проговорила мать и съ какой-то особенною порывистостью поцѣловала его.

— Молодецъ, что не боишься!—похвалилъ Павлищевъ и ласково поманилъ ребенка къ себѣ.

Но тотъ, повидимому, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія подойти къ незнакомому человѣку, да еще напугавшему мать. И онъ не отвѣчалъ на зовъ.

— Не бойся, Вася. Этотъ дядя добрый!—взволнованно проговорила Марья Евграфовна.

Несмотря на слова матери, мальчикъ не трогался съ мѣста и еще крѣпче прижался къ ней.

— Онъ въ меня... застѣнчивый!—вымолвила мать, точно извиняясь за сына.

И странное дѣло! Хотя Павлищевъ и не испытывалъ въ эти минуты никакого нѣжнаго отцовскаго чувства и вообще не особенно любилъ дѣтей, тѣмъ не менѣе этотъ ребенокъ, столь похожій на него, возбуждалъ въ немъ невольное участіе. Ему хотѣлось приласкать этого сироту безъ отца.

Вообще его превосходительство какъ-то размякъ и былъ въ великодушномъ настроеніи духа, чему, надо думать, немало способствовало и успокоеніе относительно возможности какого-либо скандала, и все еще тлѣвшая привязанность Марьи Евграфовны,—онъ это видѣлъ,—и ея красота.

Положительно, она хорошенькая—эта небольшая женщина съ крѣпкими упругими формами, съ дѣвической таліей и ребяческой робостью. А главное, въ ней есть эта свѣжесть, этотъ ароматъ южныхъ степей и какая-то дѣвственная цѣломудренная стыдливость неиспорченной женщины. И столько глубины въ этихъ большихъ кроткихъ глазахъ, опушенныхъ длинными рѣсницами. И въ то же время какая наивность! Видно было, что жизнь со всѣми ея лишеніями нисколько не загрязнила ея и оставила чистой, чего Павлищевъ никакъ не предполагалъ.

Давно ужъ онъ не встрѣчалъ ничего подобнаго въ своихъ любовныхъ петербургскихъ авантюрахъ и съ дамами полусвѣта и съ дамами такъ-называемыми «порядочными»—ничего подобнаго.

И въ головѣ Павлищева внезапно явилась шальная мысль:

«Не начать ли съ ней опять!? Отличная была бы любовница. Преданная, любящая и простоватая!»

Но ему вдругъ самому стало совѣстно этой мысли. Вѣдь тутъ должна быть одна любовь, и къ чему можетъ привести эта связь!? Невозможно же ему жениться на Марьѣ Евграфовнѣ. Не такая ему нужна жена въ его положеніи! Онъ женится на Трифоновой съ милліономъ въ придачу!

Но онъ все-таки рѣшилъ поразить Марью Евграфовну, и уже въ головѣ его былъ опредѣленный планъ того, что онъ для нея сдѣлаетъ.

Съ особеннымъ интересомъ сталъ онъ разспрашивать объ ея прошлой жизни, объ ея настоящемъ и надеждахъ на будущее, и Марья Евграфовна, подкупленная ласковостью Павлищева и, главное, воспоминаніемъ о своей прежней любви, съ кроткой довѣрчивостью стала разсказывать свою исторію, деликатно опуская въ ней тѣ ужасы лишеній, которыя она перенесла, чтобы не смущать Павлищева.

Сперва ей было трудновато, но потомъ ничего, легче. Она получила мѣсто и живетъ теперь, не нуждаясь, въ Харьковѣ. Спасибо добрымъ людямъ, устроили ее.

— А я думалъ, что вы вышли замужъ!—замѣтилъ Павлищевъ.

— И не собиралась.

— Но женихи, конечно, были? Должны были быть!

— Положимъ, были,—застѣнчиво краснѣя, говорила Марья Евграфовна:—но я не рискнула выйти замужъ.

— Отчего?

— Отчего?—переспросила молодая женщина и удивленно повела взглядомъ на Павлищева, словно изумляясь, что онъ

не понимаетъ «отчего».—Я не хотѣла дѣлить привязанности между мужемъ и... вотъ имъ!..—прибавила она, указавъ движеніемъ головы на мальчика.—И наконецъ...

Она на секунду остановилась и промолвила:

— И наконецъ мужчины не всегда прощаютъ прошлое... Ребенокъ могъ быть живымъ укоромъ...

Павлищевъ слушалъ, опустивъ голову. Сколько самоотверженія было въ этой женщинѣ. Сколько сдѣлалъ онъ ей зла. И ни одного упрека, ни единаго слова негодованія, и никакихъ притязаній!

— Послушайте, Марья Евграфовна,—заговорилъ онъ:—поправить прошлаго, разумѣется, нельзя, но искупить его никогда не поздно...

— Чѣмъ искупить?.. Я ничего не прошу...

— Но я прошу васъ позволить мнѣ исполнить хоть долю своихъ обязанностей. Позвольте мнѣ быть полезнымъ вамъ?..

— Мнѣ ничего не надо!—строго, почти брезгливо, вымолвила Марья Евграфовна.

— Но ему...

Чувство матери взяло верхъ надъ гордостью женщины, и она ничего не сказала.

— Я пока могу положить на имя мальчика десять тысячъ и доставлю билетъ вамъ... И, кромѣ того, не лишите меня возможности примириться съ совѣстью и позвольте взять заботу объ его воспитаніи на себя... Я буду высылать вамъ для этой цѣли тысячу двѣсти рублей въ годъ, по сто рублей въ мѣсяцъ... И еще просьба: разрѣшите мнѣ имѣть когда-нибудь вѣсти о васъ и о немъ...

— Къ чему?

— Чтобъ я не терялъ васъ больше изъ виду...

Марья Евграфовна была переполнена благодарностью за сына и съ глазами, полными слезъ, протянула руку Павлищеву. Тотъ ее крѣпко пожалъ и поцѣловалъ.

— Я не ошиблась въ васъ... Вы добрый человѣкъ!—проговорила, вся умиленная, Марья Евграфовна.

И это выраженіе чувства необыкновенно тронуло Павлищева.

Прощаясь, онъ получилъ разрѣшеніе навѣщать Марью Евграфовну, пока она будетъ здѣсь, и поцѣловалъ Васю, обѣщая ему въ слѣдующій разъ привезти игрушекъ.

Когда его превосходительство ѣхалъ отъ Марьи Евграфовны въ департаментъ на своемъ рыжемъ рысакѣ, онъ былъ въ самомъ умиленномъ настроеніи и сознавалъ себя вполнѣ добрымъ и порядочнымъ человѣкомъ, совершенно загладившимъ свою «ошибку молодости».

«Въ самомъ дѣлѣ, многіе ли поступили бы такъ благородно и великодушно, какъ онъ?»

«И что̀ за свѣжесть въ этой женщинѣ, и какъ она хороша!»—мысленно проговорилъ онъ, подъѣзжая къ департаменту.

X.

Въ департаментѣ Павлищевъ пробылъ, по обыкновенію, до седьмого часа вечера и, разумѣется, не имѣлъ ни одной свободной минуты времени. То онъ принималъ по спѣшнымъ дѣламъ просителей, радовавшихся, если могли урвать у него пять-десять минутъ свиданія, то выслушивалъ доклады начальниковъ отдѣленій, то пробѣгалъ разные заказанные имъ записки и проекты, то подписывалъ бумаги, то его требовали къ министру, то звали въ комиссію.

И департаментъ со времени назначенія Павлищева былъ просто неузнаваемъ. Прежнее сонное царство вдругъ, казалось, ожило, и въ немъ закипѣла захватывающая духъ дѣятельность, точно господа чиновники со своимъ энергичнымъ директоромъ во главѣ вдругъ рѣшили наверстать цѣлые годы бюрократической лѣни и показать всепожирающую дѣятельность. Всѣ въ этихъ высокихъ комнатахъ, гдѣ—давно ли?—больше занимались разговорами и куреньемъ папиросъ—суетились, спѣшили, словно бы находясь на военномъ положеніи. Всѣмъ было «некогда», всѣ имѣли возбужденный, слегка ошалѣлый видъ, далекій отъ того бюрократическаго равнодушія, которое говорило, что дѣло—не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ... Однимъ словомъ, въ департаментѣ, какъ свидѣтельствовали въ тѣ отдаленныя времена многія газеты, «царило оживленіе и кипѣла неустанная работа, говорившая о томъ, насколько вноситъ духъ живой такая молодая и свѣжая сила, какъ недавно назначенный на видный постъ директора департамента С. И. Павлищевъ».

Послѣ этихъ оптимистическихъ строкъ прибавлялось слѣдующее задушевное желаніе либеральнаго автора:

«Ахъ, побольше бы такихъ образованныхъ, энергичныхъ, молодыхъ силъ, — и, съ Божьей помощью, Россія зашагаетъ могучими шагами. Довольно намъ имѣть директоровъ департаментовъ, хотя и благонамѣренныхъ, но геморроидальныхъ, косноязычныхъ и тугоухихъ стариковъ, не всегда разбирающихъ: «намъ пишутъ», или «мы пишемъ». Пора давать дорогу молодымъ, полнымъ жизни людямъ, которые сумѣютъ внести и свѣтъ и духъ живой въ нашъ заржавленный бюрократическій механизмъ и отлично знаютъ не книжныя теоріи, а жизнь».

Оставимъ гиперболическія красоты и нѣсколько либеральный тонъ диѳирамба на отвѣтственности редакторовъ, похвалившихъ на своемъ вѣку, глядя по обстоятельствамъ, и «маститыхъ мужей, умудренныхъ опытомъ», и «молодыя, свѣжія силы», и не станемъ разбирать, насколько ошалѣлый видъ департаментскаго чиновника и его внезапное превращеніе изъ человѣка 20-го числа въ какого-то самоотверженнаго раба всепожирающей дѣятельности принесли въ эпоху нашего разсказа существенную пользу той многомилліонной массѣ, которая пребывала въ невѣжествѣ. Но справедливость лѣтописца обязываетъ однако замѣтить, что къ седьмому часу вечера, послѣ дня безпрерывной спѣшки, суеты и бѣготни, и самъ виновникъ этого «оживленія», его превосходительство Степанъ Ильичъ Павлищевъ, и его два помощника, и всѣ подчиненные по справедливости чувствовали себя вполнѣ исполнившими свой долгъ передъ отечествомъ и были утомлены и голодны. Особенно радовались концу занятій тѣ маленькіе чиновники, для которыхъ «могучіе шаги» газетчиковъ, какъ это ни предосудительно, не представляли ни малѣйшаго интереса ни относительно карьеры ни относительно увеличенія оклада. И они съ веселой стремительностью бросились изъ департамента, когда наконецъ Павлищевъ уѣхалъ обѣдать къ Донону, отправивъ курьера къ себѣ домой съ туго набитымъ портфелемъ, въ которомъ лежало довольно-таки будущаго счастья для отечества въ видѣ разныхъ проектовъ и мѣропріятій изъ нѣдръ департамента...

Павлищевъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, за столомъ, у окна въ общей комнатѣ, и, проглотивъ маленькую рюмку померанцевой, съ удовольствіемъ закусывалъ свѣжей икрой, озирая нѣсколько человѣкъ, такъ же поздно обѣдавшихъ, какъ и онъ. Знакомыхъ никого не было, и онъ не разсчитывалъ ихъ встрѣтить, такъ какъ зналъ, что большинство такихъ же, какъ онъ, холостыхъ видныхъ представителей администраціи имѣютъ свое гнѣздо въ другомъ ресторанѣ. Павлищевъ нарочно не ходилъ туда. Здѣсь ему казалось и приличнѣе, и солиднѣе, и не нужно ни съ кѣмъ говорить, да и къ кухнѣ онъ привыкъ. И въ тѣ дни, когда Павлищевъ не бывалъ никуда приглашенъ, онъ всегда обѣдалъ у Донона.

— Бискъ или кремъ д'аспержъ?—спросилъ пожилой татаринъ Ибрагимъ, обыкновенно прислуживающій Павлищеву.

— Дайте биску...

— А вино?.. Ваше обыкновенное... вужо?

Павлищевъ утвердительно кивнулъ головой и съ серьезнымъ видомъ заложилъ салфетку за галстукъ. На лицѣ его

появилось то плотоядное выраженіе, которое бываетъ у гурмановъ, и онъ словно собирался не просто обѣдать, а, такъ сказать, священнодѣйствовать.

Когда татаринъ подалъ бискъ, Павлищевъ сталъ его ѣсть не спѣша, видимо смакуя и супъ и пирожки, и занятый въ это время, казалось, одной ѣдой. Нѣсколько утомленный отъ дневной сутолоки и работы, онъ жаждалъ отдыха отъ всѣхъ этихъ проектовъ, мѣръ и предположеній, надъ которыми трудился вмѣстѣ со своимъ патрономъ, и находилъ его въ культѣ чревоугодія. По крайней мѣрѣ обѣдъ хоть отвлекалъ его отъ дѣлъ. И безъ того до поздней ночи придется сидѣть за работою.

Съ загорѣвшимися глазами накладывалъ онъ на тарелку гатчинскую форель и поливалъ ее пикантнымъ соусомъ.

Съѣвши кусокъ дикой козы и запивъ чуть-чуть тепловатымъ краснымъ виномъ, Павлищевъ утолилъ свой голодъ и остальныя блюда ѣлъ уже лѣнивѣе.

Когда подали кофе съ fine champagne, Павлищевъ закурилъ душистую сигару, чувствуя нѣсколько пріятное и игривое настроеніе послѣ вкуснаго обѣда и нѣсколькихъ стакановъ вужо. Ему теперь вмѣсто десерта хотѣлось бы общества веселой и хорошенькой женщины.

Образъ этой пикантной блондинки Рогальской мелькалъ въ воображеніи его превосходительства. Отлично бы теперь къ ней поѣхать и сказать ей, что сегодня онъ докладывалъ министру, и сестра ея получитъ пенсію. То-то она обрадуется и, быть-можетъ, заплатитъ свой долгъ. «Препикантная бабенка!»—мысленно подхваливалъ Павлищевъ, воспламеняясь все болѣе и болѣе и готовый сейчасъ же на рискованное посѣщеніе.

И, расплатившись за обѣдъ, Павлищевъ вышелъ изъ ресторана, отпустилъ кучера домой, а самъ взялъ извозчика и отправился къ Рогальской, веселый и радостный, какъ школьникъ.

Когда извозчикъ остановился у подъѣзда большого дома на Фурштадтской, гдѣ жила Анна Аполлоновна Рогальская, Павлищевъ былъ въ нѣкоторой трусливой нерѣшительности. Несмотря на видимую «проблематичность» пикантной блондинки, этотъ визитъ къ ней, къ женщинѣ, которую онъ видѣлъ всего два раза, показался теперь ему нѣсколько рискованнымъ и, главное, могъ поставить его въ смѣшное положеніе. Что если его встрѣтитъ мужъ, и если вообще она будетъ не одна? Какую глупую роль онъ долженъ будетъ разыграть, и какіе могутъ пойти о немъ по городу слухи. Ска-

жутъ, что Павлищевъ, директоръ департамента, ворвался въ чужую квартиру, какъ какой-нибудь сумасбродный юнкеръ.

Всѣ эти соображенія значительно расхолодили его превосходительство и внушили ему благоразумную осторожность, и онъ вошелъ въ подъѣздъ, приподнявъ воротникъ шубы и надвинувъ на лобъ свою бобровую шапку, имѣя въ виду сдѣлать предварительныя развѣдки.

Швейцаръ дремалъ въ креслѣ и на вопросъ: здѣсь ли живетъ г. Рогальскій?—отвѣчалъ, что здѣсь, въ четвертомъ этажѣ.

— Онъ дома?

— Никакъ нѣтъ. Въ Москву уѣхали.

— Въ Москву?—переспросилъ Павлищевъ, ощущая приливъ веселаго чувства.—И давно уѣхалъ?

— Три дня тому назадъ.

— Когда онъ вернется?

— Обѣщали на будущей недѣлѣ.

— Экая досада, что его нѣтъ! — промолвилъ Павлищевъ, взглядывая на швейцара, который, въ свою очередь, пытливо посматривалъ на господина, интересовавшагося не барыней, а бариномъ. Это было что-то диковинное.

— Ну, спасибо тебѣ, братецъ, что сказалъ, когда баринъ вернется... Мнѣ нужно его видѣть...

Съ этими словами онъ подалъ швейцару рублевую бумажку, вызвавшую горячую благодарность, и какъ бы мимоходомъ кинулъ:

— А супруга его, Анна Аполлоновна, у себя?

— И ихъ нѣтъ. Въ театръ уѣхали.

— Не знаешь ли, братецъ, въ какой?..

— Нанимали извозчика въ Малый театръ.

— Одна уѣхала?

— Нѣтъ-съ, съ сестрицей... А какъ прикажете о васъ доложить?

— Не нужно, братецъ, докладывать. Я завтра пріѣду. Когда удобнѣе всего застать барыню?

«Вотъ оно что. Баринъ-то былъ для отвода глазъ!» — подумалъ швейцаръ, стараясь опредѣлить по виду положеніе Павлищева.

— Около двѣнадцати утра, когда только-что вставши... Тогда онѣ дома и однѣ,—какъ-то значительно почему-то подчеркнулъ швейцаръ.—Или въ шесть часовъ послѣ обѣда... А въ другое время барыня рѣдко бываетъ дома. Въ разъѣздахъ все больше

Павлищевъ вышелъ, сопровождаемый швейцаромъ, и направился пѣшкомъ къ Литейной. На углу Сергіевской онъ

нанялъ на всякій случай двухмѣстную карету и велѣлъ везти себя въ Малый театръ, окрыленный игривыми надеждами на ужинъ въ отдѣльномъ кабинетѣ съ хорошенькой блондинкой, послѣ спектакля.

Черезъ четверть часа его превосходительство, солидный и серьезный, чуть-чуть приподнявъ свою бѣлокурую голову, пробирался въ четвертый рядъ креселъ и, скромно усѣвшись, принялся слушать оперу, нетерпѣливо ожидая антракта.

Антрактъ наступилъ скоро—Павлищевъ пріѣхалъ къ концу перваго акта. Поднявшись, его превосходительство оглядывалъ жадными глазами въ бинокль ложи и партеръ, и наконецъ увидалъ свою блондинку. Она сидѣла въ седьмомъ ряду рядомъ съ сестрой, тоже недурненькой женщиной, элегантно одѣтая и хорошенькая. Павлищевъ весело усмѣхнулся и, встрѣтивъ ея взглядъ, слегка наклонилъ голову, получивъ въ отвѣтъ самую милую и обворожительную улыбку. Вслѣдъ затѣмъ она встала и направилась къ выходу, что-то шепнувъ сестрѣ. Павлищевъ тотчасъ же пошелъ за ней.

— Анна Аполлоновна, здравствуйте! — проговорилъ онъ, пожимая ея крошечную руку...—Догадываетесь ли вы, зачѣмъ я сюда попалъ?—тихо прибавилъ онъ, останавливая ее въ коридорѣ.

— Слушать оперу, надѣюсь?

— Васъ видѣть, васъ, и сообщить вамъ кое-что интересное...

Анна Аполлоновна обдала его превосходительство чарующимъ взглядомъ и шутливо замѣтила:

— Будто меня видѣть?.. Какъ вы могли знать, что я здѣсь?

— Какъ видите, узналъ... Мнѣ такъ хотѣлось видѣть васъ сегодня, что я поѣхалъ къ вамъ.

— Вы были у меня?—воскликнула Анна Аполлоновна, видимо, пріятно польщенная этимъ посѣщеніемъ.

— То-то былъ и, узнавши, что вы здѣсь, пріѣхалъ сюда...

— Я никогда не смѣла бы ожидать такой любезности съ вашей стороны... Это слишкомъ льститъ мнѣ...

— Да развѣ вы не видите, что совсѣмъ свели меня съ ума? Съ перваго же раза, какъ были у меня въ департаментѣ...

— Будто?

— Я правду говорю. Еще бы! Вы такая хорошенькая... Такая...

Очарованный Павлищевъ не находилъ словъ.

— Какая еще?..

— Однимъ словомъ, прелесть что̀ такое... Вы одна изъ тѣхъ женщинъ, ради которыхъ даже и я покривилъ душой!—

шепталъ Павлищевъ, пожирая Анну Аполлоновну влюбленными глазами.

И пикантная блондинка, хорошо знавшая цѣну этихъ мужскихъ взглядовъ, весело улыбалась, слушая эти рѣчи. Она хорошо понимала, что понравилась его превосходительству (недаромъ онъ такъ скоро исполнилъ ея просьбу,—въ этомъ, разумѣется, и было то «интересное», о чемъ онъ торопился сообщить ей), и втайнѣ радовалась, что ей придется «благодарить» не какого-нибудь разслабленнаго, отвратительнаго стараго развратника, а такого моложаваго, свѣжаго и красиваго, какимъ былъ Павлищевъ. И—кто знаетъ?—не увлечется ли онъ ею серьезнѣе послѣ интимнаго знакомства?.. Эти мужчины вѣдь такіе капризные и такія свиньи!

— А что̀ же интересное вы хотѣли мнѣ сказать, Степанъ Ильичъ?

— Не догадались развѣ? Ваша сестра полу̀читъ пенсію.

— Милый, добрый,—радостно шепнула Анна Апо̀ллоновна, сжигая Павлищева многообѣщающимъ быстрымъ взглядомъ.

— Я сегодня докладывалъ министру. Торопился, чтобы поскорѣй заслужить вашу благодарность,—чуть слышно промолвилъ Павлищевъ.

— И заслужили... Я держу свое слово, когда даю его такому милому и интересному человѣку, какъ вы,—значительно произнесла молодая женщина.—Съ другими можно нарушить слово, а съ вами—нѣтъ!—прибавила она съ очаровательной улыбкой.

Павлищевъ совсѣмъ растаялъ отъ этого комплимента и сказалъ:

— Такъ знаете ли что̀?.. Не будемъ откладывать въ долгій ящикъ обѣщаннаго свиданія... Ѣдемъ послѣ спектакля ужинать... Поболтаемъ наединѣ... Вы мнѣ разскажете о себѣ... о вашемъ мужѣ...

— Однако вы нетерпѣливый, какъ посмотрю! — усмѣхнулась молодая женщина.—Сегодня я не могу...

— Анна Аполлоновна!.. За что же такая немилость?.. А я такъ надѣялся! — произнесъ упавшимъ голосомъ Павлищевъ съ растеряннымъ видомъ кота, отъ котораго улизнула мышка.

— Со мной сестра... Если хотите, поѣдемъ втроемъ? — лукаво спросила Рогальская.

«Чортъ бы ее побралъ, какая она соблазнительная, эта блондинка, съ ослѣпительно-бѣлой шеей и этой роскошью бюста! И сколько нѣги въ ея лукавыхъ черныхъ глазкахъ!»— думалъ Павлищевъ. Онъ уже заранѣе предвкушалъ удоволь-

ствіе ужина съ шампанскимъ въ тиши уединеннаго кабинета, съ бойкимъ и оживленнымъ разговоромъ этой несомнѣнно умной женщины, прерывающимся поцѣлуями... и вдругъ: «не хотите ли ѣхать втроемъ?»

— Анна Аполлоновна... Ради Бога... Требуйте отъ меня, что̀ хотите, но только ѣдемъ сегодня,—почти молилъ Павлищевъ страстнымъ, взволнованнымъ тономъ, озираясь однако по сторонамъ.

На счастье его, въ томъ мѣстѣ коридора, гдѣ они стояли, публики не было, и только старикъ-капельдинеръ могъ наблюдать изліянія влюбленнаго статскаго генерала.

— А что̀ же мы будемъ дѣлать съ сестрой?—спросила молодая женщина.

— Отправьте ее домой... Возьмите мою карету... Скажите, что вы ѣдете куда-нибудь на вечеръ...

— Развѣ что такъ... Ну, будь по-вашему!.. Я ѣду съ вами!—шепнула Анна Аполлоновна.

Они условились, что выйдутъ изъ театра до окончанія спектакля, чтобъ при разъѣздѣ ихъ не замѣтили. Павлищевъ крѣпко пожалъ руку молодой женщины и отправился, веселый и радостный, въ фойе.

— Вы какъ сюда попали, ваше превосходительство?—обратился къ нему съ веселымъ хохотомъ господинъ Яновскій, хлопая Павлищева фамильярно по плечу, тоже одинъ изъ видныхъ молодыхъ представителей «свѣжихъ силъ», веселый и способный малый, извѣстный прожигатель жизни, враль, циникъ, безшабашный оппортюнистъ (какъ онъ себя называлъ) и постоянный посѣтитель всѣхъ публичныхъ мѣстъ. — Васъ нигдѣ не видно—вы вѣдь анахоретомъ живете и грѣшите при закрытыхъ дверяхъ—и вдругъ... въ Маломъ театрѣ! Что̀ сіе обозначаетъ?—любопытно посматривая на Павлищева, допрашивалъ Яновскій послѣ дружескаго пожатія.

— Ничего не обозначаетъ... Просто захотѣлъ послушать музыки,—отвѣчалъ Павлищевъ, не особенно довольный встрѣчей съ этимъ болтуномъ и сплетникомъ.

— И отвратительныхъ пѣвцовъ!? Та-та-та!.. Разсказывайте, кому хотите, только не мнѣ!—расхохотался Яновскій, подмигивая глазомъ...

— Предоставляю вамъ вѣрить или не вѣрить, какъ знаете... А вы зачѣмъ здѣсь?

— Я по обязанности... Моя пѣвичка поетъ... Слушаю ея отвратительное сопрано и послѣ повезу ужинать... Qué faré. Сложена восхитительно и постигла всѣ тайны очарованья. Свинка, я вамъ доложу, перваго сорта!—не стѣсняясь, громко,

по своему обыкновенію, говорилъ Яновскій, не переставая хохотать. — А новость слышали?

— Какую?

— Иртеньева назначаютъ на высокій постъ... Это вѣрно. На-дняхъ будетъ приказъ...

— Не можетъ быть?—усомнился Павлищевъ.

— Все можетъ быть, что̀ бываетъ... А бываетъ, сколь вамъ извѣстно, и то, чего не предвидѣлъ и другъ Гораціо... Ну, до свиданія. Моей пѣвичкѣ похлопайте! — говорилъ Яновскій вдогонку, когда Павлищевъ уходилъ отъ него. — Ея фамилія театральная: Престини, хотя она просто-напросто Акулина Ивановна Пискунова... Bonne chance! — крикнулъ, смѣясь вдогонку, Яновскій.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ въ этотъ вечеръ Павлищевъ окончанія спектакля и, когда наконецъ онъ близился къ концу, вышелъ изъ театра. Вслѣдъ за нимъ вышла и Рогальская.

«Вотъ для кого пріѣзжалъ коллега мой!»—подумалъ Яновскій, замѣтившій ихъ почти одновременное удаленіе, и уже рѣшилъ на слѣдующее утро повѣдать объ авантюрѣ Павлищева за завтракомъ у Дюссо.

А Павлищевъ, счастливый и веселый, ѣхалъ въ каретѣ съ блондинкой и осыпалъ ее поцѣлуями...

Вернулся Павлищевъ домой поздно—въ третьемъ часу утра, возбудивъ удивленіе въ Викентіи. Обыкновенно его превосходительство никогда такъ поздно не возвращался.

— Разбудите меня въ десять часовъ и никого завтра не принимать!—приказалъ онъ камердинеру.

На слѣдующее утро Степанъ Ильичъ отвезъ Марьѣ Евграфовнѣ билетъ на десять тысячъ, вручилъ ей за мѣсяцъ 100 рублей и подарилъ много игрушекъ Васѣ. Просидѣвъ у Марьи Евграфовны четверть часа, Павлищевъ поѣхалъ къ Рогальской и явился къ ней съ брильянтовымъ кольцомъ, которое самъ одѣлъ на ея крошечный мизинецъ въ память вчерашняго свиданія.

XI.

Василій Захаровичъ Трифоновъ былъ хорошо извѣстный въ тѣ времена желѣзнодорожный тузъ и милліонеръ, нажившій большое состояніе на постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Бывшій скромный армейскій офицеръ, онъ началъ съ небольшихъ подрядовъ, полученныхъ по знакомству съ однимъ инженеромъ, и кончилъ тѣмъ, что лѣтъ черезъ десять послѣ того получилъ концессію и выстроилъ дорогу въ шестьсотъ

верстъ, заслуживъ репутацію относительно добросовѣстнаго строителя. Когда притихла концессіонная горячка, Трифоновъ, какъ человѣкъ дѣятельный, энергичный и умный, умѣвшій проводить всякія дѣла, занялся другими предпріятіями и въ описываемое нами время имѣлъ «чистенькихъ», какъ онъ говорилъ, три милліона. Кромѣ наличныхъ денегъ, у него было два завода. Пользуясь репутаціей умнаго дѣльца, онъ былъ предсѣдателемъ правленія и воротилою въ одномъ изъ крупныхъ банковъ и однимъ изъ видныхъ благотворителей. За подвиги благотворенія онъ давно уже былъ награжденъ генеральскимъ званіемъ и пріобрѣлъ связи. На его знаменитыхъ обѣдахъ, которые онъ давалъ разъ въ мѣсяцъ, собирались выдающіяся и вліятельныя лица административнаго и финансоваго міра.

Жилъ онъ съ женой, дочерью и сыномъ въ роскошномъ своемъ домѣ на Англійской набережной. Небольшая, но хорошо подобранная картинная галлерея Трифонова и его собраніе рѣдкостей, занимавшее большую комнату, были такъ же хорошо извѣстны, какъ и его лукулловскіе званые обѣды и его простая и обходительная привѣтливость и крайне скромныя потребности. Лично онъ довольствовался самымъ простымъ столомъ и сохранилъ прежнія свои скромныя привычки, и если и жилъ въ роскоши, то потому только, что находилъ это нужнымъ для «дѣлъ» и хотѣлъ доставить удовольствіе женѣ и дѣтямъ. Онъ не кичился богатствомъ, хотя и любилъ деньги, любилъ самый процессъ наживы и, по примѣру разбогатѣвшихъ людей, не лѣзъ въ свѣтъ и не скрывалъ своего скромнаго происхожденія. Знакомство водилъ разнообразное, не дѣлая никакого подбора, и на его «четвергахъ», когда по вечерамъ у него запросто собирались въ домѣ болѣе близкіе знакомые, общество было смѣшанное. Рядомъ съ блестящими офицерами, товарищами сына, охотившимися за богатой невѣстой, въ гостиной Трифоновыхъ можно было увидать маленькаго чиновника-родственника или незначительнаго служащаго изъ банка, почему-либо понравившагося Трифонову и приглашеннаго на «четверги». Среди элегантныхъ дамскихъ туалетовъ попадались самыя скромныя черныя шерстяныя платья пріятельницъ и бывшихъ товарокъ дочери Трифонова. На этихъ «четвергахъ» играли въ карты, болтали и слушали пѣніе артистовъ. Трифоновъ былъ большой меломанъ и водилъ знакомство съ пѣвцами и пѣвицами.

Вставшій, по обыкновенію, рано и выпившій два большихъ стакана горячаго чая съ булкой, Трифоновъ въ это утро

сидѣлъ въ большомъ, скромно убранномъ кабинетѣ у письменнаго стола, въ своемъ довольно старенькомъ сѣромъ байковомъ халатѣ, и, посасывая дешевую сигару, хотя тутъ же на столѣ у него стоялъ ящикъ сторублевыхъ регалій,—внимательно штудировалъ съ очками на глазахъ листъ, исписанный цифрами и представлявшій собой смѣту на постройку новаго завода на Уралѣ на недавно пріобрѣтенной имъ почти за безцѣнокъ землѣ. Итогъ былъ подведенъ весьма почтенный, и Василій Захаровичъ нѣсколько разъ покачивалъ въ раздумьѣ своей широкой и большой сѣдой головой.

Это былъ внушительныхъ формъ, крѣпкій и здоровый, широкоплечій мужчина, которому никто не далъ бы его шестидесяти четырехъ лѣтъ — до того онъ сохранился и былъ моложавъ. Его съ крупными чертами лицо, отливавшее здоровымъ румянцемъ, было свѣжо и почти безъ морщинъ. Въ зоркихъ небольшихъ темныхъ глазахъ свѣтилась жизнь; взглядъ былъ молодъ, энергиченъ и немножко лукавъ. Большой лобъ, мясистый, чисто русскій носъ и толстыя губы не отличались ни красотой ни изяществомъ формъ, и лицо Трифонова было не изъ красивыхъ, но въ немъ чувствовались энергія и сила. Большая засѣдѣвшая борода и густая грива сѣдыхъ волосъ, зачесанныхъ назадъ, придавали его лицу нѣсколько артистическій видъ, и съ перваго взгляда Трифонова можно было принять за художника или музыканта.

«И чего онъ затѣваетъ новое дѣло. Точно мало дѣлъ и точно мало у него денегъ. Къ чему? Для кого?»—проносилось въ головѣ у Трифонова, когда онъ просматривалъ смѣту.

— Однѣ только лишнія хлопоты!—проговорилъ онъ вслухъ и самъ усмѣхнулся, зная, что именно эти хлопоты, новое дѣло и какое-то неодолимое влеченіе къ наживѣ, хотя бы и безцѣльной, и составляютъ главную для него приманку, и что, несмотря на колебанія, онъ, разумѣется, построитъ заводъ, затративъ на него громадныя деньги. Зато впослѣдствіи это дѣло будетъ приносить громадные барыши.

И Трифоновъ снова погрузился въ соображенія и съ карандашомъ въ рукахъ провѣрялъ цифры, не замѣтивъ, какъ въ кабинетъ вошелъ, слегка позвякивая шпорами, его сынъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, очень похожій и фигурой и лицомъ на отца. Этотъ коротко-остриженный офицеръ въ длиннополомъ сюртукѣ, съ золотымъ браслетомъ на рукѣ и съ добрымъ взглядомъ нѣсколько красныхъ глазъ, свидѣтельствовавшихъ о кутежѣ, былъ некрасивъ и имѣлъ нѣсколько взволнованный и растерянный видъ, который онъ напрасно старался скрыть.

— Здравствуй, папа, — проговорилъ усиленно развязнымъ тономъ молодой человѣкъ, подходя къ отцу и громко цѣлуя его въ щеку.

— Здравствуй, Боря... Здравствуй, голубчикъ!—нѣжно промолвилъ отецъ.—Что̀ ты сегодня такая ранняя птичка... Еще и девяти нѣтъ, а ты уже всталъ? Или сегодня дежурный?— говорилъ отецъ, любовно взглядывая на сына.

Отъ его глазъ не укрылось помятое лицо молодого человѣка и возбужденный его видъ.

«Вѣрно, кутнулъ вчера!»—подумалъ онъ.

— Нѣтъ, папа, я не дежурный... Я пришелъ къ тебѣ съ просьбой.

— Что̀ такое? Нужно денегъ?

— Много нужно...

— Много?.. Зачѣмъ? — спросилъ старикъ, не любившій, чтобы сынъ выходилъ изъ своего довольно широкаго бюджета. И лицо его сдѣлалось серьезно.

— Не сердись и прости, папа, — заговорилъ дрогнувшимъ голосомъ Борисъ, не смотря на отца. — Я вчера проигралъ въ клубѣ...

Старикъ, который терпѣть не могъ азартныхъ игръ и самъ игравшій въ винтъ по небольшой, еще серьезнѣе и строже взглянулъ на сына и нѣсколько мгновеній молчалъ. Его большой лобъ сморщился, въ лицѣ появилось суровое выраженіе, и маленькіе глаза сдѣлались злыми.

— Что̀ значитъ много по твоему счету? — наконецъ спросилъ онъ.

— Двадцать тысячъ, — проронилъ упавшимъ голосомъ Борисъ.

— Двадцать тысячъ проиграть въ одинъ вечеръ!?—воскликнулъ въ изумленіи старикъ, не ожидавшій такой крупной цифры и никакъ не предполагавшій, что сынъ его, казавшійся разсудительнымъ молодымъ человѣкомъ, могъ сдѣлать такую глупость.

— Играли въ макао... Я зарвался и... проигралъ на честное слово.

Старикъ Трифоновъ съ какимъ-то презрительнымъ сожалѣніемъ поглядѣлъ на сына и, послѣ паузы, проговорилъ:

— Не ожидалъ, признаться, отъ тебя такого сюрприза... Не ожидалъ. Не для того я горбомъ наживалъ деньги, чтобы сынъ мой проигрывалъ въ ночь по двадцати тысячъ. Я, разумѣется, даръ тебѣ эти деньги, но помни, Борисъ, что это въ первый и послѣдній разъ!.. Ты знаешь меня и знаешь, что я держу свое слово!—прибавилъ внушительно старикъ.

И съ этими словами онъ досталъ изъ письменнаго стола чековую книжку и, написавъ чекъ, подалъ его сыну.

Тотъ было-сталъ благодарить, но отецъ строго остановилъ его:

— Не благодари, Борисъ. Ты лучше сдѣлаешь, если впредь не будешь играть. Карточныхъ долговъ я платить не буду— помни... Я не привыкъ бросать денегъ на вѣтеръ... И вообще соразмѣряй свои расходы... Кажется, тысяча рублей, что я тебѣ даю, на всемъ на готовомъ, при экипажѣ и лошадяхъ, которые въ твоемъ распоряженіи, — болѣе чѣмъ достаточна на кутежи?.. Смотри же, не злоупотребляй моей любовью, Борисъ!—прибавилъ, смягчая тонъ, старикъ, глядя на смущенное лицо сына.

— Больше этого не будетъ, папа. Даю тебѣ слово!

— Даешь? И сдержишь?

— Сдержу.

— И отлично. Спасибо тебѣ. И я даю слово не сердиться и забыть твой глупый проигрышъ.

Съ этими словами отецъ протянулъ руку сыну, и тотъ поднесъ эту широкую, большую волосатую руку къ своимъ губамъ.

— Ну, ну, не благодари, не за что, — проговорилъ отецъ, отдергивая руку.—Съ кѣмъ грѣха не бываетъ. Кто глупостей не дѣлаетъ! Но умный человѣкъ ихъ не повторяетъ, вотъ въ чемъ дѣло. И я увѣренъ, что ты этой глупости не повторишь больше... Ну, ступай, отвози свой проигрышъ... Кому это ты проигралъ такую уйму денегъ?—спросилъ онъ.

— Ртищеву...

— Хорошъ гусь! Выигрывать съ юнца двадцать тысячъ! Порядочный человѣкъ не допустилъ бы до такого проигрыша...

Борисъ удалился, и Трифоновъ досталъ свою расходную книжку, вписалъ въ нее: «Сыну Борису 20.000» и снова поморщился и мысленно обругалъ весьма энергически и рѣзко Ртищева, вытащившаго у него изъ кармана, здорово живешь, такой кушъ денегъ.

Ужъ Василій Захаровичъ собирался, по своему обыкновенію, ѣхать въ одиннадцатомъ часу въ свой банкъ, какъ на порогѣ появилась его любимица—Ксенія.

Эта была высокая и стройная, съ тонкой и гибкой таліей блондинка, поразительной бѣлизны, съ умнымъ и оживленнымъ, довольно миловиднымъ и насмѣшливымъ лицомъ, тѣхъ лѣтъ, когда дѣвицы начинаютъ обыкновенно увядать, и скрывать свои года. Но, несмотря на свои двадцать восемь лѣтъ, Ксенія Васильевна не увядала и не скрывала лѣтъ и не безъ кокет-

ства называла себя «старой дѣвой», подчеркивая свои годы и не торопясь выходить замужъ, несмотря на множество самыхъ блестящихъ предложеній.

Одѣта она была совсѣмъ просто, въ черномъ шерстяномъ платьѣ, и видомъ своимъ и манерами походила скорѣе на англичанку, чѣмъ на русскую. Эта иностранная складка дана ей была воспитаніемъ за границей, гдѣ она провела съ матерью нѣсколько лѣтъ и гдѣ училась въ одномъ англійскомъ пансіонѣ... Вернувшись въ Россію, она поступила на высшіе женскіе курсы, блистательно окончила курсъ по математическому отдѣленію и, несмотря на свое богатство, не особенно любила свѣтъ и не расположена была отдавать свое сердце многочисленнымъ претендентамъ на ея милліонъ приданаго. Умная и большой скептикъ по натурѣ, она не довѣряла людямъ и, главное, не находила «интереснымъ», и такимъ образомъ дожила до двадцать девятой весны, никѣмъ серьезно не увлекаясь, хотя и кокетничая съ мужчинами и дурача ихъ, что̀ ей доставляло немалое развлеченіе. Жизнь и общество, въ которомъ она вращалась, не удовлетворяли эту дѣвушку-скептика и притомъ самостоятельнаго характера. Она читала, училась, занималась благотворительными дѣлами, рисовала по фарфору и по временамъ хандрила, чувствуя, что всѣ эти занятія не наполняютъ жизни, и довольно трезво понимая причины этой безпредметной хандры, пошаливанія нервовъ, безпричинныхъ слезъ по ночамъ и какихъ-то томительно-сладкихъ грезъ и мечтаній.

«Пора замужъ выходить!»—нерѣдко думала она и не знала только, на комъ остановить ей свой благосклонный выборъ и осчастливить своей характерной и независимой особой съ милліономъ въ придачу. При этомъ предстояло не нарваться на какого-нибудь пошляка, съ которымъ будетъ очень скучно, или на непорядочнаго человѣка, отъ котораго придется убѣжать. Вообще всѣхъ возможныхъ кандидатовъ въ мужья, бывавшихъ у нихъ въ домѣ, возившихъ ей цвѣты, конфеты и разыгрывающихъ влюбленныхъ, она цѣнила не особенно высоко и находила ихъ скучными, лживыми и неинтересными. Однако кокетничала съ ними и, чувствуя потребность если не настоящей любви, то хотя бы ея суррогата, все-таки медлила, сокрушая этимъ мать, добродушное и безцвѣтное существо, и заставляя не разъ задумываться боготворившаго ее отца.

Какъ ни радъ былъ онъ видѣть дочь около себя, а все-таки находилъ, что его умницѣ «Сюшѣ» давно пора замужъ, недаромъ «эти нервы» въ послѣднее время начинали пошаливать

все болѣе и болѣе, и ни поѣздки въ Крымъ и на Кавказъ ни обливанія холодной водой, по совѣту моднаго доктора, не помогали и не избавляли Ксенію Васильевну отъ хандры и по временамъ раздражительности.

И старикъ Трифоновъ пріискивалъ подходящихъ, по его мнѣнію, жениховъ и звалъ на свои «четверги». Однако, къ крайнему его удивленію, никто изъ этихъ розовыхъ и откормленныхъ представителей хорошей мужской породы въ видѣ красивыхъ поручиковъ и штатскихъ молодыхъ людей не плѣнялъ сердца Сюши. Она ихъ находила и слишкомъ глупыми и безсовѣстно молодыми. Тогда Трифоновъ привезъ Павлищева. Это былъ сорокапятилѣтній моложавый и румяный красавецъ, и уменъ, и интересенъ, и сіялъ яркой восходящей звѣздой на административномъ небосклонѣ.

И Ксенія, повидимому, нѣсколько заинтересовалась имъ.

Трифоновъ просвѣтлѣлъ при видѣ своей любимицы.

Она приблизилась къ нему своей быстрой, граціозной походкой и, звонко цѣлуя отца, проговорила:

— Проспала—вчера зачиталась... А ужъ ты собираешься ѣхать? Я тебя не задержу...

— И задержишь—не бѣда. Присядь-ка... Здорова, Сюша?— спрашивалъ, любуясь дочерью, Трифоновъ.

— Какъ видишь, папа! — съ веселой улыбкой отвѣчала Ксенія и прибавила: — а я къ тебѣ за деньгами; дай мнѣ двѣсти рублей, надо помочь одной барышнѣ... Славная...

— Вотъ тебѣ, родная...

И Трифоновъ, вынувъ изъ бумажника деньги, подалъ ихъ дочери и спросилъ:

— А у тебя самой есть деньги?

— Есть... Еще пятьдесятъ рублей есть... Остались отъ твоего жалованья...

— Такъ бери еще.

— Зачѣмъ? Мнѣ не надо. Тратить не на что.

— Ишь ты какая бережливая у меня!—съ нѣжностью замѣтилъ отецъ и прибавилъ:—а я, Сюша, новый заводъ собираюсь строить...

— Гдѣ? Здѣсь?

— На Уралѣ. Большой механическій заводъ. Будемъ рельсы катать и машины строить. Одобряешь?

— Конечно, одобряю. Тебѣ вѣдь скучно безъ какого-нибудь новаго увлеченія и новыхъ хлопотъ!—улыбнулась Ксенія.

— Именно. А это дѣло совсѣмъ новое, интересное. Вотъ лѣтомъ съѣзжу на Уралъ. Начнемъ работы. Хочешь прокатиться со мной, Сюша?

— А съ мамой кто останется? Борисъ уйдетъ въ лагерь.

— А миссъ?..

— Миссъ Эмми? Ты развѣ не знаешь, какую нагоняетъ она тоску, эта миссъ Эмми, когда старается занимать... Превосходная дѣвушка, но скучна...

— И то правда, разумница... Ну, а вы съ мамой куда лѣтомъ?.. Еще не рѣшили? Быть-можетъ, за границу прокатитесь?

— Охъ, папа!—замѣтила Ксенія съ кислой гримасой.— Надоѣло. Ужъ лучше на дачу.

— И тамъ надоѣстъ.

— Куда-нибудь подальше, чтобъ не встрѣчать петербургскихъ знакомыхъ... Тогда ничего.

Трифоновъ усмѣхнулся.

— Разборчивая ты, Сюша... Люди вездѣ люди... Неужто такъ-таки тебѣ никто не нравится изъ нашихъ знакомыхъ?

— Ты, конечно, про мужчинъ спрашиваешь?—хитро улыбнулась Ксенія.

— Хотя бы и про мужчинъ...

— Никто... Очень ужъ неинтересны, папа...

— То-есть какъ неинтересны?

— Такъ. Всѣ на одинъ ладъ.

— А Павлищевъ?

— Твой Павлищевъ какъ будто любопытенъ. Не глупъ и не ординаренъ... Онъ вѣдь, кажется, твой кандидатъ, папа?

— Кандидатъ? — переспросилъ, нѣсколько смущаясь, старикъ.—Что̀ ты хочешь этимъ сказать, Сюша?

— Не хитри, пожалуйста, папочка. Точно ты не знаешь, что Павлищевъ твой кандидатъ въ мои мужья, какъ этотъ красавецъ Сицкій—маминъ!..—разсмѣялась Ксенія.—Я вѣдь поняла, зачѣмъ ты привелъ къ намъ Павлищева. Ну, однако прости. И то тебя задержала! — прибавила она, поднимаясь съ кресла.

— Нѣтъ, подожди, не уходи, Сюша... Поговоримъ, ужъ если ты сама начала.

— Поговоримъ, папа... Я всегда рада съ тобой говорить.

И Ксенія снова поцѣловала отца и опустилась въ кресло.

— Положимъ, что ты, моя умница, и не ошиблась,—началъ Трифоновъ.

— И не положимъ, а «скажемъ»!..

— Ну, скажемъ, будь по-твоему, — весело подхватилъ отецъ:—развѣ Павлищевъ ужъ такъ и не достоинъ быть кандидатомъ?

— Ты что̀ же торопишь меня замужъ выдать.

— Пора бы, кажется, Сюша,—промолвилъ тихо старикъ и послѣ паузы добавилъ:—надѣюсь, что и ты не собираешься остаться въ старыхъ дѣвахъ?

— Не собираюсь, — отвѣтила Ксенія, и внезапно кровь прилила къ ея ослѣпительно-бѣлой кожѣ.

— А Павлищевъ, на мой взглядъ, подходящій человѣкъ... Умный, дѣльный и...

— Будущій министръ, папа... А я супруга министра?— перебила Ксенія, и глаза ея заискрились насмѣшливымъ огонькомъ.

— Положимъ, и это не порокъ... Но я не то хотѣлъ сказать... Я хотѣлъ сказать, что Павлищевъ и добрый человѣкъ... Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется... И ты ему, видимо, нравишься...

— Не замѣтила, чтобы очень, папа... Стану примѣчать и буду ждать объясненія!—разсмѣялась Ксенія. — Не отрицаю его достоинствъ и не отвергаю безусловно его кандидатуры, но прежде надо хорошо его узнать, а я вѣдь его такъ мало знаю!..

— Ну, ты скоро раскусываешь людей, Сюша.

— А вотъ Павлищева еще не раскусила... Что̀, онъ будетъ у насъ сегодня вечеромъ на «четвергѣ»?

— Собирался. Я его видѣлъ вчера. Былъ у него въ департаментѣ. Вотъ-то работаетъ, не то что̀ наши чиновники... А знаешь, Сюша, Борщовъ у него мѣсто получилъ... чиновникомъ по особымъ порученіямъ. Я очень порадовался... Что̀, былъ онъ у васъ?.. Что-то давно его не видать.

— Давно не былъ! — промолвила Ксенія и чуть-чуть покраснѣла.

— Вотъ этотъ молодой человѣкъ такъ совсѣмъ не похожъ на другихъ!—заговорилъ Трифоновъ, чувствовавшій слабость къ Марку.—И умница, и работяга, и желѣзнаго характера... Онъ пробьетъ себѣ дорогу въ жизни... Вотъ ужъ и теперь очаровалъ Павлищева. А Павлищевъ умѣетъ цѣнить людей... Надо бы послать за Борщовымъ, а то пропалъ совсѣмъ...

— Зачѣмъ посылать?—съ живостью подхватила Ксенія.— Онъ вѣдь знаетъ, что всѣ у насъ къ нему хорошо относятся, и могъ бы безъ зова придти... Не идетъ, значитъ, не хочетъ.

— Просто, занятъ... Ты, кажется, Сюша, не очень-то долюбливаешь этого юношу?

— Съ чего ты взялъ?—нѣсколько раздраженно отвѣчала Ксенія. — Напротивъ, я его уважаю... Онъ очень оригиналенъ и...

— И что̀ еще?

— И нѣсколько загадоченъ... Несмотря на свою юность, совсѣмъ не высказывается... Молчаливъ и, кажется, черезчуръ много о себѣ думаетъ... Гордыня въ немъ большая.

— И имѣетъ право думать о себѣ! Я знаю его... Живетъ, какъ отшельникъ, работаетъ, какъ волъ, и аккуратенъ, какъ хронометръ... Я какъ-то былъ въ его келійкѣ... Спартанская обстановка... Зато книгъ...

— Много?—любопытно спросила Ксенія.

— Много... Ты знаешь, что я ему давно предлагалъ хорошія мѣста у себя?

— Въ первый разъ слышу, папа. И онъ отказывался?

— Отказывался, предпочитая сидѣть на 800 рубляхъ казеннаго жалованья.

— Почему?

— Говоритъ, что предпочитаетъ казенную службу, а за деньгами не гонится. Честолюбивъ!.. И повѣрь, что скоро выдвинется. Я знаю, какъ онъ работаетъ. Когда онъ былъ учителемъ у Бориса, я ему далъ одну работу, и какъ онъ ее сдѣлалъ... Восторгъ!.. Дѣловитый парень. Люблю такихъ... Рѣдки они по нынѣшнимъ временамъ... Ну, пора и ѣхать!—закончилъ Трифоновъ.—До свиданія, Сюша.

Трифоновъ вышелъ изъ кабинета вмѣстѣ съ дочерью и спустился внизъ.

Ксенія отправилась къ себѣ и заходила по своему кабинету. Къ крайнему своему удивленію, мысли ея заняты были Маркомъ, и ей почему-то было досадно, что онъ давно не былъ у нихъ и не обращаетъ, повидимому, ни малѣйшаго вниманія на нее, на эту избалованную общимъ поклоненіемъ дѣвушку, которую всѣ считаютъ и умной и остроумной и нѣсколько боятся ея колкаго языка.

А Маркъ, несмотря на видимое желаніе Ксеніи сблизиться съ нимъ, стать на дружескую ногу и осчастливить юношу своими умными разговорами, не только не просвѣтлѣлъ отъ такого счастья, но систематически и упорно уклонялся отъ всякой интимности и словно игнорировалъ дѣвушку и два года назадъ, когда готовилъ Бориса, будучи студентомъ, и потомъ, когда изрѣдка иногда заходилъ къ нимъ. Постоянно холодно-вѣжливъ, приличенъ и ни малѣйшаго желанія хоть когда-нибудь высказаться, поговорить съ ней, обратить на себя ея милостивое вниманіе!

Это, признаться, сперва удивило, а потомъ раздражило самолюбивую, гордую Ксенію, искавшую «интересныхъ» людей и не находившую ихъ у себя въ домѣ, раздражило и какъ дѣвушку, считавшую себя умной и безконечно выше окру-

жающихъ, и какъ женщину, инстинктивно желавшую нравиться. И она, въ свою очередь, стала относиться къ Марку съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, словно бы въ ея глазахъ онъ былъ какая-то «мебель», и втайнѣ, признаться, разсчитывала, зная хорошо мужчинъ, что это наконецъ заставитъ Марка хоть сколько-нибудь заинтересоваться ею и узнать, что̀ она за человѣкъ.

Но, къ изумленію и — надо правду сказать — къ досадѣ Ксеніи Васильевны, этотъ загадочный и молчаливый юноша, лаконическій и нѣсколько рѣшительный въ своихъ рѣдкихъ приговорахъ, видимо увѣренный въ себѣ, нисколько не измѣнился и послѣ перемѣны обращенія Ксеніи, точно ему было совершенно безразлично, какъ она къ нему относится.

Чувствовалась какая-то сила въ этомъ человѣкѣ, и его самоувѣренность, сдержанность и его полное равнодушіе невольно импонировали и разжигали въ Ксеніи любопытство. Среди разныхъ пошляковъ онъ дѣйствительно казался «интереснымъ», этотъ серьезный, замѣчательно красивый Маркъ со своимъ спокойно-ироническимъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ.

Въ послѣднее время Ксенія иногда о немъ думала и съ досадой ловила себя на мысляхъ о немъ. Разумѣется, и въ помыслахъ она не представляла себѣ возможности выйти замужъ за такого мальчишку. Но этотъ «мальчишка» словно дразнилъ ее, и въ минуты, когда пошаливали ея нервы, никто другой, кромѣ Марка, не появлялся въ ея не всегда цѣломудренныхъ мечтахъ... Это ее злило... Она старалась не думать о немъ и все-таки думала... И все ея существо трепетало въ какой-то сладкой истомѣ, когда этотъ румяный и кудрявый юноша сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ во время томительно-жгучихъ грезъ безсонныхъ ночей и безпричинныхъ слезъ, тихо, слеза за слезой, скатывающихся по заалѣвшимъ щекамъ дѣвушки.

Послѣ такихъ «шалостей нервовъ», какъ называла Ксенія эти грезы, она, при встрѣчѣ съ Маркомъ, бывала еще холоднѣй, чѣмъ обыкновенно, словно негодуя, что этотъ «мальчишка» смѣлъ хоть и втайнѣ обезпокоить ея великолѣпную, уравновѣшенную и трезвую особу.

И теперь, разгуливая по комнатѣ и думая о Маркѣ, о которомъ напомнилъ отецъ, она должна была сдѣлать усиліе надъ собой, чтобы изгнать его изъ своей головы и, надменно прищуривъ глаза, прошептать вслухъ не безъ раздраженія:

— Слишкомъ много чести!

«Пора однако выбрать мужа!» — подумала она и рѣшила сегодня вечеромъ серьезно наблюдать Павлищева и основательно пококетничать съ «будущимъ министромъ».

Взглянувъ на часы, она подавила пуговку звонка и, когда явилась горничная, попросила ее принести шляпку и перчатки и приказать подавать карету. Она обѣщала быть до двѣнадцати у дѣвушки, для которой взяла у отца деньги, и, аккуратная, боялась опоздать.

XII.

Черезъ мѣсяцъ, послѣ удачно сдѣланной операціи, Марья Евграфовна уѣхала съ сыномъ въ Харьковъ, вполнѣ простившая Павлищеву, примиренная и успокоенная. Будущность сына уже не пугала ея. У него, благодаря Павлищеву, будетъ кое-что на черный день и, кромѣ того, будетъ человѣкъ, который впослѣдствіи о немъ позаботится и поможетъ ему устроиться въ жизни. Чувство отца все-таки сказалось и скажется впереди. Разумѣется, эти сто рублей, которые Павлищевъ обѣщалъ давать ежемѣсячно, она будетъ тратить исключительно на Васю, на его образованіе, на учителей... Она дастъ отличное образованіе своему мальчику, посовѣтовавшись съ знающими людьми. О себѣ, о своей разбитой личной жизни Марья Евграфовна совсѣмъ и не думала, охваченная вся любовью къ сыну, и, уѣзжая изъ Петербурга, сохранила въ своемъ добромъ сердцѣ искреннюю благодарность къ Павлищеву и, быть-можетъ, даже большее чувство. Онъ все-таки, хоть и поздно, но созналъ свою вину и постарался ее загладить, и за то дай Богъ ему счастья въ жизни.

И Марья Евграфовна, растроганная и благодарная, съ глазами, полными слезъ, горячо пожимала руку Павлищеву, пріѣхавшему къ ней проститься, выражая ему добрыя пожеланія и благодаря за сына. Тронутый ея благодарностью и этимъ полнымъ забвеніемъ его вины, Павлищевъ невольно подумалъ, что изо всѣхъ женщинъ, съ которыми онъ встрѣчался, только одна эта его искренно любила и, кажется, готова снова полюбить, сдѣлай онъ только попытку. При взглядѣ на ея хорошенькое лицо, дышавшее свѣжей, здоровой красотой и выраженіемъ чистоты и цѣломудренности, у Павлищева въ головѣ, какъ и въ первое свиданіе, пробѣжала мысль: «Не оставить ли ее въ Петербургѣ?»

Къ тому же и увлеченіе Павлищева пикантной блондинкой послѣ мѣсяца частыхъ свиданій стало остывать. Слишкомъ оно дорого ему уже стоило и грозило дальнѣйшими тратами.

И то за мѣсяцъ она перебрала немало денегъ и надоѣдала разными просьбами о сестрахъ и братьяхъ, которыхъ у нея оказалось подозрительно много. И вообще она была «проблематическая» дама, и, конечно, не одинъ Павлищевъ пользовался ея благосклонностью. Онъ это понималъ. Сдѣлать же ее своей содержанкой—для этого нужны не такія средства, какими онъ располагалъ. И этотъ странный, почти отсутствующій мужъ-чиновникъ, и роскошь обстановки ея квартиры, и эти постоянныя какія-то «дѣла», которыми она занималась,—все теперь казалось Павлищеву не совсѣмъ понятнымъ и довольно страннымъ. Эта очаровательная женщина ужъ черезчуръ была дѣловита, юрка и таинственна и въ качествѣ вакханки была такой же умѣлый и ловкій дѣлецъ, какимъ была, казалось, и въ жизни. Она умѣла «подать себя», умѣла «заинтересовать» самаго развращеннаго мужчину, но во всемъ этомъ цинизмѣ было что-то разсчетливо-отталкивающее. Павлищеву хотѣлось въ «амурахъ» немножко поэзіи, немножко любви, или, по крайней мѣрѣ, иллюзіи...

А когда онъ заговаривалъ объ этомъ съ Анной Аполлоновной, та посмѣивалась и говорила, что такая «роскошь» слишкомъ дорого стòитъ для желающаго ея безраздѣльной любви. Надо «вознаградить» мужа, удаливъ его куда-нибудь подальше въ провинцію на порядочное мѣсто, надо предварительно «обезпечить» ее (она готова половину наличными, а половину векселями съ какимъ-нибудь надежнымъ бланкомъ) и давать ей приличныя средства.

— Видите, я откровенна, Степанъ Ильичъ, и на такихъ условіяхъ охотно любила бы васъ одного, рискнувъ репутаціей,—прибавляла, лукаво щуря глаза, молодая женщина.

Павлищевъ только пожималъ плечами. Даже и его коробилъ этотъ цинизмъ Анны Аполлоновны. Она вѣдь не обыкновенная кокотка, а женщина съ извѣстнымъ образованіемъ и воспитаніемъ. Отецъ ея былъ штатскимъ генераломъ и, какъ зналъ Павлищевъ, не прерывалъ съ ней сношеній, былъ съ ней въ дружбѣ. Не зналъ только Павлищевъ, что этотъ папенька и мѣсто хорошее получилъ недавно, исключительно благодаря хлопотамъ дочери, и, конечно, понималъ стоимость этихъ хлопотъ.

— Чтò вы пожимаете плечами? Не довольны такими взглядами, Степанъ Ильичъ? Находите ихъ, быть-можетъ, смѣлыми?

— Немножко смѣлы...

— Ну, а вы, господа мужчины, развѣ лучше насъ и развѣ не такіе же смѣлые, когда добиваетесь карьеры?.. И не такіе

же продажные, какъ и мы, грѣшныя?.. Хоть бы вотъ пенсіонъ моей сестры... Ну, полно, не хмурьтесь, Степанъ Ильичъ... Всѣ мы хороши! Всѣ мы продаемъ и душу и тѣло ради благъ земныхъ. Только я откровеннѣе говорю объ этомъ—вотъ и вся разница!—прибавила Анна Аполлоновна, громко расхохоталась и подарила Павлищева жгучимъ взглядомъ, отъ котораго онъ совѣлъ и впадалъ въ мечтательно-минорное настроеніе человѣка, задѣтаго за живое женщиной.

— Странный вы человѣкъ, Анна Аполлоновна... И большой хищникъ... Смущаете вы нашего брата... Скажите откровенно: любили ли вы когда-нибудь... безкорыстно... были вы влюблены?

— А вы, Степанъ Ильичъ?—насмѣшливо спросила молодая женщина.

— Любилъ и былъ влюбленъ! Всего было.

— Ну, признаться, я сомнѣваюсь, чтобъ вы могли любить...

— А васъ?..

— Полно глупости врать. Точно я не понимаю, что вы во мнѣ любите. Вы такой же свинья, какъ и другіе мужчины—простите за выраженіе.

— Ну, положимъ, вы правы. Въ васъ я только люблю прелестную женщину... Но вы не отвѣтили на мой вопросъ: любили ли вы кого-нибудь?

— Любила.

— Любили, а теперь никого не любите?

— Люблю себя, люблю блескъ, роскошь и богатство. Кто мнѣ доставитъ все это, того и я полюблю...

— Вы клевещете на себя, Анна Аполлоновна,—заговорилъ Павлищевъ, впадая въ тонъ человѣка, удивленнаго такимъ цинизмомъ.—Развѣ можно такъ разсуждать и развѣ можно въ ваши годы быть такою матеріалисткой? Вы вѣдь женщина, и развѣ сердце ваше...

— Да бросьте этотъ тонъ проповѣдника,—со смѣхомъ перебила молодая женщина.—Ни вамъ говорить, ни мнѣ слушать... И не представляйтесь обиженнымъ... Я знаю причину вашей обиды—я не ѣду сегодня съ вами ужинать... Не могу, мой милый проповѣдникъ... А насчетъ того, что я женщина и что любить мнѣ, какъ вы говорите, хочется, такъ вѣдь этому горю легко помочь... Всегда можно найти объектъ для такой любви... какого-нибудь неопытнаго, краснощекаго юношу безъ гроша въ карманѣ, но съ горячею любовью,—со смѣхомъ прибавила Анна Аполлоновна.

— Вы невозможны!—воскликнулъ Павлищевъ и любопытно спросилъ:—и у васъ есть такой юноша?

— А вамъ зачѣмъ знать?

— Любопытно.

— Ну, такъ я вамъ не скажу. Быть-можетъ, есть, а быть-можетъ, и нѣтъ...

Всѣ эти воспоминанія невольно пронеслись у Павлищева въ то время, когда онъ сидѣлъ въ маленькой меблированной комнатѣ у Марьи Евграфовны. И онъ снова задалъ себѣ вопросъ: «Не оставить ли ее въ Петербургѣ?» Но что-то ему внутри подсказало, что эта скромная женщина не сдѣлается его любовницей и согласится быть лишь его женой. Онъ знаетъ ея гордость. Да и мысль о братѣ ея, Маркѣ, нѣсколько смущала его. И его превосходительство не безъ нѣкотораго сожалѣнія разстался съ этой мыслью и, прощаясь съ Марьей Евграфовной и долго цѣлуя ея руку, проговорилъ не безъ чувства:

— Помните же, мой другъ, что я всегда къ вашимъ услугамъ... Давайте вѣсти и о себѣ и о Васѣ...

Онъ расцѣловалъ мальчика и ушелъ, сознавая, что разстается съ единственной женщиной на свѣтѣ, которая его горячо и искренно любила и жизнь которой онъ такъ безчеловѣчно разбилъ.

Почти одновременно съ Марьей Евграфовной выѣхалъ изъ меблированныхъ комнатъ и Бугаевъ съ женой и дѣтьми, получивъ порядочный кушъ подъемныхъ и за три мѣсяца впередъ жалованье. Эти деньги позволили ему расплатиться съ петербургскими долгами, обшить семью, и кромѣ того оставалось еще на дорогу и на первое обзаведеніе въ далекой Сибири, гдѣ онъ получилъ мѣсто. Нечего и говорить, какъ была рада эта блѣдная, истомленная, болѣзненная жена Бугаева за окончаніе петербургскихъ мытарствъ и какъ она благодарила Марью Евграфовну, не сомнѣваясь, что мужъ получилъ назначеніе благодаря лишь ей. Самъ Бугаевъ ходилъ гоголемъ и давалъ слово женѣ попасть теперь въ «точку», настоящую «петербургскую точку», и служить, какъ требуется «петербургскимъ начальствомъ», и особеннаго «патріотизма» не обнаруживать. Бугаевъ тѣмъ охотнѣе обѣщалъ это, что самъ Павлищевъ, давая ему назначеніе и относительно довольно приличное (три тысячи) жалованье, предупредилъ его, что малѣйшее злоупотребленіе или превышеніе власти съ его стороны—и онъ будетъ уволенъ...

— Совѣтую вамъ, господинъ Бугаевъ, помнить это хорошенько! Мнѣ вѣдь извѣстно, изъ-за какого «патріотическаго образа мыслей» вы были уволены, — прибавилъ его

превосходительство внушительно и нѣсколько брезгливо, подчеркивая слова: «патріотическій образъ мыслей».—Подъ этой вывѣской нынче много творится безобразій, и я ихъ не потерплю.

Бугаевъ старался увѣрить, что онъ теперь «уразумѣлъ въ горнилѣ испытаній свою, такъ сказать, безтактность и впредь надѣется оправдать лестное довѣріе его превосходительства».

Это увѣреніе не мѣшало однако господину Бугаеву думать о «поправкѣ», которую можно сдѣлать въ далекомъ и захолустномъ краѣ. Слышалъ онъ, какъ тамъ наживаются умные люди. Надо только не очень накидываться и дѣйствовать осторожно. И все будетъ шито да крыто. Сибиряки народъ смирный, привыкшій ублажать чиновниковъ!

Пора, въ самомъ дѣлѣ, ему стать на ноги и кое-что прикопить.

Такъ пріятно мечталъ господинъ Бугаевъ, выходя изъ департамента веселый и радостный, съ твердымъ намѣреніемъ не пострадать болѣе за свой «патріотизмъ».

XIII.

Въ этотъ «четвергъ» въ роскошныхъ аппартаментахъ Трифонова собралось, по обыкновенію, довольно большое и пестрое общество. Кто пріѣхалъ повинтить, кто — спеціально поужинать, кто просто не зналъ, куда дѣваться, и отправился къ Трифоновымъ. Люди молодые и холостые, разсчитывающіе, что имѣютъ какіе-нибудь шансы понравиться Ксеніи, пріѣзжали исключительно для нея. Два-три дѣльца завернули къ Трифонову вниманія ради и въ надеждѣ встрѣтить кого-нибудь изъ административныхъ звѣздъ или звѣздочекъ, которыя, случалось, пріѣзжали на часокъ, на другой.

Въ одной изъ комнатъ играли на двухъ столахъ въ карты, а въ большой голубой гостиной, куда гости перешли послѣ чая изъ столовой, шла обычная «журфиксная» болтовня. Сама Трифонова, бѣлокурая, съ вялымъ и болѣзненнымъ лицомъ пожилая женщина, сидѣла на диванѣ рядомъ съ двумя пожилыми дамами, видимо тяготясь и ролью хозяйки и обязанностью занимать этихъ дамъ. Ксенія съ одной скромной на видъ барышней сидѣла въ дальнемъ уголкѣ за трельяжемъ, окруженная нѣсколькими кавалерами, среди которыхъ выдавался своей красотой и сверкающими зубами князь Сицкій, кандидатъ въ мужья, покровительствуемый матерью. Остальные гости маленькими группами разсѣяны были по гостиной. Разговоръ то затихалъ, то оживлялся, если кому-нибудь изъ гостей вдругъ удавалось выдавить изъ себя хоть что-нибудь

похожее на остроуміе или сообщить что-нибудь болѣе интересное газетныхъ извѣстій и театральныхъ сплетенъ. Впрочемъ, все это уже было сообщено за чаемъ, и «журфиксъ» былъ въ томъ періодѣ, когда для оживленія удрученныхъ гостей требуется пѣвецъ или пѣвица... Но ни того ни другой не было. Ждали извѣстнаго тенора Кашкина и новую пѣвицу Аркадьеву, новую, по крайней мѣрѣ, для Петербурга, хотя и извѣстную въ провинціи, ту самую, которая жила въ меблированныхъ комнатахъ, рядомъ съ Бугаевымъ, и была «открыта» какимъ-то знакомымъ Трифоновыхъ, обѣщавшимъ ее привезти.

Въ этой гостиной были, разумѣется, и тѣ «безмолвные» гости, «статисты» журфиксовъ, которые во весь вечеръ не проронили ни одного слова и только напряженно улыбались, словно въ отвѣтъ на вопросъ: зачѣмъ они явились сюда? И однако это были самые упорные посѣтители: одинъ старичокъ и одинъ молодой, скромнаго вида человѣкъ, который весь вечеръ игралъ своимъ пенсне и добросовѣстно отсиживалъ, уходя послѣднимъ.

Въ кабинетѣ у хозяина бесѣда шла оживленнѣе. Слегка фрондировали, слегка удивлялись «положенію вещей» и бранили господъ чиновниковъ. И при этомъ приводили анекдоты невѣроятнаго характера. Разсказывали о какомъ-то дѣятелѣ, не знавшемъ, что такая-то рѣка судоходна, и потому отказавшемъ въ ходатайствѣ объ устройствѣ пароходства, говорили о легкомысліи другого, хихикали и посмѣивались.

Особенно горячо нападалъ Трифоновъ, доказывая, что чиновники губятъ всякое дѣло. Низенькій, маленькій, волосатый грекъ Зунди, извѣстный богачъ, довольно ухмылялся своими глазами-черносливами, а высокій худой блондинъ, директоръ какого-то завода, отъ удовольствія потиралъ свои длинныя и костлявыя руки... Только одинъ старый инженеръ слегка оппонировалъ, когда ужъ слишкомъ нападали на канцеляріи.

— Нельзя безъ нихъ, господа... Право, нельзя, Василій Захаровичъ. Ты, братъ, слишкомъ увлекаешься...

— А я скажу, что если-бъ ихъ вовсе не было, то всѣ бы вздохнули!—горячился старикъ.

Ксенія, видимо, была не въ духѣ и, въ отвѣтъ на комплименты князя Сицкаго, говорила колкости, словно бы щеголяя мастерствомъ говорить ихъ въ очень изящной формѣ. Сегодня не было никого сколько-нибудь интереснаго. Эти «болваны», какъ она мысленно называла окружавшихъ ее кавалеровъ, порядочно-таки надоѣли.

По счастію, пріѣхалъ теноръ, и его скоро засадили пѣть. Всѣ облегченно вздохнули, что можно перестать говорить, и слушали дѣйствительно мастерское пѣніе пѣвца. Пришелъ слушать и Трифоновъ.

Послѣ громкихъ рукоплесканій, пѣвецъ, по просьбѣ Ксеніи, сталъ пѣть еще романсъ.

Ксенія слушала въ восторгѣ, и когда онъ кончилъ, она подняла голову. Въ гостиную входилъ Павлищевъ и за нимъ Маркъ.

Глаза Ксеніи радостно блеснули, и голосъ ея зазвучалъ какъ-то весело, когда она проговорила Павлищеву:

— Очень рада васъ видѣть, Степанъ Ильичъ!

И вслѣдъ затѣмъ сухо и холодно протянула руку Марку.

Нѣсколько словъ привѣтствія хозяйкѣ дома, любезныя рукопожатія направо и налѣво, минутъ пять дружескаго разговора съ Трифоновымъ, и его превосходительство, ловко увильнувши отъ милліонера Зунди, хотѣвшаго-было завести дѣловой разговоръ, подошелъ къ Ксеніи и присѣлъ около, какъ-то особенно дружески пожавъ руку князю Сицкому.

Съ появленіемъ Павлищева, молодые люди, бывшіе около дѣвушки, незамѣтно отошли. Оставался только князь Сицкій, молодой, стройный и изящный офицеръ, ослѣпительный брюнетъ, съ большими черными глазами слегка на выкатѣ, сверкающими бѣлизной зубами и свѣжимъ румянымъ лицомъ, черты котораго были классически правильны и тонки. Онъ уже болѣе года охотился за «краснымъ звѣремъ» съ упорствомъ человѣка, разсчитывавшаго женитьбой раздѣлаться съ долгами, поправить свои дѣла и имѣть возможность вести широкій train жизни, и не безъ увлеченія разыгрывалъ упорно-влюбленнаго, надѣясь обаяніемъ своей красоты увлечь эту «ученую» милліонершу «зрѣлыхъ лѣтъ». Недаромъ же его звали «le beau Сицкій», восхищались имъ, и многія дамы баловали его своимъ исключительнымъ вниманіемъ. Слегка кокетничала съ нимъ и Ксенія, хотя и находила его неумнымъ и банальнымъ. Кокетничала и третировала его, не довѣряя искренности его чувствъ, и нѣсколько удивлялась его долгому и упорному ухаживанію, словно онъ надѣялся въ концѣ концовъ побѣдить ея сердце своимъ постоянствомъ и своей нѣсколько наглой красотой. Онъ еще не рѣшался дѣлать предложеніе, но Ксенія чувствовала, что это скоро будетъ. Она видѣла, что мать и братъ покровительствуютъ ему, то и дѣло нахваливая его Ксеніи и указывая на его искреннюю привязанность.

Сицкій замѣтилъ и радостную улыбку Ксеніи при появле-

ніи въ гостиной Павлищева, слышалъ, какъ она сказала, что очень рада его видѣть, и принялъ нѣсколько сосредоточенный, мрачный видъ ревниваго влюбленнаго и въ душѣ готовъ былъ перервать горло Павлищеву, чувствуя въ немъ конкурента и, пожалуй, опаснаго.

«Сорокалѣтніе» нынче въ модѣ. Этотъ выскочка и «проходимецъ», какимъ считалъ Павлищева молодой офицеръ по праву своего происхожденія чуть ли не отъ Рюрика, занимаетъ высокое положеніе и, чортъ его знаетъ, того и гляди будетъ министромъ. И вдобавокъ вполнѣ приличенъ, умѣетъ держаться въ обществѣ и говоритъ такъ краснорѣчиво, что ему, князю Сицкому, нечего съ нимъ и тягаться. За княземъ остается молодость и красота, и если Ксенія не «рыба» по темпераменту, то, разумѣется, должна предпочесть его... На кой чортъ ей выходить замужъ за человѣка второй молодости? Она богата... Ей гораздо лучше быть княгиней Сицкой, породнившись съ такими людьми, къ которымъ этого Павлищева и не пустятъ, несмотря на его административное положеніе...

Такія мысли пробѣгали въ головѣ красавца-князя, когда Ксенія, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, словно его и не было, занялась исключительно Павлищевымъ и весело и оживленно, съ какою-то нервной приподнятостью, болтала съ нимъ, щеголяя и блескомъ фразы и насмѣшливымъ скептицизмомъ. Въ то же время она по временамъ бросала быстрые взгляды на другой конецъ гостиной, гдѣ сидѣлъ Маркъ и съ обычнымъ своимъ равнодушнымъ спокойствіемъ слушалъ одного изъ гостей, не обращая, повидимому, никакого вниманія на остальныхъ. Однако Маркъ незамѣтно перехватилъ одинъ изъ взглядовъ Ксеніи и про себя усмѣхнулся, точно записалъ въ своемъ умѣ что-то, подтверждавшее его предположенія, и, въ свою очередь, разъ или два взглянулъ на оживившееся умное лицо своего патрона, о чемъ-то горячо говорившаго Ксеніи. Въ шумѣ разговоровъ въ гостиной до Марка долетали только отдѣльныя слова.

«Обрабатываетъ барышню!» — подумалъ Маркъ, и на его лицѣ скользнула насмѣшливая улыбка.

Дѣйствительно, Павлищевъ былъ сегодня въ ударѣ. Сперва онъ заговорилъ - было съ Ксеніей съ той почтительною любезностью и тѣмъ слегка небрежнымъ, шутливымъ тономъ, съ какимъ вообще говорилъ съ женщинами, считая, что онѣ и не любятъ и не умѣютъ вести серьезныхъ разговоровъ, но, заинтересованный нѣкоторыми тонко-насмѣшливыми замѣчаніями дѣвушки, въ которыхъ чувствовались и умъ, и

пониманіе людей, и оригинальность взглядовъ, онъ про себя подумалъ: «Однако вотъ ты какая, милліонная невѣста, ты во всеоружіи мнѣ и не показывалась!», и самъ какъ-то подтянулся и заговорилъ съ Ксеніей уже иначе, полный самолюбиваго кокетства мужчины, который непрочь понравиться женщинѣ.

— Такъ вы думаете, Ксенія Васильевна, что мы въ самомъ дѣлѣ люди, у которыхъ ni foi ni loi... Не вѣримъ въ то, чему служимъ, и готовы служить, чему угодно. Однимъ словомъ — «люди двадцатаго числа»!—говорилъ, между прочимъ, Павлищевъ, задѣтый за живое Ксеніей, которая нарочно его поддразнивала.—Однако какіе у васъ пессимистическіе взгляды на насъ, бѣдныхъ.

— А развѣ это не такъ?—вызывающе бросила Ксенія.

— Не совсѣмъ такъ. Есть немножко и правды въ вашихъ словахъ, согласенъ: мы поневолѣ иногда должны идти на компромиссы. Что̀ дѣлать? Безъ этого нельзя при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы живемъ. Но тѣмъ не менѣе, такъ или иначе, а мы въ концѣ концовъ, по мѣрѣ силъ, желаемъ добра и, насколько возможно, его дѣлаемъ или, по крайней мѣрѣ, стараемся дѣлать.

— Во имя чего?

— Развѣ не все равно, во имя чего? Во имя ли самого добра, an und für sich, какъ говорятъ нѣмцы, или во имя другихъ какихъ-либо побужденій... Только бы дѣло дѣлалось...

— А вы, напримѣръ, во имя чего работаете, говорятъ, по четырнадцати часовъ въ сутки и заставляете работать своихъ чиновниковъ?

— Это что̀: допросъ строгаго слѣдователя? — улыбнулся Павлищевъ.

— Просто женское любопытство и желаніе познавать людей!—насмѣшливо проговорила Ксенія.

— А вы ихъ любите изучать?

— Очень. Это такъ интересно.

— Извольте. Пополню вашъ матеріалъ, Ксенія Васильевна, если вамъ этого хочется... Я честолюбивъ.

— Васъ, значитъ, манитъ власть, только власть?

— И власть и возможность при ней что-нибудь сдѣлать. И то и другое.

— Вы не боитесь разочарованій? Не думаете, что гонитесь за миражемъ?.. Сами же вы говорили о компромиссахъ и о «разныхъ условіяхъ». Значитъ, вы вѣрите въ свои силы?— допрашивала Ксенія.

— Конечно, вѣрю!—не безъ горделиваго чувства отвѣтилъ Павлищевъ.

— Счастливый вы, слѣдовательно, человѣкъ, Степанъ Ильичъ!—промолвила какъ-то загадочно, не то серьезно, не то иронически, Ксенія, не вполнѣ довѣряя его словамъ и чувствуя въ немъ не столько человѣка, желающаго принести какую-то пользу людямъ, сколько умнаго, безпринципнаго карьериста и, вдобавокъ, большого эпикурейца, несмотря на его шумливую дѣятельность, о которой кричали въ городѣ и указывали, какъ на какое-то диво.

По крайней мѣрѣ лицо Павлищева, выхоленное и слегка рыхлое, и эти мягкіе лучистые глаза, и этотъ округленный подбородокъ, и толстоватыя губы — все, казалось, говорило объ его эпикурейскихъ наклонностяхъ. Вдобавокъ Ксенія перехватила его любопытно-внимательный быстрый взглядъ, скользнувшій по ея худощавому бюсту и точно мысленно оцѣнивающій его достоинства. И взглядъ этотъ, быстро отведенный, казалось, былъ совершенно равнодушенъ.

«Не нравлюсь будущему министру! Видно, онъ такихъ худыхъ, какъ я, не любитъ!» — подумала Ксенія и не ошиблась. Его превосходительство не нашелъ ничего «обѣщающаго» въ ея тонкомъ и гибкомъ станѣ, хотя обратилъ нѣкоторое благосклонное вниманіе на ослѣпительную бѣлизну ея шеи, на своеобразную миловидность подвижнаго и умнаго лица и на насмѣшливые сѣрые глаза. Но милліонъ приданаго значительно умалялъ въ глазахъ Павлищева недостатки дѣвушки, и онъ подумалъ про себя, что такая умница-жена отлично бы вела салонъ и вообще производила бы впечатлѣніе своей оригинальностью и смѣлостью взглядовъ.

«Только эти худыя — очень страстныя натуры! Пожалуй, заведетъ себѣ юнца-любовника въ помощь мужу!»—закончилъ свои мгновенныя соображенія Павлищевъ и отвѣтилъ:

— Несчастнымъ себя не считаю, Ксенія Васильевна.

— Это и видно... Впереди вамъ все улыбается... Будете министромъ...

— Ну, до этого еще, во всякомъ случаѣ, далеко, Ксенія Васильевна!—улыбнулся Павлищевъ съ той напускной скромностью, которая говорила, что онъ не совсѣмъ убѣжденъ, что это ужъ такъ далеко.

— Женитесь на какой-нибудь красавицѣ-аристократкѣ...

— Почему именно на аристократкѣ?

— Нужно увѣнчать зданіе!—разсмѣялась Ксенія.

— Прежде нужно кого-нибудь полюбить и быть любимымъ, Ксенія Васильевна.

— Будто ужъ это такъ необходимо?

— А то какъ же?—промолвилъ Павлищевъ и сдѣлалъ уди-

вленные глаза, точно не понимая возможности жениться не по любви.

— Такъ же, какъ большинство женится: немножко любви, побольше разсчета и... счастливая пара готова.

— Я въ этомъ отношеніи старовѣръ, Ксенія Васильевна... Я въ дѣлахъ чувства человѣкъ...

— Не двадцатаго числа?—съ улыбкой перебила Ксенія.

— Совсѣмъ нѣтъ... И это тѣмъ болѣе опасно, что возрастъ мой не даетъ мнѣ правъ на тѣ надежды, которыя питаютъ молодыхъ людей, не подавая отрады старцамъ!—шутливо промолвилъ Павлищевъ.

— Не напрашивайтесь на комплиментъ, Степанъ Ильичъ. Я ихъ не говорю...

— Давно замѣтилъ, что вы ихъ не говорите, и не напрашиваюсь... Но вѣдь лѣтъ изъ жизни не вычеркнешь.

— А вамъ ихъ сколько?

— Цѣлыхъ сорокъ пять.

— Самый модный возрастъ! — проговорила Ксенія, взглядывая улыбающимися веселыми глазами на Павлищева и словно лаская и въ то же время поддразнивая ими.—И особенно при...

Она на секунду остановилась и прищурила глаза.

— При чемъ?—спросилъ Павлищевъ, вообразившій почему-то, что эта дѣвушка не безъ намѣреній допрашиваетъ его и, конечно, пойдетъ за него замужъ, если онъ серьезно за ней пріударитъ.

— При вашемъ положеніи и при вашихъ розовыхъ надеждахъ!—прибавила со смѣхомъ Ксенія.

— При положеніи? — съ комическимъ сожалѣніемъ переспросилъ Павлищевъ. — Благодарю покорно, Ксенія Васильевна! Значитъ, безъ положенія модный возрастъ теряетъ свою моду?.. А что-жъ?.. Вы только подтверждаете мои слова... Вотъ счастливцы, которымъ не надо положенія, чтобъ ихъ любили!—промолвилъ Павлищевъ, указывая взглядомъ на кружокъ молодыхъ людей, среди которыхъ были молодой Трифоновъ, Маркъ и князь Сицкій, уже оставившій свое мѣсто около Ксеніи и бросавшій теперь на нее мрачные взгляды.

— Ну, судя по ихъ лицамъ, и они не особенно счастливы... Особенно этотъ господинъ Борщовъ... Онъ, кажется, у васъ служитъ?

— Какъ же, у меня... Большой онъ умница и замѣчательный работникъ... Онъ далеко пойдетъ... Оригинальный характеръ...

— Ддда?..—протянула Ксенія и, поднимаясь, прибавила:—

Однако пойдемте къ гостямъ, а то вы совсѣмъ завладѣли моимъ вниманіемъ, Степанъ Ильичъ...

— И вы раскаиваетесь?

— Напротивъ. Жалѣю, что обязанности хозяйки не позволяютъ мнѣ еще поболтать съ вами... Я люблю умныхъ людей и надѣюсь, что мы съ вами еще поспоримъ, если вы когда-нибудь завернете къ намъ не въ четвергъ...

Павлищевъ почтительно поклонился.

Онъ уѣхалъ, не дождавшись ужина и сославшись на работу; прощаясь съ Ксеніей, онъ сказалъ, что непремѣнно воспользуется ея позволеніемъ поспорить съ ней и «реабилитировать людей 20-го числа и сорокалѣтняго возраста»,—прибавилъ онъ со смѣхомъ, крѣпко пожимая руку Ксеніи.

XIV.

Мысль объ «увѣнчаніи зданія», какъ назвала Ксенія будущую женитьбу Павлищева, засѣла гвоздемъ въ его голову. Взвѣсивъ всѣ обстоятельства, его превосходительство рѣшилъ, что бракъ съ Ксеніей былъ бы вполнѣ приличенъ для будущаго министра, а милліонъ приданаго только увеличитъ его шансы къ болѣе быстрому достиженію завѣтной цѣли. Богатство—сила, и съ нимъ власть еще сильнѣе и независимѣе. Это само собою понятно. И связи устраиваются скорѣй при возможности открытой и широкой жизни... А теперь много ли онъ получаетъ? Какихъ-нибудь пятнадцать тысячъ, изъ которыхъ полторы тысячи въ годъ надо платить за «ошибки молодости». При его вкусахъ ему еле-еле хватаетъ. И ни гроша не отложено... Есть только долгъ, правда, небольшой, всего пять тысячъ, который онъ сдѣлалъ, чтобъ доложить къ бывшимъ у него пяти тысячамъ и отдать эти деньги Марьѣ Евграфовнѣ... А при женитьбѣ у него будетъ, кромѣ жалованья, 40.000 годового дохода. Съ такими деньгами можно жить.

Разумѣется, онъ предпочелъ бы «увѣнчать зданіе», женившись хотя и не на такой богатой, но зато на дѣвушкѣ изъ аристократической семьи. Это еще болѣе укрѣпило бы его положеніе. Что тамъ ни говори, а съ аристократами надо считаться и быть своимъ среди лицъ болѣе или менѣе близкихъ къ высокопоставленнымъ особамъ—это большой козырь въ рукахъ у умнаго человѣка. Чего иногда нельзя достигнуть знаніемъ, энергіей, умомъ, работой, можно подчасъ добиться какимъ-нибудь во-время сказаннымъ словомъ... Вся ненависть этихъ господъ-аристократовъ къ администраторамъ изъ выскочекъ, изъ «проходимцевъ», какъ они презрительно ихъ

называютъ, сразу бы исчезла при подобной женитьбѣ и замѣнилась бы поддержкой «своего» по женѣ.

Но Павлищевъ отлично сознавалъ, что такого брака ему не устроить, и что за него, за сына какого-то уѣзднаго учителя, не отдадутъ дѣвушки изъ тѣхъ «сливокъ» высшаго общества, на которой стоило бы жениться, будь онъ хоть и теперь министромъ. У этихъ господъ сохранились еще дикія понятія, и они въ самомъ дѣлѣ считаютъ себя людьми бѣлой кости, забывая, что русскій аристократизмъ весьма недавняго, а часто и проблематическаго происхожденія, и что Петръ Великій таскалъ за бороды и дубасилъ предковъ этихъ самыхъ «сливокъ» такъ же безпрепятственно, какъ и обыкновенныхъ смертныхъ.

Такія «историческія воспоминанія» приходили въ голову «разночинца» Павлищева, когда онъ не безъ досады отказывался отъ своихъ смѣлыхъ мечтаній породниться съ аристократіей и въ концѣ концовъ рѣшился обратить серьезное вниманіе на Ксенію.

Она дѣвушка настолько миловидная, что никто не можетъ сказать, будто онъ женился исключительно изъ-за денегъ—можно подозрѣвать и немножко любви, слѣдовательно «апарансы» соблюдены. Она несомнѣнно умна и, пожалуй, даже болѣе, чѣмъ слѣдуетъ для жены, и, конечно, не устроитъ изъ семейной жизни ада и сумѣетъ быть на высотѣ всякаго положенія... Нѣсколько рѣзкіе взгляды ея—не бѣда. Они явятся пикантнымъ соусомъ въ болтовнѣ салона. Это будетъ даже не лишено оригинальности. Бывали же у высокопоставленныхъ лицъ будирующія жены... И насчетъ возможности «друга дома» (конечно, въ будущемъ,—не безъ горделивой игривости подумалъ его превосходительство, чувствуя себя еще вполнѣ молодцомъ-мужчиной) Павлищевъ не особенно безпокоился, разсчитывая, что Ксенія настолько умная и благовоспитанная женщина, что сумѣетъ устроиться въ этомъ отношеніи съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, не поставитъ мужа въ смѣшное положеніе какой-нибудь сумасбродной выходкой и не наградитъ его чужими дѣтьми.

Разбирая затѣмъ достоинства Ксеніи, какъ женщины, съ обстоятельностью и цинизмомъ развращеннаго и тонкаго цѣнителя, Павлищевъ хоть и не былъ удовлетворенъ,—особенно его смущала худоба и, какъ онъ выражался, «плоскость пейзажа», — но утѣшалъ себя мыслью, что послѣ свадьбы она, Богъ дастъ, пополнѣетъ, и онъ, посовѣтовавшись съ докторами, устроитъ ей такой режимъ, чтобъ она нагуляла себѣ тѣла и расцвѣла. Наука нынче до всего дошла—стоитъ только

внимать ея совѣтамъ. А помимо этого недостатка, Ксенія ничего себѣ: довольно свѣжа, несмотря на свои двадцать восемь лѣтъ, и по временамъ даже бываетъ пикантна со своимъ насмѣшливымъ, подвижнымъ лицомъ и прищуренными глазами. Замужъ, небось, дѣвѣ очень хочется! Это видно.

И Павлищевъ, нѣсколько самоувѣренно для своихъ лѣтъ считавшій, что представляетъ собой довольно «интересную» партію и можетъ понравиться богатой невѣстѣ и какъ красивый мужчина, сталъ чаще бывать у Трифоновыхъ, ухаживая за Ксеніей съ тонкимъ мастерствомъ умнаго и знающаго женщинъ человѣка, не забывающаго свои сорокъ пять лѣтъ и не разыгрывающаго смѣшной роли влюбленнаго рыцаря, въ родѣ Сицкаго. Онъ разсчитывалъ поймать «золотую рыбку» на приманку, совсѣмъ не похожую на тѣ общеупотребительныя и старыя, какъ божій свѣтъ, какими обыкновенно стараются поймать богатыхъ невѣстъ зрѣлаго возраста съ пошаливающими нервами и съ скептическимъ характеромъ молодые люди.

И Павлищеву по началу казалось, что «золотая рыбка», несмотря на свою осторожность, начинаетъ слегка «клевать».

Онъ раза два въ недѣлю—не чаще—пріѣзжалъ прямо изъ департамента запросто обѣдать, встрѣчая неизмѣнный радушный пріемъ. Былъ радъ и старикъ, лелѣявшій надежды, что Павлищевъ понравится Сюшѣ. Радовалась теперь и жена. Эту безцвѣтную, болѣзненную и необыкновенно кроткую женщину Павлищевъ обворожилъ любезностью и вниманіемъ, и она теперь ужъ перестала покровительствовать князю Сицкому и искренно желала брака своей дочери съ этимъ изящнымъ и красивымъ, умнымъ и солиднымъ «будущимъ министромъ», который, разумѣется, не растратитъ Сюшиныхъ денегъ и никогда не сдѣлаетъ ее несчастной. Не такіе годы! И наконецъ званіе министра стòитъ княжескаго титула.

И сама богатая невѣста, казалось, рада была обществу Павлищева и, слегка кокетничая и изучая во всякомъ случаѣ «интереснаго» человѣка, охотно съ нимъ болтала въ своемъ маленькомъ кабинетѣ часъ-другой послѣ обѣда, когда старикъ Трифоновъ безъ церемоніи уходилъ отдыхать, а мать, у которой часто бывали мигрени, удалялась съ англичанкой, миссъ Эмми, на свою половину. Что же касается до Бориса, то онъ обыкновенно куда-то исчезалъ тотчасъ послѣ обѣда.

Никакихъ влюбленныхъ разговоровъ Павлищевъ не заводилъ и даже не начиналъ «теоретическихъ» бесѣдъ о чувствахъ, сидя въ маленькомъ креслѣ, въ почтительномъ отдаленіи отъ Ксеніи, хотя уже ѣздилъ къ Трифоновымъ третій

мѣсяцъ. Напротивъ, онъ водилъ съ Ксеніей больше умные разговоры о литературѣ, о политикѣ, объ искусствѣ, посвящалъ ее во всѣ свои служебныя дѣла и часто жаловался на тяжесть своего положенія, на то, что его заваливаютъ работой, объясняя съ какой-то чисто-дружеской и веселой интимностью, что онъ радъ отвести душу и забыть на время дѣла, болтая съ такой умной дѣвушкой.

Это нѣсколько удивляло Ксенію, ожидавшую отъ Павлищева обычной манеры ухаживанія мужчинъ съ разговорами о чувствахъ, съ комплиментами, съ этими, какъ будто «нечаянными» взглядами, полными очарованія, отводимыми при встрѣчѣ и словно захваченными врасплохъ, или съ упорными взорами безнадежной любви мрачнаго страдальца, или съ нагло-продолжительными пожатіями рукъ и почтительно-краснорѣчивыми ихъ поцѣлуями. Удивляло и вмѣстѣ съ тѣмъ льстило ея громадному самолюбію. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, о которомъ кричали въ Петербургѣ, какъ о выдающемся административномъ талантѣ, и громко называли будущимъ министромъ, не только говоритъ съ ней какъ равный съ равнымъ, но, видимо, находитъ удовольствіе въ этихъ разговорахъ и подчасъ соглашается, что онъ не правъ и считаетъ себя побѣжденнымъ. «Во всякомъ случаѣ, онъ очень умный человѣкъ и охотится за мной съ искусствомъ, если только въ самомъ дѣлѣ думаетъ сдѣлать предложеніе. Для того, конечно, онъ и ѣздитъ!»

И, слушая однажды исторію его жизни, слушая, какъ онъ изъ ничтожныхъ чиновниковъ, благодаря лишь случаю, выдвинулся, не имѣя никакой протекціи, никакихъ связей и обязанный всѣмъ своей энергіи и труду, Ксенія проникалась къ Павлищеву уваженіемъ, считала его недюжиннымъ человѣкомъ и сама съ нимъ становилась проще и интимнѣе, не столько насторожѣ, въ качествѣ наблюдательницы, какъ прежде, и, довѣряя его разсказамъ, считала его ужъ не совсѣмъ «человѣкомъ 20-го числа», а честолюбцемъ, который могъ бы принести себя на алтарь отечества во имя пользы и добра, при извѣстной нравственной поддержкѣ. Человѣкъ онъ во всякомъ случаѣ честный и порядочный,—предполагала Ксенія. Знакомая съ его автобіографіей безъ многихъ «ошибокъ молодости», предусмотрительно опущенныхъ его превосходительствомъ, какъ излишняя подробность, и не знавшая всей безпринципной податливости Павлищева, уже доказавшаго при двухъ министрахъ, что можно съ одинаковой талантливостью обсуждать вопросъ съ двухъ совершенно противоположныхъ сторонъ и быть, такъ сказать, административнымъ

«homme à tout faire»—Ксенія поддалась своей любви ко всему не совсѣмъ обыкновенному и интересному, и если и не поощряла прямо, то не препятствовала Павлищеву быть съ ней на дружеской ногѣ и повѣрять ей всѣ свои служебныя и иныя огорченія и горести, выслушивая ихъ безъ обычной своей насмѣшливости, а, напротивъ, съ ласковымъ участіемъ.

И порой въ ея самолюбивой головкѣ бродили мечты о роли Эгеріи будущаго министра. Эта роль нравилась ей. Она могла бы быть его помощницей и вдохновительницей, не показывая ему этого и не оскорбляя мужского самолюбія. Она сумѣла бы удержать его на высотѣ положенія и не дать ему сдѣлаться только рабомъ честолюбія. Ея богатство помогло бы этому. Можно сдѣлать много добра и хорошаго вмѣстѣ. Можно не безслѣдно прожить, направляя власть въ хорошую сторону.

Такъ мечтала иногда Ксенія, находясь, сама того не замѣчая, подъ вліяніемъ Павлищева и его разговоровъ, что власть далеко «не миражъ», какъ многіе думаютъ. И онъ посвящалъ ее въ тѣ закулисныя тайны административнаго храма, которыя какъ будто и подтверждали справедливость его словъ.

И, какъ мужъ, онъ казался ей недурнымъ мужемъ... Онъ, кажется, мягкій человѣкъ и недуренъ собой... Конечно, не молодъ, но странно было бы ей выйти за какого-нибудь мальчишку. Размышляя объ этомъ, Ксенія невольно вспоминала Марка и краснѣла, чувствуя досаду и какую-то непріязнь къ этому «мальчишкѣ». Вѣроятно, и не ревнивъ, да и некогда ему будетъ ревновать, и къ тому же онъ уменъ и понимаетъ сущность ея кокетства, которое никогда не переступитъ извѣстныхъ границъ. Однимъ словомъ, бракъ съ Павлищевымъ не вызывалъ въ Ксеніи никакой физической брезгливости, и она все болѣе и болѣе освоивалась съ этою мыслью и ожидала, когда Павлищевъ удостоитъ ее своимъ признаніемъ и *какъ* именно онъ это сдѣлаетъ. Это во всякомъ случаѣ любопытно.

Павлищевъ хорошо видѣлъ, что «золотая рыбка» теперь ужъ совсѣмъ «клюнула», и что родители очень желаютъ этого брака. Въ городѣ уже говорили о свадьбѣ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, и многіе коллеги завидовали этому счастливцу, который, рѣшительно, родился въ сорочкѣ: и дѣлаетъ блестящую карьеру, и женится на милліонѣ.

И въ одно веселое весеннее воскресенье его превосходительство ѣхалъ къ Трифоновымъ съ намѣреніемъ сдѣлать предложеніе, заранѣе увѣренный въ согласіи.

XV.

Павлищевъ засталъ Ксенію одну. Ни отца ни матери не было дома, и его превосходительство обрадовался, что можно будетъ объясниться безъ помѣхи наединѣ. Ужъ въ умѣ его готова была маленькая влюбленная рѣчь, которую онъ скажетъ, непремѣнно скажетъ сегодня. Нечего откладывать этого дѣла въ долгій ящикъ.

Такія мысли мелькали въ головѣ Павлищева, пока онъ дожидался Ксеніи въ гостиной. Вотъ и она — необыкновенно моложавая, свѣжая и хорошенькая сегодня въ своемъ свѣтломъ нарядномъ платьѣ, съ оживленнымъ, умнымъ лицомъ, нѣжность и бѣлизна котораго оттѣнялись роскошными бѣлокурыми волосами, собранными въ видѣ коронки на маленькой, красиво посаженной, слегка приподнятой головкѣ. На видъ Ксеніи нельзя было дать болѣе двадцати трехъ-четырехъ лѣтъ.

«Совсѣмъ англичаночка», — подумалъ Павлищевъ, почтительно кланяясь.

— Отчего не были въ четвергъ у насъ, Степанъ Ильичъ? Опять заработались?—спрашивала Ксенія съ обычною дружескою привѣтливостью, подходя къ Павлищеву своей быстрой граціозной походкой и протягивая руку.—Изъ-за васъ я проскучала весь вечеръ. Не съ кѣмъ было спорить!—прибавила она съ веселой улыбкой, щуря слегка глаза.

Павлищевъ сегодня какъ-то особенно продолжительно поцѣловалъ эту маленькую, узкую, тонкую и ослѣпительно-бѣлую ручку, на мизинцѣ которой горѣлъ рубинъ, осыпанный брильянтами, и проговорилъ:

— Былъ спѣшный докладъ министру... Онъ вѣдь у насъ нетерпѣливый... Я просидѣлъ всю ночь и не могъ вырваться... А какъ хотѣлъ, если-бъ вы знали...

И, словно бы очарованный, не спуская восхищеннаго взгляда съ Ксеніи, неожиданно промолвилъ, слегка понижая голосъ:

— И какъ же вамъ идетъ это платье, Ксенія Васильевна!

— Очень рада, что оно вамъ нравится. У васъ есть вкусъ!— смѣясь, отвѣчала Ксенія. — Садитесь-ка, Степанъ Ильичъ... Поболтаемъ!—прибавила она, опускаясь на диванъ.

Павлищевъ сѣлъ въ креслѣ напротивъ и нѣсколько мгновеній молчалъ.

И эти значительные поцѣлуи руки, и это молчаніе, и нѣсколько торжественный и сосредоточенный видъ прифранченнаго и благоухающаго Павлищева, обыкновенно веселаго и легко завязывающаго разговоръ, не оставляли сомнѣнія, что

Павлищевъ явился съ формальнымъ предложеніемъ. Хотя Ксенія и ждала его, но теперь, когда приходилось давать отвѣтъ, она втайнѣ была смущена и сама вдругъ притихла, въ ожиданіи объясненія, возбуждавшаго въ ней интересъ наблюдательницы и въ то же время нѣсколько пугавшаго дѣвушку. Почти рѣшенный ею вопросъ о возможности брака съ Павлищевымъ теперь, когда эта возможность могла сдѣлаться фактомъ, снова явился вопросомъ. Павлищевъ нравится ей: онъ уменъ и интересенъ, но вѣдь не влюблена она въ него, и онъ, конечно, не влюбленъ, а хочетъ сдѣлать партію... Не онъ желанный въ ея грезахъ и мечтахъ... Не онъ, а другой, не обращающій на нее никакого вниманія... А если бы и обратилъ? Не дура она въ самомъ дѣлѣ, чтобъ женить на себѣ мальчишку... Ей двадцать восемь, ему, кажется, двадцать четыре! Это невозможно, глупо, смѣшно... А она пуще всего боится быть смѣшной.

И Ксенія, снова колеблющаяся, снова не рѣшившая: быть ли ей вдохновительницей будущаго министра и женой этого моложаваго пожившаго эпикурейца, бросивъ на него взглядъ, замѣтила и вѣерки подъ глазами, и рыхлость выхоленнаго румянаго лица, и едва замѣтное брюшко...

— Ну, какія у васъ новости сегодня?—заговорила Ксенія, чтобъ поскорѣе прервать молчаніе.—Ваше мнѣніе, о которомъ—помните?—вы говорили,—восторжествовало или нѣтъ?..

— Я пріѣхалъ къ вамъ съ самой необыкновенной новостью, которая, боюсь, васъ поразитъ, Ксенія Васильевна! — отвѣчалъ Павлищевъ значительно и серьезно.

«Начинается»,—подумала Ксенія и спросила:

— Какая это поражающая новость?

— Сказать, что я рѣшаюсь, несмотря на свои годы—ровно сорокъ пять,—подчеркнулъ Павлищевъ:—сдѣлать предложеніе одной дѣвушкѣ. Одобряете или нѣтъ?

— Это зависитъ отъ того, кому вы собираетесь дѣлать предложеніе...

— Но мои годы?..

— Не кокетничайте своими годами...

— Не буду и продолжаю... Дѣвушка эта очень милая и умная, съ которой, мнѣ кажется, жизнь станетъ и свѣтлѣе и краше... У меня нѣтъ никого близкаго, ни одной души, съ которой я могъ бы подѣлиться мыслями, сомнѣніями; нѣтъ существа, которое поддержало бы меня въ минуты унынія, слабости, неувѣренности въ своихъ силахъ... А нашему брату это такъ нужно,—продолжалъ Павлищевъ, и голосъ его звучалъ, казалось искренностью, и глаза такъ почтительно-нѣжно

смотрѣли на Ксенію. — Кто же поддержитъ, какъ не другъ-женщина?.. Кто скажетъ правду въ глаза, какъ не она!? А вѣдь правда такъ нужна подчасъ намъ, которымъ никто ея не говоритъ... Не такъ ли?..

— И вы... вы, конечно, влюблены въ эту дѣвушку?—промолвила, вмѣсто отвѣта, Ксенія, поднимая на Павлищева свои улыбающіеся недовѣрчивые глаза.

Она догадалась, конечно, кто эта «милая дѣвушка», и была очень довольна удобной иносказательностью этого объясненія.

«Это онъ умно придумалъ!»—мелькнуло въ ея головѣ.

— Въ мои годы не влюбляются, Ксенія Васильевна. Это привилегія молодости... Въ мои годы привязываются и любятъ!—проговорилъ Павлищевъ съ горячностью.

— И что̀ же, эта ваша «милая» дѣвушка хороша?

— Не красавица, но...

— Но что̀?—лукаво бросила Ксенія.

— Хорошенькая и необыкновенно мила... И главное — совсѣмъ не похожа на петербургскихъ барышень... Серьезная и интересуется тѣмъ, что̀ дорого всякому мыслящему человѣку...

— А вы ей нравитесь, какъ вамъ кажется?

— Мнѣ кажется, что она относится ко мнѣ хорошо и немножко расположена ко мнѣ. Вотъ что̀ мнѣ кажется, Ксенія Васильевна...

— Только расположена, не болѣе?

— Чтобъ узнать объ этомъ, я и рѣшилъ сдѣлать ей предложеніе, убѣдившись, что серьезно привязанъ къ ней! — съ чувствомъ отвѣчалъ Павлищевъ.

И, взглядывая на Ксенію, спросилъ:

— Какъ вы думаете, не смѣло это съ моей стороны?

— Смѣлость города беретъ, Степанъ Ильичъ, а не то что жену.

— Что̀ она отвѣтитъ? Захочетъ ли связать свою судьбу съ моей, быть другомъ, помощницей и любимою женой?

Павлищевъ примолкъ и, въ ожиданіи отвѣта, глядѣлъ на Ксенію. Та сдѣлалась вдругъ необыкновенно серьезна.

Прошла секунда-другая молчанія.

— Не одобряете моего намѣренія? Вѣдь вы понимаете очень хорошо, кто эта милая дѣвушка, руки которой я рѣшился просить?—прошепталъ наконецъ Павлищевъ, нѣсколько взволнованный и смущенный молчаніемъ Ксеніи.

И въ головѣ его мелькнули мысли: «Неужели откажетъ? А онъ, кажется, такъ горячо говорилъ? Да и, право, она совсѣмъ

не дурна, эта ослѣпительная блондинка съ «русалочнымъ» взглядомъ, и выглядитъ сегодня совсѣмъ дѣвочкой!..»

Дѣйствительно, Павлищевъ горячо говорилъ, съ мастерствомъ опытнаго актера. Его объясненіе, не похожее на обычныя объясненія влюбленныхъ, безъ увѣреній и клятвъ, подкупило Ксенію, и мысли о вліяніи на человѣка, отъ котораго, быть-можетъ, будутъ зависѣть «судьбы многихъ людей», снова взволновали ея честолюбивую натуру.

«Надо же наконецъ выходить замужъ, пока она совсѣмъ не отцвѣла, а Павлищевъ былъ самымъ подходящимъ мужемъ изъ всѣхъ ухаживателей за ея богатствомъ. Съ нимъ она будетъ, по крайней мѣрѣ, относительно счастлива и сумѣетъ сдѣлать жизнь содержательной». Она подняла глаза и встрѣтила помолодѣвшій взглядъ Павлищева, казалось, ласкавшій ее. И онъ ей въ эту минуту показался и моложе и красивѣе, чѣмъ четверть часа тому назадъ.

— Я хорошо поняла, о комъ вы говорите, Степанъ Ильичъ,— заговорила Ксенія чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ: — и, не солгу, ожидала вашего предложенія и раздумывала о немъ... Были шансы и за и противъ,—прибавила она, улыбаясь глазами съ обычнымъ лукавымъ выраженіемъ не то насмѣшливости, не то ласки.

— Которыхъ же больше?

— Въ вашу пользу больше...

Павлищевъ просвѣтлѣлъ и осыпалъ руку дѣвушки поцѣлуями.

— Подождите... не радуйтесь... дайте мнѣ досказать,—продолжала Ксенія, освобождая свою руку.—Я буду съ вами такъ же откровенна, какъ и вы со мной. Я васъ считаю порядочнымъ, честнымъ человѣкомъ и расположена къ вамъ, вы мнѣ нравитесь, но... я не люблю васъ такъ, какъ, говорятъ, должны любить человѣка, за котораго выходятъ замужъ... Это будетъ бракъ par raison... Не боитесь вы его?..

«Есть чего бояться!»—подумалъ Павлищевъ и проговорилъ:

— Я буду надѣяться, что и немножечко любви придетъ...

— Немножечко есть,—засмѣялась Ксенія:—но довольно ли вамъ этого?

— Буду заслуживать большей...

— Отъ души желаю, чтобъ она пришла, но если...

Ксенія не докончила и смѣло и рѣшительно взглянула на Павлищева.

«Предписываетъ условія договора!»—рѣшилъ Павлищевъ и, сдѣлавъ испуганную мину, спросилъ:

— Если что?

— Если я полюблю кого-нибудь... Если меня охватитъ страсть, и я, несмотря на борьбу, не справлюсь съ ней, тогда...

— Вы прямо и честно скажете мнѣ?—перебилъ Павлищевъ.

— Само собой разумѣется, скажу. Лгать и притворяться я не стану!—кинула Ксенія, надменно взмахнувъ головой.— И не только скажу, но и оставлю васъ... слышите?

Павлищевъ не безъ паѳоса отвѣтилъ, что понимаетъ, что «чувство свободно», и, конечно, раздѣляетъ ея взгляды и вполнѣ цѣнитъ ея правдивость.

— Не бойтесь, я не изъ увлекающихся и не думаю, чтобы была способна на такую любовь, но...

— Надо предвидѣть и опасность,—докончилъ за нее Павлищевъ.—А мнѣ надо стараться предупреждать ее, не прибѣгая къ сценамъ ревности... Въ этомъ отношеніи я буду примѣрнымъ мужемъ, Ксенія Васильевна. Повѣрьте моему уму и такту...

— Еще одно предостереженіе...

— Вамъ развѣ мало самаго ужаснаго? — полушутя, полугрустно воскликнулъ Павлищевъ.

— Надо все досказать... Не сердитесь на то, что я вамъ скажу... Обѣщаете?—промолвила Ксенія.

— И безъ обѣщанія не буду сердиться.

— Я вѣрю вамъ и считаю васъ искреннимъ человѣкомъ, желающимъ добра людямъ... Вѣрю и уважаю васъ за это... Но если бы потомъ я разочаровалась въ васъ...

— Не досказывайте... Я только могу гордиться, что моя жена такой чудный человѣкъ! — горячо проговорилъ Павлищевъ и крѣпко пожалъ руку Ксеніи, вполнѣ увѣренный, что послѣ свадьбы всѣ эти ея «нелѣпости» пройдутъ, и она сдѣлается въ его рукахъ разумной и успокоившейся женой, которой не въ чемъ будетъ разочаровываться.

Рѣшено было, что свадьба будетъ лѣтомъ, и они тотчасъ же уѣдутъ за границу на два мѣсяца. На правахъ жениха, Павлищевъ нѣсколько разъ принимался цѣловать руки Ксеніи и даже позволилъ себѣ сорвать одинъ «мирный» поцѣлуй, прильнувши къ ея заалѣвшей щекѣ. Они болтали о будущей жизни, о томъ, какъ Ксенія будетъ помогать ему нести бремя государственныхъ заботъ, и Ксенія, смѣясь, говорила, что сдѣлается самымъ строгимъ цензоромъ.

Когда вернулся Трифоновъ и узналъ, что Сюша—невѣста Павлищева, радости его не было конца. Онъ благословилъ ихъ обоихъ и заставилъ поцѣловаться. Не менѣе обрадована была и мать и, радостная и счастливая, всплакнула, призы-

вая благословеніе Божіе на дочь и на будущаго зятя-министра.

Павлищевъ обѣдалъ у Трифоновыхъ и, просидѣвъ съ полчаса у Ксеніи въ кабинетѣ, уѣхалъ, простившись съ ней горячимъ поцѣлуемъ. Онъ торопился на какое-то засѣданіе.

А Ксенія, оставшись одна, заходила по комнатѣ взволнованная, нѣсколько ошеломленная, стараясь привести въ порядокъ свои мысли, все еще не освоившаяся съ рѣшеніемъ сдѣлаться женою Павлищева.

Въ гостиной послышались чьи-то шаги. Ксенія взглянула въ дверь и чуть не вскрикнула отъ изумленія, увидавши Марка.

XVI.

И Маркъ увидалъ въ дверяхъ изумленное лицо Ксеніи и поклонился.

Ксенія вошла въ гостиную и, протягивая Марку руку, спросила:

— Вы, конечно, къ папѣ?

— Да, пришелъ навѣстить Василія Захарыча,—отвѣчалъ Маркъ съ едва замѣтной улыбкой, которая, казалось, подчеркнула не совсѣмъ любезный вопросъ хозяйки, и крѣпко пожалъ руку Ксеніи.

— Что же вы не велѣли ему сказать?

— Василій Захарычъ спитъ.

— Я разбужу папу... Ему пора вставать.

— Нѣтъ, зачѣмъ же. Я подожду, если позволите.

— Конечно, подождите. Отецъ будетъ очень радъ васъ видѣть. Вѣдь вы его слабость. А между тѣмъ такъ рѣдко бываете у него!—промолвила Ксенія сдержаннымъ и холоднымъ тономъ, чувствуя въ то же время какое-то невольное радостное волненіе при видѣ этого красиваго, спокойнаго и энергичнаго Марка съ его черными кудрявыми волосами и темными, точно пронизывающими глазами.

Она опустилась на диванъ и, указывая Марку на кресло, почему-то сочла долгомъ сказать:

— Папа, вѣрно, скоро встанетъ.

Маркъ какъ будто даже удивился, что Ксенія остается съ нимъ, и сказалъ:

— Я васъ оторвалъ отъ какихъ-нибудь занятій... Надѣюсь, вы не станете стѣсняться, чтобъ занимать меня, въ качествѣ любезной хозяйки, тѣмъ болѣе, что Василій Захарычъ скоро встанетъ.

— Это что за вопросъ?—кинула Ксенія и почувствовала, что краснѣетъ.

— Я боюсь злоупотреблять вашей свѣтской любезностью— вотъ и вся сущность вопроса,—пояснилъ Маркъ.

— Но почему вы думаете, что я должна стѣсняться именно вашимъ обществомъ?—съ живостью спросила Ксенія.

Маркъ усмѣхнулся.

— Точно я не вижу вашего недружелюбнаго отношенія ко мнѣ и не понимаю, что мое общество не можетъ доставить вамъ ни малѣйшаго интереса?.. Не первый же день мы съ вами знакомы, Ксенія Васильевна... Такъ къ чему же, скажите на милость, вамъ церемониться со мной? Или свѣтскія приличія васъ стѣсняютъ? Но вѣдь вы, кажется, уже не такая данница предразсудковъ!—прибавилъ Маркъ, насмѣшливо взглядывая на Ксенію.

— Кажется, и вы, въ свою очередь, не удостоиваете меня своимъ милостивымъ вниманіемъ, Маркъ Евграфовичъ?—съ насмѣшливой улыбкой отвѣчала Ксенія, нѣсколько удивленная и втайнѣ обрадованная словами Марка:—и не особенно печалитесь моимъ, какъ вы говорите, недружелюбнымъ отношеніемъ. И слѣдовательно жаловаться...

— Да развѣ я жалуюсь?—перебилъ Маркъ.—Я такими глупостями не имѣю привычки заниматься. Я только опредѣляю фактъ.

— Виновата... Еще бы! Развѣ вы можете жаловаться на что-нибудь? — иронически подчеркнула Ксенія. — Вы вѣдь только опредѣляете. Но, въ данномъ случаѣ, несмотря на вашу самоувѣренность въ точности опредѣленій, вы ошиблись.

— Въ чемъ именно?

— Никакихъ недружелюбныхъ чувствъ я къ вамъ не питаю,—да и не за что, согласитесь сами—я отношусь къ вамъ такъ же, какъ и къ другимъ добрымъ знакомымъ!—прибавила Ксенія, и голосъ ея невольно зазвучалъ мягкими нотками.

— Въ такомъ случаѣ, сознаюсь въ ошибочномъ опредѣленіи факта и приму ваши слова къ свѣдѣнію,—замѣтилъ Маркъ безъ особенной, казалось, радости.

— То-есть что̀ значитъ—къ свѣдѣнію?

— Не буду впредь думать, какъ раньше думалъ.

— И будете удостоивать разговоромъ не одного только папу?

— Если угодно...

— Очень угодно. Вѣдь вы представляете для меня интересную загадку.

— Я? Загадку?—съ удивленіемъ переспросилъ Маркъ.

— Да, нѣчто въ родѣ сфинкса,—проговорила, смѣясь, Кс-

нія.—Такихъ молодыхъ людей я еще не видала и, сознаюсь вамъ, хоть и давно имѣю честь знать васъ, въ сущности совсѣмъ васъ не знаю. Вы вѣдь никогда не высказываетесь, по крайней мѣрѣ у насъ. Быть-можетъ, вы откровеннѣе со своими друзьями?

— У меня нѣтъ друзей.

— Ну, съ болѣе близкими знакомыми.

— И близкихъ знакомыхъ нѣтъ.

— Но есть же родные?

— Одна сестра.

— Она здѣсь?

— Нѣтъ, въ провинціи.

Ксеніи вдругъ стало жаль Марка. Безъ друзей, безъ близкихъ, такой одинокій этотъ юноша! Немудрено, что онъ такъ замкнутъ въ себѣ и такъ сдержанъ! И ей хотѣлось разспросить его объ его жизни, о томъ, почему онъ такъ одинокъ, хотѣлось сказать ему доброе слово участія и сочувствія, смягчить его сердце лаской, но, взглянувъ на это спокойное и увѣренное лицо, которое, казалось, вовсе не искало сочувствія, она сдержала свой порывъ и только спросила:

— И васъ такое одиночество не пугаетъ?

— Нисколько...

— И вы не скучаете?

— Некогда.

— Впрочемъ, я слышала. Папа говорилъ... вы живете совсѣмъ отшельникомъ. Много читаете и работаете. Степанъ Ильичъ отъ васъ въ восторгѣ. Говоритъ, что вы незамѣнимый работникъ...

— Надѣюсь... Ну, и Павлищевъ зато пользуется этимъ. Не оставляетъ безъ работы,—усмѣхнулся Маркъ.

— Онъ и самъ много работаетъ?

— Работаетъ, надо сказать правду. И навѣрное доработается до министра. Вы его давно видѣли?—неожиданно спросилъ Маркъ.

— Сегодня. Онъ у насъ обѣдалъ!—проговорила Ксенія.

— Степанъ Ильичъ, кажется, часто у васъ бываетъ?

— Да, часто, — промолвила Ксенія, невольно почему-то краснѣя.—Отчего вы объ этомъ спрашиваете?

— Такъ... къ слову пришлось.

— А вамъ Павлищевъ нравится?

— Умный человѣкъ.—отвѣтилъ сдержанно Маркъ.

— Только умный?..

— Это—главное, надѣюсь...

— Ну, не совсѣмъ... Умъ еще не все... Онъ и добрый и честный человѣкъ,—не безъ горячности прибавила Ксенія.—Не правда ли?

— Зачѣмъ же вы спрашиваете меня, если имѣете свое мнѣніе?—спросилъ, смѣясь, Маркъ.

— Вы развѣ не согласны со мной?

— Не въ томъ дѣло... Положимъ даже, согласенъ, но не все ли вамъ-то равно, что̀ другіе думаютъ...

— Я не такая самонадѣянная, какъ вы, и не считаю себя непогрѣшимой.

— А я никогда не ставлю баллевъ людямъ за поведеніе... Каждый хорошъ или дуренъ по-своему...

— А по вашему мнѣнію каковъ онъ? — допытывалась Ксенія.

— Будетъ отличнымъ мужемъ!—проговорилъ Маркъ.

— Почему именно мужемъ?—изумилась Ксенія и снова покраснѣла.

— Да развѣ онъ еще не сдѣлалъ вамъ предложенія?

— Развѣ онъ долженъ былъ его сдѣлать именно мнѣ?

— А то какъ же... Навѣрное сдѣлаетъ... Точно это секретъ, что вы нравитесь Степану Ильичу...

— Допустимъ, что и такъ. Предположимъ даже, что онъ уже сдѣлалъ предложеніе... Вы какъ думаете: приняла я его?

— Отчего же нѣтъ? Степанъ Ильичъ уменъ, блестящъ, красивъ, въ него можно влюбиться... Впереди слава и власть...

— И вы, напримѣръ, одобрили бы такой бракъ?—шутливо допрашивала Ксенія.

— Вполнѣ!—отвѣчалъ Маркъ.

Этотъ отвѣтъ не былъ особенно пріятнымъ для Ксеніи. Ей бы хотѣлось, чтобы Маркъ, если не прямо, то какимъ-нибудь намекомъ высказался противъ. Ужели онъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что она влюблена въ Павлищева, что она можетъ въ него влюбиться?..

И она кинула:

— Если-бъ даже ни съ той ни съ другой стороны не было настоящей любви?

— Любовь—понятіе относительное, Ксенія Васильевна.

— У васъ, кажется, все относительное.

— Да такъ оно и есть въ жизни... Да и вообще я профанъ по этой части!—добавилъ Маркъ.

— То-есть никогда не любили?

— Нѣтъ еще.

— И не бывали влюблены?

Маркъ подумалъ, какъ бы желая дать точный и добросовѣстный отвѣтъ, и проговорилъ:

— Кажется, нѣтъ...

— Странный вы однако молодой человѣкъ... Право, очень странный и любопытный,—протянула Ксенія и пристально, долгимъ взглядомъ посмотрѣла на Марка, словно бы желая прочесть на этомъ молодомъ, дьявольски-красивомъ и безстрастномъ лицѣ: правду ли онъ говоритъ, или рисуется своей неуязвимостью. Но лицо Марка, казалось, не лгало. Да и къ чему Марку было лгать передъ ней... Вѣдь она ему, видимо, ни капельки не нравится.

И, со свойственнымъ женщинамъ инстинктомъ кокетливости, она съ самой чарующей улыбкой спросила:

— И никогда не пробовали влюбляться?

— Зачѣмъ?

Ксенія разсмѣялась.

— Вотъ вопросъ! Развѣ спрашиваютъ—зачѣмъ? Просто влюбляются, и дѣло съ концомъ...

— А послѣ?

— Женятся...

— И плодятъ нищихъ... И устраиваютъ вмѣсто жизни каторгу... Насмотрѣлся я, Ксенія Васильевна, на эти «домашніе очаги», знаю я изнанку этихъ «идиллій».

— Однако вы мрачно смотрите на жизнь...

— Не особенно весело...

— И что-жъ... Никогда не жѐнитесь?

— Не знаю... Если, какъ вы говорите, воспылаю къ кому-нибудь страстью и буду имѣть возможность содержать прилично семью,—тогда женюсь...

— Мы васъ женимъ, непремѣнно женимъ, родной мой Маркъ Евграфовичъ,—весело проговорилъ Трифоновъ, входя въ гостиную.—Очень радъ васъ видѣть, очень радъ!—продолжалъ Василій Захаровичъ, крѣпко пожимая руку Марка.—И найдемъ вамъ прекрасную невѣсту... Нечего-то вамъ схимникомъ жить... Ну, какъ поживаете? И не стыдно совсѣмъ забыть пріятеля?.. Вѣдь знаете, какъ я васъ уважаю и люблю... Ну, а теперь поздравляйте и меня и Сюшу... Она вамъ, видно, не сообщила новости...

— Нѣтъ...

— Выходитъ замужъ за вашего начальника—за милаго Степана Ильича...

Маркъ поздравилъ Трифонова, поздравилъ Ксенію и, просидѣвъ съ часъ, сталъ прощаться.

— Надѣюсь, мы теперь не будемъ встрѣчаться врагами?— сказала ему на прощанье Ксенія:—и вы будете навѣщать не одного папу, а и меня тоже? Съ вами любопытно болтать.

И, пожимая Марку руку, подарила его ласковымъ взглядомъ своихъ слегка прищуренныхъ глазъ.

XVII

Маркъ сталъ бывать у Трифоновыхъ чаще. Заходилъ онъ раза два въ недѣлю по вечерамъ, когда Павлищева тамъ не было и онъ не могъ быть лишнимъ. Павлищевъ теперь почти каждый день обѣдалъ у Трифоновыхъ и, просидѣвъ часъ-другой у Ксеніи, обыкновенно уѣзжалъ, ссылаясь на работу, и Ксенія его не удерживала, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ. Признаться, ему было скучновато вести съ Ксеніей одни «умные разговоры», которые она начинала, тѣмъ болѣе, что они даже не разнообразились флиртомъ. Въ качествѣ жениха онъ разсчитывалъ на него, находя, что послѣ хорошаго обѣда такой десертъ весьма недуренъ и скорѣе, чѣмъ всякія умныя бесѣды, сблизитъ его съ этою странною дѣвушкой.

Но Ксенія довольно холодно принимала его внезапныя изліянія, которыми онъ неожиданно прерывалъ разговоръ, и, избѣгая нѣжностей, снова продолжала какой-нибудь теоретическій споръ, совѣтуя жениху для удобства пересѣсть съ дивана на кресло и взглядывая, казалось, безъ всякаго сочувствія на раскраснѣвшееся лицо и слегка замаслившіеся глаза его превосходительства.

И онъ, нѣсколько сконфуженный и обиженный, съ видомъ ошпареннаго кота, стараясь однако сохранить чувство собственнаго достоинства, пересаживался въ кресло и думалъ, какъ бы ему скорѣй улепетнуть, съ соблюденіемъ приличій жениха, желающаго быть какъ можно болѣе съ невѣстой.

«Рыбій темпераментъ!» — думалъ про себя Павлищевъ, ограничиваясь лишь почтительными поцѣлуями рукъ, и приходилъ къ заключенію, что это не особенная бѣда для жены такого пожившаго вивера, какъ онъ. Напротивъ, имѣетъ даже свои выгоды для мира и спокойствія «семейнаго очага» и болѣе гарантируетъ противъ увлеченій ея въ будущемъ. «Пусть себѣ разговариваетъ! Эти болтливыя женщины гораздо спокойнѣе молчаливыхъ и тихихъ!» — рѣшилъ Павлищевъ, припоминая свою немалую практику въ амурныхъ дѣлахъ.

И онъ уѣзжалъ нерѣдко отъ Ксеніи прямо къ Рогальской, съ которой не прерывалъ совсѣмъ сношеній, и у этой дамы, всегда гостепріимной, радушной и обворожительной, мужа

которой никогда не было дома, проводилъ иногда веселые вечера, не пугаясь дорого стоящей благосклонности этой женщины. Милліонъ у него впереди. Можно и позволить себѣ эту роскошь на послѣднихъ порахъ холостой жизни. Послѣ свадьбы онъ, конечно, остепенится и будетъ осторожнѣе. Слава Богу, какія-нибудь десять тысячъ долга такіе пустяки, о которыхъ нечего и разговаривать. И Павлищевъ возилъ ей и брильянты и чеки, и не претендовалъ, что онъ не одинъ пользуется ея ласками. Она этого и не скрывала, предлагая безраздѣльность пользованія своей особой на очень тяжелыхъ условіяхъ.

Платясь только деньгами, Павлищевъ уже больше не хлопоталъ о миѳическихъ сестрахъ и братьяхъ Анны Аполлоновны и разъ навсегда запретилъ ей просить его о такихъ дѣлахъ. И безъ того изъ-за его ходатайства передъ министромъ о пенсіонѣ для «сестры» Анны Аполлоновны чуть-было не вышла крайне непріятная для него исторія.

Дѣло въ томъ, что патрономъ Павлищева въ тѣ довольно отдаленныя времена, когда происходило дѣйствіе нашего разсказа, былъ человѣкъ, свято блюдшій экономію и законность, особенно въ приложеніи къ такимъ лицамъ, которыя не могли ничѣмъ повредить его положенію—человѣка далеко не родовитаго происхожденія, попавшаго къ власти съ неожиданной, почти сказочной быстротой, возбудившей непріязнь въ очень многихъ кругахъ, и преимущественно аристократическихъ. Умный, честолюбивый, рѣшительный и въ достаточной мѣрѣ безъ предразсудковъ, благодаря чему имѣлъ огромное состояніе, обязанный карьерой самому себѣ, онъ подтянулъ свое вѣдомство и создалъ себѣ репутацію незамѣнимаго человѣка, ловко и умно лавируя между тѣми теченіями, которыя могли унести его съ той же быстротой, съ какою онъ поднялся, и помѣшать ему, въ числѣ другихъ его коллегъ, осчастливить Россію новыми мѣропріятіями въ своемъ вѣдомствѣ. Нечего и прибавлять, что, гдѣ только можно было, онъ блюлъ законность и строго требовалъ ея отъ подчиненныхъ.

И вдругъ одинъ изъ сослуживцевъ Павлищева, желавшій подложить ему «свинью», какъ-то при докладѣ возбудилъ вопросъ о неправильности ходатайства о пенсіи вдовѣ чиновника, прослужившаго 12 лѣтъ.

Позвали Павлищева для объясненій.

Степанъ Ильичъ, хорошо изучившій своего начальника, особенно благоволившаго къ своему любимцу, сознался, что подалъ ему докладъ, не имѣющій основаній по буквѣ закона.

Патронъ вскинулъ на Павлищева свои пронизывающіе маленькіе глаза и спросилъ недовольнымъ тономъ:

— Такъ почему же вы, Степанъ Ильичъ, это сдѣлали? Кому-нибудь оказать услугу хотѣли, что ли?.. Такъ вѣдь эти услуги на моей же шеѣ отзовутся... Вы вѣдь знаете, какъ всѣ ищутъ случая придраться ко мнѣ... Я вѣдь для многихъ нежелателенъ... Я и наглъ и не изъ Рюриковичей! — съ усмѣшкой прибавилъ патронъ.

Павлищевъ доложилъ, что никому онъ услуги оказать не желалъ, но что представилъ докладъ, въ которомъ изложилъ вѣскія основанія для ходатайства о назначеніи пенсіи, какъ исключенія въ виду заслугъ покойнаго.

— И наше ходатайство было уважено... Никакихъ запросовъ не было!—прибавилъ Павлищевъ.

— Пенсію дали?

— Дали...

— А все-таки... Будьте впередъ осторожнѣе, Степанъ Ильичъ... Мой почтенный коллега строгій и... и не даетъ денегъ безъ законнаго основанія!—прибавилъ старый человѣкъ съ пронизывающими глазами, и едва замѣтная ироническая улыбка пробѣжала по его тонкимъ губамъ.

Онъ втайнѣ не любилъ своего коллегу, признавая его государственнымъ человѣкомъ такимъ же рѣшительнымъ и умнымъ, какимъ считалъ себя (развѣ только чуточку пониже), тоже заставившимъ о себѣ говорить, какъ объ администраторѣ, имѣвшемъ всѣ шансы осчастливить Россію и—что главное — пользовавшимся, какъ казалось, вліяніемъ.

Павлищевъ намоталъ себѣ на усъ это предостереженіе и рѣшилъ болѣе не повторять «глупости», рискуя потерять довѣріе патрона, и не нарушать законовъ.

Приготовленія къ свадьбѣ шли своимъ чередомъ. До назначеннаго дня оставалось всего два мѣсяца, и потому торопились съ приданымъ. Ксенія съ матерью часто ѣздили по магазинамъ и дѣлали разные заказы. Нѣсколько парадныхъ костюмовъ было заказано въ Парижѣ. Старикъ-отецъ требовалъ, чтобы не стѣснялись расходами и чтобы приданое было самое роскошное и въ грандіозныхъ размѣрахъ. Дочь Трифонова не должна ударить лицомъ въ грязь. И онъ самъ осматривалъ матеріи, купленныя дамами, накупалъ множество брильянтовъ и разныхъ цѣнныхъ украшеній для своей любимицы и, веселый и довольный, отдавалъ дочери. Въ домѣ у нихъ была теперь та предсвадебная суматоха, которая нарушаетъ обычный строй жизни. Дамы къ обѣду опаздывали; это не раздражало старика, какъ прежде, и онъ терпѣливо ожидалъ полчаса вмѣстѣ съ Борисомъ и будущемъ зятемъ и не дѣлалъ никакихъ замѣчаній опоздавшимъ. То и дѣло при-

носили картонки и корзины; являлись портнихи и примѣривали платья. Цѣлая большая комната была уже заставлена разными сундуками, и не предвидѣлось еще конца.

Виновница всей этой суматохи однако не выказывала большой радости, и, казалось, всѣ эти блестящіе наряды не особенно занимали ее. Она возвращалась изъ магазиновъ усталая, утомленная, подчасъ раздражительная, и въ такія минуты бывала не особенно ласкова съ Павлищевымъ, да и вообще держалась съ нимъ совсѣмъ не такъ, какъ счастливая невѣста.

Борисъ подсмѣивался и говорилъ, что Сюша выходитъ замужъ, чтобы быть впослѣдствіи самой «министромъ».

— Но это тебѣ, братъ, не удастся, — смѣялся офицеръ.— Степанъ Ильичъ хоть и мягкій, очень даже мягкій, но у него бархатныя лапки... На шею сѣсть себѣ не позволитъ... Будь увѣрена...

И Борисъ не разъ говорилъ сестрѣ, что ужъ если она захотѣла выходить замужъ, то лучше было бы предпочесть князя Сицкаго.

— Вѣдь не влюблена же ты въ Степана Ильича.

— Положимъ, не влюблена. Такъ вѣдь и въ твоего Сицкаго я не влюблена.

— Онъ красавецъ, веселый, добрый малый... По крайней мѣрѣ пожила бы съ нимъ весело. А съ твоимъ Степаномъ Ильичомъ одна скука!

— Онъ тебѣ не нравится?—спрашивала Ксенія

— Признаюсь, не очень...

— Чѣмъ именно?..

— Право, не умѣю сказать... такъ поглядѣть — кажется, хорошій человѣкъ, а вотъ, поди же, не нравится... И слишкомъ много о себѣ думаетъ. Онъ хоть и не показываетъ этого, но чувствуется... И воображаетъ, что непобѣдимъ...

Ксенія обыкновенно защищала Павлищева, но сама чувствовала, что защита эта была какая-то формальная, болѣе разсудочная, чѣмъ сердечная. Ее не возмущали, не трогали до глубины души нападки на человѣка, который скоро будетъ ея мужемъ.

Не скрылось, разумѣется, и отъ старика Трифонова, что Ксенія относится къ своему жениху не какъ любящая невѣста, и самъ Трифоновъ, женившійся на бѣдной дѣвушкѣ по страсти, подчасъ задумывался: будетъ ли счастлива его ненаглядная Сюша, выходя безъ любви замужъ. Его утѣшало, впрочемъ, то обычное соображеніе, что Сюшѣ надо замужъ, и что она привяжется къ такому умному и порядочному чело-

вѣку, какъ Степанъ Ильичъ. Пойдутъ дѣти, все обладится, и онъ, Трифоновъ, будетъ счастливымъ дѣдушкой.

Не довѣряясь своимъ наблюденіямъ и знанію людей, Трифоновъ уже собралъ подъ рукой справки о будущемъ зятѣ, и справки были все благопріятныя. Несомнѣнно, онъ добрый, порядочный человѣкъ и живетъ по средствамъ — долговъ у него нѣтъ. Правда, были слухи, что онъ непрочь поухаживать и вообще любитъ женщинъ, но отчего же холостому человѣку и не любить ихъ. Женится — броситъ шалости. Сюша, слава Богу, не уродъ, да и Степанъ Ильичъ не мальчишка, способный бѣгать за каждой юбкой, а человѣкъ въ лѣтахъ, и наконецъ не такое его положеніе и слишкомъ онъ уменъ, чтобы не умѣть вести себя, какъ слѣдуетъ женатому.

Несмотря на всѣ эти разсужденія, старикъ однажды спросилъ Ксенію:

— Ты не раскаиваешься, Сюша, что дала согласіе?

— Я, папа, прежде, чѣмъ дать согласіе, обдумала.

— То-то, родная... И онъ хорошій человѣкъ...

— Кажется, хорошій...

— Выйдешь замужъ, и любовь придетъ, Сюша...

Ксенія ничего не отвѣтила.

— Только ты что-то ужъ очень холодна къ Степану Ильичу, моя милая...

— Холодна? Такъ, какъ всегда... Я его не обманывала... Я предупреждала, что не влюблена въ него...

— А онъ?

— Думаетъ, какъ и ты, что любовь придетъ, — отвѣчала Ксенія.

— Конечно, придетъ... Будутъ дѣти... Ты будешь счастлива, моя умница!..

И старикъ крѣпко обнялъ дочь и прибавилъ какъ бы въ утѣшеніе:

— Тоже эти браки по страсти не всегда бываютъ прочными... Пылъ-то первый пройдетъ и... Да, впрочемъ, что-жъ я говорю... Вѣдь, еслибъ ты въ кого-нибудь влюбилась, развѣ я сталъ бы препятствовать когда-нибудь... А вотъ до сихъ поръ, кажется, этого не было... Слишкомъ тебѣ много ума Богъ далъ... Людей-то ты умѣешь понимать...

И отецъ отпускалъ отъ себя дочь, успокоенный, вполнѣ увѣренный, что и самъ понимаетъ ее.

А между тѣмъ Ксенія, оставаясь послѣ ухода Павлищева одна, нерѣдко прислушивалась: не раздадутся ли въ гостиной твердые, увѣренные шаги Марка, и она радовалась, какъ

ребенокъ, втайнѣ смущаясь и досадуя на себя, когда Маркъ проходилъ въ кабинетъ отца и послѣ проводилъ съ нею вечеръ.

«Неужели въ самомъ дѣлѣ она, немолодая уже дѣвушка, влюбилась въ этого мальчишку?» — задавала она себѣ вопросъ, оставаясь одна, и, вмѣсто отвѣта, чувствовала, какъ слезы тихо льются по ея загорѣвшимся щекамъ и въ то же время какая-то безпредѣльная тоска охватываетъ ея сердце.

А Маркъ, какъ будто не замѣчая, какъ оживляется при его приходѣ Ксенія, съ какимъ интересомъ говоритъ съ нимъ и какъ иногда ласково на него смотритъ, ходилъ-себѣ аккуратно два раза въ недѣлю и все болѣе и болѣе, казалось, начиналъ интересоваться дѣвушкой.

Онъ велъ свою игру съ искусствомъ самаго опытнаго Донъ-Жуана, хотя и не зналъ совсѣмъ женщинъ и ни одну еще не любилъ.

XVIII.

Изъ дневника Марка.

7-го мая. Мой патронъ, видимо, ни о чемъ не догадывается и пребываетъ въ счастливомъ положеніи человѣка, готоваго получить милліонъ вмѣстѣ съ женой. Очень веселъ и игривъ. И въ департаментѣ не засиживается — торопится къ шести часамъ обѣдать къ невѣстѣ. Вчера потребовалъ къ себѣ на квартиру и распространился насчетъ своихъ чувствъ ко мнѣ, какъ къ золотому работнику, и обѣщалъ никогда не разстаться со мной, «по крайней мѣрѣ, по своей волѣ», — любезно прибавилъ онъ и крѣпко пожималъ мнѣ руку. Я, конечно, благодарилъ. Пусть думаетъ, что я благодарный телепокъ. Потомъ, разумѣется, поручилъ мнѣ новую работу (для этого и звалъ!) и просилъ поспѣшить. Онъ всегда спѣшитъ, и весь департаментъ у него спѣшитъ, какъ угорѣлый. Это у Павлищева особый шикъ гнать на почтовыхъ и поражать министра быстротой работы. Понимаетъ, каналья, чѣмъ взять. И беретъ этимъ! А вѣдь въ сущности, если разобрать, далеко не орелъ этотъ Павлищевъ. И образованіе у него весьма поверхностное—такъ, верхушки однѣ, и знаній мало, а вѣдь считается звѣздой!.. Какъ подумаешь, какъ легко прослыть у насъ звѣздой, такъ даже смѣшно становится! Прежде и я думалъ, что Павлищевъ въ самомъ дѣлѣ нѣчто выдающееся, а какъ поближе узналъ, вижу, что только уменъ, ловокъ и умѣетъ работать и показать товаръ лицомъ. Хорошъ, значитъ, ассортиментъ, если Павлищевъ считается чуть ли не административнымъ геніемъ!.. А вѣдь навѣрное увѣнчаетъ карьеру...

Возвратилъ онъ мнѣ записку, которую я ему составилъ двѣ недѣли тому назадъ, и попросилъ передѣлать. Министръ перемѣнилъ взглядъ на вопросъ, и слѣдовательно намъ приходится, къ сожалѣнію, тоже перемѣнить... «Составьте, говоритъ, записку въ другомъ направленіи».

— Въ какомъ прикажете?—спрашиваю.

Онъ объяснилъ. Оказалось, направленіе совсѣмъ противоположное тому, что̀ излагалось, по порученію Павлищева, въ запискѣ.

Не въ первый разъ приходится намъ дѣлать такія штуки. Конечно, Павлищеву въ сущности на это наплевать. Однако, желая показать мнѣ, что дѣлаетъ это скрѣпя сердце—молъ, и у него мнѣнія свои есть—онъ сказалъ, что долго спорилъ по этому поводу съ министромъ, но что министръ не согласенъ. «Ничего не подѣлаешь, дорогой Маркъ Евграфовичъ!»—прибавилъ онъ.

Павлищевъ довольно откровененъ со мной. Увѣренный, что я не болтливъ и не злоупотреблю его откровенностью, онъ часто разсказывалъ мнѣ, что̀ дѣлается, такъ сказать, за кулисами. По его словамъ, и министръ внезапно перемѣнилъ свой взглядъ на вопросъ, изложенный въ запискѣ, только потому, что опасался, будто взглядъ этотъ не понравится въ нѣкоторыхъ сферахъ. Онъ даже не увѣренъ былъ въ этомъ, а только опасался.

И этого было совершенно достаточно, чтобы, безъ всякой попытки отстоять свое мнѣніе,—рѣшить серьезный вопросъ въ другомъ смыслѣ!

Какая трусость и, главное, совершенно ненужная!

Прощаясь со мной, Павлищевъ спросилъ: давно ли я былъ у Трифоновыхъ?

Я отвѣчалъ, что былъ на-дняхъ.

Ни черточки неудовольствія на радостномъ лицѣ патрона. Онъ глядитъ совсѣмъ именинникомъ. Не боится онъ, какъ видно, что я могу приподнести Трифоновымъ разсказъ объ его «ошибкѣ молодости» съ сестрой, разсчитывая, что нѣтъ цѣли вредить человѣку, отъ котораго можно ждать богатыхъ милостей. Недаромъ же Павлищевъ въ послѣднее время сталъ еще любезнѣе и интимнѣе со мной. И наконецъ онъ вѣритъ въ мое благородство. А мысль, что я, Маркъ Борщовъ, могу изъ-подъ его носа вырвать невѣсту съ милліономъ, разумѣется, не можетъ придти даже въ голову его превосходительства. До того это неправдоподобно! Будущій министръ и какой-то Маркъ Борщовъ!?

А между тѣмъ барышня, видимо, ..ною увлеклась не на

шутку. Мнѣ остается только сдѣлаться окончательно влюбленнымъ, и—кто знаетъ?—не нужно будетъ и объ «ошибкахъ молодости» Павлищева разсказывать, чтобы невѣста ему отказала. Она—человѣкъ рѣшительный, довольно самостоятельный и передъ этимъ не остановится, а Трифоновъ слишкомъ любитъ дочь, чтобъ ставить препятствія. Для барышни лучше подождать министерства, но имѣть въ супругахъ молодого и свѣжаго человѣка, чѣмъ выходить замужъ за этого потертаго бабника. Воображаю, какъ онъ ошалѣетъ, если это случится. Интересно будетъ взглянуть на его самодовольную физіономію... И захочетъ ли онъ послѣ того—имѣть у себя «золотого работника»? Полагаю, онъ настолько уменъ, что захочетъ... И я не прочь...

Барышня любитъ вести со мной бесѣды и упрекаетъ, что я всегда рано отъ нея ухожу. Она довѣрчива и считаетъ меня искреннимъ другомъ. Въ послѣдній разъ она перехватила мой «нечаянный» восторженный взглядъ и вся просіяла. А щеки такъ и залились румянцемъ. Думаетъ, вѣрно: не обращалъ никакого вниманія, а теперь... влюбился. Однако я ни полслова о чувствахъ и ни одного комплимента... Такъ оно лучше. Пусть считаетъ, что я втайнѣ влюбленъ, не смѣя мечтать о взаимности и не смѣя открыться, зная, что она невѣста другого. А интересно вести эту игру и наблюдать, какъ барышня съ милліономъ сама лѣзетъ тебѣ въ ротъ—бери только не сразу, а осторожно, чтобъ не испугать и не возбудить подозрѣній. Глупыя эти влюбленныя бабы и совсѣмъ теряютъ голову.

Очевидно, она и не подозрѣваетъ во мнѣ такого же карьериста, какъ и Павлищевъ, только куда посмѣлѣе его. Я хоть и не вполнѣ высказываюсь, но не скрываю, что смотрю на жизнь и на людей не въ розовыя очки, а она не вѣритъ, конечно, что въ двадцать четыре года можно быть такимъ скептикомъ. Она думаетъ, что я нѣсколько озлобленъ, и что мои взгляды смягчатся. Пусть думаетъ! Это ея дѣло...

Прощаясь со мной въ послѣдній разъ, она неожиданно сказала:

— Надѣюсь, что и послѣ моей свадьбы вы будете у меня бывать, и мы будемъ съ вами такими друзьями, какими нечаянно сдѣлались.

Я отвѣчалъ, что едва ли...

— Почему?—спросила она.

— Мало ли какія могутъ быть причины, Ксенія Васильевна!—отвѣчалъ я уклончиво.

— Какія, напримѣръ?

Глаза ея блеснули. Казалось, барышня была удивлена.

Я молчалъ, и она нетерпѣливо бросила:

— Что-жъ вы молчите? Какія причины могутъ помѣшать вамъ бывать у меня? Отвѣчайте!—воскликнула она порывисто.

Я притворился смущеннымъ и, словно бы пріискивая причины, проговорилъ:

— Могу не понравиться вашему мужу... Наконецъ могу уѣхать на службу куда-нибудь въ провинцію... Мало ли что можетъ случиться...

И, проговоривъ это, ушелъ, крѣпко и значительно пожавъ ея руку.

Теперь цѣлую недѣлю не пойду. Пусть раздумываетъ надъ моими словами!

Я, конечно, не влюбленъ въ эту барышню, но она мнѣ нравится, и я былъ бы хорошимъ мужемъ. Терпѣть не могу развращенныхъ людей и особенно этихъ искателей ощущеній. Точно въ любви жизнь. Любовь—просто физіологическое отправленіе и ничего болѣе. Ну, а Ксенія Васильевна мнѣ не противна. Слѣдовательно...

17 мая. Сегодня заѣзжалъ ко мнѣ Трифоновъ. Не засталъ дома и оставилъ записку, зоветъ къ себѣ. Удивляется, что я пропалъ, а въ департаментѣ Павлищевъ говорилъ, что Трифоновъ безъ меня соскучился и жалуется, что я забылъ ихъ. «Ужъ вы сходите къ старику»,—посовѣтовалъ мнѣ Павлищевъ... Я отвѣчалъ, что работы много. Павлищевъ сказалъ, что разрѣшаетъ мнѣ отдохнуть.

— Говорятъ, вы совсѣмъ аскетомъ какимъ-то живете. Это правда?—спросилъ онъ.

— Правда.

— Экій вы странный молодой человѣкъ... Я въ ваши годы и работалъ и... жилъ! Съ вашей наружностью можно отлично жить! — прибавилъ Павлищевъ и весело расхохотался, подмигнувъ глазомъ.—Или женщинъ боитесь? Напрасно... напрасно... Вы имъ должны нравиться!.. Нѣтъ, безъ шутокъ, поѣзжайте къ Трифоновымъ... Ужъ ублажите старика...

Я обѣщалъ побывать на другой день.

— А сегодня?—настаивалъ почему-то Павлищевъ.—Сегодня у нихъ послѣдній четвергъ.

Я отговорился подъ предлогомъ, что сегодня кончаю работу. И не хотѣлъ я идти въ четвергъ, когда у Трифонова «народъ».

А, видно, барышня соскучилась. Это она, конечно, отца посылала!

20 мая. Развязка пришла. Барышня физіологически на

точкѣ каленія. Милліонъ несомнѣнно мой, и она сдѣлаетъ глупость—«выйдя замужъ за мальчишку». Прежде она всегда называла это глупостью и смѣялась надъ браками, въ которыхъ жена старше мужа... А теперь... Запишу все по порядку.

Когда вчера вечеромъ я пришелъ къ Трифоновымъ, старика не было дома. У старухи была мигрень, и она была у себя на верху. «Барышня дома, барышня приметъ!»—сказалъ мнѣ лакей и пошелъ доложить.

— Пожалуйте къ барышнѣ!—проговорилъ онъ.

Я вошелъ въ этотъ маленькій кабинетъ. Ксенія радостно протянула обѣ свои руки и проговорила:

— Наконецъ-то. Отчего такъ долго не были?

Мнѣ показалось, что за эти дни она немножко похудѣла и осунулась. Глаза ея горѣли неспокойнымъ блескомъ, и что-то лихорадочное было во всѣхъ ея движеніяхъ.

Я, по обыкновенію, сослался на работу.

— Не лгите; когда кого хотятъ видѣть, никакая въ мірѣ работа не помѣшаетъ. Значитъ, вы не хотѣли меня видѣть?

— Очень даже хотѣлъ,—прошепталъ я.

— Такъ отчего же не приходили?.. Какія причины заставляютъ васъ не ходить теперь и обѣщать не ходить, когда я выйду замужъ?.. Вѣдь я черезъ мѣсяцъ буду женою Павлищева. Слышите ли?—прибавила она словно съ какою-то угрозою и серьезно и пристально глядѣла на меня.

Моментъ былъ, что̀ называется, «психологическій». Нужно было имъ воспользоваться, и я, съ приличною торжественностью и понижая, какъ слѣдуетъ, голосъ, проговорилъ, слегка запинаясь, какъ человѣкъ, у котораго вынуждаютъ скрываемую имъ тайну:

— Ксенія Васильевна... Къ чему вы спрашиваете?

— Мнѣ нужно знать... всю правду... всю... понимаете ли?—повелительно прошептала она...

— Да развѣ вы сами не видите?—чуть слышно промолвилъ я.

— Ничего я не вижу... Я вижу, что вы не другъ мнѣ...

Но глаза ея говорили другое. Вся она просвѣтлѣла и, казалось, замерла въ ожиданіи моихъ словъ.

— Не другъ?..—переспросилъ я.—Я больше, чѣмъ другъ... Но вы скоро будете женою другого... Развѣ смѣлъ я...

— Чего вы не смѣли?—прошептала она.

— Сказать, что уже давно люблю васъ...

И я покрылъ поцѣлуями руку дѣвушки.

Она отдернула руку, обвила мою шею и страстно прильнула къ моимъ губамъ, вся трепещущая и счастливая.

— А вы, мой желанный, мой красавецъ, развѣ не догадывались, что я люблю только васъ!—шептала она, и внезапно слезы хлынули изъ ея глазъ.

Мы провели вечеръ влюбленныхъ. Внезапная близость этой страстной дѣвушки увлекла и меня, и я цѣловалъ ея руки, лицо, шею въ какомъ-то безумномъ экстазѣ. Молодое, здоровое животное заговорило во мнѣ; въ эти минуты я, конечно, былъ влюбленъ въ нее страстно и искренно.

Ксенія рѣшила завтра же отказать Павлищеву и поговорить съ отцомъ.

— Ты будешь моимъ мужемъ и никто болѣе!—властно проговорила она, когда я выразилъ сомнѣніе въ согласіи отца, и обняла меня на прощанье съ порывистою страстностью.

Поздравляю, ваше превосходительство!

XIX.

Когда на другое утро Ксенія вошла, по обыкновенію, въ кабинетъ поздороваться съ отцомъ, старикъ былъ просто удивленъ радостнымъ выраженіемъ ея лица. Такой Сюши онъ давно не видалъ. Она точно преобразилась, помолодѣла, похорошѣла и вся будто сіяла какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ невыразимаго счастья. Оно, казалось, наполняло все ея существо: искрилось въ глазахъ, свѣтилось въ улыбкѣ, необыкновенно мягкой и доброй, говорило о себѣ въ каждомъ движеніи... И одѣта сегодня она была не такъ, какъ обыкновенно, не особенно заботясь о туалетѣ, а съ видимымъ стараніемъ одѣться къ лицу, такая нарядная, свѣжая и хорошенькая въ пунцовой кофточкѣ и въ свѣтлой щегольской юбкѣ, съ гладко зачесанными назадъ роскошными бѣлокурыми волосами, собранными на темени.

Василій Захаровичъ съ радостнымъ изумленіемъ взглянулъ на свою любимицу и самъ невольно улыбался, любуясь ею. Съ появленіемъ дочери, такой сіяющей и радостной, самъ онъ просвѣтлѣлъ, и словно въ кабинетѣ вдругъ стало свѣтлѣе и ярче.

Ксенія какъ-то особенно порывисто-горячо и нѣжно обняла отца и, возбужденная, присѣла около него.

— Что̀ съ тобой сегодня, Сюша? Ты такая необыкновенная?—весело спросилъ отецъ, заглядывая въ ея глаза.

— Необыкновенная?—переспросила Ксенія и вдругъ смутилась, какъ дѣвочка. Кровь залила ея лицо, шею, и она нѣсколько мгновеній молчала, улыбающаяся и счастливая.

Старикъ недоумѣвалъ.

— Папа,—наконецъ промолвила она:—я пришла къ тебѣ сообщить важную новость. Надѣюсь, ты сердиться не будешь?

— Сердиться? Когда ты такая счастливая? Какая же это важная новость?

— Я рѣшила отказать Павлищеву!

Василій Захаровичъ никакъ не ожидалъ подобнаго извѣстія. Изумленный, съ широко открытыми глазами, онъ молча смотрѣлъ на Ксенію, словно бы не находя словъ и не вѣря тому, что она сказала.

— Ты удивленъ, папочка?

— Признаюсь, совсѣмъ ты поразила меня, Ксенія, — проговорилъ наконецъ старикъ, видимо недовольный. — Ты дала слово, весь городъ знаетъ, и вдругъ...

Старикъ не сказалъ, что самъ онъ такъ желалъ этой свадьбы, сулившей счастье и почетъ его дочери и, кстати, связи, не безполезныя для его дѣлъ, и прибавилъ:

— Развѣ есть какія-нибудь основательныя причины для отказа?

— Есть,—прошептала Ксенія.

— Ты что-нибудь узнала о Степанѣ Ильичѣ? Быть-можетъ, слышала объ его холостой жизни... Такъ вѣдь, Сюша...

— Ничего я не слыхала, и впередъ знала, что Павлищевъ не монахъ...

— Такъ отчего же ты вдругъ отказываешь?

— Я не люблю его.

— Но вѣдь и раньше ты его не любила. Онъ тебѣ только нравился, и однако ты все-таки соглашалась быть его женой?

— То было раньше...

— А теперь?

— Я не пойду за Павлищева!—рѣшительно отвѣтила Ксенія. — Не станешь же ты сердиться, что я не иду за него изъ-за того только, что объ этомъ весь городъ узнаетъ. Надѣюсь, счастье дочери тебѣ дороже разныхъ сплетенъ, которыя будутъ ходить и затѣмъ пропадутъ?.. Вѣдь ты же любишь меня?

— Точно ты не знаешь, какъ я люблю тебя!—растроганно промолвилъ старикъ.

И, недоумѣвающій, совсѣмъ сбитый съ толку этимъ радостнымъ, счастливымъ видомъ Ксеніи, спросилъ:

— И ты такая веселая сегодня оттого, что рѣшила не идти за Степана Ильича и оставаться въ дѣвушкахъ?

— Не совсѣмъ оттого,—проронила Ксенія:—и я вовсе не думаю остаться старой дѣвой, папа, а, напротивъ, хочу выйти замужъ за человѣка, котораго люблю!—прибавила она и снова покраснѣла.

— За кого же? Кто вдругъ нашелся такой избранникъ?— спрашивалъ Василій Захаровичъ.

— Твой любимецъ, папа... Маркъ.

— Маркъ Борщовъ?! — воскликнулъ совсѣмъ пораженный старикъ.

И онъ понялъ теперь, почему его Сюша такая радостная и счастливая. Она влюбилась въ этого красиваго молодого человѣка, она—никого до сихъ поръ не любившая и всѣхъ критиковавшая. А онъ и не догадывался, старый дуракъ, отчего это въ послѣднее время Сюша сдѣлалась дружна съ Маркомъ, и отчего Маркъ вдругъ зачастилъ и проводилъ съ нею вдвоемъ вечера, тогда какъ прежде Сюша почти не разговаривала съ нимъ. То-то она была такъ холодна съ Павлищевымъ эти два мѣсяца... А Маркъ-то, Маркъ!? Кто могъ бы ожидать, что онъ отобьетъ невѣсту у своего начальника!? Какая однако въ немъ смѣлость!?

Такія мысли пробѣгали въ головѣ старика, и онъ не зналъ, радоваться ли ему, или сердиться. Конечно, Маркъ—умный и славный молодой человѣкъ, но что̀ онъ такое? Какая партія для дочери Трифонова? И совсѣмъ еще молодъ...

— Ты не одобряешь моего выбора, папа?—спросила Ксенія.

— Но онъ гораздо моложе тебя.

— На четыре года. Что̀ за бѣда!

— И ты не боишься этого?

— Ничего я не боюсь... Я люблю его, давно люблю! — горячо воскликнула дѣвушка.

Старикъ видѣлъ, что всякія убѣжденія безполезны. Онъ понялъ, что Ксенія полюбила со всей силой запоздавшей страсти, и, конечно, не онъ отуманитъ это неудержимое счастье, которымъ вся сіяетъ она. Пусть Маркъ и не тотъ женихъ, о которомъ онъ мечталъ, но она его любитъ, и этого довольно. Да и къ чему бы привело его неодобреніе? Оно только возстановило бы дочь противъ отца и ничему бы не помѣшало. Ксенія все-таки вышла бы замужъ. Она смѣлая и рѣшительная. «Вся въ меня характеромъ!» — заключилъ свои размышленія старикъ и проговорилъ:

— Что-жъ, Сюша... Я противъ твоего выбора ничего не имѣю... Маркъ—хорошій человѣкъ и, конечно, любитъ тебя...

— Да развѣ я бы пошла за него, если-бъ онъ не любилъ меня?.. Онъ тоже давно меня любитъ, но скрывалъ свою любовь и вчера только признался въ этомъ...

— Экій какой скрытный... А я думалъ, что онъ на тебя не обращалъ никакого вниманія.

— Ты понимаешь, почему?

— Не думалъ, что тебѣ нравится?

— Изъ гордости, папа. Я — богатая невѣста, а онъ... О, Маркъ очень гордъ, папа, и если-бъ я сама не вызвала его на признаніе...

— То что же?..

— Черезъ мѣсяцъ я была бы женой Павлищева, а онъ бы уѣхалъ. Вѣдь я тоже не догадывалась, что Маркъ меня любитъ... Что за энергичный и сильный человѣкъ твой любимецъ... Ты говоришь: молодъ... Да онъ въ свои двадцать четыре года умнѣй и значительнѣй всѣхъ нашихъ знакомыхъ... И какой характеръ!.. Настоящій мужчина, а не эти развинченные, разочарованные кавалеры, въ родѣ Сицкихъ... И чистый, а не развращенный... О, папа, какъ я рада, что ты одобрилъ мой выборъ! — заключила свой диѳирамбъ счастливая Ксенія и бросилась на шею отцу.

— А какъ же ты объяснишься съ Степаномъ Ильичомъ?— озабоченно спрашивалъ Василій Захаровичъ.

— Не безпокойся, папа... Объяснюсь...

— Воображаю, какъ онъ будетъ пораженъ и обиженъ...

— Пораженъ, пожалуй, и, главнымъ образомъ, оттого, что изъ-подъ носа ускользнулъ милліонъ приданаго! — замѣтила со смѣхомъ Ксенія.—Вѣдь и онъ не любитъ меня... Не будь я богатая невѣста, развѣ подумалъ бы онъ жениться на мнѣ... Да я ему не особенно и нравлюсь... Мы, женщины, это чувствуемъ...

— Ты только, Сюша, какъ-нибудь мягче откажи...

— Не бойся, не оскорблю его громаднаго самолюбія и даже не скажу, что люблю Марка и выхожу за него замужъ.

— Не скажешь? Конечно, это лучше, а то Павлищевъ озлится на Марка и можетъ повредить ему по службѣ...

— Ну, Павлищевъ слишкомъ дорожитъ Маркомъ... Я просто не скажу, чтобъ не обижать его ужъ очень... А то будущаго министра промѣняли на его чиновника, и когда же?

— Но вѣдь нельзя же скрыть замужества?

— Я и не скрою, когда мы повѣнчаемся... А пока пусть все остается въ секретѣ. Мы уѣдемъ, папа, на лѣто куда-нибудь за границу... Маркъ возьметъ отпускъ и будетъ съ нами, а осенью мы вернемся мужемъ и женой... Одобряешь этотъ планъ?

Василій Захаровичъ вполнѣ его одобрилъ и, смѣясь, замѣтилъ, что любовь не затуманила ума Сюши.

— Ты такая же умница, какъ и была!—прибавилъ онъ и ласково потрепалъ дочь по щекѣ.

— А Маркъ сегодня вечеромъ придетъ къ тебѣ и къ мамѣ просить моей руки...

— Надѣюсь, послѣ того, какъ уѣдетъ Павлищевъ?

— Ну, разумѣется...

Въ то же утро была посвящена въ тайну и мать. Она сокрушалась, что Ксенія отказывается отъ блестящей партіи и дѣлаетъ mésalliance, выходя замужъ за какого-то учителишку и, вдобавокъ, человѣка темнаго происхожденія, поплакала по этому случаю болѣе обыкновеннаго и въ концѣ концовъ, разумѣется, покорилась, тѣмъ болѣе, что Василій Захаровичъ одобрилъ рѣшеніе «этой сумасшедшей Сюши». А слово Василія Захаровича было для нея закономъ. Она только требовала скорѣйшаго отъѣзда за границу, чтобы до нея не доходили сплетни вслѣдствіе такого скандала. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ ужъ ее поздравляли, всѣ завидовали, что дочь ея дѣлаетъ блестящую партію, приданое почти сшито, и... вмѣсто мужа будущаго министра какой-то Маркъ Борщовъ! Мальчишка! И еще какой-то самонадѣянный, нахальный мальчишка!

Однако мысль о томъ, что Сюша влюблена въ этого мальчишку и говоритъ о немъ, какъ о какомъ-то сокровищѣ, нѣсколько примирила добрую женщину съ будущимъ зятемъ. Дѣйствительно, этотъ черноволосый Маркъ очень красивъ, и въ него можно влюбиться. И есть въ немъ что-то загадочное, что̀ нравится женщинамъ и что̀ смутило даже такую разборчивую невѣсту, какъ ея Сюша... И ей пришлось наконецъ полюбить. А то: «никого не люблю, да никто не нравится». Вотъ и «втюрилась», какъ институтка! — не то съ досадой, не то съ сочувствіемъ раздумывала мать послѣ разговора съ Ксеніей.

Отъ Бориса скрыли будущій бракъ съ Маркомъ—онъ первый бы разнесъ эту новость по городу, но объ отказѣ Павлищеву сестра сообщила и этимъ привела брата въ восторгъ.

— Вотъ такъ ловко! Воображаю, какую жалостную рожу состроитъ его превосходительство. Ты когда же пропишешь ему отставку: до обѣда или послѣ? Вѣдь онъ сегодня вѣрно у насъ обѣдаетъ?

— А ты какъ посовѣтуешь?

— Ужъ не порти ему аппетита и дай ему спокойно пообѣдать... Онъ вѣдь любитъ покушать, а сегодня его любимый бискъ и судакъ à la Colbert... Не лишай его этого послѣдняго удовольствія въ нашемъ домѣ!—смѣялся Борисъ.

— Изволь, не лишу. Объяснюсь послѣ обѣда.

— И разскажешь мнѣ весь вашъ діалогъ? И опишешь, какую физіономію сдѣлаетъ этотъ ошпаренный котъ? Нѣтъ, это ты отлично, что отказываешься быть министромъ. Хвалю, сестра... Что-жъ теперь, прикажешь звать Сицкаго?

— И не думай...

— Такъ что-жъ ты, окончательно дала обѣтъ безбрачія?..

— Еще не давала...

— То-то... и лицо у тебя сегодня какое-то особенное... Точно ты не собираешься отказать жениху, а признаться кому-нибудь въ любви... Совсѣмъ влюбленною глядишь... Кажется, не въ кого было влюбиться, а?

Ксенія не отвѣчала.

Между тѣмъ Павлищевъ, не подозрѣвавшій сегодняшняго краха, веселый и довольный, въ новомъ весеннемъ пальто, въ цилиндрѣ, надѣтомъ чуть-чуть набекрень, въ свѣжихъ свѣтлыхъ перчаткахъ, катилъ въ шестомъ часу на исходѣ къ Трифоновымъ на своемъ красивомъ рыжемъ жеребцѣ.

Сегодня онъ чувствовалъ себя какъ-то особенно хорошо. И весной пахло, и близостью милліона, и министръ на докладѣ былъ особенно любезенъ, два раза благодарилъ за послѣднюю записку и освѣдомился, правда ли, что онъ женится на Трифоновой? И, когда Павлищевъ отвѣчалъ утвердительно, министръ горячо поздравилъ и почти вызвался быть посаженымъ отцомъ своего «дорогого сослуживца», за что, конечно, Павлищевъ благодарилъ и сказалъ, что считаетъ это для себя счастьемъ.

По дорогѣ онъ заѣзжалъ къ Фаберже, выбралъ тамъ роскошный браслетъ для Ксеніи и приказалъ кучеру поскорѣй ѣхать.

Черезъ четверть часа онъ уже входилъ въ гостиную Трифоновыхъ, радостный и сіяющій, какъ и подобало быть жениху.

Всѣ были въ гостиной, когда вошелъ Павлищевъ, необыкновенно элегантный въ своемъ кургузомъ вестонѣ, моложавый, красивый и цвѣтущій, съ подстриженными волосами и бородкой.

— Простите великодушно, что опоздалъ пять минутъ... Министръ задержалъ...

И Степанъ Ильичъ съ обычною почтительною любезностью поцѣловалъ руку у своей будущей тещи, освѣдомился объ ея здоровьѣ, замѣтивъ ея заплаканные глаза, крѣпко пожалъ руку Василію Захаровичу, Борису и англичанкѣ и направился къ Ксеніи, показавшейся въ дверяхъ своей комнаты.

Ему невольно бросилось въ глаза какое-то особенное, радостно-просвѣтленное выраженіе ея лица и ея кокетливый изящный костюмъ, въ которомъ она была сегодня необыкновенно моложавой и хорошенькой, и онъ, особенно нѣжно и значительно цѣлуя ея маленькую руку, тихо шепнулъ ей:

— Какая вы сегодня очаровательная, Ксенія Васильевна!

«Видно, и на нее весна дѣйствуетъ!»—подумалъ Павлищевъ, радостно взглядывая Ксеніи въ лицо.

Она невольно смутилась, тихо освобождая свою руку изъ руки Павлищева. И это смущеніе Павлищевъ объяснилъ въ свою пользу. Наконецъ-то въ барышнѣ заговорило женское чувство, и въ ней появилось желаніе нравиться будущему мужу. Давно пора!

Лакей между тѣмъ доложилъ, что кушать подано, и всѣ пошли въ столовую.

Василій Захаровичъ сегодня съ какою-то преувеличенною любезностью, которой онъ старался скрыть свое смущеніе, подвелъ Степана Ильича къ заставленному закусками столику и просилъ закусить, сожалѣя въ душѣ, что ему приходится угощать Павлищева въ послѣдній разъ. Навѣрное, ужъ онъ больше не покажется къ нимъ въ домъ и, пожалуй, припомнитъ при случаѣ нанесенное ему оскорбленіе. Ахъ, Сюша, Сюша!

Старикъ налилъ Павлищеву маленькую рюмку любимаго имъ аллаша, а себѣ большую очищенной и, рекомендуя его вниманію «свѣжую икорку», только-что полученную отъ одного пріятеля съ Урала, наложилъ полную тарелочку крупной зернистой бѣлужьей икры, при видѣ которой у Степана Ильича потекли слюнки и въ глазахъ блеснулъ веселый плотоядный огонекъ.

— Прелесть!—почти восторженно проговорилъ онъ послѣ того, какъ, чокнувшись съ Василіемъ Захаровичемъ и Борисомъ и опрокинувъ въ ротъ рюмку аллаша, отвѣдалъ любимой имъ закуски.

И, отойдя отъ столика, смолкъ, занятый ѣдой и, казалось, забывшій въ это мгновеніе все на свѣтѣ.

Онъ ѣлъ не спѣша, необыкновенно аппетитно, смакуя съ видимымъ наслажденіемъ настоящаго гурмана, свершающаго культъ чревоугодія. Ксенія, незамѣтно наблюдавшая за нимъ съ той пристрастностью, съ какой наблюдаютъ женщины за человѣкомъ, который вдругъ сдѣлался для нихъ чужимъ, теперь замѣтила что-то животное и въ выраженіи этого гладко выбритаго, холенаго лица съ медленно двигающимися скулами, и особенно въ этихъ, словно подернутыхъ масломъ, блестящихъ плотоядныхъ глазахъ. И Павлищевъ вдругъ сталъ ей совсѣмъ противенъ. И она удивлялась, какъ раньше могла согласиться быть женой такого «изящнаго и выхоленнаго животнаго».

А Степанъ Ильичъ, не замѣчая этихъ взглядовъ, выпилъ

еще рюмку водки, еще наложилъ себѣ икры и, перепробовавъ затѣмъ нѣсколько вкусныхъ закусокъ, съ видомъ удовольствія взглянулъ на тарелки съ бискомъ, поставленныя на столѣ, и, усаживаясь, по обыкновенію, рядомъ съ Ксеніей, привычнымъ движеніемъ руки заложилъ салфетку за воротъ рубашки и принялся за бискъ, который готовился у Трифоновыхъ замѣчательно.

Повидимому, Степанъ Ильичъ не замѣчалъ ни какой-то странной натянутости и неловкаго молчанія, бывшихъ сегодня за столомъ, ни безпокойныхъ взглядовъ, бросаемыхъ старикомъ на Ксенію, ни улыбки, бродившей на лицѣ Бориса.

Покончивъ съ бискомъ и запивъ его рюмкой превосходной мадеры, Павлищевъ сталъ разсказывать, какъ сегодня министръ почти навязался ему въ посаженые отцы, и весело прибавилъ, обращаясь къ Ксеніи:

— Надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ этого?

Ксенія пожала плечами и ничего не отвѣтила, а Василій Захаровичъ поспѣшилъ освѣдомиться о министрѣ. Говорятъ, онъ необыкновенно много работаетъ, несмотря на то, что доктора ему совѣтуютъ отдохнуть. Это правда?

Павлищевъ усмѣхнулся.

— Это онъ самъ любитъ разсказывать, — проговорилъ онъ:—особенно когда ему кажется, что положеніе его не твердо, а самъ, могу васъ увѣрить, здоровъ. Онъ очень любитъ власть и потому мнителенъ до болѣзненности... Вотъ ужъ шесть лѣтъ, какъ я слышу отъ него, что онъ усталъ, и что ему пора отдохнуть... А между тѣмъ предложите ему отдохнуть... онъ придетъ въ отчаяніе...

И Павлищевъ продолжалъ описывать своего патрона съ тою откровенностью, съ какой можно было позволить себѣ только въ кругу близкихъ. Онъ безспорно умный человѣкъ, но считаетъ себя непогрѣшимымъ и потому дѣлаетъ много глупостей... Ну, и опьяненъ нѣсколько властью... Не любитъ противорѣчія.

— А вы, Степанъ Ильичъ, кажется, самый близкій къ нему человѣкъ?—спрашивалъ Трифоновъ.

— Да, мы съ нимъ ладимъ. Министръ признаётъ мои маленькія способности,—промолвилъ скромно Павлищевъ.

— И, конечно, цѣнитъ?

— На это пожаловаться не могу!—съ веселою, довольною улыбкой отвѣчалъ Павлищевъ, накладывая себѣ на тарелку рыбы.

Снова наступило молчаніе.

Когда Павлищевъ, послѣ рыбы, съ видомъ знатока потяги-

валъ золотистый іоганнисбергеръ, Борисъ, переглянувшись съ Ксеніей, неожиданно проговорилъ:

— Говорятъ, что вы скоро будете министромъ, Степанъ Ильичъ?

Его превосходительство невольно покраснѣлъ и пріятно осклабился, словно котъ, которому поднесли кусокъ мяса.

— Мало ли какой болтаютъ вздоръ...

— Отчего же вздоръ?

— Во-первыхъ, никто и не думаетъ меня назначать министромъ, а во-вторыхъ, я слишкомъ молодъ для такого поста и по служебному положенію и по лѣтамъ.

— Однако Ивкова же назначили... А онъ моложе васъ, кажется?

— Исключеніе изъ правила ровно ничего не доказываетъ, Борисъ Васильевичъ...

— А вы хотѣли бы быть министромъ, Степанъ Ильичъ?— спросила Ксенія и насмѣшливо взглянула на Павлищева.

— Плохой тотъ солдатъ, кто не хочетъ быть фельдмаршаломъ!—смѣясь, отвѣчалъ Павлищевъ.

— И надѣетесь?

— Что̀ за вопросъ!? Можно хотѣть и все-таки не имѣть надежды... Все зависитъ отъ случая...

Лакей поднесъ блюдо, и Павлищевъ наложилъ на тарелку молодого цыпленка.

«Неправда, надѣешься!»—подумала Ксенія и почему-то рѣшила, что Маркъ былъ бы несравненно лучшимъ министромъ, чѣмъ Павлищевъ.

Обѣдъ закончился спаржей и мороженымъ, и его превосходительство, послѣ вкусныхъ яствъ и нѣсколькихъ рюмокъ добраго вина, всталъ изъ-за стола, слегка отяжелѣвшій и размякшій, въ томъ добродушно-счастливомъ послѣобѣденномъ настроеніи, которое располагало Павлищева къ мягкому креслу, душистой сигарѣ и къ веселой болтовнѣ, полной пикантныхъ недомолвокъ, съ хорошенькой женщиной.

Тотчасъ же послѣ обѣда всѣ, исключая Ксеніи, быстро разошлись, не дождавшись кофе. Трифоновъ какъ-то смущенно и усиленно извинялся, что идетъ «соснуть часокъ», старушка, сославшись на мигрень, ушла съ англичанкой наверхъ, взглядывая на Павлищева грустнымъ, безмолвнымъ взоромъ, а Борисъ, звякнувъ шпорами, удалился безъ всякихъ объясненій.

— Пойдемте ко мнѣ,—проговорила Ксенія.

Его превосходительство, ни о чемъ не догадывавшійся, очень обрадовался, что остается наединѣ съ Ксеніей, разсчи-

тывая на пріятный часокъ. Сегодня его невѣста была такой обворожительной и, казалось, расположенной съ большею терпимостью отнестись къ флирту, на который, въ качествѣ жениха, Павлищевъ имѣлъ несомнѣнное право. А то эти одни почтительные поцѣлуи—благодарю покорно!

«Весна подѣйствовала!» — снова пронеслось въ его головѣ.

И онъ, слѣдуя за Ксеніей, жадными, замаслившимися глазами, какъ нѣсколько минутъ тому назадъ смотрѣлъ на блюда, взглядывалъ теперь на сливочную шею и розоватый затылокъ дѣвушки и съ видимымъ восхищеніемъ облюбовывалъ сзади ея гибкую стройную фигуру, на ходу слегка вздрагивавшую бедрами.

Онъ вошелъ вслѣдъ за ней въ этотъ уютный, залитый свѣтомъ кабинетъ и, когда Ксенія присѣла на диванъ, досталъ изъ кармана и подалъ ей открытый футляръ съ роскошнымъ браслетомъ, на которомъ сверкалъ довольно крупный брильянтъ.

— Не надо, — проговорила тихо Ксенія, не поднимая глазъ.

Тонъ ея голоса звучалъ мягко и въ то же время серьезно.

— Это что̀ значитъ, Ксенія Васильевна? Развѣ не угодилъ?— удивился Павлищевъ.

И, придвинувъ кресло, онъ опустился въ него и взялъ ея руку.

Но она отдернула руку и, поднимая на Павлищева смущенное и серьезное лицо, проговорила:

— Степанъ Ильичъ, не сердитесь, если можете, и простите меня...

— Простить? За что?—растерянно прошепталъ Павлищевъ, сразу увидавъ по лицу Ксеніи, что ему предстоитъ выслушать что-то жуткое.

Въ головѣ его мелькнула мысль: «Ужъ нѣтъ ли за ней ошибки молодости, и не хочетъ ли она покаяться!» И эта гнусная мысль даже на мигъ успокоила его. Онъ, конечно, великодушно проститъ «ошибку» дѣвушки съ милліономъ.

А Ксенія продолжала:

— Я раздумала и беру назадъ свое слово. Я не буду вашей женой!

Эти слова произвели на Павлищева поражающее дѣйствіе. Блѣдный, съ широко раскрытыми глазами, онъ съ какимъ-то жалкимъ и растеряннымъ видомъ смотрѣлъ на Ксенію и въ первое мгновеніе не находилъ словъ, ясно понимая только, что милліонъ для него потерянъ...

И, нѣсколько оправляясь отъ впечатлѣнія этихъ ошеломившихъ его словъ, онъ прошепталъ:

— Это жестоко, Ксенія Васильевна... Я васъ такъ люблю.

— Позвольте въ этомъ усомниться, Степанъ Ильичъ,— промолвила Ксенія.

— Вы не вѣрите?

— Простите, не вѣрю. Въ васъ оскорбленное чувство говоритъ, а не любовь... Но, во всякомъ случаѣ, простите меня. Я виновата.

— Можно спросить, какая причина вашего внезапнаго рѣшенія?—спросилъ Павлищевъ, скрывая закипавшее раздраженіе подъ маской глубоко оскорбленнаго человѣка, готоваго перенести свое несчастіе, какъ слѣдуетъ порядочному и благовоспитанному человѣку.

— Единственная... я уважаю... я расположена къ вамъ, но я не люблю васъ такъ...

— Какъ полюбили кого-нибудь другого?—перебилъ Павлищевъ.

— Я никого не люблю!—проронила Ксенія, вся вспыхивая отъ этой лжи.

— Впрочемъ, что-жъ я разспрашиваю... Къ чему это?— проговорилъ Павлищевъ, вставая.

И онъ почтительно наклонилъ голову и вышелъ.

Возвращался его превосходительство домой злой и раздраженный, и весна ужъ болѣе не дѣйствовала живительно на него. Дорогой онъ шепталъ ругательства по адресу Ксеніи и ея родителей и, когда вернулся домой, обругалъ безъ всякой видимой причины Викентія и заперся въ своемъ кабинетѣ, недоумѣвая, какъ могъ случиться такой «скандалъ».

XX.

Павлищевъ долго не могъ придти въ то довольное, уравновѣшенное настроеніе, въ какомъ находился до сихъ поръ въ качествѣ человѣка, не знавшаго неудачъ и вѣрившаго въ свою счастливую звѣзду. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднія десять лѣтъ жизнь ласкала его, какъ баловня. Изъ незначительнаго чиновника, прозябавшаго гдѣ-то въ глуши, онъ сталъ любимцемъ министра и директоромъ департамента. Блестящая репутація его была упрочена. Успѣхъ слѣдовалъ за успѣхомъ, и впереди передъ нимъ открывались широкіе горизонты. По крайней мѣрѣ самъ министръ, считавшій Степана Ильича своимъ лучшимъ помощникомъ, пропагандировалъ его вездѣ, какъ человѣка большихъ административныхъ талантовъ и государственнаго ума, и не разъ говорилъ своему любимцу,

что готовитъ его себѣ въ преемники... Всѣ смотрѣли на Павлищева, какъ на восходящее административное свѣтило.

Женитьба на Ксеніи сулила ему богатство. Какъ-никакъ, а оно давало бо́льшую устойчивость его положенію, расширило бы связи и знакомства, сдѣлало бы его независимѣе, не говоря уже о пріятности для такого эпикурейца, какъ Павлищевъ, вести болѣе широкій образъ жизни, щегольнуть и роскошью обстановки, и изысканно-тонкими обѣдами, на которые можно было бы приглашать нужныхъ людей.

Все шло какъ по маслу; богатство, казалось, было въ рукахъ, и вдругъ этотъ совсѣмъ неожиданный отказъ Ксеніи почти наканунѣ свадьбы!

Его превосходительство злился, чувствительно оскорбленный въ своемъ самолюбіи и недоумѣвавшій, что̀ бы это значило. Не эта ли «зрѣлая дѣва» хотѣла быть его вдохновительницей и другомъ, маленькой Эгеріей, слѣдящей, чтобы супругъ не сбивался съ пути къ благу человѣчества, и не онъ ли такъ ловко поддерживалъ свою будущую Эгерію въ этихъ мысляхъ.

А главное, объ этой свадьбѣ уже знали въ городѣ. Счастливаго жениха поздравляли, и, разумѣется, многіе втайнѣ злились и завидовали. Милліонная невѣста вѣдь лакомое блюдо и не очень-то часто попадается...

И какъ ни старался Павлищевъ сдѣлать bonne mine au mauvais jeu, а эта неудача его раздражала; при мысли о Ксеніи и объ этихъ «дуракахъ» Трифоновыхъ, позволившихъ дочери поступить такъ «предосудительно и дерзко», на холеномъ, красивомъ лицѣ его превосходительства появлялось злое выраженіе, и въ первые дни онъ расточалъ по ихъ адресу немало ругательствъ.

«Какой еще ей нужно партіи, этой ободранной кошкѣ!?— спрашивалъ себя его превосходительство, въ раздраженіи забывая справедливость и называя такъ Ксенію, изящная фигура которой еще такъ недавно его плѣнила.—Или она въ самомъ дѣлѣ влюбилась въ кого-нибудь? Но въ кого? Въ послѣднее время у нихъ почти никто не бывалъ, да и она не изъ влюбчивыхъ. Недаромъ она такъ пугливо относилась въ поцѣлуямъ, эта холодная рыбья натура!»

Павлищевъ не могъ уяснить себѣ причины внезапнаго отказа отъ такой блестящей партіи, какую представляла собой его особа... Онъ не вѣрилъ въ объясненіе, данное Ксеніей. Вѣдь она и раньше не была влюблена, однако дала слово. Не думалъ онъ также, чтобы до Ксеніи могли дойти слухи объ его «ошибкахъ молодости» и сынѣ. Да наконецъ онъ самъ намекнулъ ей однажды объ этомъ, и не юница же она,

чтобъ не знать, что у всякаго человѣка бываютъ ошибки молодости. Подробностей о нихъ она, конечно, знать не могла. Одинъ Маркъ Борщовъ знаетъ всю эту исторію, но онъ, разумѣется, слишкомъ порядочный и преданный ему человѣкъ и слищкомъ уменъ, чтобы распускать про своего начальника скверные слухи.

— Ужасно глупы эти зрѣлыя барышни, воображающія, что онѣ оригинальны и умны!—не безъ злости проговорилъ вслухъ его превосходительство, объясняя себѣ отказъ капризомъ избалованной и взбалмошной дѣвушки.

Мысль о томъ, что Маркъ былъ счастливымъ его соперникомъ, ни разу даже не пришла въ голову Павлищева. До того онъ былъ далекъ отъ этого предположенія.

Эта разстроившаяся свадьба совсѣмъ разстроила и денежныя дѣла Павлищева. Близкое знакомство съ Рогальской стоило ему денегъ, и десять тысячъ долгу, которыя онъ сдѣлалъ въ виду женитьбы, теперь являлись большой непріятностью. Деньги эти заняты были черезъ посредство комиссіонера, рекомендованнаго Павлищеву однимъ изъ его чиновниковъ по особымъ порученіямъ—фактотумомъ по разнымъ дѣламъ у одного ростовщика, имя котораго тщательно скрывалось комиссіонеромъ. Да и онъ самъ не зналъ, кажется, кто этотъ таинственный ростовщикъ, потому что имѣлъ дѣло не прямо съ «капиталистомъ», какъ обыкновенно его называлъ этотъ юркій, румяный и веселый комиссіонеръ изъ австрійскихъ нѣмцевъ, а съ какимъ-то чиновникомъ, на имя котораго и писались двойные векселя.

Такимъ образомъ Павлищевъ и не догадывался, что былъ дебиторомъ одного весьма респектабельнаго тайнаго совѣтника, съ которымъ встрѣчался въ обществѣ, почтеннаго старичка, необыкновенно мягкаго и привѣтливаго, который негласно занимался ростовщичествомъ, взимая по 5 процентовъ въ мѣсяцъ. Дальній его родственникъ, незначительный чиновникъ, игралъ роль подставного лица и, въ свою очередь, дѣйствовалъ черезъ комиссіонера. Нечего и говорить, что почтенный тайный совѣтникъ не менѣе другихъ сокрушался о язвѣ ростовщичества и особенно объ этихъ несчастныхъ молодыхъ людяхъ, попадавшихъ въ руки «кровопійцъ-жидовъ». Удивительно чувствительный былъ этотъ старичокъ, пользовавшійся репутаціей «истинно-русскаго» человѣка и скромно засѣдавшій въ какомъ-то незначительномъ совѣтѣ, гдѣ получалъ тысячъ пять содержанія за право разъ въ мѣсяцъ пріѣхать въ коллегію и согласиться съ мнѣніемъ министра.

Срокъ векселей былъ черезъ два мѣсяца, и надо было во что бы то ни стало уплатить деньги, тѣмъ болѣе, что комиссіонеръ, вскорѣ послѣ отказа Ксеніи, явился рано утромъ къ Павлищеву и почтительно предупредилъ, что «капиталистъ», вслѣдствіе многихъ потерь, рѣшительно приканчиваетъ дѣла и настоятельно проситъ приготовить деньги къ сроку. Разумѣется, онъ, комиссіонеръ, не сомнѣвается, что такой пустякъ нисколько не затруднитъ его превосходительство, но онъ счелъ своимъ долгомъ довести до его свѣдѣнія... о просьбѣ «капиталиста».

Раздраженный Павлищевъ сказалъ, что постарается уплатить въ срокъ часть суммы, а остальную проситъ отсрочить.

— Надѣюсь, вашъ капиталистъ согласится на это?—строго прибавилъ онъ.

Комиссіонеръ обѣщалъ переговорить съ «капиталистомъ» и уломать его.

— То-то, уломайте во избѣжаніе всякихъ непріятностей!—подчеркнулъ внушительно его превосходительство.

Въ воображеніи струсившаго комиссіонера уже мелькнула картина этихъ «непріятностей», грозившихъ высылкой изъ города послѣ объясненій въ сыскной полиціи, и онъ поспѣшилъ тотчасъ же выразить увѣренность въ возможности соглашенія и даже отсрочки всей суммы, рѣшивъ въ душѣ не работать впредь на такихъ генераловъ, которые запугиваютъ, вмѣсто того, чтобы честно расплатиться.

И Павлищевъ, пустившій эту угрозу, исполнить которую едва ли бы рѣшился, облегченно вздохнулъ, когда комиссіонеръ удалился.

Черезъ недѣлю уже всѣ въ министерствѣ знали, что свадьба Павлищева разстроилась, и что милліонная невѣста ускользнула изъ-подъ носа его превосходительства. Онъ чувствовалъ это и по злораднымъ взглядамъ нѣкоторыхъ своихъ сослуживцевъ и по вопросамъ о томъ, «скоро ли свадьба?», которые задавали ему нѣкоторые изъ товарищей и знакомыхъ.

Самъ министръ послѣ одного доклада участливо спросилъ у своего любимца:

— Я слышалъ, будто вашъ предполагаемый бракъ не состоится. Это правда, Степанъ Ильичъ?

— Правда, Василій Андреичъ.

— Гмм... Очень жаль, очень жаль,—промолвилъ министръ.—Могу спросить: что̀ за причина такого неожиданнаго перерѣшенія?

— Весьма простая, ваше высокопревосходительство. Знали другъ друга поближе и не сошлись характерами.

— Это бываетъ, мой милый... Очень даже часто бываетъ... Что-жъ, она оказалась особой дурного характера?..

— Слишкомъ оригинальна, ваше высокопревосходительство! Пахнетъ синимъ чулкомъ и хочетъ какой-то кипучей дѣятельности... Ну, и взгляды не особенно уравновѣшенные... Я и испугался! — говорилъ Павлищевъ, зная нелюбовь своего патрона къ барышнямъ съ высшимъ образованіемъ.

— Вполнѣ правы, что испугались. Я самъ не люблю этихъ барышенъ, изучающихъ, знаете ли, разныя науки... Совсѣмъ не ихъ это дѣло... Всѣ эти высшіе курсы только портятъ нашихъ дочерей и отнимаютъ у нихъ прелесть женственности... А безъ женственности что̀ за подруга жизни?.. И я вамъ вполнѣ сочувствую, Степанъ Ильичъ... Жаль только, что вы поторопились съ предложеніемъ, а то теперь эти слухи... Скажутъ, что вамъ отказали...

Павлищевъ замѣтилъ, что онъ мало обращаетъ вниманія на слухи... Пусть говорятъ, что ему отказали... Это, по крайней мѣрѣ, не компрометируетъ дѣвушку. И онъ только его высокопревосходительству сказалъ, что отказался самъ, а другимъ говоритъ, что невѣста ему отказала.

— Это благородно, конечно, Степанъ Ильичъ... Очень благородно!..—говорилъ нѣсколько растроганный старикъ и шутливо прибавилъ, что найдетъ ему хорошую невѣсту.

— Я, ваше высокопревосходительство, ужъ лучше останусь холостякомъ...

— Не совѣтую... Вамъ непремѣнно надо жениться, Степанъ Ильичъ... Обязательно! Въ вашемъ положеніи женитьба— почти необходимость. Женатый человѣкъ представляетъ болѣе, какъ бы это сказать, солидности, и это принимается въ соображеніе при оцѣнкѣ людей...

Возвратившись съ доклада, Павлищевъ нѣсколько минутъ не принимался за дѣла, а ходилъ взадъ и впередъ по своему большому, внушительному кабинету, погруженный въ размышленія. Вѣдь старикъ, въ самомъ дѣлѣ, правъ! Необходимо жениться, чтобы его жизнь en garçon не помѣшала ему впослѣдствіи и не дала повода усомниться въ его семейныхъ добродѣтеляхъ.

«Дѣйствительно, это придаетъ государственному человѣку извѣстный престижъ»,—не безъ усмѣшки подумалъ Павлищевъ, перебирая въ памяти всѣхъ извѣстныхъ ему добродѣтельныхъ государственныхъ людей.

Онъ, разумѣется, это и имѣлъ въ виду, разсчитывая устроить семейное гнѣздо съ Ксеніей и бросить всѣ свои любовныя приключенія, которыя, во всякомъ случаѣ, рискованны въ его

положеніи. И Павлищевъ невольно вспомнилъ объ одномъ видномъ администраторѣ, влюбленность и ревность котораго завершилась скандаломъ и потерей мѣста, да еще какого мѣста! И мало того — вся карьера этого человѣка покончилась изъ-за пары хорошенькихъ глазъ!

«Да, жениться необходимо!»

Курьеръ тихо пріотворилъ двери кабинета и доложилъ:

— Надворный совѣтникъ Борщовъ просятъ позволенія васъ видѣть!

— Проси!

— Что скажете хорошенькаго, милѣйшій Маркъ Евграфовичъ? — спрашивалъ Павлищевъ, пожимая руку молодого человѣка и глядя на своего любимаго чиновника съ привѣтливой улыбкой. — Присядьте! — указалъ его превосходительство на кресло около письменнаго стола и опускаясь въ свое. — Какъ наша работа... подвигается?

— Завтра я ее принесу,—отвѣчалъ Маркъ.

— Завтра? Да вы, дорогой мой, имѣете способность даже и меня удивлять своей быстротой и неутомимостью.

— Зато я къ вашему превосходительству съ просьбой.

— Наконецъ-то и вы, Маркъ Евграфовичъ, что-нибудь просите!—весело воскликнулъ Павлищевъ.—Какая же у васъ просьба?

— Разрѣшить мнѣ поѣхать въ отпускъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Вы имѣете на него полное право. Надолго хотите?

— Если позволите, на два мѣсяца.

— Охотно позволяю. Подавайте прошеніе. Въ какія страны собираетесь?

— Сперва заѣду къ сестрѣ, а потомъ за границу.

— И отлично. Поѣзжайте съ Богомъ — отдохните. Вѣдь вы, надѣюсь, не лѣчиться? Глядя на васъ, преступно было бы подумать о какихъ-нибудь болѣзняхъ. Эка какой вы цвѣтущій!—съ невольной завистью прибавилъ Павлищевъ, глядя на этого румянаго, дышащаго свѣжестью и здоровьемъ красавца Марка.

— Никогда не бывалъ за границей, хочется взглянуть на чужія страны.

— Куда же вы думаете именно ѣхать?

— Еще не рѣшилъ. Во всякомъ случаѣ побываю во Франціи, въ Англіи и въ Швейцаріи...

— Парижа, конечно, не минуете? Обязательно побывайте. И въ Вѣну загляните... Впрочемъ, вѣдь вы какой-то монахъ, кажется, чуть ли не женоненавистникъ!—говорилъ, улыбаясь,

Павлищевъ: — и не обратите должнаго вниманія на представительницъ прекраснаго пола...

Маркъ промолчалъ, а Павлищевъ, круто мѣняя разговоръ, спросилъ:

— Давно вы видали Трифоновыхъ, Маркъ Евграфовичъ?

— Порядочно, — отвѣчалъ, не моргнувши глазомъ, Маркъ, проводившій ежедневно самые пріятные вечера вдвоемъ съ Ксеніей.

— Вы, вѣрно, слышали, — продолжалъ, слегка смущаясь, Павлищевъ:—что...

Онъ не докончилъ фразы. Маркъ молчалъ.

—... Что я больше не женихъ Ксеніи Васильевны...

— Нѣтъ, мнѣ ничего не говорили...

— Ничего?..— переспросилъ его превосходительство.— Ну, такъ я вамъ объ этомъ говорю!.. Эта Ксенія Васильевна весьма странная дѣвушка... Видно, желаетъ остаться навѣкъ старой дѣвой... Темпераментъ у нея холодный... Не хочетъ вкусить отъ брака...

Маркъ не возражалъ, хотя бы и могъ съ полнымъ правомъ сказать, что его превосходительство ошибается, и только съ едва замѣтной улыбкой въ глазахъ смотрѣлъ на Павлищева, думая, какъ будетъ пораженъ Павлищевъ, когда узнаетъ, почему ему отказали.

Они простились большими пріятелями. Черезъ нѣсколько дней Маркъ уѣхалъ къ сестрѣ, а Трифоновы за границу. Встрѣтиться они должны были въ Монтрё.

Май мѣсяцъ Трифоновы провели въ Монтрё. И отецъ и мать не только примирились съ мыслью о предстоявшемъ бракѣ, но радовались ему, глядя на эту счастливую пару — на веселую, влюбленную Ксенію и на этого умнаго, смѣлаго красавца Марка. Онъ, повидимому, горячо любилъ Ксенію и совершенно покорилъ ее своему вліянію. Она глядѣла на него, какъ на идола, эта умная, разсудительная дѣвушка, ослѣпленная страстью. А онъ держалъ себя попрежнему гордо и независимо, безъ особенныхъ изліяній, и вовсе не имѣлъ вида человѣка, подавленнаго счастьемъ, что дѣлаетъ такую блестящую партію. Напротивъ, со стороны можно было бы подумать, что Маркъ какой-то сказочный принцъ, осчастлививший выборомъ обыкновенную смертную. И эта манера себя держать невольно импонировала. Не могло и быть подозрѣнія, что Маркъ женится единственно въ виду богатства Ксеніи.

Со стариками Маркъ себя держалъ безъ какого бы то ни было заискиванія — ровно и почтительно, восхищая нерѣдко

Василія Захаровича своими основательными взглядами на жизнь и мѣткими сужденіями о людяхъ. Онъ умѣлъ, такъ сказать, схватывать самую суть и выдвинуть самое существенное. И, самъ того не замѣчая, старикъ подпалъ подъ вліяніе Марка, очарованный его трезвымъ умомъ и безпощаднымъ анализомъ.

«Дѣйствительно, Сюша права. Несмотря на свою молодость, онъ мудрѣе многихъ стариковъ, этотъ Маркъ!—не разъ думалъ Трифоновъ, и будущее его любимицы казалось ему счастливымъ съ такимъ мужемъ. — Онъ будетъ вѣрнымъ, честнымъ супругомъ. Недаромъ же онъ велъ монашескую жизнь. Совсѣмъ особенный этотъ Маркъ!»

Старикъ еще болѣе полюбилъ его, когда однажды выслушалъ разсказъ Марка объ его дѣтствѣ и всей прошлой жизни. Сколько онъ вынесъ, и сколько нужно было желѣзной воли и характера, чтобы выбиться на дорогу!

Маркъ не скрылъ отъ него и исторіи своей сестры и о томъ, какъ Павлищевъ бросилъ ее на произволъ судьбы, какъ потомъ, благодаря случайности, Павлищевъ обезпечилъ сына, положивъ на его имя десять тысячъ.

— Такъ вотъ каковъ гусь Павлищевъ!—воскликнулъ старикъ.—А я ничего этого не зналъ...

— Юбочникъ!—съ презрѣніемъ промолвилъ Маркъ.

— Но послушай, Маркъ, какъ же ты не предупредилъ меня въ то время, когда Сюша была его невѣстой?

— Съ какой стати? И какое у меня было право предупреждать васъ? Въ-первыхъ, вы могли подумать, что я дѣйствую въ личныхъ интересахъ, а во-вторыхъ, я думалъ, что Ксенія любитъ Павлищева... Зачѣмъ же было отравлять ея любовь напоминаніемъ объ ошибкѣ молодости его превосходительства, тѣмъ болѣе, что онъ, хотя и поздно, а все-таки нѣсколько ее поправилъ?

Василій Захаровичъ оцѣнилъ деликатность поведенія Марка и спросилъ:

— Ты, конечно, ненавидишь Павлищева?

Маркъ пожалъ плечами.

— Слишкомъ много чести. Да и вообще я рѣдко ненавижу людей — я ихъ только опредѣляю. Да и за что его ненавидѣть? Сестра сама была виновата — повѣрила въ привязанность Павлищева и въ его рѣчи... Ну, а онъ мастеръ болтать съ женщинами и производилъ на нихъ впечатлѣніе, особенно когда былъ помоложе...

Василій Захаровичъ только подивился здравымъ разсужденіямъ Марка и выразилъ надежду, что онъ избавитъ сестру отъ унизительной зависимости отъ Павлищева.

— Ужъ я это сдѣлалъ. Она отказалась отъ ста рублей, которые высылалъ ей Павлищевъ. Я дѣлюсь съ ней...

— И десять тысячъ лучше вернуть.

— Уже возвращены!—гордо промолвилъ Маркъ.

— Умница ты, Маркъ!—весело проговорилъ старикъ, ласково трепля по плечу молодого человѣка.—Большая умница!.. Ты и безъ Павлищева выдвинешься. Вѣдь онъ тебя, конечно, теперь не оставитъ при себѣ?

— Оставитъ!—увѣренно отвѣчалъ Маркъ.

Василій Захаровичъ бросилъ на него удивленный взглядъ.

— Я ему нуженъ!—прибавилъ Маркъ какъ бы въ поясненіе:—и онъ мною очень дорожитъ... А Павлищевъ настолько уменъ, чтобы не ссориться изъ-за пустяковъ...

— Отбить невѣсту съ милліономъ ты называешь пустяками?—съ веселымъ смѣхомъ воскликнулъ Трифоновъ.

— Вотъ если бы я спихнулъ его съ мѣста—онъ не простилъ бы, а за Ксенію—проститъ, какъ ему ни обидно, что богатая невѣста выскользнула изъ рукъ! — промолвилъ, усмѣхаясь, Маркъ.—Вѣдь онъ прежде всего карьеристъ и жаждетъ власти.

— И ты останешься съ нимъ служить?

— Отчего же не остаться? Останусь. Онъ навѣрное будетъ министромъ, и, значитъ, моя служебная карьера тоже обезпечена... Ну, а если Павлищевъ окажется глупѣе, чѣмъ я о немъ думаю, я и безъ него теперь сдѣлаю карьеру... Вѣдь въ департаментѣ знаютъ, кто пишетъ Павлищеву записки, за которыя министръ благодаритъ его превосходительство! Нѣтъ, онъ не захочетъ потерять хорошаго работника!—прибавилъ Маркъ, полный увѣренности.

Свадьба была назначена въ началѣ іюня. Главнымъ образомъ торопила со свадьбой Ксенія, да и старики скорѣй хотѣли покончить съ этимъ дѣломъ. Чего еще ждать?

Въ послѣднихъ числахъ мая вызвали по телеграфу Бориса и, когда онъ пріѣхалъ, ему объявили, что Сюша выходитъ за Марка. Борисъ былъ пораженъ, но принялъ это извѣстіе безъ особеннаго неудовольствія и даже смѣялся при мысли, какъ будетъ пораженъ Павлищевъ. Марка онъ привыкъ уважать и даже нѣсколько побаивался. Конечно, сестра лучше бы сдѣлала, если-бъ вышла замужъ за князя Сицкаго, но... разъ она «втюрилась» въ Марка—толковать нечего. А что она, какъ онъ выражался, «втюрилась»—въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Стоило только взглянуть на нее, такая она была веселая и сіяющая, такая нѣжная и мягкая и такими влюбленными глазами смотрѣла на Марка.

Пятаго іюня, рано утромъ, Трифоновы и нѣсколько человѣкъ русскихъ, случайныхъ знакомыхъ въ Монтрё, приглашенныхъ быть шаферами и свидѣтелями, поѣхали въ Женеву, и тамъ въ русской церкви произошло скромное вѣнчаніе.

Радостная и счастливая, помолодѣвшая и хорошенькая, стояла Ксенія передъ аналоемъ въ своемъ бѣломъ подвѣнечномъ платьѣ, которое такъ шло къ ней, и съ горделивымъ чувствомъ взглядывала на стоявшаго рядомъ съ ней, чуть-чуть взволнованнаго, серьезнаго и дьявольски-красиваго Марка въ своемъ элегантномъ фракѣ. Она въ эту минуту не сомнѣвалась въ счастьѣ на всю жизнь, полная безпредѣльной любви и страсти, а онъ думалъ, что теперь звѣзда его поднимется высоко... Богатство уже есть... карьера будетъ...

И на лицѣ его блуждала гордая, вызывающая улыбка при воспоминаніи о прошлыхъ дняхъ нищеты и ничтожества, и въ головѣ его бродили честолюбивыя мечты...

Обрядъ вѣнчанія конченъ. Молодые крѣпко поцѣловались.

Въ тотъ же вечеръ они отправились путешествовать, а Василій Захаровичъ уѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ приготовить къ пріѣзду молодыхъ отдѣльное роскошное гнѣздышко.

Два медовыхъ мѣсяца провели молодые въ путешествіи. Они побывали въ разныхъ мѣстахъ Европы и наслаждались счастіемъ... Прежній монахъ и аскетъ Маркъ сдѣлался самымъ пылкимъ мужемъ. Долго дремавшая въ немъ чувственность молодого, здороваго животнаго пробудилась, и онъ влюбился въ Ксенію со всѣмъ пыломъ впервые загорѣвшейся страсти, почти не обращая вниманія на нее, какъ на человѣка, на ея духовный міръ.

Это были какіе-то безумные дни двухъ молодыхъ, вырвавшихся на свободу животныхъ. У Ксеніи эта страсть одухотворялась, такъ сказать, поэтической иллюзіей и благородной любовью. Маркъ такой любви не испытывалъ и словно не понималъ, слишкомъ черствый эгоистъ, чтобъ ее понимать. И онъ, анализируя свои отношенія къ женѣ, только дивился, какъ силенъ въ человѣкѣ звѣрь, дивился и не безъ чувства удовлетворенія видѣлъ, что эта свѣжая, страстная и расцвѣтшая Ксенія, несмотря на свой умъ и независимость, вполнѣ его раба, влюбленная, преданная и вполнѣ счастливая раба.

И онъ высокомѣрно думалъ съ холоднымъ цинизмомъ:

«Теперь хоть разочаруйся Ксенія во мнѣ, она моя—всегда моя!»

Въ концѣ августа они вернулись въ Петербургъ. Гнѣздышко, приготовленное старикомъ Трифоновымъ, было дѣйствительно

прелестное, роскошно отдѣланное, полное комфорта, въ небольшомъ особнякѣ, неподалеку отъ дома Трифонова. Экипажи и четверка славныхъ лошадей были въ числѣ приданаго. И съ пріѣздомъ молодыхъ Василій Захаровичъ вручилъ Ксеніи сохранныя расписки государственнаго банка на одинъ милліонъ и, кромѣ того, передалъ Марку безыменные билеты на триста тысячъ въ полное его распоряженіе.

— Ну что, ты счастлива, Ксенія?—спрашивалъ отецъ у своей любимицы на другой день, когда она пріѣхала къ своимъ.

— Страшно счастлива... Мнѣ даже совѣстно, что я такъ счастлива!..—говорила Ксенія и вся почему-то краснѣла.

— Ну, и слава Богу... Маркъ вѣдь славный человѣкъ...

— Это прелесть, а не человѣкъ...

— Ты, кажется, молишься на него, Сюша, — подсмѣивался старикъ, радовавшійся за дочь.

— Еще бы не молиться... Онъ мой идолъ,—смѣялась счастливая Ксенія.

— Какъ-то онъ теперь объясняется съ Павлищевымъ, твой идолъ! Онъ вѣдь къ нему отправился.

— Къ нему. Черезъ часъ обѣщалъ вернуться.

Дѣйствительно, Маркъ въ это время былъ въ департаментѣ, чтобы явиться къ своему начальнику.

Его превосходительство былъ на докладѣ у министра, и Марку пришлось нѣсколько времени ожидать.

И онъ ходилъ взадъ и впередъ по пріемной и улыбался, воображая, какое будетъ лицо его превосходительства при щекотливомъ объясненіи.

XXI.

— Генералъ вернулись отъ министра, пожалуйте,—проговорилъ почтительно-фамильярнымъ тономъ представительный старикъ-курьеръ Сидоренко, обращаясь къ Марку.

— У директора есть кто-нибудь?

— Никого-съ.

Войдя въ кабинетъ, Маркъ направился къ огромному столу, за которымъ сидѣлъ, обложенный бумагами, его превосходительство. Онъ, видимо, былъ въ отличномъ расположеніи духа и весь, такъ сказать, сіялъ послѣ доклада у министра, и Маркъ, бросивъ быстрый взглядъ на своего начальника, тотчасъ же сообразилъ, что, вѣроятно, министръ сообщилъ Павлищеву что-нибудь особенно пріятное.

Маркъ не ошибся. Дѣйствительно, старикъ-министръ объявилъ своему любимцу, что къ Новому году онъ его предста-

витъ въ тайные совѣтники и будетъ просить о назначеніи Степана Ильича своимъ товарищемъ, но, разумѣется, все это должно быть пока въ большомъ секретѣ.

— Наконецъ-то! Очень радъ васъ видѣть, дорогой Маркъ Евграфычъ! Очень радъ!—весело и привѣтливо воскликнулъ Павлищевъ и дружески пожалъ Марку руку.—Я вѣдь безъ васъ соскучился и приготовилъ вамъ много работы. У насъ теперь разныя реформы въ полномъ ходу. Работа кипитъ, а такихъ золотыхъ работниковъ, какъ вы, мало... Присядьте-ка... Разсказывайте: хорошо ли отдохнули?

— Отлично, ваше превосходительство.

— Зато теперь я васъ завалю работой, назначивъ дѣлопроизводителемъ въ двухъ комиссіяхъ... Съ этими комиссіями мы спѣшимъ. Министръ торопитъ, чтобъ выработанные проекты поскорѣй представить въ Совѣтъ... Такъ ужъ вы, Маркъ Евграфычъ, помогите, потрудитесь.

— Слушаю-съ.

— А я, вы знаете, умѣю цѣнить труды подчиненныхъ... Такъ съ завтрашняго же дня примите всѣ дѣла отъ временнаго дѣлопроизводителя и являйтесь въ засѣданіе... Ну что, понравилось вамъ за границей? Вѣдь хорошо тамъ?

— Недурно.

— То-то, я говорилъ, что недурно. По глазамъ вижу, что ваше женоненавистничество прошло... Каковы роскошныя вѣнки? Вѣдь, правда, съ ума свели, а?—говорилъ, смѣясь, Павлищевъ и лукаво подмигнулъ глазомъ.

— Я за границей женился, ваше превосходительство.

— Женились!?—воскликнулъ въ изумленіи Павлищевъ.—И даже безъ разрѣшенія начальства?—шутливо прибавилъ онъ.

— Я былъ увѣренъ, что оно разрѣшитъ...

— Ну, поздравляю, хотя, по правдѣ сказать, не одобряю такой ранней женитьбы... Вѣдь вы еще совсѣмъ юнецъ... Зачѣмъ закабалять себя такъ рано... Еще было бы время свершить эту необходимую глупость, Маркъ Евграфычъ... Ну, сказывайте, гдѣ это вы, такой разсудительный молодой человѣкъ, попались, какъ куръ во щи? Ужъ не на иностранкѣ ли вы женились, а?

— Нѣтъ, Степанъ Ильичъ, на русской.

— Надѣюсь, мой другъ, что по крайней мѣрѣ не на безприданницѣ?—участливо спрашивалъ Степанъ Ильичъ.—По нынѣшнимъ временамъ даже и шалашъ съ милой дорого обходится... А если еще пойдутъ дѣти, да каждый годъ... Кстати, подайте прошеніе... Мы вамъ рублей шестьсотъ выдадимъ по случаю свадьбы.

— Благодарю васъ, мнѣ не нужно.

— Отказываетесь отъ денегъ? Значитъ, женились на богатой?

— И даже на очень богатой, ваше превосходительство.

— Вотъ за это хвалю! Это умно. Молодецъ вы, Маркъ Евграфычъ!—одобрялъ Павлищевъ, радуясь за Марка.—Безъ особаго положенія, безъ средствъ и жениться такъ хорошо!? Не секретъ, на комъ?

— Какой же секретъ! На Ксеніи Васильевнѣ Трифоновой!—отвѣтилъ Маркъ, медленно отчеканивая слова, спокойнымъ тономъ, и глядѣлъ прямо въ глаза Павлищева съ самымъ, казалось, невиннымъ видомъ.

Его превосходительство никакъ не ожидалъ подобной новости и, захваченный врасплохъ, въ первое мгновеніе совсѣмъ ошалѣлъ и во всѣ глаза смотрѣлъ на своего любимаго чиновника по особымъ порученіямъ.

— На Ксеніи Васильевнѣ?—невольно вырвался у него наконецъ вопросъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство, на Ксеніи Васильевнѣ Трифоновой.

Павлищевъ уже успѣлъ оправиться отъ изумленія и сообразить, какую змѣю онъ пригрѣлъ къ сердцу и благодаря кому онъ получилъ отказъ и лишился милліона приданаго.

«Однако великая шельма этотъ молодой человѣкъ! Какъ онъ отплатилъ за все, что для него сдѣлано! Конечно, онъ сообщилъ Ксеніи объ «ошибкѣ молодости» и смутилъ ее, мерзавецъ!»

Хотя злое чувство и охватило его превосходительство, но въ то же время онъ не могъ не отдать своему счастливому сопернику справедливости въ томъ, что онъ мастерски велъ свою «подлую игру». То-то онъ ходилъ тогда по вечерамъ къ Ксеніи и, вслѣдъ за отказомъ ея, попросился въ отпускъ—и ни гу-гу... А эта «старая дѣвка» тѣмъ временемъ влюбилась въ этого «красиваго мерзавца», а онъ и урвалъ милліонъ прямо-таки изъ-подъ его носа! Ловкая бестія!

Вспоминая всѣ эти обстоятельства, Павлищевъ удивился, какъ это онъ не догадался раньше, что ему отказали именно изъ-за Марка. Какъ онъ тогда опростоволосился, приглашая его навѣщать свою невѣсту... Развѣ можно было подпускать такое красивое животное къ нервной дѣвѣ... Но кто могъ ожидать, что она пойдетъ за него замужъ! И какъ отецъ допустилъ выйти за такого «проходимца»!

А онъ его еще только-что расхвалилъ за эту самую женитьбу!

Такія мысли проносились въ головѣ его превосходительства, и, несмотря на злость, онъ чувствовалъ невольное уваженіе къ этому самому «проходимцу» и понялъ, что съ нимъ во всякомъ случаѣ надо считаться.

— Удивили меня вы, Маркъ Евграфычъ, этой новостью,— заговорилъ Павлищевъ слегка ироническимъ тономъ.—Я, признаться, и не ждалъ, что именно вы были моимъ счастливымъ соперникомъ... Поздравляю!..

Маркъ между тѣмъ поднялся съ кресла и заговорилъ:

— Такъ завтра прикажете быть въ комиссіи?

— А вы развѣ теперь, сдѣлавшись богачомъ, все-таки хотите работать?

— Охотно, особенно подъ вашимъ начальствомъ.

— И даже моимъ?—улыбнулся Павлищевъ.—Что-жъ, я очень радъ. Я въ васъ всегда буду цѣнить превосходнаго работника... До свиданія, Маркъ Евграфовичъ. Завтра въ 12 часовъ здѣсь у меня соберется комиссія!

И Павлищевъ, пожавъ руку Марка, проводилъ его глазами до дверей кабинета и, когда Маркъ скрылся, проговорилъ не то съ досадой, не то съ одобреніемъ:

— Далеко пойдетъ эта умная каналья!

— Ну что̀, Маркъ, оставляешь службу у Павлищева? — встрѣтилъ вопросомъ старикъ Трифоновъ Марка, когда онъ вернулся изъ департамента.

— И не думаю... Напротивъ, я назначаюсь дѣлопроизводителемъ двухъ комиссій, и работы предстоитъ пропасть!..

— И ты берешь на себя эту работу?—спросила Ксенія.

— Конечно, беру.

— Но она утомитъ тебя, Маркъ.

— Не безпокойся. Я вѣдь привыкъ работать. И наконецъ надо работать, чтобъ сдѣлать карьеру... У насъ такъ мало умѣющихъ работать! Все больше любятъ болтать!—высокомѣрно прибавилъ Маркъ.

Трифоновъ сталъ разспрашивать о томъ, какъ принялъ Павлищевъ извѣстіе о женитьбѣ Марка на Сюшѣ.

— Очень онъ былъ обиженъ?—спросила Ксенія, смѣясь.

— Сперва ошалѣлъ, а потомъ...

И Маркъ, разсказавши о бывшемъ объясненіи и о томъ, какъ Павлищевъ хвалилъ его, что онъ женился на богатой невѣстѣ, не зная, кто она, въ заключеніе прибавилъ:

— Какъ видите, онъ не дуракъ, Павлищевъ. Мы съ нимъ нескоро разстанемся!

Съ слѣдующаго же дня Маркъ принялся за работу и черезъ мѣсяцъ, когда засѣданія комиссіи были окончены, поразил

всѣхъ членовъ мастерскимъ и обстоятельнымъ изложеніемъ составленной имъ записки по весьма сложному вопросу. Сжато, дѣльно и точно, не упустивши ни одного изъ мнѣній, составилъ онъ протоколы комиссіи и рѣшительно привелъ въ восторгъ Павлищева.

О молодомъ дѣловитомъ чиновникѣ заговорили въ министерствѣ, и, когда проектъ министерства прошелъ въ Совѣтѣ, министръ лично благодарилъ Марка и представилъ его къ Владиміру 4-й степени, при чемъ еще любезно замѣтилъ:

— Я взялъ бы васъ, молодой человѣкъ, охотно къ себѣ, но Степанъ Ильичъ не пускаетъ!

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и Маркъ сдѣлался для Павлищева незамѣнимымъ человѣкомъ. Всѣ самыя сложныя записки по департаменту писались имъ, и Степанъ Ильичъ не иначе называлъ Марка, какъ «золотымъ перышкомъ». Когда къ Новому году Павлищевъ назначенъ былъ товарищемъ министра, Маркъ сдѣланъ былъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при министрѣ и откомандированъ въ распоряженіе Степана Ильича.

Блестящая карьера улыбалась Марку, и Ксенія влюблена была въ него попрежнему.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Кто въ Петербургѣ не зналъ въ семидесятыхъ годахъ знаменитаго и необыкновенно популярнаго Аркадія Николаевича Иволгина? Если вы не имѣли чести быть лично знакомы съ Аркадіемъ Николаевичемъ, то навѣрное видѣли этого высокаго, статнаго господина лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ сухощавымъ лицомъ, опушеннымъ засѣдѣвшей подстриженной бородой, съ маленькими бойкими черными глазками,—въ думѣ, въ обществѣ содѣйствія промышленности и торговли, на благотворительныхъ собраніяхъ, на публичныхъ торжествахъ и открытіяхъ, на банкетахъ, и слушали его увѣренныя, умныя и всегда подходящія къ случаю рѣчи, вызывавшія почти всегда шумныя одобренія большинства. Аркадій Николаевичъ умѣлъ говорить передъ всякой публикой, зная требованія своихъ слушателей, и такъ же восхищалъ молодежь, съ одушевленіемъ говоря о значеніи высшаго женскаго образованія и о сохраненіи идеаловъ, какъ и трезвенныхъ, умудренныхъ и солидныхъ людей, когда, на какомъ-нибудь другомъ парадномъ обѣдѣ, среди лентъ и звѣздъ, говорилъ объ исконныхъ русскихъ устояхъ и о необходимости неуклонно ихъ держаться для счастія горячо любимой родины.

Во всякомъ случаѣ, если вы такой нелюдимъ, что даже ни разу не видали Аркадія Николаевича, вы должны знать его по имени—до того часто оно появляется на страницахъ газетъ — и имѣть нѣкоторое понятіе объ его представительной наружности, производящей еще до сихъ поръ впечатлѣніе на зрѣлыхъ дамъ, по портретамъ, которые появились въ витринахъ у нѣсколькихъ фотографовъ и во всѣхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, по поводу празднованія двадцатипятилѣт-

няго юбилея общественнаго служенія Аркадія Николаевича на всевозможныхъ поприщахъ.

Иволгинъ былъ изображенъ тогда въ разныхъ видахъ и въ разныхъ костюмахъ: и въ кургузомъ, легкомысленномъ пиджакѣ, сидящимъ въ кабинетѣ, уставленномъ книгами, съ задумчивымъ и даже нѣсколько грустнымъ лицомъ, и во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ, съ веселымъ и плутоватымъ выраженіемъ изящнаго джентльмена, только-что «подковавшаго» какого-нибудь нужнаго человѣка или «урвавшаго» кушъ, и наконецъ въ шитомъ мундирѣ, съ лентой черезъ плечо и двумя звѣздами,—съ мечтательно-серьезнымъ, застланнымъ взоромъ чиновнаго авгура, мечтающаго не то о Бѣломъ Орлѣ на шею (Владиміра 2 степени онъ получилъ на юбилей), не то о благоденствіи Россіи, не то о хорошенькой и молодой женщинѣ.

Тогда же вы могли познакомиться и съ нѣкоторыми, далеко не полными, впрочемъ, біографическими данными, любезно сообщенными Аркадіемъ Николаевичемъ репортерамъ и «интервьюерамъ». Изъ нихъ вы могли узнать, что Иволгинъ родился въ 1828 году и происходитъ изъ дворянской небогатой семьи; образованіе свое получилъ въ петербургскомъ университетѣ и кончилъ курсъ кандидатомъ правъ. Сперва служилъ, и очень ретиво, на казенной службѣ, но затѣмъ былъ только причисленъ и отдался иной дѣятельности. Перечисливъ разнообразные роды дѣятельности Аркадія Николаевича, начиная отъ изданія въ шестидесятыхъ годахъ книгъ для народа и сотрудничества въ тѣ же времена въ либеральныхъ газетахъ, многія газеты уже отъ себя, конечно, распространялись о необыкновенной талантливости Аркадія Николаевича, объ его отзывчивости на все доброе и полезное, объ его энергіи и умѣ, и кончали хвалой его необыкновенно практическому уму и знанію жизни, столь отличающимъ этого виднаго дѣятеля отъ тѣхъ «людей кабинета» и «узкихъ доктринеровъ», которые застыли на своихъ взглядахъ и, словно «замаринованные», не идутъ вмѣстѣ съ жизнью. А уважаемый Аркадій Николаевичъ Иволгинъ не только идетъ, но, можно даже сказать, «бѣжитъ вмѣстѣ съ ней».

При этомъ, разумѣется, разнообразная и плодотворная дѣятельность Аркадія Николаевича — этого дѣловитаго и неутомимаго общественнаго работника — ставилась въ то время многими органами прессы въ образецъ «нашему вялому и сонному обществу». Вотъ, дескать, какіе люди есть и могутъ работать и при добромъ желаніи приносить пользу, несмотря иногда на препоны.

Предполагая даже нѣкоторую «юбилейную» преувеличенность всѣхъ этихъ газетныхъ диоирамбовъ и принимая въ разсчетъ склонность отечественныхъ біографовъ къ восхваленію выдающихся дѣятелей въ чинѣ тайнаго совѣтника, тѣмъ болѣе, что для обнаруженія цивическихъ чувствъ есть разные исправники и становые, если, по нечаянности, они попадутся только въ объятья прокурора,—справедливость все-таки требуетъ сказать, что разнообразіе занятій и службъ Аркадія Николаевича было дѣйствительно изумительное. И многіе только удивлялись, что такой неутомимый, практическій человѣкъ, выказавшій и административныя дарованія, когда управлялъ однимъ громаднымъ коммерческимъ предпріятіемъ, обладавшій блестящими ораторскими способностями, знаніемъ жизни и людей и такимъ умѣньемъ убѣждать и очаровывать людей, что, по вульгарному выраженію одного умнаго адмирала, «могъ куда угодно пролѣзть безъ мыла», — какъ такой человѣкъ не занялъ какого-нибудь служебнаго блестящаго положенія.

Казалось бы, Аркадій Николаевичъ былъ прирожденнымъ, такъ сказать, провиденціальнымъ человѣкомъ, прошедшимъ всѣ фазы приспособленія, начиная съ шестидесятыхъ годовъ и кончая временами нашего повѣствованія. Онъ былъ и радикаломъ, когда издавалъ книжечки для народа, и не безъ увлеченія, сидя послѣ хорошаго обѣда въ плотно запертомъ кабинетѣ, требовалъ въ кружкѣ пріятелей правового порядка и говорилъ, проглотивъ, правда, много рюмокъ бенедиктина, что безъ правового порядка лучше не жить, а умереть. Однако благополучно жилъ, даже хорошо устраивался и, по прошествіи нѣкотораго времени, когда радикальный образъ мыслей началъ выходить изъ моды, сдѣлался либераломъ, постепенно переходя изъ одной краски въ другую, но все еще охотно занимался женскимъ вопросомъ, и такъ какъ былъ собой очень виденъ и имѣлъ языкъ хорошо привѣшенный, то смущалъ немало дамъ своимъ вольнодумствомъ и чуть - было не пострадалъ отъ одного ревниваго мужа. Когда затѣмъ и либерализмъ, хотя бы самый умѣренный, сталъ казаться не соотвѣтствующимъ времени, Аркадій Николаевичъ почувствовалъ себя оппортюнистомъ и, гдѣ нужно, объявился въ таковой роли, что̀, впрочемъ, не мѣшало ему при встрѣчахъ съ прежними знакомыми хитро подмигивать, цивически скорбѣть, негодуя на новыя времена, и обманывать многихъ наивныхъ людей, которые даже и послѣ многочисленныхъ метаморфозъ Аркадія Николаевича все-таки по старой памяти продолжали его считать за сочувствующаго и все еще помнили, что онъ

издалъ нѣсколько книжекъ для народа, писалъ передовыя статьи въ либеральной газетѣ и водилъ знакомство съ литераторами.

Съ тѣхъ поръ онъ и остался оппортюнистомъ или, какъ самъ себя называлъ, «человѣкомъ жизни». И преуспѣвалъ, прославивъ свое имя.

Несмотря однако на свои блестящія способности и умѣніе «улавливать моментъ», Иволгинъ видной служебной карьеры не сдѣлалъ, хотя и имѣлъ двѣ звѣзды. Правда, его друзья и поклонники нерѣдко назначали Аркадія Николаевича на видные посты и дивились, что его не призываютъ (нынче вѣдь такъ трудно найти людей!), но Иволгинъ скромно, но рѣшительно объявлялъ, что онъ никакихъ блестящихъ постовъ не желаетъ и доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ и тѣмъ общественнымъ служеніемъ, которое выпало на его долю.

Вдобавокъ, это служеніе и обезпечивало гораздо болѣе, и все-таки до извѣстной степени удовлетворяло кипучую, дѣятельную его натуру, и льстило его безмѣрному самолюбію, доставляя ему популярность.

Онъ былъ предсѣдателемъ двухъ правленій (желѣзнодорожнаго и банковскаго, въ которыхъ получалъ до тридцати тысячъ), былъ выдающимся гласнымъ въ думѣ, вліятельнымъ и блестящимъ ораторомъ и предсѣдателемъ многихъ думскихъ комиссій (жетоны и тамъ были), членомъ многихъ благотворительныхъ учрежденій, виднымъ дѣятелемъ въ нѣсколькихъ обществахъ, въ которыхъ заботятся о промышленности, о торговлѣ, о мореходствѣ, о техникѣ, объ образованіи, словомъ — обо всемъ на свѣтѣ, что только можетъ быть полезнымъ отечеству и въ то же время доставить ораторамъ случай рекламировать себя и имѣть связи съ болѣе или менѣе полезными людьми, и, числясь въ одномъ вѣдомствѣ, получалъ чины и звѣзды, призываемый въ качествѣ свѣдущаго человѣка къ участію въ разныхъ комиссіяхъ.

И вездѣ онъ поспѣвалъ, вездѣ говорилъ, вездѣ, гдѣ можно, «получалъ» или деньги, или чины, умѣлъ ладить съ вліятельными лицами и дѣйствовать на людей самыми разнообразными способами своего безконечнаго репертуара: на кого лаской, на кого необыкновеннымъ добродушіемъ, на кого обѣщаніями мѣстечка или чѣмъ-нибудь подобнымъ. И его друзья и поклонники крѣпко держались за популярнаго человѣка, славословя его по стогнамъ столицы.

Но Боже сохрани было возбудить чѣмъ-нибудь ненависть Аркадія Николаевича. Боже сохрани было усомниться въ его

непогрѣшимости, въ его талантахъ и осмѣлиться противорѣчить ему. Тогда деспотическій по натурѣ Иволгинъ не успокаивался, пока не стиралъ въ пыль врага своего, и для этой цѣли не брезговалъ никакими средствами.

Репутація его была давно установившаяся. Одни считали его замѣчательно умнымъ и честнымъ общественнымъ дѣятелемъ, другіе—порядочной канальей.

По обыкновенію, истина была въ серединѣ.

Въ это хмурое зимнее петербургское утро Аркадій Николаевичъ Иволгинъ былъ въ отвратительномъ расположеніи духа и, видимо, чѣмъ-то серьезно озабоченъ. Быстрыми, нервными шагами ходилъ онъ взадъ и впередъ по своему большому, роскошному кабинету, и его энергичное, красивое еще лицо, съ высокимъ наморщеннымъ лбомъ и небольшимъ вздернутымъ носомъ, было мрачнѣе тучи.

По временамъ онъ круто поворачивался, подходилъ къ письменному столу и бралъ скомканный нумеръ газеты, прочитывалъ какую-то замѣтку и, швырнувъ газету, отходилъ прочь и со злобой шепталъ, невольно сжимая кулаки:

— Мерзавцы!.. Негодяи!..

И снова ходилъ, спустивъ голову и порой вздрагивая, точно отъ какой-то острой боли.

Газетная замѣтка, возбуждавшая такую злобу въ Аркадіи Николаевичѣ, когда-то яромъ поборникѣ гласности, была слѣдующаго содержанія:

«Въ городѣ ходятъ тревожные слухи объ одномъ извѣстномъ своими большими оборотами банкѣ. Говорятъ,—и мы имѣемъ въ рукахъ кое-какіе факты,—будто тамъ не хватаетъ значительныхъ суммъ, и эта потеря или растрата тщательно скрывается при помощи дутыхъ отчетовъ, утверждаемыхъ благодаря подставнымъ акціонерамъ, образующимъ большинство, и близкимъ къ правленію членамъ ревизіонной комиссіи. Если слухи эти, къ сожалѣнію, окажутся справедливыми, то что̀ сказать о преступной халатности правленія, во главѣ котораго стоитъ и всѣмъ въ банкѣ ворочаетъ лицо, хорошо извѣстное въ мірѣ дѣльцовъ и пользующееся уже давно и, казалось, заслуженно репутаціей блестящаго администратора. Еще не далѣе, какъ на-дняхъ предсѣдатель правленія съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ, какимъ онъ блещетъ и въ думѣ, говорилъ на общемъ собраніи о блестящемъ положеніи дѣлъ банка и вызвалъ горячія благодарности. Что̀ все это значитъ? Не пора ли вмѣшательству прокурора?»

О, съ какимъ наслажденіемъ Аркадій Николаевичъ пере-

рвалъ бы въ эту минуту горло репортеру, который сообщилъ всѣ эти свѣдѣнія въ газету, довольный, что могъ дать эти сенсаціонныя свѣдѣнія и по праву гордиться званіемъ хорошаго репортера. Съ какимъ удовольствіемъ Аркадій Николаевичъ далъ бы этому бѣдняку, зарабатывающему свой горькій хлѣбъ, пятьсотъ, тысячу рублей, чтобъ только онъ не печаталъ этой замѣтки! И репортеръ, конечно, отлично зналъ, что былъ бы желаннымъ гостемъ у Аркадія Николаевича и вышелъ бы отъ него съ туго набитымъ бумажникомъ, но онъ и не подумалъ объ этомъ, а предпочелъ честно заработать своей замѣткой нѣсколько рублей и первымъ дать своей газетѣ извѣстіе, добытое и провѣренное имъ благодаря нескромности одного служащаго въ банкѣ, съ которымъ репортеръ былъ знакомъ.

Дѣйствительно, въ этой небольшой замѣткѣ если не все, то кое-что—и даже многое—было правдой, и потому она и злила такъ Аркадія Николаевича. Завтра всѣ газеты, разумѣется, перепечатаютъ извѣстіе, и пойдутъ по городу слухи, принимая необычайные размѣры и преувеличивая дѣйствительное положеніе банка. И, что̀ еще ужаснѣе, имя Аркадія Николаевича, безукоризненное до сихъ поръ, станутъ трепать въ газетахъ, не разобравши, въ чемъ дѣло, и не понимая, виноватъ ли онъ дѣйствительно, или нѣтъ. Ошибку сочтутъ за преднамѣренность, за злоупотребленіе... О, подлецъ!.. И кто могъ сообщить банковскую тайну!

А потери въ банкѣ, въ самомъ дѣлѣ, были значительныя, благодаря нѣсколькимъ крайне рискованнымъ спекуляціямъ, и банкъ, что̀ называется, «трещалъ». Но про это знали только посвященные авгуры и старались энергичными мѣрами поправить дѣла и избѣгнуть краха и суда, на которомъ могло открыться кое-что не особенно приглядное: и дутые отчеты, и родственный составъ правленія, и крупныя награды самимъ себѣ, и странныя выдачи суммъ разнымъ, совсѣмъ не коммерческимъ лицамъ по векселямъ, изъ года въ годъ переписываемымъ... Аркадій Николаевичъ не терялъ надежды, разсчитывалъ и на свои связи, и на умѣнье очаровывать своими рѣчами, и на нѣкоторыя имена заемщиковъ банка...

Еще вчера, когда въ правленіи рѣшено было обратиться за ссудой къ правительству, Иволгинъ долго бесѣдовалъ съ Павлищевымъ и объяснялъ, какъ неблагопріятно отразится на торговлѣ, если банкъ принужденъ будетъ ликвидировать дѣла и объявить себя несостоятельнымъ, не говоря уже о скандалѣ судебнаго разбирательства, на которомъ могутъ фигурировать многія почтенныя имена.

И Иволгинъ назвалъ два-три звучныхъ имени лицъ, состоявшихъ дебиторами банка.

Павлищевъ обѣщалъ помочь своимъ вліяніемъ и послалъ Аркадія Николаевича къ Борщову переговорить о подробностяхъ, выработать вмѣстѣ съ нимъ проектъ соглашенія и тогда уже подать докладную записку.

II.

Съ тѣхъ поръ, какъ Маркъ женился, прошло четыре года, и онъ необыкновенно быстро подвинулся по службѣ. Маркъ въ 28 лѣтъ уже былъ статскимъ совѣтникомъ и, состоя при министрѣ, исполнялъ видныя порученія, ѣздилъ нѣсколько разъ делегатомъ за границу, предсѣдательствовалъ въ нѣсколькихъ комиссіяхъ, писалъ записки и пользовался особымъ расположеніемъ, какъ человѣкъ замѣчательныхъ способностей и неутомимый работникъ, съ которымъ легко и пріятно работать. Доклады его были всегда точны, ясны и сжаты, записки основательны, и онъ умѣлъ схватывать мысли, такъ сказать, съ намека и передавать ихъ на бумагѣ въ блистательномъ изложеніи. Вопросъ о назначеніи Марка директоромъ канцеляріи былъ только вопросомъ времени, пока найдется приличное мѣсто, на которое можно было бы назначить лицо, занимавшее эту должность. Объ этомъ ему говорилъ Степанъ Ильичъ, который ужъ давно забылъ о «неблагодарности Марка» и былъ съ нимъ въ отличныхъ отношеніяхъ, понимая, что съ Маркомъ ссориться невыгодно. Вдобавокъ, Маркъ оказалъ ему и большую услугу, въ высшей степени деликатно предложивъ Степану Ильичу помочь въ его денежныхъ затрудненіяхъ, о которыхъ Павлищевъ какъ-то говорилъ при Маркѣ. И его превосходительство не отказался и занялъ десять тысячъ на уплату долговъ, и съ тѣхъ поръ отношенія ихъ стали еще лучше.

Маркъ принялъ Иволгина съ дѣловой, нѣсколько холодной сдержанностью, и когда Аркадій Николаевичъ объяснилъ, что его къ нему прислалъ Павлищевъ, Маркъ предложилъ Иволгину объяснить, въ чемъ дѣло.

Надо сказать правду, Аркадій Николаевичъ «объяснялъ» дѣло этому молодому, серьезному и внимательно слушавшему чиновнику, не спускавшему своихъ чорныхъ пронизывающихъ и, казалось, слегка насмѣшливыхъ глазъ съ лица оратора,— далеко не съ тѣмъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ и не съ тѣмъ блескомъ, съ какимъ онъ только-что говорилъ съ Павлищевымъ. Что-то мѣшало ему. Онъ словно чувствовалъ, что Маркъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ онъ умѣлъ «подковывать»

съ такимъ мастерствомъ, и что на него едва ли дѣйствуетъ одушевленіе, съ какимъ Аркадій Николаевичъ говорилъ о задачахъ и значеніи банка для нуждъ торговли и промышленности, о необходимости правительству, въ видахъ поддержки торговли, придти на помощь и т. п.

По крайней мѣрѣ, на безстрастномъ лицѣ Марка Аркадій Николаевичъ не замѣчалъ ни одобренія ни сочувствія. Маркъ слушалъ, не прерывая ни разу, и только, когда Иволгинъ вполнѣ высказался, замѣтилъ:

— Вы какую сумму желаете?

— Всего одинъ милліонъ.

Маркъ записалъ цифру въ свою записную книжку и сказалъ:

— Потрудитесь прислать мнѣ всѣ отчеты банка...

— Съ большимъ удовольствіемъ... Но это задержитъ рѣшеніе вопроса. Степанъ Ильичъ въ принципѣ согласился... Вѣроятно, и вы согласны?..

— Я пока не имѣю мнѣнія, да оно для васъ и не важно, если Степанъ Ильичъ вамъ обѣщалъ,—проговорилъ Маркъ съ едва замѣтной улыбкой.

— Но Степанъ Ильичъ просилъ васъ доложить ему объ этомъ.

— Я и доложу, будьте спокойны, и постараюсь не задержать доклада. Черезъ день, много два, онъ будетъ представленъ Степану Ильичу.

Иволгинъ всталъ, не особенно довольный разговоромъ съ этимъ сухимъ чиновникомъ, и мысленно окрестилъ его почему-то «кабинетнымъ» человѣкомъ. Однако очень благодарилъ, что дѣло скоро будетъ доложено, и уѣхалъ, обѣщая немедленно прислать всѣ необходимыя свѣдѣнія.

Не понравился ему этотъ «чинодралъ», тѣмъ болѣе, что онъ зналъ, какое онъ имѣетъ вліяніе на Павлищева, но онъ надѣялся, что Павлищевъ не отступится отъ слова и, конечно, пойметъ необходимость во что бы то ни стало отвратить скандалъ.

— А сегодня какъ нарочно эта подлая замѣтка!—проговорилъ со злостью Иволгинъ и, взглянувъ на часы, подавилъ пуговку электрическаго звонка.

Вошелъ благообразный лакей.

— Скорѣй закладывать лошадь!—нетерпѣливо проговорилъ Аркадій Николаевичъ.

Черезъ полчаса онъ ужъ мчался на своемъ рысакѣ въ редакцію газеты, гдѣ помѣщена была замѣтка, и съ возмущеннымъ видомъ убѣждалъ редактора, что напечатанное извѣстіе вздоръ съ начала до конца. Онъ удивляется только, какъ

«многоуважаемый» редакторъ могъ напечатать такое сообщеніе. Кажется, репутація его, Аркадія Николаевича, слишкомъ извѣстна, чтобы бросать на него тѣнь... Иволгинъ говорилъ убѣдительно, горячо, припомнилъ, что онъ всегда былъ другомъ прессы и понимаетъ пользу гласности; но въ данномъ случаѣ гласность является не полезной, а вредной, и, очевидно, репортеръ былъ введенъ въ заблужденіе.

И редакторъ, убѣжденный доводами Аркадія Николаевича, обѣщалъ въ слѣдующемъ же нумерѣ опровергнуть извѣстіе. Иволгинъ разсыпался въ благодарностяхъ и въ тотъ же день объѣхалъ всѣхъ редакторовъ съ просьбой не перепечатывать замѣтки.

На другой же день въ «Чижикѣ» появилось категорическое опроверженіе, и ни въ одной газетѣ не появилось перепечатки.

Аркадій Николаевичъ ожилъ.

III.

Эти дни, въ ожиданіи отвѣта, Иволгинъ находился въ большомъ волненіи.

«Дадутъ ссуду или не дадутъ?»

Эти мысли не давали ему покоя. Онъ то надѣялся, то падалъ духомъ, догадываясь по разговору съ Маркомъ, что тотъ далеко не на его сторонѣ. И если-бъ еще поручили это дѣло какому-нибудь другому чиновнику, съ которымъ бы можно было «сговориться», какъ деликатно называлъ Аркадій Николаевичъ интимныя бесѣды за завтракомъ въ отдѣльномъ кабинетѣ моднаго ресторана. Во время такихъ завтраковъ Иволгинъ устраивалъ на своемъ вѣку немало дѣлъ и недаромъ же пользовался репутаціей необыкновеннаго мастера «устраивать» и «проводить» всякія дѣла. А Борщова не пригласишь завтракать! Онъ самъ богатъ, и съ нимъ ничего не устроишь. Вдобавокъ, онъ и отчеты проштудируетъ надлежащимъ образомъ и, конечно, найдетъ въ нихъ кое-какія отступленія отъ закона и, какъ формалистъ, можетъ придраться и доложить своему начальству съ чисто «кабинетной» точки зрѣнія узкаго чиновника. Они вѣдь всякое дѣло тормозятъ и жизни не понимаютъ, эти чиновники, не понимаютъ громаднаго значенія банка для торговли и для того, чтобы выдвинуться, готовы разорить тысячи людей...

Такія разсужденія о чиновникахъ были любимымъ конькомъ Аркадія Николаевича, и онъ разражался на эту тему блестящими филиппиками, особенно когда какое-нибудь проводимое имъ дѣло встрѣчало препятствія.

Вопросъ о ссудѣ былъ для него страшнымъ вопросомъ. Въ случаѣ благопріятнаго отвѣта—спасеніе; въ противномъ случаѣ—крахъ банка и, главное, его самого. Ни для кого не было секретомъ, что онъ былъ воротилою въ банкѣ, и что все тамъ дѣлалось по его велѣніямъ. Онъ тамъ былъ непогрѣшимый и всемогущій владыка, и что̀ приказывалъ «самъ Аркадій Николаевичъ», то считалось закономъ. Остальные директора или были его родственниками и пріятелями, или ничего не понимавшими безгласными людьми, подписывавшими, не читая, какія угодно постановленія, и всѣ они преклонялись передъ «великимъ человѣкомъ», дававшимъ и большіе дивиденды акціонерамъ, и хорошія жалованья и награды своимъ покладистымъ коллегамъ.

Аркадій Николаевичъ въ эти дни уже принялъ кое-какія мѣры для обезпеченія успѣха. Не далѣе какъ вчера онъ былъ у знакомой читателю Анны Аполлоновны Рогальской, которая въ послѣднее время совсѣмъ оставила свое хлопотливое ремесло — просить въ пріемныхъ за миѳическихъ сестеръ и братьевъ. Она устроила мужу хорошее мѣсто на дальней окраинѣ и жила одна въ роскошномъ и уютномъ гнѣздышкѣ, пользуясь благосклонностью одного семидесятипятилѣтняго старика, который, на закатѣ дней своихъ, почувствовалъ «третью молодость» и, влюбившись въ блондинку, усиленно занялся гимнастикой, дѣлалъ массажъ и даже пробовалъ броунъ-секаровское средство. Повергнувъ къ стопамъ «чародѣйки» любовь и деньги, и, разумѣется, немалыя, къ досадѣ своей супруги и дѣтей, старикъ проводилъ вечера у своей возлюбленной и, благодаря терпѣливому мужеству, съ какимъ молодая женщина выносила его ласки—находилъ, что жизнь еще полна не однѣхъ только административныхъ радостей... И онъ былъ сентименталенъ и игривъ, писалъ Аннѣ Аполлоновнѣ стихи и, ревнивый, требовалъ увѣреній, что онъ одинъ ею любимый; увѣренія эти, конечно, не заставляли себя ждать.

Сановный мужъ, пользовавшійся въ свое время, и не безъ основаній, репутаціей умнаго и рѣшительнаго человѣка, совсѣмъ глупѣлъ въ присутствіи соблазнительной блондинки и вѣрилъ и ея комплиментамъ и клятвамъ въ любви и вѣрности. Вѣрилъ и влюблялся все болѣе и болѣе; привозилъ ей, кромѣ опредѣленнаго мѣсячнаго содержанія, еще и дополнительныя суммы, не считая разныхъ подарковъ, словомъ, тратилъ за свою «третью молодость» такія деньги, что супруга его и дѣти, серьезно опасаясь за сохраненіе довольно большого состоянія старика, положили на семейномъ совѣтѣ принять экстраординарныя мѣры. Рѣшено было черезъ старшаго

сына предложить этой «подлой женщинѣ» до сорока тысячъ отступного съ тѣмъ, чтобы она тотчасъ же скрылась изъ Петербурга, пригрозивъ, въ случаѣ ея несогласія, высылкой изъ города. Если же «подлая» не пойдетъ на соглашеніе, то обратиться къ содѣйствію властей...

Аркадій Николаевичъ очень скоро сошелся съ Анной Аполлоновной на десяти тысячахъ, если старикъ напишетъ письмо, въ которомъ попроситъ кого слѣдуетъ не отказать въ просьбѣ Иволгина. Въ то же свиданіе Анна Аполлоновна получила въ видѣ задатка тысячу рублей, а на остальныя деньги ей была выдана довольно хитро составленная расписка. Вечеромъ того же дня Иволгинъ былъ извѣщенъ, что письмо написано и завтра же будетъ въ надлежащихъ рукахъ.

Между тѣмъ Маркъ, добросовѣстно изучивъ отчеты, отправился къ Павлищеву и доложилъ ему, что ходатайствовать о ссудѣ на льготныхъ условіяхъ милліона изъ государственнаго казначейства нѣтъ никакихъ основаній.

— Отчеты банка неудовлетворительны, и истинное положеніе дѣлъ довольно искусно скрыто,—прибавилъ Маркъ.

— Я все это знаю, Маркъ Евграфычъ,—отвѣчалъ, слегка морщась, Павлищевъ.—Знаю, что у нихъ и подставные акціонеры, и семейное правленіе, и родственная ревизіонная комиссія, но Иволгинъ обѣщалъ всѣ эти порядки измѣнить... Во всякомъ случаѣ, крахъ банка нежелателенъ, и тѣмъ болѣе нежелателенъ судебный скандалъ... Вы видѣли, чьи векселя учитывалъ Иволгинъ... Онъ вѣдь умная бестія и зналъ, что дѣлаетъ. И наконецъ банкъ не въ безнадежномъ положеніи... Ссуда его выручитъ, и рискованныхъ спекуляцій Иволгинъ дѣлать больше не станетъ... Надо, Маркъ Евграфычъ, уважить просьбу. Составьте, пожалуйста, докладъ въ этомъ смыслѣ и пошлите Иволгину сказать, чтобы правленіе подало прошеніе.

Маркъ не сдѣлалъ никакого возраженія. Ему, собственно говоря, рѣшительно все равно: дадутъ ли милліонъ казенныхъ денегъ или нѣтъ. Не станетъ же онъ защищать свое мнѣніе изъ-за такихъ пустяковъ.

И онъ отвѣтилъ, принимая обратно свою записку:

— Такъ я напишу другой докладъ.

— Пожалуйста... И распространитесь, знаете ли, о значеніи банка для торговли и промышленности, о томъ, что онъ поставленъ былъ въ критическое положеніе благодаря застою въ дѣлахъ, ну, однимъ словомъ... Вы вѣдь сами знаете, какъ все это изображается!—прибавилъ съ улыбкой Павлищевъ.

— Еще бы не знать!—усмѣхнулся Маркъ.

— Надо дать,—снова заговорилъ, словно бы оправдываясь.

Павлищевъ.—Если бы не дали да на судѣ фигурировали имена нѣкоторыхъ заемщиковъ, насъ потомъ съѣли бы. Что̀ дѣлать, милѣйшій Маркъ Евграфычъ! Не все можно дѣлать, что̀ хочется... Законы-то у насъ о двухъ концахъ. Надо, слѣдовательно, принимать въ соображеніе время и пространство!—заключилъ свои разсужденія его превосходительство.

IV.

Въ то самое утро, когда Маркъ бесѣдовалъ въ министерствѣ съ Павлищевымъ, въ кабинетѣ Ксеніи сидѣлъ Василій Захаровичъ Трифоновъ.

Онъ только-что пріѣхалъ къ дочери, и Ксенія, радостно встрѣтившая отца, тотчасъ же замѣтила, что отецъ взволнованъ, хотя и старался это скрыть. Онъ сегодня разсѣянно отвѣчалъ на вопросы, далеко не съ обычной горячей лаской встрѣтилъ своего трехлѣтняго внучка, хорошенькаго черноволосаго мальчугана, немедленно прибѣжавшаго въ комнату, какъ только-что услыхалъ, что дѣдушка у мамы, и имѣлъ какой-то сконфуженный и растерянный видъ, какого Ксенія никогда не видала въ своемъ энергическомъ отцѣ. И сердце ея забило тревогу.

«Что̀ такое случилось?»—думала она, тревожно заглядывая въ глаза отцу и не смѣя сама начать разспросы.

Сильно осунулся и постарѣлъ Василій Захаровичъ за послѣдній годъ, хотя крѣпкое здоровье его, казалось, и не пошатнулось. Онъ ни на что не жаловался, попрежнему чувствовалъ себя хорошо, а между тѣмъ вдругъ сразу «осѣлъ», сдѣлался раздражителенъ и нервенъ и на цѣлые дни запирался въ своемъ кабинетѣ и тамъ, за письменнымъ столомъ, щелкалъ на счетахъ, подводилъ какіе-то итоги и затѣмъ, мрачный, какъ туча, ходилъ по комнатѣ, опустивъ свою сѣдую голову. Никто не догадывался, что̀ значила такая перемѣна въ Васильѣ Захаровичѣ, обыкновенно веселомъ, живомъ и разговорчивомъ; хотя за обѣдомъ, особенно когда бывали гости, и на своихъ четвергахъ старикъ старался быть веселымъ, но зоркій глазъ Ксеніи видѣлъ, что эта веселость была напускная. На заботливые вопросы своихъ объ его здоровьѣ, старикъ всегда отвѣчалъ, что здоровъ, видимо недовольный такими вопросами. Мысль о томъ, что дѣла Василія Захаровича пошатнулись и это его сильно озабочиваетъ и тревожитъ, никому не приходила въ голову,—до того это казалось невѣроятнымъ. Недаромъ же Трифоновъ имѣлъ репутацію осторожнаго и благоразумнаго человѣка, неспособнаго броситься въ какое-нибудь рискованное или невѣрное пред-

пріятіе, и вся его жизнь свидѣтельствовала объ этомъ. Онъ былъ изъ тѣхъ дѣльцовъ, которые разсчитываютъ навѣрняка и рѣдко ошибаются въ разсчетахъ. Въ немъ не было, такъ сказать, «художника наживы», азартнаго игрока, ставящаго на карту крупныя ставки.

Никогда не посвящавшій въ дѣла своихъ домашнихъ, да и вообще никого, Василій Захаровичъ однако въ послѣднее время иногда, какъ бы вскользь, при случаѣ говорилъ, что новые заводы его радуютъ. «Слѣдовательно дѣла идутъ хорошо»,—думала Ксенія, недоумѣвая, отчего отецъ такъ перемѣнился. Вдобавокъ, еще недавно онъ сдѣлалъ крупное пожертвованіе — внесъ двѣсти тысячъ въ одно благотворительное учрежденіе, во главѣ котораго стояли высокопоставленныя лица. Такихъ крупныхъ пожертвованій не дѣлаютъ, разумѣется, лица, дѣла которыхъ разстроены. Кромѣ того, Василій Захаровичъ въ этотъ годъ чаще, чѣмъ прежде, задавалъ роскошные обѣды, стоившіе сумасшедшихъ денегъ, на которые приглашались избранные гости. Словомъ, все, казалось, говорило, что милліоны Трифонова не тронуты и въ цѣлости лежатъ въ государственномъ банкѣ.

Изъ близкихъ Трифонову людей одинъ только Маркъ, казалось, кое-о-чемъ догадывался, несмотря на эти видимые признаки благосостоянія своего тестя. Онъ понималъ самолюбивую натуру старика, понималъ, что недаромъ онъ говоритъ о своихъ дѣлахъ, тогда какъ прежде никого не удостаивалъ такими разговорами, и подъ рукой наводилъ справки. О томъ, что̀ Маркъ узналъ, онъ, разумѣется, не сказалъ никому, а тѣмъ болѣе Ксеніи.

Но зато однажды, когда послѣ обѣда сидѣлъ свои обычные полчаса у Ксеніи, передъ тѣмъ что приниматься за работу въ кабинетѣ, Маркъ какъ-то завелъ рѣчь о дѣлахъ и, между прочимъ, посовѣтовалъ Ксеніи—положить свои деньги вкладомъ въ государственный банкъ на долгій срокъ.

— Развѣ держать ихъ въ бумагахъ невыгодно, Маркъ?— спросила Ксенія.

— Положимъ, выгодно... Ты получаешь около пяти процентовъ, а тогда будешь получать около четырехъ. Но зато мы съ тобой, Ксенія, будемъ гарантированы отъ соблазна...

— Отъ какого?..

— Мало ли какого?.. Я, ты знаешь, очень скромный въ своихъ привычкахъ человѣкъ...

— Совсѣмъ скромный,—перебила Ксенія.

— А и у меня иногда являются мысли: купить большое имѣніе, чтобы получать болѣе того, что̀ мы получаемъ... А къ

чему намъ?.. Развѣ намъ мало? Слава Богу... Такъ вотъ, во избѣжаніе такихъ соблазновъ и чтобы оставить дѣтямъ въ неприкосновенности то, что ты получила, не лучше ли не имѣть возможности трогать капитала... Что ты думаешь, Ксенія?

Напрасный вопросъ! Ксенія по большей части думала, какъ Маркъ, и, разумѣется, тотчасъ же согласилась.

И, словно бы загипнотизированная Маркомъ, до сихъ поръ еще влюбленная въ него со всей силой первыхъ дней, она съ какимъ-то наивнымъ восторгомъ счастливой, удовлетворенной жизнью женщины смотрѣла на красавца-мужа, не подозрѣвая тайной мысли его предложенія. Умная женщина, скептикъ по натурѣ, умѣвшая разгадывать людей, она была слѣпа только относительно Марка, считала его какимъ-то высшимъ существомъ и, слишкомъ любившая его, никогда и не задумывалась надъ этимъ страннымъ характеромъ. Онъ импонировалъ ее и своимъ безпощаднымъ анализомъ, и силой, и своей жизнью, такъ непохожей на жизнь другихъ молодыхъ людей въ его положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, онъ какъ будто не пользовался богатствомъ. У него остались прежнія скромныя привычки, прежняя любовь къ работѣ, къ чтенію въ своемъ кабинетѣ, главная роскошь котораго были книги. Какъ мужъ, онъ былъ образцовый — всегда дома, и никуда его не тянуло; ни тѣни ухаживанія за кѣмъ-нибудь изъ хорошенькихъ знакомыхъ дамъ, бывавшихъ у нихъ, всегда ровный и спокойный. И, ревнивая по натурѣ, Ксенія ни разу не испытывала за эти четыре года мукъ ревности. Она ревновала его только къ «службѣ» и находила, что онъ ужъ черезчуръ много работаетъ и проводитъ съ ней меньше времени, чѣмъ бы ей хотѣлось... По крайней мѣрѣ они рѣдко читаютъ вмѣстѣ, не такъ часто разговариваютъ, какъ тогда, какъ онъ былъ женихомъ. Несмотря на четыре года супружества, многое въ Маркѣ оставалось для Ксеніи неяснымъ и непонятнымъ, но она восполняла это непонятное воображеніемъ любящей женщины, объясняла себѣ его увлеченіе работой непомѣрнымъ честолюбіемъ выдающагося человѣка и довольствовалась рѣдкими часами бесѣдъ, вознагражденная увѣренностью въ его серьезной привязанности и счастливая его горячими ласками мужа. Трехлѣтній сынъ и крошка-дѣвочка дополняли ея счастье, и прежняя безпокойная, ищущая интересныхъ людей Ксенія, пополнѣвшая и расцвѣтшая, сдѣлалась одною изъ тѣхъ женщинъ, для которыхъ сосредоточивался весь интересъ жизни въ дѣтяхъ и мужѣ.

Для Марка она необыкновенно заботилась теперь о своихъ туалетахъ, о прическѣ, стараясь быть всегда одѣтой къ лицу

и сохранить подолѣе свѣжесть, красоту и привлекательность. Съ этой цѣлью она берегла и холила свое тѣло, брала какія-то особенныя ванны, заказывала роскошные капоты и, съ инстинктомъ умной женщины, понимающей животное въ человѣкѣ, хотѣла быть не только преданною и любящею женой, но и желанною любовницей, не надоѣдающею мужу, особенно такому молодому и красивому, какъ Маркъ.

И надо отдать справедливость Ксеніи. Она нравилась Марку, и семейная ихъ жизнь не омрачалась никакими бурями.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ, во время которыхъ смущеніе Василія Захаровича все болѣе увеличивалось и въ сердцѣ Ксеніи росло все большее безпокойство, она наконецъ рѣшилась спросить:

— Папочка, родной... Что̀ съ тобой? Ты, кажется, чѣмъ-то взволнованъ?

— Я?.. Ничего особеннаго, Сюша... Такъ, разныя непріятности.

И старикъ попробовалъ-было улыбнуться, но вмѣсто улыбки на лицѣ его появилась гримаса. Губы какъ-то перекосились, и скулы судорожно задвигались.

— Какія непріятности, родной? Скажи, тебѣ легче будетъ,— произнесла Ксенія дрогнувшимъ голосомъ и, какъ бывало прежде, обвила его шею и крѣпко поцѣловала отца въ щеку.

Старикъ былъ тронутъ этой лаской, и съ губъ его готово уже было вырваться признаніе, но что-то его удержало, и онъ проговорилъ, поднимаясь съ мѣста:

— Ничего особеннаго. Съ завода непріятныя извѣстія. Ну, я, по обыкновенію, слишкомъ близко принялъ къ сердцу... Старъ становлюсь... Однако прощай, Сюша... Кланяйся мужу...

Трифоновъ хотѣлъ уходить.

— Папочка, куда-жъ ты? Голубчикъ, не уходи... Я вижу, что тебя что-то мучитъ... Я давно это вижу... Не однѣ вѣсти съ завода... Ужели ты не хочешь подѣлиться съ своей Сюшей заботами... Скажи же мнѣ, что̀ случилось?

Старикъ грустно взглянулъ на свою любимицу и, казалось, все еще колебался. А между тѣмъ вѣдь онъ ѣхалъ къ дочери именно затѣмъ, чтобы ей все разсказать.

— Садись, папочка... Вѣдь я вижу по твоему лицу, что есть что-то очень серьезное... Не правда ли?—чуть слышно прибавила Ксенія.

— Правда!—глухо и словно бы съ усиліемъ промолвилъ онъ и опустился въ кресло.

Прошло нѣсколько секундъ въ молчаніи. Наконецъ ста-

рикъ поднялъ опущенную сѣдую голову и рѣшительно проговорилъ:

— Я наканунѣ разоренія, Сюша...

— Ты?

— Да, я... Такъ сложились дѣла... Заводъ меня доконалъ... И я пріѣхалъ къ тебѣ, чтобы просить твоей помощи... Твой милліонъ меня можетъ спасти... Еще не поздно!

V.

Хорошо знавшая самолюбивую натуру отца, Ксенія поняла, какъ тяжело было для его гордости сдѣлать подобное признаніе даже ей, его любимицѣ-дочери, и обратиться къ ней за деньгами. Она читала это и въ смущенномъ, полномъ страданія, выраженіи его лица съ подергивавшимися скулами, и въ растерянномъ взглядѣ, и въ тонѣ его упавшаго, вздрагивавшаго голоса. Ей теперь стало понятнымъ все: и то, что онъ вдругъ осунулся и постарѣлъ, и его раздражительность послѣдняго времени, и напускная веселость при гостяхъ.

«Бѣдный отецъ! Онъ страдалъ молча, ни съ кѣмъ не дѣлясь своими заботами, и колебался даже мнѣ сказать. Хотѣлъ уйти, не заикнувшись о деньгахъ, точно боялся, что я могу ихъ пожалѣть!»

И, полная безконечной любви къ отцу и въ то же время обиженная, она съ упрекомъ сказала ему:

— И ты, папа, раньше мнѣ ничего не сказалъ? Ты даже вотъ сейчасъ хотѣлъ уходить, оставивъ меня въ недоумѣніи?.. Да развѣ ты смѣлъ думать, что деньги, которыя ты мнѣ далъ, не твои? Развѣ я могла бы хоть на минуту задуматься снять послѣднее свое платье для тебя? О, папочка, папочка! Зачѣмъ ты обижаешь свою дочь!—взволнованно, со слезами на глазахъ прибавила Ксенія.

Растроганный старикъ нѣжно цѣловалъ дочь и увѣрялъ, что онъ никогда не сомнѣвался въ своей Сюшѣ... Развѣ онъ не знаетъ своей голубушки?..

— Но вѣдь ты не одна, Сюша, — прибавилъ Василій Захаровичъ.

— Ты что же?.. Ты думаешь, что Маркъ можетъ быть этимъ недоволенъ?—воскликнула Ксенія, краснѣя отъ охватившаго ее негодованія.

— Я ничего, родная, не думаю, но во всякомъ случаѣ надо его спросить.

— И спрашивать нечего. Онъ обрадуется, что эти деньги тебѣ пригодятся... Бери сейчасъ же билеты, папочка, они у меня. Маркъ, слава Богу, еще не успѣлъ осуществить своего предположенія. У него, видишь ли, была одна комбинація...

Старикъ наотрѣзъ отказался взять билеты безъ согласія Марка и любопытно спросилъ:

— А какая у Марка была комбинація?

— Положить эти деньги въ государственный банкъ вкладомъ на долгій срокъ...

— Онъ собирался это сдѣлать?—переспросилъ Трифоновъ, видимо заинтересованный.

— Да. Завтра хотѣлъ. Говорилъ, что такъ лучше.

— Гмм... лучше? Почему же именно лучше? Вы бы получали менѣе дохода.

— Онъ говорилъ, что зато меньше соблазна затратить ихъ на какое-нибудь дѣло, напримѣръ, на покупку имѣнія...

— И давно у него явилась такая блестящая мысль?

— На-дняхъ. Да ты что̀, папочка, разспрашиваешь?.. Маркъ, разумѣется, будетъ радъ, что не положилъ денегъ. Вѣдь мы не знали, что они могутъ тебѣ понадобиться... Ты скрывалъ отъ насъ, что дѣла твои плохи... Ни я ни Маркъ не догадывались объ этомъ...

Старикъ вдругъ сдѣлался серьезенъ, и мрачная тѣнь пробѣжала по его лицу. Слова дочери, казалось, далеко не убѣдили его. Напротивъ! Они только заставили его догадаться о причинахъ этой внезапной «комбинаціи», придуманной Маркомъ, и съ грустью взглянуть на Ксенію.

Нѣсколько мгновеній онъ молчалъ.

— Слушай, Сюша, что̀ я тебѣ скажу,—проговорилъ онъ наконецъ рѣшительнымъ и властнымъ тономъ, напомнившимъ Ксеніи прежняго отца:—я тебѣ очень благодаренъ за готовность мнѣ помочь, въ ней я, конечно, никогда и не сомнѣвался, но если твой мужъ выразитъ какое-нибудь сомнѣніе, то я не возьму твоихъ денегъ и постараюсь достать гдѣ-нибудь хотя бы за большіе проценты... Знай это. Маркъ дѣловой и умный человѣкъ и, разумѣется, понимаетъ, что вы рискуете, отдавая мнѣ деньги... Я, положимъ, выдамъ тебѣ вексель и буду платить проценты, но если, не дай Богъ, я разорюсь...

— Папа, замолчи!—перебила его Ксенія.—Какъ тебѣ не стыдно говорить такія вещи! Развѣ эти деньги Марка? Развѣ онъ женился на мнѣ ради богатства? Если ты не хочешь взять сейчасъ билеты, Маркъ тебѣ ихъ привезетъ самъ...

Ксенія была взволнована, а старикъ, знавшій, какъ она боготворитъ свего Марка, и не желавшій омрачить счастія своей любимицы, торопливо и нѣжно проговорилъ:

— Да ты чего кипятишься, Сюша?

— Какъ не кипятиться!? Ты предполагаешь, что Маркъ можетъ колебаться... Вѣдь это было бы... нечестно и небла-

годарно съ его стороны... Маркъ на это неспособенъ!—горячо воскликнула Ксенія, гордая и увѣренная въ благородствѣ своего Марка.

Снова Василій Захаровичъ подумалъ о будущемъ счастіи Ксеніи и, почти увѣренный, что изъ-за этихъ денегъ можетъ выйти серьезная размолвка дочери съ мужемъ, сказалъ:

— Ничего нечестнаго и неблагодарнаго не было бы. Ты, Сюша, напрасно такія слова говоришь... Ей-Богу, напрасно... И я нисколько бы не былъ въ претензіи на Марка, если бы онъ поступилъ не такъ, какъ ты разсчитываешь... Онъ можетъ не думать о себѣ, но, какъ благоразумный человѣкъ, долженъ подумать о будущности твоей и вашихъ дѣтей... То-то онъ и хотѣлъ положить деньги вкладомъ... Это доказываетъ его заботливость... и любовь къ семьѣ... Каждый, Сюша, за себя, а Богъ за всѣхъ!

И старикъ хотѣлъ-было улыбнуться, но улыбка вышла какая-то грустная.

Онъ заторопился домой, несмотря на просьбы дочери посидѣть. Онъ съ какою-то особенною ласковостью простился съ дочерью и проговорилъ:

— Смотри же, Сюша, помни, что̀ я сказалъ, и не ссорься съ Маркомъ изъ-за этихъ денегъ. Я гдѣ-нибудь достану...

— Поссориться съ Маркомъ изъ-за денегъ!? Ты, папа, совсѣмъ его не знаешь!..

«Умную «комбинацію» придумалъ этотъ Маркъ. Предусмотрительный молодой человѣкъ!»—размышлялъ, грустно усмѣхаясь, старикъ Трифоновъ въ то время, какъ рысакъ несъ этого полуразорившагося милліонера въ банкъ.

И Василій Захаровичъ, поближе приглядѣвшійся за эти четыре года къ своему зятю, припомнилъ теперь его разсужденія и взгляды и почему-то пожалѣлъ свою Сюшу.

«Она и не догадывается, какой онъ жесткій человѣкъ!»—подумалъ онъ и вслухъ проговорилъ:

— Предусмотрительная комбинація!

Хотя Ксенія и возмущалась противъ отца, осмѣлившагося усомниться въ радостной готовности Марка отдать милліонъ, и была увѣрена въ благородствѣ своего мужа, особенно въ денежныхъ дѣлахъ, тѣмъ не менѣе слова отца и эта комбинація Марка нѣсколько смутили ее, и она съ какой-то непонятною для нея тревогой ждала возвращенія Марка, взволнованная и испуганная.

Она корила себя, корила отца за то, что у нея минутами закрадывалось сомнѣніе. Господи! Какъ ей не стыдно? Развѣ

для нея неясенъ этотъ сильный и благородный характеръ? Возможны ли какія-нибудь сомнѣнія?..

А между тѣмъ ей что-то говорило, что многое въ человѣкѣ, котораго она боготворитъ, облечено въ какую-то таинственность. Въ немъ чувствуется твердый характеръ, но иногда его спокойныя и холодныя опредѣленія рѣзали ее какою-то страшною безучастностью.

Слова отца заставили ее серьезно размышлять о Маркѣ, кажется, въ первый разъ со времени ихъ супружества, и напрасно старалась она теперь увѣрить себя, что знаетъ Марка.

Нѣтъ, она его не знаетъ!

Она безгранично любитъ его, но не знаетъ!

Продолжая думать о немъ, Ксенія припомнила, какъ онъ рѣдко съ ней говоритъ и какъ онъ безстрастенъ въ своихъ сужденіяхъ. Онъ точно все классифицируетъ и самъ остается въ сторонѣ, спокойный. Во что онъ вѣритъ? Чему сочувствуетъ? Къ чему стремится?..

И Ксенія не безъ горькаго чувства должна была сознаться, что душевная жизнь Марка для нея не совсѣмъ открыта. Она знаетъ только, что онъ честолюбивъ, необыкновенно уважаетъ въ людяхъ силу и умъ... Она знаетъ, что онъ идеальный мужъ, но такъ ли онъ близокъ ей духовно, какъ и физически?..

И ей вдругъ становилось жутко при мысли о предстоявшемъ объясненіи.

«А что если отецъ правъ?»

И Ксенія гнала отъ себя эти мысли, чувствуя себя безспорно виноватой уже за то, что въ помыслахъ могла усомниться въ любимомъ человѣкѣ. Въ такія минуты чувство любящей женщины брало верхъ надъ анализомъ, и Маркъ снова являлся въ ея глазахъ въ блестящемъ ореолѣ благородства и силы. И снова она была увѣрена, что знаетъ своего Марка, и нетерпѣливо ждала его пріѣзда, чтобы скорѣй доказать отцу, какъ онъ заблуждается.

Наконецъ раздался звонокъ, *его* звонокъ. Въ гостиной послышались увѣренные, твердые шаги Марка, и Ксенія бросилась къ нему навстрѣчу радостная и веселая. При видѣ Марка всѣ сомнѣнія показались Ксеніи какимъ-то святотатствомъ, и она воскликнула:

— Мнѣ надо съ тобой поговорить, Маркъ... Сейчасъ былъ папа... Ты знаешь ли, его дѣла совсѣмъ разстроены?

— Разстроены?—переспросилъ Маркъ.

Голосъ его, по обыкновенію, былъ тихъ и спокоенъ. Это кольнуло Ксенію, и она бросила упрекъ:

— Какъ ты спокойно принимаешь такое печальное извѣстіе, Маркъ!

Маркъ взглянулъ на жену слегка удивленными глазами.

— Развѣ тебя это не трогаетъ?

— Ну, положимъ, и трогаетъ, но развѣ непремѣнно надо волноваться?.. Въ самомъ дѣлѣ дѣла его такъ плохи?—нѣсколько мягче проговорилъ Маркъ и въ душѣ обругалъ себя болваномъ, что не исполнилъ своего намѣренія относительно жениныхъ денегъ. — Что̀ тебѣ говорилъ твой отецъ? Можетъ-быть, ему нужна помощь?

— Необходима...

Ксенія жадно ждала, что онъ скажетъ объ ея деньгахъ, но Маркъ вмѣсто того проговорилъ:

— Такъ это легко устроить. Я скажу Павлищеву, и твоему отцу можно устроить ссуду на льготныхъ условіяхъ...

— Но прежде я отдамъ отцу свой милліонъ!—промолвила Ксенія и, блѣдная, смотрѣла въ упоръ на Марка.—Ты, конечно, согласенъ?—прибавила она.

VI.

Казалось, слова Ксеніи не произвели на Марка впечатлѣнія. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ его лицѣ.

А между тѣмъ злоба кипѣла въ немъ. Злоба и на свою непредусмотрительность и на эту «сентиментальную дуру», которая ставитъ на карту будущность и его и дѣтей. Благодаря этому онъ лишится богатства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и независимости, и карьера его можетъ померкнуть. А вѣдь легко было устроить женины деньги такъ, чтобы не выпустить ихъ изъ рукъ...

Въ эту минуту онъ смотрѣлъ на обожавшую его женщину, какъ на врага, и, несмотря на умѣнье владѣть собой, въ глазахъ его сверкнула злая, жесткая улыбка, когда онъ отвѣтилъ:

— При чемъ мое согласіе? Ты уже рѣшила.

— Но, Маркъ, развѣ ты не понимаешь?

— Чего не понимаю?

— Мнѣ необходимо, чтобы ты одобрилъ мое рѣшеніе. Безъ твоего согласія и папа не желаетъ брать деньги... Но, главное, для меня твое согласіе важно. Необыкновенно важно, Маркъ!—значительно и съ какою-то внушительною торжественностью говорила Ксенія, заглядывая въ лицо Марка съ выраженіемъ страха и мольбы. — Видишь ли, Маркъ... Ты прости, мнѣ показалось, будто ты недоволенъ моимъ рѣшеніемъ. Вѣдь я ошиблась? Не правда ли? Ты просто пріѣхалъ со службы

раздраженный и не вникъ хорошо въ мои слова... Говори же скорѣй, прошу тебя. Предположимъ даже, что этотъ милліонъ мы потеряемъ, но нашъ долгъ помочь папѣ, и ты, разумѣется, не пожалѣешь о деньгахъ? У насъ наконецъ останутся еще триста тысячъ, которыя папа тебѣ далъ. Мы можемъ жить скромнѣй... Къ чему намъ такое богатство?.. Отвѣчай же, Маркъ!

О, съ какою тревогою нетерпѣнія она ждала теперь отвѣта. Ей было жутко, словно человѣку надъ пропастью, и она почему-то думала, что съ этимъ отвѣтомъ связана вся ея дальнѣйшая судьба.

Что-жъ онъ молчитъ!? Скорѣй, скорѣй скажи онъ два-три жданныхъ слова, и она бросится къ нему на шею, моля о прощеніи... Ужели онъ ихъ не скажетъ? Ужели Маркъ не тотъ, какимъ она его считаетъ?

Ксенія хотѣла прочесть отвѣтъ въ его лицѣ. Но сердце ея упало, и какое-то совсѣмъ новое чувство—чувство недовѣрія, страха и разочарованія въ любимомъ человѣкѣ—закрадывалось невольно въ ея душу, — до того холодно и жестко-спокойно было это свѣжее, румяное и красивое лицо.

Въ эти краткія мгновенія Ксенія вдругъ вспомнила его мнѣнія и взгляды, полные безпощаднаго скептицизма, его рѣчи, холодныя и безстрастныя, его честолюбіе и неразборчивость средствъ, вспомнила наконецъ отношеніе къ ней... Одна физическая близость и никакого духовнаго общенія!.. Она почти его не видитъ, и всегда одна...

Прежнія чары словно бы исчезали. Съ глазъ влюбленной женщины спадала пелена. Она начала прозрѣвать, и мысль о томъ, что Маркъ никогда ее не любилъ и женился на ней ради богатства, воспользовавшись ея страстью къ нему, словно молнія, озарила ея голову и жестоко оскорбила въ ней гордость женщины... Ужели она ничего этого не понимала?.. Ужели страсть такъ ослѣпила ее?..

И въ глазахъ Ксеніи блеснулъ злой огонекъ, и въ голосѣ ея зазвучала раздражительная властная нотка, когда она воскликнула:

— Что-жъ ты молчишь? Отвѣчай: одобряешь ли ты мое рѣшеніе помочь отцу?

— Разумѣется, не одобряю!—твердо проговорилъ Маркъ и слегка поблѣднѣлъ.

Еще секунду тому назадъ Ксенія предчувствовала этотъ отвѣтъ. И все-таки онъ поразилъ ее, какъ нѣчто чудовищное. Она, казалось, не вѣрила своимъ ушамъ и, изумленная, съ широко открытыми глазами, смотрѣла на мужа.

А Маркъ между тѣмъ продолжалъ:

— Присядемъ-ка лучше, Ксенія, и поговоримъ спокойно...

Съ этими словами онъ опустился въ кресло. Сѣла и Ксенія, подавленная, ждавшая чего-то тяжелаго и ужаснаго.

— И, главное, не будемъ раздражаться, — продолжалъ Маркъ, бросая взглядъ на Ксенію: — раздраженіе только мѣшаетъ зрѣло обсудить... Я вижу: ты удивлена, но когда выслушаешь меня...

— Я слушаю,—перебила Ксенія.

— Видишь ли, Ксенія, я понимаю твой порывъ спасти отца. Это—совершенно естественный порывъ и съ извѣстной точки зрѣнія вполнѣ великодушный и благородный...

— Съ извѣстной точки зрѣнія? А развѣ есть другая точка зрѣнія?..

— Конечно, есть, ты это сейчасъ поймешь... Въ данномъ случаѣ возникаетъ вопросъ: можно ли милліономъ, который ты дашь отцу, поправить его дѣла?.. Я имѣю нѣкоторое понятіе о дѣлахъ Василія Захаровича и рѣшительно говорю, что твои деньги его не спасутъ... Онъ все-таки будетъ разоренъ, и слѣдовательно помощи ты ему, дѣйствительной помощи, никакой не окажешь, а развѣ только дашь ему маленькую отсрочку. Вмѣсто того, чтобы объявить себя несостоятельнымъ теперь, онъ сдѣлается имъ черезъ шесть мѣсяцевъ или черезъ годъ...

— Ты, значитъ, зналъ, что дѣла папы плохи?..

— Зналъ.

— И потому недавно предлагалъ положить деньги вкладомъ въ банкъ?—спрашивала Ксенія, повидимому, спокойно.

— Да, я хотѣлъ спасти твои деньги. И, признаюсь, очень жалѣю, что опоздалъ... Но я все-таки не теряю надежды убѣдить тебя—не отдавать денегъ. Повторяю: отца ты не спасешь, а дѣтей лишишь состоянія... Деньги твои уйдутъ неизвѣстно куда, вмѣсто того, чтобы быть въ рукахъ у людей, которые умѣютъ ими пользоваться... Богатство—сила и большая сила. За что же добровольно лишаться ея?.. Оно нужно и для дѣтей и для насъ... Оно понадобится и для твоего отца, если онъ разорится... На что онъ потомъ будетъ жить?.. Ты видишь, я о немъ же забочусь, Ксенія,—подумай объ этомъ спокойно и позволь мнѣ съѣздить къ отцу и переговорить съ нимъ... Онъ навѣрное пойметъ меня... И наконецъ можно устроить ему ссуду изъ казны, это будетъ гораздо лучше... Быть-можетъ, ему дадутъ милліона два и окажутъ дѣйствительную помощь, и такимъ образомъ мы не лишимся состоянія изъ-за ложно понятаго чувства любви... Ты согласна, Ксенія,

чтобы я переговорилъ съ отцомъ?—прибавилъ Маркъ мягкимъ и нѣжнымъ тономъ.

Ксенія не поднимала опущенной головы, и Маркъ уже думалъ, что его доводы подѣйствовали. Вѣдь она такъ его любитъ, своего Марка, и не захочетъ идти противъ его желанія.

Но когда, черезъ нѣсколько секундъ, Ксенія подняла голову, и Маркъ увидалъ лицо жены, онъ понялъ, что между ними теперь все кончено.

Передъ нимъ была не прежняя влюбленная, покорная его волѣ женщина, а совсѣмъ другая—словно чужая.

Блѣдная, какъ сама смерть, съ надменно приподнятою головой и страдальческимъ лицомъ, она смотрѣла на Марка съ какимъ-то спокойнымъ и холоднымъ вниманіемъ, точно разглядывая нѣчто любопытное и вмѣстѣ съ тѣмъ чудовищное, и презрительная, уничтожающая улыбка стояла въ ея прищуренныхъ глазахъ и нервно подергивала ея губы.

И Маркъ не опустилъ передъ ней глазъ и вызывающе смотрѣлъ на жену, которую въ это время ненавидѣлъ за то, что она разгадала его, своего бывшаго идола, и глядитъ на него съ такимъ презрѣніемъ.

Нѣсколько секундъ прошло въ жуткомъ молчаніи.

И наконецъ Ксенія проговорила тихо, съ отчетливою медленностью:

— Папа былъ правъ, сомнѣваясь въ вашемъ согласіи... А я... я только теперь узнала, какой вы... подлецъ... Видно, купеческая порода въ васъ сказалась!

Несмотря на самообладаніе Марка, его всего передернуло отъ этого оскорбленія, нанесеннаго женщиной, которая еще часъ тому назадъ молилась на него. Злоба душила его, та безсильная злоба, которая и сдержанныхъ людей приводитъ въ бѣшенство. Кровь отлила отъ его щекъ, и онъ поблѣднѣлъ. Ему стоило большихъ усилій, чтобъ сдержаться.

— Очень жаль,—проговорилъ онъ съ холодной усмѣшкой и глядя на Ксенію злыми глазами:—что такъ поздно узнали... И я, признаюсь, считалъ васъ умнѣе и не думалъ, что вы предусмотрительность считаете подлостью...

— Вы, вѣроятно, и женились на мнѣ, предусмотрительно разсчитывая на мое богатство, чтобъ легче сдѣлать карьеру,—проговорила Ксенія съ насмѣшливымъ спокойствіемъ.

— Не скрою, имѣлъ его въ виду, когда увидѣлъ, что вы влюбились въ меня и предпочли Павлищеву...

— И безъ моего милліона не женились бы на мнѣ?

— Догадаться, я думаю, не трудно! — съ циничной откровенностью отвѣтилъ Маркъ.

— Благодарю... Вы, по крайней мѣрѣ, откровенный... Сегодня же я уѣзжаю съ дѣтьми къ папѣ, а адвокатъ переговоритъ съ вами о разводѣ. Надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ развода?.. Вамъ заплатятъ за него!—прибавила Ксенія и вышла изъ комнаты.

Въ тотъ же день Ксенія пріѣхала съ дѣтьми къ отцу и объявила ему, что разсталась съ мужемъ.

Старикъ былъ въ отчаяніи. Онъ понялъ причину разрыва и пробовалъ-было оправдать Марка. Онъ ради любви къ женѣ и дѣтямъ не соглашался рисковать состояніемъ. Онъ правъ.

И старикъ умолялъ дочь примириться съ мужемъ. Онъ ни за что не возьметъ этихъ проклятыхъ денегъ.

— Ты ихъ возьмешь, папа. А о немъ ни слова, слышишь ли, никогда ни слова!—проговорила Ксенія съ порывистостью и со злостью въ голосѣ.

— Но вѣдь ты такъ любишь Марка, моя родная?

— Любила!—прошептала Ксенія.

— А теперь?..

— Презираю и стыжусь, что любила такого подлеца... Если-бъ ты только зналъ...

И Ксенія зарыдала.

Когда дня черезъ два извѣстный адвокатъ явился къ Марку для переговоровъ, Маркъ объявилъ, что согласенъ на разводъ и готовъ взять всю вину на себя.

— А какія вамъ угодно назначить условія? — спросилъ адвокатъ, разсчитывая, что мужъ, котораго бросила жена съ милліономъ, потребуетъ крупнаго вознагражденія.

— Никакихъ!

— То-есть какъ никакихъ?.. Вы, вѣроятно, не изволили понять меня, Маркъ Евграфовичъ, я хотѣлъ сказать...

— Просто никакихъ. Кажется, понятно?—рѣзко промолвилъ Маркъ и насмѣшливо посмотрѣлъ на удивленнаго адвоката.

Еще болѣе удивился адвокатъ, когда Маркъ вручилъ ему сохранныя расписки на 300.000 и просилъ ихъ передать Трифонову.

— Потрудитесь выдать въ полученіи этихъ денегъ расписку!—проговорилъ Маркъ и, когда расписка была выдана, распростился съ адвокатомъ, прибавивъ, что онъ всегда къ его услугамъ, съ девяти до одиннадцати, по дѣлу развода.

Черезъ недѣлю вся обстановка богатой квартиры Марка, экипажи и лошади были отосланы въ домъ Трифоновыхъ, и самъ Маркъ перебрался въ маленькую, очень скромную квартиру, взявъ съ собой лишь свою громадную библіотеку.

VII.

У Аркадія Николаевича Иволгина тревожно забилось-таки сердце, когда, дней черезъ пять послѣ свиданія съ Павлищевымъ, рано утромъ курьеръ доставилъ ему коротенькую офиціальную записку, въ которой было сказано, что «его превосходительство Степанъ Ильичъ Павлищевъ покорнѣйше проситъ его превосходительство Аркадія Николаевича Иволгина пожаловать къ нему въ министерство сегодня, пятаго декабря, въ 12 часовъ утра».

До сихъ поръ Иволгинъ не могъ ни отъ кого узнать, въ какомъ направленіи былъ составленъ докладъ по ходатайству банка о ссудѣ. Чиновники рѣшительно ничего не знали и не могли даже указать на писаря, переписывавшаго докладъ, такъ какъ онъ переписывался на дому у осторожнаго Марка. Павлищева эти дни никакъ не удавалось повидать, хотя Иволгинъ и заѣзжалъ въ министерство по нѣскольку разъ въ день. Его превосходительство былъ такъ занятъ, что положительно разрывался и никого изъ частныхъ лицъ не принималъ, исключая какъ въ пріемный день. Нѣсколько спѣшныхъ комиссій, въ которыхъ онъ предсѣдательствовалъ, разныя спѣшныя дѣла заставляли Степана Ильича, такъ сказать, всего себя приносить на алтарь отечества, тѣмъ болѣе, что ходили слухи, будто министръ усталъ и хочетъ отдохнуть и возложилъ всю обузу на своего любимца, какъ бы приготовляя себѣ преемника. Маркъ, который бы могъ дать самыя точныя свѣдѣнія, какъ нарочно, не приходилъ въ министерство, и почему онъ не приходитъ, никто не могъ сообщить.

Обуреваемый понятнымъ нетерпѣніемъ, Аркадій Николаевичъ рѣшился поѣхать къ Борщову на квартиру и былъ немало изумленъ, когда, остановившись у подъѣзда роскошнаго особняка, увидалъ носильщиковъ, выносившихъ мебель и другія вещи и нагружавшихъ фуры.

— Борщовы съѣзжаютъ?—спросилъ онъ швейцара, подбѣжавшаго къ дверцѣ кареты.

— Точно такъ, ваше превосходительство! Уже съѣхали!—отвѣтилъ швейцаръ.

— Куда?—удивился Иволгинъ.

— Барыня съ дѣтьми изволили переѣхать къ родителямъ, а баринъ... Исторія вышла-съ...

Швейцаръ не окончилъ и замялся.

Аркадій Николаевичъ, охотникъ до «всякихъ исторій» и умѣвшій ихъ узнавать, догадался сунуть швейцару бумажку и спросилъ:

— Какая исторія? Разскажи-ка!..

Швейцаръ объяснилъ, что господа разссорились и разъѣхались.

— Разводиться, слышно, будутъ, ваше превосходительство.

— А не знаешь, изъ-за чего вышла исторія, братецъ?

— Не могу знать. Горничная сказывала, изъ-за денегъ быдто...

Узнавши новый адресъ Борщова, Иволгинъ отправился къ нему и былъ окончательно изумленъ, когда дворникъ указалъ ему на подъѣздъ во дворѣ и сказалъ, что г. Борщовъ живетъ въ четвертомъ этажѣ, двадцать четвертый нумеръ.

«Однако же большимъ дуракомъ оказался этотъ Борщовъ, а говорили, что умный человѣкъ! Расходится съ женой-милліонершей и забирается въ четвертый этажъ! Неужели онъ не сумѣлъ обезпечить себя?»—размышлялъ Аркадій Николаевичъ, поднимаясь по лѣстницѣ.

— Можно видѣть Марка Евграфыча?—спросилъ онъ у отворившаго ему двери пожилого лакея довольно мрачнаго вида.

— Маркъ Евграфычъ не принимаютъ.

— Мнѣ, братецъ, на одну минутку... По самому важному дѣлу. Пожалуйста, доложите и передайте карточку, а вотъ эту бумажку возьмите себѣ!—прибавилъ Иволгинъ, протягивая трехрублевую бумажку.

Къ удивленію Иволгина, давно уже не понимавшаго, какъ можно отказываться отъ денегъ, когда ихъ даютъ, мрачный лакей бумажки не взялъ и сказалъ:

— Я и такъ доложу, но только врядъ ли примутъ.

И дѣйствительно, черезъ минуту лакей вернулся и объяснилъ, что баринъ извиняется, но принять не можетъ, такъ какъ занятъ.

«Скотина-чинодралъ!»—чуть-было вслухъ не проговорилъ оскорбленный и взбѣшенный Иволгинъ и ушелъ, сильно упавши духомъ.

«Вѣрно, этотъ выскочка хочетъ отличиться и написалъ докладъ не въ нашу пользу!»—думалъ онъ, спускаясь по лѣстницѣ.

На слѣдующій день, ровно въ двѣнадцать часовъ, маленькая карета Иволгина остановилась у министерства. Онъ поднялся въ пріемную и просилъ представительнаго старика-курьера Сидоренко доложить о себѣ Павлищеву, но оказалось, что его превосходительство еще не возвратился съ доклада, и Иволгину пришлось ожидать.

Эти десять минутъ ожиданія были долгими и тяжелыми минутами для Аркадія Николаевича, во время которыхъ онъ

давалъ себѣ обѣщаніе быть впередъ осторожнѣе, если только дѣло выгоритъ, и не рисковать такъ, какъ рисковалъ до сихъ поръ, надѣясь на свой умъ и изворотливость... Онъ нервными, быстрыми шагами, словно звѣрь въ клѣткѣ, ходилъ по пріемной, и надежда смѣнялась уныніемъ, уныніе надеждой... Дадутъ или не дадутъ?.. Спасутъ ли банкъ и его вмѣстѣ съ банкомъ, или его репутація необыкновенно умнаго и даровитаго дѣльца рухнетъ, а вмѣстѣ съ репутаціей рухнетъ и положеніе?.. И въ живомъ воображеніи его уже проносилась картина торжественной обстановки суда послѣ тѣхъ долгихъ дней слѣдствія и тѣхъ газетныхъ нападокъ, которыя, разумѣется, обрушатся на него, какъ только узнаютъ о крахѣ банка... Эти газетчики рады случаю... Мерзавцы!

Но умные люди не должны допустить этого. *Они* не могутъ не дать ссуды... не могутъ... Иначе вѣдь обнаружатся на судѣ имена безнадежныхъ заемщиковъ, и какія имена?.. Умно ли будетъ допустить скандалъ? Въ интересахъ ли благоразумія показывать передъ большою публикой то, что̀ можно скрыть!?

«А я вѣдь тогда никого не пощажу... Всѣ векселя отдамъ слѣдователю!»—мысленно угрожалъ Иволгинъ, полный злобы на тѣхъ самыхъ людей, которымъ онъ самъ же широко открывалъ въ банкѣ кредитъ ради своихъ цѣлей...

— Пожалуйте къ генералу!—доложилъ Сидоренко, давно уже понявшій, какъ хорошій физіономистъ, что для Иволгина это свиданіе крайне важно, и что, слѣдовательно, отъ этого просителя можетъ перепасть хорошая получка, если свиданіе окончится благополучно.

И старикъ отъ души пожелалъ успѣха Аркадію Николаевичу, отворяя ему двери кабинета.

Радостная улыбка блеснула въ маленькихъ черныхъ глазкахъ Иволгина, и съ души его точно скатилось тяжелое бремя, какъ только онъ вошелъ въ кабинетъ и увидѣлъ веселое и привѣтливое, свѣжее и выхоленное лицо Павлищева, приподнявшагося съ кресла въ своемъ кургузомъ вестонѣ и любезно протягивавшаго руку Иволгину.

— Очень радъ, Аркадій Николаевичъ, что могу порадовать васъ пріятнымъ извѣстіемъ... Вашему банку милліонъ даютъ... Милости просимъ. Садитесь...

Иволгинъ облегченно вздохнулъ и сталъ разсыпаться въ благодарностяхъ. Онъ знаетъ, что банкъ обязанъ поддержкой исключительно Степану Ильичу, его государственному уму и мудрой прозорливости...

— Пожалуй, отчасти и мнѣ, Аркадій Николаевичъ,—смѣ-

ясь, отвѣчалъ Павлищевъ.—Я сильно настаивалъ передъ министромъ о необходимости поддержать банкъ, обѣщая ему, что впредь правленіе будетъ осторожнѣе... Отчеты ваши, знаете ли, оставляютъ многаго желать, и до министра дошли слухи объ этихъ общихъ собраніяхъ съ дутыми акціонерами. Знаю, знаю, вездѣ это практикуется, но этому пора положить предѣлъ, и мы вырабатываемъ теперь новый проектъ,—говорилъ Павлищевъ, приписывая себѣ заслугу, которой собственно не имѣлъ, такъ какъ ему вовсе и не приходилось убѣждать кого-нибудь въ этомъ дѣлѣ.

— Не отчасти, а вполнѣ вамъ, Степанъ Ильичъ.

— Не преувеличивайте моего содѣйствія въ этомъ дѣлѣ, Аркадій Николаевичъ, а оставьте кое-что на долю именъ кое-какихъ кліентовъ вашего банка и на долю Анны Аполлоновны Рогальской! — засмѣялся Павлищевъ и лукаво подмигнулъ глазомъ.—Надѣюсь, это не секретъ, сколько вы дали ей за то, что она заставила графа третьей молодости написать письмо?

— Отъ васъ нѣтъ секретовъ!—скромно отвѣчалъ Иволгинъ.—Десять тысячъ!

— Довольно еще снисходительно!

— Но эти деньги брошены совершенно напрасно, Степанъ Ильичъ, и я въ этомъ дѣлѣ только исполнилъ волю товарищей... Я былъ увѣренъ, что вы поможете... Вѣдь отъ краха банка пострадали бы серьезно интересы торговли... Разорились бы многіе купцы и...

— Все это мы имѣли въ виду, Аркадій Николаевичъ,— иронически усмѣхнувшись, перебилъ Павлищевъ. И быстрый, лукавый его взглядъ точно говорилъ:

«Къ чему ты разводишь всѣ эти глупости?»

И Иволгинъ тотчасъ же сообразилъ, что надо оставить эти «глупости», и спросилъ:

— Когда можно получить деньги?

— Завтра... Я сдѣлаю распоряженіе, чтобы поторопились, а то, того и гляди, появится какая-нибудь газетная статейка, какъ нѣсколько дней тому назадъ.

— Больше не появится!—увѣренно замѣтилъ Иволгинъ.

— Ну, и слава Богу!.. Эти газеты вѣдь такъ рады напасть на каждаго виднаго человѣка... Вотъ только не всегда имъ можно...

— И это счастье для Россіи!—воскликнулъ Иволгинъ.

— И особенно для насъ, общественныхъ дѣятелей, — засмѣялся Павлищевъ.—По крайней мѣрѣ, меньше крови портится... Ну, очень радъ, очень радъ, что все это такъ хо-

рошо устроилось!—еще разъ повторилъ Павлищевъ, когда Иволгинъ поднялся, и, пожимая ему руку, прибавилъ: — Надѣюсь, вы не скажете, что мы, чиновники, долго тянули ваше дѣло?.. Кажется, скоро его покончили, а?

— Поразительно скоро.

— То-то. Этимъ вы обязаны Борщову... Онъ быстро докладъ написалъ.

— Но Маркъ Евграфычъ, кажется, былъ противъ...

— Я его убѣдилъ, Марка Евграфыча... Онъ вѣдь умница и понимаетъ свои заблужденія...

— Я былъ у него вчера и страшно удивился... Вамъ, вѣроятно, ужъ извѣстно...

— Что̀ извѣстно?..

— Что Борщовъ разошелся съ женой?

— Какъ разошелся? Что̀ вы? — воскликнулъ пораженный Павлищевъ.—Я ничего не знаю.

И, позабывъ, что его ждетъ еще одна комиссія и нѣсколько докладовъ, онъ заставилъ Иволгина разсказать то, что̀ онъ зналъ.

— Странный человѣкъ! — промолвилъ Павлищевъ, выслушавъ разсказъ.

— Очень странный, ваше превосходительство! И, главное, расходится съ женой-милліонершей и въ четвертый этажъ...

Черезъ пять минутъ Иволгинъ, радостный и счастливый, не забывъ ни курьера ни швейцара, уѣхалъ изъ министерства.

VIII.

Когда присяжный повѣренный Иванъ Андреевичъ Уржумцевъ, видный брюнетъ лѣтъ за тридцать, элегантно одѣтый, свѣжій и слегка надушенный, вошелъ въ кабинетъ Трифонова и съ любезною и значительною улыбкой человѣка, готоваго обрадовать кліента, вынулъ изъ щегольского адвокатскаго портфельчика и вручилъ Трифонову на триста тысячъ сохранныхъ расписокъ государственнаго банка съ передаточными надписями на его имя, Василій Захаровичъ былъ не столько обрадованъ, сколько озадаченъ.

— Удивлены, Василій Захарычъ, людской добродѣтелью?— воскликнулъ, смѣясь, адвокатъ, усаживаясь въ кресло противъ старика и закуривая папироску.

— Но вѣдь эти деньги я ему отдалъ безъ всякой расписки... Онъ вправѣ былъ считать ихъ своими и дѣлать съ ними что̀ угодно!—проговорилъ изумленный старикъ.

— Совершенно вѣрно-съ, Василій Захарычъ... Вы могли записать эти деньги въ счетъ «непредвидѣнныхъ расходовъ».

У дѣловыхъ людей есть такая рубрика... Признаюсь, и я былъ удивленъ чуть ли не въ первый разъ въ моей практикѣ... Вѣдь триста тысячъ не такія деньги, съ которыми люди легко разстаются... И наконецъ онъ могъ бы ихъ удержать какъ бы въ вознагражденіе за разводъ...

— Но вы, Иванъ Андреичъ, быть-можетъ, говорили ему объ этихъ деньгахъ?

— И не думалъ, да и не могъ говорить, такъ какъ не имѣлъ о нихъ ни малѣйшаго понятія... Покончивъ въ двухъ словахъ о разводѣ,—надо сознаться, Маркъ Евграфычъ не любитъ много болтать!—онъ открылъ письменный столъ, вынулъ вотъ эти самыя бумажки и передалъ мнѣ такъ же просто, какъ даютъ человѣку папироску... И глазомъ не моргнулъ... Только попросилъ, знаете ли, выдать ему для памяти расписку... Человѣкъ, сейчасъ видно, дѣловой, даже и адвокату не вѣритъ, — улыбнулся адвокатъ. — Да, почтеннѣйшій Василій Захарычъ, я по своей профессіи привыкъ-таки наблюдать человѣческую породу и почти всегда замѣчалъ, что бо̀льшая часть представителей сей породы весьма не любитъ разставаться съ кредитными знаками... Какое-то меланхолическое раздумье, знаете ли, нападаетъ на однихъ... А другіе, напротивъ, дѣлаются злы, и на лицахъ у нихъ такое же выраженіе, какъ у собаки, которая гложетъ кость, и къ ней вдругъ подходитъ другая собака... А господинъ Борщовъ, разставаясь съ этими денежками, былъ спокоенъ, какъ человѣкъ, вовсе ими не интересующійся... Я зорко наблюдалъ за нимъ...

— Странный человѣкъ!—промолвилъ Трифоновъ.

— Любопытный субъектъ!—подтвердилъ и адвокатъ.—Такого вижу въ первый разъ...

— И онъ сейчасъ же согласился на разводъ?—спрашивалъ Трифоновъ.

— Съ первыхъ же словъ... Вину принимаетъ на себя, и когда я намекнулъ ему объ условіяхъ, предполагая, что онъ потребуетъ, такъ сказать, компенсаціи...

— Что-жъ онъ?

— Рѣзко перебилъ меня, что никакихъ условій не требуетъ... Однимъ словомъ, въ десять минутъ все было кончено... Пріятно имѣть съ такими людьми дѣло... Такъ передайте моей уважаемой кліенткѣ, что мѣсяца черезъ четыре все это дѣло будетъ покончено... Порадуйте Ксенію Васильевну... Да вотъ и она, легка на поминѣ!..

И онъ поднялся съ кресла и, почтительно кланяясь, поцѣловалъ у нея руку.

Ксенія была блѣдна и серьезна, но вовсе не имѣла вида «жертвы», переживая свое горе втайнѣ, съ мужествомъ сильнаго характера, способнаго безповоротно принимать рѣшенія и разрывать съ прошлымъ безъ колебаній.

При воспоминаніи о поруганной любви и о страшномъ разочарованіи въ человѣкѣ, въ котораго безгранично вѣрила и на котораго молилась, ей, самолюбивой и гордой натурѣ, было унизительно и стыдно за свою любовь и за свое ослѣпленіе. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, она раньше не могла понять этого человѣка?.. Ужели же въ ней разсудокъ и наблюдательность совершенно притупились подъ вліяніемъ страсти, подъ обаяніемъ грубыхъ, чувственныхъ ласкъ, которыя теперь казались ей омерзительными? Ужели и въ ней былъ этотъ «звѣрь», совсѣмъ отуманившій ее?.. И Ксенія плакала отъ оскорбленія и злого чувства. Ей казалось, что она презираетъ его за то, что онъ негодяй, а между тѣмъ въ ней главнымъ образомъ страдала гордость женщины, которой прямо сказали, что женились на ней единственно потому, что у нея милліонъ. Этого она простить не могла Марку.

И порой, въ самолюбивомъ ослѣпленіи женщины, еще недавно такъ близкой къ человѣку, который вдругъ сталъ чужимъ, она пыталась увѣрить себя, что хотя Маркъ и безсовѣстный проходимецъ и жесткій, безпринципный человѣкъ, но что онъ бросилъ ей въ лицо эти слова, которыя при каждомъ воспоминаніи заставляютъ ее вздрагивать, въ отвѣтъ на ея оскорбленіе, въ отместку за ея рѣшеніе оставить его... Неужто онъ не любилъ ея и только относился какъ грубое животное?.. Неужели онъ нисколько не уважалъ и не цѣнилъ въ ней человѣка? Онъ это смѣлъ?..

Припоминая въ спокойныя минуты его отношенія къ ней, Ксенія чувствовала, что это такъ и было, и что ничего и не могло быть другого у этого безпринципнаго скептика съ развращеннымъ умомъ... О, она начинала теперь понимать его, когда уже было поздно... Да, она прозрѣла: какой эгоизмъ и какая черствость у этого человѣка... Никогда движенія сердца... Одинъ разсудокъ, всегда разсудокъ, анализъ и упрямая воля пробившагося ничтожества и безграничнаго честолюбца.

Когда отецъ сообщилъ Ксеніи, что Маркъ возвратилъ деньги, она нисколько этому не удивилась.

«Онъ слишкомъ уменъ, чтобъ дѣлать маленькія подлости, и недаромъ считаетъ людей, рискующихъ положеніемъ изъ-за денегъ, большими глупцами. И къ чему ему эти деньги?»—подумала Ксенія.

— А на разводъ онъ согласился?—съ любопытнымъ нетерпѣніемъ въ голосѣ спросила она, обращаясь къ адвокату.

И джентльменъ присяжный повѣренный, разсчитывая обрадовать эту изящную и хорошенькую блондинку, безукоризненно одѣтую и похожую на англичанку, и похвастать въ то же время своимъ адвокатскимъ умѣньемъ обдѣлывать скоро дѣла,—проговорилъ, подвигая ей кресло:

— Въ минуту все было кончено, Ксенія Васильевна, въ одну минуту... Ни малѣйшаго колебанія... И вину беретъ на себя...

Но, вмѣсто выраженія радости, Ксенія мгновенно сдѣлалась еще болѣе серьезною... Она какъ-то сморщилась, точно отъ боли, и, пересиливая ее, торопливо проговорила:

— И отлично... Значитъ, скоро все устроится?..

— Надѣюсь, въ четыре мѣсяца...

— И никакихъ условій не предписывалъ, Сюша!—вставилъ отецъ.

— Еще бы!—усмѣхнулась Ксенія.

— А вѣдь могъ бы, Ксенія Васильевна! — проговорилъ адвокатъ.

— Какія же?

— Выговорить, напримѣръ, отступного... Безъ этого рѣдки разводы, если у одной стороны есть состояніе, Ксенія Васильевна!—засмѣялся адвокатъ.

Въ отвѣтъ на эти слова Ксенія надменно вскинула головой, точно обиженная, что возможно было предположить, чтобы человѣкъ, бывшій ея мужемъ, могъ брать за согласіе деньги... Это ужъ было бы слишкомъ мелко и позорно.

И, забывая, что сама, при разставаніи, сказала Марку, что ему за разводъ будетъ заплачено, Ксенія довольно рѣзко кинула адвокату:

— Вы, значитъ, мало наблюдательны, если рѣшились предлагать ему деньги...

— Боже сохрани, я не предлагалъ, Ксенія Васильевна... За кого вы меня принимаете? Я только слегка намекнулъ, Ксенія Васильевна!—виновато проговорилъ адвокатъ.

Онъ совсѣмъ былъ сбитъ съ толку. Обыкновенно вѣдь жены при разводахъ приписываютъ своимъ мужьямъ всевозможные пороки и гнусности, какіе только можетъ себѣ представить воображеніе разгнѣванной женщины, а эта, напротивъ, защищаетъ мужа, да и притомъ за такую, собственно говоря, обыкновенную вещь, какъ возможность вознагражденія... И извѣстіе о томъ, что мужъ такъ скоро далъ свое согласіе на разводъ, не особенно, кажется, ее обрадовало...

«Ужъ не жалѣетъ ли она о разводѣ? И изъ-за чего, собственно говоря, эти супруги разводятся?»—подумалъ адвокатъ, не посвященный, къ своему сожалѣнію, ни въ какія подробности. Ни отецъ, ни эта «корректная англичанка», какъ окрестилъ Ксенію присяжный повѣренный, ни тѣмъ болѣе «диковинный супругъ» не сообщили ему о причинахъ. Просто хотимъ развестись, и кончено.

А господинъ Уржумцевъ, въ качествѣ адвоката, да еще человѣка, любящаго, какъ онъ говорилъ, «изучать» человѣческую породу, былъ любопытенъ и крайне интересовался во всякихъ дѣлахъ интимной ихъ стороной. Своимъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ, добродушной, веселой улыбкой и всепрощающею терпимостью онъ умѣлъ такъ «заводить» своихъ кліентовъ «въ интересахъ разъясненія дѣла», что они обыкновенно выкладывали ему свои души и, случалось, разсказывали про себя такія мерзости, что коробили подчасъ и «изучающаго» адвоката, возмущая даже и его безпредѣльную терпимость.

Но въ этомъ бракоразводномъ дѣлѣ (десять тысячъ при окончаніи дѣла миромъ и двадцать—если придется судиться) онъ бродилъ въ потемкахъ, и всѣ его попытки узнать, въ чемъ тутъ «гвоздь»,—оставались тщетными. А главное, и впереди не предстояло никакой возможности получить пикантныя разъясненія. Разводъ становился до крайности простъ.

Вотъ почему господинъ Уржумцевъ какъ-то особенно внимательно посматривалъ теперь на «англичанку» и рѣшилъ, что было бы очень пріятно познакомиться съ ней поближе и «изучить» ее. И это казалось ему не особенно труднымъ въ ея положеніи. «Она, въ самомъ дѣлѣ, не дурна, чортъ возьми!»—подумалъ Уржумцевъ, имѣвшій среди адвокатовъ репутацію неотразимаго. По крайней мѣрѣ, самъ онъ часто говорилъ о своихъ побѣдахъ.

— Еще вопросъ...—проговорила Ксенія.

— Къ вашимъ услугамъ...

— Господинъ Борщовъ ничего не говорилъ о дѣтяхъ?..

— Онъ на нихъ никакой претензіи не имѣетъ...

— Можно это оформить?

— Возможно.

— А о томъ, чтобы видѣться съ ними, онъ не говорилъ?

— Ни слова...

— Благодарю васъ, — сказала Ксенія и, протянувъ руку адвокату, вышла изъ кабинета.

«Онъ никогда меня не любилъ! Не любитъ и дѣтей!»—думала она и, чувствуя острую горечь нанесеннаго ей оскорбленія, мрачная и озлобленная, заходила по своей комнатѣ.

И не съ кѣмъ было ей поговорить! Некому было излить своей глубокой обиды. Мать ничего не пойметъ. Братъ и того менѣе, а угнетеннаго дѣлами отца она не хочетъ огорчать...

Когда черезъ недѣлю изъ прежней квартиры были присланы всѣ ея вещи и она стала ихъ разбирать, ей на глаза попалась тетрадь, исписанная рукою Марка. Оказалось, что это былъ его старый дневникъ, какъ-то попавшій среди ея книгъ.

«Какая неосторожность съ его стороны»,—подумала она, брезгливо отодвигая отъ себя тетрадку, и хотѣла-было тотчасъ же отправить ее обратно, но любопытство, неудержимое любопытство оскорбленной женщины удержало ее... Она жадно схватила тоненькую тетрадку и стала глотать страницу за страницей дневникъ, который Маркъ велъ въ ту пору, когда «охотился» за Ксеніей и описывалъ эту охоту съ полною откровенностью.

Наконецъ она дошла до той страницы, гдѣ торжествующій Маркъ описывалъ свою побѣду.

И, блѣдная, съ негодующимъ лицомъ, она читала:

«Барышня физіологически на точкѣ каленія. Милліонъ несомнѣнно мой, и она сдѣлаетъ глупость—выйдетъ замужъ за мальчишку».

И еще:

«Я, конечно, не влюбленъ въ эту барышню, но она мнѣ нравится, и я буду хорошимъ мужемъ. Любовь—просто физіологическое чувство».

И дальше:

«А интересно вести эту игру и наблюдать, какъ барышня съ милліономъ сама лѣзетъ тебѣ въ ротъ—бери, только не сразу, а осторожно, чтобъ не вспугнуть и не возбудить подозрѣнія. Глупыя эти влюбленныя зрѣлыя дѣвы и совсѣмъ теряютъ голову...»

— О, какой же онъ подлецъ!—воскликнула Ксенія и, полная ненависти и злобы, отбросила далеко эту тетрадку и не выдержала—зарыдала.

IX.

Слухи о разводѣ Марка и о томъ, что онъ поступилъ такъ благородно, не воспользовавшись ни грошомъ изъ громаднаго состоянія жены, и даже возвратилъ триста тысячъ, которыхъ отъ него и не требовали, быстро распространились въ министерствѣ и возбудили множество толковъ, самыхъ разнообразныхъ. Многіе, конечно, удивлялись и многіе просто-таки не

вѣрили, чтобы такой умный и основательный человѣкъ, какъ Маркъ, поступилъ столь опрометчиво по нынѣшнимъ временамъ. Вѣрно, сорвалъ-таки кушъ, поприпряталъ и нарочно поселился въ маленькой квартиркѣ, разыгрывая изъ себя героя благородства. Но такъ или иначе, а почти всѣ злорадствовали. Еще бы! Недаромъ же онъ возбуждалъ столько зависти, этотъ откуда-то появившійся молодой человѣкъ безъ имени, безъ связей, безъ протекціи, который вдругъ выдвинулся и такъ блестяще женился!.. Теперь богатство улыбнулось... Говорили: умный, умный, а проморгалъ милліонъ. Ищи его теперь!?

Марка въ министерствѣ не любили. Особенно не любили его тѣ изъ сослуживцевъ-карьеристовъ, которые видѣли въ немъ счастливаго соперника. Въ самомъ дѣлѣ, уже слишкомъ быстро онъ выдвигался и многимъ садился на головы. Этого Марку просить не могли. Несомнѣнно, онъ способный человѣкъ, но не одинъ же онъ такой въ министерствѣ фениксъ, чтобы его такъ отличать. Всѣ мало-мальски выдающіяся работы поручаютъ ему. Министръ къ нему благоволитъ, а о Павлищевѣ и говорить нечего.

Борщовъ, отбившій отъ него невѣсту, все-таки его любимое дѣтище и правая рука. Всѣ эти проекты, на которыхъ выѣзжаетъ Павлищевъ, пишетъ онъ. Эка большая мудрость! Всякій не хуже бы написалъ!

Не любили Марка и за то, что онъ рѣшительно ни съ кѣмъ не сближался и держалъ себя особнякомъ, отъ всѣхъ далеко, и домами не былъ знакомъ ни съ однимъ изъ чиновниковъ-сослуживцевъ. Въ его отношеніяхъ было что-то холодное, жестковатое и внутренно импонирующее. Чувствовалось, что въ душѣ онъ не то подсмѣивается, не то презираетъ, и нельзя къ нему придраться. Нѣсколько подчиненныхъ ему чиновниковъ, впрочемъ, жаловаться на него не могли. Онъ съ ними былъ всегда одинаково ровенъ, никогда не распекалъ, не наваливалъ безъ толку работы и умѣлъ давать именно такую работу, на которую каждый былъ способенъ,—тѣмъ не менѣе Борщова побаивалась и расположены къ нему не были.

Разумѣется, Маркъ зналъ обо всѣхъ слухахъ, которые вызвалъ его разводъ. Онъ догадывался о нихъ по злораднымъ взглядамъ въ министерствѣ, чувствовалъ ихъ въ усиленно-любезныхъ пожатіяхъ и привѣтствіяхъ и злилъ еще болѣе всѣхъ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ—точно ничего съ нимъ особеннаго не произошло.

Такъ прошло два мѣсяца.

Маркъ все это время былъ поглощенъ серьезной работой,

лично порученной ему министромъ. Это былъ одинъ изъ проектовъ возможно скоро осчастливить Россію, которымъ министръ хотѣлъ закончить свое десятилѣтнее управленіе министерствомъ и затѣмъ опочить отъ дѣлъ, т.-е. выйти въ отставку, на этотъ разъ серьезно. Дѣйствительно, старикъ утомился и отъ работы, и отъ интригъ, и отъ этого постояннаго напряженія нервовъ въ борьбѣ за вліяніе, въ лавировкѣ между теченіями, въ погонѣ за всѣмъ тѣмъ, что щекотало его тщеславіе. А главное, здоровье его дѣйствительно замѣтно разстраивалось, и старикъ, на закатѣ лѣтъ пресыщенный властью и даже разочарованный въ ея значеніи, захотѣлъ просто «жить» и болѣе ничего. Казалось, только теперь, когда могила была близка, онъ испугался ея близости и почувствовалъ жажду жизни, сознавъ тщету и своего честолюбія и всей этой борьбы, въ которой онъ ухлопалъ себя. Но уйти просто онъ все-таки не могъ. Онъ хотѣлъ удалиться, оставивъ по себѣ, по выраженію гг. газетчиковъ, провожающихъ сочувственнымъ напутствіемъ закатывающіяся свѣтила, «историческій слѣдъ».

Въ виду многихъ въ описываемыя мною времена проектовъ, имѣвшихъ въ виду осчастливить Россію въ возможно короткое время и притомъ, разумѣется, нисколько не нарушая принципа бюрократизма, а, напротивъ, усиливая его ко благу гражданъ, я не стану знакомить читателя съ подробностями этого проекта. Замѣчу только, что онъ былъ не лишенъ грандіозности и имѣлъ въ виду оживить рѣшительно все: и земледѣліе, и торговлю, и промышленность, и мореплаваніе, и просвѣщеніе, и притомъ безъ отягченія платежныхъ единицъ новыми налогами, а единственно лишь назначеніемъ во всѣ учрежденія и всякіе посты лицъ благонамѣренныхъ, твердыхъ и честныхъ, упразднивъ всякія выборныя должности.

Маркъ долженъ былъ облечь этотъ, нѣсколько туманный проектъ, долженствующій быть прощальною пѣснью административнаго лебедя, въ литературную форму, снабдивъ его вѣскими цифрами, ссылками и цитатами изъ сочиненій и рѣчей разныхъ великихъ администраторовъ и законодателей, какъ иностранныхъ, такъ и отечественныхъ.

Работа была нелегкая даже и для такого умницы, какъ Маркъ.

Въ самомъ дѣлѣ, представлялось нѣсколько затруднительнымъ обосновать это «оживленіе» и связать несомнѣнное благоденствіе населенія съ такимъ труднымъ дѣломъ, какъ выборъ и назначеніе благонамѣренныхъ и добродѣтельныхъ

лицъ. Вся система рушилась, если въ числѣ благонамѣренныхъ попадался хоть одинъ такой администраторъ, на котораго бы пришлось жаловаться первому департаменту Сената!

Но Маркъ очень хорошо понималъ, что эта работа была для него, такъ сказать, диссертаціей на должность директора канцеляріи, и употребилъ немало усилій, чтобы создать нѣчто вразумительное и стройное. Онъ, разумѣется, хорошо зналъ, что старика только похвалятъ за лебединую пѣснь, но что проектъ нигдѣ не пройдетъ, какъ слишкомъ рѣшительный и для приложенія на практикѣ очень трудный,—но надо же было выдержать экзаменъ. Не все ли равно, что̀ писать, если за это подвинешься поближе къ такому положенію, когда можно будетъ писать не то, что̀ приказываютъ, а то, что̀ самъ хочешь?

Въ это майское теплое утро Маркъ сидѣлъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ и просматривалъ только-что оконченную записку. По временамъ по его лицу пробѣгала усмѣшка, точно онъ самъ смѣялся надъ тѣмъ, что̀ написалъ. Наконецъ онъ окончилъ и удовлетворенно прошепталъ:

— Чепуха вышла довольно стройная! Кажется, старику понравится!

Маркъ отодвинулъ объемистую записку и собирался-было отправляться въ департаментъ, какъ его мрачный лакей подалъ ему конвертъ.

— Посыльный принесъ,—доложилъ онъ.

Маркъ пробѣжалъ записку и торопливо вышелъ изъ квартиры.

Записка была отъ сестры Марьи Евграфовны, которая извѣщала, что вчера пріѣхала, и звала брата немедленно, сейчасъ—Вася очень боленъ.

О, какъ измѣнилась Марья Евграфовна! Блѣдная, осунувшаяся, со страхомъ смотрѣла она на курчаваго бѣлокураго пожилого врача, который выслушивалъ впавшую, худую грудь блѣднолицаго мальчика съ большими, вдумчивыми и серьезными глазами, какіе бываютъ у чахоточныхъ больныхъ. Она избѣгала этого взгляда и, стоя у окна въ большой комнатѣ гостиницы, слѣдила за выраженіемъ лица доктора... Это былъ извѣстный врачъ, ради котораго она пріѣхала въ Петербургъ, собравшись въ одинъ день послѣ того, какъ ея ненаглядный, ея жизнь, Вася, схватилъ воспаленіе легкаго и въ два мѣсяца захирѣлъ до того, что сталъ худъ, какъ спичка, и видомъ походилъ на мертвеца. Тамъ, въ Харьковѣ, доктора утѣшали ее, а между тѣмъ Вася все худѣлъ, да худѣлъ, лихо-

радка не прекращалась, и обезумѣвшая отъ ужаса и горя мать рѣшилась наконецъ ѣхать въ Петербургъ... Тамъ знаменитые врачи... Такъ, быть-можетъ, Васю спасутъ.

Она вчера пріѣхала и тотчасъ же написала раздирающее душу письмо къ извѣстному врачу, умоляя его пріѣхать.

Онъ ни къ кому, кромѣ бѣдняковъ, не ѣздилъ на домъ, этотъ извѣстный профессоръ, не гонявшійся за практикой, и принималъ больныхъ только у себя на дому, но этотъ умоляющій зовъ тронулъ профессора, и онъ пріѣхалъ.

Молодой женщинѣ, съ такимъ нетерпѣніемъ и съ такою надеждой ожидавшей пріѣзда доктора, теперь сдѣлалось невыразимо жутко и страшно. И она жаднѣе впивается своими скорбными глазами въ это доброе и мягкое лицо, и ее пугаетъ значительное и серьезное его выраженіе. Ахъ, какъ долго, какъ безконечно долго и какъ внимательно выслушиваетъ онъ дыханіе мальчика, приложивъ ухо къ этой бѣлой, мертвенно-бѣлой спинѣ, на которой неуклюже торчатъ заострившіяся лопатки, и къ этой бѣдной впалой груди съ выдающимися ребрами. Наконецъ онъ окончилъ, ласково и нѣжно потрепалъ мальчика по поблекшей щекѣ и проговорилъ нѣсколько веселыхъ, ободряющихъ словъ.

— Бѣды большой нѣтъ... Онъ скоро поправится.

И Марья Евграфовна вся встрепенулась... Надежда закралась въ ея измученное сердце. О, какими благодарными глазами глядитъ она теперь на профессора!

Но онъ какъ будто избѣгаетъ ея взгляда, прописываетъ рецептъ и обѣщаетъ завтра заѣхать...

— Вотъ... пожалуйста!—лепечетъ она, протягивая пакетикъ.

Но профессоръ конфузится и не беретъ денегъ... Она вѣдь, въ нѣкоторомъ родѣ, коллега... Акушерка, живетъ своимъ трудомъ...

— До свиданья...

Она идетъ за нимъ въ коридоръ и голосомъ, полнымъ трепета, едва слышнымъ голосомъ спрашиваетъ, чувствуя, какъ сжимается горло:

— Профессоръ... что̀... у него, у моего мальчика?

Профессоръ не сразу отвѣтилъ на ея вопросъ. По его взгляду, серьезному и грустному, безконечно грустному, Марья Евграфовна почувствовала отвѣтъ и теперь испугалась и пожалѣла, зачѣмъ спрашивала. Сердце ея вдругъ упало. Ноги подкашивались. Кровь совсѣмъ отлила отъ ея красиваго моложаваго лица.

— Послушайте... Къ чему отчаиваться! — порывисто и ласково сказалъ профессоръ, крѣпко сжимая ея руки. —

Конечно, положеніе серьезно, но не безнадежное... Бываютъ случаи выздоровленія и довольно часто...

— Бываютъ?.. Выздоравливаютъ?

— Конечно... Процессъ останавливается... Зарубцовка ткани...

— Зарубцовка ткани... Да, да... Я знаю такіе случаи...

И надежда опять оживила ее. Ей такъ необходимо было вѣрить. Иначе развѣ мыслимо было ухаживать вотъ два мѣсяца за этимъ дорогимъ, единственнымъ въ мірѣ близкимъ существомъ, скрывать отъ него свою гнетущую скорбь, стараться быть веселой при мальчикѣ, когда хотѣлось рыдать, и только по ночамъ, когда ребенокъ спалъ, давать волю своей безпредѣльной скорби, рыдать, уткнувшись въ подушку, и снова глядѣть при томномъ свѣтѣ лампады на мертвенное, осунувшееся лицо съ заострившимися чертами, прислушиваться, нагнувшись къ постели, къ дыханію, похожему на какое-то странное хриплое бульканіе, вырывающееся изъ груди, снова терять надежду и снова обманывать себя надеждой.

— Я, профессоръ, хочу его увезти и какъ можно скорѣй за границу... въ Швейцарію... Вы совѣтуете?..

— Что-жъ... отлично...

Профессоръ еще разъ какъ-то особенно ласково пожалъ ей руку и ушелъ, обѣщая быть завтра утромъ.

— Мама!—позвалъ мальчикъ.

— Что̀, голубчикъ?

— Мама... что̀ сказалъ этотъ добрый докторъ? Ты, смотри, всю правду скажи... не скрывай отъ меня...

И больной мальчикъ, опираясь тонкими ручонками, приподнялся на подушкѣ и пытливо заглянулъ въ лицо матери.

Она сперва храбро перенесла этотъ взглядъ широко открытыхъ глазъ, взглядъ, полный мольбы о жизни, но черезъ нѣсколько мгновеній отвернулась.

— Ты зачѣмъ отвернулась, мама? Боишься, что по твоему лицу я узна̀ю правду?—подозрительно спросилъ мальчикъ.

— Да что̀ ты, милый мой... что̀ ты, Вася... Съ ума сошелъ! Вовсе я и не думала отворачиваться!—съ напускною веселостью поспѣшила отвѣтить мать и, улыбаясь, прямо смотрѣла въ лицо сына.—Докторъ сказалъ, что ничего серьезнаго нѣтъ... Конечно, болѣзнь можетъ затянуться, я не стану этого скрывать, но опасности никакой нѣтъ...

— Но все-таки... у меня, мама, чахотка?.. — проговорилъ Вася, слышавшій въ Харьковѣ, какъ врачи говорили о чахоткѣ.

— Вотъ глупый, вотъ мнительный... Вѣдь выдумалъ же: чахотка! Никакой чахотки нѣтъ... просто простуда... Плевритъ...

И она имѣла храбрость—храбрость матери—засмѣяться, и такъ весело, что мальчикъ повѣрилъ ей.

И лицо его засіяло тѣмъ выраженіемъ эгоистическаго довольства, которымъ отличаются лица опасно-больныхъ.

— Я такъ и думалъ, что у меня не чахотка... Я умирать не хочу, мама... Вотъ уѣдемъ въ Швейцарію... я поправлюсь... Не правда ли?

Въ дверь постучали.

— Войдите.

Явился Маркъ. Марья Евграфовна бросилась къ нему на шею и, растроганная словами ребенка, нервно всхлипывала.

X.

Въ первое мгновеніе Маркъ не сообразилъ причины этихъ внезапныхъ слезъ и этой порывисто-нѣжной встрѣчи сестры. Въ ихъ отношеніяхъ никогда не было особенныхъ нѣжностей. Маркъ къ нимъ не располагалъ.

Онъ осторожно освободился отъ ея объятій и, глядя на измученную и взволнованную женщину съ тѣмъ ласковымъ, слегка высокомѣрнымъ снисхожденіемъ, съ какимъ всегда относился къ сестрѣ, спросилъ съ едва замѣтной тревогой въ голосѣ:

— Да что̀ съ тобой, Маша? Отчего ты такъ...

Марья Евграфовна не дала договорить, сдѣлавъ умоляющій жестъ.

— Очень рада видѣть тебя, Маркъ... Очень рада,—громко произнесла она, поспѣшно утирая слезы и стараясь принять спокойный видъ.—Вася тоже, вѣрно, радъ, что дядя Маркъ пришелъ. А мы, дядя, вздумали расхвораться и собираемся ѣхать въ Швейцарію. Ты намъ поможешь достать паспорты?—прибавила Марья Евграфовна искусственно небрежнымъ тономъ.

— Съ удовольствіемъ, все, что̀ нужно.

Когда Маркъ подошелъ къ дивану и увидалъ исхудалое, мертвенное лицо племянника, онъ понялъ слезы сестры и вспомнилъ своихъ дѣтей. Вспомнилъ и сильнѣе почувствовалъ то щемящее чувство осиротѣлости, какое онъ не разъ испытывалъ послѣ разлуки съ дѣтьми.

О Ксеніи Маркъ рѣдко вспоминалъ, а если и вспоминалъ, то съ холоднымъ озлобленіемъ человѣка, разгаданнаго и презираемаго женой, бывшей у его ногъ. Оказывалось, что есть

женщины, расходящіяся съ мужьями и изъ-за взглядовъ. Къ этому озлобленію по временамъ присоединялось еще и недовольство молодого и здороваго животнаго, лишеннаго удобства безъ хлопотъ, безъ потери времени и безъ игры въ «влюбленность», пользоваться ласками красивой, опрятной и нравящейся ему женщины.

О дѣтяхъ же Маркъ вспоминалъ часто. Ему хотѣлось ихъ увидать, ихъ приласкать, и онъ приказывалъ своему лакею узнавать черезъ швейцара объ ихъ здоровьѣ.

По обыкновенію своему объясняя это чувство, онъ квалифицировалъ его «эгоистическимъ чувствомъ производителя, любящаго себя въ своихъ дѣтяхъ», и разсчитывалъ, что оно со временемъ пройдетъ и безпокоить его не будетъ. Мало ли отцовъ не знаютъ своихъ дѣтей. Хотя бы Павлищевъ. Какое ему дѣло до этого умирающаго мальчика? Это дѣло матерей, а не отцовъ.

Съ какою-то необычною въ Маркѣ ласковостью, онъ нѣжно и осторожно пожалъ эту тонкую, словно восковую руку мальчика и, нагнувшись, поцѣловалъ его въ обѣ щеки. Прежде онъ не цѣловалъ племянника.

Эта ласка тронула Васю. Онъ привѣтливо улыбнулся и неожиданно спросилъ:

— Очень я похудѣлъ, дядя Маркъ?

— Ты? Похудѣлъ, но не особенно. Къ чему ты спросилъ объ этомъ?

— Чтобъ знать правду. Мама говоритъ, что я мало похудѣлъ... А ты, дядя, посмотрѣлъ бы на грудь... Всѣ ребра видны!—точно укоряя кого-то, говорилъ больной.

— Это не бѣда... Это часто бываетъ. Во время болѣзни худѣютъ, а потомъ полнѣютъ! — значительно и авторитетно проговорилъ Маркъ и подумалъ: «онъ скоро умретъ!»

Въ немъ росло чувство жалости къ мальчику, и въ то же время въ головѣ пронеслась пріятная мысль, что его дѣти здоровы.

Онъ поймалъ себя на этой мысли и улыбнулся.

«Какіе однако мы еще звѣри!» — мысленно сдѣлалъ онъ опредѣленіе.

— Вотъ и докторъ сейчасъ былъ и сказалъ, что эта худоба пройдетъ, — заговорила Марья Евграфовна, понявшая чуткимъ своимъ сердцемъ, что видъ больного мальчика произвелъ на брата сильное впечатлѣніе.

Правда, на его лицѣ ничего не видно... Маркъ умѣетъ владѣть собой, но эта его особенная нѣжность...

— Какой докторъ былъ?—освѣдомился Маркъ.

— Профессоръ Аксеновъ...

— А... Какъ это онъ къ тебѣ пріѣхалъ? Онъ ни къ кому не ѣздитъ, этотъ сѣдой ребенокъ!—прибавилъ насмѣшливо Маркъ.

— Написала письмо, и пріѣхалъ... Такой ласковый, добрый...

— И денегъ, конечно, не взялъ?

— Не взялъ... А отчего ты его назвалъ ребенкомъ, Маркъ?

— Оттого, что онъ до старости лѣтъ вѣритъ еще въ людей и ждетъ царства правды.

— А ты?.. Развѣ такъ и не вѣришь?..

— Мало... Ну, да не объ этомъ теперь рѣчь... Когда ты хочешь ѣхать за границу?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Такъ я тебѣ заграничные паспорты завтра же доставлю. Давай свой видъ на жительство..

Марья Евграфовна подала ему свой видъ. Маркъ пробѣжалъ его глазами и, словно бы въ раздумьѣ, замѣтилъ:

— Тебѣ тридцать четыре года?

— Да. А что?

— Ничего особеннаго... Я только подумалъ, что годы тебя не умудряютъ... Ты все такая же, какъ и была...

— Какая?..

— Вся—жертва. Вѣчно жила для другихъ и будешь жить для другихъ..

— И ты, надѣюсь, не для одного себя живешь?

— Не надѣйся, Маша. Исключительно для собственной своей персоны. Такъ спокойнѣй.

— Полно, Маркъ, не лги на себя. Что это за манеры нынче у молодыхъ людей казаться непремѣнно хуже, чѣмъ они есть.

— Это не манера, Маша... Это просто откровенность...

— И ты вотъ тоже... Точно я не знаю тебя...

— Совсѣмъ не знаешь!—промолвилъ Маркъ.

— А развѣ ты не живешь для своей жены, для своихъ дѣтей?.. Развѣ не работаешь для полезнаго дѣла?.. Прости, Маркъ... Я и не спросила: какъ поживаетъ Ксенія Васильевна? Что твои дѣти? Какъ бы мнѣ хотѣлось ихъ повидать. Я заочно такъ полюбила твою жену. Она такая милая, умная хорошая...

— Отчего-жъ непремѣнно: милая, умная, хорошая!—усмѣхнулся Маркъ.—Вѣдь ты ее никогда не видѣла?

— Я знаю ее по письмамъ... Только хорошіе люди могутъ писать такія письма...

— Ну, будь по-твоему... Но дѣло только въ томъ, что я ужъ два мѣсяца какъ разошелся въ женой и не вижу дѣтей...

— Разошелся? Не видишь дѣтей? А я ничего не знала!

Да мнѣ не до того было... я никому не писала... Бѣдный Маркъ!—прибавила Марья Евграфовна, съ сочувствіемъ взглядывая на брата.

Маркъ ждалъ, что она, частью изъ сочувствія, а частью изъ любопытства, станетъ разспрашивать о причинахъ, но она деликатно молчала, изумленная и искренно опечаленная.

«И своего-то горя у нея много, а она и за меня сокрушается, эта наивно-добрая душа. Впрочемъ, это ея призваніе!»—подумалъ Маркъ.

— А мы не мѣшаемъ ли тебѣ, Вася, своимъ разговоромъ?

— Нѣтъ, дядя... Да вы идите съ мамой и говорите, а я посплю!—проговорилъ Вася и ласково улыбнулся.

Сестра и братъ сѣли на диванъ и оба молчали. Маркъ почему-то не хотѣлъ разсказывать этой «наивной душѣ», единственной, кажется, на свѣтѣ, которую онъ любилъ, о причинахъ развода. Она ужаснется, если узнаетъ всю правду, какъ онъ женился, изъ-за чего его бросила жена,—однимъ словомъ, если узнаетъ его самого, такого, какъ онъ есть. Ужаснется потому, что не пойметъ ни его отчаяннаго скептицизма, ни его полнаго презрѣнія и къ людямъ и къ самому себѣ, ни его безпощадной философіи о томъ, что все возможно для сильнаго человѣка, и что нравственность—вещь условная, которая нисколько его не трогаетъ. Развѣ можетъ понять она, эта глупенькая, славная Маша, всю прелесть этой свободы отъ людскихъ предразсудковъ и этого полнаго умственнаго эпикурейства, признающаго единственнымъ стимуломъ жизни свое «я», безконтрольное, всевластное «я». Наслаждайся, кто какъ хочетъ и чѣмъ хочетъ, и не бойся никакой нравственной отвѣтственности. Это ли не единственно-возможное счастье на землѣ для человѣка, сколько-нибудь сильнаго и умнаго, понявшаго, что всѣ когда-то торжествовавшіе идеалы давно сданы въ архивъ и никому не нужны!

«Зачѣмъ же смущать это бѣдное созданіе?» — подумалъ Маркъ и проговорилъ:

— Да, Маша, разошлись, и я живу одинъ въ маленькой квартирѣ... Ты понимаешь, я ни гроша не взялъ изъ ея состоянія!

— Еще бы! Но какъ же дѣти? Неужели ты ихъ не видишь?

— Не вижу пока... Послѣ, со временемъ, можно устроить свиданіе...

— Разводъ настоящій?

— Настоящій.

— А примиреніе развѣ невозможно?

— Невозможно.

— И ты ее считаешь виноватой въ этомъ разрывѣ?

— Нисколько.

— Значитъ, ты виноватъ?

— Никто не виноватъ, Маша. Такъ сложились обстоятельства... А главное...

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что я никогда ея не любилъ...

— И женился?

— И женился.

— Тогда, конечно, жить нельзя,—проронила Марья Евграфовна.

«А вѣдь жили отлично!»—подумалъ Маркъ и сказалъ:

— Оказывается, что такъ... Ну, да что объ этомъ говорить, Маша. Поговоримъ о тебѣ. Нужны деньги? Не стѣсняйся. Я получаю хорошее содержаніе, а привычки мои, знаешь, скромныя...

— Мнѣ не нужно денегъ... У меня цѣлы деньги, которыя ты далъ, и наконецъ тѣ полтораста рублей, что ты даешь ежемѣсячно...

— Капитала не тронь. Пригодится... А я тебѣ завтра же привезу двѣ тысячи. Это будетъ довольно... Не благодари, прошу тебя... Ну, до свиданія, не падай духомъ... Вася не такъ плохъ... Поправится...

— Постой, Маркъ, не уходи... Я хочу у тебя спросить совѣта...

— Спрашивай.

— Какъ ты думаешь,—проговорила, краснѣя, Марья Евграфовна, выходя въ коридоръ: — не дать ли знать Степану Ильичу о болѣзни Васи?.. Быть-можетъ, онъ захочетъ его повидать... Вѣдь онъ писалъ мнѣ изрѣдка, справлялся о немъ, предлагалъ снова денегъ... Какъ ни говори, а отецъ...

— Ты до сихъ поръ любишь Павлищева, Маша?

— Что ты, Маркъ?—совсѣмъ смущенная, отвѣчала Марья Евграфовна.—Мнѣ просто жаль его... Одинъ, какъ перстъ... И сынъ даже не съ нимъ... А онъ тогда, когда я была здѣсь, былъ такъ ласковъ съ нимъ... Я дамъ ему знать!—прибавила Марья Евграфовна рѣшительно.

— Что-жъ, зови его... Только зачѣмъ ты совѣта спрашиваешь, когда уже рѣшила позвать... Ты все та же, Маша!—промолвилъ, усмѣхнувшись, Маркъ и, крѣпко пожавъ сестрѣ руку, ушелъ.

Въ головѣ его пронеслась сцена свиданія Павлищева съ сестрой у кровати умирающаго ребенка.

«Пожалуй, его превосходительство размякнетъ, и выйдетъ трогательная картина!»—усмѣхнулся Маркъ.

Изъ гостиницы онъ прямо поѣхалъ къ профессору Аксенову и просилъ того сообщить ему о положеніи Васи.

— Безнадежное. Распадъ легкихъ... Скоротечная форма.

— И Швейцарія ему не поможетъ?

— Можетъ-быть, затянетъ смерть мѣсяца на два, на три...

«Бѣдняга Маша!»—подумалъ Маркъ, выходя отъ профессора, и отправился въ министерство, полный надеждъ, что сегодня, благодаря составленной имъ запискѣ, онъ выйдетъ отъ министра директоромъ его канцеляріи.

А тамъ?

И честолюбивыя опьяняющія мечты занесли Марка на ту высоту, гдѣ онъ, властный и сильный, пользуясь большимъ вліяніемъ, покажетъ, что можетъ сдѣлать сильный человѣкъ.

Въ то самое время, какъ Маркъ входилъ въ кабинетъ министра, Степанъ Ильичъ Павлищевъ тихо стучался въ дверь нумера Марьи Евграфовны, смущенный и нѣсколько разстроенный извѣстіемъ объ опасной болѣзни своего сына.

XI.

Степанъ Ильичъ Павлищевъ едва ли ожидалъ, когда входилъ въ номеръ, занимаемый Марьей Евграфовной, что видъ этого спящаго и прерывисто дышащаго ребенка, похожаго скорѣй на мертвеца, чѣмъ на живого, произведетъ на него невообразимо тяжелое впечатлѣніе и заставитъ мгновенно забыть и о карьерѣ, и о дѣлахъ, и вообще о всей той сутолокѣ жизни, которая его охватила со всѣхъ сторонъ и мѣшала ему когда-нибудь призадуматься и дать себѣ отчетъ: ради чего онъ хлопочетъ, и дѣйствительно ли счастливъ онъ?

Въ самомъ дѣлѣ, объ этомъ некогда было и подумать: время его все было распредѣлено, и его даже не хватало на тѣ обычныя дѣла, которыя онъ, въ качествѣ виднаго общественнаго дѣятеля и кандидата въ министры, долженъ былъ ежедневно продѣлывать. Утромъ работа дома, затѣмъ—въ министерствѣ, потомъ обѣдъ у знакомыхъ или у Донона, иногда театръ, иногда ужинъ въ отдѣльномъ кабинетѣ съ женщиной, которая казалась ему, пресыщенному виверу, пикантной, и опять дѣла дома въ комфортабельномъ кабинетѣ до поздней ночи. И такъ каждый день. Но Павлищевъ считалъ себя счастливымъ. Ему завидовали, ему льстили, онъ былъ на виду, и впереди у него была цѣль—болѣе высокое положеніе, достигнуть котораго было предметомъ его желаній. Ради всего этого онъ и работалъ, и лгалъ, и интриговалъ, писалъ записки, приказывалъ другимъ ихъ писать и былъ, разумѣется, увѣренъ, что всѣ эти записки, всѣ эти комиссіи,

въ которыхъ онъ предсѣдательствовалъ и въ которыхъ регламентировалась живая жизнь и людскія отношенія, не поддающіяся никакой регламентаціи и дѣйствующія помимо и даже вопреки всякимъ кабинетнымъ измышленіямъ,—составляютъ именно то государственное дѣло, къ которому онъ призванъ и которое въ его рукахъ должно идти лучше и плодотворнѣе, чѣмъ въ рукахъ другихъ. Недаромъ же его называютъ «человѣкомъ жизни» и многія газеты пишутъ о немъ диѳирамбы. Недаромъ же онъ «вѣчно занятъ» и его рвутъ на части. Но, какъ ни полезна его дѣятельность, онъ все-таки пока подчиненный человѣкъ и нерѣдко долженъ дѣлать то, что̀ приказываетъ его патронъ, человѣкъ, конечно, умный, но уже переутомившійся; а вотъ когда онъ самъ будетъ министромъ, о... тогда...

И Степанъ Ильичъ нерѣдко мечталъ, какъ тогда, занявъ громадную министерскую квартиру, онъ придумаетъ новый планъ, совершенно не похожій на планъ своего предмѣстника и покровителя, осчастливитъ Россію и окружитъ себя новыми людьми, назначивъ вмѣсто Ивана Ивановича—Степана Петровича и вмѣсто Петра Петровича—Николая Васильевича. Въ этихъ комбинаціяхъ фютюръ-министра видную роль игралъ, разумѣется, и Маркъ.

«Это необыкновенно умная и способная молодая каналья!»—мысленно прибавлялъ про себя почти всегда Павлищевъ, думая о Маркѣ.

И о немъ, о Степанѣ Ильичѣ, заговорятъ еще болѣе. Газеты возвѣстятъ новую «эру» и напечатаютъ его біографію, въ которой подчеркнутъ, что онъ «человѣкъ жизни» и прошелъ служебную лямку на всѣхъ ступеняхъ. «Такіе-то люди и нужны!»—прибавитъ публицистъ. Въ иллюстраціяхъ появятся портреты. Иностранные корреспонденты будутъ просить свиданій и разнесутъ славу Степана Ильича по всей Европѣ. Завистники будутъ называть его, конечно, проходимцемъ, но что̀ ему до этого? Эти же самыя «сливки высшаго общества», которыя косо и подозрительно смотрятъ на него, тогда будутъ заискивать у этого самаго «проходимца», выпрашивая мѣстъ и назначеній для своихъ обнищавшихъ сынковъ.

Сдѣлавшись министромъ, Степанъ Ильичъ расплатится съ долгами (есть-таки они у него!) и, пожалуй, женится... Министру какъ-то не идетъ быть холостымъ,—объ этомъ и «старикъ» ему не разъ намекалъ.

— Министръ, какъ и жена Цезаря, долженъ быть выше всякихъ подозрѣній. Семейныя добродѣтели служатъ въ нѣкоторомъ родѣ рекомендаціей, — говорилъ «старикъ», который

однако самъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ и репутацію прекраснаго семьянина, ѣздилъ по секрету къ одной молодой вдовѣ и, какъ кажется, сталъ испытывать переутомленіе отъ государственныхъ занятій именно вслѣдствіе того, что на склонѣ лѣтъ почувствовалъ «вторую молодость» и влюбился въ тридцатилѣтнюю хорошенькую вдовушку.

Степанъ Ильичъ, въ отвѣтъ на совѣты начальника, обѣщалъ подумать, но до сихъ поръ такъ и не собрался. Какъ-то было некогда, да и неудача съ Ксеніей не особенно располагала его торопиться. Время еще есть. Онъ далеко не старъ. Ему всего сорокъ девять лѣтъ, и глядитъ онъ молодцомъ. А званіе министра заставитъ его помолодѣть еще лѣтъ на десять, по крайней мѣрѣ.

Такія мечты отвлекали иногда Степана Ильича отъ дѣлъ, доставляя ему развлеченіе.

И вдругъ теперь, здѣсь, передъ спящимъ больнымъ ребенкомъ, онъ забылъ обо всемъ, что̀ наполняло его жизнь, и, разстроенный, полный скорби, жалости и раскаянія, чувствуетъ, что его связываетъ что-то крѣпкое съ этимъ маленькимъ, брошеннымъ имъ существомъ, и что онъ виноватъ, безмѣрно виноватъ и передъ нимъ и передъ этой истомленной, убитой женщиной...

Ему невыразимо стало жаль мальчика, и его охватилъ страхъ при мысли, что онъ умретъ.

Голосъ его дрожалъ и въ глазахъ блеснули слезы, когда онъ прошепталъ:

— Бѣдный мальчикъ!

Онъ почтительно, съ какою-то особенною ласковостью поцѣловалъ руку Марьи Евграфовны, умиленной и растроганной слезами отца, и нѣсколько времени держалъ эту руку въ своихъ рукахъ, взглядывая на Марью Евграфовну мягкимъ взоромъ.

«Какъ она еще сохранилась!»—подумалъ онъ, и его взглядъ невольно скользнулъ по красивому стану молодой женщины, заставивъ ее покраснѣть.

— Разскажите мнѣ, Марья Евграфовна, какъ все это случилось. Когда Вася заболѣлъ?.. Что̀ говорятъ доктора?

Они отошли на другой конецъ номера и усѣлись рядомъ.

Марья Евграфовна съ грустно-покорнымъ видомъ, точно виноватая въ недугѣ сына и искавшая оправданія, разсказывала, какъ она всегда берегла Васю, какой онъ былъ крѣпкій и здоровый мальчикъ, пока не заболѣлъ совершенно неожиданно... воспаленіемъ легкихъ.

— Доктора обнадеживали... такъ прошло два мѣсяца, а те-

перь... Вы видите, на что онъ похожъ, — прибавила Марья Евграфовна, и слезы тихо закапали изъ ея прелестныхъ черныхъ бархатныхъ глазъ.

Степанъ Ильичъ снова взялъ ея руку и, поцѣловавъ, оставилъ ее въ своей рукѣ, Она не отнимала. А Павлищевъ ее успокаивалъ, стараясь успокоить и самого себя. Быть-можетъ, Вася не опасенъ и поправится. Онъ сейчасъ же самъ поѣдетъ за лучшимъ докторомъ.

— Сейчасъ былъ Аксеновъ!

— И что̀ сказалъ?

— Обнадеживаетъ... Да развѣ онъ скажетъ правду, да еще матери! Мы ѣдемъ въ Швейцарію. Вы, разумѣется, ничего противъ этого не имѣете? — прибавила Марья Евграфовна, совсѣмъ примиренная съ этимъ обидѣвшимъ ее человѣкомъ, который такъ заботливо и тревожно разспрашивалъ о Васѣ.

«Онъ любитъ его!» — подумала она и подняла на Павлищева благодарный взглядъ, отуманенный слезами.

А Степанъ Ильичъ еще болѣе былъ растроганъ и еще болѣе чувствовалъ себя виноватымъ въ эту минуту.

— Что̀ же я могу имѣть противъ этого, мой другъ?.. Я очень радъ, если Вася тамъ поправится... Климатъ имѣетъ громадное значеніе... Я знаю случаи... Поѣзжайте, поѣзжайте...

И совершенно неожиданно прибавилъ:

— Марья Евграфовна!.. Простили ли вы меня?

— Давно простила. Развѣ вы не видите?.. Вѣдь вы любите Васю?

— Люблю! — проговорилъ Степанъ Ильичъ и отвернулся, чтобы скрыть навернувшіяся слезы.—И мы его спасемъ, непремѣнно спасемъ... Вы не жалѣйте денегъ... Я дамъ...

— У меня есть... И Маркъ будетъ посылать...

— И я тоже... Пригласите лучшихъ врачей... Устройте самую лучшую обстановку... Во что бы ни стало спасите мнѣ сына! — прошепталъ онъ, снова охваченный боязнью, что мальчикъ умретъ.—И я самъ пріѣду къ нему...

— Вы?.. А служба?

— Служба!?.—повторялъ Степанъ Ильичъ.—Охъ, Богъ съ ней, со службой... Я возьму отпускъ и буду около васъ...

Онъ проговорилъ эти слова и даже не удивился, что ихъ проговорилъ.

Марья Евграфовна, умиленная и благодарная, въ свою очередь тихо пожала ему руку и вспомнила о прежнемъ Павлищевѣ.

Павлищевъ не торопился уходить, ожидая, когда проснется

Вася, и все разспрашивалъ о немъ и жадно слушалъ разсказы матери о замѣчательномъ умѣ, о добротѣ и о чудномъ характерѣ мальчика. Слушалъ и рѣшительно забылъ, что его ждетъ комиссія, въ которой онъ долженъ предсѣдательствовать.

Наконецъ, когда больной проснулся, Степанъ Ильичъ бросился къ нему и такъ нѣжно сталъ его цѣловать, что мальчикъ смотрѣлъ недоумѣвающими глазами.

— Ты вѣдь узналъ добраго дядю... Степана Ильича?— спрашивала Марья Евграфовна, охваченная волненіемъ.

— Узналъ... Вы пріѣзжали къ намъ, когда мы были въ Петербургѣ...

— Ну, какъ тебѣ, лучше, Вася?.. Вѣдь лучше?—спрашивалъ Павлищевъ, стараясь скрыть свое чувство жалости подъ маской веселости.

— Нѣтъ... не лучше... Мама! Родная мама! Опять лихорадка!—вдругъ проговорилъ онъ съ тоскою въ голосѣ, и съ какимъ-то отчаяніемъ и вмѣстѣ съ мольбой глядѣлъ на мать широко раскрытыми глазами, не обращая болѣе никакого вниманія на Павлищева.

Павлищевъ не могъ болѣе выдержать. Разстроенный, едва владѣя собой, онъ поцѣловалъ руку сына и торопливо вышелъ изъ номера.

Въ это засѣданіе комиссіи Степанъ Ильичъ предсѣдательствовалъ совсѣмъ не съ обычнымъ мастерствомъ и говорилъ рѣчи не столь краснорѣчиво, какъ всегда. Нѣсколько разъ онъ даже, къ удивленію господъ членовъ, путался. И только спустя нѣкоторое время онъ овладѣлъ собой, стараясь не думать объ этомъ блѣдномъ, умирающемъ ребенкѣ, который такъ неожиданно перевернулъ все его существованіе и словно бы напомнилъ ему, что и у него можетъ быть безкорыстная привязанность, и что это чувство, вдругъ охватившее его и согрѣвшее, словно вешній лучъ солнца, можетъ заставить хоть на время забыть государственныя соображенія.

Маркъ, бывшій дѣлопроизводителемъ комиссіи и замѣтившій волненіе Павлищева, догадался о причинахъ и, взглядывая на него, свѣжаго и красиваго въ вицмундирѣ съ двумя звѣздами, подумалъ:

«Видно, и въ немъ заговорило чувство производителя. Размякъ его превосходительство. Совсѣмъ плохо работаютъ задерживающіе центры!»

И въ головѣ Марка внезапно мелькнула мысль, вызвавшая на угрюмомъ лицѣ его едва замѣтную довольную улыбку.

Тотчасъ же послѣ комиссіи Степанъ Ильичъ наскоро пообѣдалъ и, нагруженный игрушками, вернулся къ Марьѣ Евгра-

фовнѣ и просидѣлъ у нея цѣлый вечеръ. Пришелъ и Маркъ, но оставался у сестры недолго. Онъ сказалъ, что на слѣдующій день доставитъ заграничный паспортъ, и ушелъ крайне изумленный послѣ того, какъ Павлищевъ сказалъ ему, что и онъ скоро ѣдетъ за границу.

«Дуракъ! Какъ бы онъ не прозѣвалъ министерства, если старикъ въ самомъ дѣлѣ уйдетъ!»—подумалъ Маркъ, направляясь къ себѣ домой.

Онъ былъ сегодня въ озлобленномъ настроеніи. Диссертація на званіе директора канцеляріи, которую сегодня онъ представилъ министру и которую, по его требованію, прочелъ ему, не произвела того эффекта, на который онъ разсчитывалъ.

Дѣло въ томъ, что Маркъ и не догадывался, что въ послѣдніе дни «старикъ», подъ вліяніемъ нѣсколькихъ словъ, сообщенныхъ ему однимъ высокопоставленнымъ лицомъ, вдругъ измѣнилъ свои мнѣнія насчетъ средствъ быстро и скоро осчастливить Россію и собирался уйти въ отставку, не оставивъ никакого историческаго памятника, который, какъ оказывалось, могъ возбудить противъ него неудовольствіе. Вотъ почему онъ, выслушавъ внимательно записку Марка, передававшую въ изящной литературной формѣ то, что его высокопревосходительство частью набросалъ и частью устно сообщилъ Марку, хотя и похвалилъ за точность, ясность и слогъ, но особеннаго удовольствія не выразилъ и проговорилъ:

— Оставьте, я еще разъ просмотрю... Тутъ кое-что надо измѣнить и кое-что дополнить...

— Вы изволите сдѣлать указанія?

— Сдѣлаю... Пока можно повременить...

И съ этими словами, протянувъ руку Марку, простился съ нимъ благосклоннымъ кивкомъ головы, ни словомъ не заикнувшись о мѣстѣ, о которомъ уже раньше намекалъ Марку.

Теперь Маркъ начиналъ уже сомнѣваться, что старикъ уйдетъ.

«Видно, въ самомъ дѣлѣ, даже и при переутомленіи, трудно разставаться съ властью!»—усмѣхнулся Маркъ, недовольный, что диссертація его провалилась.

А вдобавокъ и Павлищевъ хочетъ уѣзжать!? Неужели онъ уѣдетъ въ такое горячее время? А если «старикъ», въ самомъ дѣлѣ, наконецъ рѣшится уйти?

Къ изумленію Марка, Павлищевъ дѣйствительно взялъ отпускъ и черезъ недѣлю послѣ отъѣзда сестры уѣхалъ за границу.

XII.

Благодаря милліону Ксеніи, дѣла Трифонова начали поправляться. Во-время уплаченные долги по векселямъ спасли

кредитъ Василія Захаровича, и крушеніе миновало. Старикъ ожилъ. Счастье опять къ нему повернулось. Два его завода—желѣзодѣлательный и машиностроительный, долгое время остававшіеся безъ работы и приносившіе огромные убытки, получили большіе заказы, а на строившійся на Уралѣ гигантскій заводъ, на который Трифоновъ истратилъ почти всѣ свои наличныя деньги, заводъ, обѣщавшій въ будущемъ неисчислимыя выгоды, находились покупатели и компаньоны. Представитель одной французской компаніи уже былъ на мѣстѣ и, вернувшись, предлагалъ весьма солидную цѣну. Василій Захаровичъ, почувствовавшій себя снова помолодѣвшимъ и окрѣпшимъ, теперь колебался: продавать ли заводъ совсѣмъ, или взять компаньона для того, чтобы окончить это грандіозное сооруженіе и пустить его въ ходъ. Ему теперь жаль было разстаться съ этимъ своимъ «дѣтищемъ», которое чуть-было не довело его до несостоятельности. Еще годъ-другой, и это предпріятіе будетъ приносить громадные барыши...

Съ другой стороны, его нѣсколько смущало то обстоятельство, что заводъ слишкомъ далекъ отъ его глазъ, и ужъ ему, старику, не такъ-то легко разъѣзжать, какъ бывало прежде. А безъ его хозяйскаго глаза дѣло могло идти скверно. И то при постройкѣ его порядочно-таки «нагрѣли»: изъ представленныхъ отчетовъ ясно было, что его обкрадываютъ. Онъ смѣнилъ главноуправляющаго и строителя, но не особенно былъ увѣренъ и въ новыхъ, назначенныхъ имъ людяхъ... И Василій Захаровичъ могъ только досадовать, сознавая свое безсиліе. Ему бы слѣдовало самому быть тамъ, на мѣстѣ, но ѣхать было нельзя въ виду запутанности дѣлъ. А раздѣлавшись съ заводомъ, онъ можетъ снова быть вполнѣ спокоенъ за будущее своей семьи. Особенно его озабочивала участь его любимицы Сюши... Вѣдь послѣ его смерти некому управлять дѣлами. Сынъ совершенно къ этому неспособенъ, да и не тянетъ его къ этому. Сюша, положимъ, и могла бы, но за что наваливать на нее подобную обузу, да еще совсѣмъ для нея новую и едва ли пріятную.

Она и теперь добровольно взялась помогать отцу и сдѣлалась его секретаремъ—одна ведетъ всю его дѣловую переписку и исполняетъ это дѣло такъ хорошо и толково, что старикъ просто въ восхищеньи. Но онъ понималъ, что она дѣлаетъ это ради любви къ отцу и чтобъ заполнить чѣмъ-нибудь свое время. Эта работа ее пока занимала и, къ удовольствію старика, еще болѣе сблизила съ нимъ дочь. Они чаще бывали вмѣстѣ.

Такія мысли занимали Василія Захаровича и въ это утро,

когда онъ сидѣлъ въ кабинетѣ, у письменнаго стола, и снова перечитывалъ проектъ купчей крѣпости, составленный адвокатомъ Уржумцевымъ. Тутъ же на столѣ лежалъ и французскій переводъ, сдѣланный Ксеніей. Сегодня въ одиннадцать часовъ долженъ былъ пріѣхать французъ-инженеръ за рѣшительнымъ отвѣтомъ, а Василій Захаровичъ все еще колебался. Инстинктъ и самолюбіе дѣльца, не знавшаго до послѣдняго времени неудачъ, заговорили въ немъ, пересиливая, казалось, всѣ его благоразумныя соображенія. Ужъ онъ забылъ, въ какомъ отчаянномъ положеніи находился всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мечталъ теперь о томъ, какъ онъ удивитъ всѣхъ своимъ гигантскимъ предпріятіемъ и возбудитъ зависть въ своихъ недоброжелателяхъ. Думали, что онъ разорится, и вмѣсто того... онъ сдѣлается несравненно богаче, чѣмъ былъ до сихъ поръ. Не самое богатство прельщало его—и послѣ продажи завода онъ останется при тѣхъ капиталахъ, при которыхъ былъ и которые составляютъ громадное состояніе, вполнѣ обезпечивающее семью, — а процессъ достиженія его и тщеславное чувство успѣха.

Въ десятомъ часу Ксенія, по обыкновенію, вошла къ отцу въ кабинетъ и, поздоровавшись, присѣла около и спросила:

— Есть, папа, дѣловыя письма, требующія отвѣта? Давай ихъ мнѣ.

— Подожди, Сюша... Посиди, побесѣдуемъ, родная!—остановилъ ее Василій Захаровичъ, любуясь своей дочерью.

Она, въ самомъ дѣлѣ, была очень мила, свѣжая, съ легкимъ румянцемъ на поразительно бѣломъ лицѣ, въ своемъ свѣтломъ шерстяномъ платьѣ, обливавшемъ ея стройную, изящную фигуру.

Ея лицо было оживленно, даже и весело. Видно было, что она уже пережила прошлое, и только нѣсколько морщинокъ на лбу да какая-то вдумчивая серьезность выраженія въ глазахъ свидѣтельствовали, что ей не совсѣмъ даромъ прошло крушеніе ея любви.

— Ты знаешь, Сюша, что сегодня пріѣдетъ французъ за отвѣтомъ?

— Еще бы не знать! Вѣдь я буду вашимъ переводчикомъ... А ты, папа, кажется, все еще колеблешься?

— То-то, Сюша...

Ксенія улыбнулась.

— Ты что же, не одобряешь моей нерѣшительности?

— Еще бы!

— Ты, значитъ, совѣтуешь продать заводъ французамъ?.. Думаешь, я съ нимъ не справлюсь и опять зарвусь?..

— Не то я думаю, папа, совсем не то, а думаю, что пора тебѣ бросить всякія дѣла и отдохнуть... Ты вотъ теперь нѣсколько поправился, а помнишь, какимъ былъ отъ всѣхъ этихъ волненій... Ради чего волноваться опять? Ради чего изводить себя заботами?.. Развѣ ты не довольно будешь богатъ? И наконецъ для кого все это богатство?.. Къ чему оно?

— Ты ошибаешься, Сюша... Не ради корысти я жалѣю заводъ... Я знаю, что, благодаря твоему милліону, наши дѣла спасены, я не банкротъ, и вы будете имѣть состояніе... Но мнѣ не хочется бросить начатаго дѣла.

— У тебя два завода остаются. Дѣло будетъ.

— Какое это дѣло? Эти заводы вполнѣ устроенные, идутъ-себѣ заведеннымъ порядкомъ... Признаться, они и мало интересуютъ уже, а этотъ новый... Устроить его, пустить, поставить на ноги... обезпечить сбытъ на новомъ рынкѣ...

— Какая въ тебѣ неутомимая натура, папочка!.. Но ты себя пожалѣй. Отдохни! Слава Богу, довольно таки пора богатѣть...

«А вѣдь Сюша правду говоритъ. Я все забываю, что мнѣ шестьдесятъ четыре года!» — подумалъ Василій Захаровичъ и сказалъ:

— Такъ, по твоему, продавать, Сюша?

— Продавать, папа.

— Пожалуй, и старые заводы тоже продать?

— И отлично.

— А самому на печку и играть съ внуками? — полушутливо, полугрустно продолжалъ Трифоновъ.

— Найдется, папа, и другая работа, коли захочешь. Съ такимъ богатствомъ мало ли добра можно сдѣлать?..

Трифоновъ задумался. Въ самомъ дѣлѣ, всю свою жизнь онъ только и дѣлалъ, что наживалъ, и никакихъ добрыхъ дѣлъ не совершалъ, да какъ-то, за дѣлами, и не думалъ объ этомъ. А вотъ Сюша деликатно напомнила и, не желая, пристыдила отца. Она вотъ нисколько не дорожитъ богатствомъ, не то что славъ. Тому нуженъ блескъ и наслажденія, а Сюша выше этого... Вѣчно читаетъ, всегда ищетъ, кому бы помочь, всегда о комъ-то хлопочетъ...

— Будь по твоему, моя разумница! Продамъ заводъ! — проговорилъ онъ.

И вмѣстѣ поѣдемъ въ деревню? Вѣдь давно мы тамъ не были.

— Что жъ, ѣдемъ!... весело отвѣчалъ отецъ и рѣшительно прибавилъ: — И старые два завода продамъ... Совсѣмъ ликвидирую дѣла. Ну ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, пора и о душѣ по-

думать, а то все больше о наживѣ думалъ... Такъ жизнь сложилась... Толкнула судьба на этотъ путь... Смекалка была и сноровка... первые успѣхи подзадорили, ну, и втянулся... А вѣдь самъ-то я, Сюша, ты знаешь, самыхъ скромныхъ привычекъ и всю жизнь такимъ былъ.

— Къ чему же, папа, вся эта роскошь у насъ... Этотъ дворецъ-домъ, эти обѣды, словомъ, весь этотъ блескъ... Неужели для мамы?..

— Нѣтъ, Сюша. И мать твоя никогда за этимъ не гналась.

— Такъ для кого же?

— Для людей. Для положенія... При дѣлахъ это нужно... Ну и, признаюсь, изъ...

Старикъ остановился...

— Изъ тщеславія, папа?—досказала Ксенія и тотчасъ же прибавила:—ты извини, что я прямо говорю...

— Говори, говори... Мнѣ никто прямо не говорилъ никогда, съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ богатъ... Ахъ, Сюша, богатство портитъ людей... и люди портятъ богатыхъ людей и дѣлаютъ ихъ недовѣрчивыми... Я все это испыталъ на себѣ... Да, ты права... Тщеславіе заставляло меня жить такъ... Ради него я и брата твоего сдѣлалъ блестящимъ трутнемъ вмѣсто того, чтобы сдѣлать его полезнымъ работникомъ... Я всегда удивлялся, какъ это ты не испортилась въ такой обстановкѣ? Сердце доброе, видно, спасло.

— И я, папа, довольно исковеркана, нечего говорить... А развѣ я довѣрчиво смотрю на людей?.. Ты скажешь: со своимъ скептицизмомъ и я сдѣлала ошибку — это мое замужество,—но тутъ виною страсть, слѣпая страсть, за которую я и поплатилась... А помнишь, какъ я собиралась выйти замужъ за Павлищева, нисколько не любя его, чтобы только быть женой министра... Развѣ это не тщеславіе?.. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, онъ будетъ министромъ, папа? — смѣясь, прибавила Ксенія.

— Говорятъ, что будетъ... Онъ уѣхалъ за границу надняхъ...

— Слышала. Уржумцевъ разсказывалъ... А знаешь причину его поѣздки?

— Отдыхать ѣдетъ.

— Совсѣмъ нѣтъ... Онъ, оказывается, лучше, чѣмъ я думала... Онъ поѣхалъ вслѣдъ за своимъ умирающимъ ребенкомъ, сыномъ Марьи Евграфовны... Ты вѣдь знаешь всю эту плачевную исторію его молодости?..

— Знаю.

— И я удивляюсь одному, какъ Марья Евграфовна простила ему. Впрочемъ, она рѣдкой доброты женщина... Совсѣмъ не похожа на брата.

Ксенія упомянула о Маркѣ совсѣмъ равнодушно.

— И я вѣдь тоже желалъ твоей свадьбы съ Павлищевымъ, Сюша. Покаюсь тебѣ.

— Не кайся, знаю...

— И вѣдь тоже изъ-за тщеславія. Жена министра... Но я тогда не зналъ, что онъ имѣетъ на шеѣ такую исторію... Бросить несчастную дѣвушку съ дѣтьми...

Старикъ съ укоромъ покачалъ сѣдою головой и продолжалъ:

— Видно, совѣсть хоть поздно, а заговорила... Да... Очень я хотѣлъ тебя видѣть женой министра, Сюша, точно это такое счастье... Знаешь ли, милая, въ то время, когда мнѣ грозило банкротство, я о многомъ передумалъ о такомъ, о чемъ не думалъ прежде... И все-таки, хоть и понялъ многое, но чуть дѣла поправились, снова забылъ все и снова хотѣлъ пуститься въ эту игру наживы и тщеславія... Право... Ты, голубка, убѣдила меня не дѣлать этого... Ты, золотое мое сердце и умная головка! — говорилъ старикъ. — Вѣдь изъ-за меня ты и жизнь свою изломала! — растроганно прибавилъ Василій Захаровичъ.

— Слава Богу, что это случилось раньше, а не позже. Конецъ вѣдь былъ бы одинъ и тотъ же... Когда-нибудь я прозрѣла бы... Какъ онъ ни скрытенъ, а снялъ бы съ меня слѣпоту... Ну, давай-ка, папа, письма... Примусь за работу и въ одиннадцать часовъ буду у тебя толмачомъ...

Послѣ ухода Ксеніи, Василій Захаровичъ снова погрузился въ думы, и на этотъ разъ колебаній не было. Онъ окончательно ликвидируетъ всѣ свои дѣла.

Въ одиннадцать часовъ явился французъ-инженеръ, и въ полчаса, при помощи Ксеніи, все дѣло было окончено. Трифоновъ продалъ огромный участокъ земли и заводъ за два милліона рублей.

Только-что ушелъ, любезно раскланявшись, французъ, какъ въ кабинетъ влетѣлъ Уржумцевъ, веселый и сіяющій, во фракѣ и съ портфельчикомъ въ рукахъ.

— А я покончилъ, Иванъ Андреевичъ! Вотъ и задатокъ триста тысячъ получилъ!—весело встрѣтилъ его Трифоновъ, показывая чекъ.

— И я покончилъ, Василій Захарычъ... Позвольте поздравить васъ, Ксенія Васильевна!—обратился онъ къ ней, цѣлуя протянутую ему руку.—Отнынѣ вы совершенно свободны и... можете, если вамъ угодно, снова вступить въ бракъ, — при-

бавилъ онъ шутливымъ тономъ. — Вотъ-съ и документикъ вашей свободы.

И Уржумцевъ вынулъ «документикъ» и вручилъ его Ксеніи.

— Благодарю васъ, но вступить въ бракъ не собираюсь, — проговорила сухо Ксенія, которой не понравился этотъ шутливый тонъ адвоката, и быстро стала пробѣгать бумагу.

Радостное выраженіе свѣтилось на ея лицѣ.

— Не правда ли, скоро мы обработали дѣло? Для васъ старался, Ксенія Васильевна.

— Будто только для меня?—насмѣшливо спросила Ксенія.

— Клянусь, для васъ... Для другой кліентки еще мѣсяцъ-другой бы прошелъ, а васъ я хотѣлъ поскорѣй порадовать... А вы вотъ въ награду за мое усердіе—смѣетесь. Это обидно, Ксенія Васильевна!—шутливо продолжалъ адвокатъ, скрывая досаду избалованнаго Донъ-Жуана, что эта «англичаночка», которую онъ хотѣлъ «изучить», не обращаетъ на него ни малѣйшаго вниманія, и что всѣ его попытки поговорить съ ней по душѣ потерпѣли рѣшительное фіаско.

— Какъ же теперь Сюша будетъ называться: Трифоновой попрежнему?—полюбопытствовалъ Василій Захаровичъ.

— Нѣтъ-съ, Василій Захарычъ, у Ксеніи Васильевны теперь двойная фамилія: Трифонова-Борщова.

— Очень жаль!—промолвила Ксенія.

— Да развѣ не все равно?..—воскликнулъ Уржумцевъ.— Пожалуй, пишите на своихъ карточкахъ: Ксенія Васильевна Трифонова... Я говорю о томъ, какая у васъ, такъ сказать, законная фамилія... Нѣтъ, безъ шутокъ, дѣло вѣдь скоро сдѣлано, и въ этомъ случаѣ надо отдать справедливость г. Борщову: онъ испилъ всю чашу бракоразводныхъ непріятностей до дна съ большимъ самоотверженіемъ.

— А развѣ приходилось испивать чашу?—спросила Ксенія,

— Еще какую! Самаго отвратительнаго напитка... Приходилось слушать увѣщаваніе... Приходилось... Ну, да что говорить... У насъ въ Россіи вѣдь разводъ сопряженъ съ большими непріятностями для стороны, признающей себя виноватой. Онъ все это продѣлалъ... Да, чуть-было и не позабылъ... Я только-что утромъ получилъ записку отъ г. Борщова съ просьбой къ вамъ, Ксенія Васильевна.

— Ко мнѣ?—произнесла съ изумленіемъ Ксенія.

— Господинъ Борщовъ проситъ вашего полволенія повидаться съ дѣтьми до ихъ отъѣзда.

Ксенія переглянулась съ отцомъ.

— Мѣсто свиданія онъ предоставляетъ вамъ, хотя и находитъ, что у него въ квартирѣ было бы удобнѣе. Что прикажете отвѣтить?

— Я, конечно, согласна. Пусть назначитъ день и часъ, и я пошлю къ нему дѣтей!—промолвила Ксенія и, простившись съ Уржумцевымъ, вышла изъ кабинета.

— Ну, а мы сведемъ пока наши счеты, Иванъ Андреичъ!—заговорилъ Трифоновъ. — Глубокая благодарность—благодарностью, а деньги—денежками. Сколько я вамъ долженъ, милѣйшій Иванъ Андреичъ?

— А вотъ вамъ счетецъ, Василій Захарычъ...

Уржумцевъ передалъ исписанный листочекъ почтовой бумаги. Но Трифоновъ его не читалъ, а только взглянулъ на итогъ и, вынувъ чековую книжку, подписалъ чекъ на десять тысячъ пятьсотъ рублей.

XIII.

Въ это воскресное утро Маркъ безъ обычнаго вниманія читалъ книгу, сидя за письменнымъ столомъ. Онъ нѣсколько разъ отводилъ отъ книги глаза и думалъ не о прочитанномъ, а совсѣмъ о другомъ, и часто взглядывалъ на часы.

Онъ ждалъ дѣтей.

Наканунѣ онъ получилъ извѣщеніе отъ Уржумцева, что дѣти пріѣдутъ къ нему съ англичанкой-бонной въ одиннадцать часовъ, и эта коротенькая, обрадовавшая его записочка настолько взволновала Марка, что онъ долго не могъ заснуть и съ удивленіемъ спрашивалъ себя: что̀ это значитъ?

По своему обыкновенію объяснять все, онъ опредѣлилъ это родительское волненіе долгою привычкой видѣть дѣтей. По всей вѣроятности, эта привычка пройдетъ или, по крайней мѣрѣ, не будетъ причиной безпокойства съ теченіемъ времени. Рѣдкія свиданія съ дѣтьми заставятъ его меньше любить ихъ. Вѣдь извѣстно, что отцы гораздо скорѣе забываютъ дѣтей, чѣмъ матери. То, что̀ для мужчины является иногда результатомъ лишняго стакана вина, для женщины—источникъ мукъ и материнскаго счастья.

Раздумывая о будущихъ отношеніяхъ своихъ къ дѣтямъ, Маркъ отлично понималъ, что отношенія его будутъ, такъ сказать, формальныя. Вліянія онъ на нихъ, конечно, имѣть не будетъ, и, воспитанныя матерью, дѣти, въ свою очередь, не будутъ питать особенно нѣжныхъ чувствъ къ отцу. Онъ охотно исполнилъ бы долгъ отца въ матеріальномъ отношеніи, но и этого не нужно. Они вполнѣ обезпечены и станутъ богаты. Однимъ словомъ, Маркъ одновременно съ женой потерялъ и дѣтей и потерялъ навсегда. Съ этимъ надо примириться.

И онъ, конечно, примирится. Разсудокъ ему увѣренно говоритъ, что это для отцовъ обычное явленіе. Любовь ихъ—

только дѣло привычки и любованія собой въ своихъ дѣтяхъ. Та неудовлетворенность, которую онъ испытываетъ по временамъ отъ разлуки съ дѣтьми, и то волненіе, выражающееся въ безсонницѣ, что̀ заставляетъ его думать о дѣтяхъ, со временемъ пройдутъ и не испортятъ ему жизни, не помѣшаютъ его занятіямъ и умственному эпикуреизму.

И что̀ за слабая тварь былъ бы сильный и умный человѣкъ, презирающій предразсудки, накопившіеся на человѣчествѣ вѣками, смѣло и безпощадно анализирующій всякое явленіе и не боящійся никакихъ выводовъ, если-бъ онъ изъ-за двухъ маленькихъ существъ, которыя со временемъ сдѣлаются, по всей вѣроятности, такими же глупыми скотами, какъ и другіе, только потому, что они его дѣти, — усложнилъ свою жизнь разными волненіями, раскаяніями.

Онъ, слава Богу, не такой.

Это вотъ только такіе бабники и тряпки, какъ Павлищевъ, свершивъ немало пакостей въ молодости, послѣ «мякнутъ» и изображаютъ изъ себя кающихся Магдалинъ!

И вѣдь шельма какая его превосходительство! Навѣрное, онъ «размякъ» и почувствовалъ внезапно нѣжныя родительскія чувства къ Васѣ, во-первыхъ, оттого, что тотъ разжалобилъ его своимъ видомъ умирающаго, а главнымъ образомъ—оттого, что сестра еще отлично сохранилась, свѣжа, молода, красива и своими добродѣтелями и цѣломудріемъ возбудила вновь желанія въ такомъ тонкомъ развратникѣ, какъ Степанъ Ильичъ. Ему надоѣли всѣ эти «дамы кабинетовъ», и онъ теперь, пожалуй, непрочь вкусить отъ брака съ сестрой... Смерть Васи будетъ отличнымъ предлогомъ... Недаромъ же Маша такъ восторженно описываетъ теперь Павлищева!—думалъ Маркъ, и среди тишины ночи въ его спальнѣ раздался тихій смѣхъ.

До Марка, разумѣется, дошли слухи о томъ, что Трифоновъ не только не разорился, но останется богатъ попрежнему, и это извѣстіе нѣсколько раздражило его, какъ человѣка, обманувшагося въ своихъ разсчетахъ.

Еслибъ онъ тогда посовѣтовалъ Ксеніи дать милліонъ, разрыва бы не произошло, она сдѣлалась бы еще болѣе преданною женой, и милліонъ все-таки остался бы. Жизнь не измѣнилась бы такъ круто.

Но кто же зналъ, что Трифоновъ вынырнетъ? Опытные люди, съ которыми Маркъ говорилъ, не сомнѣвались въ его банкротствѣ. И наконецъ, рано или поздно, а Ксенія поняла бы, что онъ не тотъ «герой», какимъ она вздумала его вообразить. Главная ошибка его въ томъ, что онъ не позна-

комилъ ее постепенно съ собой и очень разсчитывалъ на ея страсть, предполагая, что она все проститъ въ обожаемомъ мужѣ.

Да и не погорячился ли онъ тогда, собственно говоря... Не явился ли разрывъ слѣдствіемъ его откровеннаго признанія, почему онъ женился?.. Не скажи онъ тогда этого—еще могло быть примиреніе, да еще какое горячее...

По обыкновенію, Маркъ пристыдилъ себя за всѣ эти разсужденія заднимъ числомъ. Такъ или иначе, а фактъ свершился. Онъ ли виноватъ въ этомъ или не онъ—разсуждать нечего, потому что глупо разсуждать о томъ, чему нельзя помочь.

Проснулся онъ въ это утро ранѣе, чѣмъ всегда, и, по обыкновенію, тотчасъ же всталъ съ постели и сталъ одѣваться.

Пожилой худощавый слуга Артемій, жившій у Марка съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, мрачный на видъ и молчаливый, никогда не разговаривавшій со своимъ бариномъ и только лаконически отвѣчавшій на вопросы, аккуратный и исполнительный, любившій въ свободное время почитать книжку,—этотъ лакей-отшельникъ, вѣчно сидѣвшій дома и подходившій по складу своему къ такому барину, какъ Маркъ, только удивленно приподнялъ свои густыя нависшія брови, когда изъ гостиной, которую убиралъ, окончивъ уборку кабинета, услышалъ шаги Марка.

Обыкновенно неизмѣнный въ своихъ привычкахъ, Маркъ вставалъ въ восемь часовъ и въ половинѣ девятаго пилъ чай, а старая серебряная луковка Артемія показывала только четверть восьмого.

«Видно, занятія!»—подумалъ Артемій и пошелъ на кухню, чтобы поспѣшить съ самоваромъ.

Этотъ Артемій, мрачный, вслѣдствіе личныхъ несчастій—его бросила жена лѣтъ пять тому назадъ, и онъ судился и былъ оправданъ за покушеніе на ея убійство,—хоть и далеко не былъ привязанъ къ Марку и считалъ его жесткимъ человѣкомъ, у котораго, какъ онъ выражался, была «твердая линія», тѣмъ не менѣе дорожилъ спокойнымъ мѣстомъ у такого малосообщительнаго, всегда ровнаго человѣка, никогда не гнѣвавшагося и не дѣлавшаго никакихъ замѣчаній и ведшаго отшельническій образъ жизни. Правда, Артемій и не подавалъ повода къ этому, и они такимъ образомъ жили другъ съ другомъ пятый годъ, никогда почти не разговаривая.

И оба были довольны другъ другомъ.

Минутъ черезъ десять Артемій вошелъ въ кабинетъ, неслышно ступая своими тонкими ногами въ байковыхъ туфляхъ, съ подносомъ, на которомъ стоялъ стаканъ крѣпкаго чая съ лимономъ.

Маркъ, одѣтый въ сѣрую лѣтнюю пару, отлично сидѣвшую на немъ, и, несмотря на безсонную ночь, свѣжій, здоровый и румяный, какъ всегда, сидѣлъ у письменнаго стола, погруженный въ чтеніе французской книги.

Артемій молча поставилъ стаканъ около письменнаго стола и пытливо взглянулъ своими глубоко-сидящими, умными и пронзительными темными глазами на Марка, который, оказывается, не занимается по службѣ, а книжку читаетъ.

Онъ рѣшительно ничего не прочелъ на этомъ спокойномъ и красивомъ лицѣ и пошелъ-было изъ кабинета, когда Маркъ сказалъ:

— Въ одиннадцать часовъ пріѣдутъ дѣти съ бонной. Никого изъ постороннихъ не принимайте, пока дѣти не уѣдутъ.

— Слушаю-съ.

— А сейчасъ поѣзжайте на извозчикѣ къ Конради и возьмите конфетъ два фунта, въ хорошенькихъ коробкахъ. Вотъ деньги...

«Вотъ оно что̀. И его пробрало!» —подумалъ Артемій, уходя изъ кабинета.

А Маркъ, оставивъ книгу, отворилъ ящикъ въ письменномъ столѣ, досталъ оттуда двѣ большія коробки и, раскрывъ ихъ, посмотрѣлъ на изящную куклу въ платьѣ и на красиваго игрушечнаго бѣлаго пуделя. Эти игрушки были куплены еще нѣсколько дней тому назадъ.

— Понравятся, вѣрно!—проговорилъ вслухъ Маркъ.

Сегодня время для Марка тянулось долго. Особенно долги казались минуты по мѣрѣ того, какъ приближалось время свиданія. Читать уже болѣе Маркъ не могъ и то и дѣло подходилъ къ окну и прислушивался.

Что-то вдругъ вспомнивъ, Маркъ надавилъ пуговку электрическаго звонка.

Явился Артемій, прифранченный, въ новой сюртучной парѣ.

Маркъ замѣтилъ этотъ «парадъ» Артемія, оставленный со времени переѣзда изъ роскошной прежней квартиры въ эту маленькую во дворѣ, и въ душѣ остался доволенъ.

— Быть-можетъ, дѣти захотятъ чаю, такъ чтобы былъ самоваръ.

— Поставленъ.

— А молоко... Я и забылъ сказать вамъ, чтобы вы взяли молока. Вѣдь они съ молокомъ пьютъ.

— И молоко взято, и печенье.

— Сообразительный вы человѣкъ, Артемій! — проговорилъ Маркъ.

И—показалось Артемію—въ его обыкновенно безстрастномъ голосѣ, какимъ онъ отдавалъ приказанія, звучала теперь мягкая нотка.

«А ты думалъ какъ!? Тоже вѣдь родныя дѣти... Ты полагалъ, что человѣкъ ровно кобель... Шалишь, братецъ ты мой. Природа окажетъ... даромъ, что ты такой твердый человѣкъ... Небось, теперь и молоко вспомнилъ!» — философствовалъ Артемій, сидя на кровати въ своей маленькой, педантично убранной комнаткѣ и прислушиваясь къ звонку.

Артемій не зналъ причинъ развода своего барина, но догадывался, что, должно-быть, вышло что-нибудь серьезное, если барыня, такая добрая и хорошая, оставила барина, въ которомъ души не чаяла.

Ровно въ одиннадцать часовъ, какъ было условлено, раздался звонокъ. Маркъ бросился въ прихожую и, не давши дѣтямъ раздѣться и не поздоровавшись съ миловидной, лѣтъ тридцати, строгаго вида бонной, по очереди приподнималъ дѣтей и цѣловалъ то черноглазаго румянаго Маркушу, какъ двѣ капли воды похожаго на Марка, то пухленькую крошку Идочку, напоминавшую чертами и цвѣтомъ волосъ и глазъ Ксенію.

— Ну, что, узнали меня, дѣти? Узналъ, Маркуша? Узнала, Идочка?

— Я узналъ.

— И я узнала!—пролепетала едва понятно крошечная дѣвочка.

— Позвольте дѣтямъ прежде раздѣться! — проговорила по-англійски, вся краснѣя, англичанка-бонна, повидимому, нѣсколько изумленная такимъ «непорядкомъ». Дѣтей тормошатъ и цѣлуютъ, когда прежде слѣдуетъ снять съ нихъ верхнее платье.

— Въ самомъ дѣлѣ... Здравствуйте, миссъ Эмили... Я, извините, и не поздоровался съ вами! — отвѣчалъ по-англійски Маркъ, произнося слова съ замѣтнымъ русскимъ акцентомъ.— Раздѣвайтесь, дѣти.

Когда наконецъ дѣти раздѣлись, Маркъ повелъ ихъ къ себѣ въ кабинетъ.

Бонна осталась въ гостиной и, вынувъ изъ кармана книжку, стала читать, предварительно оглядѣвъ скромную обстановку пріемной.

— Ну, садитесь, будьте гости, дѣти... — смѣясь, говорилъ Маркъ, усаживая дѣтей на диванъ.

Онъ чувствовалъ себя какъ-то легко и весело, и ему все хотѣлось цѣловать дѣтей.

Ни мальчику ни дѣвочкѣ не сидѣлось. Они сползли съ дивана и начали все осматривать. Крошка Идочка требовала показывать ей каждую вещь. Повидимому, они не столько были рады видѣть отца, сколько ихъ занимала поѣздка, новая обстановка и то особенное вниманіе и ласки, которыя имъ оказывалъ отецъ.

— А отчего ты не съ нами живешь, папа? — неожиданно спросилъ маленькій Маркуша.

Ни отъ чего не смущавшійся, Маркъ при этомъ вопросѣ смутился.

— Такъ, нельзя.

— Отчего нельзя?

— Мнѣ надо часто уѣзжать изъ Петербурга!—сказалъ Маркъ первое пришедшее въ голову.

Маркуша протянулъ удовлетвореннымъ голосомъ, словно бы понимая важность этой причины:

— Нельзя!

И прибавилъ:

— Мы, значитъ, всегда съ одной мамой будемъ жить?

— Всегда...

И Маркъ поторопился достать куклу и пуделя. Эффектъ былъ поразительный. Дѣти совсѣмъ забыли отца и отдались игрушкамъ.

Маркъ глядѣлъ на нихъ и, не замѣчая самъ того, чуть-чуть «размякалъ», по его выраженію.

— Хотите, дѣти, чаю?

Дѣти захотѣли, но миссъ Эмили, понимавшая нѣсколько словъ по-русски, появилась въ дверяхъ и «позволила себѣ напомнить», что дѣти въ это время не пьютъ чая.

Маркъ, самъ прежде строго требовавшій, чтобы дѣти соблюдали разъ установленный режимъ, сказалъ англичанкѣ, весело ей улыбаясь глазами:

— Ничего, миссъ Эмили, на этотъ разъ отступимъ отъ правилъ. Надѣюсь, и вы выпьете чашку?..

Англичанка вспыхнула и отвѣчала, что она только позволила себѣ высказать свое мнѣніе, но что «какъ будетъ угодно мистеру Bortchoff».

Она всегда его такъ звала и, втайнѣ влюбленная въ него, очень удивлялась, какъ могла его жена оставить такого красиваго, умнаго и респектабельнаго мужа.

Послѣ чая дѣти полакомились конфетами и были въ восторгѣ, что это утро проводили рѣшительно противъ всякихъ правилъ и миссъ не дѣлала никакихъ замѣчаній.

Полтора часа пробѣжали совсѣмъ незамѣтно. Дѣти весело играли въ кабинетѣ, куда, по приглашенію Марка, перешла и англичанка, и Маркъ не только не чувствовалъ никакого стѣсненія отъ присутствія дѣтей, а, напротивъ, былъ веселъ и ласковъ съ ними, какъ никогда въ то время, когда жилъ вмѣстѣ.

И когда замѣтилъ, что миссъ взглянула на часы, спросилъ ее:

— На сколько времени дѣти отпущены?

— Миссисъ ничего не сказала, но она боялась, чтобъ васъ не стѣсняли дѣти.

— О, за это не безпокойтесь!

Наконецъ миссъ Эмили нашла, что пора домой, да и дѣти уже начали скучать.

Маркъ горячо простился съ ними, самъ завернулъ для нихъ конфеты и игрушки и, снова цѣлуя ихъ, просилъ опять пріѣзжать.

— Хотите?

Еще бы! Они, конечно, хотѣли. И игрушки и конфеты... Все это такъ весело.

И Маркъ, крѣпко пожимая руку миссъ Эмили, просилъ передать «ихъ матери» его покорнѣйшую просьбу прислать дѣтей еще разъ передъ отъѣздомъ въ деревню.

XIV.

Марья Евграфовна ѣхала съ остановками, чтобы не утомить своего дорогого больного, и Павлищевъ нагналъ ихъ во Франкфуртѣ.

Нечего и говорить, какъ была обрадована и тронута несчастная мать. Признаться, она не разсчитывала, что Павлищевъ броситъ дѣла и немедленно пріѣдетъ. Ей думалось, что онъ только такъ, подъ первымъ впечатлѣніемъ, обѣщалъ выѣхать вслѣдъ за ними и освѣдомился объ ея маршрутѣ, давъ ей въ Петербургѣ указанія, въ какихъ гостиницахъ останавливаться. И вотъ онъ здѣсь съ ней. Она теперь, по крайней мѣрѣ на первое время, не одна на чужбинѣ съ больнымъ ребенкомъ, плохо объясняющаяся на французскомъ языкѣ, а съ отцомъ своего Васи, любящимъ, нѣжнымъ и заботливымъ, который устроитъ ихъ и, главное, поддержитъ въ тяжелыя минуты сомнѣнія и отчаянія. Въ немъ заговорило отцовское чувство, и еще какое! Она не забыла его слезъ въ Петербургѣ при видѣ Васи, и эти слезы вернули къ нему прежнюю привязанность, которую Марья Евграфовна тщательно скрывала, чувствуя, что въ этой привязанности не одно только благодарное чувство матери.

О томъ, чтобы она сама могла сколько-нибудь интересовать Павлищева, Марья Евграфовна, разумѣется, и не думала. Что можетъ она, скромная, незначительная и немолодая женщина, представлять собою для такого избалованнаго побѣдами, блестящаго и важнаго сановника? Развѣ пришелъ бы онъ къ ней, если-бъ не сынъ? Старая любовь у мужчинъ не возвращается...

Такъ, случалось, временами размышляла она, отвлекаясь отъ упорныхъ думъ о Васѣ, и тѣмъ не менѣе инстинктъ женщины подсказывалъ ей, что Павлищевъ не совсѣмъ безразличенъ и относится къ ней съ добрымъ чувствомъ расположеннаго человѣка. Объ этомъ говорилъ и его почтительный, нѣжный, словно бы виноватый тонъ, говорили и эти ласковые взгляды, напоминавшіе прежніе, которые она случайно перехватывала на себѣ и отъ которыхъ почему-то невольно краснѣла, говорила и необыкновенная заботливость о ней, полная дружеской деликатности.

Отношеніе это она объясняла себѣ чувствомъ раскаянія и жалости къ матери — ничѣмъ болѣе, и ни на минуту не подозрѣвала, что она, красивая еще, хорошо сохранившаяся и свѣжая, казавшаяся гораздо моложе своихъ тридцати четырехъ лѣтъ, снова начинала нравиться Павлищеву, какъ женщина, полная прелести цѣломудренной чистоты и скромности.

Изъ Франкфурта они проѣхали, не останавливаясь, въ Женеву, чтобъ показать Васю извѣстному спеціалисту по груднымъ болѣзнямъ, профессору Цану, и затѣмъ поселиться гдѣ-нибудь въ горахъ, по его указанію.

Въ Женевѣ они заняли двѣ большія комнаты рядомъ въ одномъ изъ лучшихъ отелей. Степанъ Ильичъ самъ понесъ на рукахъ Васю и уложилъ его на диванъ.

— Прикажете открыть внутреннія двери? — спросилъ сопровождавшій ихъ хозяинъ отеля.

Марья Евграфовна поняла вопросъ и смутилась.

— Вы позволите, Марья Евграфовна?—спросилъ Павлищевъ.

— Если хотите...

— Я буду во всякую минуту подъ рукой... ближе къ Васѣ,— чуть слышно прошепталъ онъ и попросилъ открыть двери.

Когда вслѣдъ затѣмъ слуга принесъ книгу и попросилъ Павлищева записать фамиліи пріѣзжихъ, Степанъ Ильичъ рѣшительно написалъ: «Павлищевъ съ женой и сыномъ».

— Вы простите меня, Марья Евграфовна,—говорилъ онъ молодой женщинѣ, когда Вася уснулъ:—что я назвался вашимъ мужемъ...

— Къ чему это?—проронила, вся вспыхивая, молодая женщина.

— Такъ удобнѣе. Зачѣмъ васъ ставить въ неловкое положеніе... Здѣсь, въ Европѣ, его не прощаютъ...

— Это правда... Въ Берлинѣ я это испытала...

— Такъ, по крайней мѣрѣ, здѣсь не испытывайте...

— А вамъ развѣ удобно?.. Васъ могутъ встрѣтить русскіе и...

— Богъ съ ними... Пусть встрѣчаютъ!—перебилъ Павлищевъ.—Только вы бы на меня не сердились и удѣлили бы нѣсколько дружбы!—какъ-то значительно проговорилъ Павлищевъ, цѣлуя руку молодой женщины.

«Съ чего это онъ постоянно спрашиваетъ: сердится ли она? Точно она не сказала ему этого еще въ Петербургѣ?»—подумала Марья Евграфовна и промолвила:

— Вѣдь вы, кажется, видите, что я не сержусь... Къ чему же спрашивать?..

Павлищевъ взглянулъ благодарнымъ взглядомъ, снова крѣпко поцѣловалъ руку Марьи Евграфовны и проговорилъ:

— Ѣду сейчасъ къ Цану, а вы приготовьте Васю. Надоѣли бѣдняжкѣ эти осмотры докторовъ...

— И дорога его утомила...

— Дастъ Богъ, поправится...

— Вы думаете? Вы не утѣшаете только меня?

— Разумѣется, думаю...

— О, благодарю васъ, Степанъ Ильичъ... Подумайте только... вѣдь одна мысль потерять Васю...

И Марья Евграфовна залилась слезами.

Павлищевъ усадилъ ее на диванѣ въ своей комнатѣ и тихо пожималъ ея руку, стараясь ее успокоить... Онъ и самъ по временамъ приходилъ въ отчаяніе, что сынъ его умретъ, и самъ иногда надѣялся, что Вася будетъ жить и будетъ около него. И въ такія минуты въ голову его закрадывалась мысль о женитьбѣ на Марьѣ Евграфовнѣ.

И теперь, утѣшая ее, онъ незамѣтно любовался ея лицомъ, ея пышнымъ станомъ и загорался желаніемъ обладать этой женщиной.

Въ тотъ же день былъ профессоръ Цанъ.

Опять долгій и внимательный осмотръ несчастнаго Васи, подозрительно взглядывавшаго своими большими глазами на серьезное лицо доктора, нѣсколько ободряющихъ словъ, сказанныхъ при больномъ, и грустное заявленіе наединѣ Павлищеву, что положеніе больного очень серьезно. Распадъ легкихъ идетъ быстро, и только чудо можетъ спасти его.

— Вы, разумѣется, не скажете этого матери, но вамъ я считаю долгомъ откровенно высказать свой взглядъ,—прибавилъ докторъ.

У Павлищева брызнули слезы.

— Куда его везти, докторъ?

— Куда-нибудь въ горы.

— Но какъ же оставить больного безъ врачебной помощи?

— Поѣзжайте въ Гліонъ, надъ Монтрё. Тамъ не жарко, а въ Монтрё есть врачи.

Павлищевъ, конечно, не сказалъ Марьѣ Евграфовнѣ всей правды. Однако предупредилъ, что профессоръ находитъ положеніе Васи очень серьезнымъ.

— Умретъ?—спросила, мгновенно блѣднѣя, Марья Евграфовна.

— Съ чего вы это взяли?.. Ничего подобнаго Цанъ не говорилъ. Онъ не теряетъ надежды... Горный воздухъ...

— Что вы тамъ шепчетесь?.. Мама! Зачѣмъ ты меня оставляешь!—съ раздражительнымъ упрекомъ крикнулъ Вася.

Съ пріѣзда Степана Ильича, Вася, нераздѣльно пользовавшійся каждую минуту лаской и уходомъ матери, сталъ ревновать ее къ нему. Внезапная близость этого посторонняго человѣка, съ которымъ мать такъ внимательна и добра, вызывала въ мальчикѣ подозрительное недоумѣніе и не особенно добрыя чувства къ Степану Ильичу. Несмотря на игрушки, которыя онъ привезъ, несмотря на нѣжность, которую онъ проявлялъ, Вася точно дичился его, былъ съ нимъ сдержанъ и нерѣдко дѣлалъ видъ, что спитъ, когда Павлищевъ подходилъ къ нему.

Это очень огорчало Степана Ильича. О, какъ ему хотѣлось встрѣтить ласковый взглядъ, привѣтливую улыбку на этомъ изможденномъ личикѣ. Онъ не терялъ надежды, что мальчикъ къ нему привыкнетъ, и когда разъ въ вагонѣ Вася улыбнулся ему—онъ былъ несказанно счастливъ.

Все это замѣтила и Марья Евграфовна и не знала, какъ ей быть, что сдѣлать, чтобы расположить сына къ Степану Ильичу. Она часто говорила Васѣ, что папа его умеръ, и какъ теперь сказать ему, что папа—тотъ самый человѣкъ, котораго онъ не любитъ?

Этотъ раздражительный окрикъ больного заставилъ Марью Евграфовну вздрогнуть, а Степана Ильича какъ-то безпомощно и грустно взглянуть на молодую женщину.

— Я ѣду нанимать виллу въ Гліонъ... Тамъ я постараюсь какъ можно рѣже показываться ему на глаза! Онъ не выноситъ меня!—прошепталъ онъ.

Марья Евграфовна, смущенная, чувствуя себя виноватой передъ мальчикомъ, приблизилась къ дивану, на которомъ лежалъ Вася, и сказала:

— Я здѣсь, мой родной... Я на минутку оставила тебя... Прости, дѣточка...

И она покрыла поцѣлуями его мертвенное личико.

— Мнѣ пора лѣкарство принимать... Скоро эта противная лихорадка придетъ, я чувствую, а ты съ нимъ говоришь...

— И не пора еще... Лѣкарство надо принимать въ три часа, а теперь только половина третьяго... Да, быть-можетъ, лихорадка сегодня и не будетъ, радость моя!—говорила Марья Евграфовна, усаживаясь въ кресло противъ Васи.

— Ты каждый день говоришь: не будетъ, и она каждый день бываетъ!—раздражительно промолвилъ Вася.

— Милый! Да развѣ я виновата, что она бываетъ... Ты знаешь, какъ я хочу, чтобъ ея не было!—воскликнула Марья Евграфовна.—Оттого-то я и думаю, что ея не будетъ, и говорю тебѣ... Не сердись же на свою маму!—умоляющимъ тономъ произнесла мать.

Вася выпросталъ изъ-подъ одѣяла свою тоненькую, восковую ручку и протянулъ ее матери въ знакъ того, что онъ не сердится.

Та прильнула къ ней.

— О чемъ ты съ нимъ говорила, мама?—спросилъ Вася послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанія.

Это: «съ нимъ»—кольнуло Марью Евграфовну.

— Степанъ Ильичъ былъ такъ добръ, что взялся нанять намъ дачу въ Гліонѣ... Докторъ совѣтуетъ туда ѣхать. Тамъ хорошо... Тамъ тебѣ станетъ гораздо лучше... Завтра мы и поѣдемъ... А безъ Степана Ильича мы не устроились бы такъ скоро... Онъ добрый, Степанъ Ильичъ, и готовъ помочь намъ... Я его давно знаю. Онъ очень расположенъ ко мнѣ и тебя очень любитъ...

— И онъ съ нами будетъ жить?

— А ты развѣ не хочешь, чтобъ онъ съ нами жилъ?

— Не хочу!

— Отчего, родной?—съ затаенною тревогой спросила Марья Евграфовна.

— Я хочу только съ тобой жить и чтобъ больше никого не было, а то ты будешь все съ нимъ говорить и меня оставлять одного... Это нехорошо...

— Да Богъ съ тобой, дѣточка!.. Развѣ не ты единственное существо, которое для меня дороже всего на свѣтѣ... Развѣ я оставляю тебя?

— Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ, оставляешь... И развѣ живутъ посторонніе люди вмѣстѣ... Папы только живутъ, а вѣдь мой папа умеръ... Онъ не папа... Онъ вѣдь твой знакомый...

— Да... хорошій, добрый знакомый,—отвѣчала, стараясь скрыть свое волненіе, Марья Евграфовна.

— Такъ пусть живетъ не съ нами!—капризно замѣтилъ мальчикъ.—Слышишь, мама?..

— И заходить къ намъ ему нельзя?

— Пусть заходитъ, если ты хочешь, только не часто. Онъ на тебя все смотритъ и твои руки цѣлуетъ. Я его не люблю!—рѣшительно прибавилъ Вася.

Марья Евграфовна отвернулась, чтобы скрыть охватившее ее смущеніе. Она чувствовала, какъ кровь заливаетъ ея щеки. Эта ревность мальчика взволновала ее, и она считала себя виноватой. Въ самомъ дѣлѣ, въ правѣ ли она была согласиться на пріѣздъ Павлищева? Но вѣдь онъ отецъ!

А Вася между тѣмъ продолжалъ серьезнымъ тономъ съ безжалостнымъ эгоизмомъ балованнаго больного:

— Если я, мама, умру, тогда... выходи за него замужъ, а пока я живъ, ты должна быть только моя. Вѣдь и я только твой, милая мамочка!—съ невыразимою нѣжностью прибавилъ мальчикъ.

Скорбный вопль вырвался изъ груди Марьи Евграфовны.

Вся въ слезахъ, она опустилась на колѣни у дивана и, заглядывая въ эти широко-раскрытые, ласково-вдумчивые, проникновенные глаза, воскликнула съ страстною увѣренностью, словно бы стараясь убѣдить и себя:

— Ты вздоръ говоришь, Вася. Ты не умрешь, ты не можешь умереть, мое дитя! Ты поправишься и будешь жить вмѣстѣ съ мамой. И докторъ говоритъ, что ты поправишься... И я буду всегда только твоя, мой мальчикъ. Какъ могъ ты подумать, что я на кого-нибудь тебя промѣняю!

— Поклянись!

— Клянусь!

Мертвенное лицо озарилось радостною улыбкой.

Онъ съ трудомъ приподнялся на подушкахъ и, обвивъ шею матери, прижался къ ея лицу своими холодными щечками.

— Милая, славная, какъ я тебя люблю, мамочка... И когда я буду большой, какъ я буду беречь тебя!—взволнованно говорилъ Вася.

А Марья Евграфовна ласкала эту милую головку, довѣрчиво прижавшуюся къ ней, и глотала рыданія, подступавшія къ горлу.

Черезъ четверть часа жестокая лихорадка начала трепать больного. Термометръ показывалъ 39 градусовъ. Лицо пылало.

— Видишь, мамочка, она не проходитъ. Покрой меня, не отходи отъ меня... Мнѣ страшно, мамочка... Помоги, мамочка, милая мамочка!—жалобно и испуганно говорилъ ребенокъ.

— О, милый, я готова жизнь отдать за тебя!—отвѣчала мать и съ отчаяніемъ въ сердцѣ, стараясь сохранить бодрый видъ, ухаживала за своимъ дорогимъ больнымъ.

На другой день Павлищевъ вернулся и, къ удивленію своему, нашелъ, что внутреннія двери заперты на ключъ.

Онъ вышелъ въ коридоръ и тихо постучалъ въ двери комнаты Марьи Евграфовны.

Та вышла въ коридоръ.

— Ну, что̀ Вася?

— Онъ спитъ теперь... Лихорадка все хуже и продолжительнѣе...

— Это вы заперли двери?

— Я... Вася, голубчикъ, ревнуетъ меня къ вамъ и...

— И не хочетъ меня видѣть?

— Да... И я не могла его убѣдить...

И Марья Евграфовна передала разговоръ свой съ Васей, деликатно опустивъ разрѣшеніе Васи выйти замужъ послѣ его смерти.

— Что-жъ... Что̀ посѣялъ, то и пожалъ!—грустно проговорилъ Павлищевъ.—Но я все-таки могу оставаться вблизи, Марья Евграфовна? Вы будете жить въ маленькой виллѣ, я ужъ нанялъ ее, а я въ гостиницѣ... Я хоть буду знать, что̀ у васъ дѣлается, какъ Вася и вы, мой добрый другъ!—прибавилъ онъ и взялъ-было ея руку, чтобъ поднести къ губамъ, но Марья Евграфовна тихо ее отдернула и смущенно проговорила:

— Не надо, Степанъ Ильичъ... Вася этого не хочетъ... Ему не нравится, что вы цѣлуете мои руки!

Павлищевъ безмолвно наклонилъ голову и ушелъ къ себѣ.

На слѣдующій день въ полдень переѣхали въ Гліонъ, въ хорошенькую виллу, окруженную садомъ, комфортабельно убранную. Горничная и кухарка, молодыя и здоровыя швейцарки, встрѣтили Марью Евграфовну и Васю.

Уютная спальня выходила на югъ. Изъ оконъ виднѣлась красивая панорама горъ, среди которыхъ блестѣла на солнцѣ бѣлоснѣжная макушка Dent de Midi. Голубая лазурь Женевскаго озера разстилалась внизу и казалась маленькимъ зеркаломъ.

— Нравится тебѣ здѣсь, Вася?

— Прелесть, мамочка. О, я здѣсь скоро поправлюсь!—говорилъ онъ, жадно вдыхая остатками легкихъ въ открытое окно прелестный горный воздухъ, полный свѣжести, и любуясь роскошнымъ видомъ.—Ахъ, какъ здѣсь хорошо... Посмотри, какія горы, мамочка... И какъ дышать легко.

И, чувствуя приливъ силъ, онъ поднялся съ кресла и добрелъ до окна.

И Марья Евграфовна, радостная, снова окрыленная надеждой, въ восторгѣ глядѣла на сына.

— Это Степанъ Ильичъ нашелъ для насъ такое славное гнѣздышко!—проговорила она.

— Степанъ Ильичъ? Какой онъ добрый! Гдѣ онъ? Отчего онъ не ѣхалъ съ нами?

— Онъ сидѣлъ въ другомъ вагонѣ, Вася, и остановился въ гостиницѣ. Онъ, вѣрно, скоро уѣдетъ отсюда!—почему-то прибавила Марья Евграфовна.

— Пошли за нимъ, мама. Я поблагодарю его за то, что онъ нашелъ такой чудный домикъ... Пошли, сейчасъ же пошли! Вѣдь я позволилъ ему приходить къ намъ. Ну, и пусть придетъ!—капризно прибавилъ мальчикъ.

Черезъ пять минутъ Павлищевъ уже былъ въ комнатѣ и, въ отвѣтъ на благодарность мальчика, такъ нѣжно и порывисто цѣловалъ руку Васи, что тотъ видимо смягчился и, обращаясь къ матери, произнесъ:

— Мама! Пригласи Степана Ильича завтракать съ нами... И что̀ не подаютъ завтрака? Я ѣсть хочу.

XV.

Ахъ, какой это былъ ужасный мѣсяцъ для Марьи Евграфовны! Что̀ за мучительные дни и долгія, невыразимо долгія, почти безсонныя ночи у изголовья умирающаго ребенка!

Ни чудный воздухъ Гліона, ни разныя средства, прописываемыя врачомъ, ежедневно посѣщавшимъ маленькую виллу, ни заботливый уходъ не останавливали недуга. Онъ съ страшною быстротой дѣлалъ свое злое, безсовѣстное дѣло, разрушая организмъ ребенка. Лихорадки становились бурнѣе и продолжительнѣе, изнуряя исхудавшее тѣло, и мальчикъ таялъ, слабѣя съ каждымъ днемъ. Онъ не поднимался съ постели, безпомощно метался на ней, и тѣнь смерти уже витала надъ нимъ, ожидая скораго своего торжества.

Даже и у Марьи Евграфовны исчезала всякая надежда, хотя докторъ и не переставалъ говорить ей, что никакой непосредственной опасности нѣтъ и что выздоравливали и не такіе больные. И несмотря на то, что бѣдная мать чувство-

вала этотъ обманъ, она все-таки жадно внимала и увѣреннымъ авторитетнымъ словамъ молодого врача и мягкимъ, успокаивающимъ словамъ Павлищева, — такъ ей хотѣлось вѣрить, такъ ей хотѣлось быть обманутой! Недаромъ же она разъ сказала Павлищеву, чтобы ей не говорили жестокой правды. Пусть лучше обманываютъ, чтобъ не лишить ее возможности ухаживать за дорогимъ созданіемъ и не выказывать передъ нимъ своихъ душевныхъ мукъ.

И она съ истиннымъ мужествомъ матери старалась казаться веселой передъ Васей, шутила съ нимъ, разсказывала ему сказки, разсуждала вмѣстѣ съ нимъ, какъ они проживутъ до осени въ Гліонѣ, а потомъ уѣдутъ въ Италію, въ тепло, и затѣмъ, когда Вася поправится, вернутся въ Россію.

И ни одинъ мускулъ лица не выдавалъ ея душевныхъ мукъ. Ни одинъ звукъ голоса не вздрагивалъ отъ волненія. Надо было скрывать свои страданія отъ подозрительнаго и чуткаго больного, и она скрывала ихъ съ тѣмъ героизмомъ, на который только способны матери.

И когда Марья Евграфовна чувствовала, что нервы ея больше не выдерживаютъ, она отпрашивалась у Васи погулять на пять минутъ, выбѣгала въ садъ и тамъ, въ маленькомъ уголкѣ, подъ платанами, безутѣшно рыдала.

Степанъ Ильичъ почти безотлучно дежурилъ въ саду или въ сосѣдней съ спальной комнатѣ, готовый бѣжать въ аптеку, если понадобится, въ городъ для исполненія порученій и капризовъ Васи, всегда старавшійся утѣшить несчастную женщину. Но его успокоительныя, мягкія слова не соотвѣтствовали его грустному виду. Онъ какъ-то осунулся и сразу постарѣлъ за это время, зная, что сына ему уже не вернуть никакими силами, и, случалось, плакалъ вмѣстѣ съ Марьей Евграфовной вмѣсто того, чтобы подбодрить ее... Нервы его были совсѣмъ расшатаны. Теперь ужъ онъ даже и не хотѣлъ видѣть Васю... Видъ умирающаго ребенка, котораго онъ такъ безжалостно бросилъ и котораго такъ сильно полюбилъ, для того, чтобъ снова потерять, возбуждалъ въ немъ страданія проснувшейся совѣсти и невыразимую жалость; при взглядѣ на заостренныя черты изможденнаго личика онъ чувствовалъ, какъ навертываются слезы на глаза, и торопился уйти изъ комнаты, куда призывало его иногда желаніе Васи поблагодарить Степана Ильича за тѣ многочисленныя игрушки, которыя посылалъ ему ежедневно отецъ, желавшій чѣмъ-нибудь скрасить послѣдніе дни умирающаго. И когда Марья Евграфовна сообщала ему, что та или другая игрушка заняла Васю, то онъ улыбался и былъ доволенъ, Степанъ Ильичъ свѣтлѣлъ

и опять спускался въ Монтрё, чтобъ купить что-нибудь новенькое, и возвращался съ игрушками, фруктами и сластями.

Казалось, Павлищевъ забылъ теперь обо всемъ, что̀—давно ли?—составляло главнѣйшій интересъ его жизни. Вся эта петербургская служебная атмосфера съ ея интригами, погоней за отличіями, искательствомъ, съ честолюбивыми мечтами о власти—словно бы заволоклась какой-то туманной дымкой и представлялась далекой и неинтересной. Степанъ Ильичъ даже не читалъ газетъ и не зналъ, что̀ дѣлается на родинѣ, поглощенный исключительно мыслями о двухъ существахъ, передъ которыми чувствовалъ себя теперь безконечно виноватымъ. Онъ удивлялся героизму Марьи Евграфовны, боялся, что она не перенесетъ смерти Васи, и считалъ своимъ долгомъ не оставлять ее одну. Мысль о женитьбѣ на ней неотступно преслѣдовала Степана Ильича, и этотъ опытный ухаживатель, этотъ развращенный эпикуреецъ боялся, что она ему откажетъ, и что могила Васи окончательно разъединитъ ихъ... И это его пугало. Въ теперешнемъ его настроеніи жизнь съ Марьей Евграфовной казалась ему единственнымъ личнымъ счастьемъ. Эта женщина предстала теперь передъ нимъ во всемъ блескѣ своей нравственной чистоты. Вся ея жизнь—безпрерывный подвигъ... Какъ неизмѣримо она выше его!

Степанъ Ильичъ видѣлся съ Марьей Евграфовной ежедневно,—она выходила въ садъ и сообщала ему всѣ малѣйшія подробности о Васѣ, и эти подробности казались ему самыми важными и значительными дѣлами на свѣтѣ. Какъ Вася провелъ ночь, что̀ онъ ѣлъ, не выражалъ ли онъ какихъ желаній, долго ли была лихорадка, что̀ онъ говорилъ,—вотъ что̀ занимало теперь этого карьериста, этого блестящаго чиновника, будущаго министра... Онъ по нѣскольку разъ въ день спускался въ Монтрё и ходилъ по жарѣ, исполняя разныя порученія, бѣгалъ за докторомъ по ночамъ и, случалось, дремалъ, одѣтый, всю ночь въ креслѣ салона виллы, если Васѣ было особенно нехорошо.

Когда Марья Евграфовна передавала ему, что Вася вспоминалъ о немъ, благодарилъ за игрушки и выражалъ желаніе его видѣть, Степанъ Ильичъ умилялся, счастливый, что мальчикъ относится къ нему безъ прежняго озлобленія, и благодарно пожималъ руку Марьи Евграфовны, съ глазами, полными слезъ, тихій, грустный, съ поникшей головой, совсѣмъ не похожій на того свѣжаго, выхоленнаго, блестящаго сановника, съ горделиво приподнятой головой, въ изящно сшитомъ вицмундирѣ съ двумя звѣздами на груди и крестомъ на шеѣ, который въ извѣстные дни, отъ десяти до одиннадцати часовъ

утра, принималъ въ своей внушительной пріемной просителей, сопровождаемый дежурнымъ чиновникомъ.

Здѣсь, въ этомъ саду, ютившемся надъ обрывомъ, подъ которымъ сверкало Женевское озеро, сидѣлъ подавленный горемъ человѣкъ, почувствовавшій едва ли не первый разъ на своемъ вѣку, что въ жизни есть кое-что другое, кромѣ карьеры и любовныхъ авантюръ, кромѣ интригъ и честолюбія, и что горе, которое онъ переживаетъ, какъ-то смягчаетъ его сердце и наводитъ на такія мысли о тайнѣ жизни и смерти, о которыхъ онъ раньше никогда и не думалъ.

И когда однажды Марья Евграфовна передала ему письмо Марка, въ которомъ Маркъ сообщалъ, что выходъ въ отставку министра почти дѣло рѣшенное и черезъ мѣсяцъ отставка будетъ подписана, и просилъ сказать объ этомъ Степану Ильичу, «который, по полученіи этого извѣстія, вѣроятно, поторопится вернуться въ Петербургъ»,—Павлищевъ, возвращая письмо, промолвилъ:

— Я только-что третьяго дня писалъ министру и просилъ продлить отпускъ еще на мѣсяцъ.

— Но, послушайте, Степанъ Ильичъ, быть-можетъ, это повредитъ вашей карьерѣ?—замѣтила Марья Евграфовна, необыкновенно тронутая этой отцовской привязанностью.

— Охъ, Марья Евграфовна! Бываютъ такія полосы въ жизни, когда забываешь и о карьерѣ... Я пожертвовалъ бы всей этой карьерой, которой такъ добивался, лишь бы Вася былъ здоровъ. Нѣтъ, я останусь около васъ и Васи!—рѣшительно прибавилъ онъ.

Въ отвѣтъ Марья Евграфовна крѣпко-крѣпко пожала Павлищеву руку.

И Павлищевъ, деликатно исполняя просьбу Марьи Евграфовны, не поцѣловалъ ея руки, а отвѣтилъ такимъ же пожатіемъ.

— Воображаю, какъ вашъ братъ удивится, когда узнаетъ, что я остаюсь здѣсь!—проговорилъ послѣ паузы Павлищевъ.

— Я думаю... Братъ слишкомъ живетъ головой.

— И болѣе честолюбивъ, чѣмъ я, и болѣе вѣритъ въ себя, и вообще...

Павлищевъ на секунду остановился, словно бы пріискивая выраженіе, не оскорбительное для сестры.

— ...И вообще онъ слишкомъ рѣшительный человѣкъ!—добавилъ Степанъ Ильичъ.

— Да, Маркъ странный человѣкъ. Я его люблю, но, признаюсь, не понимаю... Ко мнѣ онъ всегда относился съ нѣжностью, хоть и подсмѣивался надо мной, а къ другимъ людямъ

онъ относится съ какимъ-то безпощаднымъ анализомъ, точно онъ озлобленъ противъ людей... Мнѣ жаль Марка... Жаль, что онъ въ такіе молодые годы и такъ мрачно смотритъ на жизнь... Онъ долженъ быть очень несчастливъ, бѣдный Маркъ...

«Какъ непохожи сестра и братъ!» — невольно подумалъ Павлищевъ.

— И эта его женитьба на милліонеркѣ, и этотъ разводъ...

— Маркъ Евграфовичъ говорилъ вамъ о причинахъ развода?

— Вскользь... Вѣдь онъ женился, не чувствуя любви, изъ-за богатства. А какъ его любила Ксенія Васильевна!.. Ну, разумѣется, она догадалась, онъ имѣлъ порядочность откровенно признаться въ этомъ, и... конецъ понятенъ...

«Однако Маркъ не рѣшился быть нагло-откровеннымъ съ сестрой и скрылъ настоящую причину развода!»—снова пронеслось въ головѣ Павлищева, и онъ виновато промолвилъ:

— А вы знаете, Марья Евграфовна, что и я былъ женихомъ Ксеніи Васильевны и тоже искалъ милліоновъ?..

— Знаю, мнѣ Маркъ говорилъ... И слава Богу, что братъ васъ спасъ! Развѣ можно жениться безъ любви?.. Вотъ Маркъ погнался за богатствомъ, и его потерялъ, и испортилъ чужую жизнь и свою... Я увѣрена, что онъ дѣтей любитъ... Онъ писалъ мнѣ о нихъ, и вотъ теперь...

Марья Евграфовна вдругъ оборвала рѣчь и смутилась. Вѣдь эти обвиненія Марка были и обвиненіями Павлищева.

— Говорите, говорите... И я стою упрековъ еще сильнѣйшихъ.

— Я васъ, право, не имѣла въ виду, Степанъ Ильичъ...

— Ахъ, что у васъ за золотое сердце, вы и сами не знаете! — взволнованно проговорилъ Павлищевъ. — Я вѣрю, что вы меня простили и не относитесь ко мнѣ съ презрѣніемъ... Да, нельзя безнаказанно играть съ людьми... Я это понялъ, хотя, къ сожалѣнію, и поздно!

Павлищевъ примолкъ. Молчала и Марья Евграфовна.

— Да, вы правы, вашъ братъ меня спасъ! И если-бъ вы знали, какъ я теперь ему за это благодаренъ! Какъ я радъ, что не женился на милліонахъ!—значительно прибавилъ Павлищевъ.

Эти слова заставили сердце молодой женщины забиться сильнѣй отъ радостнаго волненія, и она почувствовала, что этотъ человѣкъ, несмотря на все прошлое, и близокъ и дорогъ ей.

И, стараясь скрыть свое смущеніе, чувствуя себя словно бы виноватой за это, она поднялась со скамейки и торопливо поднялась на террасу, проговоривъ:

— Вѣрно, Вася проснулся!

По странной психикѣ, довольно обычной у многихъ чахоточныхъ, чѣмъ болѣе слабѣлъ Вася, тѣмъ болѣе надѣялся на выздоровленіе и о смерти не говорилъ, какъ случалось прежде, и вовсе не думалъ теперь о ней. Напротивъ, высказывалъ матери самыя радужныя предположенія насчетъ будущаго и чувствовалъ себя гораздо лучше. У него ничего не болитъ. Только слабость одна. Но она скоро пройдетъ.

— Не правда ли, мама?.. Черезъ недѣлю мы поѣдемъ кататься?

— Черезъ недѣлю?.. О, конечно, мой милый!

— Ты, кажется, не вѣришь этому, мама?

— Что̀ ты?.. Вѣрю, и докторъ говоритъ!—храбро утѣшала мать, скрывая свой ужасъ при видѣ этого, еле шевелящагося, маленькаго скелета вмѣсто прежняго здороваго, трепетавшаго жизнью Васи.

Съ какимъ-то инстинктомъ самосохраненія, словно бы вырывая у смерти лишній часъ, лишнюю минуту, Вася теперь самъ заботился объ аккуратномъ соблюденіи установленнаго режима. Онъ требовалъ, чтобъ ему давали пунктуально лѣкарство, чтобъ приносили во̀-время молоко, бульонъ и вино, и, когда не находился въ полуснѣ, весь жилъ въ этихъ заботахъ о себѣ. Казалось, для него все сосредоточивалось на этой чашкѣ бульона, которую онъ нетерпѣливо ждалъ и изъ которой еле глоталъ ложечку, на рюмкѣ вина, на принятомъ лѣкарствѣ, на мысли о томъ, что̀ бы ему съѣсть, что̀ не было бы противно, и чѣмъ бы утолить жажду, вызываемую безпрерывной лихорадкой... И онъ раздражался на мать, раздражался на горничную, если что-нибудь нескоро приносили или дѣлали не такъ, какъ онъ требовалъ.

Онъ не отпускалъ отъ себя мать, сердился на нее, что она плохо его укутываетъ, что ему дуетъ въ спину, и послѣ съ трогательною нѣжностью просилъ «мамочку» не сердиться на него и простить его. Вѣдь онъ больной. Но скоро-скоро все это пройдетъ... Онъ выздоровѣетъ.

— Ты не бойся, мамочка... Я поправлюсь. Да что-жъ ты плачешь, прелесть моя?.. Я тебя огорчилъ?..

О, Господи! Что̀ это были за муки для бѣдной матери! Какое горе могло быть ужаснѣй!?

И Марья Евграфовна, глотая рыданія, припадала къ рукѣ мальчика и клялась, что она ни на секунду не сердилась на своего голубчика, что она заплакала отъ того, что Вася долго боленъ, и, присаживаясь около, начинала разсказывать, что она уже просила Луизу заказать на послѣзавтра коляску, и они вдвоемъ отправятся въ Монтрё.

И мальчикъ улыбался и ласково перебиралъ пальцами волосы матери, и слабымъ голосомъ шепталъ:

— Какая ты у меня добрая, мама!

На слѣдующее утро лучъ надежды сверкнулъ въ сердцѣ матери.

Вася проснулся и объявилъ, что онъ чувствуетъ себя хорошо и хочетъ чаю. Поставили термометръ, и онъ показалъ 36,2. Мать обрадовалась. Лихорадки нѣтъ.

— Я тебѣ говорилъ, мама... Видишь! — проговорилъ съ большимъ трудомъ и задыхаясь мальчикъ, и радостная улыбка освѣтила его лицо...

Цѣлую чашку чая Вася сегодня выпилъ съ удовольствіемъ и послѣ того объявилъ, что хочетъ сидѣть. Марья Евграфовна приподняла его на подушки, но онъ сидѣть не могъ и какъ-то безпомощно склонилъ голову.

— Я посплю, мамочка... Ты не уходи...

И съ этими словами онъ задремалъ.

Явился докторъ. Марья Евграфовна радостно объявила ему, что лихорадки сегодня не было, но это сообщеніе не произвело, повидимому, на доктора особенно пріятнаго впечатлѣнія. Онъ пощупалъ голову и ноги ребенка, прописалъ морфій и ушелъ, обѣщая быть вечеромъ.

Въ саду онъ нашелъ Павлищева и сказалъ:

— Начинается агонія. Для успокоенія я прописалъ морфій.

Цѣлый день Вася былъ въ забытьѣ, и надежда, закравшаяся было въ сердце матери, давно смѣнилась ужасомъ передъ чѣмъ-то роковымъ, страшнымъ и неизбѣжнымъ. Точно закаменѣвшая, сидѣла она у кровати Васи, не спуская съ него пристальнаго взгляда, точно стараясь запомнить эти дорогія черты навѣки. Въ комнатѣ стояла мертвенная тишина. Только слышались хрипы, вылетавшіе изъ груди ребенка. Павлищевъ, съ красными отъ слезъ глазами, то останавливался у дверей, то ходилъ по залѣ, то останавливался у окна и безцѣльно смотрѣлъ на красивую панораму горъ.

И съ губъ его по временамъ срывались слова:

— За что? За что?

Наступили сумерки. Въ спальнѣ стоялъ полусвѣтъ.

Вдругъ Вася очнулся и чуть слышно произнесъ:

— Мамочка... пить...

Марья Евграфовна поднесла къ губамъ его ложку.

— Приподними...

Она обхватила его за шею и почувствовала почти холодное тѣло.

— Вася, свѣтъ мой, какъ ты себя чувствуешь? — почти

крикнула она, вся охваченная ужасомъ и опуская снова мальчика на кровать.

Онъ поднялъ на мать потухающіе кроткіе глаза и прошепталъ:

— Лучше, мам...

И, не докончивъ слова, какъ-то глубоко и тяжело вздохнулъ и вытянулся.

— Вася! Вася! — раздирающимъ голосомъ крикнула мать и припала къ его безжизненному тѣлу, осыпая его лицо поцѣлуями.

Но отвѣта не было. Большіе глаза глядѣли съ какимъ-то удивленнымъ спокойствіемъ, и маленькое восковое личико имѣло выраженіе чего-то значительнаго и строгаго.

Степанъ Ильичъ, обливаясь слезами, стоялъ около Марьи Евграфовны.

XVI.

Священникъ, вызванный телеграммой изъ Женевы, два раза въ день служилъ панихиды. Дьячокъ читалъ надъ тѣломъ псалтирь. Въ виллѣ пахло ладаномъ и духами.

Марья Евграфовна почти не отходила отъ гроба.

Съ выраженіемъ страдальческаго недоумѣнія и ужаса, застывшаго на ея осунувшемся лицѣ, она, вся въ глубокомъ траурѣ, глядѣла широко-раскрытыми неподвижными глазами на дорогія черты покойника по цѣлымъ часамъ и словно была въ столбнякѣ. Муха, садившаяся на лицо Васи, заставляла Марью Евграфовну заботливо обмахивать платкомъ, точно она думала, что ея милый покойникъ можетъ чувствовать.

Съ покорностью автомата двигалась она, когда Степанъ Ильичъ, плакавшій, какъ малый ребенокъ, осторожно бралъ ее за руку и уводилъ въ сосѣднюю комнату или на террасу и, усаживая въ кресло, просилъ не предаваться отчаянью и не губить себя. Надо покориться року, какъ онъ ни ужасенъ... Надо жить...

Марья Евграфовна едва ли понимала, что̀ ей говоритъ Павлищевъ, и едва ли видѣла тревожные, полные ласки, взгляды его. Она въ эти дни почти ничего не ѣла, и только настоянія Степана Ильича заставляли ее съѣсть что-нибудь. Затѣмъ она поднималась съ мѣста и, несмотря на просьбы Павлищева посидѣть и отдохнуть, снова тихо шла въ ту комнату, откуда среди тишины доносился монотонный, слегка гнусавый голосъ дьячка.

Приблизившись къ гробу, она опять, безмолвная, не роняя ни слезинки, словно закаменѣвшая въ горѣ, смотрѣла на трупъ, смотрѣла долго и не могла оторвать глазъ.

Это молчаливое отчаяніе пугало Степана Ильича. Онъ боялся, какъ бы бѣдная женщина не сошла съ ума, и эта мысль приводила его въ ужасъ, терзая его сердце угрызеніями совѣсти и воспоминаніями о прошломъ. И ему, какъ нарочно, съ поразительной отчетливостью припоминался тотъ день, много лѣтъ тому назадъ, когда онъ прощался съ молодой женщиной и увѣрялъ ее въ любви, обѣщая выписать въ Петербургъ, въ то время, когда въ его душѣ уже созрѣло рѣшеніе бросить эту преданную, любящую женщину съ двумя крошками на рукахъ.

А потомъ? Эти трогательныя ея письма, оставляемыя безъ отвѣта... Эта умышленная забывчивость объ ея судьбѣ. Господи! Неужели онъ могъ быть такимъ подлецомъ!

«Да, и былъ имъ!»—отвѣчалъ самъ себѣ Павлищевъ и не находилъ оправданія. И вѣдь только случайно, благодаря этому Бугаеву, хотѣвшему припугнуть его, узналъ онъ о существованіи Марьи Евграфовны и своего сына.

Одного ужъ нѣтъ... Неужели погибнетъ и она? И онъ будетъ виновникомъ двухъ жертвъ?..

Степанъ Ильичъ не оставлялъ Марью Евграфовну ни на одну минуту. Поздними вечерами онъ почти силой уводилъ ее изъ комнаты, гдѣ лежалъ покойникъ, и умолялъ ее прилечь и отдохнуть. И Марья Евграфовна слушалась съ трогательной покорностью и, не раздѣваясь, ложилась на кровать и забывалась въ короткомъ тяжеломъ снѣ.

Видъ пустой Васиной кроватки въ моментъ пробужденія заставлялъ несчастную мать вздрагивать и снова идти туда, къ нему.

Но Степанъ Ильичъ, дежурившій бо́льшую часть у гроба, опять умолялъ ее возвращаться.

— Я только взгляну!—покорно просила она.

И она взглядывала въ потемнѣвшее, начинавшее уже разлагаться лицо, цѣловала его и снова глядѣла, пока Павлищевъ ее не уводилъ и не укладывалъ спать.

Въ раскрытыя окна салона врывалась свѣжая душистая ночь. Миріады звѣздъ меланхолически мигали съ высоты темнаго купола, безучастныя и равнодушныя къ этому людскому горю.

И Павлищевъ, съ припухшими отъ слезъ и безсонницы глазами, часто подходилъ къ окну, вдыхалъ этотъ чудный ночной воздухъ, полный предразсвѣтной остроты, и мысли его становились чище и возвышеннѣе, и вся его прошлая жизнь казалась ему безцѣльной и преступной въ эти ночи, полныя какого-то жуткаго одиночества, въ комнатѣ, гдѣ спалъ непробуднымъ сномъ его сынъ.

Если бы въ эту минуту Павлищеву сказали, что все это настроеніе исчезнетъ, какъ только онъ снова вернется въ Петербургъ,—онъ, разумѣется, не повѣрилъ бы. Такимъ онъ себя чувствовалъ обновленнымъ, просвѣтленнымъ, виноватымъ и несчастнымъ.

Онъ оставался въ этой комнатѣ, чтобъ не оставить Марью Евграфовну одну съ покойникомъ, до тѣхъ поръ, пока рано утромъ не появлялся выспавшійся, свѣжій и франтоватый дьячокъ. Тогда Степанъ Ильичъ удалялся въ столовую и тамъ засыпалъ въ креслѣ, предварительно попросивъ дьячка немедленно себя разбудить, какъ только появится Марья Евграфовна.

На третій день рано утромъ отслужили послѣднюю панихиду.

Когда взялись за гробъ, чтобъ выносить его, Марья Евграфовна словно вышла изъ своего столбняка и съ воплемъ кинулась къ гробу и стала осыпать лицо покойника поцѣлуями. Въ первый разъ послѣ смерти Васи она разразилась рыданіями и слезами, и это значительно обрадовало Степана Ильича. Когда онъ наконецъ отвелъ ее отъ гроба, Марья Евграфовна крѣпко пожала руку Павлищева и, рыдая, промолвила:

— Нѣтъ больше нашего ненагляднаго!

Шесть швейцарцевъ въ траурной одеждѣ понесли гробъ на ближайшее, извѣстное своей красотой кладбище въ Кларанѣ, городкѣ рядомъ съ Монтрё.

Это былъ скорѣе прелестный садъ, густо заросшій деревьями, залитый солнцемъ и полный прелестныхъ розъ и всевозможныхъ цвѣтовъ. Чистенькія, усыпанныя пескомъ дорожки вились между памятниками и куртинками. Чѣмъ-то поэтическимъ вѣяло отъ этого уединеннаго уголка, и казалось, будто и покойникамъ здѣсь должно быть хорошо и уютно среди платановъ, кипарисовъ и розъ.

Расположенное на возвышенности, надъ Клараномъ, это кладбище служило любимымъ мѣстомъ прогулокъ и мѣстныхъ жителей и туристовъ. Тамъ было такъ тихо и хорошо; видъ оттуда былъ такой восхитительный и на разстилавшееся внизу Женевское озеро, и на Савойскій берегъ съ его цѣпью высокихъ горъ, у подножія которыхъ бѣлѣлись маленькіе городки.

Спустившись къ верхней части Монтрё, носильщики понесли гробъ по верхней дорогѣ изъ Монтрё въ Кларанъ, увѣковѣченной прогулками Жанъ-Жака Руссо въ извѣстной рощицѣ «bosquet de Julie», названной въ честь героини романа.

Минутъ черезъ двадцать гробъ внесли въ ограду кладбища и поставили на краю могилы.

Короткая литія священника, дикій вопль матери—и гробъ былъ опущенъ, и скоро свѣжая могила была вся засыпана вѣнками изъ розъ.

Разошлись всѣ: батюшка, дьячокъ и нѣсколько любопытныхъ. Остались только Марья Евграфовна и Степанъ Ильичъ.

Они долго стояли еще у свѣжей могилы, и слезы лились изъ ихъ глазъ.

— Пойдемте, Марья Евграфовна!—промолвилъ Павлищевъ.

— Неужели туда, въ тотъ домъ!?.

— Нѣтъ, я ужъ распорядился... Всѣ наши вещи перевезены въ отель въ Кларанѣ. Мы будемъ ближе къ нему!

Марья Евграфовна благодарно взглянула на Степана Ильича и только теперь замѣтила, что онъ постарѣлъ и осунулся, что сѣдина бросается въ глаза.

Павлищевъ подалъ ей руку, и они молча спустились въ Кларанъ.

— А какой онъ былъ, голубчикъ, добрый, если-бъ вы знали... И какъ въ послѣднее время васъ полюбилъ...

Марья Евграфовна не могла продолжать... Рыданія душили ее.

— Полно, полно... успокойтесь, мой другъ,—говорилъ Павлищевъ—и чувствовалъ, что слезы льются по его щекамъ.

Прошло двѣ недѣли.

Ежедневно подъ вечеръ они ходили вмѣстѣ на кладбище, клали свѣжія розы на могилу и просиживали тамъ долгіе часы.

Предметъ разговоровъ былъ одинъ и тотъ же: говорили о Васѣ.

Марья Евграфовна разсказывала о немъ, вспоминая его раннее дѣтство, его доброту и умъ... Она припоминала разные эпизоды изъ его короткой жизни, прерывая эти воспоминанія слезами. Но все-таки эта возможность говорить о своемъ Васѣ нѣсколько смягчала ея горе. И Степанъ Ильичъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ слушалъ безутѣшную мать.

Однажды, послѣ одного изъ такихъ разговоровъ на кладбищѣ, Марья Евграфовна сказала:

— И вы вѣдь его горячо любили?.. Бѣдный!.. Какъ вы измучились... И какъ я вамъ благодарна, Степанъ Ильичъ, за все, что̀ вы сдѣлали для Васи и для меня въ это тяжелое время.

— Что̀ вы, Марья Евграфовна?.. Какъ вамъ не стыдно это

говорить?.. Ваши слова только напоминаютъ мнѣ, какъ я виноватъ передъ вами и Васей...

— Если вы и были виноваты, то теперь искупили все! И да пошлетъ вамъ Господь счастья!..—взволнованно проговорила Марья Евграфовна.

Павлищевъ поднесъ ея руку къ губамъ и только сказалъ:

— О, благодарю за ваши слова.

А Марья Евграфовна продолжала:

— Я знаю, вы ради покойнаго Васи остаетесь около меня. Но теперь я могу остаться и одна... Я пробуду здѣсь еще нѣсколько времени и вернусь въ Харьковъ, а вамъ надо ѣхать скорѣй въ Петеребургъ.

— Вы меня гоните?—спросилъ Павлищевъ.

Въ голосѣ его звучалъ испугъ, и лицо его омрачилось.

— Господь съ вами! Но я не хочу и не имѣю никакого права злоупотреблять вашей добротой. Вамъ нужно возвращаться!—говорила Марья Евграфовна и сама почувствовала почему-то смущеніе и страхъ.

— Вы пожелали мнѣ счастья, Марья Евграфовна... Такъ дайте мнѣ его!—прошепталъ Павлищевъ.

Молодая женщина подняла на него удивленный взглядъ.

— Простите меня совсѣмъ и, если вы меня не презираете...

— Я никогда васъ не презирала за прошлое,—перебила она.

— Такъ окажите мнѣ милость, хотя бы ради погибшаго нашего сына...

— Милость? Что̀ вы говорите?

— Будьте моей женой! — прибавилъ чуть слышно Павлищевъ.

Марья Евграфовна невольно вздрогнула, до того это было неожиданно.

Нѣсколько мгновеній она сидѣла, вся притихшая, пораженная словами Павлищева, и наконецъ промолвила:

— Я? Вашей женой, Степанъ Ильичъ?.. Что̀ вы? Зачѣмъ? Благодарю васъ, но я такой жертвы не приму...

— Какая жертва?

— Вы ради Васи хотите жениться на мнѣ, чтобы загладить старое... Но, видитъ Богъ, такой жертвы не надо... Вы давно искупили вину, и я...

— Господи!.. Да развѣ вы не видите, что я люблю васъ? Не оставляйте же меня одного въ жизни... Будьте моимъ ангеломъ-хранителемъ... И пусть эта могила соединитъ насъ навсегда... Молю васъ объ этомъ...

Голосъ его звучалъ глубокою нѣжностью.

Марья Евграфовна чувствовала, какъ бьется ея сердце, и вспомнила разрѣшеніе Васи выйти замужъ.

— Если можете, полюбите меня хоть немножко.

— Я не переставала любить васъ, — чуть слышно проронила молодая женщина.

Черезъ мѣсяцъ Павлищевъ повѣнчался съ Марьей Евграфовной въ Женевѣ. Свадьба была самая скромная. Въ тотъ же день они вернулись въ Кларанъ и посѣтили могилу Васи. Они рѣшили ежегодно пріѣзжать сюда, на эту могилу. Памятникъ былъ заказанъ, и Павлищевъ поручилъ постановку его священнику.

Въ концѣ августа они пріѣхали въ Петербургъ. На вокзалѣ Павлищевыхъ встрѣтилъ Маркъ и объявилъ, что вчера подписана отставка министра. Только послѣ сообщенія этого извѣстія онъ поздравилъ молодыхъ и въ то же время подумалъ:

«Однако большой дуракъ оказался мой зятекъ... Женился-таки на Машѣ, и изъ-за того, что разыгрывалъ идиллію въ Швейцаріи, пожалуй, министерство у него проскользнетъ мимо носа!»

XVII.

Какъ только Павлищевъ побывалъ въ министерствѣ въ своемъ обширномъ кабинетѣ и выслушалъ доклады, какъ только онъ цѣлый часъ пробылъ у министра, имѣя съ нимъ долгій и интересный разговоръ, его сразу и совершенно незамѣтно для него самого снова захватила вся эта, родная ему служебная атмосфера и приняла въ свои мягкія объятія. Всѣ недавнія мысли о тщетѣ служебной карьеры и погони за отличіями, приходившія въ голову Степана Ильича подъ впечатлѣніемъ тяжелаго испытанія и близкой картины смерти ребенка, исчезли, точно ихъ и не было, и честолюбивыя мечты снова охватили его всего.

Онъ поступилъ честно—женился на Марьѣ Евграфовнѣ, и совѣсть его теперь совершенно спокойна. Вдобавокъ Марья Евграфовна нравилась ему и въ будущемъ сулила тихую, спокойную семейную жизнь. Съ этой стороны женитьба не казалась ему, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, великодушнымъ порывомъ, за который ему впослѣдствіи придется раскаиваться. Правда, Марья Евграфовна была далеко не свѣтской женщиной, но во всякомъ случаѣ не изъ такихъ женщинъ, которыхъ надо прятать. Она не поставитъ его въ смѣшное положеніе и сумѣетъ держать себя, какъ слѣдуетъ, во всякомъ обществѣ. У нея есть врожденный тактъ и ка-

кая-то природная порядочность. И наконецъ не намѣренъ же онъ вести открытый образъ жизни... Кружокъ знакомыхъ будетъ ограниченный... Пусть говорятъ, что хотятъ, объ его женитьбѣ и пусть доискиваются о причинахъ такого мезальянса. Самый фактъ женитьбы на женщинѣ, которая была близка ему въ молодости, только подниметъ его въ глазахъ лицъ, требующихъ отъ государственныхъ людей матримоніальныхъ добродѣтелей.

Вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, Степанъ Ильичъ снова почувствовалъ всю прелесть власти и нравственную удовлетворенность честолюбца, и въ первый же пріемъ, отъ 10 до 11, онъ испытывалъ пріятное сознаніе своей значительности и силы, которая сказывалась и въ этихъ просителяхъ, наполнившихъ пріемную, и въ этомъ почтительно склонившемся дежурномъ чиновникѣ съ заискивающимъ взглядомъ.

Въ эти дни, когда рѣшался вопросъ о назначеніи новаго министра, обязанности котораго временно исполнялъ старшій его товарищъ (Павлищевъ былъ вторымъ), Степанъ Ильичъ переживалъ частыя минуты волненія. Назначатъ ли его или не назначатъ? Слухи о его назначеніи уже ходили въ городѣ и проникли въ печать съ весьма лестными для него комментаріями. Ужъ къ нему въ министерство заѣзжали разные алчущіе и жаждущіе, уже его поздравляли многіе пріятели, и онъ въ отвѣтъ только пожималъ плечами и говорилъ, что не смѣетъ думать о такомъ высокомъ назначеніи, а между тѣмъ, въ глубинѣ своей души, думалъ и даже говорилъ объ этомъ Марьѣ Евграфовнѣ, возвращаясь, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ министерствѣ, домой къ 6 — 7 часамъ въ свою старую холостую квартиру, въ которой они пока поселились въ ожиданіи устройства новаго помѣщенія.

Марья Евграфовна, серьезная, часто грустившая и проливавшая слезы о своемъ Васѣ, приняла это извѣстіе безъ особенной радости. Ей было рѣшительно все равно: будетъ ли ея мужъ министромъ или нѣтъ. Но чувство любви къ Павлищеву, конечно, не оставляло ее безучастной къ его надеждамъ, и она выслушивала перечисленіе его шансовъ съ деликатною внимательностью любящей натуры, понимающей, какъ волнуетъ Павлищева этотъ вопросъ, и какъ хочется ему говорить объ этомъ хотя бы ей, скромной и совсѣмъ не честолюбивой женщинѣ...

Павлищевъ, увлеченный своими надеждами, не торопился искать новую квартиру. Быть-можетъ, придется перебраться въ казенное помѣщеніе... Кто знаетъ?..

— Подождемъ еще нѣсколько дней, Маша,—говорилъ онъ взволнованно Марьѣ Евграфовнѣ. — Черезъ нѣсколько дней вопросъ рѣшится...

— Тебя очень огорчитъ, если тебя не назначатъ?—участливо спросила молодая женщина.

— Конечно, я вѣдь имѣю права... права долгой, добросовѣстной работы, знанія дѣла... Правда, я не имѣю связей, но иногда, слава Богу, выбираютъ людей не за связи, не за титулы, а за способности... Нашъ старый министръ не Богъ знаетъ какого происхожденія и не изъ того аристократически-служебнаго кружка, откуда вербуются государственные люди, а былъ десять лѣтъ министромъ...

Марья Евграфовна невольно вспомнила о Маркѣ.

«И Маркъ надѣется, конечно, быть со временемъ министромъ!»—подумала она, совсѣмъ не понимая этихъ волненій и тревогъ честолюбія.

Согласившись быть женой Павлищева, тронутая его поведеніемъ въ послѣднее время и нѣсколько удивленная вновь пробудившейся страстью къ ней, искренность и сила которой были несомнѣнны и даже заставляли конфузиться скромную и цѣломудренную молодую женщину своими проявленіями,—Марья Евграфовна, умиленная, благодарная и любящая, дала себѣ слово беречь и лелѣять этого человѣка и отдала ему всю свою душу безраздѣльно, какъ отдала и прежде. Послѣ смерти Васи, память о которомъ жила въ ея сердцѣ, Павлищевъ былъ для Марьи Евграфовны—единственный на свѣтѣ человѣкъ, привязанность котораго могла хоть нѣсколько примирить ее съ потерей любимаго существа. По временамъ она просто не вѣрила, что Павлищевъ снова ее любитъ, и ей становилось страшно: сумѣетъ ли она удержать эту привязанность и не заставитъ ли раскаяться Павлищева, что онъ женился на такой неблестящей женщинѣ. Какая она жена министра?!. Не будетъ ли онъ стѣсняться такой женой, бывшей акушеркой?.. И она самоотверженно рѣшила про себя тотчасъ же оставить его, если только замѣтитъ, что лишняя.

— Тебя, Маша, кажется, не особенно занимаетъ, что ты можешь быть женой министра?—говорилъ не разъ Павлищевъ въ эти дни послѣ того, какъ сообщалъ свои надежды Марьѣ Евграфовнѣ.

— Мнѣ довольно, что я твоя жена! — отвѣтила молодая женщина, вся смущенная. — Кто бы ты ни былъ! — прибавила она.

— Ахъ ты, славная моя! — нѣжно замѣчалъ Павлищевъ и уходилъ работать въ свой кабинетъ.

Но эти дни ему не работалось.

Онъ ходилъ по кабинету, и мысли его витали на вопросѣ: «Онъ или не онъ?»

Въ это свиданіе съ министромъ, на другой день послѣ возвращенія изъ-за границы, старикъ, встрѣтившій съ какой-то особенной значительностью своего любимца, объявилъ ему, что онъ наконецъ дѣйствительно отдохнетъ и поправитъ разстроенное свое здоровье. Довольно потрудился онъ— пора на его мѣсто болѣе энергичнаго и молодого.

— И я позволилъ себѣ указать на васъ, Степанъ Ильичъ, какъ на преемника, какъ на человѣка энергичнаго, добросовѣстнаго, полнаго силъ...

У Павлищева забилось сердце отъ радостнаго волненія, и онъ горячо благодарилъ старика за лестное о немъ мнѣніе. Онъ, разумѣется, употребитъ всѣ свои силы, чтобы оправдать довѣріе, если только онъ удостоится такой величайшей чести, о которой онъ не смѣлъ и мечтать...

— Я исполнилъ свой долгъ, какъ я его понимаю, я рекомендовалъ васъ, а затѣмъ...

Старикъ не докончилъ и только развелъ руками съ почтительно-серьезнымъ выраженіемъ своего больного, истомленнаго лица.

— Ну, какъ вы съѣздили за границу. Поправились?.. Не особенно, кажется?—спрашивалъ старикъ, взглядывая на постарѣвшаго Павлищева.

Степанъ Ильичъ откровенно разсказалъ ему, какими обстоятельствами была вызвана его поѣздка, и сообщилъ о своей женитьбѣ на Марьѣ Евграфовнѣ.

Бывшій патронъ совершенно одобрилъ поступокъ Степана Ильича и нашелъ его вполнѣ корректнымъ. Онъ выразилъ сочувствіе въ постигшемъ его горѣ — потерѣ ребенка и сказалъ:

— Это... это очень трогательно все... И эта ваша женитьба... Я сегодня же разскажу князю Жеребцову... Онъ у меня обѣдаетъ.

Они разстались, и старикъ на прощанье еще разъ обнадежилъ своего любимца.

Весь этотъ разговоръ вспоминалъ теперь Павлищевъ и надѣялся.

Прошла недѣля, прошла другая.

Павлищевъ начиналъ уже сомнѣваться, какъ въ одно утро онъ получилъ записку отъ своего бывшаго начальника.

Онъ пробѣжалъ записку и замеръ въ радостномъ волненіи, не вѣря своимъ глазамъ.

Черезъ два дня во многихъ газетахъ появились диѳирамбы новому министру. Говорили о томъ, что онъ началъ свою карьеру мелкимъ чиновникомъ, прошелъ всѣ ступени службы и слѣдовательно знаетъ практически весь сложный механизмъ администраціи и отличается познаніями, добросовѣстностью и энергіей. На него, по обыкновенію, возлагались надежды, что онъ принесетъ пользу Россіи не менѣе своего предшественника, и превозносились его молодость и энергія. Его рѣчь, сказанная чиновникамъ, цитировалась, какъ программа истинно-русскаго человѣка здраваго смысла и жизни. Одна газета даже провидѣла новую эру.

Во всѣхъ иллюстраціяхъ красовались портреты Степана Ильича.

И онъ самъ вообразилъ себя великимъ государственнымъ человѣкомъ и торопился доказать это новыми реформами въ своемъ министерствѣ, и являлся туда въ 10 часовъ утра.

Дѣятельность закипѣла, и чиновники окончательно изнемогали.

Маркъ былъ назначенъ директоромъ канцеляріи.

XVIII

Прошелъ годъ со времени назначенія Павлищева, и газеты, почти не переставая, сообщали извѣстія о неустанной, кипучей дѣятельности «молодого и энергичнаго» министра и его ближайшихъ помощниковъ. Такимъ образомъ общественное вниманіе невольно было обращено на этого, нежданно обрѣтеннаго «феникса», какимъ являлся Степанъ Ильичъ Павлищевъ въ глазахъ большинства добродушныхъ читателей. Благодаря частому повторенію его имени, популярность Павлищева росла. О немъ говорили и въ Петербургѣ и въ провинціи, и непремѣнно къ имени его прибавляли: «молодой и энергичный».

Въ самомъ дѣлѣ, какъ не говорить о человѣкѣ, который почти не спитъ и не ѣстъ, принося все свое время на алтарь отечества.

Вы, конечно, читали въ «Кукушкѣ», а если не въ «Кукушкѣ», то въ другихъ газетахъ, достовѣрный отчетъ о томъ, какъ распредѣлено время у Степана Ильича Павлищева, «нашего молодого и энергичнаго сановника»? Вы обратили вниманіе на то, что его высокопревосходительство встаетъ въ семь часовъ утра и ложится спать въ два, а то и въ три, отдыхая въ теченіе дня лишь четверть часа послѣ обѣда, которому посвящаетъ всего двадцать минутъ—не болѣе. Всѣ остальные часы этотъ неутомимый человѣкъ «бодрствуетъ на

своемъ отвѣтственномъ посту», какъ живописно выразился авторъ статейки: «Какъ работаютъ наши министры», помѣщенной въ «Кукушкѣ» въ одномъ изъ нумеровъ 1879 года и затѣмъ перепечатанной почти во всѣхъ газетахъ.

Это представлялось чѣмъ-то диковиннымъ, особенно для захолустнаго читателя. Министръ—и вдругъ... спитъ всего только четыре часа вмѣсто того, чтобы отсыпаться вволю, благо никто не взыщетъ, если опоздаетъ на службу. Бѣдные сановники! Какъ имъ тяжело! Сколько заботъ, и какая энергія! И гдѣ это нашли такое сокровище, какъ Степанъ Ильичъ Павлищевъ!?

Нечего, конечно, и говорить, что всѣ сообщенія о кипучей дѣятельности въ министерствѣ Степана Ильича и всѣ извѣстія о предстоящихъ мѣропріятіяхъ и совершенныхъ уже реформахъ появлялись въ краткомъ, исключительно фактическомъ изложеніи безъ всякихъ комментаріевъ. «Мы слышали изъ источниковъ, заслуживающихъ довѣрія, что по почину С. И. Павлищева образована комиссія для всесторонняго изученія вопроса о томъ, насколько оскудѣли платежныя силы страны», или: «Намъ сообщаютъ, что, по распоряженію С. И. Павлищева, командируется извѣстный спеціалистъ, профессоръ такой-то, для изученія на мѣстѣ нуждъ населенія и мѣръ къ поднятію его благосостоянія въ связи съ правильнымъ поступленіемъ недоимокъ», или: «Спѣшимъ заявить, что въ вѣдомствѣ, во главѣ коего стоитъ нашъ молодой и энергичный С. И. Павлищевъ, чиновникамъ строжайше предписано являться на службу не позже десяти часовъ».

Если по поводу того или другого отраднаго извѣстія печатались передовыя статьи, то, разумѣется, въ томъ восторженно-ликующемъ тонѣ, въ какомъ обыкновенно пишутъ добрые журналисты о дѣятельности своихъ, находящихся у дѣлъ, государственныхъ людей, тѣмъ болѣе, что для проявленія цивическихъ чувствъ благороднаго негодованія къ услугамъ журналиста всегда находятся иностранные министры. Ихъ можно, не стѣсняясь, раздѣлывать «подъ орѣхъ» и награждать какими угодно пренебрежительными эпитетами и въ то же время чувствовать себя совершенно спокойно въ своемъ кабинетѣ. Ни отъ Бисмарка, ни отъ Андраши, ни тѣмъ болѣе отъ Гладстона не явится курьеръ съ лаконической повѣсткой: «явиться немедленно».

Не проходило почти дня, чтобы въ газетахъ не появлялось замѣтки, напоминающей читателямъ о неутомимой дѣятельности Степана Ильича и всѣхъ директоровъ департамента его вѣдомства. И читатель только пріятно изумлялся, прочитывая

то рѣчь Степана Ильича — «твердую, полную патріотизма, рѣчь», по замѣчанію «Кукушки»,—то сообщеніе о двадцать пятой комиссіи, подъ его предсѣдательствомъ, то о внесенномъ проектѣ, то наконецъ телеграфныя извѣстія объ экскурсіяхъ Степана Ильича въ разные города для обозрѣнія подвѣдомственныхъ учрежденій и краткія рѣчи-программы по этому поводу, въ которыхъ неизмѣнно повторялась фраза, возбуждавшая общій восторгъ, что «мы русскіе, и все у насъ должно быть русское». Однимъ словомъ, читатель былъ всегда au courant того, что дѣлалось въ министерствѣ Павлищева. Имъ какъ бы исключительно занималась печать, такъ что наивный читатель могъ бы подумать, судя по газетамъ, что во всѣхъ остальныхъ министерствахъ чиновники бездѣйствуютъ и ходятъ на службу лишь для того, чтобы покурить, напиться чаю и поболтать, и только въ министерствѣ Степана Ильича кипитъ дѣятельность.

Завистники Степана Ильича — а ихъ было, конечно, немало — не безъ ехидства замѣчали, что Павлищевъ самъ устраиваетъ себѣ рекламы, приказывая сообщать въ «Кукушку» разныя достовѣрныя свѣдѣнія.

Справедливость требуетъ замѣтить, что нареканія эти были несправедливы.

Степанъ Ильичъ былъ настолько уменъ, что хорошо понималъ дѣйствительное значеніе печати и ея похвалъ. Но онъ былъ «другъ прессы», какъ онъ выразился однажды, выражая неудовольствіе одному редактору за сообщеніе невѣрныхъ свѣдѣній,—другъ той прессы, которая «помогаетъ, а не противодѣйствуетъ благимъ мѣрамъ и предначертаніямъ», и потому ничего не имѣлъ противъ, если пресса относилась сочувственно въ его дѣятельности и сообщала о нихъ вѣрныя свѣдѣнія. И какъ ни ничтожно значеніе печати, а все-таки пріятно читать сочувственные отзывы и похвалы газетчиковъ— они вѣдь прочтутся всей Россіей и могутъ быть перепечатаны и за границей. Не мѣшаютъ и вѣрныя сообщенія о дѣятельности того учрежденія, которымъ управляешь. Напротивъ. Гласность, умѣло управляемая, приноситъ большую пользу. Это, къ сожалѣнію, игнорируютъ многіе люди, боящіеся печати. И наконецъ какой дѣятель совершенно равнодушенъ къ общественному мнѣнію, хотя бы оно и не имѣло никакого серьезнаго значенія и могло выражаться только въ извѣстной формѣ?..

Такъ разсуждалъ Павлищевъ и, по правдѣ сказать, очень былъ доволенъ, что газеты занимаются имъ и его вѣдомствомъ. Правда, онъ иногда жаловался своимъ коллегамъ, что газеты не оставляютъ его въ покоѣ; но въ этихъ жалобахъ чувство-

валось тайное удовлетвореніе человѣка успѣха, на котораго обращено всеобщее вниманіе. Вдобавокъ, и всѣ свѣдѣнія, появлявшіяся въ печати, были почти всегда достовѣрными благодаря тому, что попадали въ газеты прямо изъ канцеляріи. Новый директоръ, Маркъ, любезно сообщалъ все, что находилъ возможнымъ, являвшемуся къ нему ежедневно сотруднику «Кукушки».

Такимъ образомъ «невѣрныхъ свѣдѣній» или «преждевременныхъ извѣстій», столь нелюбимыхъ общественными дѣятелями, быть и не могло, а если таковыя и попадали изрѣдка на столбцы газетъ и сопровождались не всегда умѣстными разсужденіями, то Маркъ, зорко слѣдившій за газетами, какъ русскими, такъ и иностранными, отмѣчалъ такія статьи и докладывалъ о нихъ Степану Ильичу.

Павлищевъ пробѣгалъ статью, презрительно щурилъ глаза и говорилъ, отбрасывая газету:—Вранье и глупости!..

И добродушно прибавлялъ:

— Не стоитъ обращать вниманіе, Маркъ Евграфовичъ.

Но Маркъ, отлично изучившій своего патрона и умѣвшій играть на немъ, какъ на клавикордахъ, почтительно «позволялъ себѣ замѣтить», что подобныя статьи могутъ возбудить совсѣмъ превратные толки объ его намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ.

— Но газета эта не распространенная...

— Точно такъ, но все-таки возможно, что другія газеты перепечатаютъ.

— Пошлите опроверженіе.

— Слушаю-съ...

— Вамъ, кажется, всего этого мало, Маркъ Евграфычъ?— смѣясь, спрашивалъ Павлищевъ.

— Мнѣ кажется, что если разъ оставить безъ вниманія такую выходку, то она можетъ повториться.

И Маркъ продолжалъ ровнымъ, безстрастнымъ голосомъ, глядя своими большими и холодными черными глазами на Павлищева:

— Всѣмъ вѣдь извѣстно, что вы, Степанъ Ильичъ, и всѣ мы, подъ вашимъ руководствомъ, дѣйствительно работаемъ безъ устали и изо всѣхъ силъ стараемся сдѣлать что-нибудь полезное... И вдругъ какой-нибудь невѣжественный, ничему не учившійся писака...

— Они въ самомъ дѣлѣ воображаютъ, что могутъ учить насъ! — перебивалъ, нѣсколько раздражаясь, Павлищевъ. — Пригласите ко мнѣ редактора!

Популярность Степана Ильича распространялась; росла и его слава, какъ молодого и энергичнаго министра, и вмѣстѣ

съ тѣмъ, какъ водится, увеличивался кругъ его недоброжелателей и завистниковъ, утверждавшихъ, что Павлищевъ — зазнавшійся выскочка, пускающій пыль въ глаза, но пока еще ничего путнаго не сдѣлавшій... Въ чиновныхъ кругахъ признавали, что онъ умный человѣкъ, но далеко не тотъ «фениксъ», о которомъ прокричали. Но главное обвиненіе было въ томъ, что онъ имѣлъ блестящій успѣхъ. Этого простить ему не могли, какъ не могли простить и его умѣнья говорить ясно, толково и съ тѣмъ убѣдительнымъ, нѣсколько наглымъ апломбомъ, который зачастую замѣняетъ знаніе и импонируетъ малосвѣдущихъ людей, и той самоувѣренности, которая особенно сказывалась въ отношеніяхъ съ лицами высокаго положенія.

Успѣхъ кружитъ многія головы и болѣе умныя, чѣмъ голова Павлищева. Не мудрено, что и Степанъ Ильичъ, сдѣлавшій совсѣмъ необычайную карьеру, не избѣгнулъ этой участи. Атмосфера власти и силы, лести и угодничества, искреннихъ и лицемѣрныхъ похвалъ, всѣ эти завистливые толки о немъ служебныхъ недруговъ и злостные пересуды «сливокъ» общества, еще болѣе подчеркивающіе высоту его фондовъ, эти газетные диѳирамбы и интервью съ восхищенными корреспондентами, портреты въ иллюстраціяхъ, всѣ эти лица, внимательно и жадно слушающія его смѣлыя рѣчи, когда онъ говорилъ и о политической экономіи, и о земледѣліи, и о политикѣ, ловко умѣя пользоваться тѣми обрывками знаній, которыя успѣвалъ вычитывать изъ книгъ, талантливо схватывая сущность вопроса, — все это опьяняло Степана Ильича, и онъ въ самомъ дѣлѣ вообразилъ себя крупною звѣздой и, въ нѣкоторомъ родѣ, провиденціальнымъ человѣкомъ. Нѣсколько дѣйствительно полезныхъ мѣръ, проведенныхъ имъ, окончательно вскружили ему голову, и онъ, что̀ называется, закусилъ удила и съ дерзкою смѣлостью счастливаго игрока, не знающаго проигрыша, словно бы издѣваясь надъ своими многочисленными недоброжелателями и завистниками, афишировалъ свою силу, импонируя нѣкоторыхъ изъ своихъ наиболѣе недоброжелательныхъ коллегъ.

Разсчитывая на свое, какъ онъ выражался, «честное служеніе», онъ словно бы забывалъ, что, внѣ исключительной служебной сферы, есть сложная комбинація отношеній, вліяній и интригъ, съ которыми надо считаться и которыя игнорировать нельзя. Но теперь это ему казалось возможнымъ, и онъ, увлеченный своими успѣхами, не всегда былъ уступчивъ тамъ, гдѣ тонкая дипломатія рекомендовала уступить. Для высшихъ сферъ общества, нѣсколько скандализованныхъ

и его случайной карьерой и его темнымъ прошлымъ, Павлищевъ оставался зазнавшимся выскочкой изъ проходимцевъ, который скоро себѣ сломитъ шею, и знакомство съ нимъ ограничивалось офиціальными визитами и приглашеніями. «Своимъ» его, разумѣется, не признавали и подсмѣивались и надъ его французскимъ языкомъ, и надъ его позднимъ матримоніальнымъ исправленіемъ «ошибокъ молодости», и надъ «ея высокопревосходительствомъ изъ акушерокъ». Всѣ эти глумленія не мѣшали, конечно, разнымъ представителямъ родовъ, древность которыхъ восходила до тасканія предковъ за бороды еще Ярославомъ, выпрашивать у Павлищева разныхъ подачекъ, а представительницамъ—ѣздить къ нему въ министерскую пріемную за мѣстами для сыновей и братьевъ.

Не пользовался Павлищевъ расположеніемъ и въ бюрократическихъ чиновныхъ кругахъ и среди коллегъ. Онъ подчасъ слишкомъ нагло и рѣзко давалъ имъ чувствовать свое превосходство, а нѣкоторыхъ изъ нихъ третировалъ, какъ мальчишекъ. Это тѣмъ болѣе раздражало еще потому, что большинство изъ нихъ втайнѣ сознавало, что этотъ внезапно выскочившій въ люди «нахалъ» — еще не такъ давно мелкій чиновникъ въ захолустномъ городишкѣ — во всякомъ случаѣ выдается среди нихъ и талантливостью, и бойкимъ умомъ, и краснорѣчіемъ, и знаніями, и энергіей, и самолюбивымъ задоромъ сдѣлать что-нибудь. Каковъ бы ни былъ Павлищевъ, шарлатанъ, какъ многіе его считали, или нѣтъ, какъ бы ни поверхностны были у него знанія, но у него они все-таки были, была какая-нибудь программа дѣйствій, извѣстныя идеи, которыя онъ защищалъ. И онъ дѣйствительно казался «орломъ».

Маркъ, не особенно высоко цѣнившій своего патрона, называлъ его про себя иронически «жаръ-птицей» и недаромъ распространялъ черезъ «Кукушку» его славу. Онъ внимательно изучалъ Павлищева въ его новомъ положеніи, стараясь быть «сѣрой эминенціей» кардинала Ришелье и разсчитывая воспользоваться имъ для собственной карьеры.

Она ему улыбалась, и ему не приходилось жаловаться на непризнаніе талантовъ. Его дѣйствительно неустанная работа и выдающіяся способности умѣлаго человѣка, готоваго работать въ какомъ угодно духѣ и направленіи, не остались невознагражденными. Онъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ, директоръ канцеляріи министра и получаетъ десять тысячъ въ годъ. Это во всякомъ случаѣ недурно для купеческаго сына, брошеннаго на произволъ судьбы, для несчастнаго бѣдняка, безъ знакомства и безъ связей, пробившаго горбомъ себѣ дорогу...

Но это только ступень той лѣстницы, къ верхушкѣ кото-

рой онъ стремился, съ какимъ-то спокойнымъ упрямствомъ маніака, снѣдаемаго жаждой власти и честолюбія... Къ чему? Зачѣмъ? Объ этомъ онъ пока не думалъ, онъ, любившій размышлять о всевозможныхъ предметахъ и находившій какое-то наслажденіе въ самыхъ безотрадныхъ выводахъ, которыхъ не боялся и которыми, напротивъ, словно бы гордился, какъ бы они ни были циничны и смѣлы... Его, скептика-нелюдима, озлобленнаго въ ранней молодости, умственно-развращеннаго и въ то же время сильной натуры человѣка, интересовалъ главнымъ образомъ процессъ достиженія поставленной имъ цѣли.

Отчего-жъ, въ самомъ дѣлѣ, и ему, такому умному и образованному человѣку, свободному отъ тѣхъ предразсудковъ, которые еще стѣсняютъ массу людей, считающихъ себя умными, — не пользоваться властью и силой и не достигнуть того положенія, какого достигаютъ люди, не имѣющіе, по его мнѣнію, на то никакихъ правъ?..

Чѣмъ же онъ хуже людей, портреты которыхъ однако украшаютъ иллюстраціи?..

И если Павлищевъ оказался «жаръ-птицей», то какимъ «геніемъ» будетъ онъ, Маркъ Борщовъ!!

Такія мысли не разъ приходили въ голову Марка и, вѣроятно, не одному Марку, а многимъ молодымъ и смѣлымъ интеллигентнымъ безшабашнымъ проходимцамъ того отдаленнаго времени, которые были безъ всякихъ предразсудковъ и, наблюдая блестящіе примѣры торжества безпринципности и безстыдства, мечтали о томъ же, о чемъ мечталъ и Маркъ.

И Маркъ почти не сомнѣвался, что мечты его сбудутся; лишь бы представился случай, а ужъ онъ имъ воспользуется и «съѣстъ» хоть самого своего патрона, если будетъ нужно.

На то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ!

Въ этомъ обширномъ министерскомъ кабинетѣ, нѣсколько мрачномъ отъ темныхъ обоевъ и отъ темной обивки мебели, за громаднымъ письменнымъ столомъ, стоявшимъ посрединѣ комнаты, вмѣсто «стараго и ловкаго старика», какъ называли прежняго министра, сидѣлъ «молодой и энергичный» Степанъ Ильичъ Павлищевъ и, попыхивая душистымъ дымкомъ сигары, весело просматривалъ списокъ просителей, только-что поданный молодымъ дежурнымъ чиновникомъ.

Онъ былъ не въ обычномъ своемъ вестонѣ, въ какомъ являлся обыкновенно въ министерство, а въ вицмундирѣ съ двумя звѣздами на груди и Владиміромъ 2-й степени на шеѣ.

Сегодня былъ пріемный день.

Степанъ Ильичъ нѣсколько постарѣлъ и пополнѣлъ за по-

слѣдній годъ. Виски его коротко остриженныхъ волосъ сильно засѣдѣли, и на головѣ и въ остриженной бородкѣ виднѣлись серебристые волосы. Слегка выдавалось и брюшко. Тѣмъ не менѣе онъ все-таки глядѣлъ представительнымъ молодцомъ, съ блестящими живыми глазами, несмотря на то, что спалъ, если только вѣрить «Кукушкѣ», всего четыре часа въ сутки. Въ его манерахъ и движеніяхъ прибавилось самоувѣренности и апломба, и въ глазахъ появилась та нѣсколько наглая опредѣленность и настойчивость взгляда, которыя бываютъ у людей, избалованныхъ быстрыми успѣхами.

— Попросите редактора сюда, въ кабинетъ!—проговорилъ Павлищевъ, откладывая списокъ и взглядывая на безукоризненные ногти.

Голосъ его оставался попрежнему мягкимъ и сочнымъ, но въ немъ уже звучали повелительныя нотки властнаго лица, не охотно выслушивающаго возраженія.

Чиновникъ безшумно исчезъ за дверьми, не осмѣлившись, какъ собирался, доложить, что княгиня Оболдуй-Тараканова находится въ числѣ просителей. Но Степанъ Ильичъ и самъ это зналъ и все-таки первымъ велѣлъ просить къ себѣ редактора газеты, въ которой были помѣщены невѣрныя свѣдѣнія и передовая статья, которую его высокопревосходительство презрительно назвалъ «враньемъ и глупостями».

Привычнымъ движеніемъ холеной руки, на безыменномъ пальцѣ которой блистало обручальное кольцо, а на мизинцѣ была крупная бирюза, онъ поправилъ крестъ на шеѣ и принялъ строгій и серьезный видъ человѣка, собирающагося сдѣлать внушеніе, при чемъ въ глазахъ его явилась та юпитеровская застланность взгляда, которая отличаетъ русскихъ чиновниковъ отъ иностранныхъ.

Черезъ минуту въ кабинетъ вошелъ редакторъ во фракѣ, взволнованный и нѣсколько блѣдный. Вся его худощавая, блѣднолицая фигура, съ длинными волосами, представляла собою олицетвореніе недоумѣнія и испуга.

И Павлищевъ, ожидавшій увидать строптиваго газетчика, осмѣливающагося въ нѣкоторомъ родѣ «потрясать основы», котораго слѣдовало припугнуть,—при видѣ этой жалкой и испуганной «прессы» внезапно повеселѣлъ и, поднимаясь съ кресла, проговорилъ скорѣе добродушно-ворчливымъ, чѣмъ строгимъ тономъ:

— Что это вы печатаете у себя въ газетѣ?.. Откуда вы получаете такія ложныя свѣдѣнія?

И Степанъ Ильичъ взялъ со стола нумеръ газеты и указалъ на статью, отмѣченную краснымъ карандашомъ.

— Мнѣ были доставлены эти свѣдѣнія однимъ изъ репор-

теровъ, ваше высокопревосходительство, и я никакъ не предполагалъ...

— Охотно готовъ вѣрить, что вы не предполагали ложности извѣстія... охотно готовъ вѣрить,—перебилъ Павлищевъ, вполнѣ обезоруженный и почтительнымъ видомъ и почтительнымъ тономъ представителя «прессы».—Но эта статья... Признаюсь, меня крайне удивило, что редакторъ такой почтенной газеты и печатаетъ такія вздорныя статьи...

Редакторъ «почтенной газеты», которой Павлищевъ никогда не читалъ, проглотилъ этотъ комплиментъ, лично къ нему относящійся. Эту «вздорную» статью писалъ онъ самъ.

— Я, вы знаете, не врагъ прессы и очень цѣню ее,—продолжалъ Павлищевъ:—и, конечно, охотно готовъ читать всякія благожелательныя замѣчанія... Но этотъ тонъ... Это невѣжественное отношеніе какого-то писаки (редакторъ поморщился) къ проекту, надъ которымъ работали люди, надѣюсь, кое-что знающіе и не глупѣе вашего сотрудника... вотъ что̀ возмутительно, и вотъ на что я хотѣлъ обратить ваше вниманіе... Если хотите вѣрныхъ свѣдѣній, если хотите разъясненій—милости просимъ... У меня секретовъ нѣтъ, и вамъ дадутъ всякія свѣдѣнія и всякія разъясненія...

Редакторъ счелъ долгомъ поблагодарить за такую любезность.

А Степанъ Ильичъ между тѣмъ продолжалъ:

— Вы, господа, должны помогать намъ, а не противодѣйствовать... А то, согласитесь, мы работаемъ на благо отечества, а печать...

Степанъ Ильичъ въ эту минуту вспомнилъ, что въ пріемной въ числѣ просителей его дожидаются два генерала и княгиня Оболдуй-Тараканова, и, вполнѣ увѣренный, что редакторъ вполнѣ проникся его доводами, круто оборвалъ:

— Пожалуйста, исправьте вашу ошибку. Оговорите, что вы были введены въ заблужденіе невѣрными свѣдѣніями, и впредь будьте осторожнѣе... И—повторяю—если вамъ нужны разъясненія, милости просимъ... Мой директоръ канцеляріи всегда ихъ дастъ... Имѣю честь кланяться! Помните, я другъ прессы...

Съ этими словами Степанъ Ильичъ протянулъ руку редактору, и, когда тотъ, довольный, что отдѣлался сравнительно такъ дешево отъ «друга прессы», вышелъ за двери,—Павлищевъ показался въ пріемной.

XIX.

Два старенькіе, видимо нѣсколько взволнованные, штатскіе генерала въ шитыхъ мундирахъ, стоявшіе рядомъ и первыми въ числѣ просителей, наполнявшихъ большую пріемную, при

появленіи Павлищева невольно подтянулись и пріосанились, словно бы и сами хотѣли, несмотря на преклонные годы, казаться «молодыми и энергичными», и замерли въ служебно-почтительныхъ позахъ, съ красными, неестественно-серьезными и въ то же время преданными начальству лицами.

Бѣдные старички! Ихъ обоихъ вызвали въ Петербургъ телеграммами («по дѣламъ службы») изъ губерній, въ которыхъ они занимали, и довольно долго, видныя мѣста, и они рѣшительно не знали, для чего ихъ вызвали: для того ли, чтобы похвалить за усердную службу и предложить повышеніе, или, напротивъ, для того, чтобъ найти ихъ негодными и посовѣтовать выйти въ отставку. Кто это знаетъ!?

Прежде, когда нравы чиновниковъ были, такъ сказать, болѣе патріархальны, всегда можно было впередъ узнать въ канцеляріи о настоящей причинѣ вызова и явиться къ министру уже приготовленнымъ къ тому или другому сюрпризу. И они, не имѣя яснаго представленія о новомъ директорѣ канцеляріи, на другой же день по пріѣздѣ въ Петербургъ явились къ Марку въ канцелярію узнать, въ чемъ дѣло. Но Маркъ, хотя и принялъ ихъ любезно, однако нисколько ихъ не успокоилъ, объявивъ, что не имѣетъ чести быть посвященнымъ въ намѣренія господина министра и въ данномъ случаѣ исполнилъ лишь его распоряженіе.

Такъ генералы и ушли, попрежнему удрученные, въ полной неизвѣстности объ ожидающей ихъ судьбѣ и окладѣ содержанія, хотя, разумѣется, Маркъ и отлично зналъ, что вызвали ихъ для того, чтобы «сплавить» и позолотить горькую пилюлю личнымъ объясненіемъ о болѣе или менѣе приличномъ устройствѣ ихъ будущаго положенія.

Они были не ко двору, эти почтенные чиновники: и недостаточно «молоды и энергичны» и—главное—просто себѣ-служили и дѣлали, по мѣрѣ силъ, свое дѣло, а не умѣли, какъ болѣе сообразительные ихъ товарищи, шумѣть, подавать записки о мѣстныхъ реформахъ, изучать на мѣстѣ вопросы, составлять статистическія данныя, словомъ—быть на высотѣ положенія того учрежденія, въ которомъ, при новомъ министрѣ, всѣ чиновники обязаны были почти не ѣсть, не пить и не спать, а работать исключительно для блага отечества. А эти старички,—да проститъ имъ Господь Богъ,—отсидѣвъ въ присутствіи узаконенное время и свершивъ всѣ дѣла, какія можно было свершить,—шли домой и, отдохнувъ послѣ обѣда, любили, грѣшнымъ дѣломъ, повинтить вечеркомъ, о чемъ ѣздившій молодой ревизоръ и довелъ до свѣдѣнія начальства.

Привѣтливая улыбка на лицѣ Степана Ильича, направи-

вшагося прямо къ старикамъ, и крѣпкое пожатіе ихъ рукъ заставили генераловъ радостно просіять и почувствовать надежду на сохраненіе мѣстъ. Его высокопревосходительство очень радъ ихъ видѣть... Давно они пріѣхали?.. Третьяго-дня?..

— Милости просимъ ко мнѣ завтра въ девять часовъ утра, а сегодня мнѣ некогда съ вами побесѣдовать, какъ слѣдуетъ... И, пожалуйста, не въ мундирахъ, а просто въ сюртукахъ,— любезно прибавилъ Павлищевъ, раскланиваясь и снова пожимая руки по очереди обоимъ генераламъ.

И Степанъ Ильичъ, минуя другихъ просителей, направился къ княгинѣ Оболдуй-Таракановой, пожилой, полной и видной дамѣ, стоявшей въ другомъ концѣ пріемной.

— Извините, княгиня, что заставляю васъ дожидаться. Вы видите,—и онъ указалъ движеніемъ головы на просителей.— Позвольте покончить съ пріемомъ, и тогда я къ вашимъ услугамъ у себя въ кабинетѣ.

— Въ качествѣ просительницы я вѣдь вполнѣ завишу отъ вашего добраго желанія и отъ вашего времени, господинъ министръ!—промолвила почему-то по-французски полная княгиня съ любезно-покорной улыбкой и опустилась въ кресло, едва сдерживая свое негодованіе.

Еще бы! Онъ заставляетъ дожидаться у себя въ пріемной наравнѣ съ разными просителями ее, княгиню Оболдуй-Тараканову, вдову министра, женщину, занимавшую очень видное положеніе въ высшемъ обществѣ. Признаться, она не ожидала, что ей придется вынести столько «униженія», когда она ѣхала, скрѣпя сердце, сюда, по просьбѣ племянника князя Бориса, чтобы просить содѣйствія Павлищева въ выдачѣ ста пятидесяти тысячъ для поправленія его запущенныхъ имѣній... Она вполнѣ была увѣрена, что Павлищевъ приметъ ее немедленно у себя въ кабинетѣ... И вмѣсто того еще ждать!! Какого-то редактора принялъ раньше, къ какимъ-то старымъ «чинушамъ» къ первымъ подошелъ и только тогда обратилъ свое милостивое вниманіе на нее. О, она разскажетъ объ этомъ всѣмъ... Непремѣнно разскажетъ... Пусть знаютъ, какъ нагло обходится онъ съ порядочными людьми... Онъ, разумѣется, нарочно хотѣлъ унизить ее, княгиню Оболдуй-Тараканову, чтобъ показать, какъ онъ относится къ людямъ высокаго положенія... О, она постарается представить Павлищева въ надлежащемъ освѣщеніи, какъ только дѣло Бориса будетъ устроено!.. Павлищевъ, разумѣется, не посмѣетъ отказать въ своемъ содѣйствіи, разъ она проситъ... Онъ долженъ знать ея связи, ея короткое знакомство съ вліятельными лицами...

Тѣмъ временемъ Степанъ Ильичъ обходилъ просителей. Онъ

отбиралъ разныя прошенія и записки и передавалъ ихъ сопровождавшему молодому дежурному, обѣщая разсмотрѣть; задавалъ короткіе вопросы и, выслушавъ отвѣты, шелъ далѣе.

— Вы зачѣмъ?—удивленно воскликнулъ Павлищевъ при видѣ того самаго Бугаева, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ явился просителемъ, какъ пострадавшій за «патріотическій образъ мыслей», и напомнилъ Павлищеву о существованіи Марьи Евграфовны.

Теперь Бугаевъ, умудренный опытомъ и благополучно служившій въ Сибири, далеко не имѣлъ прежняго своего обтрепаннаго и голоднаго вида человѣка, пострадавшаго за свой патріотическій образъ мыслей. Напротивъ, онъ раздобрѣлъ, сталъ круглѣе и глаже, и въ своемъ новенькомъ мундирѣ, съ трехуголкой въ рукахъ, гладко причесанный, съ подстриженной бородкой, совсѣмъ не напоминалъ прежняго искателя мѣста въ потертомъ фракѣ. Хотя въ лицѣ и во всей фигурѣ Бугаева попрежнему чувствовался волкъ, но волкъ сытый, а не голодный, которому въ сибирскихъ палестинахъ служить было привольно.

— Вы, кажется, служите въ Сибири? Отчего вы здѣсь?—спрашивалъ Павлищевъ когда-то бывшаго своего сослуживца и знакомаго, принимая внушительно-строгій видъ недосягаемаго Юпитера.

Присутствіе этого «наглеца» въ Петербургѣ было непріятно Степану Ильичу. Того и гляди, онъ осмѣлится явиться къ Марьѣ Евграфовнѣ, какъ къ бывшей своей хорошей знакомой.

Съ напускной аффектаціей служебной восторженности чиновника, имѣвшаго счастье говорить съ министромъ, и глядя на него въ упоръ замирающимъ въ почтительномъ трепетѣ взглядомъ своихъ наглыхъ глазъ,—Бугаевъ объяснилъ, что, назначенный по распоряженію его высокопревосходительства, въ бытность его директоромъ департамента, въ Тобольскую губернію, онъ шесть лѣтъ занимаетъ ввѣренный ему постъ.

— Въ настоящее время я пріѣхалъ въ отпускъ и осмѣлился явиться къ вашему высокопревосходительству, чтобы представить записку о положеніи края, долгое знакомство съ которымъ дало мнѣ смѣлость повергнуть на усмотрѣніе начальства свой слабый трудъ и почтительнѣйше просить ваше высокопревосходительство почтить своимъ милостивымъ вниманіемъ мою шестилѣтнюю усердную службу, засвидѣтельствованную непосредственнымъ начальствомъ. Обремененный большимъ семействомъ и получая скудное жалованье...

— Передайте вашу записку директору канцеляріи. Ее разсмотрятъ,—нетерпѣливо перебилъ Павлищевъ Бугаева, видъ котораго, льстивый, приниженный и въ то же время наглый,

возбуждалъ въ министрѣ не особенно пріятныя воспоминанія прежняго знакомства и невольное чувство какой-то боязни такого нахала.—А о вашей службѣ я прикажу навести справки и... мы посмотримъ!—прибавилъ онъ обнадеживающимъ тономъ, переходя къ слѣдующему просителю.

Наконецъ пріемъ оконченъ. Большая пріемная опустѣла. Только княгиня Оболдуй-Тараканова сидѣла въ креслѣ, и сдержанная презрительная улыбка скользила на ея губахъ.

— Теперь я въ полномъ вашемъ распоряженіи, княгиня,— проговорилъ Павлищевъ, подходя къ княгинѣ и почтительно наклоняя голову.—Не угодно ли пожаловать въ кабинетъ?

И, пропустивъ княгиню въ двери, Степанъ Ильичъ придвинулъ ей кресло и, усѣвшись къ столу, съ особенною, нѣсколько аффектированною любезностью спросилъ:

— Чѣмъ могу служить вамъ, княгиня?

Несмотря на эту усиленную любезность, въ тонѣ голоса Павлищева и въ его самоувѣренной улыбкѣ чувствовалось внутреннее торжество. Онъ зналъ, какъ относились къ нему въ высшемъ обществѣ, зналъ, какъ презрительно отзывалась о немъ княгиня Оболдуй-Тараканова, ни разу не пригласившая его на свои знаменитые рауты; зналъ, какъ старались ея друзья «подложить ему свинью» еще недавно, и испытывалъ теперь злорадное чувство, не лишенное пріятности, при видѣ этой надменной княгини у себя въ кабинетѣ въ качествѣ просительницы, и старался удвоить свою любезность.

Чуть-чуть склонивъ на-бокъ голову и принявъ необыкновенно серьезное выраженіе, Павлищевъ смотрѣлъ на княгиню пристальнымъ взглядомъ, внимательно и терпѣливо выслушивая дѣло ея племянника, князя Бориса, сущность котораго онъ отлично зналъ раньше. И когда княгиня, покончивъ съ исторической стороной вопроса, съ нѣсколько вызывающей увѣренностью въ тонѣ голоса и во взглядѣ слегка прищуренныхъ, красивыхъ глазъ, выразила надежду, что господинъ министръ, конечно, не откажетъ помочь своимъ содѣйствіемъ дѣлу, въ которомъ принимаютъ участіе такія-то лица (и княгиня, внезапно принимая серьезное почтительное выраженіе, перечислила имена нѣсколькихъ высокопоставленныхъ особъ), то самымъ этимъ приготовила себѣ окончательное пораженіе.

Какъ видно, княгиня плоха была въ психологіи, разсчитывая напугать опьяненнаго успѣхами «молодого и энергичнаго» министра. Ея вызывающія слова, похожія скорѣй на приказаніе, чѣмъ на просьбу, только усилили въ Павлищевѣ доблестныя чувства защитника государственныхъ интересовъ и въ то же время возбудили въ немъ желаніе зазнавщагося

человѣка оборвать княгиню и показать ей, что для него ничего не значатъ перечисленныя имена.

И онъ проговорилъ съ едва замѣтною и насмѣшливою улыбкой въ глазахъ:

— Дѣло вашего племянника зависитъ главнымъ образомъ не отъ меня, а отъ министра финансовъ... И такъ какъ въ этомъ дѣлѣ принимаютъ участіе такія вліятельныя лица, то, слѣдовательно, вамъ нечего сомнѣваться въ успѣхѣ, княгиня, если министръ финансовъ готовъ помочь вашему племяннику...

— Но спросятъ и вашего мнѣнія, Степанъ Ильичъ! Вы не откажете дать его въ пользу выдачи вспомоществованія для поправленія разореннаго имѣнія стариннаго рода?..—уже просила княгиня, сломавъ свою гордость и чувствуя въ тонѣ Павлищева что-то враждебное.

— Извините, княгиня. Я буду противъ такой выдачи!—рѣзко и властно проговорилъ Степанъ Ильичъ.

— Но почему?—упавшимъ голосомъ спросила княгиня, изумленная въ то же время такою смѣлостью.

— Потому, княгиня, что считаю безразсуднымъ, скажу даже, преступнымъ давать изъ казны крупныя суммы на поддержку разоренныхъ имѣній. Деньги эти я считаю брошенными. Имѣнія все-таки не поправятся, а деньги будутъ истрачены. А у насъ, княгиня, есть много болѣе существенныхъ и истинно-государственныхъ нуждъ, на удовлетвореніе которыхъ мы не находимъ средствъ!—горячо прибавилъ Павлищевъ.

— Я и не подозрѣвала, господинъ министръ, встрѣтить въ васъ такого озлобленнаго врага дворянства и жалѣю, что пріѣхала безпокоить васъ и имѣла терпѣніе просидѣть такъ долго въ вашей пріемной... Надѣюсь, что дѣло племянника устроится и безъ вашего содѣйствія!—прибавила княгиня съ презрительной усмѣшкой.

И съ этими словами, полная негодованія къ оскорбившему ее такимъ рѣзкимъ отказомъ, поднялась съ дивана и вышла изъ кабинета, едва кивнувъ головой въ отвѣтъ на почтительный поклонъ Павлищева.

Черезъ нѣсколько дней въ извѣстныхъ кружкахъ уже циркулировали слухи о возмутительной наглости Павлищева. Передавали, будто бы онъ заставилъ почтенную княгиню Оболдуй-Тараканову цѣлый часъ дожидаться въ пріемной, былъ съ нею грубъ и позволилъ себѣ отзываться о высокопоставленныхъ лицахъ и о дворянствѣ съ дерзостью, поистинѣ изумительной въ человѣкѣ, занимающемъ такой отвѣтственный постъ.

Слухи эти разрастались и проникли въ публику уже въ совершенно неправдоподобныхъ варіантахъ.

Когда на докладѣ Марка, вскорѣ послѣ пріема княгини, Степанъ Ильичъ, между прочимъ, сообщилъ своему директору канцеляріи о просьбѣ, которую онъ отклонилъ, и сказалъ, что въ случаѣ запроса онъ самъ напишетъ отвѣтъ,—Маркъ мысленно обозвалъ своего патрона «дуракомъ» и почтительно доложилъ:

— Какъ бы эта княгиня не надѣлала хлопотъ вашему высокопревосходительству!

— И вы нынѣ проповѣдуете осторожность, Маркъ Евграфовичъ?—насмѣшливо спросилъ Павлищевъ.

— Она иногда бываетъ полезна, Степанъ Ильичъ.

— Только не въ данномъ случаѣ... Тутъ она и безполезна и нелѣпа. И я ихъ не боюсь!.. — весело и задорно проговорилъ Павлищевъ и сталъ подписывать бумаги.

«И напрасно!»—подумалъ Маркъ, бросая на патрона ироническій взглядъ.

— Кажется, все!—вымолвилъ Павлищевъ, подавая Марку бумаги. — Да, чуть-было не забылъ... Сегодня Бугаевъ являлся. Представлялъ какую-то записку... Я его направилъ къ вамъ... Прочтите.

— Слушаю-съ.

— Онъ проситъ о повышеніи... Поговорите съ нимъ... Онъ не глупая каналья и въ ежовыхъ рукахъ можетъ быть полезный чиновникъ... Конечно, только нельзя ему давать волю, а то опять пострадаетъ за свой «патріотическій образъ мыслей»,—разсмѣялся Степанъ Ильичъ. — Если онъ порядочно служитъ, можно дать ему движеніе по службѣ, конечно, тамъ, въ Сибири... И пусть убирается отсюда...

— Я ему посовѣтую.

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Такъ вы думаете, Маркъ Евграфовичъ, что княгиня намъ надѣлаетъ хлопотъ?

— У нея, говорятъ, большія связи...

— И чортъ съ ней! Не стану же я, въ самомъ дѣлѣ, помогать ея племяннику получить казенныя деньги на устройство фестивалей. Дай одному, тогда полѣзутъ всѣ эти обнищавшіе потомки Рюриковичей и Гедиминовичей... Покажи имъ только дорогу къ казенному сундуку!..

Маркъ вышелъ изъ кабинета Павлищева нѣсколько озабоченный.

Положительно этотъ «жаръ-птица» вообразилъ себѣ, что онъ несмѣняемъ... Исторія съ княгиней Марку не понравилась. По его мнѣнію, Павлищевъ не долженъ былъ отказывать въ своемъ содѣйствіи и имъ купить благосклонность княгини... Она вѣдь не «кто-нибудь», а умная, злая баба, имѣющая связи.

И вообще весь этотъ вызывающій образъ дѣйствій Павлищева казался спокойному и трезвому Марку «глупымъ мальчишествомъ влюбленнаго въ себя Нарциса». Того и гляди онъ сломитъ себѣ шею!

И Маркъ злился на недальновидность и дурацкую заносчивость своего патрона, которыя могли помѣшать и его карьерѣ, и сталъ серьезно подумывать о томъ, чтобы крахъ Павлищева не засталъ и его врасплохъ.

Павлищевъ между тѣмъ торжествовалъ.

Несмотря на пущенныя въ ходъ связи, несмотря на участіе разныхъ вліятельныхъ лицъ, просьба князя Бориса, благодаря представленной обстоятельной запискѣ Павлищева, провалились.

Въ тотъ день, когда Павлищевъ узналъ объ этомъ, онъ вернулся домой необыкновенно веселый и, обнимая, по обыкновенію, Марью Евграфовну, проговорилъ:

— Ну, Маша... поздравь меня съ побѣдой...

И онъ разсказалъ ей, въ чемъ заключалось значеніе побѣды.

— Все было пущено противъ меня... Не гнушались ничѣмъ и... остались съ носомъ!

Марья Евграфовна довольна была радости Степана Ильича, хотя и не вполнѣ понимала, отчего онъ такъ радуется. Вся эта прелесть власти, вліянія и силы, заставлявшая Павлищева волноваться и радоваться, была совсѣмъ чужда ей, и она оставалась все тою же скромною и любящею женщиной, какой и была, и нѣсколько тяготилась тѣмъ положеніемъ, въ которое такъ неожиданно поставила ее судьба, и, признаться, сперва скучала въ этихъ большихъ парадныхъ комнатахъ, не зная, куда дѣвать свое время, пока не отдалась всей душой пріюту покинутыхъ дѣтей, бывшему подъ ея попечительствомъ.

— Зато и будутъ же ругать они меня теперь, Маша! — весело говорилъ Павлищевъ, садясь за столъ.

— А это не повредитъ тебѣ?..

— Какъ видишь...

— Не слишкомъ ли ты надѣешься на себя? — осторожно спросила Марья Евграфовна.

— Ужъ не Маркъ ли тебѣ говорилъ объ этомъ, Маша?..

— Да, Маркъ... Онъ боится за твое положеніе...

— А, главное, за свое! — разсмѣялся Степанъ Ильичъ. — А ты ему не вѣрь, моя милая, и ничего не бойся...

— Да я развѣ за себя боюсь?..

— Знаю, знаю, что не за себя...

И Степанъ Ильичъ радостно и благодарно взглянулъ на свою свѣжую, меложавую, къ лицу одѣтую жену.

XX.

Несмотря на видимое торжество Павлищева, Маркъ продолжалъ безпокоиться о будущей своей карьерѣ и находилъ положеніе свое очень непрочнымъ. Всѣ эти «побѣды» своего патрона онъ считалъ побѣдами Пирра и только дивился, какъ не понимаетъ этого Павлищевъ и только дразнитъ гусей. Не изъ гражданской же, въ самомъ дѣлѣ, доблести и не изъ принципа онъ написалъ эту рѣзкую записку о безполезности для государства помогать казенными деньгами крупному землевладѣнію,—не находилъ же онъ страннымъ, когда прежде производились такія же выдачи и дали милліонъ банку, въ которомъ орудовалъ Иволгинъ. Просто, Павлищевъ куражится, какъ счастливый игрокъ, не понимая, что самъ роетъ себѣ яму, и тѣшитъ свое самолюбіе, желая подчеркнуть свою силу.

Точно ему, въ самомъ дѣлѣ, не все равно, если-бъ племяннику княгини Оболдуй-Таракановой выдали 150.000. Не его же деньги! И будь Павлищевъ умнѣе и дальновиднѣе, онъ не только бы не писалъ этой «несвоевременной» записки, но, напротивъ, далъ бы полное согласіе на такія воспособленія, хотя бы пришлось выкинуть и не одинъ милліонъ... Рѣшительно, Павлищевъ оказался далеко не на высотѣ своего положенія. У него на ней закружилась голова, и ему не сдобровать!

Такъ нерѣдко въ послѣднее время размышлялъ Маркъ и нѣсколько разъ пытался въ деликатной фермѣ вразумить своего патрона, но куда! Павлищевъ никого не слушалъ. Онъ бросалъ на Марка насмѣшливый взглядъ, точно говорившій, что его высокопревосходительство отлично понимаетъ истинную причину предостереженій своего директора канцеляріи, и обрывалъ его, восклицая съ какою-то торжествующею самоувѣренностью:

— Ничего *они* не могутъ сдѣлать. Я еще не то покажу этимъ интриганамъ!

И нерѣдко прибавлялъ:

— Кажется, Маркъ Евграфычъ, вы умный человѣкъ и не изъ робкихъ, а трусите какихъ-то Оболдуй-Таракановыхъ... И напрасно вы такъ заботитесь о моемъ положеніи... Вѣдь вы, Маркъ Евграфычъ, во всякомъ случаѣ, и при всякомъ министрѣ будете незамѣнимымъ человѣкомъ! — иронически подчеркивалъ Павлищевъ.

Поневолѣ приходилось умолкать передъ этимъ «упрямымъ Нарцисомъ», вообразившимъ себя несокрушимою силою и растерявшимъ тотъ умишко, какой у него былъ.

Но такое мысленное опредѣленіе своего патрона мало утѣшало Марка. Для него не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ, Маркъ, какъ директоръ канцеляріи и, такъ сказать, ближайшій проводникъ взглядовъ и политики своего начальства, первый полетитъ съ мѣста, если Павлищевъ неожиданно почувствуетъ здоровье свое разстроеннымъ. Вѣдь новые начальники всегда на такія мѣста берутъ своихъ людей, чтобы удобнѣе было проводить новую политику и ею подчеркнуть безполезность или неблагонамѣренность старой. На другихъ, не столь «политическихъ» мѣстахъ еще есть возможность уцѣлѣть при министерскомъ кризисѣ, а ужъ директоръ канцеляріи...

И Маркъ задумалъ теперь же оставить эту должность и перейти на другую, не столь опасную.

Но раньше, чѣмъ сдѣлать рѣшительные шаги въ этомъ направленіи, осторожный Маркъ хотѣлъ провѣрить свои опасенія насчетъ положенія Павлищева и съ этою цѣлью отправился въ одно утро къ его предмѣстнику, тому самому «умному и ловкому» старику, при которомъ онъ долгое время былъ чиновникомъ особыхъ порученій и неизмѣнно пользовался его благосклонностью. Маркъ изрѣдка навѣщалъ его и терпѣливо просиживалъ полчаса, выслушивая саркастическія замѣчанія прежняго министра насчетъ бывшаго своего любимца. Теперь прежній министръ питалъ далеко не дружелюбныя чувства къ Павлищеву, и меланхолически-ядовитыя разсужденія о людской неблагодарности и «змѣяхъ, отогрѣтыхъ на груди» были любимой его темой.

Маркъ являлся пріятнымъ исключеніемъ, и старикъ съ ласковою привѣтливостью пожалъ руку молодому человѣку, который не забывалъ оказывать почтеніе бывшему своему начальнику, сразу всѣми забытому съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ свой постъ. Даже и Павлищевъ, обязанный ему своей блестящей карьерой, и тотъ все рѣже и рѣже заглядывалъ къ нему и въ послѣднее время встрѣчался только на засѣданіяхъ совѣта. Но еще болѣе раздражали старика, возбуждая въ немъ чувство злобы и зависти къ бывшему своему птенцу, слава, популярность и сила Павлищева и всѣ эти реформы, словно бы подчеркивавшія, что при старикѣ все дѣлалось не такъ, какъ слѣдовало. Не было для него секретомъ и то, что Степанъ Ильичъ отзывался о немъ съ снисходительнымъ пренебреженіемъ, какъ о старикѣ, пережившемъ свою славу, и даже пытался набросить тѣнь на его безкорыстіе.

— Очень радъ васъ видѣть, Маркъ Евграфовичъ, очень радъ... Спасибо, что не забываете старика, это вѣдь такая

рѣдкость... Ну, садитесь, разсказывайте, какъ это вы со своимъ министромъ удивляете весь міръ?—съ иронической улыбкой на своемъ покрытомъ морщинами лицѣ говорилъ высокій худощавый старикъ съ умными и лукавыми небольшими глазами, указывая Марку на кресло у письменнаго стола.—Вотъ только-что прочелъ, какъ вашего министра славословитъ какой-то отечественный корреспондентъ, — брезгливо поморщился старикъ и прибавилъ:—Я вотъ корреспондентовъ газетныхъ при себѣ не имѣлъ.

Онъ пустилъ душистую струйку дыма хорошей сигары и продолжалъ:

— Все еще шумите и никого не боитесь?

— Шумимъ, ваше высокопревосходительство, и никого не боимся!—отвѣтилъ Маркъ, улыбаясь и какъ бы давая понять этой улыбкой, что и онъ осуждаетъ Павлищева.

— И сломите себѣ шею, вѣрьте мнѣ... Павлищевъ слишкомъ зарвался и доходитъ до неприличія... Вотъ хоть эта послѣдняя его записка, въ которой онъ изволитъ критиковать всю прежнюю мою систему... Онъ забылъ, что, бывши моимъ товарищемъ, самъ ее проводилъ и находилъ превосходной... Какое безстыдство!

— Объ этой запискѣ я ему докладывалъ... Говорилъ, что она невозможна,—поспѣшилъ сказать Маркъ, бывшій ея авторомъ.

— И что̀ же?..

— По обыкновенію, на мое представленіе не обратили вниманія.

— Еще бы! Мы вѣдь необыкновенно умны и ничьихъ совѣтовъ не слушаемъ... Никто ничего не понимаетъ... Только одинъ онъ!—говорилъ, все болѣе и болѣе раздражаясь, старикъ.

— Есть грѣшокъ, ваше высокопревосходительство.

— И какъ подумаешь, Павлищевъ — моя ошибка. Я его создалъ и теперь сожалѣю объ этомъ!—совершенно неожиданно воскликнулъ старикъ,—Но я вѣдь никакъ не ожидалъ, что изъ него выйдетъ такой... Вы извините, молодой человѣкъ, что я такъ говорю о вашемъ родственникѣ...

— Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе вашего высокопревосходительства и далеко не поклонникъ Степана Ильича... Однако положеніе его, кажется, прочно, и онъ не думаетъ, что сломитъ себѣ шею...

— Сломитъ!.. Ему уже недолго! — прибавилъ старикъ съ серьезнымъ и нѣсколько таинственнымъ видомъ авгура, кое-что знающаго.

— И уже намѣченъ преемникъ?—выспрашивалъ Маркъ.

— Кандидаты всегда есть, мой милый!..

И онъ назвалъ, подъ величайшимъ секретомъ, три имени,

въ числѣ которыхъ, къ удивленію Марка, былъ и знакомый читателю Аркадій Николаевичъ Иволгинъ, извѣстный всему Петербургу дѣлецъ, городской дѣятель, ораторъ и говорунъ и вообще умный, ловкій и обходительный человѣкъ, умѣющій очаровывать людей или, какъ вульгарно выражались коротко знавшіе Иволгина люди, «влѣзать въ душу безъ мыла».

Маркъ еще съ четверть часа слушалъ язвительныя рѣчи оскорбленнаго старика и наконецъ откланялся съ твердымъ рѣшеніемъ дѣйствовать немедленно.

И въ тотъ же день въ министерствѣ онъ завелъ интимный разговоръ съ однимъ изъ директоровъ департамента, молодымъ карьеристомъ, пользовавшимся расположеніемъ Павлищева и изнывавшимъ въ усердіи, — о томъ, что ему, Марку, надоѣла его должность. Положимъ, мѣсто директора канцеляріи видное и обѣщаетъ быструю карьеру, особенно при такомъ министрѣ, какъ Степанъ Ильичъ, но онъ, признаться, усталъ... Ему бы хотѣлось болѣе покойной должности...

— Въ родѣ вашей!—прибавилъ Маркъ.

— А я былъ бы счастливъ занять вашу...

Маркъ обѣщалъ позондировать почву.

На слѣдующій же день онъ просилъ Павлищева о перемѣщеніи, ссылаясь на усталость.

— Переутомились, бѣдный Маркъ Евграфычъ?

— Немножко, Степанъ Ильичъ.

Павлищевъ какъ-то особенно пристально посмотрѣлъ на Марка и тотчасъ же согласился.

— Только какъ бы вы не прогадали, милѣйшій Маркъ Евграфычъ?—прибавилъ онъ съ насмѣшливою ноткой въ голосѣ.

— Я надѣюсь и на новой должности заслужить ваше одобреніе.

— О, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Вы знаете, я въ васъ умѣю цѣнить талантливаго и усерднаго помощника... Но все-таки мнѣ кажется, что ваше положеніе директора канцеляріи насъ болѣе сближало... Впрочемъ, это ваше дѣло!—прибавилъ Павлищевъ и снова насмѣшливо прищурилъ глаза.

Маркъ почтительнымъ безмолвнымъ поклономъ поблагодарилъ Павлищева и вышелъ изъ кабинета, вполнѣ увѣренный, что не прогадаетъ.

А Павлищевъ рѣшилъ теперь «держать въ черномъ тѣлѣ эту неблагодарную каналью».

Когда состоялся приказъ, всѣ въ министерствѣ были увѣрены, что Маркъ попалъ въ немилость къ министру, у котораго до сихъ поръ былъ въ большомъ довѣріи. И Маркъ не только не опровергалъ этого мнѣнія, а, напротивъ, подъ рукою самъ его распространялъ и еще рѣже, чѣмъ прежде, бывалъ

у Павлищева въ домѣ и словно бы избѣгалъ его, навѣщая сестру въ то время, когда мужа не было дома.

Онъ поспѣшилъ сообщить «старику» о томъ, что оставилъ мѣсто директора канцеляріи въ виду нежеланія быть непосредственнымъ исполнителемъ всѣхъ «капризовъ» Павлищева и писать разныя записки, которыя онъ считалъ «невозможными».

Старикъ вполнѣ одобрилъ Марка и предлагалъ даже перейти въ другое вѣдомство. Онъ охотно будетъ рекомендовать такого способнаго и усерднаго чиновника своему пріятелю-министру.

Однако Маркъ отклонилъ предложеніе. Онъ такъ свыкся съ вѣдомствомъ, въ которомъ служитъ...

И, горячо поблагодаривъ старика, Маркъ сказалъ, что онъ позволитъ себѣ воспользоваться милостивымъ предложеніемъ только въ томъ случаѣ, если ужъ окажется сверхъ силъ служить съ этимъ «невозможнымъ» человѣкомъ.

— Недолго... недолго ему прыгать... Какой-нибудь козырь въ руки... Безпорядки, упущенія... взятки какого-нибудь мѣстнаго чиновника... и все это раздуютъ его враги... Онъ вѣдь всѣхъ возстановилъ противъ себя...

— За такими козырями дѣло не станетъ, выше высокопревосходительство!—какъ-то загадочно протянулъ Маркъ.

XXI.

Одинъ изъ административныхъ «птенцовъ» Степана Ильича, молодой человѣкъ, подающій большія надежды, посланный въ 1879 году въ Сибирь съ напутствіемъ: произвести строгую ревизію, не утаивая ни малѣйшаго злоупотребленія или нерадѣнія, — добросовѣстно исполнилъ возложенное на него порученіе и, возвратившись въ Петербургъ, представилъ министру подробную и дѣйствительно откровенную записку.

Его высокопревосходительство только ахнулъ, когда въ тотъ же день на сонъ грядущій прочиталъ ее. Много оказалось и упущеній и злоупотребленій, но, такъ сказать, «героемъ» описанія былъ знакомый намъ Бугаевъ. Почти половина доклада была посвящена изложенію длиннѣйшаго ряда вопіющихъ злоупотребленій и самыхъ наглыхъ вымогательствъ, которыя онъ творилъ въ теченіе многихъ лѣтъ и которыя были обнаружены и документально подкрѣплены благодаря усердію молодого человѣка, подающаго надежды. Это было что-то невѣроятно наглое даже для человѣка, уже пострадавшаго за «слишкомъ патріотическій образъ мыслей». Всѣ въ томъ мѣстѣ знали о подвигахъ Бугаева, но боялись жаловаться, увѣренные, что онъ пользуется особеннымъ расположеніемъ Павлищева, и, разумѣется, Бугаевъ самъ поддерживалъ такое мнѣніе.

И все это творилось въ его образцовомъ вѣдомствѣ!? И, вдобавокъ, чиновникомъ, недавно получившимъ повышеніе по его же распоряженію?

«Подъ судъ мерзавца! — было первою мыслью возмущеннаго Павлищева. — Пусть его покараетъ законъ, какъ онъ того заслуживаетъ!»

Но когда прошелъ первый порывъ возмущенія, соображенія объ огласкѣ, неминуемой при судѣ, при чемъ невольно должны будутъ обнаружиться вопіющія злоупотребленія, которыя затѣмъ будутъ вынесены «на улицу» и подхвачены газетами,— эти соображенія заставили Павлищева призадуматься и въ концѣ концовъ рѣшить замять дѣло.

На другой же день онъ призвалъ «молодого человѣка, подающаго надежды» и, поблагодаривъ его за блестяще исполненное порученіе, сказалъ, что Бугаевъ и другіе будутъ немедленно уволены, но что предавать, какъ бы слѣдовало, ихъ суду не стоитъ, чтобъ изъ-за нѣсколькихъ негодяевъ не компрометировать всего вѣдомства.

— И вы, пожалуйста, будьте скромны и не болтайте объ этомъ никому... а то, того и гляди, все это какъ-нибудь въ газеты... А вѣдь онѣ рады случаю.

«Молодой человѣкъ», конечно, поклялся, что будетъ нѣмъ, какъ рыба. Бугаева и другихъ по телеграммѣ уволили отъ службы, и вся эта исторія была погребена въ канцелярскихъ тайникахъ, какъ вдругъ, мѣсяца черезъ три, совершенно неожиданно въ «Настоящемъ Патріотѣ» появилось подробное, почти дословное изложеніе доклада о бугаевскихъ подвигахъ съ ехиднымъ комментаріемъ въ концѣ о томъ, что «г. Бугаевъ, какъ мы слышали, пользовался особымъ расположеніемъ своего высшаго начальства».

Почти всѣ газеты перепечатали это извѣстіе.

Павлищевъ былъ взбѣшенъ и искалъ автора. «Молодой человѣкъ, подающій надежды» клялся, что онъ ничего никому не говорилъ. Новый директоръ канцеляріи докладывалъ, что онъ никому записки не давалъ. Она хранилась у него подъ ключомъ въ числѣ секретныхъ дѣлъ.

— Но какъ же она появилась... Кто-нибудь выкралъ ее?.. Отыскать негодяя...

Увы! «Негодяй» такъ и не былъ отысканъ, а имъ былъ маленькій писецъ, съ удовольствіемъ исполнившій порученіе Марка достать ему эту записку на одинъ день и за это переведенный къ нему въ департаментъ помощникомъ столоначальника.

О бугаевской исторіи заговорили. Ее раздували. Многочисленные враги Павлищева съ злорадствомъ повторяли: «Вотъ

вамъ образцовое вѣдомство! Вотъ какъ скрываются тамъ дѣла». Княгиня Оболдуй-Тараканова цѣлыхъ три дня неутомимо разъѣзжала по великосвѣтскимъ гостинымъ и вездѣ начинала восклицаніемъ:

— Вы слышали, какіе ужасы творятся у Павлищева!?

Въ печати стали появляться новыя дополнительныя свѣдѣнія о бугаевскихъ злоупотребленіяхъ, и газеты рады были случаю излить свое цивическое негодованіе на неосторожнаго статскаго совѣтника, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, «бугаевскій инцидентъ» исчезъ со страницъ газетъ и болѣе уже не появлялся на нихъ. Какое дальнѣйшее движеніе приняло дѣло о «возмутительныхъ злоупотребленіяхъ, являющихся, конечно, прискорбнымъ единичнымъ явленіемъ въ вѣдомствѣ такого энергичнаго и молодого министра, какъ С. И. Павлищевъ» (какъ писали тогда въ газетахъ), — такъ и осталось для публики тайною.

Только одному автору извѣстно, что г. Бугаевъ, вскорѣ послѣ выѣзда изъ Сибири, пріобрѣлъ на льготныхъ условіяхъ хорошенькое имѣніе въ Сѣверо-Западномъ краѣ, по сосѣдству съ еще лучшимъ и тоже «льготнымъ» имѣніемъ редактора какого-то журнала съ истинно-русскимъ направленіемъ, и въ часы досуга писалъ въ ту же самую газету «Настоящій Патріотъ», которая первая прославила имя Бугаева, какъ недостойнаго мздоимца, на всю Россію, — довольно рѣшительныя статейки о необходимости поднять русское землевладѣніе въ Западномъ краѣ для болѣе дѣйствительнаго его обрусенія. Статейки подписываются псевдонимомъ: «Коренной Русакъ» и часто цитировались редакторомъ, какъ «вѣское слово благомыслящаго русскаго дворянина и патріота».

Наступили рождественскіе праздники.

Павлищевъ отдыхалъ и бо̀льшую часть времени проводилъ дома.

Въ этотъ вечеръ Степанъ Ильичъ, попрежнему веселый и довольный, забывшій о непріятномъ «бугаевскомъ инцидентѣ», какъ забыла его и публика, и ожидавшій къ Новому году слѣдующей по очереди звѣзды, сидѣлъ, по обыкновенію, у Марьи Евграфовны въ будуарѣ и читалъ громко какую-то повѣсть,—какъ въ комнату вошелъ его камердинеръ Викентій и, подавая Павлищеву пакетъ, доложилъ, что его привезъ курьеръ.

— Только не нашъ!—прибавилъ Викентій и вышелъ.

Павлищевъ, не спѣша, вскрылъ конвертъ, бросилъ его на полъ и сталъ читать бумагу...

Вдругъ черты лица его передернулись... Онъ сталъ блѣднѣй полотна, и изъ дрожащей руки его выпала бумага и шлепнулась на коверъ.

— Степанъ Ильичъ... что съ тобой? Тебѣ дурно? Ты боленъ? — испуганно вскрикнула Марья Евграфовна, подбѣгая къ мужу.

— Нѣтъ... ничего, я здоровъ... Вотъ, прочти бумагу! — проговорилъ онъ съ какою-то безпомощною злобой.

«Только-то!»—подумала Марья Евграфовна, прочитавъ бумагу, и сказала:

— Степанъ Ильичъ, неужели тебя это такъ потрясло?.. Развѣ въ этомъ только счастье... Добрый, хорошій мой, не волнуйся... Довольно ты наработался, довольно ты пережилъ непріятностей... Теперь хоть ты отдохнешь..

— И ужъ навсегда!—съ болѣзненною усмѣшкой отвѣчалъ Павлищевъ и прибавилъ:—А Маркъ былъ правъ! Удивительное чутье у твоего братца... И эта бугаевская исторія... И эта княгиня... Подлые интриганы!..

И, нервно потрясенный, почувствовавшій вдругъ себя несчастнымъ, несправедливо обиженнымъ и оплеваннымъ въ глазахъ всѣхъ и въ то же время полный безсильной злости, онъ зарыдалъ, какъ безпомощный ребенокъ, и, крѣпко сжимая руку жены, сказалъ:

— Только ты одна, Маша, меня любишь. Только ты!

Черезъ два дня, а именно 30 декабря 1879 года, въ «Кукушкѣ» появилась передовая статья подъ названіемъ: «Новый министръ».

Статья была восторженная. Газета возлагала большія надежды на Аркадія Николаевича Иволгина, «человѣка тѣхъ лѣтъ, когда зрѣлый умъ соединяется съ зрѣлымъ опытомъ жизни. Это счастливое сочетаніе въ государственномъ человѣкѣ и даетъ намъ увѣренность въ мудромъ, рѣшительномъ и въ то же время осторожномъ управленіи, далекомъ отъ всякихъ поспѣшныхъ и крикливыхъ мѣропріятій, являющихся столь соблазнительными, хотя и не всегда цѣлесообразными—для слишкомъ молодыхъ и иногда не по разуму энергичныхъ сановниковъ. Молодость, безспорно, хороша, но не на всѣхъ постахъ». Затѣмъ передовая статья указывала, какъ на весьма «отрадный признакъ», на то обстоятельство, что А. Н. Иволгинъ никогда не былъ профессіональнымъ чиновникомъ, и что въ немъ не вкоренилась, такъ сказать, «бюрократическая предвзятость и чиновная заносчивость». Онъ человѣкъ практики и потому уже самому привыкшій къ терпимости,

благодаря своимъ дѣловымъ сношеніямъ съ людьми разныхъ положеній и профессій. «Прежняя разнообразная блестящая дѣятельность на разныхъ частныхъ поприщахъ,—дѣятельность, отличавшаяся необыкновеннымъ успѣхомъ и живучестью каждаго дѣла, за которое бы онъ ни брался,—служитъ полнѣйшимъ ручательствомъ, что въ лицѣ А. Н. Иволгина Россія пріобрѣла опытнаго и прозорливаго государственнаго мужа».

Внизу, подъ передовой статьей, послѣ извѣстія о томъ, что С. И. Павлищевъ назначенъ сенаторомъ, довольно ехидно было прибавлено:

«Нельзя не порадоваться, что выдающіяся способности предмѣстника А. Н. Иволгина не останутся безъ примѣненія, и такимъ образомъ однимъ даровитымъ сенаторомъ будетъ у насъ больше».

— Ахъ, подлецы! — промолвилъ, прочитавъ статью «Кукушки», Степанъ Ильичъ.

И невольно вспомнилъ, какъ еще недавно «Кукушка» превозносила нашего «молодого и энергичнаго министра».

— А теперь на смѣну явился: «опытный и прозорливый»!

И Павлищевъ брезгливо пожалъ плечами.

— Знаешь еще новость!—обратился Павлищевъ къ вошедшей женѣ.

И онъ прочелъ ей вслухъ:

«Мы слышали изъ достовѣрныхъ источниковъ, что однимъ изъ товарищей новаго министра назначается дѣйствительный статскій совѣтникъ Борщовъ, одинъ изъ выдающихся по уму, всестороннему образованію и трудолюбію чиновниковъ».

— Маркъ честолюбивъ! — промолвила Марья Евграфовна.

Павлищевъ на минуту задумался и проговорилъ:

— И, знаешь, что̀ я тебѣ скажу Маша. Всѣ мы, россійскіе честолюбцы, по правдѣ говоря, довольно-таки откровенно безпринципные люди, а этотъ молодой Маркъ ужъ совсѣмъ откровенный... Вѣдь эта записка о Бугаевѣ, попавшая въ газеты, дѣло его рукъ... Ее выкрали по его приказанію.

— Не можетъ быть? Такъ отплатить...

— Онъ послѣдовательнѣе насъ и ужъ безъ всякихъ предразсудковъ... Ну, чортъ съ ними со всѣми. Когда мы уѣзжаемъ изъ этого омута, Маша?

— Хоть завтра...

Черезъ недѣлю поѣздъ увозилъ Павлищевыхъ за границу на шесть мѣсяцевъ.

Степанъ Ильичъ начиналъ успокаиваться и, какъ водится, слегка фрондировать.

ВЪ МѢСТА НЕ СТОЛЬ ОТДАЛЕННЫЯ.

I.

Приговоръ.

— Подсудимый! Вамъ предоставляется послѣднее слово.

Молодой человѣкъ, съ блѣднымъ истомленнымъ лицомъ, тихо, какъ бы недоумѣвая, къ чему его безпокоятъ, поднялся съ мѣста и нѣсколько мгновеній стоялъ въ нерѣшительности.

— Подсудимый! Быть-можетъ, вы пожелаете уяснить суду мотивы, заставившіе васъ стрѣлять въ жену?—повторилъ предсѣдатель.

Публика, наполнявшая залу петербургскаго окружнаго суда, встрепенулась и притихла. Всѣ насторожили уши и съ жаднымъ сочувственнымъ любопытствомъ глядѣли на этого худощаваго, красиваго молодого брюнета съ курчавыми волосами, надѣясь услыхать интересныя, пикантныя подробности семейной драмы и удовлетворить наконецъ любопытство, до сихъ поръ далеко не удовлетворенное.

Въ самомъ дѣлѣ, люди стремились въ залу суда, словно на первое театральное представленіе, въ полной увѣренности, что дѣло о покушеніи мужа на жизнь жены возбудитъ притупленные петербургскіе нервы, и вмѣсто этого—полное разочарованіе!

Къ крайнему неудовольствію всѣхъ этихъ собравшихся зрителей, преимущественно дамъ, наполнявшихъ мѣста для публики, ни судебное слѣдствіе, ни рѣчи прокурора и защитника не давали никакихъ разоблаченій семейной драмы. А, казалось, тутъ ли не быть семейной драмѣ?

Значительная разница лѣтъ жены и мужа, ея богатство и болѣе чѣмъ скромная наружность рядомъ съ молодостью и красотой подсудимаго давали пищу къ различнымъ предположеніямъ, обѣщая во всякомъ случаѣ, много интереснаго и возбуждающаго. Но немногочисленные свидѣтели, вызванные

сторонами, давали крайне сдержанныя показанія и на вопросы прокурора о семейныхъ отношеніяхъ супруговъ отвѣчали, что они «жили, кажется, согласно».

И сама потерпѣвшая, на показанія которой болѣе всего разсчитывали, вмѣсто того, чтобы хоть однимъ словомъ обвинить мужа, къ крайнему изумленію прокурора и всей публики, взволнованнымъ голосомъ, со слезами на глазахъ, проговорила восторженный панегирикъ мужу, во время котораго онъ еще ниже опускалъ голову и нервно теребилъ свою шелковистую бороду. Поступокъ его она объяснила запальчивостью, ею же самой вызванной.

На вопросъ прокурора—чѣмъ именно она вызвала запальчивость, свидѣтельница отвѣчала, что между ними произошелъ споръ, доведшій до ссоры и вызвавшій вспыльчиваго мужа на опрометчивый поступокъ.

Эти слова, видно, не удовлетворили ретиваго прокурора, и онъ замѣтилъ:

— Одна свидѣтельница показывала, что вы иногда дѣлали сцены ревности вашему мужу... Что̀ вы на это скажете?

— Мой мужъ не подавалъ къ этому повода!—чуть слышно прошептала потерпѣвшая, вся вспыхнувъ.

— Затѣмъ есть еще одно показаніе, будто подсудимый женился на васъ по разсчету.

Она поблѣднѣла и на мгновеніе опустила голову, эта высокая, худая, некрасивая, старообразная женщина, подъ тяжестью обиды, брошенной ей публично. Но тотчасъ же гордо выпрямилась и рѣзко бросила въ отвѣтъ:

— Объ этомъ, господинъ прокуроръ, женщину не спрашиваютъ!

Краснощекій, пухленькій, похожій на херувима, молодой товарищъ прокурора, еще недавно сошедшій со школьной скамьи и видимо старавшійся отличиться усердіемъ, совсѣмъ сконфузился отъ этой неожиданной вспышки женскаго оскорбленнаго самолюбія и благоразумно прекратилъ допросъ.

Такимъ образомъ на судебномъ слѣдствіи ничего не открылось новаго. Фактъ покушенія, который никто и не отрицалъ, оставался фактомъ, ничего не объясняющимъ.

Хотя юнецъ-прокуроръ и старался въ своей обвинительной рѣчи, на основаніи этого факта, нарисовать яркую картину семейной драмы, вызванной страстью съ одной стороны и холоднымъ разсчетомъ съ другой, и, не жалѣя мрачныхъ красокъ и паѳоса, вовсе не по-херувимски расписывалъ подсудимаго, копаясь своими пухлыми руками въ тайникахъ чужой души, тѣмъ не менѣе его старательная, полная воодушевле-

нія рѣчь особеннаго впечатлѣнія не произвела и обстоятельствъ не выяснила.

Послѣ рѣчи, какъ и прежде, чувствовалось, что во всемъ этомъ дѣлѣ есть что-то невыясненное, недоговоренное.

Вотъ почему всѣ такъ жадно ждали, что̀ скажетъ подсудимый въ своемъ послѣднемъ словѣ.

Не освѣтитъ ли онъ, для своей защиты, этой семейной драмы?

Но и это ожиданіе не сбылось.

Подсудимый твердымъ, звучнымъ голосомъ произнесъ, обращаясь къ предсѣдателю:

— Я не имѣю ничего сказать суду!

И снова сѣлъ, и снова сталъ глядѣть въ мѣста для публики пристальнымъ упорнымъ взглядомъ, словно бы тамъ былъ кто-то, въ комъ одномъ онъ искалъ утѣшенія, поддержки и прощенія.

Предсѣдатель суда едва замѣтно пожалъ плечами, и въ публикѣ пронесся сдержанный ропотъ недовольства. Въ этотъ моментъ «интересный красавецъ», восхищавшій многихъ дамъ, потерялъ въ ихъ глазахъ значительную долю сочувствія.

«Еще бы! Зачѣмъ онъ молчитъ? Зачѣмъ онъ не выворачиваетъ своей души передъ этой скучающей публикой, чтобы доставить ей удовольствіе?»

Засѣданіе прервано—судъ удалился. Дамы еще оставались на своихъ мѣстахъ, не спуская взоровъ съ подсудимаго—теперь его можно лучше разглядѣть. Но вотъ онъ поднялся и ушелъ въ сопровожденіи жандармовъ.

— Бѣдный... Какъ онъ хорошъ!—раздавались громкія восклицанія вслѣдъ.

Публика хлынула въ коридоры. Многіе собирались уѣзжать. Не сто̀итъ дожидаться приговора—неинтересно. Да и пріѣзжать-то не стоило... Вѣроятно, оправдаютъ, или, во всякомъ случаѣ, дадутъ снисхожденіе.

— Навѣрное, тутъ скрывается какая-нибудь любовная исторія!—говоритъ одна изъ такъ-называемыхъ «судебныхъ дамъ», не пропускающая ни одного сколько-нибудь интереснаго процесса, подкрашенная пикантная брюнетка. — И, быть-можетъ, здѣсь же, въ публикѣ, сидѣла виновница этого выстрѣла!..

Всѣ поглядываютъ вокругъ, стараясь угадать эту счастливицу.

— Я слышала,—продолжаетъ пикантная брюнетка: — что жена таки-порядочно его ревновала...

— Еще бы... Дурна, какъ смертный грѣхъ...

— А онъ красивъ, какъ ангелъ!—смѣются барыни.—Немудрено, что тутъ была драма... Онъ женился, конечно, ради состоянія...

— Самъ и виноватъ—не женись по разсчету.

— А что же дѣлать, mesdames, если у человѣка долги, и кредиторы травятъ?—смѣясь, вставляетъ, подходя къ группѣ, молодой присяжный повѣренный изъ начинающихъ, сухопарый, длинный молодой человѣкъ съ претензіей на изящество и на умѣнье очаровывать дамъ.—При такихъ обстоятельствахъ дѣла, милостивыя государыни, женишься и на вѣдьмѣ. Не онъ первый, не онъ послѣдній.

— Какъ вамъ не стыдно такъ говорить, мосье Капчинскій!—замѣчаетъ, загораясь негодованіемъ и кокетливо поводя на адвоката глазами, довольно зрѣлая петербургская барышня.—Бракъ по разсчету! Вотъ вамъ и результаты такихъ взглядовъ! Стыдно, стыдно... За это васъ слѣдуетъ за ушко!—продолжаетъ она, дѣлая соотвѣтствующій жестъ, чтобы показать свою маленькую, изящную ручку съ обточенными ногтями.

— Вольно-жъ ему было стрѣлять въ благовѣрную. Гораздо проще было бы удрать отъ супруги послѣ медоваго мѣсяца и уплаты долговъ.

— Не врите... Лучше объясните намъ, что побудило его стрѣлять?

— Объ этомъ спросите, mesdames, у подсудимаго. Съ своей стороны, я полагаю, что она такъ замучила его своей любовью, что онъ, бѣдняга, въ отчаяніи рѣшился пристрѣлить благовѣрную и теперь, вѣроятно, сожалѣетъ, что далъ промахъ.

— Вы все шутите. Въ самомъ дѣлѣ, ничего неизвѣстно?

— Рѣшительно ничего. Ходятъ слухи, что мужъ былъ влюбленъ.

— Ну, разумѣется. Въ кого?

— Ей-Богу, и самъ не знаю. Могу только удостовѣрить, что не въ жену!

— Отчего-жъ это не выяснено на судѣ? Отчего жена молчитъ?

— Вѣроятно, былъ уговоръ между супругами.

— Его, конечно, оправдаютъ. Рѣчь херувима слаба. Какъ онъ ни старался, а дальше запальчивости не пошелъ. Скорѣй присяжные станутъ на точку зрѣнія защитника—невмѣняемость въ минуту умоизступленія.

— Не думаю, mesdames. Подборъ присяжныхъ не такой, купцовъ много, а эти господа не любятъ выстрѣловъ. Оттаскать за косы—это любезное дѣло, а стрѣлять не по нихъ. Пожалуй, упекутъ.

— Что-жъ ему грозить? «Житье»?—спрашиваетъ пикантная брюнетка, употребляя сокращенный терминъ и видимо щеголяя знаніемъ его.

— Да, вѣроятно, «житье», по пятому пункту.

— Несчастный! Изъ Петербурга ѣхать въ Сибирь!

— Но хуже всего, mesdames,—продолжалъ шутить адвокатъ, рисуясь передъ дамами своимъ шутливымъ тономъ:—если благовѣрная послѣдуетъ за своимъ супругомъ въ мѣста не столь отдаленныя. Вы вѣдь слышали, какъ она распиналась за своего голубка, и замѣтили, какъ онъ ежился въ это время. Я отлично видѣлъ. Она, навѣрное, послѣдуетъ, съ добрымъ намѣреніемъ облегчить ему жизнь въ ссылкѣ и не остаться безъ мужа, и ужъ повѣрьте, что тамъ онъ навѣрно пристрѣлитъ эту...

— Тсъ... тсъ!..—остановили веселаго адвоката дамы, дѣлая ему знаки и дергая за руку.

Онъ повернулъ голову и прикусилъ языкъ. Мимо, совсѣмъ близко отъ нихъ, проходила, понуривъ голову, маленькая, худенькая, сгорбленная старушка, вся въ черномъ, подъ руку съ женой подсудимаго.

До слуха ихъ, очевидно, долетѣли и эти безжалостныя слова, и этотъ безпечный, веселый дамскій смѣхъ. Изъ глазъ старушки брызнули слезы; ея спутница бросила на веселую группу быстрый злобный взглядъ, полный укора и презрѣнія, и обѣ онѣ прибавили шагу, проходя, точно сквозь строй, мимо этой легкомысленной, не стѣснявшейся глазѣть на нихъ публики.

— Должно-быть, суровая дама!—прошепталъ вслѣдъ сконфуженный адвокатъ, хотѣлъ-было продолжать свою веселую болтовню, но что-то остановило его.

И всѣмъ вдругъ сдѣлалось точно стыдно при видѣ этихъ двухъ женщинъ. Разговоръ самъ собою прекратился.

— Это мать подсудимаго!—замѣтилъ кто-то въ толпѣ.

— Кто она?

— Какая-то генеральша изъ захудалыхъ.

Коридоры опустѣли. Опять всѣ хлынули въ залу и заняли мѣста.

Ввели подсудимаго, пришелъ судъ, и послѣ краткаго, видимо снисходительнаго резюме, предсѣдатель вручилъ присяжнымъ листъ. Присяжные удалились, и снова перерывъ.

На этотъ разъ не пришлось ждать долго.

Не прошло и четверти часа, какъ снова вернулся судъ, и изъ боковой двери торжественнымъ, медленнымъ шагомъ выступили гуськомъ присяжные. Что несутъ они—оправданіе

или приговоръ?—невольно пробѣгала мысль у всякаго, и въ залѣ водворилась торжественная тишина. Взгляды отрывались отъ старшины присяжныхъ къ подсудимому. Высокій, сѣдой старикъ, повидимому изъ чиновниковъ, былъ нѣсколько взволнованъ и какъ-то особенно торжественъ. Подсудимый, взглянувъ на него, казалось, понялъ по этому торжественному виду, что онъ осужденъ, и снова повернулъ голову къ публикѣ, взглядывая по временамъ въ полумракъ низкой трибуны все тѣмъ же пристальнымъ, напряженнымъ взоромъ и не обращая, казалось, вниманія на то, что сію минуту рѣшится его участь.

И вотъ этотъ высокій сѣдой старикъ прочелъ дрожащимъ, нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:

— Да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія!

И, вручивъ предсѣдателю присяжный листъ, отходитъ въ сторону, избѣгая глядѣть на подсудимаго.

Рыданіе и рѣзкій женскій вопль раздались въ публикѣ, и затѣмъ все смолкло.

Черезъ нѣсколько минутъ былъ объявленъ приговоръ: ссылка въ ** губернію на житье.

Подсудимый спокойно выслушалъ приговоръ, пожалъ руку адвокату, шепнулъ ему что-то на ухо, указывая на публику, и медленно вышелъ.

Публика, неудовлетворенная процессомъ и недовольная приговоромъ, торопливо стала расходиться.

Въ числѣ другихъ, изъ дверей суда вышла молодая женщина, невольно обращавшая на себя вниманіе грустнымъ выраженіемъ своего строгаго, энергическаго лица. Она была довольно хороша, эта стройная, хорошо сложенная смуглая брюнетка, съ большими синими глазами, высокимъ лбомъ и красивымъ, чуть-чуть приподнятымъ носомъ, одѣтая очень скромно, но не безъ изящества.

Она вышла на дворъ и, держась въ сторонѣ отъ толпы, пошла кругомъ къ выходу, какъ вдругъ съ ней поровнялась жена обвиненнаго, взглянула на нее, и лицо ея исказилось злобой и ненавистью.

— И вы были здѣсь, вы!—вдругъ заговорила жена, схватывая ее за руку. — Такъ знайте же, что это вы его погубили... вы!

Страданіе и ужасъ выразились на лицѣ брюнетки при этихъ словахъ. Блѣдная, испуганная, она въ первую минуту не могла произнести слова.

— Я жена его... понимаете?—шепнула она, наклоняясь къ ней, и съ этими словами быстро двинулась впередъ.

По счастію, въ это время къ брюнеткѣ подошелъ защит-

никъ обвиненнаго, взялъ ее подъ руку и провелъ до извозчика.

Усадивъ ее, онъ почтительно снялъ шляпу и проговорилъ:

— Невѣжинъ умоляетъ васъ, Зинаида Николаевна, побывать у него. Онъ хотѣлъ-было писать вамъ, но вы знаете— письма идутъ черезъ прокурора...

Чуть замѣтное судорожное движеніе зардѣвшихся щекъ обнаружило волненіе Зинаиды Николаевны при этихъ словахъ.

— Зачѣмъ? Что̀ ему надо?—проговорила она.

— Не откажите ему въ этомъ. Онъ болѣе несчастенъ, чѣмъ вы думаете.

— Хорошо!—проговорила она съ усиліемъ.—Я буду...

И она уѣхала, недоумѣвающая, глубоко взволнованная этимъ незаслуженнымъ обвиненіемъ несчастной жены.

II.

Камера № 198.

Начинало смеркаться, когда Невѣжинъ вернулся съ судебнаго засѣданія домой—въ тюрьму на Шпалерной, извѣстную подъ болѣе деликатными названіями—дома предварительнаго заключенія, «предварилки» и «Европейской гостиницы». Послѣдними прозвищами окрестили его на своемъ жаргонѣ заключенные.

Войдя со двора въ высокія желѣзныя входныя двери, часовые съ ружьями, конвоировавшіе Невѣжина, остались на главномъ посту, у канцеляріи, въ ожиданіи расписки въ пріемѣ арестанта; дежурный помощникъ, низенькій, приземистый господинъ, извѣстный въ домѣ за свою суетливость и глупость подъ именемъ «безтолковаго помощника», выйдя на порогъ канцеляріи, проводилъ Невѣжина тупымъ, равнодушнымъ взглядомъ старой тюремной крысы, и Невѣжинъ пошелъ далѣе хорошо знакомой ему дорогой, въ сопровожденіи одного изъ младшихъ надзирателей, дежурившихъ на главномъ посту для посылокъ.

Передъ ними еще разъ открылись такія же, какъ и у входа, тяжелыя рѣшетчатыя желѣзныя двери. Они вошли въ коридоръ, повернули налѣво и стали подыматься по желѣзнымъ лѣстницамъ, соединяющимъ этажи громаднаго зданія, наверхъ, въ «четвертую галлерею», какъ называются на тюремномъ языкѣ камеры, расположенныя въ четвертомъ этажѣ.

Въ матовыя стекла высокихъ широкихъ оконъ, выходящихъ на улицу, падалъ слабый свѣтъ сумерекъ. Въ галлереяхъ стоялъ полумракъ. Мертвая, жуткая тишина царила

въ это время дня въ этомъ громадномъ «домѣ» съ его висячими желѣзными лѣстницами и длинными коридорами, по бокамъ которыхъ темнѣли углубленія одиночныхъ камеръ. Гулко раздавались шаги по желѣзнымъ ступенямъ и замирали, когда приходилось идти по пеньковымъ матамъ, разостланнымъ въ коридорахъ. Среди этой тишины иногда только слышались характерные звуки тюремнаго постукиванья, да вдругъ раздавался электрическій звонокъ. И снова могильная тишина.

Никто не попадался навстрѣчу, какъ случалось по утрамъ, когда заключенные ходятъ на прогулку, на допросы. Только младшіе надзиратели безшумно ходятъ, усталые, ожидая смѣны, взадъ и впередъ по коридорамъ, а старшіе сидятъ у столиковъ, на своихъ мѣстахъ, въ углахъ каждой галлереи, откуда можно удобно оглядывать длинные коридоры.

Вотъ наконецъ и четвертая галлерея.

Высокая, худощавая, хорошо знакомая Невѣжину фигура старшаго надзирателя Осипова, добраго, вѣжливаго и обходительнаго, насколько можетъ быть тюремщикъ, умѣвшій ладить съ заключенными, поднялась съ мѣста и молча пошла за Невѣжинымъ. За нѣсколько шаговъ до камеры Осиповъ, по обыкновенію, обогналъ своего квартиранта, чтобъ не заставить его ждать, и камера отворилась съ характернымъ щелканіемъ и стукомъ повертываемыхъ ключа и задвижки, и Невѣжинъ вошелъ въ свою камеру № 198, въ которой уже прожилъ около семи мѣсяцевъ и сжился съ ней, радуясь всегда возвращенію послѣ допросовъ.

— Кипяточку не угодно ли?— мягко освѣдомился, останавливаясь у дверей, Осиповъ, очевидно, желая этимъ вопросомъ выразить участіе своему спокойному и тихому «квартиранту» и въ то же время любопытствуя узнать—чѣмъ кончилось дѣло. Онъ понялъ, что Невѣжина не оправдали, но къ чему присудили?

Этотъ Осиповъ, прослужившій уже около 10 лѣтъ въ домѣ и успѣвшій нажить себѣ чахотку, всегда интересовался дѣлами жильцовъ своей галлереи. До другихъ ему дѣла не было, но «дѣла» своихъ онъ близко принималъ къ сердцу, и если заключенный былъ словоохотливъ, то Осиповъ всегда находилъ для такого слово участія и ласки, щеголяя при этомъ деликатностью обращенія, особенно съ заключенными изъ образованныхъ.

— Кипятокъ можно изъ лазарета достать... — продолжалъ онъ, всматриваясь въ Невѣжина.

— Не надо. Благодарю васъ.

— Долгонько въ судѣ пробыли...

— Да.

— И скоро отсюда на волю?

— Скоро. Въ Сибирь на волю! — усмѣхнулся Невѣжинъ, зажигая свѣчку.—Ссылка на житье.

На добродушномъ, болѣзненномъ лицѣ Осипова съ такимъ же землистымъ цвѣтомъ, какъ и у большинства заключенныхъ, мелькнуло выраженіе непритворнаго участія.

— А вы бы, право, чайку выпили!—вдругъ снова предложилъ онъ.—А то, чай, проголодались съ утра... Или, быть-можетъ, вилку и ножикъ подать... кушать будете?.. А что насчетъ приговора, такъ вѣдь можно и на кассацію... Еще что кассація скажетъ!—съ оживленіемъ, видимо желая подбодрить, продолжалъ Осиповъ. — Отъ этого нечего смущаться... ей-Богу...

— Да я не смущаюсь...

«Ладно, хорохорься! Видѣли мы и не такихъ храбрецовъ»,—казалось, говорилъ брошенный вслѣдъ за этими словами недовѣрчивый взглядъ надзирателя, и онъ продолжалъ:

— Вотъ, напримѣръ, тоже на нашей же галлереѣ, въ 180 нумерѣ, одинъ господинъ сидѣлъ... Такъ сперва приговорили его на поселеніе, а послѣ—смотришь!—и вовсе на волю вышелъ... Недавно еще его встрѣтилъ на улицѣ — катитъ-себѣ въ коляскѣ, веселый, румяный такой... Всяко бываетъ... А то вотъ опять же «нашъ» одинъ... думалъ, дѣло его кончится Восточной Сибирью, а замѣсто того уѣхалъ на Кавказъ. Три года сидѣлъ у насъ... Такъ-то! Такъ кушать не будете?

— Нѣтъ... Спасибо вамъ, Осиповъ! — тепло проговорилъ Невѣжинъ.

Снова щелкнули двери, и Невѣжинъ остался одинъ.

Онъ заходилъ быстрыми, нервными шагами взадъ и впередъ по крошечной камерѣ, словно звѣрь въ клѣткѣ, и его красивое лицо по временамъ оживлялось теперь тихой, грустной улыбкой.

«И отлично... отлично! По крайней мѣрѣ все кончено... извѣстно... Наказаніе за всю глупую жизнь... Только бы скорѣй, скорѣй отсюда!»—повторялъ онъ нѣсколько разъ вслухъ обрывки волнующихъ его мыслей, машинально обводя взоромъ свою камеру.

Эта маленькая клѣтка съ койкой, желѣзнымъ крошечнымъ столикомъ и откидной табуреткой, съ высокимъ окномъ, откуда виднѣлся кусочекъ неба и куда по утрамъ слетались голуби, показалась ему теперь такой же отвратительной, какъ и въ первые дни, когда онъ еще не привыкъ къ ней и не устроилъ въ ней возможнаго уюта и комфорта. Потомъ онъ

сжился со своей клѣткой настолько, что, возвращаясь съ допросовъ, чувствовалъ даже нѣкоторое удовольствіе, какое испытываютъ люди, возвращаясь не въ тюрьму, а домой.

Онъ принарядилъ въ то время свою камеру и заботился о чистотѣ въ ней, первый разъ въ жизни принужденный лично заботиться о себѣ. Сперва это его тѣшило, потомъ онъ привыкъ и, ради моціона, натиралъ асфальтовый полъ до усталости. И камера его была настоящей игрушкой, хоть частью напоминавшей избалованному барину прежнюю обстановку. Мягкій тюфякъ, чистое бѣлье, теплое одѣяло, пушистый коврикъ у ногъ и коверъ во всю камеру, бездѣлки на крошечномъ столикѣ, прикрѣпленномъ къ стѣнѣ, иногда букеты цвѣтовъ, красивая посуда на полкахъ, изящный сундукъ съ платьемъ и бѣльемъ въ углу—все это, доставленное матерью, скрашивало до нѣкоторой степени суровость тюремной обстановки.

Но теперь ему все это казалось противнымъ.

«Скорѣй на волю... на волю!»—шепталъ онъ, и передъ его глазами носились заманчивыя картины... Онъ увидитъ наконецъ лѣсъ, поля, улицы... Онъ надышится воздухомъ, онъ будетъ свободно гулять!..

Сбоку послышался стукъ. Это сосѣдъ—не уголовный, съ которымъ Невѣжинъ познакомился, не видя никогда его, хочетъ говорить.

Невѣжинъ подошелъ къ стѣнѣ.

— Какъ дѣла?—выстукивалъ дробью сосѣдъ.

— Ссылка на житье...

— Вѣрно, встрѣтимся... Мнѣ тоже Западная Сибирь.

Послѣ паузы опять вопросъ:

— Что̀ дѣлаете?

— Хожу, а вы?

— Читаю...

И Невѣжинъ снова заходилъ...

«Придетъ ли она? — вдругъ проговорилъ онъ вслухъ. — Она добра—она придетъ»,—утѣшалъ онъ себя, мечтая объ этомъ свиданіи. Наконецъ, усталый отъ ходьбы, отъ пережитыхъ сегодня волненій, онъ затушилъ свѣчку и бросился на койку.

Но спать онъ не могъ. Мысли о прошломъ — тяжеломъ, скверномъ прошломъ—назойливо лѣзли въ голову. На порогѣ новой жизни онъ подводилъ итоги старой.

III.

Одинъ изъ «порядочныхъ» молодыхъ людей.

Итоги воспоминаній неутѣшительные. Жизнь была позорная, которую нельзя было вспомнить безъ жгучаго стыда человѣку, сознающему въ минуты просвѣтлѣнія весь ея ужасъ.

А между тѣмъ въ жизни Невѣжина не было ничего ужаснаго, съ точки зрѣнія обычной свѣтской морали. Онъ жилъ, какъ всѣ живутъ, потому именно и жилъ, что такъ живутъ «всѣ», то-есть тѣ, кому съ дѣтства онъ привыкъ подражать, считая именно эту жизнь идеаломъ человѣческаго счастья.

Его исторія была самая обыкновенная страничка изъ жизни той среды порядочныхъ молодыхъ людей, которая, глядя по счастливой случайности, готовитъ и будущихъ столповъ отечества, и бубновыхъ тузовъ и червонныхъ валетовъ. Выпадетъ удачная карта—положеніе и почетъ, неудачная—объятія прокурора, иногда того же самаго товарища, съ которымъ еще наканунѣ провели вечеръ съ модной кокоткой и который поступилъ бы не лучше и не хуже своего пріятеля, если-бъ былъ поставленъ въ такое же положеніе. Тиражъ тутъ зависитъ не столько отъ убѣжденій, не столько отъ нравственныхъ запросовъ, сколько отъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Невѣжинъ выросъ въ небогатой дворянской семьѣ, считавшей однако свою родословную чуть ли не отъ Рюрика. Особенно этимъ гордилась мать, урожденная княжна изъ захудалаго рода, бывшая смомянка. Она любила геральдическія бесѣды и часто съ восторженнымъ умиленіемъ разсказывала свой любимый анекдотъ объ отдаленномъ предкѣ, генералъ-аншефѣ князѣ Холмскомъ, который однажды удостоился получить двѣ собственноручныя всемилостивѣйшія оплеушины отъ супруги Петра перваго, которыя впослѣдствіи осчастливили получателя.

Былъ ли дѣйствительно такой анекдотъ съ ея предкомъ, или она почерпнула его изъ «Русской Старины» и для возвеличенія блеска своихъ предковъ пріурочила его къ генералъ-аншефу—дѣло темное. Но она любила подобные разговоры, зачитывалась «Стариной» и «Архивомъ», приходила въ восторгъ отъ газетныхъ описаній торжественныхъ баловъ и празднествъ, всю жизнь промечтала о нихъ, никогда на нихъ не бывавши, и считала себя въ глубинѣ души глубоко несчастной, что жила въ провинціи, а не въ Петербургѣ. Добрая, пустая, взбалмошная, до старости лѣтъ сохранившая восторженную сентиментальность институтки, она предста-

вляла собой архаическое явленіе въ наше прозаическое время и нерѣдко, особенно вначалѣ, выводила изъ терпѣнія мужа своими бесѣдами и сѣтованіями. Потомъ онъ окончательно махнулъ на нее рукой, рѣшивъ, что жена его неисправимая дура.

Отецъ Невѣжина былъ не глупый, не злой человѣкъ, непризнанный военный геній, котораго неустанно точилъ червякъ честолюбія. Онъ былъ изъ типа ученыхъ генераловъ, написалъ какую-то книгу о тактическихъ примѣненіяхъ, разсчитывая на блестящую карьеру, но его тактическихъ соображеній нигдѣ не примѣняли, и онъ слегка фрондировалъ и страдалъ разлитіемъ желчи, считая себя обойденнымъ. Онъ не интриговалъ, не заискивалъ, но зато съ большимъ рвеніемъ снабжалъ «Военный Сборникъ» своими литературными произведеніями, но и это его не выдвинуло, и, вмѣсто блестящей карьеры Суворова или Скобелева, на долю его выпала слишкомъ заурядная карьера для честолюбиваго офицера генеральнаго штаба. Въ пятьдесятъ съ хвостикомъ лѣтъ онъ изнывалъ въ командованіи армейской бригадой. Бригада его была образцовая, но фонды на карьеру не повышались.

Онъ любилъ своего Женечку, своего единственнаго сына, хотя, вѣчно занятый или службой, или кабинетными занятіями, и мало обращалъ на него вниманія. И Женечка росъ, балованный и изнѣженный, въ атмосферѣ институтскихъ восторговъ матери, мечтавшей, глядя на сына, о своемъ миѳическомъ генералъ-аншефѣ, о какомъ-нибудь посланникѣ или о чемъ-нибудь въ подобномъ родѣ. Будущаго посланника рядили, лелѣяли, выписали для него парижанку. И въ тринадцать лѣтъ Женечка былъ хорошенькій бойкій мальчишка, отлично болтавшій по-французски, хуже по-англійски и кое-какъ по-нѣмецки, что приводило въ отчаяніе губернаторшу, которой сынъ—Женечкинъ сверстникъ и пріятель—далеко не отличался ни такими манерами ни такимъ шикарнымъ выговоромъ.

Пора было отдавать мальчика въ учебное заведеніе. Объ этомъ были большіе дебаты у отца съ матерью, въ которыхъ приняла участіе и губернаторша, какъ ближайшая пріятельница генеральши и тоже мать, озабоченная устройствомъ карьеры своего сына. Наконецъ рѣшили отдать въ лицей. По крайней мѣрѣ карьера обезпечена. Женечка будетъ посланникомъ, а вислоухій Васенька, губернаторскій сынокъ, не отличавшійся представительностью, необходимой для посланника, но зато обладавшій, по мнѣнію родителей, необыкновенной проницательностью и чувствомъ справедливости, будетъ министромъ юстиціи. Онъ поступитъ въ школу правовѣдѣнія.

Однако, когда оба молодые люди кончили курсъ, и тому и другому родители прислали на обзаведеніе слишкомъ незначительную сумму, которой едва хватило, чтобы покрыть долги и прилично одѣться, и будущій посланникъ и будущій министръ юстиціи препроводили домой соотвѣтствующія ихъ будущимъ профессіямъ эпистолы. Первый, въ формѣ дипломатической, недурно составленной «ноты», а второй въ формѣ обвинительнаго акта, требовали присылки денегъ, денегъ и денегъ и потомъ, разумѣется, и родительскаго благословенія, чѣмъ разсердили отцовъ, уже успѣвшихъ къ тому времени остаться совсѣмъ за штатомъ, и привели въ восторгъ матерей.

Дальше... Дальше для молодого Невѣжина шелъ какой-то непрерывный праздникъ. Два-три часа бездѣльничанія въ канцеляріи, кутежи въ модныхъ ресторанахъ, первыя представленія, parties carées съ кокотками, свѣтскія знакомства съ легкими ухаживаніями за скучающими барынями, балы, рауты, словомъ, вся та угарная, безцѣльная жизнь, которая даже и не давала наслажденія, а только щекотала тщеславіе... Молодого Невѣжина ласкали въ обществѣ, его любили, онъ былъ не глупъ, красивъ какъ богъ... казалось, какъ тутъ не преуспѣть? Но вся эта суета требовала денегъ, а изъ дому высылалось мало, несмотря на такую настойчивость дипломатическихъ нотъ, которой позавидовали бы настоящіе дипломаты.

Пріятель Невѣжина, сдѣлавшійся изъ вислоухаго Васеньки основательнымъ, хотя и не особенно привлекательнымъ молодымъ человѣкомъ, съ упорно торчащими ушами, давно ужъ приговорилъ своего фатера на полное забвеніе за то, что бывшій губернаторъ не сумѣлъ даже при отставкѣ выговорить себѣ сохраненія содержанія, а удалился съ мундиромъ по положенію и двумя тысячами подъ смоковницу, въ какія-то мирныя трущобистыя палестины—вспоминать, съ копеечной сигарой въ зубахъ, блаженныя времена, когда и онъ былъ «аркадскимъ принцемъ», курилъ двадцатипятирублевыя «реґаліи», наводилъ трепетъ на исправниковъ и пощипывалъ подбородки молодыхъ базарныхъ торговокъ во время утреннихъ экскурсій, совершаемыхъ въ видахъ наблюденій за чистотой города и популярности.

Приговоривъ своего «выжившаго изъ ума» старика, а кстати и мать, успѣвшую отдать своему любимцу послѣднія крохи, «будущій министръ» уѣхалъ въ провинцію судебнымъ слѣдователемъ, убѣдивъ передъ отъѣздомъ портного, сапожника и еще двухъ кредиторовъ получить четвертую часть долга и такимъ образомъ покончить счеты. Онъ занялся усердно службой, втайнѣ злобствуя, что живетъ въ захолустьѣ, и завидуя

Невѣжину, который между тѣмъ, попрежнему прожигая жизнь съ безпечностью русскаго барчонка и азартомъ зарвавшагося игрока, не задумывался о будущемъ.

Когда петля все болѣе и болѣе затягивалась и наконецъ затянулась совсѣмъ, передъ нимъ предстала дилемма: или пуля въ лобъ, или женитьба на богатой. Другого исхода онъ не понималъ.

Онъ предпочелъ поступить такъ, какъ поступаютъ тысячи людей въ его положеніи, то-есть жениться, рѣшившись на этотъ шагъ съ такой же легкомысленной бравадой, съ какой рѣшился бы, пожалуй, и покончить съ собой.

Подвернулась богатая невѣста. Невѣжинъ сталъ за ней ухаживать и скоро сдѣлался женихомъ. Эта женитьба казалась тогда ему самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. «Положимъ, непріятно, но что-жъ дѣлать? Какъ-нибудь все это устроится!» — успокаивалъ онъ чувство брезгливости, невольно говорившее въ молодомъ человѣкѣ, когда онъ оставался наединѣ со своей невѣстой, высокой, худой, какъ щепка, некрасивой дѣвушкой, влюбленной въ Невѣжина со всѣмъ пыломъ поздней страсти и неудовлетворенной жаждой чувственной натуры. Страсть однако не омрачила ея наблюдательнаго, чуткаго практическаго ума настолько, чтобы она могла обманывать себя иллюзіей взаимности. Она не забывала, что она некрасива и что ей тридцать лѣтъ, а Невѣжинъ красавецъ и на пять лѣтъ ея моложе, и понимала, что онъ женится благодаря состоянію, которое она получила недавно, послѣ смерти отца, скупого скряги, жившаго долгое время съ дочкой гдѣ-то за границей. Она не требовала отъ Невѣжина ни лицемѣрныхъ признаній ни обычныхъ увѣреній, не натягивала струнъ изъ страха, что онѣ могутъ лопнуть, но и не позволяла относиться къ ней небрежно. Она скоро поняла, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, знала, что покупаетъ себѣ красиваго мужа, какъ масса мужчинъ покупаютъ себѣ красивыхъ женъ, и не колебалась ни минуты, очарованная его красотой и мягкимъ характеромъ, увѣренная, что сумѣетъ подчинить его слабую волю и будетъ держать его въ мягкихъ, но твердыхъ рукахъ.

Она аккуратно свела счетъ его долговъ и заплатила ихъ. Затѣмъ она торопила свадьбой, они повѣнчались и уѣхали за границу. Когда черезъ годъ они вернулись въ Петербургъ, Невѣжинъ замѣтно былъ подчиненъ ея вліянію. Она исподволь, съ чисто-женскимъ тактомъ, выполняла свою программу, изучивши слабый, податливый характеръ мужа. Она не стѣсняла его, не держала на привязи, давала ежемѣсячно приличную сумму карманныхъ денегъ, посовѣтовавъ однако не

переходить бюджета, устроила ему изящное домашнее гнѣздо, заботилась о комфортѣ мужа, предупреждая его желанія съ деликатной заботливостью матери и страстнымъ увлеченіемъ влюбленной женщины, боящейся потерять любовника, но зорко слѣдила за мужемъ, чтобъ онъ не увлекся какой-нибудь женщиной серьезно. Одна мысль объ этомъ заставляла ее трепетать отъ ревности. Зато на мимолетныя увлеченія мужа, на его ужины съ кокотками, на его ухаживанія за дамами полусвѣта она смотрѣла сквозь пальцы, сдерживая ревнивыя чувства, лишь бы только мужъ не отворачивался отъ ея ласкъ.

Невѣжинъ несъ свое иго покорно, но мало-по-малу начиналъ ненавидѣть жену. Иногда онъ съ отвращеніемъ возвращался домой съ какой-нибудь пирушки, запирался въ своемъ кабинетѣ и на заботливые вопросы жены говорилъ, что боленъ. Онъ начиналъ сознавать, что эта золотая клѣтка куплена слишкомъ дорогой цѣной. Ему многіе завидовали, но никто не зналъ, какую испытывалъ онъ по временамъ пытку. Онъ иногда кутилъ по нѣскольку дней сряду, стараясь забыться, зная, что въ концѣ концовъ онъ долженъ будетъ вернуться домой и видѣть эту любящую, внимательную и отвратительную жену, которая не только не скажетъ ни слова упрека въ отвѣтъ на его капризныя вспышки, но еще попроситъ прощенія и бросится въ его объятія. А вырваться, бѣжать изъ этой адской жизни нѣтъ ни силъ, да нѣтъ и особеннаго желанія. Пройдутъ эти вспышки, и снова Невѣжинъ покорно исполняетъ роль Артюра у своей жены. Чтобы отвлечь мужа отъ праздной жизни, она пробовала задѣть его честолюбіе, совѣтовала ему заняться службой, но Невѣжинъ не былъ честолюбивъ и предпочиталъ бить баклуши, посѣщая канцелярію разъ или два въ недѣлю. Тогда она предложила ему путешествовать, но и отъ этого онъ отказался.

Прошелъ другой годъ, какъ вдругъ съ Невѣжинымъ произошла перемѣна.

Онъ сталъ менѣе кутить, рѣже бывалъ въ театрахъ и клубѣ, чаще бралъ въ руки книгу и подолгу сидѣлъ за ней въ своемъ кабинетѣ. Онъ былъ не попрежнему холоденъ къ женѣ, избѣгалъ видимо ея общества и однажды, когда она явилась къ нему въ пеньюарѣ и бросилась къ нему на шею со слезами, спрашивая, что это значитъ? — онъ съ такой нескрываемой ненавистью взглянулъ на жену, что сердце ея замерло отъ ожиданія какой-то надвинувшейся грозы, и она покорно ушла, всю ночь не смыкая глазъ, волнуемая подозрѣніями, что мужъ, котораго она такъ берегла, серьезно увлекся.

Сердце ея забило тревогу, и она стала слѣдить за мужемъ съ ревнивой подозрительностью.

А гроза подвигалась все ближе и ближе.

IV.

Неожиданное открытіе.

Между тѣмъ подоспѣло лѣто. Петербургъ собирался на дачи.

Людмила Андреевна Невѣжина, попрежнему не догадывавшаяся, откуда грозитъ бѣда, но смутно чувствовавшая, что бѣда гдѣ-то близко, рѣшила увезти мужа изъ Петербурга.

И вотъ, какъ-то утромъ, когда они сидѣли молча вдвоемъ въ уютной столовой за кофе, Людмила Андреевна, блѣдная и изможденная отъ затаенныхъ тревогъ и волненій, по обыкновенію одѣтая въ какой-то необыкновенно пышный пеньюаръ, скрадывавшій худобу ея тѣла, съ крошечнымъ кружевнымъ чепцомъ на жидкихъ свѣтло-русыхъ волосахъ, тщательно причесанныхъ,—вымытая и надушенная, съ кучей блестящихъ колецъ на длинныхъ, цѣпкихъ пальцахъ красивыхъ, но черезчуръ костлявыхъ рукъ,—дипломатически-осторожно предложила мужу, вмѣсто дачи, «уѣхать куда-нибудь подальше».

Невѣжинъ какъ-то вдругъ встрепенулся и, отложивъ газету, сталъ внимательно слушать.

— Поѣдемъ въ Крымъ или на Кавказъ, если не хочешь ѣхать за границу... Тамъ, говорятъ, такъ хорошо, а здѣсь на дачахъ вездѣ такъ скверно... Не правда ли?

Но мужъ рѣшительно былъ противъ. Онъ вдругъ припомнилъ первый годъ путешествія, вѣчно глазъ-на-глазъ съ этой назойливой, влюбленной женой, и съ него было слишкомъ довольно!

«Заграница» ему опротивѣла... Ни Крымъ ни Кавказъ его не прельщаютъ. И главное... главное, ему нельзя ѣхать!»—совсѣмъ неожиданно прибавилъ Невѣжинъ.

— Нельзя ѣхать!—переспросила жена чуть дрогнувшимъ голосомъ, поднимая на мужа удивленные глаза и пересиливая охватившій ее страхъ.

— Ну да, нельзя... Что̀ тебя такъ удивляетъ?

— Я не удивляюсь... Ты раньше ничего не говорилъ...

— Я и самъ узналъ только на-дняхъ... Мнѣ дали серьезное порученіе въ канцеляріи, и я долженъ все лѣто работать!..—проговорилъ онъ съ какой-то суетливой горячностью.

Онъ—работать? Правду онъ говоритъ или лжетъ?

Она бросила быстрый, пытливый взглядъ на это свѣжее,

румяное молодое лицо, полное жизни и чарующей красоты. Въ этомъ взглядѣ было и презрѣніе, и сумасшедшая страсть, и недовѣріе.

И этого красавца хотятъ отнять отъ нея!? Зачѣмъ же она купила его!? За что она испытываетъ муки ревности, не смѣя даже показать ихъ, за что она, какъ ищейка, слѣдитъ за нимъ, за что не спитъ по ночамъ?.. Она готова простить ему все, но только онъ долженъ принадлежать ей...

Ей показалось, будто онъ какъ-то особенно скоро отвелъ глаза.

«Лжетъ!» промелькнуло въ ея умѣ, и она сказала тихимъ, ласковымъ тономъ:

— Но развѣ нельзя отложить эту работу до осени?

— До осени?—вспылилъ Невѣжинъ.—Я, кажется, толкомъ говорю, что нельзя... Мнѣ наконецъ надоѣло бить баклуши.

— Ну, что-жъ, и отлично, мы поѣдемъ на дачу,—согласилась Людмила Андреевна.

— Но послушай однако, Людмила,—мягко замѣтилъ Невѣжинъ:—что-жъ тебѣ изъ-за меня оставаться? Если ты хочешь ѣхать куда-нибудь подальше, я могу проводить тебя и потомъ пріѣхать за тобой... Быть-можетъ, твое здоровье...

— Что̀ ты, что̀ ты, Евгеній,—перебила Людмила Андреевна. — Я, слава Богу, здорова... Спасибо за вниманіе! Обо мнѣ не безпокойся... Мнѣ вездѣ хорошо, когда ты бываешь немножко добръ со мной!—тихо и покорно прибавила она.— Такъ куда ты хочешь ѣхать на дачу?

Она произнесла эти слова, повидимому, спокойно, но въ душѣ у нея бушевало. Она жадно ждала отвѣта, не спуская глазъ съ мужа. Не дрогнетъ ли его лицо? Не выдастъ ли голосъ?

— Мнѣ рѣшительно все равно—куда...

— Все равно?—обрадовалась она.—Не хочешь ли въ Ораніенбаумъ?.. Тамъ море, паркъ, не такъ людно... Кстати, въ Ораніенбаумѣ будутъ жить Засѣкины!—вдругъ прибавила она, вспомнивъ, что эта хорошенькая Засѣкина зимой сильно кокетничала съ мужемъ.

— Какъ знаешь.

«Нѣтъ, не она!»—подумала Людмила Андреевна.

— Впрочемъ, тебѣ будетъ далеко ѣздить... Лучше поѣдемъ въ Павловскъ... Согласенъ?

— Куда угодно... Мнѣ все равно!—нетерпѣливо отвѣтилъ Невѣжинъ и всталъ изъ-за стола.

На другой день Людмила Андреевна проснулась въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, сладко потягиваясь на кровати.

Она была полна чудныхъ воспоминаній... Наканунѣ мужъ поздно вернулся и зашелъ къ ней въ маленькую гостиную, гдѣ она, грустная и одинокая, коротала вечеръ за книгой. Онъ былъ добръ и ласковъ. Онъ такъ нѣжно спросилъ: почему она долго не спитъ, что она не выдержала: слезы хлынули изъ глазъ, и она порывисто обвила руками его шею, вся вздрагивая и покрывая его лицо страстными, безумными поцѣлуями... И онъ не оттолкнулъ ее, когда она, заглядывая въ его смущенное лицо, съ нѣжной мольбой тихо увлекала его за собою...

Людмила Андреевна торопливо одѣлась, собираясь ѣхать нанимать дачу. Она вернется къ обѣду и сообщитъ мужу о результатахъ. Онъ вѣдь дома будетъ обѣдать? Послѣ они поѣдутъ вмѣстѣ посмотрѣть. Она была необыкновенно оживлена за кофе и, казалось, помолодѣла: глаза ея съ такою любовью смотрѣли на мужа, что Невѣжинъ невольно смущался... Наконецъ она уѣхала, обнявъ на прощаніе мужа и не замѣтивъ его нетерпѣливаго, страдальческаго выраженія лица въ минуту этого долгаго и нѣжнаго поцѣлуя.

Она нашла прехорошенькую, уютную дачу и торопилась домой, чтобъ обрадовать мужа. Мысли ея не были особенно мрачны. Она раздумывала объ этомъ внезапномъ служебномъ усердіи, и оно сегодня не показалось ей такимъ подозрительнымъ, какъ вчера... Впрочемъ, она во всякомъ случаѣ наведетъ справки.

Къ пяти часамъ она вернулась, но мужа дома не было.

— Прикажете подавать обѣдъ?—доложилъ лакей, когда пробило пять часовъ.

— Развѣ Евгеній Алексѣичъ говорилъ, чтобъ его не ждать?

— Они ничего не изволили сказать.

— Такъ подождите подавать, пока не вернется Евгеній Алексѣевичъ. Онъ, вѣрно, скоро будетъ! Да скажите повару, чтобы не передержалъ пирожковъ—баринъ этого не любитъ. Да красное вино не забудьте подогрѣть...

— Слушаю-съ.

— Евгеній Алексѣевичъ на «Арапѣ» уѣхалъ?

— Нѣтъ-съ, пѣшкомъ. Позавтракали и ушли.

— Безъ меня никого не было?

— Никого-съ.

Людмила Андреевна присѣла въ гостиной, но ей не сидѣлось. «Что̀ могло задержать мужа... Онъ вѣдь обѣщалъ дома обѣдать?» Она порывисто поднялась и заходила по залѣ, подходя къ окнамъ, прислушиваясь—не подъѣдетъ ли извозчикъ, не дрогнетъ ли звонокъ, взглядывая на часы.

Снова ревнивыя подозрѣнія закрадывались въ сердце этой несчастной женщины.

«Зачѣмъ онъ послѣднее время не ѣздитъ на своихъ лошадяхъ, а ходитъ пѣшкомъ... Вѣрно, боится, что кучеръ проболтается... И почему вдругъ эта непонятная перемѣна—онъ пересталъ кутить, раззнакомился со многими пріятелями, не играетъ въ клубѣ... Лучше, если-бъ онъ попрежнему кутилъ, игралъ въ карты, бывалъ у кокотокъ... По крайней мѣрѣ не забылъ бы тогда и меня...»

Горькая улыбка пробѣжала по лицу Людмилы Андреевны.

«Вотъ какой цѣной она должна покупать... не любовь, нѣтъ, а хоть обрывки вниманія. И за что? За то только, что злая судьба подсмѣялась, не наградивъ ее красивымъ лицомъ и въ то же время давъ ей горячее сердце?.. И развѣ она въ самомъ дѣлѣ такъ некрасива?..»

Она подошла къ зеркалу, взглянула на себя и... отвернулась, увидавъ это плоское, безкровное лицо съ замѣтными морщинами на сухой желтоватой кожѣ, этотъ длинный, большой, вѣчно краснѣющій носъ, неуклюже торчащій между впалыхъ щекъ, широкій ротъ съ большими зубами, эти маленькіе зеленые глазки, блестѣвшіе изъ темныхъ впадинъ рѣзкимъ блескомъ.

«И хоть бы сложена была, какъ другія!»—со злобой прошептала она, вытирая нависшую слезу. Чего-чего только она ни дѣлала, чтобъ пополнѣть. И все напрасно! Сухая, высокая, костлявая, она давно знала, что наружность ея не плѣняла никого, втайнѣ злобствовала на судьбу, завидуя красивымъ женщинамъ, и, сознавая, что счастіе не для нея, она въ то же время мечтала о немъ, рисуя самыя пламенныя картины любви въ своей разнузданной, жадной фантазіи... Когда наконецъ она сдѣлалась богата,—ей улыбнулось счастіе, правда, купленное... потерять его теперь еще тяжелѣй...

Часы пробили шесть.

«Вѣрно, онъ не будетъ!»—уныло проговорила она, пошла въ столовую и приказала подавать обѣдать.

Она едва прикасалась къ блюдамъ, волнуемая печальными мыслями... Только бы ей узнать—кто эта женщина, осмѣлившаяся стать ей на дорогѣ. Только бы узнать!.. А дальше что? А если мужъ броситъ?—стоялъ роковой вопросъ.

Раздался звонокъ, и Людмила Андреевна обрадовалась.

Но радость была поспѣшна.

Вмѣсто мужа, въ столовой появилась плотная, низенькая фигурка господина Назарьева, при видѣ которой физіономія Людмилы Андреевны вытянулась снова. Это былъ пожилой

человѣкъ степеннаго вида, съ брюшкомъ и лысиной, одинъ изъ родственниковъ Невѣжиной, петербургскій чиновникъ средней руки, вѣчно нывшій на скверныя дѣла и вмѣстѣ съ другими родственниками досадовавшій, что «эта уродина Людмила сдѣлала невозможную глупость—вышла замужъ» и вмѣсто того, чтобы помогать роднымъ, растрачиваетъ состояніе, «втюрившись, какъ кошка, въ безпутнаго молокососа».

Таковое мнѣніе не помѣшало, разумѣется, господину Назарьеву привѣтствовать «милую Людмилу Андреевну» самымъ мягкимъ нѣжнѣйшимъ теноркомъ di grazia и заботливо освѣдомиться: не помѣшалъ ли онъ?

— Быть-можетъ, въ театръ собираетесь?.. такъ вы безъ церемоніи!..—продолжалъ онъ, ласково задерживая руку Невѣжиной въ своей короткой пухлой рукѣ.

— Мы никуда не собираемся...

— Такъ я полчасика посижу... Ну, какъ поживаете?.. Впрочемъ, и спрашивать нечего... А Евгеній Алексѣевичъ... какъ?.. Давно не видались... Совсѣмъ вы насъ забыли... Елена къ вамъ собирается, да вѣдь знаете... Сама кормитъ... не до гостей...

— Я тоже рѣдко выѣзжаю...

— Что̀ такъ?.. Стыдно, право, стыдно... Молодая женщина, и сидѣть взаперти... Да я на мѣстѣ Евгенія Алексѣевича не позволилъ бы вамъ... Хе-хе-хе... Куда на дачу?

— Въ Павловскъ...

— И мы въ Павловскъ... Надѣюсь, вы тогда чаще будете видѣться съ Лелей... Дороги только дачи въ Павловскѣ это лѣто, а куда дѣться?.. Въ городѣ оставаться нельзя, сами знаете... дѣти... чистый воздухъ... А эти дачи, эти переѣзды... вотъ они гдѣ!—прибавилъ господинъ Назарьевъ, показывая толстымъ пальцемъ на стоячій воротничокъ рубашки, подпиравшій толстую красную шею, и взглядывая своими зоркими глазами: какое произведетъ впечатлѣніе этотъ жестъ на богатую родственницу.

Но богатая родственница только выразила сочувствіе, согласившись, что всѣ эти переѣзды дѣйствительно хлопотливы.

— Бѣдная Леля совсѣмъ потеряла голову отъ заботъ... Вы, впрочемъ, счастливица, не знаете, сколько хлопотъ съ семьей... Васѣ вотъ нуженъ учитель на лѣто... Нюту велятъ поить кумысомъ... Просто, хоть бери мѣсто въ провинціи... Мнѣ предлагаютъ мѣсто въ Сибири, но ѣхать туда...

— А что-жъ... Тамъ, говорятъ, дешево жить...

«Тебя бы туда!»—не безъ злости подумалъ господинъ На-

зарьевъ, недаромъ отклонявшій отъ себя порученіе жены «позондировать почву», и прибавилъ:

— Придется... но каково это будетъ бѣдной Лелѣ?..

Но упоминаніе о «бѣдной Лелѣ», толстой, жирной, смазливой бабенкѣ, ежегодно рожавшей дѣтей, нисколько не смягчило сердца богатой родственницы, и она довольно круто перевела разговоръ на спасительную погоду, не предвидя, что господинъ Назарьевъ, въ качествѣ обозленнаго родственника, приподнесетъ ей весьма непріятный сюрпризецъ.

Онъ поддержалъ разговоръ о погодѣ. «Удивительная погода! Такъ и тянетъ на воздухъ...» Онъ самъ сегодня вернулся изъ должности раньше и пошелъ съ дѣтьми въ Таврическій садъ.

— И какъ вы думаете, голубушка Людмила Андреевна,— продолжалъ господинъ Назарьевъ, растягивая пріятную улыбку и слова съ разсчетомъ завзятаго сплетника:—кого мы имѣли удовольствіе встрѣтить... Угадайте-ка?

— Мудрено угадать!—полушутя замѣтила Людмила Андреевна, начиная жадно слушать.

— Я такъ и зналъ, что не угадаете. Милѣйшаго нашего Евгенія Алексѣевича!

И господинъ Назарьевъ раскатился самымъ невиннѣйшимъ раскатистымъ смѣхомъ.

Невѣжина, знавшая хорошо господина Назарьева, догадалась, что это еще начало, что самая пакость будетъ впереди, и, подобравшись вся, воскликнула съ искусствомъ опытной актрисы:

— Ахъ, вѣдь у меня и изъ ума вонъ!.. Евгеній утромъ говорилъ, что пойдетъ въ Таврическій. Тамъ, говорятъ, такъ хорошо.

— Превосходно... («Однако ты таки-выдержанная ревнивая шельма!») Знаете ли, зелень, дѣти, скромная публика. Къ сожалѣнію, я не могъ пожать руки вашему красивому супругу... Онъ былъ такъ занятъ разговоромъ... Если позволите, еще стаканчикъ, Людмила Андреевна!—обратился онъ, передавая стаканъ и не безъ удовольствія замѣчая, какъ нервно дрожали ея длинные цѣпкіе пальцы.

«Да не тяни ты хоть душу, мерзавецъ!»—подумала Людмила Андреевна и, сдерживая душившее ее волненіе, храбро улыбнулась и сказала:

— Вы рѣшительно умѣете заинтриговывать, Аркадій Матвѣевичъ... Съ кѣмъ же это такъ бесѣдовалъ Евгеній?..

— Вотъ тутъ-то и конецъ главѣ... на самомъ интересномъ мѣстѣ!—шутливо проговорилъ Аркадій Матвѣичъ.

Она сгорала отъ нетерпѣнія узнать, а онъ—этотъ мучитель—словно нарочно тѣшился и не досказывалъ.

— Вотъ ужъ это нехорошо... Начать и не кончить.

— А вы и въ самомъ дѣлѣ заинтересовались этими пустяками? Не хотите подождать, пока самъ Евгеній Алексѣичъ разскажетъ? Ну-съ, извольте, вѣдь вы не ревнивы, вамъ можно сказать, но, чуръ, меня не выдавать!—говорилъ шутливымъ тономъ Аркадій Матвѣичъ.—Евгеній Алексѣичъ бесѣдовалъ съ очень интересной особой. Такая стройная, смуглая брюнетка. Одѣта скромно, видъ такой строгій, должно-быть, интеллигентная особа. Ну, кажется, всѣ примѣты. Теперь догадались—кто это барыня? Вѣрно, изъ вашихъ знакомыхъ, не правда ли?

Она слабо кивнула головой, и господину Назарьеву дѣлать было больше нечего. Онъ скоро ушелъ, довольный, что таки пробралъ эту скаредную родственницу.

Оставшись одна, Людмила Андреевна тяжело вздохнула. Злоба и ревность терзали ее. Она встала и нервно заходила по комнатамъ, стараясь привести въ порядокъ свои мысли. Наконецъ она приняла валерьяновыхъ капель, прошла въ кабинетъ мужа и, затворивъ изнутри, отперла ящики письменнаго стола своимъ ключомъ (она не въ первый разъ ужъ дѣлала такіе обыски!) и съ ловкостью опытнаго сыщика стала перебирать письма и бумаги. Рѣшительно ничего, ни одного компрометирующаго письма! Но вотъ взглядъ ея останавливается на какомъ-то клочкѣ, на которомъ написанъ адресъ: «Фурштадтская, д. 22, кв. 35». Она запоминаетъ адресъ, кладетъ клочокъ на мѣсто и въ самомъ нижнемъ ящикѣ находитъ крошечную тетрадку почтовой бумаги. Она заглядываетъ... начало не предвѣщаетъ ничего хорошаго... это нѣчто въ родѣ дневника, который имѣлъ неосторожность начать Невѣжинъ. Онъ начинался мѣсяца три тому назадъ словами: «Вчера я встрѣтилъ оригинальную прелестную дѣвушку», и далѣе шло все въ томъ же родѣ... восторженный панегирикъ рядомъ съ сознаніемъ своей ничтожности, усиливающемся crescendo. Затѣмъ шли довольно правдивыя замѣчанія о двусмысленности его положенія, объ отвращеніи къ женѣ, и наконецъ сегодняшнимъ числомъ было помѣчено: «И я снова испытывалъ чувство омерзѣнія. Господи, когда-жъ эта подлость кончится? Надо бѣжать... бѣжать...»

Еле стоя на ногахъ, безъ кровинки въ лицѣ, Людмила Андреевна имѣла мужество прочитать всѣ эти изліянія до конца, затѣмъ положила тетрадку на мѣсто и нетвердыми шагами добрела до спальной.

Не тутъ силы ее оставили, и она безпомощно опустилась на кресло, словно подкошенная.

V.

Выстрѣлъ.

Затаивъ на время волнующія ее чувства, Невѣжина пока ни слова не говорила мужу о сдѣланномъ ею открытіи. «Она подождетъ. Она еще прежде соберетъ улики, чтобъ не дать ему возможности солгать, и тогда... тогда поговоритъ съ этимъ человѣкомъ такъ, какъ онъ заслуживаетъ... Она броситъ ему въ глаза такія обвиненія, какихъ онъ и не ждетъ!» Она теперь ненавидѣла «этого человѣка», оскорбленная имъ, какъ только можетъ быть оскорблена женщина, и въ то же время не пришла еще ни къ какому рѣшенію—какъ поступить ей. «Неужели онъ такъ-таки и будетъ наслаждаться своимъ счастіемъ, и она, оплеванная, брошенная, должна влачить одинокіе дни? И хоть бы съ ней поступили деликатно, пожалѣли бы ее... Одно отвращеніе и ни тѣни участія... Нѣтъ! Такъ съ ней шутить нельзя... Онъ дорого заплатитъ за свое... отвращеніе... Онъ не воспользуется краденымъ счастіемъ!»

Она избѣгала встрѣчъ съ мужемъ. Сходились они только за обѣдомъ, и оба молчали, если не обѣдалъ кто-нибудь изъ постороннихъ. Невѣжинъ обратилъ вниманіе, что жена его за эти дни осунулась, постарѣла какъ-то сразу и не такъ, какъ обыкновенно, занималась своимъ туалетомъ.

«Что̀ съ ней? Здорова ли она?»—спросилъ онъ какъ-то разъ за десертомъ.

«И онъ еще смѣетъ спрашивать о здоровьѣ!?»

Злоба душила эту женщину, но она сдержала себя и съ невольною дрожью въ голосѣ проговорила:

— Развѣ это такъ интересно?

— Ты, кажется, больна, и слѣдовательно надо лѣчиться...

— Напримѣръ?

— Могла бы уѣхать куда-нибудь на воды... за границу... Посовѣтуйся съ докторами!—замѣтилъ онъ, бросая на жену пристальный взглядъ и тотчасъ же отводя его.

Она перехватила этотъ холодный, безучастный взглядъ совсѣмъ чужого человѣка, и ей стоило большого труда справиться съ собой. Но это было невозможно, и она медленно и тихо, невольно подчеркивая каждое слово, сказала глухимъ голосомъ:

— За границу я не поѣду, и заботы о моемъ здоровьѣ напрасны. Я чувствую себя отлично и... и надѣюсь прожить еще долго, очень долго!—вдругъ прибавила она и засмѣялась нервнымъ, болѣзненнымъ смѣхомъ.

Невѣжинъ пожалъ плечами и больше не заговаривалъ о здоровьѣ. Нѣсколько смущенный и сконфуженный, вышелъ онъ изъ-за стола и прошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Этотъ, ироническій, многозначительный тонъ безпокоилъ его. Такъ прежде она никогда съ нимъ не говорила, и онъ вдругъ струсилъ. «Не провѣдала ли чего-нибудь жена?»

Чадо сказать правду, струсилъ онъ не за себя. Онъ зналъ жену и понималъ, что эта женщина, въ порывѣ ревности, можетъ рѣшиться на всякій скандалъ — вотъ почему онъ тщательно скрывалъ отъ супруги свое знакомство съ дѣвушкой, о которой онъ говорилъ въ дневникѣ съ благоговѣйнымъ восторгомъ человѣка, въ первый разъ испытавшаго чистое чувство безъ всякой надежды, что оно можетъ быть когда-нибудь раздѣлено—такъ велика была между ними пропасть. Да развѣ онъ смѣлъ на что-нибудь надѣяться? Онъ былъ уже счастливъ, что ему позволяли изрѣдка приходить, читать, что его—пустого, негоднаго человѣка—не оттолкнули, а напротивъ, поддержали, вселивъ надежду, что и для него еще возможно нравственное обновленіе. Раздумье о своей негодности, новыя мысли, весь ужасъ брака, все это вѣдь явилось именно благодаря этой случайной встрѣчѣ съ дѣвушкой, совсѣмъ не похожей на тѣхъ женщинъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться прежде, и одна мысль, что жена, узнавши объ этомъ знакомствѣ, можетъ оскорбить ни о чемъ не догадывавшуюся дѣвушку какой-нибудь выходкой, какимъ-нибудь рѣзкимъ словомъ, приводила его въ негодованіе.

«Надо быть осторожнымъ!» И онъ досталъ изъ письменнаго стола свой дневникъ и спряталъ его въ карманъ. «Такъ безопаснѣе!»—рѣшилъ онъ и вышелъ изъ дому.

Горе и страданія Невѣжиной не помѣшали однако ей собрать самыя точныя справки. Подъ густой вуалью отправилась она вечеромъ по найденному адресу и основательно допросила дворника, посуливъ хорошую подачку за свѣдѣнія. Оказалось, что квартиру занимаетъ вдова-чиновница съ пятью дѣтьми.

— Съ пятью дѣтьми?.. Молодая?..

— Не такъ чтобы очень... Лѣтъ за сорокъ будетъ!—отвѣчалъ дворникъ и прибавилъ:—Не сродственница ли вамъ!

— Да, да... Такъ вы говорите за сорокъ?—изумилась Невѣжина.

— А можетъ, и больше, кто ее знаетъ. Вотъ... только средствами не то чтобы... Квартирка маленькая, и то одну комнату сдаетъ... Жиличка одна живетъ...

— Жиличка... Кто?.. какъ живетъ

— Барышня одна, учительница, госпожа Степовая.

— Молодая?

— Эта молодая изъ себя, такая аккуратненькая... Смирная и ласковая барышня, это надо сказать, не то что какъ другія прочія... Сами изволите знать — всякаго жильца есть!— прибавилъ дворникъ, махнувъ рукой.—Живетъ тихо и благородно, какъ слѣдоваетъ... Утромъ на уроки ходитъ... Рѣдко-рѣдко когда къ ней гости ходятъ... Вотъ одинъ статный такой, чернявый ходитъ, всегда двугривенный даетъ, какъ ты ему калитку отопрешь. Настоящій баринъ, не то что голь какая изъ студентовъ... Вотъ бы женишокъ для барышни... Какъ есть бы парочка!—продолжалъ дворникъ, уже успѣвшій нѣсколько разъ побывать въ пивной и потому находившійся въ болтливомъ настроеніи.

— Часто онъ сюда ходитъ? — нетерпѣливо перебила его Невѣжина.

— Да вамъ собственно о чемъ же угодно узнать, барыня?— мѣняя вдругъ тонъ, заговорилъ дворникъ.—Ужъ я и такъ по своей добротѣ болтаю вамъ... какъ бы чего не вышло... Сами изволите знать...

Невѣжина поспѣшила достать портмоне и подала десять рублей. Хотя дворникъ и изумился такой щедрой подачкѣ, но вида не показалъ и, принимая деньги, замѣтилъ:

— Вы, значитъ, насчетъ этого чернавинькаго барина?..

— Ну да... Говорите... Часто онъ бываетъ?

— Тэкъ-съ... Тэкъ-съ...—протянулъ дворникъ («Понимаемъ, молъ»,—говорило, казалось, его подвыпившее лицо съ масленными глазами).—Это я могу... Что-жъ, врать не буду, не то чтобы часто... Часто... этого я не замѣчалъ, а я у себя во дворѣ все вижу... Вотъ сегодня, значитъ, этакъ съ полчаса передъ вами будетъ, какъ ушелъ... Я у воротъ былъ...

— Благодарю... Только вы смотрите, никому ни слова... Понимаете?—замѣтила она, собираясь уходить.

— Что̀ вы, барыня? Не извольте сомнѣваться... Одно слово— могила!.. Я это довольно даже хорошо понимаю... Иной разъ всякому справка нужна... Я и напредки, если угодно, со всѣмъ моимъ удовольствіемъ. По нашему званію намъ все должно быть извѣстно-съ...—говорилъ онъ, отворяя дверь дворницкой и провожая за ворота.

«Должно, содержанка,—подумалъ онъ, слѣдя глазами за быстро удалявшейся барыней. — А этому господину безпремѣнно надо сказать... Небось, тоже отвалитъ!»

— И народъ, подумаешь!—вдругъ проговорилъ онъ, разсмѣявшись, и, вѣроятно, по этому случаю отправился въ пивную напротивъ.

Невѣжинъ сидѣлъ въ кабинетѣ у стола, когда часу въ десятомъ вечера вошла къ нему Людмила Андреевна.

Онъ поднялъ голову и въ полутемномъ концѣ кабинета увидалъ быстро приближавшуюся фигуру жены.

— Мнѣ надо поговорить съ тобой!—произнесла она глухимъ голосомъ, присаживаясь въ кресло у другого конца стола.

И тонъ, которымъ она произнесла эти слова, и злое выраженіе ея блѣднаго, осунувшагося лица, съ нервнымъ подергиваніемъ одной щеки, не предвѣщали ничего хорошаго.

Невѣжинъ отодвинулъ книгу и, стараясь скрыть невольное смущеніе, охватившее его, проговорилъ искусственно-небрежнымъ тономъ, закуривая папиросу:

— Въ чемъ дѣло?

— Мнѣ надо серьезно поговорить съ тобой!—повторила она, подчеркивая слово: «серьезно».—Ты, вѣроятно, самъ догадываешься, о чемъ?—прибавила она, взглядывая на мужа.

— Лучше безъ торжественныхъ предисловій... О чемъ я долженъ догадываться?

— Зачѣмъ ты обманываешь меня? Зачѣмъ ты такъ подло лжешь?

У Невѣжина ёкнуло сердце. Краска смущенія и досады залила его щеки. «Началось»,—подумалъ онъ и проговорилъ:

— Нельзя ли безъ этихъ выраженій...

— Боже, какая требовательность!—усмѣхнулась Невѣжина. — Онъ же еще и обижается! Этого я не ожидала... Да, ты лжешь! Я вѣдь знаю, что̀ тебя удерживаетъ въ Петербургѣ... Я знаю, какая служба. Вы изволили влюбиться въ очаровательнаго ангела съ Фурштадтской и забыли, что у васъ есть нравственныя обязательства къ женщинѣ, спасшей васъ отъ позора. Но развѣ любовь не подсказала вамъ, что обманывать не честно? Развѣ совѣсть не шепнула вамъ объ этомъ? Развѣ у васъ не хватило даже настолько мужества, чтобы сказать правду—и вы все время лгали?

Невѣжинъ все ниже и ниже опускалъ голову.

Каждое слово жены хлестало его какъ удары бича. И что̀ могъ онъ сказать въ свое оправданіе? И ненависть къ этой женщинѣ росла все болѣе и болѣе.

А она, словно обрадовавшись случаю освободиться отъ накипѣвшей злобы, продолжала:

— Вы знаете, я не обманывала себя... настолько я умна. Я знала, почему вы женились на мнѣ. Вамъ нужны были деньги, и я дала вамъ эти деньги. Я любила васъ, я не требовала отъ васъ взамѣнъ любви, но я ждала, по крайней мѣрѣ, уваженія и правдивости. Я думала, что вы поймете,

что, кромѣ денегъ, у меня есть и сердце. Я вѣдь тоже человѣкъ. Хоть бы каплю состраданія... Раньше вы хоть были искренни со мной, но потомъ... потомъ вы храбро исполняли обязанности мужа, хотя и чувствовали... омерзѣніе. Такой низости я даже и отъ васъ не ждала...

Она продолжать болѣе не могла. Рыданія душили ее.

Краска давно отлила отъ щекъ Невѣжина. Онъ поблѣднѣлъ и молча смотрѣлъ на жену. Теперь она казалась ему еще отвратительнѣе послѣ этихъ жестокихъ упрековъ.

— Послушайте,—сказалъ наконецъ Невѣжинъ:—я не стану оправдываться. Вы правы, я женился на васъ изъ-за денегъ, но вѣдь вы это знали. Женитьба моя была непростительной виной, вы въ правѣ клеймить меня, я самъ презираю себя за это. Я васъ никогда не любилъ даже настолько, чтобы забыть свой позоръ. Теперь вы знаете, почему мнѣ невозможно болѣе жить съ вами. Ну, да, я люблю, люблю безнадежно и все-таки люблю.

Онъ любитъ...

«Люблю безнадежно и все-таки люблю»!

О, если-бъ онъ сказалъ ей хоть что-нибудь подобное. Она бы все забыла, она готова была бы жизнь отдать за него. Но онъ любитъ другую. Даже не жалѣетъ ее настолько, чтобъ хоть не бросать ей въ глаза эти слова любви къ другой и чувство ненависти къ ней.

Этого она не въ силахъ была перенести. Она вскочила съ кресла и, задыхаясь отъ гнѣва, произнесла:

— И вы думаете, что я вамъ позволю безнаказанно шутить чужой жизнью? Вы думаете, что я васъ купила,—да, купила,—чтобъ вы смѣялись надо мной? Не безпокойтесь. Я пойду къ вашей «святой» дѣвчонкѣ и скажу ей... что̀ вы такое... Я познакомлю ее съ вами. А если поздно, если она, ваша святая, ужъ соблазнилась вашимъ лицомъ... Знаемъ мы этихъ святыхъ учительницъ.

— Замолчите, прошу васъ,—глухо проговорилъ Невѣжинъ.— О ней ни слова!

«О ней ни слова!» Такъ вотъ же...

И съ устъ жены сорвалось позорное слово о дѣвушкѣ.

Въ глазахъ у Невѣжина помутилось. На него нашелъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ бѣшенства, когда люди не помнятъ, что̀ дѣлаютъ. Онъ взялъ со стола маленькій револьверъ и, вздрагивая отъ гнѣва, прошепталъ:

— Уйдите.

А она, какъ нарочно, не уходила, эта ненавистная женщина, и вдругъ раздался выстрѣлъ.

Она бросилась въ двери. Прибѣжалъ лакей и осторожно отнялъ револьверъ изъ рукъ блѣднаго, какъ мертвецъ, Невѣжина.

— Ахъ, что̀ вы сдѣлали, что̀ вы сдѣлали, баринъ!—сочувственно повторилъ слуга.

Наконецъ Невѣжинъ пришелъ въ себя и велѣлъ тотчасъ же позвать доктора. Оказалось, что за докторомъ уже послали. Тогда онъ уѣхалъ изъ дома, переночевалъ у пріятеля и утромъ заявилъ въ полиціи, что стрѣлялъ въ жену.

Въ тотъ же день онъ узналъ, что она легко ранена, и просилъ пріятеля передать ей, чтобы она простила ему его поступокъ, и умолялъ ее, чтобы на слѣдствіи она не упоминала никакого имени.

Когда пріятель вернулся съ извѣстіемъ, что она обѣщаетъ это, Невѣжинъ успокоился. На другой же день онъ былъ арестованъ. Отъ порукъ жены онъ отказался.

VI.

Два свиданія.

Волнуемый воспоминаніями о прошломъ, Невѣжинъ провелъ почти безъ сна ночь послѣ судебнаго приговора и заснулъ только на разсвѣтѣ. Онъ не слыхалъ, какъ въ исходѣ седьмого часа надзиратель отворилъ форточку въ дверяхъ его камеры и бросилъ на койку дневную порцію чернаго хлѣба, какъ затѣмъ въ коридорѣ раздавались громкіе возгласы: «Кипятокъ, кипятокъ!», предупреждавшіе узниковъ, имѣвшихъ свой чай, о разноскѣ кипятка,—и проснулся, противъ обыкновенія, поздно.

Былъ двѣнадцатый часъ. Славный солнечный день врывался въ окно камеры, заливая маленькую клѣтку снопами яркаго, веселаго свѣта. Невѣжинъ только-что окончилъ свой туалетъ, пріотворилъ окно, укрѣпленное цѣпями, жадно подышалъ свѣжимъ весеннимъ воздухомъ и занялся варкой кофе на спиртовой лампочкѣ, стараясь продлить это занятіе, чтобы какъ-нибудь убить время.

Не успѣлъ онъ докончить стакана, какъ дверь камеры съ шумомъ отворилась, и надзиратель произнесъ громкимъ голосомъ:

— Пожалуйте на свиданье!

Это была такая пріятная неожиданность, что молодой человѣкъ сперва не повѣрилъ. Дни свиданій съ матерью были у него по средамъ и воскресеньямъ, а сегодня была пятница.

«Неужели это она... такъ скоро!»—пронеслось у него въ головѣ, и онъ переспросилъ надзирателя дрогнувшимъ отъ радостнаго волненія голосомъ:

— На свиданье... мнѣ? Развѣ сегодня есть свиданія?

— Вѣрно, начальникъ разрѣшилъ не въ очередь.

Невѣжинъ бросился изъ камеры. Онъ шелъ такъ скоро, что старый надзиратель едва успѣвалъ за нимъ.

— Гдѣ свиданіе?.. Общее или звѣриное, за рѣшеткой?—спрашивалъ Невѣжинъ, когда они спускались съ лѣстницы...

— Развѣ забыли, что сегодня общихъ нѣтъ. Сегодня только для политическихъ! Вамъ, выходитъ, экстренное.

— Ахъ, да, я и забылъ. Значитъ, и мнѣ въ камерѣ!—обрадовался Невѣжинъ.—Вы будете присутствовать при свиданіи?

— Вамъ можно и безъ надзора!—снисходительно замѣтилъ пучеглазый, военной выправки, старикъ, изъ бывшихъ жандармовъ. «Ты, молъ, уголовный, что съ тобой-то сидѣть!»—подумалъ старикъ и прибавилъ:—Вотъ провожу васъ и сейчасъ пойду опять наверхъ за другимъ господиномъ... Съ тѣмъ и сидѣть буду... Сегодня просто пятки горятъ...

— А что̀, устали?

— Да какъ не устать... Каждый на свиданье летомъ летитъ, словно угорѣлый, мнѣ и не поспѣть... Ноги мои ужъ старыя.

Невѣжинъ умѣрилъ шагъ и спросилъ:

— А кто пришелъ ко мнѣ... Вы не знаете?

Почему ему знать, кто тамъ сидитъ въ пріемной? Его дѣло одно: ходи съ главнаго поста наверхъ и оттуда внизъ.

Они спустились. Въ коридорѣ, недалеко отъ главнаго выхода, со спискомъ въ рукахъ, стоялъ дежурный помощникъ, не «безтолковый», а добрый, пользовавшійся расположеніемъ и посѣтителей и заключенныхъ, высокій худощавый брюнетъ съ добрымъ лицомъ, не успѣвшимъ еще пріобрѣсти равнодушно-офиціальнаго выраженія тюремной крысы.

— Сейчасъ придутъ къ вамъ!—мягко проговорилъ онъ, посматривая на часы, и, отмѣчая на бумажкѣ время, указалъ на одну изъ камеръ.

Въ эту минуту какая-то молодая дама въ глубокомъ траурѣ, съ корзиной въ рукахъ, проходила мимо и взглянула на молодого человѣка тѣмъ необычайно ласковымъ, сочувственнымъ взглядомъ, которымъ умѣютъ глядѣть только женщины, испытавшія несчастіе въ жизни.

«Вѣрно, принимаетъ меня не за уголовнаго!»

Невѣжинъ остановился, чтобы дать ей дорогу, и, въ свою

очередь, взглянулъ съ невольнымъ уваженіемъ на это милое, грустное лицо съ заплаканными глазами. И этотъ глубокій трауръ, и выраженіе ея безконечно добраго лица, и самая походка... все свидѣтельствовало о большомъ горѣ.

Дама вдругъ остановилась и подняла кверху голову. Счастливое, радостное выраженіе освѣтило ея лицо. Быстро спускаясь съ лѣстницы и весело кивая кудрявой головой, шелъ къ ней молодой человѣкъ... Вотъ онъ спустился, протянулъ ей обѣ руки и на ходу проговорилъ, обращаясь къ помощнику:

— Ужъ вы, пожалуйста, не оттяните ни одной минуты... Теперь ровнô двѣнадцать!

И они оба скрылись въ сосѣдней камерѣ, сопровождаемые надзирателемъ.

Невѣжинъ вошелъ въ свою и заходилъ въ волненіи взадъ и впередъ. Нѣсколько минутъ, протекшихъ въ ожиданіи, показались ему чуть ли не вѣчностью.

«Скоро ли?»

Онъ смотрѣлъ нетерпѣливо на часы, останавливался у дверей, прислушиваясь къ шагамъ въ коридорѣ, нѣсколько разъ выглядывалъ изъ-за двери... никого не было. Онъ не сомнѣвался, что придетъ Зинаида Николаевна. Кому придти другому? Цѣлыхъ семь мѣсяцевъ онъ ея не видалъ... Вчера только въ судѣ, но тамъ было такъ темно. Онъ давно хотѣлъ просить этого свиданія съ ней и не рѣшался. Теперь, передъ разлукой навсегда, онъ долженъ ее видѣть, долженъ объясниться.

Наконецъ двери отворились именно въ ту минуту, когда Невѣжинъ не ожидалъ этого и стоялъ въ противоположномъ концѣ камеры.

Невѣжинъ быстро обернулся и замеръ на мѣстѣ отъ изумленія.

Вмѣсто дѣвушки, которую онъ ждалъ, передъ нимъ стояла его жена.

Она робко, точно виноватая, протянула ему руку и промолвила тихимъ голосомъ, полнымъ мольбы:

— Прости... Простите,—поправилась она:—что я пришла. Я знаю, вы не хотѣли меня видѣть раньше, но теперь... послѣ приговора...

Невѣжинъ взглянулъ на жену. Боже мой! какъ осунулась, какъ постарѣла она въ послѣднее время! Особенно поразило его выраженіе какого-то покорнаго страданія, смягчившее черты ея лица, и кроткій, грустный взглядъ ея глазъ.

Ему стало безконечно жаль эту женщину, жизнь которой

была разбита по его винѣ. Прежняя ненависть къ ней давно улеглась въ его сердцѣ.

Почтительно и осторожно, какъ подходятъ къ трудно-больнымъ, подошелъ онъ къ женѣ, поцѣловалъ ея руку и сказалъ:

— Намъ обоимъ тяжело было видѣть другъ друга.

Она подняла на него взоръ, тотъ же кроткій, молящій, и ничего не сказала.

— Особенно мнѣ,—прибавилъ Невѣжинъ.

— Почему?—проронила она чуть слышно.

— Я слишкомъ виноватъ передъ вами... Вы это знаете.

Онъ предупредительно предложилъ ей стулъ и самъ сѣлъ на другой.

— Я пришла не для того, чтобы намъ считаться,—наконецъ заговорила она.—Довольно было счетовъ. Я больше была виновата. Изъ-за меня случилось все это несчастіе... Я забыла, видите ли, что это мнѣ не къ лицу, ревновать... Я требовала невозможнаго...

Невѣжинъ молчалъ. Примолкла и Людмила Андреевна.

— Я пришла теперь, чтобъ просить васъ, умолять объ одномъ...

— О чемъ?

— Позвольте мнѣ ѣхать въ Сибирь за вами...

Этой просьбы Невѣжинъ никакъ не ожидалъ.

Она замѣтила выраженіе изумленія на его лицѣ и торопливо прибавила:

— Я поѣду за вами не какъ жена... О, нѣтъ. Я прошу только права заботиться о васъ, быть вашей сидѣлкой, нянькой, чѣмъ хотите. Я не буду имѣть претензіи ни на что. Если хотите, я не буду показываться вамъ на глаза, но только позвольте быть около васъ.

Хотя такое самоотверженіе и тронуло молодого человѣка, однако онъ рѣшительно отвѣтилъ:

— Это невозможно... Я никогда не соглашусь, чтобы вы ради меня ѣхали въ Сибирь.

— А вы думаете, что здѣсь или гдѣ-нибудь мнѣ будетъ лучше?—сказала она.—Не откажите. Не думайте, что я стѣсню васъ... Вы будете свободны... Я буду скрывать отъ всѣхъ, что я ваша жена...

— Неужели вы думаете, что я могу принять такое предложеніе?—порывисто воскликнулъ Невѣжинъ.

— Ну, хорошо, не надо... Такъ вотъ что: я устрою вамъ возможность бѣжать въ пути. Берите деньги и бѣгите за границу...

— Благодарю васъ. И на это я не могу согласиться.

Она печально поникла головой.

— Послушайте... вы все еще сомнѣваетесь. Вы думаете, что я хлопочу для себя... Такъ хотите развода? Я готова взять все на себя. Моя жизнь кончена, а ваша впереди... Вѣрите вы теперь мнѣ?

Глубоко взволнованный, Невѣжинъ горячо проговорилъ:

— Я вѣрю вамъ, благодарю васъ и...

— Отказываетесь?

— Да, отказываюсь. Позвольте мнѣ попробовать стать порядочнымъ человѣкомъ!—добавилъ онъ съ горькой усмѣшкой.

Снова наступило молчаніе. Наконецъ они заговорили о другихъ вещахъ. Жена разспрашивала мужа о тюремной жизни, Невѣжинъ разспрашивалъ объ общихъ знакомыхъ. Они разстались нѣсколько примиренные. Она выпросила позволеніе изрѣдка навѣщать его до отъѣзда и проводить хоть до Нижняго.

Черезъ часъ послѣ ухода жены, Невѣжина снова позвали на свиданіе.

На этотъ разъ онъ не обманулся. Когда онъ вошелъ въ ту же самую комнату, въ которой только-что видѣлся съ женой, тамъ уже сидѣла Зинаида Николаевна.

При видѣ Зинаиды Николаевны, Невѣжина охватило такое волненіе, что въ первую минуту, растерянный и смущенный, онъ не находилъ словъ. Казалось, онъ все еще не вѣрилъ такому счастью.

«Вы пришли... пришли?»—безсмысленно повторялъ онъ, не сознавая, что говоритъ, порывисто пожималъ протянутую руку и глядѣлъ на Зинаиду Николаевну восторженно-умиленнымъ, благодарнымъ взоромъ.

Благодаря присутствію этой дѣвушки, отъ которой словно вѣяло чѣмъ-то чистымъ и свѣтлымъ, Невѣжинъ весь какъ-то внутренно умилился и просвѣтлѣлъ. Эти славные синіе глаза, кротко и грустно глядѣвшіе изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, проникали въ самую душу, очищая ее своимъ чистымъ свѣтомъ. И маленькая полутемная камера, казалось Невѣжину, вдругъ просвѣтлѣла.

А молодая дѣвушка, видимо, не ждала такой встрѣчи. Смущенная такимъ проявленіемъ чувства, безмолвно сидѣла она, склонивъ голову.

— Я не знаю, какъ и благодарить васъ, — началъ наконецъ Невѣжинъ, присаживаясь на стулъ:—за то, что вы не отказали въ моей просьбѣ... пришли... Я до сихъ поръ не вѣрю, что вы здѣсь... Я думалъ... вы не захотите... А мнѣ

такъ хотѣлось... васъ видѣть, сказать вамъ... просить прощенія...

— Въ чемъ?—проронила Зинаида Николаевна.

— Въ чемъ?—переспросилъ Невѣжинъ.—Такъ выслушайте меня... Вѣдь скоро и конецъ этому свиданію... А мнѣ хочется вамъ многое сказать!.. — продолжалъ Невѣжинъ, волнуясь и спѣша поскорѣй излить свою душу послѣ долгаго молчанія.—Вы знаете ли, чѣмъ я вамъ обязанъ?.. Благодаря этой счастливой случайной встрѣчѣ съ вами, я понялъ всю пустоту, всю мерзость моей жизни... Вамъ, вашимъ теплымъ словамъ обязанъ я, что прозрѣлъ, что иначе взглянулъ на окружающее и на самого себя... Я сталъ думать, сталъ читать, у васъ я увидалъ честныхъ, хорошихъ людей, на которыхъ прежде клеветалъ, повторяя ходячія фразы людей нашего общества... И вся прежняя жизнь стала мнѣ отвратительной... я искренно хотѣлъ съ нею раздѣлаться... Но я слабъ, я безхарактеренъ... сразу я не могъ рѣшиться... О, какъ благодаренъ я вамъ, Зинаида Николаевна, что вы тогда не оттолкнули меня, что вы позволили мнѣ хоть изрѣдка заходить къ вамъ, говорить о себѣ и слушать васъ. Вы поддерживали во мнѣ надежду подняться, бодрили меня какъ добрая сестра, совѣтовали не унывать и, въ минуты отчаянія, освѣщали передо мной пропасть, въ которой я былъ... Я хотѣлъ изъ нея выйти и въ то же время скрывалъ отъ васъ... скрывалъ главное...

Невѣжинъ говорилъ взволнованнымъ, задушевнымъ голосомъ. Слезы стояли у него на глазахъ... Онъ на секунду остановился.

— Напрасно вы такъ волнуетесь!—мягко заговорила Зинаида Николаевна.—Вы, кажется, ничего отъ меня не скрывали.

— Нѣтъ... не утѣшайте... Я скрылъ отъ васъ, какъ я женился... Объ этомъ я никогда не говорилъ... У меня не хватало силъ признаться въ такой подлости вамъ, именно вамъ. Я нѣсколько разъ хотѣлъ говорить объ этомъ и... и не рѣшался... Я думалъ, что тогда вы будете совсѣмъ презирать меня, а этого я не могъ перенести... Я хотѣлъ вамъ сказать только тогда, когда бы разорвалъ со всѣмъ прошлымъ... Теперь оно невольно разорвано... Вы были въ судѣ.. Вы слышали... Вы видѣли жену... Такъ знайте то, что̀ я скрывалъ... Я женился ради денегъ... Я продалъ себя, не понимая, что гублю и свою и чужую жизнь... Я не любилъ жену и раньше, а потомъ, когда я встрѣтилъ васъ, она мнѣ сдѣлалась ненавистна... Притворяться я болѣе не могъ... И безъ того было

много притворства. Теперь вы знаете все!—прибавилъ тихо Невѣжинъ, опуская свою кудрявую голову, словно подсудимый, ожидающій приговора.

Молодая дѣвушка сама еще ниже склонила голову, чувствуя, что этотъ голосъ, полный мольбы и страсти, невольно, какъ тать, закрадывается въ ея сердце и будитъ новыя чувства. Давно ли этотъ человѣкъ былъ для нея просто случайнымъ знакомымъ, котораго она чуть-чуть пожалѣла, не подозрѣвая, что онъ любитъ ее... И если бы эта исповѣдь была сдѣлана раньше, Зинаида Николаевна навѣрно отнеслась бы суровѣй, а теперь... теперь она еще болѣе жалѣла этого красиваго молодого человѣка, слова котораго звучали, казалось, такимъ искреннимъ раскаяніемъ и такой заразительной нѣжностью скрываемой любви...

И, вмѣсто суроваго приговора, она промолвила тихимъ голосомъ:

— Вы почти искупили свою вину... Вы слишкомъ наказаны.

— И вы прощаете?.. вы?—невольно воскликнулъ Невѣжинъ въ радостномъ волненіи.

Прощаетъ ли она? Довольно было посмотрѣть на ея лицо, ласковое и грустное, чтобъ не спрашивать объ этомъ.

— Какое же имѣю я право обвинять васъ?..—сказала она...

— О, благодарю васъ... Теперь мнѣ будетъ легче начать новую жизнь!—порывисто воскликнулъ Невѣжинъ.—И вотъ еще что̀. Вы не думайте, что я стрѣлялъ въ жену изъ какихъ-нибудь побужденій... Я не смѣю сказать причины, но клянусь вамъ...

— Я все знаю!—невольно сорвалось у нея.

— Знаете? То-есть что̀ же знаете?—испуганно переспросилъ Невѣжинъ.

— Почему вы стрѣляли!—прошептала Зинаида Николаевна, и на ея лицѣ появилось серьезное, страдальческое выраженіе.—Вчера ваша жена была у меня...

— Жена... У васъ? И она осмѣлилась?—вспылилъ вдругъ Невѣжинъ.

— Не волнуйтесь... Она не винитъ васъ, она во всемъ винитъ себя... Она глубоко къ вамъ привязана и желаетъ вамъ счастья...

— Она сейчасъ была у меня... Предлагала бѣжать за границу, предлагала ѣхать со мной въ Сибирь...

— И что̀ же? Вы отказались?—съ живостью спросила Зинаида Николаевна.

— Конечно... Но что̀ же она говорила вамъ?..

— Она все мнѣ сказала... но потомъ поняла, что я не виновата. Скажите сами, виновата ли я?

И, сказавъ эти слова, Зинаида Николаевна подняла на Невѣжина свѣтлый, чистый взглядъ своихъ прелестныхъ глазъ. Въ этомъ взглядѣ былъ и вопросъ и состраданіе. О, какъ хороша была она въ эту минуту, серьезная и смущенная, безъ вины виноватая дѣвушка, невольная участница семейной драмы, окончившейся ссылкой.

— Я виноватъ... что, недостойный, осмѣлился боготворить васъ... Я понималъ, что я для васъ чужой... Я ни на что не надѣялся. Но это было выше моихъ силъ. Ну, да, я люблю безнадежно... Никого никогда я такъ не любилъ. Съ вашимъ чуднымъ образомъ я уѣду въ Сибирь, и онъ поддержитъ меня!—вдругъ воскликнулъ Невѣжинъ.—Простите, умоляю васъ, эту дерзость... Въ первый и послѣдній разъ сорвалось это слово... Скажите, что вы прощаете.

Она давно ему простила и протянула ему руку. Слезы брызнули изъ его глазъ, и онъ припалъ къ ея рукѣ, покрывая ее поцѣлуями.

Зинаида Николаевна тихо освободила свою руку. Сама взволнованная этой сценой, она чувствовала не одну только жалость къ Невѣжину.

— Успокойтесь... не волнуйтесь!—говорила она испуганнымъ голосомъ, вся блѣдная и серьезная.—Я не могу раздѣлять вашего чувства, но я цѣню его...

Онъ просвѣтлѣлъ. Могъ ли онъ надѣяться на большее?

— И вы когда-нибудь напишите мнѣ... хоть строчку... одну строчку... Вы поддержите меня и тамъ, въ далекой Сибири.

— Напишу... И теперь же напишу къ своимъ роднымъ, чтобъ васъ пріютили. Вѣдь я сама сибирячка. Вы ѣдете въ мой родной городъ!—съ улыбкой прибавила она.—Тамъ не такъ скверно, какъ вы думаете. Быть-можетъ, еще и увидимся.

— Неужели можетъ быть такое большое счастіе?—какъ ребенокъ воскликнулъ Невѣжинъ.

Минуты свиданія пробѣжали быстро. Помощникъ заглянулъ въ двери, и они разстались.

— Прощайте!..—проговорилъ Невѣжинъ.

— До свиданія!—отвѣтила Зинаида Николаевна.—Я еще навѣщу васъ.

Счастливый поднимался въ этотъ день Невѣжинъ на свою галлерею.

VII.

Дѣловое утро.

Василій Андреевичъ Ржевскій-Пряникъ или, какъ коротко называли его сибирскіе обыватели, «генералъ», занимавшій въ старыя времена, соотвѣтствующія нашему разсказу, видное мѣсто въ отдаленной Жигановской губерніи, въ 9 часовъ іюньскаго утра былъ, по обыкновенію, на своемъ посту—за письменнымъ столомъ въ небольшомъ, щегольски убранномъ кабинетѣ.

Вполнѣ готовый начать многотрудное дѣловое утро и уже получившій за чаемъ обычную порцію внушеній отъ своей супруги, дамы, какъ узнаетъ читатель, весьма характерной, Василій Андреевичъ былъ радъ, что долгъ службы призывалъ его въ кабинетъ (супруга сегодня была не въ духѣ), и первымъ дѣломъ занялся пересмотромъ только-что полученной петербургской почты.

Это былъ кругленькій, гладкій, невысокаго роста, бодрый и живой старичокъ, съ манерами человѣка, бывавшаго въ свѣтѣ, изъ породы мышиныхъ жеребчиковъ. Свѣжій, чистенькій, румяный, сохранившійся, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, съ рѣденькими, тщательно приглаженными, сѣденькими волосами на височкахъ и оголеннымъ черепомъ, съ расплывшимися чертами когда-то красиваго лица, Василій Андреевичъ не глядѣлъ козыремъ: во всей его фигурѣ не было ни импонирующаго юпитеровскаго величія, ни специфической чиновничьей выправки, и если-бъ не изящно сшитый форменный сюртукъ, обличавшій его административную профессію, Василія Андреевича едва ли приняли бы за «генерала».

И кабинетъ, въ которомъ Василій Андреевичъ несъ, какъ онъ выражался, «тяготу своего положенія», то-есть суетился и волновался, разсказывалъ анекдоты и слушалъ ихъ, писалъ резолюціи и временами набрасывался пѣтушкомъ на подчиненныхъ, совсѣмъ не имѣлъ той внушительной, дѣловой, солидной обстановки, которой обыкновенно щеголяютъ петербургскіе администраторы. Напротивъ, у Василія Андреевича все было какъ-то по-дамски, уютно и весело, и обстановка кабинета напоминала обстановку стараго вивера, проведшаго молодость не безъ пріятныхъ воспоминаній. И мебель, и масса бездѣлокъ и сувенировъ, украшавшихъ столъ, все говорило, что хозяинъ имѣетъ вкусъ не къ однимъ только скучнымъ дѣламъ, а обладаетъ и эстетической жилкой. Среди фотографій, развѣшанныхъ по стѣнамъ, было немало женскихъ пор-

третовъ, преимущественно извѣстныхъ актрисъ и пѣвицъ, и все съ собственноручными надписями.

Василій Андреевичъ прочелъ уже нѣсколько бумагъ, сдѣлалъ соотвѣтствующія отмѣтки, и лицо его сохранило попрежнему добродушное выраженіе—изъ Петербурга ни одного запроса, ни одного замѣчанія. Вслѣдъ затѣмъ онъ сталъ просматривать петербургскія газеты, какъ вдругъ лицо его побагровѣло, нижняя губа оттопырилась, и онъ швырнулъ одну злополучную газету отъ себя.

Въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ идетъ рѣчь, въ газетахъ еще появлялись корреспонденціи, приводившія въ волненіе не однихъ только господъ засѣдателей, и корреспонденція изъ Жиганска была хоть и не особенно пикантной, но все-таки взволновала Василія Андреевича.

Онъ былъ до-нельзя чувствителенъ ко всякимъ газетнымъ сообщеніямъ, и если въ нихъ не восхищались его дѣятельностью, то Василій Андреевичъ забывалъ и о любви къ литературѣ и о знакомствѣ съ извѣстными писателями, портреты которыхъ красовались у него въ кабинетѣ, и готовъ былъ бы запретить всѣ газеты.

Еще бы! Онъ, вѣчный житель столицы, привыкшій къ удовольствіямъ и сутолокѣ столичной жизни, не пропускавшій ни одного перваго представленія, пожертвовалъ всѣмъ этимъ и пріѣхалъ въ эту трущобу, одушевленный самыми благими намѣреніями просвѣтить дикихъ сибиряковъ, и вдругъ дѣятельностью его не восхищаются, напротивъ...

— Опять!—прошепталъ онъ.—Опять эти негодяи пишутъ...

Онъ снова взялъ въ руки газету и вновь перечелъ, что̀ пишутъ «эти негодяи», подъ собирательнымъ именемъ которыхъ Василій Андреевичъ разумѣлъ нѣсколько лицъ, особенно имъ нелюбимыхъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ сочиненіи корреспонденцій.

«Негодяи» однако ничего ужаснаго не писали. Въ злополучной корреспонденціи, сообщавшей обычные, всѣмъ извѣстные факты изъ сибирской жизни, между прочимъ, выражалось сожалѣніе, что на Василія Андреевича имѣютъ нехорошее вліяніе люди весьма сомнительные...

Это была не первая корреспонденція, и старика волновали не столько факты, сообщаемые въ нихъ, сколько предположеніе, что на него могутъ имѣть вліяніе... «Онъ все самъ... На него никто не можетъ имѣть вліянія!»

— Я разыщу негодяя, который сообщаетъ этому мерзавцу редактору пасквили... Я его... Я въ двадцать четыре часа...

Василій Андреевичъ былъ въ самомъ воинственномъ па-

строеніи и ужъ собрался-было, по обыкновенію, послать верхового за подозрѣваемымъ корреспондентомъ, какъ вдругъ двери кабинета растворились, и въ комнату вошла высокая, довольно полная барыня, лѣтъ сорока, сохранившая еще, благодаря косметикамъ, нѣкоторую пикантность своей отцвѣтающей красоты.

Хотя Василій Андреевичъ добродушно вѣровалъ въ личное свое мужество и, вспоминая старыя времена, когда онъ былъ военнымъ и служилъ адъютантомъ, любилъ разсказывать, какъ, благодаря его находчивости, не было проиграно окончательно какое-то сраженіе въ крымскую кампанію, тѣмъ не менѣе, при видѣ строгаго, недовольнаго лица съ знакомой ему складочкой между густыми подведенными бровями, воинственный пылъ Василія Андреевича какъ-то внезапно погасъ. Онъ забылъ о корреспондентѣ, забылъ о «мерзавцѣ» петербургскомъ редакторѣ и, присмирѣвшій, смотрѣлъ на свою дебелую супругу, въ изящномъ утреннемъ капотѣ, плотно облегавшемъ формы внушительныхъ размѣровъ, далеко не съ тѣмъ бравымъ видомъ, который бы напоминалъ храбраго, мужественнаго адъютанта, когда-то спасшаго честь русской арміи.

— Полюбуйся, что̀ мнѣ пишетъ Катринъ!—заговорила ея превосходительство рѣзкимъ контральтовымъ голосомъ, держа въ своихъ выхоленныхъ бѣлыхъ пальцахъ маленькій исписанный листокъ почтовой бумаги.

— Развѣ что-нибудь непріятное? — слукавилъ Василій Андреевичъ.

— А ты думалъ—пріятное!? Она пишетъ, что въ Петербургѣ недовольны... что на тебя имѣютъ вліяніе какіе-то авантюристы... Я тебѣ говорила... Что̀ тебѣ за охота связываться съ этимъ Сикорскимъ?

При этомъ имени Василій Андреевичъ вспыхнулъ.

— Катринъ пишетъ вздоръ!—заговорилъ онъ своимъ тоненькимъ теноркомъ, представлявшимъ рѣзкую противоположность съ мужественнымъ голосомъ его супруги.- Какіе авантюристы?.. Это все сплетни... Я никому не позволю водить себя за носъ! Я, кажется...

— «Ты, кажется»! —передразнила Марья Петровна:—«ты, кажется»... Ты простофиля и больше ничего!..—проговорила Марья Петровна тономъ, не допускающимъ никакого возраженія.—И это всѣмъ кажется, кромѣ тебя!.. Я больше терпѣть не намѣрена... слышишь? Завезъ меня въ какую-то трущобу, гдѣ ни общества ни людей, гдѣ я должна принимать какихъ-то чумазыхъ чиновницъ. Благодарю... Мнѣ это надоѣло... Пяти

лѣтъ довольно... Пиши и просись на другое мѣсто, пока тебя не отозвали помимо твоего желанія.

Василій Андреевичъ слушалъ и только безпомощно пожималъ плечами. Пиши! Легко какъ разсуждаютъ эти женщины! Точно онъ не писалъ и не просился отсюда. Точно ему весело жить въ этой дырѣ, гдѣ еще его не цѣнятъ, какъ слѣдуетъ.

И интереснѣе всего, что Марья Петровна коритъ его за трущобу... А кто, какъ не она, заставилъ его ѣхать сюда? Если-бъ не честолюбивый червякъ, не дававшій покоя Марьѣ Петровнѣ, жилъ бы теперь Василій Андреевичъ въ Петербургѣ, занималъ бы нѣсколько мѣстъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, рыскалъ бы съ утра до вечера, что-то устраивая и о чемъ-то хлопоча, и жизнь текла бы весело... Утро съ благотворительными дамами, вечера въ театрѣ, хорошо было... Всѣ его любили, особенно женщины. Кокотки даже звали не иначе какъ «cher Basile». Эта жизнь была какъ разъ по вкусу Василія Андреевича, но Марьѣ Петровнѣ хотѣлось выдвинуть Базиля. Она хлопотала и наконецъ добилась, что его назначили, и теперь она же винитъ его...

Все это пролетало въ головѣ Василія Андреевича, но сказать этого онъ не рѣшился. Обиженный, онъ только рискнулъ замѣтить:

— Ты, кажется, сама совѣтовала ѣхать сюда.

— Совѣтовала! Разумѣется, совѣтовала. Я думала, что ты сумѣешь воспользоваться положеніемъ... Зарекомендуешь себя, тебя переведутъ... ты выдвинешься, а вмѣсто этого... ты даже и не умѣешь держать себя, какъ слѣдуетъ... Пойми, у насъ дѣти, и наконецъ я еще не старуха... чтобы закопать себя здѣсь...

— Но, мой другъ...

— Ахъ, молчи, пожалуйста!—гнѣвно перебила Марья Петровна.—Какова моя жизнь?.. Что̀ ты мнѣ даешь?..

Василій Андреевичъ хорошо зналъ, что когда супруга касается этого щекотливаго вопроса, то лучше всего молчать, подавая лишь по временамъ реплики, тѣмъ болѣе, что онъ ничего и не могъ теперь давать ей, кромѣ платонической любви и безграничнаго подчиненія, что̀ Марьѣ Петровнѣ, повидимому, казалось недостаточно. И онъ храбро молчалъ, умоляя только по временамъ говорить потише, пока разгнѣванная петербургскимъ письмомъ Марья Петровна не излила на лысую голову Василія Андреевича всю накопившуюся желчь скучающей барыни.

«Ну, теперь, кажется, кончено!»—подумалъ Василій Андрее-

вичъ, но, на бѣду его, Марья Петровна увидала скомканный нумеръ газеты... Увидала, прочла и съ насмѣшливой ироніей проговорила:

— Доволенъ?.. Очень хорошо... Отлично... Теперь ты узнай, кто писалъ, пригласи къ себѣ и либеральничай съ нимъ... Убѣждай, что ты добродѣтельный чиновникъ...

Это было ужъ слишкомъ! Василій Андреевичъ не выдержалъ и отважно проговорилъ:

— Я его призову и... Ты увидишь, что̀ я съ нимъ сдѣлаю!

— Ты-то... Старый дуракъ?..

И, проговоривъ эти слова съ нескрываемымъ презрѣніемъ и увѣренностью, что въ справедливости ихъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, Марья Петровна величественно удалилась, шелестя треномъ à la Сара Бернаръ.

Василій Андреевичъ нѣсколько времени отдувался, пока не почувствовалъ вновь воинственнаго настроенія.

— Гм... Простофиля... Старый дуракъ... Она всегда увлечется. Я покажу, какой я простофиля! Со мной шутки коротки!—проговорилъ Василій Андреевичъ и рѣзко позвонилъ.

Черезъ минуту вошелъ курьеръ.

— Ты чего же копаешься, а? У меня — смотри!—вдругъ крикнулъ Василій Андреевичъ, принимая начальническій видъ.

Курьеръ вытянулся въ струнку, и видъ этого замершаго курьера, вперившаго глаза, въ которыхъ, казалось, сверкало рвеніе перервать горло кому потребуется, нѣсколько смягчилъ старика.

— Сію минуту послать верхового за Подушкинымъ! Знаешь?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Дуракъ! Узнай. Спроси тамъ, въ канцеляріи, гдѣ живетъ Подушкинъ. Чтобы сейчасъ господинъ Подушкинъ явился ко мнѣ. Немедленно!.. По экстренному дѣлу... Понялъ?

— Понялъ. Только, осмѣлюсь доложить, верховой усланъ.

— Куда?

— Изволили послать въ городъ...

— Такъ немедленно послать, когда вернется. Никого тамъ нѣтъ ко мнѣ?

— Есть-съ. Трущобинскій засѣдатель Прощалыжниковъ дожидается.

— Прощалыжниковъ? Зачѣмъ? Пусть явится въ пріемный день.

— Изволили приказать явиться сегодня.

— Ахъ, да... Прощалыжниковъ!—вдругъ вспомнилъ Василій Андреевичъ.—Прощалыжниковъ?—повторилъ онъ суровымъ тономъ.—Зови его. Въ пріемную зови.

Бѣдный господинъ Прощалыжниковъ! Зачѣмъ судьба его кинула сюда, въ эту злополучную минуту, какъ разъ послѣ бурной супружеской сцены и прочитанной корреспонденціи!

Явись онъ часомъ-двумя позже, кто знаетъ, можетъ-быть, день этотъ, яркій іюньскій день, глядящій такъ весело въ высокія окна пріемной комнаты, не имѣлъ бы для господина Прощалыжникова такого рокового значенія.

Быстрыми, мелкими шажками приближался Василій Андреевичъ къ скромной фигуркѣ, стоявшей у дверей, близъ входа, и по мѣрѣ приближенія болѣе и болѣе закипалъ гнѣвомъ. Когда онъ приблизился наконецъ и увидалъ маленькаго, коренастаго замухрыгу, обросшаго щетиной рыжихъ волосъ, среди которыхъ сіялъ, во всемъ своемъ великолѣпіи, красносизый большой носъ и замирали въ почтительно-трепещущемъ взглядѣ сѣрые, заплывшіе, лукавые глазки,—Василій Андреевичъ уже окончательно олицетворялъ собою бога гнѣва... Онъ весь побагровѣлъ, обыкновенно оловянные глаза метали нѣчто въ родѣ молній. Въ эту минуту въ головѣ Василія Андреевича какъ-то смѣшались—и этотъ невзрачный Прощалыжниковъ со всѣми его грѣхами, вольными и невольными, и «эти негодяи», писавшіе корреспонденцію, и «простофиля» Марьи Петровны... И негодованіе на Прощалыжникова за всѣ его служебныя беззаконія охватило вдругъ съ большей силой Василія Андреевича.

— Вы трущобинскій засѣдатель... Прощалыжниковъ?—выкрикнулъ, подлетая какъ-то бочкомъ, Василій Андреевичъ.

— Точно такъ-съ...

— Молчать!—вдругъ взвизгнулъ своимъ теноркомъ Василій Андреевичъ.—Вы позорите мундиръ... Слышите ли? мундиръ, который вы носите... Взятки, вымогательства, грабежъ... Мерзость... Мнѣ все извѣстно...

— Позвольте доложить...—пролепеталъ засѣдатель.

— Молчать! Подъ судъ... Разбойникъ... Для васъ сѣрой куртки мало... Въ острогѣ сгною!..—продолжалъ Василій Андреевичъ, не помня уже себя отъ гнѣва, и продолжалъ выкрикивать слова въ упоръ, то отступая, то снова наскакивая, словно бы собираясь заклевать засѣдателя.

Господинъ Прощалыжниковъ трепеталъ. Онъ трепеталъ отчасти искренно, отчасти и съ нѣкоторой, не лишенной виртуозности, искусственностью, понимая, что въ подобныхъ случаяхъ лишній трепетъ, какъ лишняя ложка масла въ кашѣ, дѣла не испортитъ.

И когда Василій Андреевичъ уже истощилъ весь свой зарядъ гнѣва и остановился, тяжко дыша и не зная, что ему

теперь еще сдѣлать съ господиномъ Прощалыжниковымъ, господинъ Прощалыжниковъ все еще продолжалъ трепетать и всей фигурой и замирающимъ взглядомъ своихъ сѣрыхъ глазъ.

Эта покорность нѣсколько смутила Василія Андреевича.

— Что̀ можете сказать въ свое оправданіе? Но помните... мнѣ все извѣстно!—отрывисто прибавилъ онъ.

— Осмѣлюсь доложить... Клевета... Интриги... Это все корреспондентъ...

— Что̀? Какой корреспондентъ?

— Подученъ другимъ человѣкомъ, желающимъ на мое мѣсто... Извольте приказать собрать свѣдѣнія... Всѣ обыватели меня одобряютъ...

— Что̀ вы говорите... Какой корреспондентъ?.. Корреспондентъ!—вдругъ озлился Василій Андреевичъ.—На васъ жалобы со всѣхъ сторонъ.

— Ваше превосходительство... Не погубите!..

— Немедленно подавайте въ отставку... Вы болѣе не засѣдатель... Ступайте!

Прощалыжниковъ ушелъ, понуривъ голову, а Василій Андреевичъ еще постоялъ секунду въ залѣ и, замѣтивъ въ полурастворенной двери гостиной жену, привлеченную шумомъ, не безъ гордости взглянулъ на нее, какъ бы приглашая ее убѣдиться: простофиля ли онъ или нѣтъ,—и прошелъ къ себѣ въ кабинетъ съ видомъ побѣдителя.

«Я покажу, какъ шутки шутить!—повторялъ расхорохорившійся старикъ, присаживаясь къ столу.—Я ихъ подтяну!.. Ужасно трудно съ этими мерзавцами иначе вести дѣло...»

«Ахъ, тяжела ты, шапка Мономаха!»—вздохнулъ Василій Андреевичъ и, случайно взглянувъ на портретъ какой-то хорошенькой женщины, вспомнилъ о Петербургѣ и еще разъ пожалѣлъ, что судьба забросила его въ этотъ отвратительный Жиганскъ.

— Господинъ Сикорскій!—доложилъ ему вошедшій курьеръ.

— Проси сюда!—проговорилъ Василій Андреевичъ и, уткнувшись въ бумаги, лежавшія передъ нимъ, принялъ сосредоточенный, строгій видъ погруженнаго въ занятія человѣка.

Худой, какъ спичка, низенькій и тщедушный на видъ господинъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ умнымъ и серьезнымъ лицомъ, безшумно, словно крадучись, вошелъ въ кабинетъ.

Онъ на секунду остановился, бросилъ быстрый взглядъ на склонившуюся надъ бумагами и все еще рдѣвшую лысину его превосходительства и, едва улыбнувшись своими тонкими безкровными губами, вмѣсто того, чтобы идти къ столу, тихими шагами отошелъ къ окну.

Несмотря на скромно-почтительную позу, въ какой онъ стоялъ, выжидая, пока Василій Андреевичъ окончитъ свою невинную игру въ занятія и обратитъ на него вниманіе,— этого скромнаго господина никакъ нельзя было признать за одного изъ тѣхъ чиновниковъ, которые искренно замираютъ въ присутствіи начальства. Въ его нѣсколько аффектированной скромности не было ни раболѣпія ни страха. Въ ней просто-напросто сказывался житейскій тактъ хорошо дисциплинированнаго человѣка, понимающаго людей и умѣющаго отойти, когда нужно, въ сторону.

Все въ немъ—и холодный взглядъ темныхъ глазъ, глубоко засѣвшихъ въ темныхъ впадинахъ, съ рѣзко очерченными сѣдыми бровями, и что-то угрюмое, озлобленное и въ то же время приниженное въ выраженіи худого и блѣдно-желтаго лица, напоминавшаго физіономію отца-іезуита, и глубокія морщины—свидѣтели бурь и невзгодъ—на гладко выбритыхъ плоскихъ щекахъ и на лбу, и саркастически подобранныя губы, точно смѣющіяся надъ человѣческою несправедливостью,— все, кончая мягкими, кошачьими манерами, поношеннымъ, но хорошо сидящимъ костюмомъ и свѣжимъ бѣльемъ, показывало въ немъ человѣка, знавшаго лучшія времена и если и стоявшаго въ сдержанно-почтительной позѣ, какъ теперь, то не въ кабинетѣ жиганскаго чиновника, а въ пріемной гораздо болѣе важныхъ лицъ и не въ такомъ скромномъ костюмѣ. Все намекало, что передъ вами человѣкъ, потерпѣвшій серьезное крушеніе въ жизни и вынесшій оттуда, кромѣ хорошихъ манеръ, немало и озлобленія.

Это былъ Михаилъ Яковлевичъ Сикорскій, когда-то замѣтный дѣятель въ Петербургѣ, обрѣтшій, послѣ громкаго и скандальнаго процесса, тихую пристань въ Жиганскѣ. На счастіе его, Василій Андреевичъ, знавшій Сикорскаго еще во время его блестящей карьеры, обласкалъ и пригрѣлъ «пострадавшаго за свое довѣріе къ людямъ человѣка» (такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ Сикорскій свое появленіе въ Жиганскѣ), устроилъ ему мѣсто, и скоро Сикорскій сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ у его превосходительства. Умѣвшій работать хорошо и толково, онъ былъ и домашнимъ секретаремъ, помогавшимъ Василію Андреевичу въ затруднительныхъ случаяхъ, и интимнымъ человѣкомъ, которому Василій Андреевичъ повѣрялъ свои служебныя скорби и съ которымъ вспоминалъ петербургскую жизнь и прежнихъ общихъ знакомыхъ.

Стоустая молва утверждала, будто господинъ Сикорскій имѣетъ на его превосходительство вліяніе, и вліяніе будто бы

не особенно хорошее. Трудно сказать, какимъ образомъ возникла эта молва. Самъ Сикорскій не подавалъ къ этому ни малѣйшаго повода. Онъ не только не афишировалъ своихъ отношеній къ Василію Андреевичу, но, напротивъ, скрывалъ ихъ и старался быть въ тѣни, всегда понимая, что для человѣка въ его положеніи скромность есть дѣйствительно необходимая добродѣтель.

И однако всѣ жигановцы были увѣрены, что Сикорскій играетъ роль злого генія при добромъ, но безхарактерномъ Василіи Андреевичѣ, и все нехорошее въ его дѣятельности приписывали вліянію этого Мефистофеля.

Самолюбивый старикъ раздражался этими слухами и, пока они не шли дальше Жиганска, не придавалъ имъ особеннаго значенія. Но письмо изъ Петербурга, сообщенное Марьей Петровной, произвело на старика сильное впечатлѣніе.

Вотъ почему онъ, обыкновенно ласково и радушно встрѣчавшій являвшагося каждое утро Сикорскаго, сегодня нарочно не замѣчалъ его нѣсколько минутъ и даже испытывалъ къ нему непріязненное чувство.

Наконецъ онъ поднялъ голову и, будто удивленный, проговорилъ:

— А, вы ужъ здѣсь? Я и не замѣтилъ...

Сикорскій почтительно поклонился.

— Я принесъ бумагу, о которой вы изволили говорить вчера, — произнесъ Сикорскій офиціальнымъ тономъ, подходя къ столу и пожимая протянутую ему руку.

— Дайте-ка.

Сикорскій подалъ, и Василій Андреевичъ началъ ее читать.

На этотъ разъ бумага показалась ему написанною не такъ, какъ слѣдуетъ, и карандашъ Василія Андреевича разгуливалъ по ней. Сикорскій посматривалъ и только по временамъ чуть-чуть улыбался.

— Эту бумагу надо совсѣмъ исправить. Здѣсь не то, совсѣмъ не то, о чемъ я просилъ васъ!—замѣтилъ брюзгливымъ тономъ его превосходительство.

— Я передѣлаю,—скромно отвѣтилъ Сикорскій.

— Нѣтъ, ужъ лучше я самъ напишу... Надѣюсь, я еще писать не разучился, а то, пожалуй, скажутъ, что безъ васъ я и бумаги не могу составить!—усмѣхнулся Василій Андреевичъ.

Сикорскій, отлично изучившій Ржевскаго-Пряника и уже успѣвшій прочесть корреспонденцію, хорошо зналъ, «откуда идетъ сіе», и, въ отвѣтъ на его замѣчаніе, только изумленно взглянулъ на него, не проронивъ ни слова. Попрежнему невозмутимо-серьезный, онъ сталъ откланиваться.

— Куда вы?—остановилъ его Василій Андреевичъ.

— Я боюсь помѣшать вамъ...

— Все равно, дѣла не передѣлаешь... Его по-горло. Присядьте-ка, Михаилъ Яковлевичъ, да закуривайте сигару... Сигарки недурны. Кстати, мнѣ нужно переговорить съ вами... Читали вы эту мерзость? — указалъ старикъ на скомканный нумеръ газеты...

— Читалъ...

— Узнаёте автора?

Сикорскій скромно замѣтилъ, что не знаетъ.

— Объ этомъ мы послѣ поговоримъ... Эти пасквили все еще бы ничего. Ну, клевещи на порядочныхъ людей, пиши кляузы,—сибиряки вѣдь недаромъ кляузники. Но вотъ что̀ худо: эти нелѣпые слухи повторяются въ Петербургѣ... Сегодня я получилъ два конфиденціальныхъ письма!—прилгнулъ старикъ для большей убѣдительности.—И знаете ли, кого называютъ моимъ негласнымъ совѣтникомъ?..

— Это любопытно... Кого?

— Васъ!

— Меня?!

Сикорскій воскликнулъ это: «меня?!» съ такимъ натуральнымъ изумленіемъ и затѣмъ такъ искренно разсмѣялся своимъ тихимъ смѣхомъ, что у Василія Андреевича отлегло отъ сердца. Онъ и самъ почувствовалъ нелѣпость такого предположенія и засмѣялся въ свою очередь.

— Знаютъ же они васъ!—прибавилъ Сикорскій, съ сокрушеніемъ пожимая плечами.

— То-то и есть, а между тѣмъ запрашиваютъ: правда ли? Всѣ эти мерзости идутъ, разумѣется, отсюда. Вы вѣдь знаете, какъ здѣшніе чиновники не любятъ меня?.. Не ко двору я имъ... Не даю воли...

— Патріотизмъ сибирскій! — насмѣшливо вставилъ Сикорскій.—Имъ всѣмъ хочется, чтобы плясали по ихъ дудкѣ...

— Именно... именно... патріотизмъ сибирскій...—повторилъ Василій Андреевичъ.—Въ думѣ вотъ тоже... Вотъ они и кляузничаютъ съ этимъ Шайтановымъ во главѣ... Доберусь я до этого Шайтанова... Это все онъ... Да... Ихъ тутъ цѣлая шайка...

— И, надо отдать справедливость, хорошо сплоченная... съ газетой къ ихъ услугамъ...

— Нечего выдумывать, такъ давай пустимъ слухъ о вліяніи... Прежній знакомый бываетъ у меня, и... поднимается цѣлая исторія...

— А въ Петербургѣ, конечно, не знаютъ всей этой подкладки!—снова вставилъ Сикорскій.

— Узнаютъ! Я напишу... Мнѣ ужъ надоѣло... Пусть поймутъ, каково бороться здѣсь порядочному человѣку... Но пока, знаете ли, Михаилъ Яковлевичъ, надо быть осторожнымъ...

Старикъ остановился нѣсколько смущенный. Но Сикорскій съ своимъ обычнымъ тактомъ пришелъ къ нему на помощь.

«Онъ давно замѣчалъ, что многіе недовольны за то, что Василій Андреевичъ удостаиваетъ его, несчастнаго страдальца, своимъ знакомствомъ... Онъ глубоко цѣнитъ доброту Василія Андреевича и никогда въ жизни не забудетъ, чѣмъ онъ ему обязанъ...»

У Сикорскаго дрогнулъ голосъ, и слеза повисла на рѣсницѣ.

— Но если изъ-за меня,—продолжалъ онъ:—являются непріятности, то я не долженъ пользоваться вашей добротой... Увольте меня отъ обязанностей вашего секретаря, отнимите и мѣсто, которое даетъ мнѣ кусокъ хлѣба... Онъ, видно, стоитъ другимъ поперекъ горла... Быть-можетъ, они тогда перестанутъ клеветать на васъ!

Произошла довольно трогательная сцена. Василій Андреевичъ, тронутый такою безкорыстною преданностью, прослезился и горячо обнялъ Михаила Яковлевича.

«Бѣдный страдалецъ!» — шепталъ добрый старикъ, легко приходившій въ умиленіе, и смахнулъ слезу.

Разумѣется, онъ не согласится на такія жертвы. И ради кого? Ради какихъ-то интригановъ, подкапывавшихся подъ него! Онъ, слава Богу, не боится никого. Ему нужны хорошіе работники; здѣсь, между сибиряками, ихъ не найдешь, и онъ требуетъ, чтобы Михаилъ Яковлевичъ занималъ прежнее мѣсто. И мѣсто домашняго секретаря пусть остается за нимъ, и прекращать посѣщеній не слѣдуетъ. Онъ согласенъ только на одно: чтобы Михаилъ Яковлевичъ ходилъ къ нему не каждый день, а раза два въ недѣлю.

— Ради этихъ мерзавцевъ я не намѣренъ лишать себя полезнаго сотрудника и пріятнаго общества! — прибавилъ старикъ.

Онъ повеселѣлъ и нѣсколько разъ повторилъ, что напишетъ въ Петербургъ всю правду объ этихъ сибирякахъ. А съ корреспондентомъ онъ раздѣлается...

— Вѣроятно, писалъ Подушкинъ, но главная язва, это— Шайтановъ. Не кто какъ онъ мутитъ. Я вѣдь все знаю... Знаете ли, составьте-ка записку... То, что я говорилъ... Именно объ этомъ сибирскомъ патріотизмѣ... Вотъ вся подкладка... Имъ хочется, чтобы я плясалъ по ихъ дудкѣ!.. — повторялъ старикъ только-что сказанныя слова Сикорскаго. — Отсюда и

систематическое обличеніе. Непремѣнно набросайте записку и, если возможно, поскорѣй!.. — вдругъ заволновался Василій Андреевичъ.

Сикорскій обѣщалъ написать.

Вслѣдъ затѣмъ совсѣмъ ужъ повеселѣвшій Василій Андреевичъ, жалуясь, что заботъ у него по-горло, что въ первомъ часу надо на засѣданіе, сталъ, по обыкновенію, болтать. Онъ разсказалъ, какъ вчера начальникъ отдѣленія Ѳеомпестовъ напуталъ, подсмѣялся надъ своимъ ближайшимъ помощникомъ, передразнилъ одного начальника особой части и почему-то припомнилъ анекдотъ о какомъ-то князѣ Петрѣ Николаевичѣ Троекуровѣ.

— Знаете... Это тотъ самый Петька Троекуровъ, который съѣлъ огромное состояніе, получилъ другое и женился на Ѳенькѣ-цыганкѣ... Помните, какая красавица-то была?

И старикъ даже крякнулъ и поцѣловалъ кончики пальцевъ.

— А голосъ... голосъ-то... Изъ-за нея вѣдь графъ Борисъ Забіякинъ стрѣлялся съ Петькой... Я у него секундантомъ былъ...

Василій Андреевичъ, питавшій особенную слабость къ воспоминаніямъ о титулованныхъ лицахъ и знавшій родословныя чуть ли не всѣхъ княжескихъ и графскихъ фамилій, припомнилъ и второго брата, Василія Троекурова, служившаго въ дипломатахъ, но забылъ, какъ звали третьяго, и досадовалъ, что не могъ припомнить.

— Еще на актрисѣ провинціальной женился... помните?

— Такъ это Ѳедоръ Троекуровъ! — вспомнилъ Михаилъ Яковлевичъ.

— Ну да... Ѳедоръ... Тоже добрый парень былъ... Только ретроградъ... Онъ у себя въ губерніи...

Дверь отворилась, и вошелъ курьеръ.

— Господинъ Подушкинъ!

— Проси въ пріемную... Такъ онъ у себя въ губерніи всѣхъ въ страхѣ держалъ... И вѣдь любили! Да... Вотъ бы какого сюда!—разсмѣялся старикъ.—Да, кстати, не знаете, пароходъ пришелъ?

— Кажется, пришелъ часъ тому назадъ...

— Такъ вотъ что̀... Съ партіей долженъ прибыть одинъ молодой человѣкъ, Невѣжинъ... Помните, еще въ газетахъ было о немъ... стрѣлялъ въ жену... О немъ мнѣ писала его мать... славная женщина, урожденная княжна Холмская, изъ бѣдныхъ Холмскихъ... Просила оставить здѣсь, принять въ немъ участіе... У меня тутъ и деньги для него лежатъ... Такъ будьте такъ добры, поѣзжайте къ полицеймейстеру и

попросите, чтобы Невѣжина тотчасъ бы освободили и прислали ко мнѣ... Вотъ опять, пожалуй, скажутъ, что пригрѣваю ссыльнаго...

Сикорскій всталъ, чтобы идти.

— Такъ смотрите же, Михаилъ Яковлевичъ, насчетъ записки... Сибирскій патріотизмъ и всѣ ихъ штуки... Я наконецъ потерялъ терпѣніе... Да вотъ еще что... Не въ службу, а въ дружбу. Купите конфетъ для жены и пришлите. Она сегодня не въ духѣ... Эти дурацкія письма взволновали и ее...

Сикорскій уѣхалъ не совсѣмъ довольный извѣстіемъ объ этомъ Невѣжинѣ, а Василій Андреевичъ приказалъ курьеру позвать къ себѣ въ кабинетъ господина Подушкина.

— Я ему покажу, какъ писать корреспонденціи! — подбадривалъ себя старикъ, чувствуя, къ сожалѣнію, что весь гнѣвъ его уже выдохся, и Подушкинъ, пожалуй, можетъ напакостить.

Вмѣсто того, чтобы встрѣтить вошедшаго грознымъ напоминаніемъ о «двадцати четырехъ часахъ» и нагнать на него страху, Василій Андреевичъ, напротивъ, принялъ господина Подушкина очень привѣтливо, съ любезной, нѣсколько фамильярной простотой, съ какой добродушный и свѣтскій старикъ обыкновенно принималъ всѣхъ, когда находился въ хорошемъ расположеніи духа.

На этотъ разъ, впрочемъ, и другія соображенія играли роль. Василій Андреевичъ хотѣлъ позондировать господина Подушкина, а если сразу наброситься на человѣка, то, пожалуй, и запугаешь. Старикъ любилъ иногда притвориться необыкновенно тонкимъ дипломатомъ.

Правда, онъ обѣщалъ своей воинственной супругѣ «по-своему» расправиться съ корреспондентомъ, но вѣдь не будетъ же Марья Петровна знать, о чемъ они говорятъ! Кто же помѣшаетъ ему потомъ изобразить сцену свиданія въ томъ свѣтѣ, который бы свидѣтельствовалъ о непреклонности его превосходительства? Она слышала, какъ онъ пушилъ Прощалыжникова, и слѣдовательно не усомнится...

Гарантировавъ себя такимъ образомъ на случай запросовъ жены, Василій Андреевичъ извинился, что побезпокоилъ «молодого человѣка», и, пригласивъ его присѣсть, таинственно и серьезно проговорилъ, приподнимая очки, спустившіяся на носъ:

— Будьте осторожны, молодой человѣкъ!

Смуглый «молодой человѣкъ» съ круглымъ, добродушнымъ, румянымъ лицомъ, окаймленнымъ черными, какъ смоль,

вьющимися волосами, скромный и смирный банковскій чиновникъ, не знавшій за собой никакихъ провинностей, которыя бы напоминали ему объ особой осторожности, остановилъ на его превосходительствѣ свои изумленные большіе черные глаза.

— Я дружески хотѣлъ васъ предупредить... Будьте осторожны, молодой человѣкъ!—еще таинственнѣе и серьезнѣе, понижая голосъ, прибавилъ Василій Андреевичъ.

— Въ чемъ?.. Я, кажется...—промолвилъ господинъ Подушкинъ, невольно испытывая смущеніе отъ этого таинственнаго начала.

Василій Андреевичъ, замѣтивъ смущеніе на лицѣ молодого человѣка, былъ очень доволенъ своимъ дипломатическимъ подходомъ и продолжалъ:

— То-то «кажется», а мнѣ все извѣстно... И не хочу знать, а знаю...

— Но что же именно, ваше превосходительство?

— Вы въ перепискѣ съ редакторомъ «Курьера»?—не то вопросительно, не то утвердительно замѣтилъ Василій Андреевичъ.

— Какъ же, онъ мой знакомый!—простодушно отвѣчалъ господинъ Подушкинъ.

— Ну, вотъ видите!—съ живостью подхватилъ старикъ.—Видите, что мнѣ все извѣстно. Такъ слушайте внимательно, что я вамъ скажу, молодой человѣкъ. Изъ Петербурга мнѣ пишутъ, что этотъ господинъ не на хорошемъ счету... Понимаете? Изъ-за какого-нибудь простого письма долго ли до бѣды... Я вамъ по-дружески все это, чтобы осталось между нами... Какъ бы за корреспонденціи того... не досталось вамъ... Конечно, я ничего не имѣю противъ нихъ, хоть вы меня и не гладите по головкѣ, но тамъ онѣ производятъ нехорошее впечатлѣніе. Такъ я дружески пригласилъ васъ и снова повторяю: будьте осторожны, молодой человѣкъ!

Старикъ, внезапно сочинившій всю эту исторію, не безъ торжествующаго вида посмотрѣлъ на молодого человѣка, но былъ крайне удивленъ, не замѣтивъ на его лицѣ ни смущенія ни раскаянія. Его лицо улыбалось добродушнѣйшимъ образомъ, и онъ проговорилъ:

— Какія корреспонденціи? Я никакихъ корреспонденцій не писалъ, ваше превосходительство!

Василій Андреевичъ подмигнулъ глазомъ, будто говоря: «Ладно, разсказывай,—меня, братъ, не проведешь!»

— Ей-Богу же не писалъ, ваше превосходительство!

— Да что вы все меня титулуете... Мы здѣсь съ вами частные

люди, сидимъ вотъ и бесѣдуемъ. Напрасно вы скрываете. Мнѣ отлично извѣстно, что вы писали... Ну, и скажите прямо: писалъ... Въ этомъ ничего нѣтъ предосудительнаго... Пишите съ Богомъ... Я, если хотите, дамъ вамъ отличный матеріалъ...

— Даю вамъ честное слово, что не я,—проговорилъ, весь вспыхивая, Подушкинъ.

Василій Андреевичъ онѣшилъ.

— Не вы?

— Не я.

— Такъ кто же?

— Ну, ужъ это не мое дѣло!—обидчиво возразилъ господинъ Подушкинъ.

— Да вы не сердитесь, голубчикъ... Ну, не вы... Я вѣрю... Меня ввели въ заблужденіе, но, быть-можетъ, вы частнымъ образомъ писали редактору что-нибудь, а онъ составилъ корреспонденцію... Вѣдь я не противъ... Пусть пишетъ, но пусть пишетъ правду... я первый поклонюсь ему за это въ ноги; но писать пасквили... говорить, что будто на меня имѣютъ вліяніе разные проходимцы...

— Ничего подобнаго я не писалъ...

— Вѣрю... вѣрю, и въ доказательство попрошу васъ объ услугѣ... Сообщите редактору, что его самого вводятъ въ заблужденіе.

И Василій Андреевичъ сталъ разсказывать, кто и почему имъ здѣсь недоволенъ, пустился въ откровенности, объяснилъ, какъ ему здѣсь трудно, и въ концѣ концовъ замѣтилъ:

— Вотъ говорятъ, будто Сикорскій имѣетъ на меня вліяніе... Вѣдь говорятъ?

Господинъ Подушкинъ дипломатически молчалъ.

— Ну, скажите правду... вѣдь говорятъ?

— Говорятъ...

— Такъ я вамъ скажу, молодой человѣкъ, что все это вздоръ!—горячо началъ старикъ.—Вздоръ-съ. Пошлыя сплетни и больше ничего... Я зналъ Сикорскаго раньше, ну, и все... Ну, далъ тамъ ему мѣстечко... Жаль человѣка... Хоть и замаранъ хвостъ у него, а все-таки жаль... Но онъ у меня въ струнѣ ходитъ... Понимаете-съ,—въ струнѣ!—строго замѣтилъ старикъ.—Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ... Я не позволю, чтобы тамъ хоть и несчастный, но проворовавшійся баринъ смѣлъ даже и подумать о вліяніи... И я уполномочиваю васъ, если хотите, написать обо всемъ этомъ редактору... Для меня правда дороже всего...

Василій Андреевичъ долго еще говорилъ на эту тему и,

признаться-таки, съ довольно легкимъ сердцемъ поругивалъ господина Сикорскаго. Въ заключеніе бесѣды онъ выразилъ удовольствіе, что имѣлъ случай ближе познакомиться съ господиномъ Подушкинымъ, просилъ заходить къ нему запросто и обѣщалъ ему дать много любопытнаго матеріала, если бы онъ захотѣлъ писать корреспонденціи.

Господинъ Подушкинъ, нѣсколько тронутый такою откровенностью, уклонялся однако отъ корреспонденцій, но Василій Андреевичъ, прощаясь съ нимъ, снова повторилъ:

— Непремѣнно напишите... Доброе дѣло сдѣлаете... Писать правду всегда можно, даже должно... И меня не щадите, если я того заслуживаю!..—прибавилъ его превосходительство:— но только чтобы была правда, и только одна правда... Ну, до свиданія. Да смотрите, чтобы этотъ разговоръ былъ между нами...

«Кто же однако писалъ эту подлую корреспонденцію?»— недоумѣвалъ Василій Андреевичъ и, взглянувъ на часы, замѣтилъ, что уже 12 часовъ и пора завтракать.

Бойкой походкой вошелъ онъ въ столовую и, садясь за столъ, проговорилъ:

— Ухъ... усталъ... Столько работы, столько работы... А этого Подушкина я распушилъ... будетъ помнить!—вдругъ прибавилъ онъ, обращаясь къ Марьѣ Петровнѣ, угрюмо сидѣвшей за самоваромъ.—Впрочемъ, оказывается, что это не онъ писалъ... Онъ только знакомъ съ редакторомъ.

— Такъ за что же ты распекъ Подушкина, если это не онъ писалъ?—спросила придирчивая Марья Петровна.

— За что... за что?—смѣшался старикъ. — Вообще... Ихъ необходимо подтянуть, ma chère.

Марья Петровна пожала плечами и тяжко вздохнула, словно бы этимъ вздохомъ хотѣла пожаловаться, что у нея такой мужъ.

А Василій Андреевичъ занялся завтракомъ, шутилъ съ дѣтьми, бросалъ по временамъ тревожные взгляды на жену и, убѣдившись, что она сегодня окончательно не въ духѣ, торопливо допилъ стаканъ чаю и пошелъ въ кабинетъ досиживать свое многотрудное служебное утро, проговоривъ на ходу:

— Ужасно много дѣлъ... ужасно много...

— Не забудь написать, о чемъ я просила!—подчеркнула Марья Петровна.

— Напишу... напишу... А знаешь, Невѣжинъ пріѣхалъ...

— Ну такъ что-жъ?

— Ничего. Я велѣлъ ему придти... Послать его къ тебѣ?.. Ты вѣдь знавала его мать...

— Я и его знавала... Пожалуй, пришли!—кинула небрежно Марья Петровна. — Бѣдный молодой человѣкъ!—тихо прибавила она и снова вздохнула.

VIII.

На новыхъ мѣстахъ.

I.

Во время дороги по этапу, въ арестантской баржѣ, при остановкахъ въ грязныхъ клоповникахъ, Невѣжинъ до нѣкоторой степени понялъ, что̀ значитъ «ссыльный». Хоть по сравненію съ другими арестантами онъ пользовался большими удобствами, въ качествѣ привилегированнаго, тѣмъ не менѣе это невольное путешествіе произвело на него глубокое впечатлѣніе. Онъ сознавалъ себя приниженнымъ, находящимся въ полной зависимости отъ произвола какого-нибудь грубаго офицера, и мысль, что онъ на многія лѣта, если не навсегда, обреченъ на подобную жизнь, по временамъ доводила его до отчаянія. Онъ, мечтавшій о новой жизни, искренно желавшій покончить съ прошлымъ, спасовалъ передъ первымъ испытаніемъ и, преувеличивая въ испуганномъ своемъ воображеніи ужасы ссылки, не разъ плакалъ, какъ ребенокъ, лежа въ своей узкой койкѣ на баржѣ. Утѣшительныя слова нѣсколькихъ спутниковъ, что и «въ Сибири люди живутъ, и живутъ недурно», плохо дѣйствовали на него, и онъ пріѣхалъ въ Жиганскъ совсѣмъ павшій духомъ.

Тѣмъ болѣе подѣйствовалъ на него привѣтливый пріемъ Ржевскаго-Пряника и, въ особенности, ласковое участіе, оказанное ему Марьей Петровной. Невѣжинъ былъ тронутъ этимъ вниманіемъ, столь непохожимъ на холодное, безучастное отношеніе разныхъ мелкихъ начальствующихъ лицъ, съ которыми ему пришлось сталкиваться во время пути. Это его нѣсколько подбодрило и утѣшило, представляя ссылку не въ такомъ мрачномъ цвѣтѣ.

Василій Андреевичъ тотчасъ же объявилъ Невѣжину, что отлично зналъ его отца («вмѣстѣ, молодой человѣкъ, отличались подъ Балаклавой») и танцовалъ не разъ мазурку съ его maman, обѣщалъ пристроить молодого человѣка при первомъ удобномъ случаѣ и, передавая письмо съ двумя тысячами, съ отеческой лаской посовѣтовалъ дома ихъ не держать.

— Здѣсь вѣдь не Петербургъ, mon cher, живо обокрадутъ. И еще дружескій совѣтъ: не играйте съ незнакомыми въ карты. Тутъ шуллеровъ пропасть...

Невѣжинъ былъ нѣсколько изумленъ при видѣ денегъ. Онъ

отлично догадался, что это отъ жены, и первой его мыслью было—не брать ихъ. Но онъ вспомнилъ, что у него въ карманѣ всего сто рублей, что пока еще онъ найдетъ мѣсто, и... взялъ.

«На всякій случай!»—утѣшилъ онъ себя, разсчитывая ихъ вернуть.

Его превосходительство просилъ Невѣжина заходить, если что̀ понадобится («по утрамъ онъ всегда принимаетъ»), и затѣмъ повелъ его въ гостиную и сдалъ на руки Марьѣ Петровнѣ, ласково промолвивъ:

— Ну, вотъ и пріѣхалъ нашъ молодой человѣкъ... Посовѣтуй ему не особенно скучать... Утѣшь его...

Марья Петровна и безъ просьбы мужа готова была утѣшить этого дьявольски-красиваго молодого человѣка изъ хорошаго общества, и притомъ еще съ такой романической таинственной исторіей, о которой она читала въ газетахъ. Она встрѣчалась съ нимъ въ Петербургѣ, когда еще онъ былъ холостой, и теперь приняла его какъ стараго знакомаго, съ тѣмъ фамильярно-нѣжнымъ, покровительственнымъ участіемъ, которое такъ любятъ оказывать перезрѣлыя сорокалѣтнія барыни «изъ общества», имѣющія пылкія сердца и старыхъ мужей, «несчастнымъ» молодымъ людямъ, конечно, «порядочнымъ» и, само собой разумѣется, не уродамъ.

— Кто могъ бы ожидать, что намъ придется встрѣтиться здѣсь, мосье Невѣжинъ!—заговорила по-французски Марья Петровна, принимая подходящее къ данному случаю грустное выраженіе и протягивая, въ знакъ особаго сочувствія, свои обѣ бѣлыя, пухлыя, холеныя руки молодому человѣку.—О, Боже, какъ вы похудѣли... Сколько должны вы были выстрадать, бѣдный!—продолжала Марья Петровна, любуясь красивымъ, нѣсколько блѣднымъ и утомленнымъ лицомъ и всей стройной фигурой этого интереснаго молодого человѣка.

Тронутый Невѣжинъ крѣпко пожималъ протянутыя руки и благодарилъ за участіе.

— Садитесь, садитесь сюда, поближе ко мнѣ... Разсказывайте мнѣ все, все, какъ другу, какъ матери, принимающей въ васъ самое горячее участіе... Если-бъ вы знали, какъ я была поражена... Здорова ли ваша maman?.. Воображаю, какъ на нее подѣйствовало все это?..

Невѣжинъ, вмѣсто того, чтобы разсказать «все», еще разъ поблагодарилъ за сочувствіе и прибавилъ, что maman была здорова, когда онъ оставилъ Петербургъ.

— А она, эта женщина, разбившая вашу молодую жизнь?—продолжала допрашивать Марья Петровна, въ качествѣ со-

чувствующаго друга и большой любительницы всякихъ романическихъ исторій.

Невѣжина немного смутило это слишкомъ безцеремонное выпытываніе внезапно объявившагося «друга», съ которымъ онъ встрѣчался раза два въ обществѣ, но онъ объяснилъ его добрымъ чувствомъ и поспѣшилъ отвѣтить:

— Моя жена не виновата во всей этой печальной исторіи.

— Я читала... Она забыла, что чувство свободно!—промолвила Марья Петровна и вздохнула, откинувъ чуть-чуть назадъ свою голову.

— Во всемъ виноватъ одинъ я!

— О, понимаю, я васъ понимаю... Вы джентльменъ до конца ногтей... Вы не хотите обвинить жену. Это благородно... Это такъ благородно, такъ рѣдко въ наше прозаическое время, когда совсѣмъ нѣтъ рыцарскаго отношенія къ женщинѣ... Увы! Мы этимъ не избалованы!

И, вѣроятно, въ награду за такое благородство, Марья Петровна подарила Невѣжина нѣжнымъ, томнымъ взглядомъ и, кокетливо поправляя прическу, прибавила:

— Она пріѣдетъ сюда?

— Нѣтъ,—коротко отвѣчалъ Невѣжинъ.

— Я такъ и думала... Послѣ всего, что случилось... Бѣдный!.. Такъ молоды и... Однако что-жъ это я?—спохватилась вдругъ Марья Петровна, замѣтивъ по лицу Невѣжина, что ему не особенно пріятны эти допросы.—Вы меня простите... Моя нескромность—не любопытство, а горячее участіе... Мы, впрочемъ, послѣ поговоримъ обо всемъ, когда покороче познакомимся... Надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ довѣріи, когда узнаете меня поближе?

Невѣжину оставалось только наклонить голову въ знакъ согласія.

— Вѣдь у васъ здѣсь никого нѣтъ знакомыхъ?

— Ни одной души!..—грустно промолвилъ Невѣжинъ.

— Такъ я васъ возьму подъ свое крылышко и постараюсь, насколько возможно, облегчить вамъ жизнь въ этой ужасной дырѣ, пока мы здѣсь, если только вамъ не будетъ скучно иногда заглянуть къ такой старухѣ?—не безъ кокетства прибавила Марья Петровна, предвкушая заранѣе удовольствіе интимныхъ дружескихъ бесѣдъ съ такимъ изящнымъ молодымъ человѣкомъ. Своей красотой, манерами, полными скромности и изящества, и безукоризненностью французскаго выговора онъ совсѣмъ очаровалъ съ перваго же раза Марью Петровну, напрасно искавшую въ Жиганскѣ такихъ кавалеровъ, и заставилъ ее живѣе почувствовать жажду жизни и

вспомнить, что Василій Андреевичъ совсѣмъ плюгавый старикашка, умѣющій только ее раздражать и отравлять ей жизнь.

Невѣжинъ былъ слишкомъ свѣтскій человѣкъ, чтобы не понять, что его вызываютъ на протестъ.

Онъ очень мило протестовалъ. И протестъ этотъ не былъ съ его стороны банальнымъ комплиментомъ.

Онъ успѣлъ оглядѣть свою собесѣдницу и нашелъ, что она просто рисуется, называя себя старухой.

Какая она старуха?

Она глядѣла совсѣмъ моложавой, эта выхоленная, благоухающая, очевидно, заботящаяся о себѣ, любезная свѣтская барыня, въ своемъ лѣтнемъ, изящно сшитомъ, простенькомъ платьѣ, полупрозрачная ткань котораго, обливая перетянутый бюстъ, рельефно обрисовывала высокую полную грудь, оставляя открытой бѣлую шею. Ея румяное, дышавшее здоровьемъ лицо, съ крупными чертами и пышными чувственными губами, подернутыми пушкомъ, не утратило еще красоты и свѣжести, большіе черные, слегка подведенные глаза метали еще искорки неудовлетворенныхъ желаній, а черные волосы, гладко зачесанные назадъ, были пышны и густы. При внимательномъ взглядѣ можно было, правда, замѣтить вѣерообразныя морщинки у глазъ и ту пробивающуюся желтизну лица, которая свидѣтельствуетъ объ увядающей красотѣ, но это не мѣшало однако Марьѣ Петровнѣ быть одною изъ тѣхъ женщинъ, которыя нерѣдко приводятъ въ восторгъ юнцовъ и старичковъ.

— Вы заходите ко мнѣ, если вамъ сдѣлается скучно... Мы поскучаемъ вмѣстѣ, поговоримъ... вы облегчите свое горе... Я понимаю чужія страданія... Я сама такъ много, такъ много испытала въ жизни... Если, какъ вы говорите, я не кажусь совсѣмъ старухой, то единственно благодаря моему характеру... Я умѣю терпѣть... Каково, подумайте, жить въ этой трущобѣ, гдѣ нѣтъ людей?.. А мы живемъ въ этой добровольной ссылкѣ пять лѣтъ... Надѣюсь, впрочемъ, что она скоро окончится; вѣроятно, мужу дадутъ другое назначеніе, а пока мы здѣсь поможемъ другъ другу коротать ее вмѣстѣ... Хотите?... Я надѣюсь, мы будемъ друзьями—не правда ли?

И Марья Петровна протянула свою руку, которую Невѣжинъ поднесъ къ своимъ губамъ.

Марья Петровна стала вспоминать о Петербургѣ, разспрашивала объ общихъ знакомыхъ и, когда наконецъ Невѣжинъ поднялся съ кресла, снова просила навѣщать ее.

Послѣ ухода Невѣжина, Марья Петровна нѣсколько времени еще сидѣла въ какомъ-то томномъ раздумьѣ на диванѣ,

потомъ поднялась, подошла къ трюмо, взглянула на себя съ особенной внимательностью, вздохнула и пошла въ кабинетъ къ мужу.

— Непремѣнно надо устроить этого несчастнаго молодого человѣка, cher Basile!—заговорила Марья Петровна такимъ мягкимъ, кроткимъ тономъ, что cher Basile удивленно вскинулъ на жену глаза изъ-подъ очковъ.—Онъ такой порядочный, этотъ Невѣжинъ...

— Я непремѣнно его пристрою...

— Гдѣ?

— Да гдѣ-нибудь въ канцеляріи, или попрошу Артемія Васильевича взять молодого человѣка къ себѣ... Онъ возьметъ его съ удовольствіемъ, если только у него есть вакансія... Хоть нашъ почтенный Артемій Васильевичъ и глупъ, какъ «сорокъ тысячъ братьевъ», но зато добръ, какъ ангелъ!—пошутилъ его превосходительство, почувствовавшій добродушное настроеніе при видѣ жены въ хорошемъ расположеніи духа.

— «Ты-то—орелъ!»—подумала Марья Петровна, но вслухъ этого сегодня не сказала, а только сдѣлала недовольную гримаску.

— Нашелъ куда запрятать Невѣжина... Хорошо для него общество этихъ чиновниковъ твоего Артемія Васильевича... Ты бы лучше Невѣжина взялъ къ себѣ... По крайней мѣрѣ, порядочный человѣкъ былъ бы около...

— Но куда же къ себѣ, матушка?..

— Сдѣлай его своимъ домашнимъ секретаремъ... А то этотъ Сикорскій!.. Изъ-за него однѣ непріятности... эти толки о вліяніи... Про Невѣжина никто не посмѣетъ этого сказать... И наконецъ... онъ сосланъ за такое дѣло, которое не заставляетъ краснѣть человѣка... Какъ ты объ этомъ думаешь, cher Basile?—прибавила Марья Петровна, присаживаясь около Базиля и ласково заглядывая ему въ глаза.—Старуха Невѣжина будетъ очень благодарна, если молодой человѣкъ будетъ въ хорошихъ рукахъ... Подъ твоимъ наблюденіемъ онъ пріучится къ дѣлу...

— А что-жъ, это недурная мысль... Я вѣдь самъ объ этомъ думалъ...

— Ну, вотъ и отлично!..—улыбнулась Марья Петровна.

— Только не сейчасъ... Сикорскій мнѣ пишетъ одну важную записку...

— Я не говорю, что сейчасъ... Пусть молодой человѣкъ оглядится...

— Ну, да... да... Въ самомъ дѣлѣ, это ты умно посовѣтовала, моя милая Marie... Очень умно, по обыкновенію!—галантно прибавилъ старикъ, цѣлуя у жены руку.

Въ эту самую минуту раздался стукъ въ двери, и, послѣ позволенія войти, въ кабинетъ вошелъ Сикорскій съ конфетами въ рукахъ.

По привѣтливой, любезной улыбкѣ, сіявшей на его лицѣ, никто бы и не догадался, что Сикорскій, простоявши лишнюю минуту у дверей, слышалъ весь этотъ разговоръ.

Онъ передалъ коробку Василію Андреевичу, почтительно поклонился Марьѣ Петровнѣ и съ самымъ невиннымъ видомъ проговорилъ, обращаясь къ его превосходительству:

— Господинъ Невѣжинъ былъ у вашего превосходительства?

— Какъ же, былъ... Благодарю васъ, Михаилъ Яковлевичъ, за исполненіе моей просьбы... А вы видѣли Невѣжина?

— Видѣлъ. Я самъ ѣздилъ въ тюремный замокъ вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ... При мнѣ его освободили... Онъ такъ былъ радъ, пресимпатичный молодой человѣкъ. Онъ производитъ превосходное впечатлѣніе...

— Да, да! и на насъ тоже онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе!

Сикорскій вслѣдъ затѣмъ откланялся, и Василій Андреевичъ, передавая женѣ конфеты, промолвилъ въ раздумьѣ:

— Услужливый этотъ Сикорскій и, кажется, истинно преданъ намъ!..

II.

Невѣжинъ сперва помѣстился въ гостиницѣ, а черезъ нѣсколько дней переѣхалъ въ одну изъ дальнихъ улицъ и поселился въ двухъ небольшихъ комнатахъ маленькаго домика, принадлежащаго старушкѣ, вдовѣ чиновника.

Несмотря на ласковый пріемъ въ домѣ Ржевскаго-Пряника, Невѣжинъ продолжалъ хандрить и сиднемъ-сидѣлъ у себя дома.

Мысль о томъ, что ему придется вѣчно жить въ этомъ захолустьѣ, отравляла его существованіе. Овъ рѣшительно не зналъ, что̀ ему дѣлать, какъ начать новую жизнь, какъ быть полезнымъ, какъ онъ обѣщалъ той чудной дѣвушкѣ, образъ которой жилъ въ сердцѣ, заставляя его сильнѣе биться при воспоминаніи о ней. Ахъ, если-бъ она побыла здѣсь, поддержала его!

На что онъ способенъ? Къ чему приготовленъ?—не разъ спрашивалъ себя Невѣжинъ и съ горькимъ чувствомъ сознавалъ, что онъ ни къ чему не приготовленъ и едва ли сумѣетъ заработать себѣ кусокъ хлѣба.

Прошелъ мѣсяцъ, а онъ все еще ничего не дѣлалъ, въ ожиданіи обѣщаннаго мѣста у его превосходительства, и попреж-

нему скучалъ въ своей квартиркѣ, которую онъ убралъ не безъ комфорта и изящества, читалъ, катался верхомъ и изрѣдка посѣщалъ Марью Петровну, но съ ней держалъ себя осторожно, не пускаясь въ откровенности, несмотря на видимое ея желаніе быть другомъ молодого человѣка.

Прелести Марьи Петровны не смущали его, хоть онъ, взглядывая на нее, и находилъ, что для Жиганска она «бабецъ ничего себѣ».

Былъ седьмой часъ вечера на исходѣ. Томительный зной жаркаго іюльскаго дня начиналъ спадать.

Невѣжинъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, въ небольшой уютной комнатѣ, служившей ему кабинетомъ, пріемной и столовой, и писалъ. Лицо его было оживлено; глаза горѣли восторженнымъ блескомъ.

Онъ исписывалъ уже четвертую страничку своего длиннаго посланія къ Зинаидѣ Николаевнѣ Степовой, а все не было конца письму. Онъ описывалъ дорогу, передавалъ свои первыя впечатлѣнія, жаловался на скуку, на безпомощность и неумѣніе работать, но главнымъ образомъ благодарилъ, изливаясь въ восторженныхъ отступленіяхъ, за память, за вѣсточку, за доброе отношеніе.

Онъ получилъ это первое письмо отъ Зинаиды Николаевны сегодня утромъ и, радостный и умиленный, снова почувствовавшій приливъ бодрости и добрыхъ намѣреній, перечитывалъ нѣсколько разъ небольшое письмецо, полное искренняго расположенія и доброй товарищеской ласки.

Она совѣтовала ему не унывать, рекомендовала поближе познакомиться съ сибиряками и отнестись къ нимъ безъ предвзятой мысли, и писала, между прочимъ, что въ далекой Сибири и ему найдется, конечно, дѣло. Онъ можетъ быть полезенъ, если захочетъ, въ этомъ, всѣми забытомъ краю, гдѣ такъ мало образованныхъ людей. О себѣ она вскользь сообщала, что была не такъ здорова, но теперь поправилась.

Квартирная хозяйка уже нѣсколько разъ заглядывала въ полуотворенную дверь и все не рѣшалась безпокоить своего жильца. А самоваръ давно кипѣлъ на кухнѣ, стряпка второй разъ ужъ подливала воду, и Степанида Власьевна сокрушалась, что жилецъ такъ долго сидитъ, не разгибая спины, когда пора пить чай.

Это была низенькая, крѣпенькая и бодрая еще старушка, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, которыя она съ честью вынесла на своихъ плечахъ, невзирая на заботы и лишенія, выпавшія на ея долю послѣ того, какъ она осталась вдовой

съ тремя подростками и съ очень незначительными средствами, оставленными ея мужемъ, чиновникомъ. Хотя мужъ ея и занималъ довольно хлѣбное мѣсто, состоя при крѣпостномъ столѣ, и могъ бы оставить не одинъ только маленькій домишко и тысчонки три денегъ, а гораздо болѣе, но онъ не принадлежалъ къ числу безсовѣстныхъ хапугъ. Правда, онъ бралъ взятки, чтобы чѣмъ-нибудь пополнить мизерное жалованье, получаемое имъ, но бралъ «на совѣсть» и не томилъ просителей. Дастъ—ладно, а не дастъ—Богъ съ тобой.

Когда Невѣжинъ явился къ Степанидѣ Власьевнѣ нанимать квартиру, она приняла его съ безхитростной лаской, какъ родного, благодаря письму своей племянницы, Зинаиды Николаевны, просившей пріютить молодого человѣка.

Она недорого взяла съ него за квартиру, кормила на убой, сокрушаясь, что молодому человѣку, привыкшему, какъ она выражалась, къ «петербургскимъ тонкостямъ», не понравится ея сытная свѣжая стряпня, непритворно ужасалась, когда узнавала, что Невѣжинъ переплачивалъ при покупкахъ, и дивилась, что онъ бросаетъ деньги зря.

Она жалѣла молодого человѣка и, замѣчая, что онъ хандритъ, старалась чѣмъ-нибудь утѣшить его, выдумывала какое-нибудь новое печеніе, захаживала къ нему подъ какимъ-нибудь деликатнымъ предлогомъ и совѣтовала ему какъ-нибудь развлечься. Иногда, послѣ настойчивыхъ приглашеній жильца, она выпивала у него чашку-другую чаю и любила разспрашивать про Петербургъ, охая и дивясь, когда ей Невѣжинъ говорилъ про тамошнюю дороговизну. Но болѣе всего любила Степанида Власьевна слушать про разныхъ высокопоставленныхъ особъ, какъ они живутъ, что дѣлаютъ и т. п. Невѣжинъ случалось, коротал вечера съ этой доброй простой старушкой. Прощаясь съ нимъ, она всегда ласково говорила:

— А вы, Евгеній Алексѣичъ, не очень-то скучайте... Богъ дастъ, привыкните... Да съ огнемъ осторожнѣе... Не дай Богъ—пожаръ!—неизмѣнно прибавляла Степанида Власьевна, вѣчно боявшаяся пожара.

Постоявъ у дверей, старушка вышла на дворъ, прошла въ маленькій садишко съ огородомъ, внимательно осмотрѣла всходы овощей и, вернувшись въ домъ, приказала подлить самоваръ и затѣмъ рѣшительно вошла къ Невѣжину.

— Да будетъ вамъ, Евгеній Алексѣичъ!.. Эка засидѣлись... Къ спѣху, что ли?.. Пора чай пить.

Невѣжинъ поднялъ голову и взглянулъ на часы.

— А и въ самомъ дѣлѣ засидѣлся... Завтра окончу...

Знаете ли, отъ кого я получилъ сегодня письмо? Отъ Зинаиды Николаевны! — весело проговорилъ Невѣжинъ вдогонку уходившей старушкѣ.

— Ну, что̀ она? Какъ тамъ живетъ?—спрашивала Степанида Власьевна, возвращаясь съ подносомъ, вслѣдъ за стряпкой, вносившей самоваръ.—Давно что-то мнѣ Зиночка не писала!—продолжала старушка, разставляя на столѣ приборъ, печенье и сливки.—Вотъ попробуйте... взварные крендельки. Ужъ я и не знаю, понравятся ли вамъ? Вы, чай, привыкли къ разнымъ тамъ петербургскимъ пирожнымъ.

— Понравится, навѣрное понравится! — съ улыбкой промолвилъ Невѣжинъ.—Зинаида Николаевна пишетъ, что была нездорова, но теперь поправилась. Да вы что-жъ это, милая Степанида Власьевна, все сами безпокоитесь? Присаживайтесь-ка лучше да выпьемъ чайку вмѣстѣ.

Степанида Власьевна присѣла, и въ ея добрыхъ глазахъ засвѣтилась радостная улыбка при видѣ веселаго и довольнаго Невѣжина.

— Вотъ вы сегодня не такой, какъ всегда. Такъ-то и лучше! Да прогуляться бы послѣ чаю вышли. Ишь благодать-то какая! Нынѣ на рѣдкость-то у насъ лѣто; всего, говорятъ, Господь уродилъ. Овощь дешева будетъ. Такъ что̀ же Зиночка-то хорошаго пишетъ? Раньше писала, что пріѣдетъ сюда, да, видно, такъ только. Мѣста-то здѣсь находить, батюшка, трудно. Да и послѣ Питера, чай, соскучится у насъ.

Степанида Власьевна выпила чашку, налила другую и проговорила, понижая голосъ:

— Ну, какъ... не безпокоитъ васъ новый жилецъ? Комната-то его рядомъ съ вашей спальной...

Невѣжинъ сказалъ, что не безпокоитъ.

— Не нравится онъ мнѣ, ужъ скажу вамъ по правдѣ, Евгеній Алексѣичъ... Да что̀ подѣлаешь: очень разборчивой быть не приходится. По крайности, комната занята... Шесть рублей платитъ. Состояніе мое, сами знаете, не велико, а сынковъ, пока въ Москвѣ учатся, надо поддержать. Послѣ же мать добро̀мъ вспомнятъ! — съ чувствомъ прибавила старушка. — И деньжонки, что̀ покойникъ оставилъ, цѣлы будутъ.

— Чѣмъ же вамъ не нравится новый жилецъ?

— Да какъ вамъ сказать... Дурного про него я ничего не могу сказать... человѣкъ, кажется, вѣжливый, но только странный какой-то...

Старушка выдержала паузу и прибавила, понизивъ голосъ:

— Дни спитъ, а по ночамъ сидитъ.

— Читаетъ, вѣрно.

— Богъ ужъ его знаетъ...

— Пожара, видно, боитесь?—улыбнулся Невѣжинъ.—Кто онъ такой?

— Говоритъ—пріѣзжій, изъ Красноярска. Изъ ссыльныхъ тоже... Фамилію-то я запамятовала. Однако заболталась я съ вами, а у меня тоже свои дѣла есть,—промолвила, вставая, Степанида Власьевна.—Благодарю за угощеніе, Евгеній Алексѣичъ!

Въ эту минуту въ комнату вошла стряпка и, подавая Невѣжину письмо, сказала:

— Конный привезъ.

— Вѣрно, опять васъ въ гости къ генералу зовутъ... Вы не отказывайтесь,—поѣзжайте, Евгеній Алексѣичъ... Все веселѣй, чѣмъ дома сидѣть!—посовѣтовала старушка.

Записка въ самомъ дѣлѣ была отъ генерала. Онъ просилъ «милѣйшаго Евгенія Алексѣевича» пріѣхать, если можно, тотчасъ же къ нему на дачу по весьма важному дѣлу.

Невѣжинъ улыбнулся (онъ уже не разъ получалъ такія записки), однако тотчасъ же сталъ собираться.

Черезъ четверть часа Невѣжинъ уже ѣхалъ верхомъ на своемъ, недавно купленномъ «киргизѣ» по дорогѣ въ Ускоково—деревню верстахъ въ 10 отъ Жиганска.

Сейчасъ же за городомъ дорога пошла лѣсомъ. Невѣжинъ полною грудью вдыхалъ славный, чистый воздухъ, пропитанный вечернею свѣжестью, запахомъ скошенной травы и смолистымъ ароматомъ лѣса.

Приближались сумерки, и вечернія тѣни стали постепенно окутывать безмолвный зеленый лѣсъ, озаренный на западѣ багрянымъ свѣтомъ заходящаго солнца. Кругомъ стояла тишина. Лишь изрѣдка шарахались дрозды, постукивалъ запоздалый работникъ-дятелъ, да уныло выкуковывала кукушка.

Невѣжинъ пустилъ горячаго коника рысью и, проѣхавши нѣсколько верстъ, снова поѣхалъ шагомъ. Онъ опустилъ поводья и невольно задумался, переносясь мыслью далеко-далеко отъ этого лѣса, какъ совершенно для него неожиданно изъ-за кустовъ вышли два человѣка.

Они были плохо одѣты, по-крестьянски, съ котомками, въ родѣ ранцевъ, за плечами и съ дубинками въ рукахъ. На поясѣ у одного былъ котелокъ.

Невѣжинъ вздрогнулъ отъ ихъ неожиданнаго появленія, подобралъ поводья и машинально взялся за револьверъ.

— Подайте Христа-ради бродяжкамъ!—проговорилъ, выступая впередъ, одинъ изъ путниковъ.

Невѣжинъ устыдился за свой страхъ и остановилъ коня.

— Издалека идете? — спросилъ онъ, подавая серебряную монету.

Старый, повидимому, бродяга съ большой темной бородой сперва перекрестился и, надѣвая шапку, проговорилъ:

— Съ каторги, родимый, съ каторги. Христосъ тебя спаси! Изъ-подъ Кары! А вотъ товарищъ мой свѣженькій. Не успѣлъ пріѣхать изъ Россеи, какъ уже соскучился по ней! — весело прибавилъ бродяга.

Невѣжинъ взглянулъ на «свѣженькаго»—рыжаго высокаго человѣка, и лицо его показалось ему знакомымъ.

— Вмѣстѣ, г. Невѣжинъ, на баржѣ плыли!—проговорилъ, подходя, рыжій:—только я тогда съ бородой былъ. Не понравилась Сибирь! Опять въ Питеръ захотѣлось! Одолжите прежнему спутнику что-нибудь на дорогу!..

Невѣжинъ припомнилъ «спутника». Это былъ одинъ изъ обитателей петербургскихъ трущобъ, ночной рыцарь, судившійся не разъ за кражи и наконецъ сосланный на поселеніе за грабежъ. Онъ всѣмъ разсказывалъ свою исторію и выпрашивалъ денегъ, хвастаясь, что прежде былъ чиновникомъ, и что у него дяденька генералъ.

Невѣжинъ далъ денегъ бывшему спутнику и пустилъ коня, нѣсколько удивленный этою легкостью встрѣчъ съ бродягами.

Минутъ черезъ десять онъ ужъ входилъ къ генералу.

Василій Андреевичъ благодушествовалъ на балконѣ. Онъ тотчасъ же объявилъ Невѣжину, что онъ наконецъ можетъ исполнить свое обѣщаніе и предлагаетъ ему мѣсто своего секретаря.

Невѣжинъ съ радостью согласился, надѣясь, что въ этой должности онъ можетъ быть полезнымъ. Дѣло было покончено съ двухъ словъ.

— Очень, очень радъ, что все такъ устроилось!—говорилъ старикъ, которому жена не давала покоя съ этимъ Невѣжинымъ.—Ну, а теперь пойдемте къ женѣ... она на васъ сердится, что вы насъ совсѣмъ забыли... Оправдывайтесь!—пошутилъ старикъ.

Марья Петровна приняла Невѣжина любезно, но не съ прежнею интимностью.

— Что̀ васъ не видать? Ужъ не нашли ли въ Жиганскѣ какихъ-нибудь развлеченій?—иронически спросила она.

Невѣжинъ отвѣтилъ, что сидѣлъ больше дома, а Василій Андреевичъ весело прибавилъ:

— Теперь онъ ужъ не будетъ букой... Обязанности службы заставятъ его бывать чаще у насъ... Рекомендую—новый секретарь!

Невѣжинъ былъ особенно оживленъ этотъ вечеръ. Онъ весело болталъ за чаемъ съ Василіемъ Андреевичемъ, разсказалъ о своемъ заграничномъ путешествіи, сообщилъ нѣсколько анекдотовъ, заставившихъ отъ души смѣяться старика, потомъ сѣлъ за фортепіано и очень мило сыгралъ нѣсколько пьесъ Шопена.

А Марья Петровна слушала эту нервную музыку и сама немножко нервничала. Любуясь этимъ кудрявымъ, красивымъ молодымъ брюнетомъ, она мечтательно вздыхала не то отъ волненія, не то отъ досады, что Невѣжинъ, повидимому, не замѣчаетъ ея искренняго участія и не откликается на ея призывъ къ дружбѣ.

А ей бы такъ хотѣлось дружбы, чистой, святой дружбы,— мечтала сорокалѣтняя барыня, бросая украдкой далеко не «святые» взгляды на молодого человѣка.

Марья Петровна взяла съ него слово, что онъ пріѣдетъ надняхъ на цѣлый день. Они погуляютъ вмѣстѣ—она покажетъ ему прелестныя мѣста, если только онъ любитель природы.

Когда Невѣжинъ собрался домой, его не хотѣли отпускать въ городъ безъ провожатаго.

— Возьмите кучера. Одному ѣхать не безопасно,—предлагалъ ему Василій Андреевичъ.

— Не ѣздите одинъ. Ни за что! — говорила Марья Петровна.

Но Невѣжинъ не соглашался.

— И луна свѣтитъ, и револьверъ есть у меня! — проговорилъ онъ, прощаясь.

Чрезъ часъ ужъ онъ подъѣзжалъ къ своей квартирѣ.

Калитка была, противъ обыкновенія, отворена, и, когда онъ вошелъ въ нее, ведя за собой лошадь, изъ-за дома вышла какая-то фигура и быстро проскользнула мимо него.

Онъ не обратилъ на нее особеннаго вниманія, но ему показалось, что эта фигура похожа на того «рыжаго», котораго онъ встрѣтилъ на дорогѣ.

«Вздоръ! — проговорилъ онъ вслухъ: — зачѣмъ ему быть здѣсь!»—и, разбудивъ дворника, отдалъ ему лошадь и минутъ черезъ десять бросился въ постель.

Скоро онъ заснулъ, но подъ утро проснулся.

Какой-то странный шумъ раздавался въ сосѣдней комнатѣ. Онъ сталъ прислушиваться. Снова тотъ же тихій шумъ, точно рѣзали чѣмъ-то по твердому тѣлу.

Невѣжинъ раздумывалъ, что бы это значило, и, рѣшивъ, что сосѣдъ, быть-можетъ, отъ скуки занимается слесарнымъ ремесломъ, скоро заснулъ опять крѣпкимъ сномъ молодости.

IX.

Одинъ изъ сибирскихъ «чумазыхъ».

I.

Исполнивъ желаніе Марьи Петровны, Василій Андреевичъ не имѣлъ пока причинъ жаловаться.

Молодой человѣкъ, не знавшій, куда дѣвать свое время, горячо принялся за новое дѣло, занимаясь имъ съ усердіемъ новичка, впервые увлекшагося работой. Работалъ онъ скоро, умѣлъ схватывать налету мысли, приходившія въ голову его превосходительству, и излагалъ ихъ не безъ нѣкотораго стилистическаго изящества, быстро усвоивъ тотъ изысканно-канцелярскій слогъ, которымъ щеголяютъ чиновники, воспитавшіеся въ петербургскихъ канцеляріяхъ. Бумаги Невѣжина читались легко и были всегда литературны, впрочемъ, настолько, насколько требовали бюрократическія традиціи, и Василій Андреевичъ, убѣдившись въ способностяхъ Невѣжина и пользуясь его усердіемъ, не оставлялъ его безъ дѣла, обрадованный, что есть кому обрабатывать детально всевозможныя предначертанія, неожиданно осѣнявшія его голову.

Тутъ надо замѣтить, что у его превосходительства, какъ и у многихъ администраторовъ, особенно пріѣзжающихъ въ не столь отдаленныя мѣста изъ Петербурга, былъ какой-то неудержимый зудъ къ составленію разныхъ записокъ и проектовъ, свидѣтельствующихъ, разумѣется, о добрыхъ намѣреніяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о совершенномъ незнакомствѣ съ краемъ и мѣстными условіями. Какихъ только мыслей ни являлось у Василія Андреевича въ тиши кабинета, мыслей, направленныхъ ко благу губерніи, которую, кстати сказать, онъ такъ же мало зналъ въ дѣйствительности, сколь превосходно зналъ по бумагамъ!

Но Василій Андреевичъ обладалъ изрядной лѣнцой и не всегда имѣлъ терпѣніе повѣрять бумагѣ плоды своихъ административныхъ думъ. Къ тому же и Сикорскій умѣлъ какъ-то сдерживать бумажныя увлеченія его превосходительства, зная очень хорошо, что ему же придется разрабатывать детально, пріискивая данныя въ разныхъ мѣстныхъ канцеляріяхъ, всѣ эти записки и прожекты, и въ концѣ концовъ знать, что ихъ въ Петербургѣ прочтутъ, улыбнутся и положатъ подъ сукно...

Теперь же, при новомъ и ретивомъ секретарѣ, никакой сдерживающей узды не было, и его превосходительство съ увлеченіемъ предался охватившему его бумажно-реформаторскому порыву.

«Онъ покажетъ, чортъ возьми, свою прозорливость и дальновидность. Пусть тамъ, въ Петербургѣ, увидятъ, сколь трудно успѣшно работать въ этомъ дикомъ краѣ!»

И Василій Андреевичъ, со свойственной ему, какъ бывшему военному, рѣшительностью, бросался отъ одной темы къ другой. То «набрасывалъ» своимъ крупнымъ четкимъ почеркомъ на полулистѣ почтовой бумаги мысли объ улучшеніи низшей администраціи, «связывающей самыя лучшія предначертанія», то вдругъ увлекался инородцами, то бросался къ санитарному вопросу, то трактовалъ о переселенческомъ дѣлѣ, предоставляя честь разрабатывать всѣ эти краткіе и не всегда разборчивые наброски своему новому секретарю.

Дѣла было много, и притомъ Василій Андреевичъ умѣлъ какъ-то усложнить его своею суетливостью. Часто случалось, что Невѣжинъ едва лишь успѣвалъ собрать данныя по какому-нибудь «вопросу», какъ ужъ Василій Андреевичъ задавалъ новую работу, оказывавшуюся, по обыкновенію, всегда спѣшной и крайне важной. Невѣжинъ не протестовалъ и принимался за новую, стараясь, по возможности, ознакомиться съ «вопросомъ» по бумажнымъ источникамъ.

Цѣлый мѣсяцъ работалъ такъ нашъ молодой человѣкъ, не окончивъ ни одного «вопроса», какъ однажды Василій Андреевичъ сказалъ ему, подавая листокъ исписанной бумаги:

— Надо составить объяснительную записку къ этому конфиденціальному письму. Въ канцеляріи дадутъ справки, но еще лучше, если вы обратитесь за ними къ Сикорскому. Онъ знаетъ, въ чемъ дѣло... Кстати, вы знаете здѣшняго туза Толстобрюхова?

— Видѣлъ какъ-то разъ.

— Не правда ли, типическое рыло? Ха-ха-ха... Изъ мужиковъ, батюшка, изъ мужиковъ, а теперь милліонъ у этой канальи... Плутъ отъявленный!

Невѣжинъ, успѣвшій пробѣжать набросокъ конфиденціальнаго письма, въ которомъ его превосходительство ходатайствовалъ за этого «каналью» и «отъявленнаго плута», былъ нѣсколько озадаченъ.

— Всѣ они здѣсь такіе... не удивляйтесь, но у этого «мосьё Толстобрюхова» есть все-таки, знаете ли, добрыя чувства... я убѣдился въ этомъ... Онъ не сутяга и, au fond, добрый мужикъ... слѣдуетъ только не давать ему повадки. Еще недавно, когда Marie собирала на свои благотворительныя учрежденія, онъ пожертвовалъ пять тысячъ, и Marie не нахвалится имъ. Онъ обѣщалъ ей еще цѣлый пріютъ устроить. Такъ вотъ этотъ самый мосьё Толстобрюховъ былъ у меня

на-дняхъ и просилъ о помощи. Дѣло, видите ли, въ томъ, что этотъ господинъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ привлеченъ къ дѣлу и по суду оставленъ въ подозрѣніи. Здѣсь немало такихъ «подозрительныхъ»!—заключилъ его превосходительство. — Чортъ его знаетъ, насколько онъ виноватъ, но, во-первыхъ, это было давно, и, во-вторыхъ, онъ увѣряетъ, что невиненъ... Во всякомъ случаѣ онъ искупилъ свою вину и заслуживаетъ ходатайства... Такъ вы проштудируйте дѣло, поговорите съ Сикорскимъ и составьте записку. Пора простить старика...

— Онъ, право, заслуживаетъ участія! — вставила Марья Петровна, входя въ кабинетъ и вслушиваясь въ разговоръ.— А пока пойдемте, господа, пить кофе. Да ты, Basile, совсѣмъ замучилъ бѣднаго Евгенія Алексѣевича. Я его совсѣмъ не вижу... Все за работой да за работой! Смотрите, Невѣжинъ, я наконецъ разсержусь! — полушутя, полусерьезно прибавила Марья Петровна, бросая на этого Іосифа Прекраснаго взоръ, полный нѣмого краснорѣчія Пентефріевой жены.

При этомъ она съ грустью вспомнила и лѣсную прогулку, и катанье при лунномъ свѣтѣ вдвоемъ, и многозначащія пожатія руки.

Но онъ точно ничего не понималъ, этотъ каменный молодой человѣкъ, и словно избѣгалъ оставаться съ ней вдвоемъ.

«Ужъ не боится ли онъ моего пентюха!?»—нерѣдко думала сорокалѣтняя красавица, ревниво выдергивая рѣдкіе сѣдые волоски въ своихъ пышныхъ волосахъ и вглядываясь все чаще и печальнѣе въ зеркало, словно оно могло дать ей отвѣтъ: почему Невѣжинъ, при видѣ ея сохранившихся прелестей, не загорается страстью,—увы!—давно уже охватившей бѣдную женщину и все сильнѣе и сильнѣе разгоравшейся подъ впечатлѣніемъ холоднаго отпора.

II.

Пока Невѣжинъ, къ ужасу Степаниды Власьевны, не разгибая спины, штудировалъ громадное дѣло о купцѣ второй гильдіи Кирѣ Пахомовѣ Толстобрюховѣ, заглянемъ въ тихую обитель Кира Пахомыча и поближе познакомимся съ однимъ изъ сибирскихъ «козырей», пользовавшимся репутаціей весьма почтеннаго человѣка среди большинства такихъ же «почтенныхъ» жиганскихъ коммерсантовъ.

Девятый часъ утра.

Киръ Пахомычъ давно всталъ, напился чаю съ мясными пирожками и теперь сидѣлъ въ маленькомъ своемъ кабинетѣ, одѣтый въ длиннополый потертый сюртукъ, на подобіе кафтана,

и бойко дѣйствовалъ толстыми огрубѣлыми пальцами, щелкая костяжками на большихъ счетахъ. Онъ провѣрялъ лежавшій передъ нимъ на письменномъ столѣ мѣсячный, красиво переписанный отчетъ своихъ многочисленныхъ операцій.

Должно-быть, результатъ оказался хорошъ, ибо Киръ Пахомычъ, окончивъ провѣрку и бережно спрятавъ очки въ футляръ, весело крякнулъ и проговорилъ:

— Баланецъ, слава тебѣ Господи! А у Антипа Васильича, поди, не такой. Однако подъегоритъ его нонече ярмонка!

И его широкое, угреватое, тупорылое лицо, съ крупнымъ мясистымъ носомъ и толстыми губами, перекосилось въ злорадную усмѣшку, и въ заплывшихъ жиркомъ небольшихъ сѣрыхъ глазахъ блеснулъ недобрый огонекъ. Что-то спокойно-хищническое и самоувѣренное сказывалось во всей этой широкой кряжистой фигурѣ и слышалось въ томъ тихомъ смѣхѣ, который раздался вслѣдъ за произнесенными имъ словами.

— То-то хвостъ подожметъ. А то, поди ты!

Въ это время дверь кабинета отворилась, и въ комнату вошелъ одинъ изъ служащихъ конторы Кира Пахомыча. Осторожно и боязливо ступая по комнатѣ, видимо побаиваясь Кира Пахомыча, конторщикъ подалъ хозяину письмо и тихо удалился.

Киръ Пахомычъ не спѣша надѣлъ очки и сталъ читать. И по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, лицо его становилось угрюмѣе и злѣе.

А между тѣмъ въ этомъ письмѣ было всего нѣсколько строкъ слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь,
«Киръ Пахомычъ!

«Неужто Вы не пожалѣете безвинно Вами погубленнаго человѣка? Изъ-за Васъ я страдаю, потерявъ и честь и средства къ существованію. Сколько лѣтъ я втунѣ къ Вамъ обращаюсь, и нѣтъ отвѣта. Помогите, пришлите хоть денегъ за всѣ злосчастія, мною испытуемыя. Письмо посылаю съ оказіей, питая надежду, что Вы наконецъ отвѣтите и сжалитесь.

«Извѣстный Вамъ Антонъ Тимоѳеевъ».

Киръ Пахомычъ еще разъ перечелъ не безъ труда эти крупно написанныя строки и только потомъ замѣтилъ, что въ конвертѣ была еще слѣдующая записка:

«Милостивый Государь,
«Киръ Пахомычъ!

«Письмо г. Тимоѳеева доставляю Вамъ въ копіи. Подлинникъ находится у меня. Соблаговолите извѣстить съ посланнымъ,

когда могу передать его Вамъ, если только Вамъ угодно его получить и имѣть болѣе подробныя объясненія.

«Съ почтеніемъ имѣю честь быть,

«Николай Келасури».

Киръ Пахомычъ спряталъ оба письма въ карманъ и позвонилъ.

Вошелъ тотъ же тихій и робкій конторщикъ.

— Кто принесъ письмо?

— Какой-то человѣкъ,—еврей, должно-быть.

— Пошли его сюда!

Черезъ минуту вошелъ худенькій старичокъ-еврей.

Киръ Пахомычъ пытливо взглянулъ на него и сказалъ:

— Кто тебя послалъ?

— Господинъ Келасури.

— Изъ какихъ онъ? Я что-то такого не слыхалъ.

— Изъ ссыльныхъ, Киръ Пахомычъ, но только, осмѣлюсь доложить вамъ, очень образованный господинъ. Очень...

— Скажи ему, пусть побываетъ у меня вечеромъ, въ девять часовъ.

Старикъ-еврей исчезъ, а Киръ Пахомычъ нѣсколько времени сидѣлъ, погруженный въ раздумье.

— Ишь подлецы!—наконецъ злобно проговорилъ онъ.

И старая, давно забытая исторія невольно пронеслась передъ Киромъ Пахомычемъ.

Исторія, о которой теперь вспомнилъ Киръ Пахомычъ, сидя въ своемъ старенькомъ жесткомъ креслѣ, передъ письменнымъ столомъ, была, пожалуй, одной изъ самыхъ невинныхъ «исторій» въ темномъ, какъ тайга, прошломъ сибирскаго туза и милліонера.

Не попади эта непріятная записка въ руки какого-то подозрительнаго незнакомца, котораго Киръ Пахомычъ сразу заподозрѣлъ въ недобрыхъ намѣреніяхъ относительно своего кармана,—онъ, конечно, не сталъ бы терять времени на такіе пустяки, какъ воспоминанія.

Какъ человѣкъ практическій, не имѣвшій дурной привычки считаться съ совѣстью и пріучившійся долгимъ опытомъ мѣрить все и всѣхъ на деньги, онъ и вообще-то не любилъ вспоминать кое-какіе эпизоды изъ своего прошлаго, тѣмъ болѣе, что они уже слишкомъ пахли острогомъ, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ постепенно изъ «Кирьки-варнацкой-души» сдѣлался почтеннымъ и уважаемымъ Киромъ Пахомычемъ,—и подавно всѣ эти эпизоды какъ-то затерялись въ памяти, прикрытые давностью и общимъ почетомъ и уваженіемъ.

Если Киръ Пахомычъ и вспоминалъ иногда о своемъ про-

шломъ, то вспоминалъ все хорошія вещи, разсказывая не безъ заносчиваго, горделиваго чувства, какъ онъ былъ прежде послѣднимъ мужикомъ, и какъ, благодаря своимъ трудамъ и терпѣнію, сдѣлался богачомъ, который за свои деньги можетъ купить кого угодно.

Само собою разумѣется, что, повѣствуя подъ пьяную руку о своихъ трудахъ, Киръ Пахомычъ, по примѣру нѣкоторыхъ автобіографовъ, о многомъ умалчивалъ, кое-что не досказывалъ, предоставляя слушателямъ обширное поле для догадокъ и, повидимому, нисколько не заботясь о томъ, что посторонніе люди не получатъ точныхъ свѣдѣній о первоначальномъ источникѣ его богатства.

Такъ, напримѣръ, разсказывая, что ему шибко повезло на ямщинѣ (цѣны въ тѣ поры на перевозку клади стояли хорошія), Киръ Пахомычъ деликатно обходилъ молчаніемъ одинъ предшествующій эпизодъ въ его жизни, бывшій съ нимъ въ то время, когда онъ, молодымъ парнемъ, служилъ ямщикомъ на одной изъ станцій сибирскаго почтоваго тракта и, за свой вороватый и отчаянный нравъ, пріобрѣлъ кличку «варнацкой души». Хотя Киръ Пахомычъ и упоминалъ вскользь, что возилъ «кульеровъ» и былъ ничего-себѣ ямщикомъ, но никогда не проговаривался, какъ одною темною осеннею ночью онъ остановилъ лошадей и, снявши у крѣпко заснувшаго сѣдока-довѣреннаго, неумѣренно выпившаго на станціи, сумку съ деньгами, зарылъ ее подъ кедромъ и преспокойно отправился далѣе, не забывъ, по пріѣздѣ, попросить у ополоумѣвшаго довѣреннаго на водку.

Онъ высидѣлъ, правда, мѣсяца четыре въ острогѣ, но былъ отпущенъ на всѣ четыре стороны, откупившись небольшой, сравнительно, долей изъ украденныхъ имъ денегъ. А денегъ въ сумкѣ оказалось до 3-хъ тысячъ, и эти-то 3 тысячи и послужили основаніемъ дальнѣйшему преуспѣянію, попавши въ умѣлыя руки.

Вскорѣ послѣ этого онъ, для отвода глазъ, отправился на пріиски, тамъ, между прочимъ, выгодно скупалъ краденое золото, и когда, года черезъ два, дѣйствительно занялся ямщиной, то ему, какъ онъ выражался, «шибко повезло», особенно послѣ того, какъ на обозъ, который онъ велъ самъ, напали разбойники и отбили на значительную сумму чаевъ. Это дѣльце, устроенное не безъ участья Кира Пахомыча, дало ему хорошій барышъ отъ перевозки, и хотя возбудило-было подозрѣнія, но Киръ Пахомычъ этимъ не смущался, зная очень хорошо, что деньги все прикроютъ.

Вскорѣ послѣ этого онъ пошелъ въ гору. Ходили темные

слухи, будто въ тѣ времена Киру Пахомычу повезла не одна только ямщина, но и партія хорошо изготовленныхъ лондонскихъ кредитныхъ билетовъ, но слухи эти не подтвердились. По крайней мѣрѣ исправникъ, производившій негласное дознаніе и ѣздившій на заимку Кира Пахомыча, гдѣ, по чьему-то доносу, будто бы хранилась партія, клятвенно увѣрялъ, что всѣ эти слухи вздоръ, и въ доказательство могъ бы представить кушъ самыхъ подлинныхъ кредитныхъ знаковъ, полученныхъ имъ отъ Кира Пахомыча. Но онъ, впрочемъ, такъ далеко не шелъ, а ограничился офиціальнымъ изложеніемъ дѣла. И когда, вслѣдъ затѣмъ, на заимку Кира Пахомыча пріѣхалъ слѣдователь и сдѣлалъ настоящій обыскъ, то уѣхалъ ни съ чѣмъ.

Съ той поры счастье не переставало ему везти. Онъ шелъ увѣренными, твердыми шагами къ цѣли и рвалъ, гдѣ только было можно. Безнаказанность только увеличивала его дерзость, развивая въ этомъ энергичномъ мужикѣ презрѣніе къ людямъ и увѣренность, что всякаго чиновника можно купить. Онъ оставилъ однако насиженныя мѣста, гдѣ про него ходила не особенно лестная молва, и перенесъ свою дѣятельность въ Жиганскую губернію. Онъ записался въ купцы, и скоро Кира Пахомыча считали однимъ изъ самыхъ богатыхъ жиганскихъ обывателей. Цѣлый округъ былъ въ рукахъ у Кира Пахомыча. Сѣть кабаковъ была раскинута имъ, и самъ исправникъ побаивался Толстобрюхова, такъ какъ отъ него зависѣло карать или миловать. Одинъ исправникъ, неугодный Киру Пахомычу, даже слетѣлъ съ мѣста благодаря неудовольствію Кира Пахомыча за придирки. Это была сила, съ которой надо было считаться.

Несмотря на наружное спокойствіе точно застывшаго въ своемъ креслѣ Кира Пахомыча, онъ испытывалъ непріятное, досадливое чувство, когда, ровно въ девять часовъ, въ кабинетъ къ нему вошелъ высокій, хорошо одѣтый брюнетъ съ лицомъ, сразу выдающимъ принадлежность этого господина къ восточнымъ человѣкамъ.

Красивый, статный, обладавшій мягкими манерами человѣка, бывавшаго въ обществѣ, онъ не безъ апломба отрекомендовался строго и пытливо глядѣвшему на него хозяину Николаемъ Саркисовичемъ Келасури и, протянувъ руку съ большимъ перстнемъ на пальцѣ, проговорилъ съ замѣтнымъ акцентомъ восточнаго человѣка, что крайне радъ случаю, доставившему ему удовольствіе лично познакомиться съ такимъ почтеннымъ и уважаемымъ человѣкомъ, какъ Киръ Пахомычъ.

Но Киръ Пахомычъ молча выслушалъ это привѣтствіе и знакомъ своей жилистой здоровой руки указалъ на стулъ, стоявшій по близости.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе, во время котораго и гость и хозяинъ оглядывали другъ друга.

И только когда и тотъ и другой сдѣлали, казалось, одинъ другому безмолвную оцѣнку, Киръ Пахомычъ сухо спросилъ:

— Вы здѣсь постоянно проживаете, или проѣздомъ?

— Теперь постоянно...

— Тэкъ-съ, тэкъ-съ!.. протянулъ Киръ Пахомычъ и небрежно прибавилъ: —Какое тамъ письмо у васъ, что вамъ понудилось меня видѣть? Признаться, я хорошо не понялъ, какое у васъ ко мнѣ дѣло.

— Собственно говоря, пустое дѣло, Киръ Пахомычъ! Самое незначительное дѣло! — отвѣчалъ, пріятно улыбаясь и открывая рядъ блестящихъ зубовъ, господинъ Келасури.—И если я позволилъ себѣ обезпокоить васъ, то единственно въ видахъ вашего же интереса... Ко мнѣ, какъ вамъ извѣстно, доставлено письмо господина Тимоѳеева къ вамъ, съ просьбой самого Тимоѳеева просить васъ помочь ему. Обстоятельства его въ настоящее время довольно трудныя, и вы, конечно, какъ добрый человѣкъ, не откажете въ его просьбѣ... Посылать его письмо къ вамъ я не рѣшался... письмо, изволите знать, могло попасть въ другія руки, такъ я предпочелъ предварительно послать копію...

— Однако по какимъ правамъ этотъ Тимоѳеевъ лѣзетъ ко мнѣ? Какой-такой этотъ Тимоѳеевъ?

— Чиновникъ бывшій, Киръ Пахомычъ... чиновникъ... Судился, если изволите припомнить, за кражу дѣла изъ суда и былъ приговоренъ...

— Такъ мнѣ-то какое дѣло?—рѣзко перебилъ Киръ Пахомычъ, и въ его глазахъ блеснулъ огонекъ.

— А ужъ этого я не знаю, Киръ Пахомычъ, право, не знаю! — еще мягче проговорилъ восточный человѣкъ.—Я, собственно, изъ участія къ несчастному человѣку, обратившемуся къ моему посредству...

— Гдѣ же его письмо? Дайте-ка посмотрѣть...

Господинъ Келасури вынулъ изъ кармана какую-то бумажку, однако не передалъ ее Киру Пахомычу, протянутая рука котораго опустилась на столъ и стала медленно отбарабанивать трель по столу, а попросилъ позволенія прочитать ее.

— Ужъ я читалъ!—остановилъ его Киръ Пахомычъ.

— То-то что не все изволили читать, Киръ Пахомычъ...

Я, видите ли, не рѣшился послать копію всего письма изъ осторожности... Такъ не угодно ли будетъ послушать?

Киръ Пахомычъ презрительно усмѣхнулся и промолвилъ:

— Что же, читайте... Что̀ тамъ пишетъ какой-то Тимоѳеевъ... Чудно что-то все это!

Тогда господинъ Келасури, тихо и не спѣша, понизивъ голосъ почти до шопота, прочелъ письмо съ слѣдующей прибавкой, которой не было въ копіи:

«Вы очень хорошо знаете, Киръ Пахомычъ, за что я попалъ подъ судъ... Не напои вы меня тогда, когда я польстился на ваши 5 рублей и принесъ къ вамъ въ домъ дѣло, я не былъ бы теперь несчастнымъ человѣкомъ... Я никакъ не думалъ, что вы поступите такъ жестоко и, воспользовавшись довѣрчивостью, бросите въ печку дѣло у меня на глазахъ... Тогда, когда я ползалъ въ ногахъ вашихъ, вы обѣщали выгородить меня и, во всякомъ случаѣ, обезпечить мою семью, но вы нарушили слово и отъ всего отреклись... Я былъ наказанъ, а вы оставлены въ подозрѣніи. Справедливо!.. И всѣ думали, что я получилъ отъ васъ большую сумму. Снова взываю теперь къ вашей совѣсти: я въ нищетѣ съ семьей... Помогите мнѣ, вознаградите за все, что̀ вы сдѣлали... Если же вы останетесь глухи, я буду просить передать это письмо губернатору и постараюсь отомстить вамъ. Послѣдній разъ пишу».

По мѣрѣ чтенія лицо Кира Пахомыча дѣлалось суровѣе и безстрастнѣе, и, когда господинъ Келасури окончилъ чтеніе, только движеніе личныхъ мускуловъ широкаго, коряваго лица Толстобрюхова выдавало его волненіе. Но у него уже готовъ былъ планъ.

— Ловко подведено, нечего сказать!—проговорилъ онъ.— Только знаешь ли, братъ, чѣмъ это пахнетъ? Это—вымогательство... А что̀ если я сейчасъ за полиціей пошлю, ась?— вдругъ пригрозилъ Киръ Пахомычъ и со злой насмѣшкой взглянулъ на восточнаго человѣка.—Пусть полиція разберетъ, каково это приходить къ людямъ и застращивать ихъ, чтобы вымогать деньги...

Но «восточный человѣкъ», повидимому, зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Онъ хоть и поблѣднѣлъ, но не безъ ироніи замѣтилъ:

— Напрасно будете посылать за полиціей: вѣдь подлинное письмо я не принесъ... Оно у меня припрятано въ надежномъ мѣстѣ, Киръ Пахомычъ.

Киръ Пахомычъ только безсильно крякнулъ и хрипло проговорилъ:

— Сколько?

— Вотъ такъ оно лучше, Киръ Пахомычъ, а то горячиться... это къ чему же? Совсѣмъ не нужно. И долженъ вамъ сказать, что это письмо было бы вамъ особенно непріятно теперь, когда пишутъ докладъ о васъ въ Петербургъ... Я имѣлъ случай познакомиться съ дѣломъ и знаю, что новый секретарь Невѣжинъ, которому поручено написать докладъ, не на вашей сторонѣ. Такъ это письмо вмѣстѣ съ мнѣніемъ господина Невѣжина, пожалуй, и поколеблютъ генерала. Какъ вы думаете, Киръ Пахомычъ?

Киръ Пахомычъ смутился и съ меньшей сухостью сталъ относиться къ господину Келасури.

А тотъ между тѣмъ продолжалъ:

— Въ этомъ дѣлѣ есть, собственно говоря, одно компрометирующее показаніе противъ васъ,—показаніе Тимоѳеева. Такъ если-бъ его устранить...

Киръ Пахомычъ вздрогнулъ, но не отвѣчалъ ни слова.

— Это показаніе, говорю я, если бы уничтожить, такъ господину Невѣжину не на что было бы опереться въ объясненіяхъ...

— А какъ вы можете сдѣлать это?

— Очень просто: я живу рядомъ съ Невѣжинымъ, и когда его не будетъ дома...

Киръ Пахомычъ все не отвѣчалъ и, спустя минуту, сказалъ:

— Такъ за письмо сколько?..

— Дешево, Киръ Пахомычъ... Самые пустяки... Одну тысчонку... Пятьсотъ пошлю Тимоѳееву, а пятьсотъ—себѣ за хлопоты... Затѣмъ Тимоѳеевъ, послѣ того, какъ пошлютъ въ Петербургъ бумагу, будетъ вамъ ужъ не опасенъ...

— Тысячу? За такіе пустяки? Это какъ же? Бери три сотни и неси письмо...

Но господинъ Келасури даже обидѣлся и поднялся съ мѣста. Онъ раскланялся и ужъ дошелъ до дверей, какъ Киръ Пахомычъ вернулъ его.

Сторговались на пятистахъ рубляхъ. Келасури обѣщалъ на другой же день передать письмо.

— Но только ужъ вы сами потрудитесь пріѣхать за нимъ, Киръ Пахомычъ! Я за полиціей не пошлю!—усмѣхнулся господинъ Келасури.—Можно тогда переговорить и насчетъ другого дѣльца!—прибавилъ восточный человѣкъ, раскланиваясь.

Онъ весело шелъ домой, довольный, что такъ ловко обработалъ Кира Пахомыча, поймавъ его на удочку. Письмо, составленное имъ отъ имени Тимоѳеева, было дѣломъ его

собственныхъ умѣлыхъ рукъ, отличавшихся способностью поддѣлываться подъ всякіе почерки. А съ почеркомъ Тимоѳеева онъ хорошо познакомился изъ дѣла, которое небрежно валялось на столѣ Невѣжина, и Келасури, бывшій до сего времени въ болѣе отдаленныхъ странахъ и слышавшій отъ Тимоѳеева его исторію, воспользовался теперь случаемъ хорошаго шантажа, надѣясь, при случаѣ, повторить его...

Что̀ же касается до самого Тимоѳеева, то хотя онъ время отъ времени и обращался съ просьбами о помощи къ Киру Пахомычу, но у него никогда и не являлось мысли застращивать погубившаго его человѣка. Онъ былъ для этого слишкомъ простъ и слишкомъ порядоченъ, этотъ бывшій маленькій пьяненькій чиновникъ.

Оставшись одинъ, Киръ Пахомычъ встряхнулъ головой и, прохрипѣвъ по адресу только-что ушедшаго гостя непечатное ругательство, задумался. Скоро однако лицо его просіяло. Хорошая мысль блеснула въ его головѣ, и онъ отправился спать, рѣшившись на завтра поговорить съ полицеймейстеромъ: нельзя ли силой отобрать у Келасури компрометирующее его письмо и выпроводить его изъ Жиганска.

«Вѣрно, этотъ мошенникъ недобрыми дѣлами занимается!»— возмутился даже почтенный Киръ Пахомычъ, обдумывая свой планъ оплести шантажиста и за болѣе дешевую цѣну пріобрѣсти письмо.

X.

Добрая старушка.

Въ тотъ самый вечеръ, когда «восточный человѣкъ» имѣлъ свиданіе съ Толстобрюховымъ, Степанида Власьевна торопливо взошла къ Невѣжину и какъ-то таинственно проговорила, понижая голосъ:

— Вотъ что̀, Евгеній Алексѣичъ... Осмотрите-ка хорошенько, цѣлы ли ваши вещи...

— Что̀ случилось, Степанида Власьевна? Зачѣмъ мнѣ осматривать вещи?—спросилъ Невѣжинъ, удивленно взглядывая на озабоченное лицо доброй старушки.

— А то и случилось... Недаромъ не нравится мнѣ этотъ черномазый... Завтра же откажу ему!—продолжала старушка, внимательно оглядываясь по сторонамъ.—Ужъ вы, пожалуйста, Евгеній Алексѣичъ, осмотрите-ка у себя въ ящикахъ. Долго ли до грѣха... Ухо̀дите изъ дому—дверей не запираете; здѣсь, батюшка, всякаго отчаяннаго народу много... На то и Сибирь!

— Да у меня и осматривать-то особенно нечего...

— Ну, однако... На одномъ столѣ-то сколько вещей!.. И зачѣмъ вы вотъ этотъ портсигаръ не спрячете? — упрекнула старушка, указывая на большой серебряный портсигаръ, лежавшій на столѣ.—Всегда онъ у васъ здѣсь валяется. Не носите его, такъ лучше спрятать. То-то, видно, вамъ, петербургскимъ богачамъ, добра своего не жалко!—ворчала Степанида Власьевна, безпокойно слѣдя, какъ Невѣжинъ осматривалъ ящики письменнаго стола и комода.

— Ну, вотъ видите—напрасная тревога. Все цѣло!—объявилъ Невѣжинъ.

Но Степанида Власьевна тѣмъ не менѣе не успокоилась, а, напротивъ, еще таинственнѣе покачала головой.

— Странно, очень странно!—протянула она.

— Да вы успокойтесь, Степанида Власьевна. Присядьте-ка лучше да разскажите, въ чемъ дѣло.

— Присѣсть-то я присяду, а только дѣло совсѣмъ щекотливое. Никогда не бывало у меня такого подозрительнаго жильца, какъ вотъ этотъ!—сердито сказала старушка, энергично махнувъ маленькимъ кулачкомъ по направленію комнаты, въ которой жилъ черномазый.—Пьяницы, признаться, живали... ну, шумливый, безпокойный народъ,—это правда, но чтобы какая-нибудь, можно сказать, низкость,—этого, слава Богу, не случалось. Да и Прасковья-то наша сдурѣла, вѣдь только вотъ сейчасъ разсказала про его всѣ таинственности... Однако и ее ругать нельзя, если разсудить по совѣсти (хотя, признаться, я и намылила ей голову!—вставила старушка). Ей тоже не въ догадку, видите ли, зачѣмъ это онъ усылаетъ ее именно тогда, когда ни меня ни васъ нѣтъ дома. Непремѣнно завтра же велю ему убираться. Пусть онъ оставитъ насъ въ покоѣ!—снова сердито прибавила Степанида Власьевна, поправляя сбившійся на затылокъ старенькій, затасканный чепецъ.—Что ему нюхать по чужимъ комнатамъ!

— Да развѣ онъ нюхалъ, какъ вы говорите? — вставилъ, улыбаясь, Невѣжинъ, разсчитывая, что этотъ вопросъ приведетъ расходившуюся старушку къ скорѣйшему изложенію дѣла.

— То-то и есть, что нюхалъ, и, должно-быть, не одинъ разъ... Нѣтъ ли у васъ здѣсь какихъ-нибудь враговъ, Евгеній Алексѣичъ? — совсѣмъ неожиданно спросила Степанида Власьевна, видимо старавшаяся найти объясненіе мучившей ее загадки.

— Едва ли!—усмѣхнулся Невѣжинъ. — Я здѣсь почти никого не знаю.

— И я полагаю, что такъ. И съ какой стати имѣть вамъ враговъ?.. Кому вы мѣшаете? Нѣтъ, тутъ, видно, что-нибудь другое... Покойникъ мужъ мой всегда говорилъ: со всѣхъ сторонъ, говоритъ, Стешенька, вещь разгляди, и такъ и этакъ, тогда, говоритъ, найдешь и причину. Такъ вотъ, ушла я, видите ли, часу въ седьмомъ провѣдать одну знакомую. Утромъ, на базарѣ стряпка ея мнѣ сказывала, что барыня заболѣла,—простыла, вернувшись съ поля,—такъ я и пошла посидѣть къ ней. Тоже вѣдь больному человѣку скучно одному, да еще безо всякаго призору. Къ бѣдному больному человѣку кто пойдетъ!—простодушно вставила старушка, словно бы оправдываясь, что она ушла со двора.—Васъ дома не было, такъ я ужъ безъ васъ вашу-то комнату своимъ замкомъ заперла, а ключъ отдала Прасковьѣ. Хорошо-съ. Какъ только я за ворота, черномазый-то этотъ къ Прасковьѣ: «Сходи, говоритъ, въ булочную, на Большую улицу, сухариковъ сладкихъ купить. Тамъ, говоритъ, очень хорошіе сухарики!»—и заперъ за ней двери. А этому, съ позволенія сказать, варнаку вовсе не сухарики нужны были!

Старушка перевела духъ и, не замѣчая, повидимому, нетерпѣнія своего слушателя, съ прежнею обстоятельностью продолжала:

— Прошло этакъ, должно-быть, съ четверть часа, какъ Прасковья ходила, вернулась домой, стучится, а онъ что-то долго не отворяетъ. И покажись Прасковьѣ, будто въ вашей комнатѣ кто-то ходитъ. Думаетъ: вы дома, и давай шибче стучать. И послышалось ей, будто замокъ запираютъ; вслѣдъ затѣмъ раздались шаги, и двери отворилъ ей черномазый. Принялъ это онъ сухарики, далъ ей гривенникъ и ушелъ къ себѣ. Прасковья подошла къ вашей комнатѣ, глядитъ—на запорѣ; попробовала замокъ, а замокъ-то не замкнутъ,—впопыхахъ-то забылъ, вѣрно, подлый человѣкъ, запереть. Тогда Прасковья—за ключомъ; видитъ—ключъ не на томъ мѣстѣ, куда она его положила... Ну, замкнула она комнату, какъ слѣдуетъ, а у самой—сомнѣнія... Какъ я пришла домой, она мнѣ все и разсказала. Оказывается, что не въ первый разъ это онъ ее усылалъ. Навѣрное, онъ что-нибудь недоброе затѣваетъ!—заключила Степанида Власьевна свой разсказъ.

Невѣжинъ вспомнилъ странные звуки по ночамъ, раздававшіеся прежде въ комнатѣ сосѣда, вспомнилъ ночную встрѣчу съ подозрительной фигурой, напоминавшей ему того «рыжаго», котораго онъ видѣлъ вмѣстѣ съ бродяжкой на дорогѣ въ Ускоково, и разсказъ Степаниды Власьевны, вмѣстѣ съ этими фактами, пріобрѣталъ въ его глазахъ нѣкоторое значеніе.

«Но если бы его хотѣли обокрасть, то давно бы обокрали!»— подумалъ Невѣжинъ, недоумѣвая, вмѣстѣ со Степанидой Власьевной, о цѣли этихъ непрошенныхъ посѣщеній сосѣда.

— Ужъ не дѣло ли интересуетъ любопытнаго сосѣда?—проговорилъ, смѣясь, Невѣжинъ, машинально переводя взглядъ на толстое дѣло, лежавшее на столѣ.—Впрочемъ, къ чему оно ему?

— Какое дѣло? — торопливо переспросила Степанида Власьевна.

— Да вотъ о Толстобрюховѣ.

— О Толстобрюховѣ, Кирѣ Пахомычѣ? Что-жъ, видно, нехорошее это о немъ дѣло?

— Не очень хорошее, Степанида Власьевна!—засмѣялся Невѣжинъ.

— И вы дѐржите его на столѣ и уходите со двора, не запирая даже комнаты!?—испуганно воскликнула Степанида Власьевна.—Что̀ вы, что̀ вы, Евгеній Алексѣичъ! Какъ можно, батюшка?.. Сохрани Богъ, вы еще невинно въ бѣду попадете! Вѣдь этотъ самый Толстобрюховъ первый богачъ здѣсь... Онъ на все рѣшится... Покойникъ мой говорилъ, что такого отчаяннаго человѣка и между разбойниками нескоро найдешь... Изъ-за него ужъ погибъ одинъ пьянчужка-чиновникъ... Богачу-то ничего, а каково чиновнику-то съ семьей? Богъ-то правду видитъ, да не скоро скажетъ! Кто ихъ знаетъ, быть-можетъ, и черномазый-то за сухариками изъ-за этого самаго дѣла посылаетъ!.. Ахъ, какой же вы неосторожный, Евгеній Алексѣичъ... Спрячьте, спрячьте его поскорѣй,—волновалась старушка-чиновница, какъ видно, хорошо знавшая опасность храненія сибирскихъ дѣлъ.—Сейчасъ же спрячьте!

Невѣжинъ, нѣсколько изумленный такой настойчивостью испуганной старушки, однако послушался и заперъ дѣло въ ящикъ.

— Такъ-то оно лучше, а и еще того лучше — совсѣмъ не держать дѣлъ у себя.

— Завтра я его во всякомъ случаѣ снесу.

— Кончили, значитъ?

— То-то нѣтъ... хочу посовѣтоваться...

— И не носите его домой лучше... А насчетъ чего это дѣло? Оправить, что ли, хотятъ Кира Пахомыча?—полюбопытствовала старушка.

— Хотятъ-то хотятъ, но я хочу объяснить, что этого не слѣдуетъ...

Старушка любовно взглянула на молодого человѣка и, тихо покачивая головой, проговорила:

— Охъ, Евгеній Алексѣичъ, какъ бы вы не напрасно хлопотали... Оправятъ его и безъ васъ, если нужно...

Въ отвѣтъ на эти слова Невѣжинъ разсмѣялся.

— Однако вы, Степанида Власьевна, мрачно на людей смотрите...

— Насмотрѣлась я, батюшка, здѣсь-то, насмотрѣлась... Вамъ-то съ нову оно, пожалуй, и не такъ видно. Не доводилось, какъ посмотрю, вамъ со всякими людьми живать. Не то еще увидите. Ну, да, впрочемъ, извините, батюшка, я старуха простая, мелю-себѣ, что̀ на умъ взбредетъ. Дай вамъ Богъ успѣха. А ужъ завтра сосѣда у васъ не будетъ... Довольно ему по чужимъ комнатамъ лазить. Только—знаете ли что̀?—я этого ему прямо не скажу. Какъ вы думаете, вѣдь не слѣдуетъ говорить?

— Конечно, не слѣдуетъ.

— Ну вотъ, и я такъ думаю, какъ вы!—обрадовалась Степанида Власьевна.—Я ему скажу, что получила депешу, племянница, молъ, ѣдетъ. Хорошо будетъ такъ соврать?..

— Отлично.

— Богъ дастъ, и въ самомъ дѣлѣ вранье-то въ руку будетъ! Вотъ-то хорошо было бы!.. А ужъ очень-то хвалила васъ Зиночка,—простодушно прибавила Степанида Власьевна, не замѣчая, какое хорошее впечатлѣніе произвели эти слова на молодого человѣка.

Старушка ушла, осмотрѣвъ предварительно со вниманіемъ всѣ болты въ ставняхъ и посовѣтовавъ на ночь запирать изнутри дверь на задвижку, а Невѣжинъ долго еще ходилъ по комнатѣ, обрадованный, что эта дѣвушка хвалила его, недостойнаго, и какія-то смутныя надежды невольно закрадывались въ его сердце.

Рѣзкій звонокъ вывелъ его изъ задумчивости. Онъ заглянулъ за дверь и увидалъ телеграфиста.

— Не мнѣ ли телеграмма?

— Нѣтъ, Степанидѣ Власьевнѣ.

— Вотъ диковина. Отъ кого бы это?.. Ужъ не случилось ли чего съ сыновьями?—испуганно говорила Степанида Власьевна, принимая дрожащими руками депешу. — Страсть не люблю я этихъ депешъ. Ну-ка, прочтите поскорѣй, Евгеній Алексѣичъ, а то безъ очковъ мнѣ и не прочитать.

Невѣжинъ расписался въ полученіи телеграммы и громко прочиталъ слѣдующее:

«Ѣду на «Ермакѣ». Буду Жиганскѣ субботу».

И еще веселѣе и громче, голосомъ, полнымъ волненія, прочелъ подпись: «Зинаида Степовая».

— Ну, вотъ и напророчила!—радостно воскликнула добрѣйшая старушка.—Ну, вотъ и «суприз». Теперь и врать не

надо. Прасковья, слышала?—обратилась она къ Прасковьѣ, которая, проводивъ телеграфиста, уже стояла въ дверяхъ съ вытаращенными глазами по поводу такого неожиданнаго событія, какъ полученіе ея барыней телеграммы.

— А что?—испуганно отозвалась старая стряпка.

— Какъ что?.. Зиночка ѣдетъ... вотъ что!

Едва ли сколько-нибудь привлекательное даже и въ дни цвѣтущей молодости, широкое, скуластое, съ плоскимъ носомъ, Прасковьино лицо, обыкновенно суровое и угрюмое, вдругъ растянулось въ самую добродушную улыбку. Казалось, все лицо ея улыбалось: и носъ, и щеки, и подбородокъ, и большіе, нѣсколько напоминавшіе тюленьи, глаза. И эта улыбка скрасила некрасивое лицо выраженіемъ любви и доброты.

— Зинаида Николаевна?—переспросила она и вдругъ весело засмѣялась.—Этого, значитъ, вонъ?

— Завтра же вонъ...

— Ужъ я ему сегодня скажу, какъ вернется.

— И скажи... Однако извините, Евгеній Алексѣичъ,—спохватилась Степанида Власьевна:—мы тутъ-то у васъ болтаемъ и только вамъ мѣшаемъ.

Но Невѣжинъ удержалъ старушку. Ему такъ хотѣлось поговорить о Зинаидѣ Николаевнѣ. И они вдвоемъ долго еще болтали о ней. Старуха-тетка много разсказывала объ этой доброй «славной Зиночкѣ», вспоминая ея гимназическую жизнь.

— Никогда не забывала она тетку-то свою! — прибавила, смахивая съ глазъ слезы, растроганная старушка, заключая свои воспоминанія.—И самой-то, должно-быть, въ Питерѣ не сладко приходилось, а она нѣтъ-нѣтъ да и пришлетъ деньжонокъ либо мнѣ, либо моимъ сыновьямъ. Рѣдкая дѣвушка Зиночка!..

Невѣжинъ долго не могъ уснуть и все расхаживалъ по комнатѣ, мечтая о близкомъ пріѣздѣ Зинаиды Николаевны. Самые разнообразные планы сплетались въ его головѣ, и будущая жизнь казалась ему полной смысла и значенія, точно пріѣздъ этой дѣвушки долженъ былъ совсѣмъ передѣлать его жизнь.

«А жена?»—пронеслась, какъ молнія, мысль въ его головѣ, и всѣ эти смѣлыя мечты о новомъ счастіи разлетѣлись въ прахъ. И мрачное настроеніе овладѣло молодымъ человѣкомъ.

Да наконецъ развѣ смѣетъ онъ думать о счастіи?.. Развѣ въ отвѣтъ на его признаніе не отвѣтила она, что не можетъ раздѣлить его чувства?..

Грустный онъ легъ наконецъ спать и долго еще думалъ о своихъ отношеніяхъ къ Зинаидѣ Николаевнѣ. Какъ обыкно-

венно бываетъ съ безхарактерными людьми, быстро переходящими отъ впечатлѣнія къ впечатлѣнію, онъ скоро успокоился на мысли, что будетъ пользоваться дружбой молодой дѣвушки.

«И это ужъ счастіе!»—шепталъ онъ, засыпая съ сладкими мечтами о такомъ счастіи, которое однако рисовалось ему не въ отвлеченной формѣ, а воплощенное въ красивомъ образѣ молодого, полнаго жизни, женскаго существа...

Онъ уже не различалъ, мечталъ ли онъ или въ грезахъ сна видитъ красивую, задумчивую дѣвушку, какъ вдругъ пронзительный лай на дворѣ разбудилъ его, разсѣявъ чудное видѣнье.

Собака вдругъ смолкла. Невѣжинъ сталъ прислушиваться. Рядомъ раздавался храпъ сосѣда. Молодой человѣкъ собирался-было снова заснуть, какъ вдругъ до его слуха явственно донесся тихій стукъ ставней въ сосѣдней комнатѣ.

Невѣжинъ тихо приподнялся и сталъ слушать. Не было сомнѣнія, что пробовали отворить окно.

Онъ ощупалъ подъ подушкой револьверъ и, охваченный волненіемъ, сталъ ждать, что̀ будетъ дальше.

XI.

«Сибирскія» ощущенія.

Прошло нѣсколько мгновеній въ напряженномъ ожиданіи. Послѣ стуковъ, повторившихся нѣсколько разъ, вновь наступила мертвая тишина. Но ненадолго. Черезъ минуту Невѣжинъ услыхалъ чьи-то осторожные шаги около дома, и вслѣдъ затѣмъ тотъ же стукъ, но ужъ болѣе смѣлый и громкій, повторился у слѣдующаго окна. Очевидно, нетерпѣливая рука вора, разсчитывавшаго на крѣпкій сонъ квартиранта, дѣйствовала ужъ слишкомъ безцеремонно.

Страстное желаніе новыхъ ощущеній, доселѣ никогда не испытанныхъ, безотчетно охватило молодого человѣка, и въ его умѣ быстро созрѣлъ планъ поймать смѣлаго вора.

Осторожно, стараясь не нашумѣть, поднялся онъ съ постели и перешелъ въ сосѣднюю комнату. Свѣтъ, проникавшій сквозь щели ставней, позволилъ ему оглядѣться въ полумракѣ. Снова раздался стукъ у третьяго окна. Тогда Невѣжинъ быстро подошелъ къ крайнему, четвертому окну, выходившему на дворъ, чуть слышно вынулъ чеку изъ болта и, возбужденный, притаивъ дыханіе, прижался въ простѣнкѣ между двумя окнами, испытывая ощущеніе, подобное тому, что̀ испытываютъ страстные охотники, поджидая звѣря.

Разсчетъ Невѣжина оказался вѣрнымъ. Черезъ нѣсколько

мгновеній раздались шаги, и послышался стукъ. Ставень подался и полегоньку отворился съ тихимъ скрипомъ. Блѣдный, слабый свѣтъ зачинающагося утра разсѣялъ мракъ комнаты, и снова наступила тишина.

Невѣжинъ чувствуетъ, что сердце его бьется чаще, и что нервная дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу. Ему вдругъ дѣлается жутко. Разные разсказы объ отчаянныхъ сибирскихъ грабителяхъ, не останавливающихся передъ убійствомъ, невольно приходятъ въ голову. Онъ упрекаетъ себя въ малодушіи и крѣпче сжимаетъ въ рукѣ маленькій револьверъ.

Струя сырого, холоднаго воздуха ворвалась въ комнату черезъ отворенное тихо окно. Невѣжинъ подобрался, повернулъ голову и ждетъ, чувствуя, какъ закипаетъ въ немъ злобное чувство къ ближнему, одновременно съ волненіемъ страха и какого-то страннаго любопытства.

Прошло нѣсколько секундъ томительнаго ожиданія, пока изъ окна высунулась коротко остриженная, съ маленькою плѣшью, рыжая голова. Вслѣдъ затѣмъ Невѣжинъ увидалъ безбородую, отвратительную рябую физіономію того самаго «рыжаго», съ которымъ Невѣжинъ вмѣстѣ плылъ на баржѣ и потомъ встрѣтился въ лѣсу.

При видѣ этого героя петербургскихъ трущобъ, молодой человѣкъ сталъ гораздо спокойнѣе и, не двигаясь, ждалъ момента, когда воръ влѣзетъ въ окно.

Не подозрѣвая опасности, «рыжій» перелѣзъ въ комнату и хотѣлъ уже двинуться далѣе, какъ вдругъ, повернувъ голову, увидалъ передъ собой Невѣжина съ револьверомъ въ рукѣ, направленнымъ въ него.

Эта неожиданная встрѣча до того поразила «рыжаго», что онъ въ первую минуту ошалѣлъ отъ изумленія и глядѣлъ испуганнымъ, трусливымъ взглядомъ на молодого человѣка, словно бы спрашивая: что̀ это значитъ?

— Если двинешься съ мѣста, пущу пулю въ лобъ!—внушительно проговорилъ Невѣжинъ, замѣтивъ движеніе «рыжаго» броситься къ окну.

Тотъ замеръ на мѣстѣ, вздрагивая и безпомощно озираясь вокругъ своими бѣгающими воровскими глазами.

— Ты одинъ пришелъ?—допрашивалъ Невѣжинъ.

— Одинъ!

— Ты зналъ, что я здѣсь живу?

— Нѣтъ, не зналъ, ей-Богу, не зналъ... Если-бъ я зналъ, то ни за что бы не полѣзъ къ вамъ... Я тоже добро помню...

— Ты бывалъ здѣсь прежде?.. Помнишь, въ ночь послѣ того, какъ я тебя встрѣтилъ въ лѣсу? Я вѣдь узналъ тебя...

— Это правда. Я заходилъ сюда...

— Зачѣмъ? Не къ Келасури ли ты заходилъ?

Невѣжину показалось, что при этомъ имени лицо «рыжаго» смутилось.

— Нѣтъ, я такого не знаю... Такъ заходилъ понавѣдаться,—не лежитъ ли что плохо...

— Ты, братъ, лжешь, и я сейчасъ же выстрѣломъ разбужу сосѣдей!

— Не губите меня, господинъ Невѣжинъ, и я вамъ за это разскажу всю правду!—взмолился «рыжій».

— То-есть какъ это не губить?

— Дайте мнѣ хорошую затрещину за мою неосторожность и отпустите меня... Клянусь Богомъ, я сегодня же уберусь изъ Жиганска, будь онъ проклятъ!

Молодой человѣкъ, казалось, раздумывалъ.

— Какая вамъ польза, если вы меня задержите?—продолжалъ шопотомъ «рыжій».—Я вѣдь все равно убѣгу... Только введете меня въ лишній расходъ на полицію да лишняго врага наживете, а узнать—ничего не узнаете... Я вѣдь не васъ обкрадывать пришелъ! — таинственно прибавилъ «рыжій».—Дайте слово, что отпустите меня, и я вамъ услужу, а самъ поскорѣй уйду изъ этого города. То ли дѣло въ Питерѣ!..—заключилъ «рыжій» съ цинической усмѣшкой.

— Ну, чортъ съ тобой, разсказывай!—проговорилъ Невѣжинъ, невольно заинтересованный.

— Я вѣрю такому господину, какъ вы. Такъ слушайте: приходилъ я сюда за дѣломъ, которое лежитъ у васъ на письменномъ столѣ.

— По порученію Келасури?

«Рыжій» утвердительно махнулъ головой и чуть слышно прошепталъ:

— Дѣло-то, господинъ Невѣжинъ, уберите поскорѣй. За выкрадку хорошія деньги даютъ... Да опасайтесь сосѣда... Я его еще въ Питерѣ знавалъ. Онъ—отчаянный человѣкъ, даромъ что франтомъ одѣтъ. И очень ловокъ... Затѣмъ, съ вашего позволенія, я удалюсь!—униженно проговорилъ «рыжій».

Невѣжинъ кивнулъ головой. «Рыжій» быстро перелѣзъ черезъ окно и, скрывшись въ калиткѣ, побѣжалъ по улицѣ.

Молодой человѣкъ заперъ окно и, вздрагивая отъ холода, бросился въ постель. Но заснуть ужъ онъ не могъ отъ только-что испытаннаго волненія. Наконецъ онъ зажегъ свѣчку и сталъ читать.

Вскорѣ онъ убѣдился, что и его странный сосѣдъ не спитъ. За стѣной раздавались его мѣрные и спокойные шаги по комнатѣ.

Наступившее затѣмъ дождливое, холодное утро, предвѣщавшее наступленіе осени, было полно неожиданностей.

Во-первыхъ, какъ только Прасковья внесла самоваръ, явилась Степанида Власьевна и въ смущеніи объявила, что сосѣдъ настоятельно проситъ отложить переѣздъ до слѣдующаго дня, протестуя противъ такого внезапнаго предложенія перемѣнить квартиру.

— Какъ быть? посовѣтуйте, голубчикъ!—спрашивала Невѣжина добрая старушка.

— Пригрозите ему, что вы обратитесь въ полицію...

— Грозить-то я боюсь... Кто знаетъ, какъ онъ отплатитъ за это...

— Такъ пусть до завтрашняго дня проживетъ. Дѣло-то я сегодня же унесу.

— Скорѣе бы онъ убрался только!—вздохнула Степанида Власьевна.—А ужъ я безъ васъ не выйду изъ дому—будьте спокойны!—внушительно промолвила она, уходя отъ Невѣжина.

Напившись чаю, Невѣжинъ досталъ изъ письменнаго стола объемистое толстобрюховское дѣло, внимательно пересмотрѣлъ въ немъ всѣ страницы, затѣмъ перечиталъ свою памятную записку, составленную для Василія Андреевича, положилъ ее въ портфель и собирался-было уходить, какъ въ двери къ нему тихо постучали.

— Войдите!

Въ дверяхъ появился неожиданный гость—Сикорскій.

Хотя Невѣжинъ и встрѣчался съ Михаиломъ Яковлевичемъ въ домѣ у Василія Андреевича, и хотя Сикорскій былъ всегда необыкновенно ласковъ съ Невѣжинымъ, тѣмъ не менѣе Невѣжинъ до сихъ поръ не дѣлалъ визита Сикорскому, и потому появленіе его, да еще въ такой ранній часъ, нѣсколько удивило молодого человѣка.

Вкрадчивый и любезныи, какъ всегда, Михаилъ Яковлевичъ извинился, что такъ рано побезпокоилъ милѣйшаго Евгенія Алексѣевича, пожалъ руку съ своей обычной сладкой улыбкой и, присаживаясь, шутливо прибавилъ:

— Я потревожилъ ваше одиночество въ качествѣ чрезвычайнаго посланника. Старикъ нашъ послалъ меня просить васъ сейчасъ принести къ нему дѣло Толстобрюхова.

«Опять это дѣло! Всѣ точно сговорились заботиться о немъ!»—невольно усмѣхнулся про себя Невѣжинъ и проговорилъ, придвигая Сикорскому ящикъ съ папиросами:

— Я только-что собирался нести его...

— И отлично. Если угодно, поѣдемъ вмѣстѣ, у меня извозчикъ. А то нашъ старикъ рветъ и мечетъ...

— Это почему?

— Да сейчасъ ему доложили, будто это дѣло хотятъ похитить. Вы понимаете, какая могла бы быть непріятность для старика, если бы этотъ слухъ оказался справедливымъ...

Невѣжинъ изумился. Откуда могли узнать объ этой исторіи?

— Вы удивляетесь?—усмѣхнулся Сикорскій.—Вамъ непонятна цѣль, съ которой хотѣли украсть дѣло?

— Признаюсь, все это не совсѣмъ для меня понятно...

— Поживете здѣсь—просвѣтитесь! Цѣль очень некрасивая—шантажъ...

Невѣжинъ совсѣмъ былъ сбитъ съ толку этимъ заявленіемъ.

— Здѣсь немало негодяевъ, которые непрочь добывать себѣ средства такимъ путемъ!—проговорилъ съ благороднымъ негодованіемъ Сикорскій.—Вчера къ Толстобрюхову явился нѣкій артистъ, сосѣдъ вашъ, требуя денегъ за какое-то письмо и предлагая украсть дѣло. Но только, пожалуйста, чтобы все это было между нами... Старикъ просилъ не разглашать объ этой исторіи,—вставилъ Сикорскій.—Здѣсь вѣдь насъ, ссыльныхъ, не долюбливаютъ, особенно если намъ даютъ возможность честно заработать кусокъ хлѣба,—прибавилъ Сикорскій и меланхолически вздохнулъ.

— И самъ Толстобрюховъ сказалъ объ этомъ Василію Андреевичу?—спросилъ Невѣжинъ, не совсѣмъ довольный замѣчаніемъ Сикорскаго о «насъ, ссыльныхъ».

Сикорскій на это отвѣтилъ какъ-то уклончиво, умолчавъ однако, что сообщилъ объ этой исторіи онъ самъ и что намекнулъ при этомъ Василію Андреевичу на опасность давать дѣла «такимъ неопытнымъ молодымъ людямъ, какъ милѣйшій Евгеній Алексѣевичъ», къ которому, кстати замѣтить, Сикорскій питалъ не особенно дружелюбныя чувства, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Невѣжинъ замѣнилъ Сикорскаго въ качествѣ домашняго секретаря.

Умолчалъ Михаилъ Яковлевичъ также и о томъ, что поѣхалъ онъ къ Василію Андреевичу доложить объ этой исторіи вслѣдъ за тѣмъ, какъ Толстобрюховъ, цѣня въ Сикорскомъ опытнаго совѣтника, рано утромъ пріѣзжалъ къ Михаилу Яковлевичу посовѣтоваться и уѣхалъ отъ него къ полицеймейстеру, значительно успокоенный.

— Тутъ, Евгеній Алексѣевичъ, надо быть очень, очень осторожнымъ,—замѣтилъ Сикорскій.—Ужъ вы извините, что я позволяю себѣ лѣзть съ непрошенными совѣтами, но повѣрьте...

Онъ не договорилъ, а только нѣжно взглянулъ на молодого человѣка и взялся за свой фетръ.

— Такъ поѣдемъ вмѣстѣ? — сказалъ онъ, подымаясь со стула.

— Поѣдемте.

Дорогой Сикорскій, между прочимъ, полюбопытствовалъ узнать, написалъ ли Невѣжинъ докладъ, и какое впечатлѣніе произвело на него чтеніе толстобрюховскаго дѣла.

Невѣжинъ отвѣтилъ, что доклада не писалъ, но составилъ для Василія Андреевича памятную записку.

— А изъ чтенія дѣла я вывелъ заключеніе, что этотъ Толстобрюховъ большой мерзавецъ, и что Василій Андреевичъ, вѣроятно, былъ введенъ въ заблужденіе, имѣя намѣреніе просить за такого негодяя.

Сикорскій выслушалъ эту горячо-произнесенную тираду, не моргнувъ глазомъ, и только во взглядѣ его промелькнуло выраженіе не то насмѣшки, не то презрѣнія, когда онъ проговорилъ:

— Однако вы изъ горяченькихъ, многоуважаемый Евгеній Алексѣичъ!..

И при этомъ засмѣялся тихимъ, сдержаннымъ смѣхомъ, открывая рядъ своихъ бѣлыхъ зубовъ, что̀ придавало его худому длинному лицу нѣкоторое сходство съ лисьей мордой.

Хотя Василій Андреевичъ и нахмурился, когда Невѣжинъ, вмѣсто доклада, подалъ ему краткую памятную записку, но, прочитавъ ее, онъ вполнѣ согласился, что просить за Толстобрюхова невозможно.

— Спасибо вамъ, Евгеній Алексѣичъ, за работу. Я просмотрю дѣло еще разъ самъ. Меня, кажется, съ этимъ Толстобрюховымъ ввели въ заблужденіе!—вставилъ старикъ, бросая взглядъ на безмолвно сидѣвшаго у окна Сикорскаго.

И затѣмъ, прощаясь съ Невѣжинымъ, старикъ проговорилъ:

— А объ этомъ предполагаемомъ похищеніи дѣла, пожалуйста, никому ни слова. Этого мерзавца Келасури сегодня же вышлютъ изъ города. Ну, а теперь частная просьба. Жена нездорова и проситъ васъ посидѣть съ ней вечеръ. Непремѣнно приходите...

Невѣжинъ возвращался домой въ хорошемъ расположеніи духа. Сознаніе, что и онъ на что-нибудь полезенъ, нѣсколько пріободрило его. По крайней мѣрѣ, есть хоть маленькое дѣло, о которомъ онъ можетъ, не краснѣя, сообщить Зинаидѣ Николаевнѣ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что это первое дѣло, порученное ему, получитъ то направленіе, которое диктовала человѣческая справедливость, не подозрѣвая въ эту минуту, что сегодня же будутъ пущены въ ходъ всѣ возможныя пружины, чтобы измѣнить мнѣніе Василія Андреевича.

Дома Невѣжина встрѣтила Степанида Власьевна таинственнымъ сообщеніемъ, что отъ жильца только-что уѣхалъ частный приставъ, о чемъ-то бесѣдовавшій съ нимъ цѣлыхъ полчаса, и что жилецъ укладывается, собираясь сегодня же уѣзжать.

— И только злой онъ какой, если-бъ вы знали!—прибавила Степанида Власьевна.—Прасковья слышала, какъ онъ кому-то грозился. «Я, говоритъ, имъ задамъ. Будутъ еще меня помнить!» Ужъ не мнѣ ли онъ собирается задать? какъ вы думаете?—испуганно спрашивала старушка.

XII.

Толстобрюховская исторія».

— Надѣюсь, вы къ намъ, Евгеній Алексѣевичъ?—любезно остановилъ Василій Андреевичъ въ тотъ же вечеръ Невѣжина, встрѣтивъ его на улицѣ.

Невѣжинъ отвѣтилъ утвердительно.

— И отлично, отлично... жена васъ ждетъ! — весело продолжалъ Ржевскій-Пряникъ, пожимая руку Невѣжину.—Развлеките хоть вы ее, молодой человѣкъ, а то у Marie опять нервы... Когда у нея шалятъ нервы, она хандритъ, бѣдная... А ужъ меня извините—иду въ собраніе... Надо показаться въ обществѣ...

Старикъ вдругъ оборвалъ рѣчь, весь какъ-то подтянулся, пріосанился, выпячивая впередъ грудь, и, бросая умильный взглядъ на проходившую мимо молодую миловидную женщину, проговорилъ, понижая голосъ, по-французски:

— Замѣтили? Очень недурна, а? И сложена какъ!—игриво продолжалъ онъ, слегка подталкивая молодого человѣка.—Должно-быть, не здѣшняя... Одѣта со вкусомъ и прехорошенькая. Вы не знаете, кто такая?

Невѣжинъ невольно улыбнулся, глядя на пѣтушившагося старика, и отвѣчалъ, что не знаетъ.

— Вѣрно, пріѣзжая... Здѣшнія туземки не очень-то часто ласкаютъ глазъ,—разсмѣялся Василій Андреевичъ, провожая любопытнымъ взглядомъ турнюръ удалявшейся женщины.—На этотъ счетъ вамъ здѣсь будетъ плохо, молодой человѣкъ!—прибавилъ старикъ, подмигивая глазомъ.

И затѣмъ, снова принимая степенный видъ, Василій Андреевичъ спросилъ:

— Ну, а этотъ мерзавецъ, сосѣдъ вашъ, уѣхалъ?

— Уѣхалъ.

— То-то... Я просилъ, чтобы его немедленно выпроводили...

Кстати, еще разъ попрошу васъ обо всей этой исторіи никому ни слова... Держите ее въ строжайшемъ секретѣ...

— Будьте спокойны, Василій Андреевичъ.

— И лучше женѣ ничего не говорите. Вы вѣдь знаете, дамы не умѣютъ держать секретовъ!—конфиденціально прибавилъ старикъ, прощаясь съ молодымъ человѣкомъ.

А между тѣмъ слухи объ этой «исторіи» съ утра облетѣли городъ и успѣли уже принять характеръ чудовищной сплетни, въ которой крупица правды была окутана самыми фантастическими подробностями. И главнымъ виновникомъ этихъ слуховъ былъ, разумѣется, самъ же Василій Андреевичъ, который не удержался, чтобы не разсказать «подъ строжайшимъ секретомъ» эту «исторію» чуть ли не всѣмъ лицамъ, бывшимъ у него въ тотъ же день, и такимъ образомъ, благодаря болтливости Ржевскаго-Пряника, весь городъ говорилъ о толстобрюховскомъ дѣлѣ. Разсказывали, будто Невѣжинъ прямо-таки за три тысячи привезъ дѣло Толстобрюхову, который тутъ же его и сжегъ въ печкѣ; ходили, впрочемъ, и другіе варіанты сплетни, а именно—будто Толстобрюховъ подкупилъ какого-то человѣка, и тотъ ночью похитилъ дѣло, ранивъ при этомъ Невѣжина. На другой день уже передавали за вѣрное, что Толстобрюховъ сидитъ въ острогѣ, но вслѣдъ затѣмъ, когда многіе видѣли Толстобрюхова на улицѣ, «исторія» передавалась подъ другимъ соусомъ, и торжество Толстобрюхова не подвергалось никакому сомнѣнію. Обыватели только разсчитывали, во что обойдется Киру Пахомовичу вся эта «музыка». Наконецъ, когда изо всѣхъ этихъ разнообразныхъ варіантовъ выяснилась болѣе или менѣе правдивая версія, обыватели не хотѣли вѣрить, что дѣло Толстобрюхова цѣло и лежитъ на письменномъ столѣ Василія Андреевича. Редакторъ мѣстной газеты хотѣлъ-было сообщить «вѣрное» извѣстіе объ этомъ дѣлѣ, но вѣрное извѣстіе не могло попасть въ газету, словно бы для того, чтобы публика продолжала повторять невѣрныя извѣстія.

Виновникъ всѣхъ этихъ толковъ, всколыхавшихъ на нѣсколько дней стоячее провинціальное болото, Киръ Пахомычъ Толстобрюховъ былъ крайне недоволенъ оборотомъ, какой вдругъ приняло его дѣло, и находился въ мрачномъ расположеніи духа.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не обидно?

Онъ пожертвовалъ цѣлыхъ пять тысячъ на благотворительныя дѣла, въ полной увѣренности, что этой цѣной онъ возстановитъ свои права, при слѣдующихъ же выборахъ

сдѣлается городскимъ головой и такимъ образомъ увѣнчаетъ свою карьеру. Ему обѣщали, за него хлопотали разные чиновники, связанные съ нимъ болѣе или менѣе крупными подачками; самъ Василій Андреевичъ, котораго нельзя было подкупить деньгами, но можно было задобрить лестью, намекнулъ ему, что все, что отъ него зависитъ, будетъ сдѣлано, и вдругъ какой-то пріѣзжій мальчишка становится на дорогѣ этому искушенному во всякихъ темныхъ дѣлахъ милліонеру, привыкшему въ теченіе долгой своей жизни деньгами оплачивать всякую мерзость и считать чуть ли не всякаго человѣка за товаръ, продающійся по сходной цѣнѣ.

Сикорскій, первый сообщившій Киру Пахомычу о новомъ оборотѣ дѣла, явился вмѣстѣ съ тѣмъ на другой день и ангеломъ-утѣшителемъ. Онъ совѣтовалъ не унывать, онъ надѣялся, что «старикъ, прочитавши дѣло, убѣдится въ совершенной невинности почтеннаго Кира Пахомыча» и пойметъ, что судъ, оставивши его въ подозрѣніи, совершилъ величайшую несправедливость. О, онъ знаетъ, и, по несчастію, горькимъ опытомъ, какъ часто страдаютъ невинные люди за свою довѣрчивость.

Михаилъ Яковлевичъ говорилъ такъ убѣдительно, и при этомъ съ такимъ трогательнымъ смиреніемъ, что Киръ Пахомычъ, не привыкшій къ изысканному лицемѣрію и тонкой артистической игрѣ столичныхъ дѣльцовъ и дѣйствовавшій всегда съ грубой наглостью сибирскаго «чумазаго», вытаращилъ еще болѣе свои пучеглазые глаза и, слушая эти рѣчи, на минуту повѣрилъ въ голубиную чистоту краснорѣчиваго оратора.

Но только на одну минуту, не болѣе.

Этотъ матерой сибирскій волкъ, привыкшій «рвать съ нахрапу», былъ все-таки настолько уменъ и настолько зналъ людей, что сквозь туманъ трогательныхъ рѣчей сейчасъ же почуялъ въ своемъ собесѣдникѣ такого же матерого волка, какъ и онъ самъ, но только волка петербургскаго, умѣвшаго заговаривать зубы и носить овечью шкуру.

И хотя Киръ Пахомычъ въ отвѣтъ и промолвилъ изъ приличія, что «на свѣтѣ много несправедливыхъ дѣловъ бываетъ», и даже крякнулъ при этомъ, желая изобразить сочувственный вздохъ, но по всему было видно, что онъ не почувствовалъ надлежащимъ образомъ невинности Михаила Яковлевича и въ глубинѣ души, вѣроятно, осудилъ Сикорскаго за то, что онъ, несмотря на свое образованіе и умъ, тратитъ время на пустые разговоры, тогда какъ надо говорить дѣло.

— Такъ вы полагаете, Михаилъ Яковлевичъ, что дѣло по-

вернется по-старому?—спрашивалъ Киръ Пахомычъ, нѣсколько успокоенный словами своего утѣшителя.

— Весьма вѣроятно!—промолвилъ Михаилъ Яковлевичъ, но уже болѣе сухимъ тономъ. — По крайней мѣрѣ, я такъ полагаю, хотя, разумѣется, увѣрить васъ въ этомъ не могу. «Старикъ» перемѣнчивъ.

— Нельзя ли заплатить этому Невѣжину, язви его!—задалъ вопросъ Киръ Пахомычъ съ своей обычной грубостью.

Сикорскій иронически улыбнулся.

— Пожалуй, что и нельзя.

— Богатъ онъ, что ли?

— Нѣтъ, не богатъ.

— Такъ отчего же нельзя?—простодушно улыбнулся Толстобрюховъ.

— Не возьметъ!

— Видно, глупъ еще мальчишка?—переспросилъ Киръ Пахомычъ.

— Глупъ не глупъ, а нельзя!—нетерпѣливо замѣтилъ Сикорскій.

— Такъ какъ же быть?

— А вы вотъ лучше, Киръ Пахомычъ, отправляйтесь-ка сейчасъ по своимъ благопріятелямъ да ихъ попросите, какъ слѣдуетъ...

— Къ кому?—промолвилъ Толстобрюховъ, почесывая затылокъ.

— Да вотъ, напримѣръ, Иванъ Петровичъ Пятиизбянскій могъ бы замолвить за васъ доброе словечко Василію Андреевичу. «Старикъ» цѣнитъ его совѣты и, можно нами сказать, побаивается Ивана Петровича. Ну, а затѣмъ прощайте. Желаю вамъ успѣха! О моемъ участіи ни слова!

— А ужъ я васъ, Михаилъ Яковлевичъ, ужо поблагодарю за ваши добрые совѣты!—проговорилъ, понижая голосъ, Киръ Пахомычъ, съ особенной нѣжностью пожимая руку Сикорскаго.

Сикорскій отступилъ шагъ назадъ, презрительно оглядѣлъ хозяина съ ногъ до головы и, злобно усмѣхнувшись, строго проговорилъ:

— Вы все глупости говорите. Не надо мнѣ никакой благодарности. Я вѣдь взятокъ не беру. Умѣйте впередъ лучше различать людей!

И съ этими словами, гордо приподнявъ голову, онъ вышелъ изъ кабинета, оставивъ Кира Пахомыча съ вытаращенными глазами.

«Изъ-за чего же онъ орудуетъ?»—задавалъ себѣ вопросъ и

не могъ его рѣшить Толстобрюховъ въ то время, какъ славный кровный сѣрый конь мчалъ Кира Пахомыча къ г. Пятиизбянскому.

«Этотъ вотъ даромъ не станетъ хлопотать!» — вздохнулъ Толстобрюховъ, поднимаясь минутъ черезъ пять къ своему благопріятелю и раздумывая, сколько придется ему заплатить за «доброе словечко».

XIII.

«Пентефріева жена».

Въ этотъ злополучный вечеръ, когда Василій Андреевичъ съ такою легкомысленною настойчивостью упрашивалъ Невѣжина развлечь свою скучающую супругу, забывши, по примѣру многихъ мужей, что во время «нервовъ» подобныя развлеченія для женщинъ въ сорокъ лѣтъ, да еще съ такимъ увлекающимся темпераментомъ, какъ у Марьи Петровны, весьма и весьма опасны,—въ этотъ вечеръ, вслѣдъ за звонкомъ Невѣжина въ квартиру Ржевскихъ, вмѣсто красноносаго, высокаго лакея Филата, двери отворила пожилая, худощавая, одѣтая съ щегольской опрятностью, петербургская горничная, которую Марья Петровна называла Пашей, а остальная прислуга и даже многіе чиновники почтительно величали Прасковьей Никаноровной.

Ея манеры, хорошо сидящее темное шерстяное платье, ловко надѣтый бѣлый чепчикъ, съ распущенными, по-французски, сзади концами, сразу обличали хорошо выдрессированную горничную, привыкшую жить въ «хорошихъ домахъ»,— а какой-то видъ особой значительности, сказывающійся подъ скромно сдержаннымъ выраженіемъ худого, смуглаго, «себѣ на умѣ» лица напомнилъ Невѣжину знакомый типъ любимицъ-горничныхъ, которыя подолгу живутъ въ домѣ, знаютъ отлично привычки, слабости и любовныя шашни своихъ барынь и умѣютъ хранить въ тайнѣ ихъ секреты, пользуясь за то особеннымъ положеніемъ и дѣлаясь незамѣнимыми.

— Барыня не такъ здорова и проситъ пожаловать къ ней въ кабинетъ!—привѣтливо промолвила Паша, снимая пальто съ Невѣжина и взглядывая на молодого человѣка тѣмъ ласково-почтительнымъ взоромъ, какимъ смотритъ прислуга на гостей, особенно пріятныхъ хозяевамъ.

— Вы, вѣрно, не здѣшняя?—спросилъ ее Невѣжинъ.

— Еще бы! Мы—петербургскія... — не безъ достоинства отвѣчала, улыбаясь, Паша. — Я у барыни ужъ пятнадцать лѣтъ живу, съ тѣхъ поръ, какъ онѣ вышли замужъ!—приба-

вила она и вслѣдъ затѣмъ безшумно скрылась изъ прихожей.

Невѣжинъ вошелъ въ большую, пустынную залу, прошелъ черезъ слабо освѣщенную гостиную и, остановившись у запертыхъ дверей съ опущенными портьерами, тихо постучалъ.

— Entrez, entrez!—глухо донесся до него мягкій ласковый голосъ.

Онъ отворилъ двери и, приподнявъ портьеру, очутился въ небольшой комнатѣ, обитой «веселенькимъ» кретономъ. Эту комнату хозяйка называла своимъ «маленькимъ кабинетомъ», куда допускались только близкіе люди.

Этотъ маленькій кабинетъ былъ уютнымъ женскимъ гнѣздышкомъ, убраннымъ съ кокетливымъ вкусомъ избалованной женщины, привыкшей къ изящному комфорту и хорошо понимавшей, что въ извѣстные годы обстановка много значитъ.

Мягкая мебель,—низенькіе пуфы, диванчики и стульчики, обитые разноцвѣтной матеріей,—цвѣты въ красивыхъ горшкахъ и жардиньеркахъ, крошечный письменный столъ съ нѣсколькими фотографіями, изящная этажерка, два-три японскихъ столика съ массой дорогихъ бездѣлокъ, пышный туалетный алтарь, весь въ лентахъ и кружевахъ, и большое трюмо въ углу, — таково было убранство этого гнѣздышка, освѣщеннаго томнымъ свѣтомъ матоваго голубого фонаря и небольшой лампы подъ нѣжнымъ абажуромъ на небольшомъ столикѣ передъ диванчикомъ, на которомъ полулежала съ книгой въ рукѣ Марья Петровна.

Въ комнатѣ стоялъ тонкій, раздражающій ароматъ женскаго будуара; веселый огонекъ камина привѣтливо горѣлъ въ нѣжномъ полусвѣтѣ этого уютнаго уголка.

— Вы не можете себѣ представить, какъ я рада, что вы пришли наконецъ ко мнѣ! — проговорила Марья Петровна, протягивая свою бѣлую пышную руку, оголенную до локтя, подъ широкимъ рукавомъ капота.—Садитесь сюда поближе и разсказывайте, отчего вы меня совсѣмъ забыли?—продолжала она съ тихимъ, нѣжнымъ укоромъ въ голосѣ и во взглядѣ.— Я совсѣмъ расхворалась и расхандрилась и, какъ видите, сижу одна... Надѣюсь, вы извините, что я принимаю васъ запросто и въ такомъ больничномъ нарядѣ. Я сейчасъ брала ванну,—прибавила Марья Петровна.

Невѣжинъ между тѣмъ успѣлъ оглядѣть хозяйку и нашелъ, что она вовсе не похожа на страждущую. Напротивъ, сегодня она выглядѣла довольно интересной въ своемъ, шитомъ шелками, бѣломъ кашемировомъ капотѣ, тонкая ткань котораго, ниспадая по бедрамъ красивыми складками, плотно

облегала роскошный бюстъ, обрисовывая его пышныя формы. Крошечный кружевной бѣлоснѣжный чепецъ, кокетливо накинутый на подобранные сзади, блестящіе черные волосы, моложавилъ ея лицо, отливавшее здоровымъ румянцемъ. Черная бархатка на открытой шеѣ оттѣняла ея бѣлизну. Ея большіе черные глаза блестѣли, крупныя чувственныя губы складывались въ улыбку, и вся она, оживленная, возбужденная и благоухающая, глядѣла совсѣмъ помолодѣвшей красавицей, полной свѣжести и жажды жизни.

— Что̀ съ вами? Давно вы расхворались?—спрашивалъ Невѣжинъ, опускаясь на низенькій стулъ.

— Что̀ со мной? — переспросила Марья Петровна. — Что̀ бываетъ съ женщинами въ наши годы! — полушутя отвѣтила она, пожимая плечами. — Доктора называютъ это нервами... Всѣ смѣются и не вѣрятъ нервамъ, а между тѣмъ...

Она на секунду остановилась, подавила вздохъ и продолжала, опуская глаза.

— А между тѣмъ въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, а, напротивъ, очень много грустнаго, по крайней мѣрѣ, для насъ, женщинъ!—проговорила она тихо и раздумчиво. — Ну, да что̀ объ этомъ говорить,—это все старо, какъ божій міръ... Лучше разсказывайте о себѣ,—вѣдь я васъ сто лѣтъ не видала... Надѣюсь, вы не на минутку? Вы не убѣжите отъ больной?

— По крайней мѣрѣ, если вы не прогоните!—любезно отвѣчалъ Невѣжинъ.

— Ну, этого вы нескоро дождетесь!..—улыбнулась Марья Петровна.—Вы думаете, пріятно быть въ одиночествѣ? Вѣдь я была бы одна, совсѣмъ одна, если-бъ вы не пришли. Василій Андреевичъ ушелъ, дѣти собираются спать... Даже Филатъ, и тотъ оставилъ меня, отправившись на какую-то свадьбу,—смѣясь, вставила она будто вскользь. — Не приди вы, и я, признаться бы, трусила...

— Трусили? Чего?—удивился Невѣжинъ.

— Жиганскихъ грабителей!—разсмѣялась Марья Петровна.

— Я буду сегодня, если позволите, вашимъ рыцаремъ-хранителемъ!—шутя проговорилъ Невѣжинъ.

— Съ удовольствіемъ позволяю. А пока грабители не пришли, будемъ пить чай! — весело замѣтила Марья Петровна, видимо любуясь своимъ собесѣдникомъ.

Она придавила пуговку; вошла Паша, поставила подносъ и удалилась.

— Вамъ неудобно тамъ пить чай?..—спохватилась Марья Петровна. — Садитесь сюда ко мнѣ на диванъ и разсказы-

вайте, что̀ вы дѣлали все это время? кого видѣли? почему не заходили ко мнѣ?

— Я все время работалъ, Марья Петровна! — оправдывался молодой человѣкъ, пересаживаясь на диванъ.

— Не отговаривайтесь... Лучше просто скажите, что вамъ не хотѣлось скучать съ такой старухой, какъ я. Вѣдь правда?—прибавила она, наклоняясь къ нему совсѣмъ близко, такъ что онъ ощутилъ прикосновеніе ея волнующейся груди.

— Къ чему вы на себя клевещете, Марья Петровна!—остановилъ ее Невѣжинъ и деликатно отодвинулся, рѣшившись, несмотря на охватившее его волненіе, остаться Іосифомъ Прекраснымъ.

— То-есть какъ клевещу? — прикинулась непонимающей Марья Петровна.

— Вы вѣдь очень хорошо знаете, что вы не старуха.

— Увы, старуха... Вѣдь мнѣ, молодой человѣкъ, тридцать шесть лѣтъ!— проговорила она, утаивъ цѣлыхъ четыре года.

— И тѣмъ не менѣе...

— И тѣмъ не менѣе вы, кажется, собираетесь сегодня быть настоящимъ рыцаремъ и говорить комплименты!—перебила она его, смѣясь. — Что-жъ, говорите... я здѣсь ихъ не слыхала, а вы знаете, что женщины ихъ любятъ... Такъ я, по-вашему, не старуха?..

— Далеко нѣтъ...

— И, пожалуй, еще на старости лѣтъ могу нравиться? Не такъ ли?

— И даже очень!—отвѣчалъ Невѣжинъ.

— Ужъ не вамъ ли?—иронически шепнула опытная кокетка, оживляясь, какъ старый парадеръ, заслышавшій знакомые звуки музыки.

— Отчего-жъ бы и нѣтъ? — легкомысленно проронилъ въ отвѣтъ молодой человѣкъ, благодаря черезчуръ близкому сосѣдству Марьи Петровны.

Марья Петровна какъ-то грустно усмѣхнулась и, вся вспыхивая, тихо-тихо проговорила:

— Спасибо и за фразу... И однако я объ этомъ не догадывалась... Напротивъ, вы точно избѣгаете меня! Тогда какъ я...—прибавила она чуть слышно—и оборвала рѣчь.

Невѣжинъ поднялъ на нее глаза. Она глядѣла на него своими влажными глазами, полными страсти и мольбы, вся млѣющая, съ зардѣвшимися щеками и полуоткрытыми губами,— настоящая жрица Венеры.

И онъ—да проститъ ему благосклонная читательница—забылъ въ это время и благоразумное рѣшеніе, и свѣтлый, чистый образъ Зинаиды Николаевны, и добродушнаго Василія Андреевича. Кровь стучала въ виски, глаза застилались туманомъ, животное вступало въ свои права,—и рука его какъ-то нечаянно искала и нашла ея горячую мягкую руку. А она, какъ нарочно, придвинулась къ нему, обдавая его горячимъ дыханіемъ и ожигая теплотой своего благоухающаго тѣла, въ то время какъ губы ея страстно шептали:

— А я васъ такъ долго ждала... Вѣдь я люблю васъ, люблю, мой красавецъ!

И съ этими словами, забросивъ руки, она съ тихимъ воплемъ обвила шею Невѣжина, прильнула къ его губамъ долгимъ, жгучимъ поцѣлуемъ и замерла на его груди. Послѣ этого бѣдный молодой человѣкъ совсѣмъ потерялъ голову и—къ сожалѣнію, долженъ сообщить—пересталъ быть Іосифомъ Прекраснымъ.

Невѣжинъ засидѣлся долго. Марья Петровна не хотѣла его отпустить безъ ужина. Все та же Паша подала имъ холодную закуску. Они поужинали вдвоемъ, запивая шампанскимъ. Марья Петровна уже не плакала, не жаловалась на нервы и, что̀ еще удивительнѣе, не разыгрывала роли оскорбленной невинности, не требовала клятвъ, а весело болтала, оживленная и веселая. Прощаясь съ молодымъ человѣкомъ, она сіяла счастьемъ, повторяя тѣ глупыя слова, которыя говорятъ въ такихъ случаяхъ 99 женщинъ изъ ста, увѣренная, что они что-нибудь да значатъ, мечтавшая, что подобныя счастливыя свиданія, способныя укрѣпить ея разстроенные нервы, будутъ часто повторяться.

«Tu l'a voulu, George Dandin!»—повторялъ нѣсколько разъ почему-то припомнившееся выраженіе Невѣжинъ, выходя изъ подъѣзда и какъ-то недоумѣвающе пожимая плечами. Признаться, онъ совсѣмъ не походилъ на влюбленнаго, возвращающагося со счастливаго свиданія; по крайней мѣрѣ, онъ, по примѣру влюбленныхъ, ни разу не вспомнилъ нѣжныхъ словъ, которыя только-что слышалъ, и былъ очень радъ, что, съ своей стороны, не расточалъ никакихъ обѣщаній этой «пылкой бабѣ», считая ее единственной виновницей (о, неблагодарный молодой человѣкъ!) всего «инцидента» и обѣщая себѣ впредь не утѣшать больную безъ свидѣтелей и не поддаваться искушенію.

Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, собираясь кликнуть извозчика, какъ вдругъ съ остановившихся на улицѣ дрожекъ

его окликнулъ знакомый визгливый тенорокъ Василія Андреевича.

— Ну, что̀, молодой человѣкъ, развлекли Marie?—добродушно спрашивалъ Василій Андреевичъ. — Что̀, она не хандритъ теперь? Какъ вы ее оставили?—продолжалъ допрашивать старикъ не безъ нѣкотораго безпокойства въ голосѣ, словно бы предчувствуя, въ случаѣ неблагопріятнаго отвѣта, неминуемость одной изъ тѣхъ сценъ, которыя чаще всего дѣлала ему Марья Петровна передъ отходомъ ко сну.

Ужъ какъ онъ ни старался, бывало, именно въ это время избѣгать ихъ, но, какъ нарочно, случалось, что именно въ эти поздніе часы бѣдному Василію Андреевичу чаще, чѣмъ по утрамъ, приходилось получать самыя оскорбительныя прозвища, выслушивая ламентаціи нервной супруги.

При этомъ вопросѣ Невѣжинъ, надо признаться, почувствовалъ нѣкоторую неловкость, въ родѣ того вора, у котораго спросили: хорошо ли онъ сберегъ порученную ему вещь?

Однако' онъ, не покрививъ душой, отвѣчалъ, что Марья Петровна «кажется, въ духѣ».

— И отлично... и превосходно... Вотъ за это спасибо! — восклицалъ Василій Андреевичъ, крѣпко потрясая руку Невѣжина. — А то она у меня, бѣдняжка, такая болѣзненная... Нервы... Это, знаете ли, такая штука... такая скверная штука!— повторялъ Василій Андреевичъ, хорошо знавшій по опыту, какая это штука.—Тутъ, батюшка, никакія лѣкарства не берутъ!—разсмѣялся Василій Андреевичъ. — Смотрите же, не забывайте насъ, заходите чаще! — прибавилъ добродушный старикъ и, еще разъ поблагодаривъ молодого человѣка за то, что онъ развлекъ больную, веселымъ голосомъ приказалъ кучеру ѣхать домой.

XIV

Встрѣча.

I.

Публика, ожидавшая прибытія парохода, радостно встрепенулась, когда въ седьмомъ часу теплаго августовскаго вечера раздались свистки, и пароходъ, попыхивая чернымъ дымкомъ и плавно разсѣкая замершую гладь рѣки, отливавшую блескомъ закатывавшагося солнца, тихимъ ходомъ, осторожно минуя мелкія мѣста, приближался къ Жиганску.

— Ну вотъ и дождались наконецъ!—радостно проговорила Степанида Власьевна и, поднявшись со скамейки, направилась вмѣстѣ съ Невѣжинымъ впередъ, къ периламъ старой

баржи.—Жаль только, что обѣдъ перестоитъ!—прибавила она съ нѣкоторою грустью.

Еще нѣсколько долгихъ минутъ напряженнаго ожиданія публики, и наконецъ пароходъ, застопоривши машину и гудя выпускаемыми парами, приставалъ къ пристани.

— Но гдѣ же Зиночка? Гдѣ Зиночка?—вдругъ заволновалась старушка.

Вся подавшись впередъ, она оглядывала пассажировъ, стоявшихъ на площадкѣ, и взволнованно повторяла:

— Я не вижу Зиночки, Евгеній Алексѣичъ! Ея нѣтъ... Вы видите, гдѣ она?

Невѣжинъ давно увидалъ эту красивую стройную дѣвушку въ темномъ ватерпруфѣ и скромной черной шляпкѣ, стоявшую у борта, противъ каюты второго класса, и, охваченный радостнымъ волненіемъ, съ восторгомъ любовался милымъ лицомъ, полнымъ знакомаго выраженія какой-то серьезной вдумчивости и усталости.

— Да гдѣ же она?—спрашивала Степанида Власьевна.

— Вотъ она, вотъ Зинаида Николаевна! — воскликнулъ наконецъ Невѣжинъ, указывая на молодую дѣвушку въ тотъ самый моментъ, когда пароходъ остановился у пристани.

Зинаида Николаевна услыхала свое имя, произнесенное радостнымъ голосомъ, который она тотчасъ узнала. Что-то дрогнуло въ ея лицѣ при звукахъ этого счастливаго голоса.

— Тетя, здравствуйте!—весело привѣтствовала она Степаниду Власьевну:—здравствуйте, Евгеній Алексѣевичъ! — прибавила она тише и сдержаннѣе и, какъ показалось въ ту минуту Невѣжину, даже съ замѣтною сухостью въ голосѣ.

Едва положили сходни, какъ Степанида Власьевна и Невѣжинъ уже были на пароходѣ. Старушка-тетка нѣсколько разъ принималась обнимать Зиночку. Радостныя слезы катились по ея сморщеннымъ щекамъ; не находя словъ, она только улыбалась своей доброй улыбкой и шептала: «Наконецъ-то дождались тебя!»

— Съ пріѣздомъ, Зинаида Николаевна!—проговорилъ дрогнувшимъ голосомъ Невѣжинъ, подходя къ Зинаидѣ Николаевнѣ, когда Степанида Власьевна выпустила изъ своихъ объятій племянницу.

Зинаида Николаевна протянула руку, хотѣла что-то сказать, но, взглянувъ на смущенное лицо Невѣжина, тотчасъ же отвела глаза, сама почему-то смутившись. И, словно бы недовольная этимъ смущеніемъ, она отвернулась и заговорила со Степанидой Власьевной.

«Хоть бы одно слово!» — подумалъ Невѣжинъ, и его лицо

затуманилось. Зинаида Николаевна замѣтила эту внезапную перемѣну и обратилась къ нему:

— Надѣюсь, вы недурно живете въ Жиганскѣ, Евгеній Алексѣевичъ? Объ этомъ, впрочемъ, послѣ переговоримъ, а теперь помогите мнѣ съ вещами. Вотъ вамъ билетъ. Пойдемте, тетя!

Этотъ тихій, ласковый голосъ снова оживилъ молодого человѣка. Онъ взялъ изъ рукъ Зинаиды Николаевны саквояжъ, и они втроемъ пошли съ парохода, пробираясь среди переселенцевъ.

— Прощай, барышня! Прощай, касатка!—раздавались восклицанія бабъ, когда Зинаида Николаевна проходила между ними.

Оставивъ дамъ на пристани, Невѣжинъ снова вернулся на пароходъ за багажомъ Зинаиды Николаевны.

— А вы, Евгеній Алексѣичъ, нынче и поклоновъ не замѣчаете?—раздался надъ его ухомъ знакомый вкрадчивый голосъ Сикорскаго. — Я вамъ два раза кланялся, а вы — ноль вниманія!—шутливо продолжалъ Сикорскій, пожимая обѣими руками протянутую руку. — Изволите встрѣчать кого-нибудь, или такъ пріѣхали отъ скуки посмотрѣть на публику, какъ и я, грѣшный?—спрашивалъ Сикорскій, успѣвшій уже наблюсти встрѣчу Невѣжина съ пріѣзжей дѣвушкой и принять это къ свѣдѣнію.

— Племянница моей хозяйки пріѣхала...

— Не красивая ли дѣвушка въ темномъ ватерпруфѣ, съ чудными косами?

— А васъ это очень интересуетъ? — улыбнулся Невѣжинъ.

— Еще бы,—отвѣчалъ Сикорскій, смѣясь. — Вѣдь въ Жиганскѣ все интересуетъ, особенно такая интеллигентная барышня... Среди здѣшнихъ обывательницъ она невольно бросается въ глаза... сейчасъ видно, что не здѣшняя.

— Вы не ошиблись,—эта барышня изъ Петербурга!

По тону, какимъ отвѣтилъ Невѣжинъ, Сикорскій сразу понялъ, что разспрашивать болѣе не слѣдуетъ, и вдругъ, словно бы спохватившись, замѣтилъ:

— А я-то хорошъ! Болтаю съ вами и забылъ вамъ передать, что Василій Андреевичъ сегодня три раза посылалъ за вами.

— Зачѣмъ?

— А не знаю. И Марья Петровна тоже горѣла желаніемъ васъ видѣть... У бѣдной опять нервы! — неожиданно прибавилъ Михаилъ Яковлевичъ самымъ серьезнымъ тономъ, взглядывая на Невѣжина своими маленькими зелеными глазками.

Невѣжинъ чуть-чуть смутился и сухо поблагодарилъ за извѣщеніе.

— Что̀ же прикажете передать, если спросятъ? Я сейчасъ туда. Будете сегодня или нѣтъ?

— Нѣтъ, не буду!—рѣзко отвѣчалъ Невѣжинъ и, приподнявъ шляпу, пошелъ вслѣдъ за матросомъ, который несъ на спинѣ сундукъ Зинаиды Николаевны.

«Такъ и передадимъ!»—мысленно подчеркнулъ Сикорскій, снимая свой фетръ съ самой любезной и милой улыбкой.

Затѣмъ, не спѣша, онъ направился къ выходу, выступая словно цапля и ласково кланяясь встрѣчаемымъ знакомымъ. На пристани онъ нарочно прошелъ мимо Зинаиды Николаевны и бросилъ на нее пытливый, внимательный взглядъ.

— Кто этотъ старикъ съ непріятной физіономіей?—освѣдомилась Зинаида Николаевна, поймавшая пристальный взглядъ Сикорскаго.

— Это, Зиночка, Сикорскій. Можетъ, слышала? Говорятъ, онъ у васъ въ Питерѣ банкъ какой-то разорилъ! Не знаю, правда или нѣтъ...

— Такъ вотъ эта знаменитость!—замѣтила Зинаида Николаевна съ чувствомъ отвращенія. — Вашъ жилецъ съ нимъ знакомъ?—спросила она, помолчавъ.

— Кажется, Евгеній Алексѣичъ у него не бываетъ, а встрѣчаться приходится у генерала. Вѣдь Евгеній Алексѣичъ мѣсто Сикорскаго у генерала занялъ. Только—не сдобровать Евгенію Алексѣичу...

— А что̀? Почему не сдобровать, тетя?—съ живостью спросила Зинаида Николаевна.

— Да потому, что Евгеній Алексѣичъ... какъ бы это сказать... и горячъ, и довѣрчивъ, и не знаетъ здѣшнихъ порядковъ... Вотъ хоть бы съ дѣломъ Толстобрюхова.

И Степанида Власьевна стала разсказывать, какъ Невѣжинъ думаетъ помѣшать «оправить» Кира Пахомыча...

— Помнишь этого милліонера, про котораго худая молва идетъ?

— Все готово... Можно и ѣхать!—проговорилъ Невѣжинъ, подходя къ дамамъ.

Дамы усѣлись въ сибирскую телѣжку, а Невѣжинъ поѣхалъ на извозчикѣ сзади, снова просіявшій послѣ ласковаго «спасибо» и милой улыбки, которыми наградила его Зинаида Николаевна не столько за хлопоты, сколько за тѣ рекомендаціи, которыми наградила Невѣжина добрая Степанида Власьевна, сообщая племянницѣ свои соображенія о дѣлѣ Толстобрюхова.

II.

Дома Невѣжинъ нашелъ записку Василія Андреевича, приглашавшую его немедленно пожаловать по весьма экстренному дѣлу. Невѣжинъ зналъ слабость старика къ этимъ «экстреннымъ дѣламъ» и рѣшилъ не идти сегодня. Еще бы! Ему такъ хотѣлось побыть съ Зинаидой Николаевной, поговорить съ ней, если только она захочетъ съ нимъ говорить, какъ, бывало, говаривала въ Петербургѣ.

И онъ ходилъ теперь у себя, прислушиваясь къ ея голосу, раздававшемуся за стѣной, и волнуясь, какъ юноша, при мысли: пригласятъ ли его сегодня обѣдать туда... вмѣстѣ, или принесутъ обѣдъ къ нему въ комнату, какъ обыкновенно.

Наконецъ къ нему вошла Степанида Власьевна.

— Что-жъ это вы, батюшка, спрятались у себя въ комнатѣ?—покорила она его.— Идемте обѣдать вмѣстѣ на радостяхъ... И то щи перестояли...

— Да, можетъ-быть, Зинаида Николаевна хотѣла бы одна обѣдать... безъ постороннихъ...

— Эка еще что выдумали! Безъ постороннихъ! Такъ я вамъ скажу, что вы для меня не посторонній! Идите-ка, идите... Зиночка сама велѣла васъ звать! — говорила старушка веселымъ тономъ, сіяя радостью и счастіемъ и словно бы желая передать эту радость и другимъ.—И только похудѣла же она въ вашемъ подломъ Петербургѣ! Вѣрно, кормятъ-то тамъ небогатыхъ людей скверно! Ну, да здѣсь мы ее откормимъ!.. Не правда ли, Зиночка, мы тебя здѣсь откормимъ?—спрашивала Степанида Власьевна, входя съ Невѣжинымъ въ свою комнату, гдѣ столъ былъ накрытъ и дымились щи.—Ну, садитесь-ка, Евгеній Алексѣичъ,—чай, и вы проголодались?

Веселый и радостный сѣлъ Невѣжинъ около Зинаиды Николаевны и первое время не находилъ словъ. Чѣмъ-то тихимъ, спокойнымъ и свѣжимъ вѣяло на него въ присутствіи этой дѣвушки, и онъ то и дѣло взглядывалъ на нее, словно бы удостовѣряясь,—тутъ ли она? И эта скромная комнатка и скромный обѣдъ, которымъ такъ радушно угощала хозяйка,— все казалось Невѣжину необыкновенно привлекательнымъ и славнымъ, благодаря Зинаидѣ Николаевнѣ.

— А вѣдь вашъ генералъ совсѣмъ обезумѣлъ!—заговорила Степанида Власьевна въ концѣ обѣда.

— Какъ такъ?—засмѣялся Невѣжинъ.

— Да такъ же! совсѣмъ не даетъ человѣку отдохнуть. Я и забыла давеча вамъ сказать: вѣдь онъ за вами трехъ гонцовъ посылалъ. Прасковья сказывала, что такъ одинъ за однимъ и

летали... Вамъ бы пойти узнать,—что̀ такое? Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ что̀ важное...

Невѣжинъ объяснилъ, что навѣрное ничего нѣтъ важнаго, и что онъ сегодня не пойдетъ.

— Какъ бы онъ не разсердился, Евгеній Алексѣичъ...

— Ну, и пусть посердится! — весело замѣтилъ Невѣжинъ.

Послѣ обѣда долго еще не расходились. Зинаида Николаевна разспрашивала Невѣжина о его занятіяхъ, о людяхъ, съ которыми онъ познакомился, и Невѣжинъ разсказывалъ, набрасывая довольно живыя характеристики.

— И вы не скучали здѣсь?

— Сперва очень...

— А теперь?

Невѣжину показался даже страннымъ этотъ вопросъ. Какъ могъ онъ скучать теперь, когда Зинаида Николаевна здѣсь!

— Теперь?.. — переспросилъ онъ. — Теперь, напротивъ, я счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ!— порывисто проговорилъ онъ.

Зинаида Николаевна вдругъ притихла.

— А вы надолго сюда?—спросилъ Невѣжинъ.

Этотъ вопросъ привелъ ее въ смущеніе.

— Не знаю еще... Посмотрю, какъ занятія пойдутъ...

Самоваръ весело шумѣлъ на столѣ, и Зинаида Николаевна разсказывала о своей поѣздкѣ въ Крымъ, скрывъ, впрочемъ, отъ слушателей, что эта поѣздка была вызвана серьезной болѣзнью. Тамъ она поправилась и рѣшила ѣхать сюда.

— Родныя мѣста захотѣлось повидать и тетю!—прибавила она.

— И хорошо сдѣлала, что такъ рѣшила!—весело замѣтила Степанида Власьевна.—Только бы не соскучилась по Петербургу.

— Не соскучусь, тетя, если будетъ дѣло. Уроки и здѣсь, вѣрно, найду, какъ и въ Питерѣ.

Въ это время вошла Прасковья и сказала, что Евгенія Алексѣевича спрашиваютъ.

— Опять отъ генерала! Ихняя горничная пришла: такая важная, что̀ твоя барыня!..—прибавила Прасковья.

Невѣжинъ вышелъ въ прихожую. Тамъ стояла Паша.

— Вотъ вамъ записочка! — таинственно прошептала она, передавая записку.

Невѣжинъ развернулъ маленькую раздушенную записочку и прочиталъ слѣдующія слова:

«Мнѣ необходимо васъ видѣть. Приходите, прошу васъ».

«М. Р.»

— Очень просили васъ придти, Евгеній Алексѣичъ!—про-

молвила Паша.—Марья Петровна нездоровы и совсѣмъ однѣ!—прибавила она, понижая голосъ.

И эта записка и этотъ тонъ старой горничной показались Невѣжину отвратительными. Онъ разорвалъ записку и сухо отвѣтилъ, что не можетъ быть.

Паша молча раскланялась и ушла.

— Ну, что, опять къ генералу зовутъ?—спрашивала Степанида Власьевна.

— Опять...

— Такъ надо идти?

— Нѣтъ, не надо...

— Быть-можетъ, въ самомъ дѣлѣ что-нибудь важное, если такъ настойчиво зовутъ?—вставила Зинаида Николаевна.

— Пустяки! Просто генеральша скучаетъ и потому проситъ пожаловать...

— Вы, видно, ей понравились, Евгеній Алексѣичъ? — смѣясь, замѣтила Степанида Власьевна.

— Да она-то мнѣ не нравится,—отвѣчалъ Невѣжинъ, чувствуя, что краснѣетъ.

— Ну, ужъ это вы напрасно... Я не знаю, какъ она характеромъ, а что изъ себя, такъ надо сказать... видная, красивая дама.

— И молодая?—вставила Зинаида Николаевна, поднимая глаза на Невѣжина.

Этотъ вопросъ и этотъ внимательный взглядъ еще болѣе смутили молодого человѣка. Теперь, рядомъ съ Зинаидой Николаевной, онъ съ чувствомъ глубокаго отвращенія вспомнилъ о послѣднемъ свиданіи съ Марьей Петровной и съ какимъ-то озлобленіемъ проговорилъ:

— Совсѣмъ не молодая и вообще непріятная женщина!

Зинаида Николаевна больше не разспрашивала, и разговоръ перешелъ на другія темы. Степанида Власьевна вспомнила прошлыя времена, когда Зиночка была гимназисткой. Зинаида Николаевна оживилась этими воспоминаніями, разсказывала про учителей, про товарокъ, о томъ, какъ впервые у нея явилась мысль ѣхать въ Петербургъ учиться.

А Невѣжинъ слушалъ, глядя на Зинаиду Николаевну очарованнымъ взоромъ.

И когда они за полночь разошлись, онъ долго еще припоминалъ и ея слова и ея взглядъ, серьезный и ласковый.

Не спала и Зинаида Николаевна въ сосѣдней комнатѣ. Лежа въ постели, она долго и мучительно думала и нѣсколько разъ спрашивала себя: зачѣмъ она пріѣхала сюда, и не лучше ли тотчасъ же уѣхать?

И красивый образъ молодого человѣка стоялъ передъ ней, наполняя ея сердце мучительнымъ чувствомъ состраданія и любви.

«Любви ли?»—спрашивала она снова теперь, какъ спрашивала и прежде, послѣ памятнаго свиданія въ тюрьмѣ.

XV.

Зинаида Николаевна.

I.

«Зачѣмъ она пріѣхала?»

Этотъ вопросъ неотступно стоялъ теперь передъ Зинаидой Николаевной, и совѣсть ея требовала искренняго, добросовѣстнаго отвѣта. Отвѣчать уклончиво, обманывая самое себя, какъ обыкновенно дѣлаютъ слабыя натуры, боящіяся категорическихъ отвѣтовъ, Зинаида Николаевна не умѣла и не хотѣла. Вотъ почему она долго не могла заснуть, провѣряя свои первыя впечатлѣнія встрѣчи и возстановляя въ памяти свое знакомство съ Невѣжинымъ и дальнѣйшія отношенія, сблизившія столь неожиданно эти двѣ совершенно противоположныя натуры.

«Любила ли она его, когда ѣхала сюда?»

Она по совѣсти могла отвѣтить, что нѣтъ. По крайней мѣрѣ, ей такъ казалось. Она жалѣла молодого человѣка, чувствуя передъ нимъ какъ бы нѣкоторую виноватость, какъ передъ человѣкомъ, пострадавшимъ за свое чувство къ ней, но если бы ей сказали, что это чувство жалости и состраданія незамѣтно перешло въ другое, болѣе сильное, она первая бы разсмѣялась. «Не ея романа такіе пустые люди, какъ Невѣжинъ!»

Отчего-жъ теперь этотъ самый человѣкъ сдѣлался ей вдругъ такъ близокъ? Отчего она такъ интересуется имъ, отчего думаетъ о немъ? Отчего при первой встрѣчѣ такъ радостно забилось ея сердце, и она принуждена была употребить усилія, чтобъ не выдать охватившаго ее волненія? Она нарочно такъ сухо обратилась къ нему съ первымъ вопросомъ, тогда какъ ей хотѣлось броситься къ нему...

«Неужели... это самое?»—спрашивала себя Зинаида Николаевна, чувствуя, какъ жутко и сладко замираетъ ея сердце. Неужели она, порѣшившая, что послѣ неудачнаго романа ея первой молодости, разбившаго ея сердце, безраздѣльно отданное нераздѣленной привязанности, она не въ состояніи больше отдаться чувству,—неужели она сама заразилась страстью молодого человѣка и питаетъ къ нему нѣчто гораздо большее, чѣмъ состраданіе и дружба?.. Неужели?

«Да... да!..»—отвѣчали учащенное біеніе ея сердца, оживившійся взглядъ ея прекрасныхъ глазъ, ея стыдливо и страстно рдѣвшія щеки.

Она пробовала отнестись къ Невѣжину критически—и не нашла въ своемъ умѣ ни прежняго строгаго осужденія, ни прежней снисходительной жалости умной, серьезной дѣвушки къ человѣку, размотавшему свои лучшіе годы такъ пошло, глупо и безцѣльно,—все это исчезло въ теперешнихъ ея мысляхъ о Невѣжинѣ. Въ эти минуты онъ представлялся ей совсѣмъ въ другомъ видѣ—бѣдной жертвой обстоятельствъ, человѣкомъ, полнымъ лучшихъ качествъ, понявшимъ весь ужасъ прежней жизни, какъ только его коснулось хорошее вліяніе и онъ увидалъ хорошихъ людей, не похожихъ на тѣхъ, среди которыхъ вращался.

И Зинаида Николаевна вспоминала, съ какой охотой онъ просиживалъ, бывало, вечера въ ея скромной комнаткѣ, слушая чтеніе книгъ, открывавшихъ передъ нимъ иныя цѣли, иныя задачи. А эти споры ея съ нимъ, въ которыхъ она оставалась побѣдительницей, довольная, что заставила молодого человѣка сознать безцѣльность прежней жизни... И какъ онъ искренно и горячо желалъ другой жизни, желалъ работать... А потомъ этотъ несчастный выстрѣлъ въ защиту любимаго человѣка и наконецъ это деликатное молчаніе на судѣ—молчаніе, изъ-за котораго онъ былъ осужденъ.

Чѣмъ больше думала Зинаида Николаевна о немъ, вспоминая прошлое, тѣмъ болѣе въ розовомъ свѣтѣ рисовался ей Невѣжинъ, являясь передъ ней въ какомъ-то ореолѣ, созданномъ ея воображеніемъ подъ впечатлѣніемъ глубокаго чувства, охватившаго дѣвушку съ той неотразимой силой, которая присуща натурамъ сильнымъ и глубокимъ.

Теперь ужъ она, въ свою очередь, спрашивала себя: любитъ ли онъ ее, и имѣетъ ли она право принять эту любовь?.. Быть-можетъ, въ немъ зародилось чувство подъ впечатлѣніемъ несчастной личной жизни?..

И развѣ можетъ она возбудить глубокую страсть?—спрашивала себя эта скромная дѣвушка, не сознававшая своей красоты. Его страстное признаніе тамъ, въ тюрьмѣ, могло быть вызвано нервнымъ состояніемъ, исключительностью положенія, благодарностью за нравственное возрожденіе... Ему могло казаться... И теперь, пожалуй, только кажется...

«А если въ самомъ дѣлѣ любитъ?»

Зинаида Николаевна даже вздрогнула отъ счастія и, закрывъ глаза, мечтала объ этомъ счастіи... Любитъ! О; сколько счастія впереди для нея, не знавшей блаженства взаимной любви!

Она сдѣлаетъ его счастливымъ! Она будетъ его другомъ, пѣстуномъ, товарищемъ! Она поддержитъ его въ житейской борьбѣ, поддержитъ въ минуты унынія и слабости, поможетъ ему сдѣлаться человѣкомъ, которымъ будетъ гордиться... Трудъ вдвоемъ, скрашенный привязанностью, днемъ—работа, а долгіе вечера—вмѣстѣ за чтеніемъ, за бесѣдой... Она не будетъ болѣе одинока... Она знаетъ теперь, что безъ личнаго счастія жизнь не полна...

Но эти радужныя мечты о реабилитаціи, составляющія обычное утѣшеніе женщинъ, любящихъ слабыхъ и безхарактерныхъ мужчинъ,—внезапно были разсѣяны.

Передъ ней сталъ образъ несчастной, худой, некрасивой женщины, глядѣвшей, казалось, насмѣшливымъ, обиднымъ взоромъ. Эта женщина—жена его, все еще любящая мужа и удалившаяся за-границу, гдѣ она, больная, изнеможенная, до сихъ поръ оплакиваетъ свою разбитую жизнь... Она поступила честно, самоотверженно съ нимъ. Она предлагала ему разводъ, сама пріѣзжала тогда, послѣ суда, къ Зинаидѣ Николаевнѣ и, глубоко несчастная и оскорбленная, все-таки имѣла мужество простить... Она передала Зинаидѣ Николаевнѣ исторію этого рокового выстрѣла, она разсказывала, скрывая свое горе, какъ *онъ* любитъ Зинаиду Николаевну, она просила и умоляла Зинаиду Николаевну не оставлять его одного въ Сибири... А это недавнее письмо, полученное Зинаидой Николаевной изъ-за границы, къ которомъ она опять спрашиваетъ: неужели Зинаида Николаевна не сжалится и не поѣдетъ туда... къ нему? «Обо мнѣ не думайте... Я буду счастлива вашему счастью!»—прибавляла она, однако умолчавъ, что она совсѣмъ больна и чахнетъ, какъ слышала Зинаида Николаевна отъ видѣвшихъ эту женщину за границей.

Такъ развѣ она доконаетъ ее? Имѣетъ ли она право строить свое счастіе на несчастіи ближняго? Да и онъ, разбившій чужую жизнь, осмѣлится ли? Не она ли должна удержать его, если-бъ онъ и рѣшился?..

— Никогда онъ не узнаетъ, что я его люблю, никогда,— твердо проговорила Зинаида Николаевна.

Но, принявъ это геройское рѣшеніе, она не выдержала. Слабая женская натура взяла свое, и глухія рыданія вырвались изъ ея взволнованной груди.

Долго еще она оплакивала свою похороненную любовь, и когда подъ утро наконецъ заснула, страдальческое выраженіе свѣтилось въ ея прекрасныхъ чертахъ.

Воспользуемся же ея тревожнымъ сномъ и познакомимъ читателя съ прошлымъ Зинаиды Николаевны.

II.

Зинаида Николаевна въ дѣтствѣ лишилась родителей и рано принуждена была сама зарабатывать свой хлѣбъ. Она смутно помнила высокаго, широкоплечаго, черноволосаго отца, съ большой красной кудрявой головой, который былъ первымъ ея учителемъ. Онъ каждый день по вечерамъ занимался съ ней, часто ласкалъ свою любимицу, единственную дочь, и, усадивъ, бывало, дѣвочку на свои могучія колѣни, послѣ урока разсказывалъ ей разныя интересныя исторіи, пока дѣвочка наконецъ не засыпала.

Они жили въ тайгѣ, на небольшомъ глухомъ пріискѣ богатаго золотопромышленника Баскакова, гдѣ отецъ былъ управляющимъ. Она хорошо помнила, что любила и побаивалась своего отца, особенно въ тѣ дни, когда онъ бывалъ почему-либо гнѣвенъ. Тогда всѣ боялись Николая Лукича Степового. Его большіе черные глаза метали молніи изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей, и сухощавое, поблѣднѣвшее лицо съ огромной черной бородой глядѣло сурово. Онъ не бралъ свою дѣвочку на колѣни и долго просиживалъ одинъ въ своей небольшой комнатѣ, служившей ему кабинетомъ. Никто изъ служащихъ не рѣшался попадаться ему въ такія минуты на глаза.

Только впослѣдствіи дочь узнала, что отецъ ея былъ человѣкъ сильнаго характера и упорной воли. Онъ происходилъ изъ бѣдной семьи тюкалинскихъ мѣщанъ, потомковъ ссыльнаго воронежскаго мужика, сосланнаго за поджогъ изъ мести. Отецъ Степового не пользовался доброй славой: про него ходила молва, будто бы онъ не гнушается добывать средства разными темными дѣлами. Сыну грозила бы участь пойти по стопамъ отца, если бы его не послали на пріискъ искать счастія, благодаря вмѣшательству дяди, конторщика у Баскакова.

Бойкій, понятливый, начавшій службу рабочимъ, онъ скоро оглядѣлся и понялъ, что съ одной физической силой ничего не достигнешь, и задумалъ учиться. Въ свободное время онъ выучился читать и писать, при помощи машиниста, шутя прошелъ четыре правила и научился обращаться съ машинами. Смышленый и усердный, онъ велъ воздержную жизнь, и на него обратилъ вниманіе старикъ Баскаковъ, самъ сдѣлавшійся богатымъ золотопромышленникомъ изъ пріисковыхъ конюховъ. Степового взяли въ контору, постепенно повышали его и наконецъ сдѣлали управляющимъ одного вновь открытаго пріиска.

Степовому было тогда лѣтъ около сорока; онъ въ это-то время и женился на младшей сестрѣ Степаниды Власьевны,

миловидной молодой дочери жиганскаго чиновника. Познакомился онъ съ ней, бывши проѣздомъ въ Жиганскѣ. Дѣвушка понравилась ему, онъ ей,—и дѣло сладилось.

Мать Зинаиды Николаевны была совершенная противоположность отцу по характеру. Тихая, слабаго здоровья, застѣнчивая до робости, неувѣренная въ себѣ, она была олицетворенная кротость и доброта. Супруги жили хорошо. Степовой боготворилъ свою жену и глядѣлъ, что̀ называется, въ глаза своей «Гутеньки». Такъ они прожили восемь лѣтъ, какъ Степовой скоропостижно умеръ отъ разрыва сердца.

Молодая вдова переѣхала съ Зиночкой въ Жиганскъ. Послѣ смерти мужа у нея оказалось тысячъ около десяти. Непрактичная, не знавшая людей, молодая женщина отдала пять тысячъ взаймы одному знакомому жиганскому купцу, который самымъ безсовѣстнымъ образомъ обманулъ довѣрчивую женщину.

Потерявъ половину своихъ денегъ, молодая женщина стала усиленно работать, занимаясь шитьемъ, чтобы, по возможности, не тратить денегъ и оставить ихъ на образованіе своей ненаглядной Зиночки и ей же на черный день. И безъ того слабое, хрупкое здоровье надорвалось отъ непосильнаго труда и безсонныхъ ночей. Молодая женщина съ ужасомъ увидала, что работать не въ состояніи; злой недугъ постепенно подтачивалъ ея силы, а средства уходили. Часто тихо плакала она по ночамъ, боясь разбудить спящую около Зиночку, и часто неслышно подходила къ дочери, и скорбныя слезы лились обильнѣе изъ глазъ матери, А жизнь съ каждымъ днемъ уходила. Зиночка съ тревогой глядѣла на мать, и ночью, бывало, когда мать начинала сильно кашлять, маленькая дѣвочка въ рубашонкѣ являлась передъ матерью и, глотая слезы, подавала ей лѣкарство.

— Спи, спи, Зиночка... Милая... Мнѣ ничего... Мнѣ лучше...— говорила мать.

Но вдругъ рыданія вырывались изъ худой, истерзанной недугомъ груди, и мать, предчувствуя близость вѣчной разлуки съ этой милой дѣвочкой, съ какой-то порывистой страстностью прижимала къ себѣ тихо плачущаго ребенка.

Прошло нѣсколько лѣтъ, тяжелыхъ лѣтъ подтачивающей чахотки, и однимъ раннимъ весеннимъ утромъ молодая женщина умерла, прижимая руку Зиночки къ своимъ губамъ и глядя умоляющимъ взоромъ на Степаниду Власьевну, давно уже обѣщавшую любить и беречь Зиночку, какъ родную дочь.

Смерть матери сильно подѣйствовала на четырнадцатилѣтнюю Зиночку. Она захворала и, оправившись послѣ нервной горячки, какъ-то вся притихла и стала серьезной. Тяжелая

утрата и раннія заботы о будущемъ сдѣлали ее сосредоточеннѣй, заставляя работать молодую головку. Эта блѣдная, исхудалая кроткая женщина, съ тоскливымъ взоромъ, заглядывавшая, бывало, въ глаза своей дѣвочки,—эта любящая до самоотверженія мать осталась съ тѣхъ поръ на всю жизнь въ сердцѣ дочери свѣтлымъ, чуднымъ, поэтическимъ образомъ.

Зиночка была деликатнымъ, кроткимъ созданіемъ. Въ ней счастливымъ образомъ соединились лучшія качества отца и матери. Отъ перваго она наслѣдовала красивыя черты лица, умъ и упорство воли, отъ второй — чистый, ясный взглядъ прелестныхъ глазъ и кротость души. Нечего и говорить, что добрая Степанида Власьевна ласкала сиротку не меньше, чѣмъ своихъ сыновей, и Зиночка, видѣвшая, какъ иногда тяжело приходится теткѣ, съ шестого класса гимназіи уже достала себѣ урокъ и, радостная и счастливая, приносила, бывало, нѣсколько рублей растроганной Степанидѣ Власьевнѣ.

Зиночка занималась прилежно и усидчиво. Нельзя сказать, чтобъ занятія ей давались легко, но зато все, что она усвоивала, она знала основательно. Отцовская энергія сказывалась и въ ней, и она кончила курсъ одной изъ первыхъ.

Но это однако не удовлетворило ее. Ей хотѣлось учиться еще, и она лелѣяла мечты ѣхать въ Петербургъ. Случайная встрѣча съ однимъ изъ жильцовъ Степаниды Власьевны, немолодымъ невольнымъ гостемъ Сибири, проведшимъ въ ссылкѣ лучшіе годы молодости и, несмотря на многія испытанія, сохранившимъ бодрость жизни и вѣру въ идеалъ, еще сильнѣе укрѣпило въ молодой дѣвушкѣ желаніе учиться. Благодаря книгамъ жильца, она впервые познакомилась съ нѣкоторыми изъ лучшихъ произведеній корифеевъ литературы и науки; передъ ея возбужденнымъ духовнымъ взоромъ открылся новый міръ, мысль заработала. Она поняла, какъ мало она еще умственно развита, и благородная жажда знанія, самоотверженная потребность быть полезной охватили юное, честное созданіе съ неудержимой силой.

То былъ первый духовный кризисъ, пережитый молодой дѣвушкой. Нечего и говорить, что она благоговѣла передъ человѣкомъ, который первый разбудилъ ее.

— Уѣзжайте, непремѣнно уѣзжайте учиться, Зинаида Николаевна! На житейскую борьбу надо выходить хорошо вооруженнымъ!—говорилъ этотъ энтузіастъ шестидесятыхъ годовъ внимательно и благоговѣйно слушавшей его дѣвушкѣ.

Онъ говорилъ такъ, этотъ идеалистъ, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, а самъ съ грустью думалъ, что эта милая дѣвушка уѣдетъ. Да... Милая, хорошая дѣвушка, на которую

онъ украдкой взглядывалъ восторженнымъ, любовнымъ взглядомъ, въ которомъ было нѣчто гораздо большее, чѣмъ дружеское расположеніе.

И въ его головѣ невольно бродили заманчивыя мечты о возможномъ счастіи, которое бы теплымъ лучомъ согрѣло его одинокую жизнь, если бы это молодое красивое созданіе осталось здѣсь, около него, навсегда.

Но онъ недаромъ былъ идеалистомъ. Онъ гналъ эти мысли, ругая себя эгоистомъ, готовымъ погубить молодое созданіе.

— Мерзость, мерзость!—говорилъ онъ, оставаясь одинъ въ своей комнатѣ.—Человѣку сорокъ, а онъ...

И, скрывая отъ ничего не подозрѣвающей юницы свои горячія чувства, онъ подбивалъ ее какъ можно скорѣе оставлять это сонное болото—Жиганскъ.

Зиночка готова была хоть сейчасъ ѣхать, но на что ѣхать? И она рѣшила набрать какъ можно болѣе уроковъ и въ теченіе года скопить себѣ на дорогу денегъ, а тамъ, въ Питерѣ, она какъ-нибудь пробьется.

Степанида Власьевна предлагала ей помощь, но Зиночка, зная, что у Степаниды Власьевны на рукахъ сыновья-подростки, которыхъ нужно было отправлять въ университетъ, наотрѣзъ отказалась, рѣшившись годъ усиленно работать.

Но въ одно прекрасное утро жилецъ съ веселой улыбкой объявилъ ей, что неожиданно получилъ деньги, съ которыми, молъ, рѣшительно не знаетъ что дѣлать, и просилъ Зиночку не обидѣть его и взять по-товарищески на дорогу.

Тронутая и благодарная дѣвушка, не подозрѣвавшая, разумѣется, съ какими трудами были заняты эти «ненужныя» деньги, согласилась, давъ себѣ слово вернуть ихъ изъ первыхъ же уроковъ, и черезъ нѣсколько дней уѣхала въ Петербургъ, провожаемая горячими пожеланіями Степаниды Власьевны и «жильца». Занятая мечтами о занятіяхъ, она и не догадывалась, что жилецъ, провожая ее, хоронилъ свои послѣднія мечты о личномъ счастіи.

Не догадывалась объ этомъ и Степанида Власьевна, къ удивленію своему замѣтившая, что жилецъ вскорѣ послѣ отъѣзда Зиночки сталъ «закучивать».

III.

Трудненько было Зинаидѣ Николаевнѣ въ Питерѣ, особенно въ первое время, пока она не оглядѣлась и не достала себѣ занятій. Приходилось живать въ крошечныхъ, полутемныхъ комнаткахъ, сырыхъ и непривѣтныхъ, питаться, иногда по недѣлямъ, однимъ чаемъ съ ситникомъ и щеголять зимней

порой въ лѣтнемъ пальто и обуви, давно требовавшей обновленія. Всего доводилось испытывать, разсчитывая каждый грошъ.

Но молодая дѣвушка не унывала, — недаромъ же въ ней была упорная воля отца, — и всѣ эти маленькія бѣды переносила шутя. Счастливая, что достигла завѣтной цѣли, она отдалась занятіямъ съ энергіею и страстностью недюжинной натуры. Вся проникнутая важностью поставленной себѣ цѣли, гордая сознаніемъ, что сама, безъ помощи, достигаетъ ея, она съ какимъ-то суровымъ аскетизмомъ давила въ себѣ невольные порывы молодой жизни, требующей не однихъ только занятій, не однѣхъ только книгъ, и не безъ внутренняго пренебреженія относилась къ тѣмъ изъ товарокъ, которыя, по ея мнѣнію, слишкомъ увлекались жизнью со всѣми ея радостями, и если-бъ тогда Зинаидѣ Николаевнѣ сказали, что наука нисколько не мѣшаетъ полюбить кого-нибудь, она отвѣтила бы полнѣйшимъ отрицаніемъ, съ горделивой нетерпимостью фанатичной неофитки.

Она вела жизнь какой-то суровой подвижницы — эта студентка, избѣгая знакомствъ, чтобы не терять даромъ времени, сторонясь отъ всего, что̀ отвлекло бы ее отъ работы. День ея былъ распредѣленъ со строгой аккуратностью, отъ которой она отступала въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Утромъ она была на лекціяхъ, затѣмъ шла домой, обѣдала, послѣ отправлялась на уроки и вечера оканчивала за занятіями у себя дома.

Она отказалась отъ стипендіи, которую ей предложили члены сибирскаго кружка въ Петербургѣ, говоря, что есть дѣвушки бѣднѣе ея и болѣе достойныя стипендіи, и никакія убѣжденія товарокъ, хорошо знавшихъ положеніе Зинаиды Николаевны, не могли поколебать рѣшенія молодой дѣвушки.

— Вы дурите, Степовая... Что̀ за цѣль отказываться отъ стипендіи? Или вы хотите все время голодать?—уговаривали ее землячки.

Зинаида Николаевна въ отвѣтъ замѣчала, что пока она не голодаетъ и что надѣется скоро достать уроки.

Уроки дѣйствительно были найдены, но какіе уроки!.. За четыре часа въ день она получала тридцать рублей въ мѣсяцъ и ухитрялась еще изъ этого заработка ежемѣсячно отсылать по десяти рублей Степанидѣ Власьевнѣ на уплату своего долга «жильцу». При этомъ она всегда писала теткѣ, что живетъ превосходно и ни въ чемъ не нуждается.

Черезъ годъ она выплатила долгъ, перебралась въ лучшую комнату и стала обѣдать каждый день... Случайно под-

вернувшаяся работа по статистикѣ, доставленная ей одной изъ товарокъ, улучшила ея положеніе: она выкупила шубу, завела кое-какія вещи, подписалась въ библіотеку и, посылая Степанидѣ Власьевнѣ къ Святой двадцать пять рублей, писала, что она теперь богачка и проживаетъ цѣлыхъ тридцать рублей въ мѣсяцъ.

На математическомъ отдѣленіи Зинаида Николаевна была лучшей студенткой, и скоро ея занятія обратили на себя вниманіе одного профессора, довольно извѣстнаго ученаго, талантливыя и живыя лекціи котораго приводили въ восторгъ слушательницъ.

Профессоръ замѣтилъ эту скромную, миловидную студентку, всегда слушавшую профессора съ какимъ-то восторженнымъ вниманіемъ. Онъ какъ-то заговорилъ съ ней, желая пощупать ея знанія, и она, вспыхнувшая до ушей, отвѣчала такъ хорошо и толково, что профессоръ въ скоромъ времени предложилъ Зинаидѣ Николаевнѣ приходить въ лабораторію заниматься.

Она, разумѣется, приняла предложеніе съ глубочайшею благодарностью, не подозрѣвая, что болѣе близкое знакомство съ профессоромъ, столь ею чтимымъ и уважаемымъ, приведетъ къ большому разочарованію.

Счастливая, что допущена въ святилище ученаго, Зинаида Николаевна работала тамъ съ какимъ-то благоговѣйнымъ трепетомъ и, разумѣется, не замѣчала страстныхъ взоровъ стараго сатира, которыми нерѣдко награждалъ ее женолюбивый профессоръ, и не понимала его тонкихъ, будто вскользь брошенныхъ намековъ на ея красоту и изящество.

Благоговѣвшая передъ профессоромъ, она приписывала особенное вниманіе и любезность, оказываемыя ей, высокой добротѣ его сердца, и не догадывалась, зачѣмъ это онъ, окончивъ занятія, тратитъ свое драгоцѣнное время на разговоры съ ней. Она торопилась уходить, чтобы не мѣшать ему, а онъ нерѣдко удерживалъ ее, разспрашивалъ, прощаясь, сильно пожималъ ей руку, задерживая ее въ своей рукѣ. Что-то заставляло ее торопиться еще болѣе, но она все-таки ничего не понимала, пока однажды профессоръ, совершенно для нея неожиданно, не завелъ интимнаго разговора о томъ, что онъ несчастливъ въ своей семьѣ, что жена его старуха, но что онъ самъ, несмотря на свои года, еще юнъ сердцемъ.

Она слушала, опустивъ глаза, и сердце ея почему-то упало, точно она ждала чего-нибудь тяжелаго.

И вдругъ онъ взялъ ее за руку. Она подняла дѣтски-испуганный взглядъ и совсѣмъ растерялась при видѣ малень-

кихъ глазокъ, горѣвшихъ какимъ-то плотояднымъ блескомъ, при видѣ взволнованнаго, раскраснѣвшагося стараго лица, показавшагося ей теперь отвратительнымъ, страшнымъ.

А онъ продолжалъ говорить, что она можетъ возродить его къ какой-то новой жизни, и предлагалъ ей любовь и снова говорилъ о ея красотѣ и нелѣпости предразсудковъ...

Что̀ говорилъ онъ еще, дѣвушка не слыхала. Она видѣла только это искаженное страстью, противное, поглупѣвшее лицо старика, она почувствовала прикосновеніе влажныхъ губъ къ своей щекѣ, и чувство оскорбленія, страха и отвращенія охватило всѣ фибры ея чистаго, цѣломудреннаго существа. Слезы хлынули изъ ея глазъ, и она выбѣжала изъ кабинета.

Профессоръ имѣлъ настолько глупости, что бросился за ней, просилъ забыть «этотъ порывъ чувства», никому о немъ не разсказывать и приходить къ нему попрежнему.

Зинаида Николаевна ни слова не отвѣчала, торопясь уйти, убѣжать скорѣе... И когда она очутилась на улицѣ, она не шла, а бѣжала, точно за ней гнались.

Только дома она нѣсколько пришла въ себя и дала волю жгучимъ слезамъ, почувствовавъ всю силу нанесеннаго ей оскорбленія...

И на другой день Зинаида Николаевна въ первый разъ не пошла на курсы. Ей стыдно было идти туда, стыдно было встрѣтиться съ профессоромъ. Страшное разочарованіе впервые стало знакомо молодой дѣвушкѣ.

На слѣдующій день она однако пошла на курсы и на лекціи женолюбиваго профессора не смѣла поднять глазъ на него. А онъ, по обыкновенію, читалъ восхитительно, увлекая слушательницъ... Талантъ такъ и билъ ключомъ въ его чтеніи, сверкая остроуміемъ, неожиданно блестящими сравненіями, необыкновенною ясностью изложенія. Зинаида Николаевна невольно взглянула на него, и лицо его теперь было совсѣмъ не то, что̀ въ тотъ день...

Лекція была окончена, и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ чрезъ аудиторію. Но вотъ его взглядъ кого-то ищетъ... Онъ останавливается.

— Отчего это вы, г-жа Степовая, пересѣли на другое мѣсто?

Зинаида Николаевна вспыхнула и отвѣчала, что ей такъ удобнѣе.

Онъ усмѣхнулся, пристально взглянулъ на нее и пошелъ далѣе.

Съ тѣхъ поръ Зинаида Николаевна ужъ не ходила больше

заниматься къ профессору и на вопросы товарокъ отвѣчала, что ей надоѣли эти занятія. На лекціяхъ она сидѣла постоянно сзади и старалась не попадаться на глаза профессору. Зато на экзаменѣ онъ ее чуть не оборвалъ, къ общему изумленію всѣхъ курсистокъ. Онъ особенно долго ее экзаменовалъ и, хоть она отвѣчала превосходно, профессоръ игралъ съ нею какъ кошка съ мышью, стараясь поставить ее втупикъ, что̀, разумѣется, было ему не трудно. Отпуская ее наконецъ и сдѣлавъ одобрительный отзывъ, онъ замѣтилъ однако, что она гораздо бы лучше знала предметъ, если-бъ не бросила занятія въ лабораторіи.

Никто, разумѣется, не понялъ скрытаго смысла этого намека и не догадался, почему, въ отвѣтъ на эти слова, Зинаида Николаевна вспыхнула и сурово сдвинула брови, почувствовавъ къ этому профессору еще большее отвращеніе.

Курсъ оконченъ. Степовая получила медаль; ея работа по высшему математическому анализу напечатана и замѣчена спеціалистами. Но, къ удивленію своему, Зинаида Николаевна вдругъ увидала, что это ее не удовлетворяетъ, что годы прошли одинъ за другимъ въ постоянныхъ занятіяхъ, а между тѣмъ она совсѣмъ отстала въ смыслѣ общаго развитія, и, при массѣ разнородныхъ знаній, у нея нѣтъ опредѣленнаго міросозерцанія, которое бы обобщало и давало направленіе всѣмъ этимъ знаніямъ. И вотъ теперь она принялась читать, стараясь наверстать прошлое время. Новый міръ открылся передъ ней, тотъ міръ, о которомъ когда-то намекалъ ей «жилецъ», и рядъ сомнѣній, рядъ вопросовъ зароился въ пытливой головкѣ. И она отдалась теперь книгамъ, какъ прежде наукѣ, попрежнему сторонясь отъ жизни, попрежнему подавляя въ себѣ жажду жизни и ведя жизнь отшельницы въ громадномъ городѣ. Уроки и книги, книги и уроки, изрѣдка театръ и тѣсный кружокъ знакомыхъ.

Такъ прошло еще два года до памятной встрѣчи у одной изъ знакомыхъ съ оканчивающимъ курсъ медикомъ.

Это былъ веселый, красивый, неглупый блондинъ, лѣтъ двадцати пяти, съ саркастическимъ складомъ ума и наклонностью къ ухаживанію. Онъ заспорилъ о чемъ-то съ Зинаидой Николаевной, назвался проводить ее домой и просилъ позволенія зайти какъ-нибудь къ ней «еще поспорить». Дня черезъ три онъ явился и сталъ затѣмъ ходить почти каждый день. Онъ подсмѣивался надъ затворничествомъ Зинаиды Николаевны, надъ ея увлеченіемъ однѣми книгами и незнаніемъ жизни, кокетничалъ съ ней своими радикальными взглядами,

высказывалъ намѣреніе, по окончаніи курса, не сдѣлаться «врачомъ-буржуемъ», а посвятить себя служенію народу и ѣхать въ деревню, совѣтуя и ей сдѣлать то же, и въ концѣ концовъ заговорилъ о любви... Зинаида Николаевна уже давно увлеклась имъ и полюбила его со всей страстью долго подавленнаго чувства. Рѣшено было, что по окончаніи курса они повѣнчаются и уѣдутъ въ деревню: онъ будетъ земскимъ врачомъ, а она сельской учительницей.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, счастливыхъ мѣсяцевъ, общихъ надеждъ, совмѣстнаго чтенія, споровъ, веселыхъ прогулокъ рука объ руку и влюбленныхъ поцѣлуевъ. Экзаменъ оконченъ, а о свадьбѣ нѣтъ разговора, и веселый блондинъ сталъ рѣже посѣщать свою невѣсту, отговариваясь разными предлогами и откладывая свое намѣреніе ѣхать на служеніе народу...

Наконецъ лѣтомъ Зинаида Николаевна получила письмо (она и до сихъ поръ почему-то сохраняетъ это жестокое письмо), въ которомъ молодой человѣкъ сообщилъ ей, что онъ принялъ порывъ чувства за настоящее чувство и потому не смѣетъ связывать и ее и себя, тѣмъ болѣе, прибавилъ онъ, связывать себя бракомъ человѣку, которому, быть-можетъ, впереди предстоитъ «борьба».

Этотъ ударъ былъ жестокимъ ударомъ для молодой дѣвушки; но онъ сдѣлался еще тяжелѣе, когда черезъ нѣсколько времени она узнала, что ея герой женился на богатой дѣвушкѣ и завелъ себѣ недурную практику, пристроившись къ одному знаменитому врачу. Такого разочарованія она не ждала.

И она еще болѣе замкнулась къ самой себѣ, оскорбленная въ своей привязанности, въ своей вѣрѣ въ любимаго человѣка.

Затѣмъ она уѣхала въ деревню... Это время было однимъ изъ свѣтлыхъ воспоминаній Зинаиды Николаевны... Два года прошли какъ-то хорошо и спокойно среди крестьянъ... Учительница сдѣлалась скоро общей любимицей, и разные шипы ея дѣятельности не могли сломить ея энергіи. Но не въ мѣру усердный становой, слишкомъ проникнутый духомъ наступившаго времени, сдѣлалъ то, чего не догадались сдѣлать недоброжелатели Зинаиды Николаевны изъ сельской аристократіи, и Зинаида Николаевна должна была оставить мѣсто.

Она вернулась въ Петербургъ и снова забѣгала по урокамъ...

А молодые годы одинъ за однимъ уходили. А жить, какъ нарочно, хотѣлось.

Въ это-то время она и встрѣтилась въ Петербургѣ съ Невѣжинымъ.

XVI.

Объясненія.

I.

Когда, на слѣдующій день послѣ пріѣзда Зинаиды Николаевны, Невѣжинъ рано утромъ пришелъ къ Василію Андреевичу, то сейчасъ же замѣтилъ, что его превосходительство не въ духѣ. Молодой человѣкъ хотѣлъ-было извиниться, что вчера не пришелъ, но Ржевскій-Пряникъ предупредилъ его и замѣтилъ раздраженнымъ тономъ:

— Я вчера за вами пять разъ посылалъ... Васъ искали и нигдѣ не могли найти, а между тѣмъ было экстренное дѣло...

— Но Сикорскій, вѣроятно, говорилъ вамъ, гдѣ я былъ...

— Что̀ Сикорскій, Сикорскій!—вспылилъ старикъ, перебивая рѣчь. — Сикорскій всегда исполнялъ мои порученія съ усердіемъ... Сикорскій!? Ну, да, онъ передалъ, что вы встрѣчали на пароходѣ какую-то барышню и изволили сказать, что не будете... Но я послѣ посылалъ записку; кажется, можно было бы догадаться, что я не изъ каприза безпокоилъ васъ, а вы все-таки...

Невѣжина начиналъ раздражать этотъ тонъ старика. Такимъ образомъ онъ никогда съ нимъ не говорилъ, и Невѣжинъ недоумѣвалъ, что̀ это значитъ. Онъ насупился и стоялъ молча, ожидая конца выговора.

— Вы хотя бы предупреждали, когда вамъ нужно исчезнуть на цѣлый день: по крайней мѣрѣ я не гонялъ бы верхового даромъ... А то, согласитесь сами, экстренное дѣло, вы необходимы, я посылаю, и вамъ не угодно пожаловать...

Невѣжинъ и не подозрѣвалъ, конечно, что раздраженіе его превосходительства было вызвано вовсе не тѣмъ, что Невѣжинъ не пришелъ вчера, а совсѣмъ другимъ обстоятельствомъ. Неприходъ Невѣжина былъ только предлогомъ излить раздраженіе и продолжать свои варіаціи на эту тему минутъ около пяти.

Невѣжинъ выслушалъ ихъ до конца, закусивъ губы, и, когда его превосходительство наконецъ окончилъ, проговорилъ:

— Но вѣдь это дѣло поправимое, Василій Андреевичъ. Если мое первое непоявленіе по вашему зову такъ раздражаетъ васъ и вызываетъ такіе длинные упреки, то не лучше ли избавить и васъ и меня отъ повторенія подобныхъ сценъ,— увольте меня отъ обязанностей вашего секретаря...

Старикъ совсѣмъ опѣшилъ.

— Ну вотъ... вы ужъ и обидѣлись!.. Точно и нельзя ста-

рику пожурить... Я и не думалъ... ей-Богу, не думалъ обидѣть васъ... Ну... ну... не сердитесь, Евгеній Алексѣичъ, и не думайте говорить объ увольненіи!—упрашивалъ, внезапно смягчаясь, старикъ.

И, съ обычною своею экспансивностью, Василій Андреевичъ всталъ, привлекъ къ себѣ Невѣжина и, цѣлуя его, проговорилъ со слезами на глазахъ:

— Вѣдь я вашего отца зналъ, пріятели были, — неужели вы старику всякое лыко въ строку?.. Я понимаю, у васъ были circonstances attenuantes; вы встрѣчали знакомую, и — говорятъ—хорошенькую, ну такъ бы и сказали...

Невѣжинъ чувствовалъ себя неловко предъ старикомъ. Онъ вспомнилъ памятное свиданіе съ его женой, окончившееся такъ неожиданно, и еще разъ пожалѣлъ о своей опрометчивости. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и обрадовался, что старикъ, видимо, не догадывается, какъ молодой человѣкъ успокоилъ тогда нервы Марьи Петровны.

А его превосходительство между тѣмъ, почувствовавъ приливъ откровенности, продолжалъ:

— Я сознаюсь, за что я на васъ сердился... Мнѣ передали, будто вы хвалились, что повернете дѣло Толстобрюхова по-своему...

— Это вздоръ. Ничего подобнаго я никому не говорилъ.

— Честное слово?

— Честное слово!

— Ну, значитъ, меня ввели въ заблужденіе... Еще разъ извините меня!—проговорилъ Василій Андреевичъ, протягивая руку.—А теперь—объ этомъ самомъ толстобрюховскомъ дѣлѣ... Я прочелъ и нахожу, что вы нѣсколько увлеклись...

— То-есть какъ увлекся?..

— Очень просто. Не зная здѣшнихъ людей, вы заключили, что Толстобрюховъ ужъ невѣсть какой злодѣй, а онъ, право, еще лучше многихъ здѣшнихъ тузовъ...

Невѣжинъ хотѣлъ-было возразить, что еще недавно самъ Василій Андреевичъ согласился съ его мнѣніемъ относительно оцѣнки Толстобрюхова, но промолчалъ.

— Я вижу, вы не согласны со мной?..

— Не согласенъ...

— Поживете здѣсь—согласитесь... Но, чтобъ не насиловать вашихъ убѣжденій, я попрошу Сикорскаго составить докладъ... Онъ неразборчивый! — улыбнулся его превосходительство: — и съ удовольствіемъ напишетъ, что ему прикажутъ...

Невѣжинъ горько улыбнулся. «Вотъ и первое его дѣло, въ которомъ онъ мечталъ быть полезнымъ, пошло прахомъ!»—

подумалъ онъ, не понимая, какъ это Василій Андреевичъ, человѣкъ, безъ сомнѣнія, безкорыстный, могъ совершить вопіющую несправедливость—хлопотать о завѣдомомъ мерзавцѣ, который непрочь былъ вступать въ сношенія съ такими господами, какъ Келасури.

А между тѣмъ дѣло было простое. Благодаря хлопотамъ Толстобрюхова, и преимущественно его деньгамъ, Василія Андреевича со всѣхъ сторонъ осаждали просьбами, и даже самъ Пятиизбянскій, контрировавшій съ его превосходительствомъ, вчера пріѣзжалъ просить за Толстобрюхова, разсказавъ, между прочимъ, сплетню, сочиненную Сикорскимъ, будто Невѣжинъ хвалится, что онъ повернетъ дѣло по-своему, при чемъ Пятиизбянскій прибавилъ, что онъ, разумѣется, не вѣритъ, чтобы вольнонаемный секретарь изъ ссыльныхъ могъ имѣть вліяніе на его превосходительство, который обѣщалъ уже давно ходатайствовать за Толстобрюхова.

Это окончательно взорвало Василія Андреевича, и онъ обѣщалъ еще разъ пересмотрѣть дѣло и, если найдетъ возможнымъ, то просить за Кира Пахомыча.

Такимъ образомъ Киръ Пахомычъ, руководимый совѣтами Сикорскаго, хоть и посѣялъ еще нѣсколько тысчонокъ, но за то разсчитывалъ выйти побѣдителемъ и, въ концѣ концовъ, снять съ себя клеймо подозрѣнія, мѣшающее ему быть избираемымъ въ общественныя должности. Кира Пахомыча грызъ честолюбивый червякъ — ему хотѣлось сдѣлаться городскимъ головой.

Передавъ Невѣжину двѣ-три бумаги и проектъ собственноручной записки для разработки, Василій Андреевичъ полюбопытствовалъ узнать: кто такая эта пріѣзжая барышня? Откуда она пріѣхала? Зачѣмъ пріѣхала?

— О красотѣ ея Сикорскій вчера такъ много разсказывалъ, что заинтересовалъ и меня и Marie... Въ особенности Marie заинтригована... Въ самомъ дѣлѣ она такъ хороша?

Невѣжинъ удовлетворилъ любопытство старика и замѣтилъ, что дѣйствительно хороша.

— Значитъ, есть теперь за кѣмъ ухаживать, а?—шутливо спрашивалъ, подмигивая, его превосходительство.

Но Невѣжинъ такъ серьезно отвѣтилъ, что за такими дѣвушками ухаживать нельзя, что Василій Андреевичъ, замѣтившій неудовольствіе молодого человѣка, тотчасъ же прекратилъ свои шуточки.

Невѣжинъ собирался уже откланяться, какъ въ кабинетъ вошла Паша и доложила, что барыня проситъ Евгенія Алексѣевича къ себѣ на одну минуту.

— Идите, идите, Евгеній Алексѣевичъ! Marie вчера цѣлый день была не въ духѣ и все разспрашивала Сикорскаго о пріѣзжей красавицѣ... Вы вѣдь знаете женщинъ? Пока ихъ любопытство не удовлетворено—онѣ неспокойны... А у Marie, вдобавокъ, еще эти нервы! — прибавилъ старикъ съ кислой улыбкой.

II.

Не съ пріятными чувствами входилъ и Невѣжинъ въ будуаръ Марьи Петровны.

При видѣ этой женщины, сидѣвшей на низенькомъ диванчикѣ, въ томъ самомъ костюмѣ, въ какомъ она была въ памятный вечеръ, съ распущенными волосами и оголенными руками, эти непріятныя чувства усилились до отвращенія, и неблагодарный молодой человѣкъ, оглядѣвъ ее быстрымъ холоднымъ взглядомъ, нашелъ сегодня Марью Петровну смѣшною въ этомъ нарядѣ вакханки. И морщинки вокругъ подведенныхъ глазъ, и темные мѣшки подъ ними, и слой румянъ, покрывавшій рыхлыя щеки, и ожирѣвшія мясистыя руки, и желтизна открытой шеи... словомъ, всѣ недочеты перезрѣвшей красавицы бросились сегодня въ глаза при дневномъ свѣтѣ.

Томный, грустный видъ, съ какимъ Марья Петровна встрѣтила молодого человѣка, молча указывая на кресло, нисколько не тронулъ Невѣжина.

«Неужели она станетъ упрекать и разыграетъ трогательную сцену? Не можетъ быть... у нея все-таки довольно такта!»—думалъ Невѣжинъ, присаживаясь въ почтительномъ отдаленіи.

— Отчего вы вчера не пришли, Невѣжинъ? — заговорила она тихимъ голосомъ.

— Некогда было, Марья Петровна.

— А я васъ такъ ждала, такъ ждала!.. — проронила она съ упрекомъ.

«Начинается!» — подумалъ Невѣжинъ, рѣшившись молча выдержать первый натискъ.

— И хотя бы вы написали строчку, а то такъ рѣзко отвѣтили Пашѣ на мое приглашеніе... Этого, признаться, я не ждала отъ васъ... Не ждала!.. — проговорила она послѣ паузы.

И Марья Петровна приложила батистовый платокъ къ глазамъ, утирая слезы и взглядывая однимъ глазомъ на Невѣжина.

Онъ сидѣлъ молча, не произнося ни одного слова утѣшенія.

«Неужели все кончено? — думала съ тоскою въ сердцѣ Марья Петровна, чувствуя озлобленіе отвергнутой женщины, мечтавшей на склонѣ лѣтъ извѣдать счастливыя минуты съ этимъ красивымъ молодымъ человѣкомъ, возбуждавшимъ ея желанія.—Зачѣмъ же тогда, въ тотъ вечеръ...»

И, чувствуя себя глубоко несчастной и обиженной, Марья Петровна нервно всхлипывала.

А Невѣжинъ, вмѣсто утѣшенія, попрежнему упорно молчалъ.

Это молчаніе, этотъ безучастный взглядъ, говорившіе лучше словъ, что мимолетный капризъ молодого человѣка едва ли повторится, задѣли за живое уязвленное самолюбіе. Она торопливо утерла слезы и проговорила съ неожиданной усмѣшкой:

— И я-то хороша. Разнервничалась. Я и забыла совсѣмъ, что вамъ вчера было не до приглашеній. Вы встрѣчали какую-то пріѣзжую красавицу?—прибавила она, зорко всматриваясь въ Невѣжина.

Онъ невольно покраснѣлъ, когда отвѣчалъ:

— Да, я встрѣчалъ одну знакомую.

— Какая-то учительница, говорятъ? — съ пренебреженіемъ кинула Марья Петровна.

— Да, она пріѣхала сюда давать уроки.

— Только для этого?

— А для чего же болѣе?

— Вамъ объ этомъ лучше знать, мосьё Невѣжинъ!—усмѣхнулась Марья Петровна.

Невѣжинъ опять покраснѣлъ и рѣзко проговорилъ:

— Кажется, ужъ вы знаете еще лучше, чѣмъ я.

— Не знаю, а догадываюсь.

— О чемъ?

— Что эта барышня, похожая на монашенку, вѣроятно, ваша пассія.

— Вы правы. Я глубоко и искренно уважаю эту дѣвушку.

— Вотъ какъ!—протянула она.—Я и не догадывалась, что вы можете такъ глубоко уважать женщину!—иронически прибавила Марья Петровна и, какъ бы спохватившись, замѣтила: — однако что-жъ я злоупотребляю вашимъ временемъ, когда вамъ нужно спѣшить домой? Простите великодушно.

И, протянувъ руку, Марья Петровна съ улыбкой свѣтской женщины простилась съ Невѣжинымъ.

Но, когда онъ ушелъ, чувство злобы, ревности и оскорбленнаго самолюбія вырвались наружу.

— Я покажу, какъ оскорблять женщину!—бѣшено повторяла она сквозь слезы, истерично рыдая.—Я покажу...

Рыданія дѣлались все сильнѣе и сильнѣе и перешли въ истерику.

— Что съ тобой, Marie, что съ тобой, милая?—испуганно спрашивалъ Василій Андреевичъ, прибѣжавшій въ будуаръ.

— Ничего, пройдетъ... не безпокойте барыню!—проговорила Паша, ухаживая за барыней.

Но въ это время Марья Петровна открыла глаза.

— Что съ тобой? Что тебя разстроило?—снова спрашивалъ Василій Андреевичъ.

— Уйди вонъ, старый дуракъ!—вдругъ крикнула Марья Петровна, и истерика усилилась.

— Уйдите, баринъ!—шепнула Паша.

И Василій Андреевичъ, махнувъ безнадежно рукой, ушелъ въ кабинетъ съ видомъ поджавшей хвостъ, провинившейся собаки, со страхомъ думая о нервахъ жены, которыхъ даже и Невѣжинъ не могъ сегодня успокоить.

XVII.

Неожиданная экскурсія.

I.

Никакъ не ожидавшій, что объясненіе съ сорокалѣтней Юноной окончится такъ благополучно и, главное, безъ тѣхъ «порцій» мелодраматическихъ сценъ, съ переходами отъ нѣжнѣйшаго piano къ бурному fortissimo, сопровождаемому истерикой,—до которыхъ такія охотницы женщины перезрѣлаго возраста, когда видятъ, что дѣло любовной интриги окончательно проиграно,—Невѣжинъ спускался съ лѣстницы въ томъ счастливомъ расположеніи духа, въ какомъ бываютъ школьники, неожиданно избѣжавшіе длиннаго выговора за совершенную шалость.

Хотя, казалось бы, прежній опытъ и долженъ былъ напомнить ему, что женщина—и особенно женщина, загорѣвшаяся поздней страстью—все прощаетъ, кромѣ оскорбленнаго самолюбія, и не слишкомъ-то радоваться этому кажущемуся хладнокровію Марьи Петровны, но, занятый своимъ чувствомъ, счастливый, что Зинаида Николаевна здѣсь, что онъ ее можетъ видѣть каждый день, Невѣжинъ забылъ о многомъ, о чемъ бы слѣдовало помнить, и не сомнѣвался, что весь этотъ «прискорбный эпизодъ» законченъ. Разумѣется, Зинаида Николаевна никогда не узнаетъ объ его «непростительно-глупомъ легкомысліи», какъ называлъ про себя этотъ неблагодарный молодой человѣкъ свое поведеніе во время памятнаго свиданія, окончившагося столь неожиданно, по крайней мѣрѣ, для самого Невѣжина.

Онъ и теперь, правда, готовъ былъ каяться заднимъ числомъ, по примѣру всѣхъ слабохарактерныхъ людей, что позволилъ увлечься мимолетнымъ животнымъ капризомъ и этимъ самымъ какъ бы осквернилъ свое чистое чувство къ любимой дѣвушкѣ, но эти покаянныя мысли пролетали быстро и нашли себѣ оправданіе въ тѣхъ ссылкахъ на слабость человѣческой природы, къ которымъ обыкновенно прибѣгаетъ въ подобныхъ случаяхъ большинство мужчинъ, такъ что, выйдя на подъѣздъ губернаторскаго дома, Невѣжинъ считалъ себя почти невиноватымъ.

Во всемъ, конечно, была, по его мнѣнію, виновата она— эта «старая, опытная кокетка со своими подведенными глазами и оголенными рыхлыми руками—чортъ бы ее побралъ!»

Успокоивъ на чужомъ обвиненіи совѣсть, Невѣжинъ вышелъ на улицу, взглянулъ и остановился, изумленный зрѣлищемъ.

Толпы народа — мужчины, женщины, подростки и даже дѣти—разбившись на кучки, бѣжали, обгоняя другъ друга, стремясь по одному направленію. Толпа эта гудѣла сдержаннымъ ропотомъ, взволнованная, возбужденная, любопытная, спѣша куда-то. По временамъ изъ кучекъ раздавались полныя ненависти восклицанія:

— Повѣсить ихъ мало, подлецовъ!

— Среди бѣла дня и такой грѣхъ!

— И чего смотритъ полиція?

— Полиція!.. Только названіе, что полиція!!

Невѣжинъ недоумѣвалъ, въ чемъ дѣло. Онъ остановилъ какого-то мимобѣгущаго человѣка въ поддевкѣ и спросилъ, куда бѣжитъ народъ.

— Туда! — торопливо отвѣчала, не останавливаясь, «поддевка», указывая куда-то рукой.

— Цѣлую семью сейчасъ вырѣзали злодѣи. Цѣлую!—пояснила, останавливаясь и переводя духъ, какая-то ветхая старушонка, слышавшая вопросъ Невѣжина.—Ни одной живой души не оставили, батюшка! Вотъ оно что! Среди бѣла дня. Видано ли такое дѣло?!

И съ послѣдними словами старушка торопливо засѣменила своими слабыми ногами, видимо, изнывая отъ нетерпѣнія скорѣй попасть на мѣсто, гдѣ было совершено преступленіе.

Охваченный чувствомъ ужаса и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытствомъ, Невѣжинъ двинулся за толпой, невольно ускоряя шаги, и черезъ нѣсколько минутъ остановился, вмѣстѣ съ другими, передъ небольшимъ, одноэтажнымъ деревяннымъ домомъ, почти въ центрѣ Большой улицы, гдѣ уже стояла громадная толпа, сдержанная и угрюмая. Полицейскіе сновали въ толпѣ, упра-

шивая разойтись, но никто не обращалъ на нихъ вниманія, никто не думалъ уходить, и городовые притихали, чувствуя, что, скажи они теперь грубое слово—толпа ихъ разнесетъ.

Прибывавшіе жадно выслушивали подробности убійства, передаваемыя въ толпѣ, крестились, проклинали убійцъ и смотрѣли на этотъ маленькій домъ, сѣренькій, покосившійся, гдѣ только-что пролилась кровь. Ворота были заперты, и калитка охранялась городовыми, пропускавшими во дворъ только публику почище. Каждый разъ, когда кто-нибудь возвращался оттуда, толпа волновалась, и новыя подробности переходили изъ устъ въ уста. Слѣдователь и прокуроръ уже тамъ... Дѣвочка еще жива. Деньги всѣ похищены. Десять тысячъ было... Вещи всѣ цѣлы... Не успѣли взять злодѣи...

Прислушиваясь ко всѣмъ этимъ толкамъ, Невѣжинъ случайно обернулся и среди массы головъ увидалъ знакомое лицо того самаго «рыжаго», котораго ужъ онъ два раза встрѣчалъ при исключительныхъ обстоятельствахъ. «Рыжій», очевидно, смутился и въ ту же минуту исчезъ куда-то.

У Невѣжина невольно мелькнуло подозрѣніе.

— Пропустите, господа, пропустите, пожалуйста!

Толпа разступилась, пропуская полицеймейстера, за которымъ молодцовато шелъ Ржевскій-Пряникъ, то и дѣло прикладывая пальцы къ козырьку фуражки, въ отвѣтъ на поклоны и сниманіе шапокъ.

Старикъ былъ взволнованъ.

— Чтобъ были разысканы эти изверги!—вдругъ крикнулъ онъ, видимо, для успокоенія толпы, обращаясь къ слѣдовавшему за нимъ частному приставу.

Тотъ почтительно наклонилъ голову.

— Злодѣи, мерзавцы!..—сердито повторилъ онъ.

— Повѣсить ихъ мало!—раздалось въ толпѣ.

Его превосходительство повернулъ голову и, увидавъ Невѣжина, пріостановился.

— Пойдемте вмѣстѣ... Хотите?

Невѣжинъ охотно согласился.

Вслѣдъ за старикомъ онъ вошелъ въ калитку, оттуда они подошли къ раскрытому крыльцу, у котораго стоялъ еще кипѣвшій самоваръ. Но передъ входомъ на крыльцо всѣ остановились. Въ сѣняхъ лежалъ еще теплый трупъ стараго человѣка съ окровавленной головой и съ тусклымъ взглядомъ выкатившихся глазъ, полныхъ, казалось, застывшаго ужаса. Около валялся окровавленный ломъ.

— Это самъ хозяинъ!..—проговорилъ полицеймейстеръ, невольно понижая голосъ.

Вошли въ комнату, небольшую, чистенькую, среди которой стоялъ столъ съ приготовленнымъ чайнымъ приборомъ, и снова всѣ остановились. У самаго стола лежала полуодѣтая старая женщина, въ капотѣ, залитомъ кровью. Рядомъ, въ маленькой темной комнаткѣ, освѣщенной однимъ окномъ, зрѣлище было еще ужаснѣе: два дѣтскіе трупа лежали среди комнаты, а въ темномъ углу, за печкой, еще трупъ—молодой женщины въ сарафанѣ... И среди тишины, царившей въ дѣтской, словно бы для контраста, весело заливалась канарейка въ клѣткѣ.

У Невѣжина кружилась голова отъ этого вида труповъ и крови, и онъ былъ доволенъ, когда всѣ вошли въ третью комнату, гдѣ были живые люди. Его превосходительство молча поздоровался съ прокуроромъ, слѣдователемъ и врачами и приблизился къ кровати, на которой лежала дѣвочка лѣтъ пятнадцати, издававшая по временамъ стоны.

— Будетъ ли она хоть жива?—тихо спросилъ, отходя, старикъ.

Докторъ безнадежно пожалъ плечами.

Въ эту минуту Невѣжинъ замѣтилъ, что дѣвочка раскрыла глаза, уставилась на него и, припоминая, казалось, что-то, вдругъ протянула впередъ руки и громко вскрикнула полнымъ мольбы и ужаса голосомъ:

— Не убивайте... не убивайте меня!

Доктора подошли къ ней. Подбѣжалъ и частный приставъ, пришедшій съ генераломъ, все время зорко и напряженно всматривавшійся во все и что-то записывавшій въ записную книжку.

— Кого вы боитесь?—спросилъ онъ...

— Этого... чернаго... съ большой бородой... Ахъ!..

И съ этими словами дѣвочка снова потеряла сознаніе.

— Напрасно вы безпокоите больную!—замѣтилъ съ неудовольствіемъ одинъ изъ врачей.

Но молодой частный приставъ въ отвѣтъ значительно усмѣхнулся и передалъ слѣдователю слова больной.

Слѣдователь, толстый, приземистый господинъ, видимо растерянный, между тѣмъ, вмѣстѣ съ другимъ полицейскимъ чиновникомъ, составлялъ протоколъ осмотра. Его сонное, одутловатое лицо, свидѣтельствовавшее о любви къ кутежамъ, не внушало особеннаго довѣрія къ его способностямъ слѣдователя. Растерянность и неумѣлость такъ и бросались въ глаза. Невѣжинъ сразу догадался, что среди всѣхъ этихъ господъ нѣтъ ни одного опытнаго въ розыскахъ человѣка, и только развѣ вотъ этотъ молодой, юркій частный приставъ еще можетъ что-нибудь сдѣлать. Недаромъ онъ пользовался репутаціей хорошаго сыщика.

Отдавъ приказаніе перевезти сильно израненную дѣвочку въ больницу, его превосходительство вышелъ на дворъ, сопровождаемый всѣми чинами.

— Срамъ... срамъ!..—проговорилъ старикъ.—Полиція совсѣмъ распущена... Среди бѣла дня, и такое ужасное преступленіе!

Полицеймейстеръ угрюмо молчалъ.

— Непремѣнно надо найти убійцъ... Непремѣнно... Г. Спасскій!—обратился его превосходительство къ молодому частному приставу. — Я на васъ надѣюсь... Если вы отыщете мнѣ убійцъ... я сумѣю наградить васъ!—прибавилъ, понижая голосъ, старикъ.—Надобно немедленно начать розыски. Сдѣлано распоряженіе?

— Сейчасъ будетъ сдѣлано!—отвѣтилъ полицеймейстеръ.

— Сейчасъ будетъ сдѣлано!—передразнилъ его превосходительство.—Это чортъ знаетъ что̀ такое... Немедленно же начните!.. Поручите это г. Спасскому.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу позволенія черезъ два часа уѣхать...

— Уѣхать? Вы думаете—убійцы уже бѣжали?

— Точно такъ-съ.

— Что-жъ, съ Богомъ... И помните, что̀ я вамъ сказалъ... Если поиски ваши увѣнчаются успѣхомъ, то...

Онъ не докончилъ рѣчи и, обратившись къ Невѣжину, тихо замѣтилъ по-французски:

— Вотъ интересное путешествіе... Хотите ѣхать съ Спасскимъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Хотите взять г. Невѣжина? Онъ вамъ не помѣшаетъ?

— Очень буду радъ!—промолвилъ Спасскій и прибавилъ:—черезъ два часа я заѣду за г. Невѣжинымъ...

Въ одиннадцать часовъ утра къ квартирѣ Невѣжина подъѣхала телѣга, и въ ней сидѣлъ одѣтый въ штатское платье человѣкъ, въ которомъ Невѣжинъ только послѣ объясненія узналъ частнаго пристава Спасскаго.

II.

— Надолго мы ѣдемъ?—спросилъ Невѣжинъ, когда телѣга покатилась.

Спутникъ его неопредѣленно пожалъ плечами.

— Кто знаетъ? Иногда эти поѣздки затягиваются... Въ прошломъ году, напримѣръ, я гнался за однимъ артистомъ цѣлыхъ двѣ недѣли...

— И поймали?

— Поймалъ! — самодовольно отвѣчалъ Спасскій. — Теперь,

впрочемъ, все будетъ зависѣть отъ того: вѣрны ли мои подозрѣнія или нѣтъ?.. Если вѣрны—сегодня же къ ночи нагонимъ молодца, который легко могъ орудовать этимъ убійствомъ...

— Но почему вы думаете, что убійца непремѣнно бѣжалъ изъ города?—разспрашивалъ Невѣжинъ.

— Показаніе дѣвочки навело меня на мысль объ одномъ очень ловкомъ негодяѣ, который ужъ нѣсколько разъ вывертывался изъ разныхъ дѣлъ... Ну, а затѣмъ эти два часа не прошли даромъ. Я навелъ справки по всѣмъ дворамъ, откуда можно достать лошадей, и оказалось, что примѣрно черезъ четверть часа послѣ убійства выѣхалъ человѣкъ, очень похожій по признакамъ на того самаго, кого я подозрѣваю.

— И вы имѣете свѣдѣнія, куда онъ поѣхалъ?

— Если бы имѣлъ, дѣло было бы очень просто! — усмѣхнулся приставъ.—То-то нѣтъ...

— Почему же мы ѣдемъ въ эту сторону, а не въ противоположную, напримѣръ? — спрашивалъ Невѣжинъ, заинтересованный разсказомъ.

— Такъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, предполагаю, куда онъ долженъ направиться... Впрочемъ, и по другимъ дорогамъ послана погоня...

— И вы надѣетесь на успѣхъ?

— Это, батюшка, трудно сказать... Въ этихъ дѣлахъ, какъ и во всякихъ, счастіе много значитъ... Только звѣрь, за которымъ мы ѣдемъ, очень крупный и опасный... Врасплохъ его не поймаешь... Того и гляди, слѣдъ замететъ и во всякомъ случаѣ легко въ руки не дастся... Револьверъ, конечно, вы взяли съ собой?

— Взялъ, а что? Развѣ можетъ понадобиться?

— Такъ, на всякій случай... Всяко бываетъ! — загадочно проговорилъ приставъ.

Телѣга между тѣмъ выѣхала за городъ.

— Ну, теперь валяй во всю!—крикнулъ Спасскій ямщику.— А вы хорошенько держитесь, Евгеній Алексѣевичъ, а то и вывалиться легко.

Ямщикъ гикнулъ, и лошади, прижавъ уши и вытянувшись, понеслись во всю прыть по широкой почтовой дорогѣ.

Черезъ часъ, отмахавши двадцать двѣ версты, тройка, еле дыша, остановилась у станціи.

— Что, не случалось такъ ѣзжать?—спрашивалъ Спасскій.— Устали?

— Нѣтъ, ничего.

Они вошли на станцію. Спасскій о чемъ-то сталъ шептаться съ смотрителемъ. Черезъ пять минутъ лошади были готовы.

— Ну, что... какія вѣсти?—спросилъ Невѣжинъ.

— Проѣхалъ!—отвѣчалъ Спасскій.

И на его лицѣ играла та радостная улыбка, которая бываетъ у охотниковъ, напавшихъ на слѣдъ звѣря.

— Онъ былъ, значитъ, здѣсь, на станціи?

— Нашли дурака! Онъ перемѣнилъ лошадей въ деревнѣ, въ трехъ верстахъ, и очень торопился, какъ сообщаютъ агенты.

— Какіе агенты?

— Да полицейскіе, двое здоровенныхъ парней. Они впереди насъ ѣдутъ. А вы думали, что мы только вдвоемъ съ вами отправились на охоту? Благодарю покорно! Я еще пожить въ свое удовольствіе желаю!—засмѣялся Спасскій.

Телѣга опять понеслась. Еще станція, другая. Вездѣ свѣдѣнія были одни и тѣ же—«проѣхалъ».

На третьей станціи путешественники сдѣлали передышку—закусили.

— А скверная ваша служба!—замѣтилъ Невѣжинъ, поглядывая на своего спутника, торопливо закусывавшаго послѣ рюмки водки.

— Д-д-д-а... Нельзя сказать, чтобы пріятная!..—философски замѣтилъ частный приставъ.—Угодно будетъ по второй?—промолвилъ онъ, наливая рюмки.—Водка порядочная!

— И, главное, за эту каторгу гроши платятъ!—заговорилъ онъ, прожевывая кусокъ сыра.—Всѣ это знаютъ и всѣ насъ ругаютъ за то, что мы изыскиваемъ дополнительныя средства для приличнаго существованія... Прикажете еще?

Невѣжинъ однако отъ третьей рюмки отказался.

— Мы здѣсь, въ Сибири, имѣемъ репутацію, такъ сказать, классическихъ воровъ! — съ веселымъ смѣхомъ прибавилъ Спасскій.

— Но эта репутація, конечно, преувеличенная?—деликатно подалъ реплику Невѣжинъ.

— Ну... лгать не стану. Гдѣ можно благородно взять, беремъ... Понимаете ли: благородно... Этакъ сорвать съ какого-нибудь толстомордаго купчины или жида... Вѣдь и они рвутъ?.. Или, напримѣръ, пріобрѣсти какой-нибудь предметъ необходимости или роскоши за пятерню... Это мы любимъ...

— Что это значитъ: за пятерню?

— А это значитъ, на чиновническомъ жаргонѣ, за пожатіе руки... Ха-ха-ха!.. Но опять-таки повторяю: благородно... Однако время-то не терпитъ... Ѣдемъ, Евгеній Алексѣевичъ... Надѣюсь — разговоръ нашъ имѣетъ чисто-конфиденціальный характеръ?—прибавилъ неожиданно Спасскій.

— Въ этомъ могли бы не сомнѣваться!..

— То-то я и говорю съ вами откровенно, какъ съ порядочнымъ человѣкомъ... Спроси меня, впрочемъ, самъ его превосходительство, я бы и ему то же сказалъ... Да и кто этого не знаетъ?—прибавилъ Спасскій.—Бѣда только въ томъ, что многіе неблагородно берутъ...

— То-есть какъ это неблагородно?

— Вымогаетъ, пристаетъ, или сорветъ, да ничего не сдѣлаетъ... По-моему, это вовсе ужъ неблагородно!..—пояснилъ, садясь въ телѣгу, Спасскій.

Стемнѣло, когда телѣга подъѣхала къ четвертой станціи. Едва наши путешественники выскочили изъ телѣги, какъ къ Спасскому подошелъ одинъ изъ «агентовъ», высокій, молодцоватый парень, и сталъ о чемъ-то докладывать.

Невѣжинъ увидѣлъ, что лицо пристава озарилось улыбкой. Онъ отдалъ полицейскому какое-то распоряженіе и, когда тотъ ушелъ, сказалъ Невѣжину:

— Ну, кажется, накроемъ голубчика. Онъ долженъ ночевать въ заимкѣ, верстахъ въ пятнадцати отсюда. Глухое мѣсто... Тамъ одинъ старый поселюга живетъ. Притонъ настоящій содержитъ. Я велѣлъ еще двухъ мужиковъ на подмогу взять, и затѣмъ отправимся.

— А развѣ опасно, что вы принимаете такія предосторожности?

— А чортъ ихъ знаетъ, на кого тамъ нарвемся!

Черезъ четверть часа, послѣ того, какъ напились чаю, три тройки, одна за другой, тронулись въ путь и, проѣхавъ версты три по большой дорогѣ, свернули въ сторону. Дорога шла лѣсомъ. Ночь выдалась, что̀ называется, воробьиная, ни зги не видать, и лошади тихо подвигались впередъ среди безмолвія непроницаемаго мрака. Колокольчики были подвязаны.

Всѣ хранили молчаніе. Такъ проѣхали часъ. Время, казалось Невѣжину, тянулось необыкновенно долго.

— Что̀, скоро заимка?—спросилъ онъ.

— Теперь, вѣрно, скоро!—тихо и нервно отвѣтилъ Спасскій и сталъ закуривать папироску.

При свѣтѣ спички Невѣжинъ замѣтилъ, что спутникъ его взволнованъ. И самъ онъ былъ въ нервномъ, напряженномъ состояніи.

Наконецъ впереди мелькнулъ слабый огонекъ. По приказанію Спасскаго, тройки остановились.

— Это и есть заимка, — вполголоса сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

Всѣ вышли изъ телѣгъ и тихо, одинъ за другимъ, пошли

по направленію мигавшаго огонька, въ глубокомъ молчаніи. Телѣги остались сзади.

Когда, среди безмолвія ночи, вдругъ невдалекѣ тявкнула собака, затѣмъ другая, третья, и огонекъ вдругъ исчезъ, Невѣжина охватило то безотчетное чувство страха и волненія, которое испытываютъ люди въ ожиданіи неизвѣстной опасности.

XVIII.

Старый знакомый.

Собаки стали заливаться сильнѣй. Слышно было, что вблизи фыркаютъ лошади, но какъ ни напрягалъ Невѣжинъ зрѣнія, а жилья не видалъ.

— Стучаться, что ли, ваше благородіе?—раздался тихій голосъ передового.

— Подожди... Вы здѣсь, Евгеній Алексѣевичъ? —спросилъ Спасскій.

— Здѣсь...

— А задніе?

— Всѣ здѣсь!—отвѣчалъ чей-то голосъ сзади Невѣжина.

— Стучись! — разрѣшилъ Спасскій.— Имѣйте револьверъ наготовѣ,—шепнулъ онъ.

Невѣжинъ и безъ предупрежденія нервно сжималъ въ карманѣ пальто ручку револьвера.

Раздался стукъ въ ворота. Никто не выходилъ. Только собаки бѣшено лаяли. Наконецъ послышались шаги, и чей-то голосъ безпокойно спросилъ:

— Кто тутъ?

— Прохожіе... Пусти переночевать, Макарычъ!—отвѣчалъ Спасскій измѣненнымъ голосомъ.

— Сколько васъ?

— Двое, двое, Макарычъ... Изъ Вяткиной пробираемся.

Ворота открылись. У воротъ, съ фонаремъ въ рукахъ, стоялъ какой-то человѣкъ. Невѣжинъ успѣлъ разглядѣть въ немъ высокаго старика.

— Здорово, Макарычъ!—заговорилъ Спасскій своимъ голосомъ, быстро подходя къ старику.—Принимай, братъ, гостей... Много ихъ.

И всѣ шесть человѣкъ очутились на дворѣ.

— Да вы кто такіе будете?—тревожно спросилъ старикъ.

— Не узналъ, что ли?.. Ну-ка, посмотри хорошенько.

Невѣжинъ видѣлъ, какъ сразу передернулось лицо старика, когда онъ, поднявъ фонарь, увидѣлъ Спасскаго. Но, видимо

стараясь казаться спокойнымъ, онъ поклонился и съ напускнымъ спокойствіемъ проговорилъ:

— Чуть-было не обознался, ваше благородіе... Милости просимъ...

— Ну, Макарычъ, теперь, братъ, сказывай: кто да кто у тебя?..

— Да проѣзжій одинъ, ваше благородіе...

— Проѣзжій... Заблудился, видно? Мы за нимъ-то и пріѣхали къ тебѣ въ гости... Веди-ка къ нему!.. Да смотри, Макарычъ, безъ баловства!..—строго прибавилъ Спасскій. — Насъ, видишь ли, сколько.

Макарычъ бросилъ безпокойный взглядъ изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей на своихъ, видимо, нежданныхъ гостей и, не говоря ни слова, пошелъ впередъ.

Черезъ минуту всѣ вошли въ небольшую комнату.

— Здѣсь!—прошепталъ Макарычъ, указывая на дверь.

— Одинъ?..

— Одинъ! Спитъ, должно-быть...

— А вотъ мы его побудимъ!.. Иди-ка впередъ, Макарычъ!

И съ этими словами, вслѣдъ за старикомъ, въ двери вошли Спасскій и Невѣжинъ.

На кровати, въ углу комнаты, лежала чья-то мужская фигура. При свѣтѣ огня Невѣжинъ, къ удивленію своему, увидалъ знакомое лицо Келасури.

— Его-то намъ и нужно!—весело проговорилъ Спасскій.

Въ эту минуту Келасури проснулся и соннымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ глядѣлъ на стоявшихъ передъ нимъ людей. Но вдругъ его лицо, смуглое, заросшее бородой, съ загнутымъ, какъ у хищной птицы, армянскимъ носомъ, исказилось выраженіемъ ужаса. Зрачки глазъ расширились; губы вздрагивали. Еще секунда, и онъ, полуодѣтый, присѣлъ на кровати, озираясь вокругъ съ видомъ звѣря, застигнутаго врасплохъ. Ловкимъ движеніемъ руки онъ незамѣтно досталъ изъ-подъ подушки револьверъ и нервно сжималъ его въ своей волосатой рукѣ.

Невѣжинъ наблюдалъ за нимъ. Онъ видѣлъ, какъ мрачно блистали его большіе темные глаза, острые и горячіе, какъ быстро ощущеніе страха, злобы и отчаянія отражались на этомъ сухомъ, мускулистомъ, напряженномъ и сосредоточенномъ лицѣ, какъ напрягались жилы на его низкомъ, сморщенномъ лбѣ, покрытомъ каплями пота... Казалось, этотъ человѣкъ не пришелъ ни къ какому рѣшенію. Такъ прошла еще секунда-другая — и рѣшеніе, очевидно, было принято. Лицо Келасури застыло въ выраженіи спокойнаго изумленія.

— Чуть-было не напугали меня!—проговорилъ онъ сдержаннымъ спокойнымъ тономъ, пряча револьверъ и вопросительно глядя на Спасскаго.

Тотъ еще наканунѣ снова преобразился въ полицейскаго чиновника, и Келасури отлично его узналъ.

— Совершенно напрасно, г. Келасури!—отвѣчалъ самымъ добродушнымъ тономъ Спасскій и неожиданнымъ движеніемъ досталъ изъ-подъ подушки револьверъ. — Долго ли до грѣха съ перепугу! Лучше его спрячемъ!—прибавилъ онъ, опуская револьверъ въ карманъ.

Келасури еще съ бо̀льшимъ удивленіемъ взглянулъ на Спасскаго, повидимому, недоумѣвая.

— А я вотъ къ вамъ маленькое дѣльце имѣю! — продолжалъ Спасскій.

— Ко мнѣ?—переспросилъ, все еще удивляясь, Келасури.

— Да, такъ, кое-какія свѣдѣнія нужно собрать... Такъ ужъ вы соблаговолите одѣться... Не стѣсняйтесь, пожалуйста...

Когда Келасури одѣвался, Спасскій не спускалъ съ него глазъ, слѣдя за каждымъ его движеніемъ.

— Я къ вашимъ услугамъ... Что̀ вамъ угодно?—спросилъ, одѣвшись, Келасури.

На немъ былъ хорошо сшитый городской костюмъ.

— Ты бы, Макарычъ, вышелъ пока... Эй! Степановъ... Займи-ка Макарыча... Да чтобы онъ какъ-нибудь того... грѣхомъ не убѣжалъ... Понимаешь?—прибавилъ Спасскій, отдавая приказаніе вошедшему полицейскому. — Садитесь-ка, г. Келасури, и не будьте, пожалуйста, на насъ въ претензіи, что мы васъ побезпокоили... Сами понимаете, служба ужъ такая...

Келасури пожалъ только плечами и не проронилъ слова.

— Ну-съ, такъ вотъ дѣльце какое... Скажите, пожалуйста, давно ли вы изъ Жиганска?..

— Вчера...

— Такъ-съ... Въ которомъ часу изволили выѣхать?..

— А, право, не помню хорошо... Знаю, что рано... часу этакъ въ шестомъ... А почему васъ это такъ интересуетъ?..

— Сейчасъ скажу... Прежде только объясните: сюда какъ вы попали?

— Да, полагаю, такъ же, какъ и вы... Сбился съ дороги...

— Сбились съ дороги?.. Такъ, такъ-съ... А выѣхали въ шестомъ часу?..—какъ бы въ раздумьѣ протянулъ Спасскій, видимо, доставляя себѣ удовольствіе тянуть эту прелюдію допроса.—Значитъ, объ убійствѣ въ Жиганскѣ не слыхали?

— А развѣ случилось убійство? — такъ спокойно переспросилъ Келасури, что Невѣжинъ готовъ былъ въ эту

минуту думать, что Спасскій ошибается, подозрѣвая этого человѣка.

— Какъ же, пять человѣкъ убито... Но только дѣвочка-то жива, г. Келасури!—неожиданно прибавилъ Спасскій, глядя прямо въ глаза Келасури.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ. Онъ только презрительно поджалъ губы и, усмѣхнувшись, промолвилъ:

— Ужъ не меня ли вы подозрѣваете?..

— То-то васъ, г. Келасури. Нечего передъ вами играть комедію... Вы, слава Богу, человѣкъ умный и сами, я думаю, догадались... Кстати, что̀ это у васъ за шрамъ?..—вновь неожиданно спросилъ Спасскій, указывая пальцемъ на свѣжую, довольно большую царапину подъ самымъ глазомъ.—Вѣрно, ушиблись?..

— Ушибся!—смѣясь, отвѣтилъ Келасури. — А вѣдь вы, г. Спасскій, напрасно прикатили за мной, ей-Богу, напрасно... Конечно, это ваше дѣло, а все-таки... напрасно... Я еще убійцей не бывалъ!—проговорилъ онъ сухо и сдержанно, точно скрывая про себя обиду.—Руки для этого слишкомъ чисты!—брезгливо прибавилъ онъ, показывая свои небольшія мускулистыя руки.

— А все-таки я васъ арестую.

— Вижу, что такъ...

— И, ужъ извините, обыщу васъ.

— Сдѣлайте одолженіе...

Спасскій позвалъ полицейскаго и что-то шепнулъ ему. Невѣжинъ въ это время перехватилъ полный ненависти взглядъ Келасури, брошенный на Спасскаго.

— Не лучше ли, г. Келасури, безъ всякихъ этихъ миндальностей...—снова сказалъ Спасскій.

— То-есть какъ?

— Да такъ... Сознавайтесь... вѣдь это дьявольски-смѣлое убійство—дѣло вашихъ рукъ?..

— Охота вамъ вздоръ говорить, г. Спасскій... А впрочемъ...,

Какая-то мысль, очевидно, пробѣжала у него въ головѣ, и онъ вдругъ сказалъ:

— Попросите-ка этого господина выйти на минутку...

Невѣжинъ ушелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ Макарычъ и ямщикъ находились уже связанными.

Черезъ минуту Спасскій позвалъ Невѣжина.

— Сдѣлка не состоялась!.. Сейчасъ г. Келасури предлагалъ мнѣ пять тысячъ, если я его выпущу отсюда!—весело говорилъ Спасскій.

— И не думалъ... Лжете вы! Предложи вамъ и тысячу, вы навѣрное бы выпустили!—проговорилъ Келасури.

Вошли двое полицейскихъ и стали обыскивать Келасури. Ничего подозрительнаго не найдено было ни на немъ ни въ его чемоданѣ.

Спасскій, видимо, начиналъ безпокоиться. Тѣмъ не менѣе онъ приказалъ связать Келасури, и, когда это было сдѣлано, самъ Спасскій началъ обыскивать комнату. Обыскали весь домъ—и ничего не нашли. Тогда кто-то подалъ мысль осмотрѣть телѣгу.

Келасури вздрогнулъ.

Черезъ десять минутъ Спасскій возвратился сіяющій. Въ рукахъ у него была большая пачка денегъ и билетовъ.

— А вѣдь остроумно придумано... Какъ вы полагаете, гдѣ были деньги?—обратился онъ къ Невѣжину.

— Гдѣ?

— Врублены въ бокъ телѣги... Откуда это у васъ столько денегъ, г. Келасури?

— А почему вы думаете, что это мои деньги?—нагло переспросилъ тотъ.

— У слѣдователя вы, вѣрно, будете разговорчивѣе... Смотри въ оба за нимъ!—строго проговорилъ Спасскій и, приставивъ къ Келасури двухъ полицейскихъ, онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату и снялъ допросъ съ Макарыча и ямщика.

Съ разсвѣтомъ три тройки ѣхали обратно, везя арестованныхъ. На одной изъ нихъ, между двухъ полицейскихъ, сидѣлъ Келасури съ наручниками. Спасскій былъ необыкновенно веселъ и всю дорогу болталъ безъ умолку, вспоминая прежніе свои подвиги.

Къ вечеру пріѣхали въ Жиганскъ, и три арестанта были тотчасъ же заключены въ острогъ.

XIX.

Въ театрѣ.

I.

Вечеромъ слѣдующаго дня назначенъ былъ дебютъ только-что пріѣхавшей актрисы Панютиной, о талантѣ которой шла хвалебная молва. Говорили, что такой замѣчательной артистки въ Жиганскѣ еще не было, и пріѣздъ ея въ Сибирь, послѣ тріумфовъ на разныхъ сценахъ, объясняли какой-то романической исторіей. Въ мѣстномъ «Листкѣ» была напечатана ея біографія съ цѣлымъ букетомъ хвалебныхъ отзывовъ другихъ провинціальныхъ газетъ, и репортеръ, собиравшій эти свѣдѣнія и одаренный южной впечатлительностью, на всѣхъ перекресткахъ кричалъ о необыкновенной красотѣ и не менѣе не-

обыкновенномъ умѣ «божественной примадонны», жалуясь, что редакція «Листка» значительно исказила доставленную имъ біографію, исключивъ самыя «горячія мѣста» изъ его впечатлѣній при знакомствѣ съ артисткой. Наконецъ самъ Ржевскій-Пряникъ, старый театралъ, проведшій свою молодость среди актрисъ и понимавшій толкъ въ сценическомъ искусствѣ,—усердно пропагандировалъ Панютину, которую раньше видѣлъ на клубныхъ сценахъ Петербурга, и, съ обычной своей экспансивностью, всѣмъ рекомендовалъ идти посмотрѣть замѣчательную актрису, при чемъ многимъ конфиденціально прибавлялъ, щуря свои маленькіе глазки, какъ котъ, которому чешутъ за ухомъ, что Панютина прехорошенькая, препикантная женщина.

Къ восьми часамъ вечера маленькій жиганскій театръ, обыкновенно пустой, былъ полонъ. Представители болѣе виднаго чиновничества, богатаго купечества, инженеры, военные, учителя и наконецъ знаменитости разныхъ уголовныхъ процессовъ—«бубновые тузы» на покоѣ,—словомъ, «весь Жиганскъ» былъ налицо. Дамы, наполнявшія ложи, особенно щеголяли сегодня своими костюмами, а купеческія жены и брильянтами. Мужчины принарядились и имѣли праздничный видъ; восторженный репортеръ поминутно выбѣгалъ изъ залы и озабоченно сіялъ, точно самъ онъ до нѣкоторой степени былъ виновникомъ этого торжества.

У рампы толпилась кучка молодыхъ людей изъ мѣстныхъ франтовъ, среди которыхъ обращалъ на себя вниманіе высокій бѣлокурый господинъ, принимавшій различныя позы съ напускнымъ видомъ небрежнаго равнодушія. Онъ то вытягивался, то наклонялся впередъ, напоминая собой дрессированнаго жеребца, выведеннаго для гонки на кордѣ. Тутъ же, серьезный и сосредоточенный, съ внушительнымъ видомъ человѣка, сознающаго бремя предстоящихъ обязанностей, стоялъ и рецензентъ «Листка»—гроза бѣдныхъ артистовъ, давно уже собиравшихся «проучить» строгаго зоила, не дававшаго пощады.

Оркестръ, способный привести въ бѣшенство даже самаго нетребовательнаго слушателя, только-что окончилъ какое-то «морсо» и собирался вновь терзать уши, когда въ крайней ложѣ, минутъ за пять до восьми часовъ, появилась представительная фигура ея превосходительства, сопровождаемая бодрящимся и, видимо, веселымъ старикомъ-супругомъ. Вслѣдъ затѣмъ въ залу вошелъ, молодцовато потряхивая бедрами и привѣтливо пожимая знакомымъ руки, полицеймейстеръ. Онъ былъ въ духѣ и, весело улыбаясь, тотчасъ же сообщилъ но-

вость, что только-что пойманъ и другой подозрѣваемый участникъ убійства. «Теперь Келасури заговоритъ!»—таинственно прибавлялъ онъ, подмигивая глазомъ и поглядывая по временамъ на губернаторскую ложу.

Марья Петровна сегодня была особенно эффектна въ своемъ темно-вишневомъ бархатномъ платьѣ, отдѣланномъ кружевами, съ букетикомъ бѣлыхъ розъ у груди. Испанская кружевная косынка, наброшенная на голову, не закрывала ея блестящихъ черныхъ волосъ, гладко зачесанныхъ назадъ, что̀ значительно моложавило ея красивое, свѣжее, горѣвшее парижскими румянами лицо, а прелестно подведенные глаза искрились огонькомъ. Презрительно щурясь, она лѣниво обводила глазами публику ложъ и партера, отвѣчая чуть замѣтными кивками на почтительные поклоны, какъ вдругъ съ лица ея исчезла улыбка, и она быстрымъ движеніемъ взяла съ барьера бинокль и навела его на задніе ряды креселъ.

— Однако я ожидала, что у твоего Невѣжина лучшій вкусъ!—проговорила Марья Петровна слегка вибрирующимъ отъ волненія голосомъ, обращаясь къ мужу.

— А что̀?.. Чѣмъ ты, Marie, недовольна Невѣжинымъ?—засуетился старикъ, нѣсколько удивленный, что жена, которая, казалось, такъ расположена была къ молодому человѣку, теперь употребила выраженіе: «твой Невѣжинъ».

— Эта его пассія... пріѣхавшая курсистка совсѣмъ не привлекательна,—протянула Марья Петровна, презрительно сжавъ губы.—Вѣрно, это она, рядомъ съ нимъ, въ костюмѣ кающейся грѣшницы?—насмѣшливо прибавила она, кивнувъ головой на партеръ.

Василій Андреевичъ навелъ бинокль и смотрѣлъ на Зинаиду Николаевну едва ли не долѣе, чѣмъ бы слѣдовало для подачи своего мнѣнія, на этотъ разъ положительно несогласнаго съ мнѣніемъ супруги. Онъ, напротивъ, нашелъ, что эта дѣвушка необыкновенно привлекательна и изящна въ своемъ скромномъ черномъ костюмѣ,—но, не желая портить себѣ вечера, обѣщающаго удовольствіе, дипломатически проговорилъ, окончивъ осмотръ:

— Ничего особеннаго, конечно, но...

— Но что̀?

— Но все-таки... недурна!—прибавилъ онъ, не рѣшаясь слишкомъ погрѣшить противъ истины.

— Удивляюсь, какъ ты, знатокъ красоты,—подчеркнула она ядовито:—не видишь въ этой дѣвушкѣ чего-то вульгарнаго... А этотъ носъ, губы!.. И наконецъ она и не молода... Впрочемъ, теперь для тебя, кажется, всякая юбка недурна!—при-

бавила Марья Петровна съ презрительной усмѣшкой, стараясь подавить закипавшее раздраженіе...

— Ты, вѣрно, Marie, ее худо разсмотрѣла!—оправдывался Василій Андреевичъ.—Конечно, въ ней есть что-то вульгарное—не спорю, ты права,—но черты лица.

Но Марья Петровна не слушала и снова навела бинокль, терзаемая неодолимымъ желаніемъ еще разъ взглянуть на дѣвушку, благодаря которой она была жестоко оскорблена Невѣжинымъ.

«Такъ вотъ она, эта виновница!»—думала Марья Петровна, жадно впиваясь глазами въ Зинаиду Николаевну.

И глухая ненависть все болѣе и болѣе разгоралась въ сердцѣ отставной красавицы при видѣ Зинаиды Николаевны, которая сидѣла рядомъ съ этимъ красивымъ Невѣжинымъ, видимо, счастливымъ и сіяющимъ, не перестававшимъ о чемъ-то разговаривать съ своей сосѣдкой и, казалось, забывшимъ обо всемъ на свѣтѣ.

— Ну, что... Остаешься ты при прежнемъ мнѣніи, Marie?—добродушно спросилъ ничего не подозрѣвавшій супругъ.

— Пожалуй, ты правъ, Basile. Теперь я лучше разсмотрѣла... Эта... особа не такъ дурна!—тихо, совсѣмъ тихо, едва сдерживая волненіе, проговорила Марья Петровна самымъ ласковымъ тономъ.

И Василій Андреевичъ, давно не помнившій, чтобы жена въ чемъ-нибудь съ нимъ соглашалась, не безъ радостнаго удивленія услышалъ ея ласковый, даже нѣжный голосъ и, взглянувъ на жену, слегка поблѣднѣвшую, но улыбающуюся, съ блестящими глазами и горделиво поднятой головой,—сказалъ съ рыцарской любезностью:

— За то ты, Marie, сегодня необыкновенно авантажна.

— Ты находишь?—усмѣхнулась Марья Петровна.—Однако сейчасъ начинаютъ! Посмотримъ, какова твоя хваленая Панютина!—любезно прибавила эта актриса-зрительница и повернулась къ сценѣ, когда, среди внезапно наступившей тишины, взвился занавѣсъ.

II.

Шла пьеса мало извѣстнаго драматурга, пьеса, не отличающаяся большими достоинствами, но съ недурно намѣченными двумя-тремя характерами, дающими благодарный матеріалъ для игры. Особенно удачна была главная женская роль, исполнявшаяся дебютанткой.

Панютина показала себя незаурядной актрисой. Высокая, статная, съ выразительными чертами лица, съ чуднымъ голо-

сомъ, способнымъ выражать разнообразные оттѣнки, она съ перваго же акта приковала вниманіе зрителя. И, глядя на эту властную, энергичную молодую женщину, каждое слово которой выдавало скрытую ненависть къ старому, суровому богачу-мужу, зритель чувствовалъ, что съ подобной женщиной шутить нельзя, что, разъ ею овладѣетъ страсть, она охватываетъ ее всю, и горе тѣмъ, кто стоитъ на пути. Съ перваго же дѣйствія было видно, что безхарактерный, слабый молодой человѣкъ, влюбившійся въ нее, станетъ ея жертвой, если только и она полюбитъ его. Но она еще словно въ раздумьѣ и какъ бы сама боится рокового чувства. Ей, видимо, и нравится этотъ красивый, слащавый, восторженный юноша, и въ то же время она его слегка презираетъ, понимая всю слабость и ординарность его натуры. Но страсть заразительна, и когда въ концѣ перваго акта юноша въ пламенныхъ рѣчахъ говоритъ ей о своей любви, во всемъ лицѣ ея, во всей фигурѣ чувствуется внутренняя борьба, и наконецъ она такъ холодно и жестко смѣется, стараясь этимъ смѣхомъ скрыть овладѣвшее ею волненіе, что зрители притаили дыханіе, съ тяжелымъ чувствомъ, точно въ ожиданіи надвигавшейся грозы.

«Уйдетъ ли этотъ влюбленный юноша, послѣ такого оскорбительнаго смѣха, по-добру по-здорову?»—невольно проносилось въ головѣ у каждаго.

Но юноша, по примѣру всѣхъ слащавыхъ юношей, не только не понялъ опасности и не ушелъ послѣ этого презрительнаго смѣха, но въ новомъ монологѣ сталъ изливать свои чувства и просить какъ милости—не гнать его, позволить ему хоть изрѣдка ее видѣть... словомъ, повторилъ все то, что̀ неизмѣнно повторяется въ такихъ случаяхъ съ сотворенія міра.

И она слушала, слушала, и эта любовная музыка рѣчей опьяняла ее.

Зритель чувствовалъ, что гроза надвигается ближе и ближе, когда артистка вдругъ проговорила шопотомъ, суровымъ и въ то же время полнымъ страсти: «Любить меня не забава... Можете ли вы такъ любить?»

Юноша, конечно, обѣщаетъ, не понимая, что̀ онъ обѣщаетъ, и когда артистка со словами, полными рокового значенія:—«смотри же, я тебя предупредила!»—вся трепещущая, счастливая, замирающая отъ страсти, бросается къ нему на шею,—весь театръ дрогнулъ отъ рукоплесканій, и вызовамъ послѣ перваго акта не было конца.

— Что̀, какова... какова Панютина?—восторженно говорилъ Ржевскій-Пряникъ, обращаясь къ женѣ.

Но Марья Петровна даже не удостоила отвѣтомъ мужа,

который, искоса взглянувъ на жену, немедленно исчезъ изъ ложи, чтобы пойти за кулисы и поздравить артистку съ огромнымъ успѣхомъ.

Марьѣ Петровнѣ было не до разговоровъ. Она вся находилась подъ обаяніемъ игры и невольно отожествляла себя съ героиней пьесы. Ей хотѣлось, по крайней мѣрѣ, походить на нее и думать, что положеніе ея сходно. И она несчастлива съ мужемъ—правда, онъ не суровый тиранъ пьесы, но отъ этого вѣдь не легче! И она хочетъ любви и счастья, которое уже было-началось, если-бъ не эта... Злоба и жажда страсти душили ее. Она въ эту минуту ненавидѣла Зинаиду Николаевну и Невѣжина со всей силой оскорбленнаго самолюбія и неудовлетвореннаго желанія. И обида принимала болѣе острый характеръ послѣ того, какъ она видѣла ихъ вдвоемъ, счастливыхъ и радостныхъ, послѣ того, какъ она вновь вспоминала оскорбительное пренебреженіе, съ какимъ этотъ обласканный ею Невѣжинъ разорвалъ отношенія... И это въ благодарность за то, что она принесла ему въ жертву супружескій долгъ!..—думала Марья Петровна, доставляя себѣ удовольствіе иллюзіи—быть въ видѣ жертвы... Ничего подобнаго еще не случалось съ ней раньше... Она, положимъ, и прежде увлекалась и даже не разъ приносила въ жертву любви супружескій долгъ, но всегда она бросала любовниковъ, а не они ее!—подумала Марья Петровна, припоминая длинный рядъ прежнихъ своихъ увлеченій.

Невольно взглянула она въ партеръ, но тѣхъ, кого она искала, не было. Вмѣсто нихъ, она встрѣтила пристальный взглядъ Сикорскаго, давно уже незамѣтно наблюдавшаго за ней. Въ отвѣтъ на его низкій почтительный поклонъ, она легкимъ движеніемъ головы подозвала его и, поднявшись съ мѣста, вышла въ коридоръ.

— Извините, Михаилъ Яковлевичъ, что безпокою васъ... Василій Андреевичъ, вѣрно, за кулисами, и мнѣ не къ кому обратиться. Принесите, пожалуйста, стаканъ воды... Здѣсь сегодня такая жара...

Чуткое ухо Сикорскаго уловило особенную любезность въ тонѣ голоса, а взглядъ его увидалъ самую милую и ласковую улыбку, какой давно не дарила Михаила Яковлевича недолюбливавшая его Марья Петровна.

«Не за водой ты меня, матушка, позвала!»—подумалъ онъ и въ то же время спросилъ:

— Не позволите ли принести вамъ лимонаду?

— Нѣтъ, нѣтъ... воды.

Черезъ минуту онъ ужъ подавалъ воду и спрашивалъ:

— Какъ вамъ понравилась Панютина?

— Хороша...

— Всѣ отъ нея въ восторгѣ... Вотъ только Евгеній Алексѣичъ недостаточно ею восхищенъ...

— Ему она не нравится?—съ самымъ равнодушнымъ видомъ усмѣхнулась Марья Петровна.

— То-то не особенно... Да онъ и не смотрѣлъ на сцену!..—засмѣялся Сикорскій.—Онъ больше занятъ былъ своей сосѣдкой... Прехорошенькая барышня!—какъ бы невзначай кинулъ Сикорскій, глядя съ самой невинной улыбкой на Марью Петровну.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Признаться, я не обратила особеннаго вниманія... Такъ, мелькомъ взглянула!..—отвѣтила Марья Петровна все тѣмъ же спокойнымъ тономъ.

Но голосъ ея слегка дрогнулъ, и гримаска пробѣжала по лицу.

— Сдается мнѣ, что нашъ молодой человѣкъ отъ этой барышни безъ ума...

— А она?—вырвался нетерпѣливый вопросъ у Марьи Петровны.

— Она... О, тутъ цѣлая романическая исторія... Если позволите, я вамъ когда-нибудь разскажу, а теперь не смѣю безпокоить васъ разсказомъ... Сейчасъ начинаютъ!..—прибавилъ Сикорскій, наклоняя голову.

— Такъ пріѣзжайте послѣ спектакля разсказать эту исторію!.. Я люблю романическія исторіи!—проговорила она съ искусственнымъ смѣхомъ.

— Это про какую исторію?—подхватилъ Василій Андреевичъ, подходя къ нимъ веселый и сіяющій послѣ четверти часа, проведеннаго за кулисами за комплиментами Панютиной.

— Про одну пикантную исторійку, ваше превосходительство!—проговорилъ Сикорскій, удаляясь съ почтительнымъ поклономъ.

Начался второй актъ. Съ появленіемъ Панютиной театръ затихъ. Всѣ взоры были устремлены на артистку, теперь счастливую женщину, наслаждающуюся взаимной любовью, мягкую и нѣжную, пока мужъ не узнаётъ о невѣрности жены и не грозитъ выгнать ее изъ дома, лишивъ наслѣдства. И только-что началась сцена объясненія съ мужемъ, въ которой жена высказываетъ, что она его никогда не любила и что любитъ другого, при чемъ, въ свою очередь, грозитъ мужу местью, если онъ посмѣетъ исполнить свои угрозы,—какъ въ двери боковой ложи вошелъ полицеймейстеръ и доложилъ, что только-что получено извѣстіе о побѣгѣ Келасури изъ острога.

«Чортъ бы его побралъ!»—подумалъ Василій Андреевичъ, выходя недовольный въ коридоръ, чтобъ сдѣлать нужныя распоряженія.

XX.

Любопытная «исторійка».

Послѣ спектакля Сикорскій поѣхалъ къ Ржевскимъ-Пряникамъ и за чайнымъ столомъ разсказалъ обѣщанную романическую «исторійку», ожиданіе которой заставило Марью Петровну волноваться во все продолженіе спектакля. Разсказъ Сикорскаго, полный пикантныхъ подробностей, частью сообщенныхъ ему, частью вымышленныхъ имъ самимъ, произвелъ на влюбленную барыню сильное впечатлѣніе и окончательно убѣдилъ ее въ невозможности вернуть Невѣжина. Несмотря на умѣнье скрывать свои ощущенія, Марья Петровна все-таки не могла скрыть отъ проницательныхъ взоровъ такого опытнаго сердцевѣда, какъ Сикорскій, волненія, возбужденнаго въ ней разсказомъ. Сикорскій и раньше подозрѣвалъ, что потерей мѣста частнаго секретаря при Василіи Андреевичѣ онъ обязанъ его супругѣ, и что особенное покровительство, оказываемое «старикомъ» Невѣжину, было дѣломъ рукъ Марьи Петровны и, главнымъ образомъ, ея любовныхъ вожделѣній и разстроенныхъ нервовъ. Теперь онъ вполнѣ убѣдился, что «баба влюблена, какъ кошка», и втайнѣ ликовалъ, что Невѣжинъ оказался дуракомъ, уклонившись, повидимому, отъ чести успокаивать нервы опытной въ амурахъ перезрѣлой красавицы. Она не проститъ этого прекрасному Іосифу, лишившему ее такого удобнаго случая. Его шансы упадутъ, и влюбленная супруга теперь сама подастъ мужу мысль удалить молодого человѣка,—надо только взвинтить ее хорошенько!

Такъ думалъ Сикорскій и продолжалъ «взвинчивать», разсказывая не безъ патетическаго одушевленія перипетіи романической исторіи, окончившейся для Невѣжина ссылкой въ мѣста не столь отдаленныя.

— Не правда ли, любопытная исторійка?—обратился онъ съ вопросомъ, взглядывая на Марью Петровну съ самымъ невиннымъ видомъ.

— Да... любопытная! — проговорила задумчиво Марья Петровна.

— Какъ же, Михаилъ Яковлевичъ, вы раньше намъ не разсказали? — упрекнулъ старикъ, очень любившій слушать всякіе пикантные разсказы.

— Я и самъ только-что сегодня о ней узналъ.

— Откуда?—съ живостью спросила Марья Петровна.

— О, изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ! — отвѣчалъ съ улыбкой Сикорскій.—Я получилъ письмо изъ Петербурга отъ брата, и онъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ то, что̀ я имѣлъ честь разсказать вамъ.

Сикорскій умолчалъ только о томъ, что сообщеніе это было отвѣтомъ на его просьбу навести подробныя справки о дѣлѣ Невѣжина, и братъ его, присяжный повѣренный, написалъ ему о слухахъ, хо̀дившихъ о дѣлѣ Невѣжина среди адвокатовъ.

— Во всякомъ случаѣ Невѣжинъ поступилъ по-рыцарски, скрывъ отъ суда имя дѣвушки... Не правда ли, Marie?

Но «Marie» на этотъ разъ не только не приняла стороны молодого человѣка, а, напротивъ, рѣзко отнеслась къ нему. И жена Невѣжина, которую прежде она готова была считать виновницей семейной драмы, теперь нашла въ Марьѣ Петровнѣ неожиданную горячую защитницу.

«Несчастная страдалица! Сколько она перенесла изъ-за этого человѣка! Его поведеніе относительно жены возмутительно, безчеловѣчно! Жениться изъ-за денегъ... какая гадость! Не пощадить ея чувствъ!.. Признаться, она никакъ не ожидала, чтобы этотъ молодой человѣкъ... былъ такъ испорченъ!..»

— Но, послушай, Marie... Вѣдь ты сама же не разъ говорила, что чувство свободно и что его купить нельзя!..—пробовалъ-было возразить Василій Андреевичъ, удивляясь такой внезапной перемѣнѣ въ отношеніи къ Невѣжину.—Ты прежде сама защищала молодого человѣка.

— Ну такъ что̀ же?.. Я прежде не знала подробностей всей этой исторіи... Я думала, что жена подала поводъ къ разрыву...

— Она, говорятъ, была ревнива, какъ только можетъ быть ревнива отвергнутая женщина!—вставилъ Сикорскій.

— И, вдобавокъ, дурна, какъ смертный грѣхъ,—прибавилъ Василій Андреевичъ, какъ бы въ доказательство, что эти двѣ причины вполнѣ уважительны для того, чтобы отнестись снисходительно къ Невѣжину.

— А кто-жъ его заставилъ въ такомъ случаѣ жениться?—рѣзко остановила мужа Марья Петровна.

— Мало ли какія бываютъ причины...

— Онъ запутался въ долгахъ!—замѣтилъ Сикорскій.

— Разъ женился—неси свой крестъ!—не безъ торжественности промолвила Марья Петровна и вздохнула. — Бракомъ шутить нельзя... Бракъ — это... это... таинство... Изъ-за какой-то студентки стрѣлять въ жену!.. Вотъ къ чему приводятъ всѣ эти нынѣшнія идеи!—совершенно неожиданно выпалила генеральша, закипая все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ раздраже-

ніемъ. Нѣтъ, я положительно разочаровалась въ Невѣжинѣ... Сдѣлай это какой-нибудь нигилистъ, а то человѣкъ изъ хорошаго круга, съ хорошимъ воспитаніемъ... Несчастная жена брошена, а *эта героиня* не довольствуется тѣмъ, что осквернила семью, а еще ѣдетъ сюда за *героемъ* (подчеркнула она), чтобы открыто жить, по ихъ правиламъ, въ гражданскомъ бракѣ! Послѣ этого развѣ можно удивляться, что открытый развратъ вводится въ догму этими барышнями съ высшимъ образованіемъ!—негодующе прибавила добродѣтельная жрица адюльтера.

— Но почему ты знаешь объ ихъ отношеніяхъ?—робко замѣтилъ Василій Андреевичъ, возмущенный, что жена клевещетъ на совершенно незнакомую дѣвушку.

Марья Петровна сверкнула глазами и спросила:

— А зачѣмъ же она сюда пожаловала?

— Невѣжинъ говорилъ, что повидаться съ теткой...

— Повидаться съ теткой? И ты повѣрилъ? Очень умно придумано, но только совсѣмъ не убѣдительно... Она пріѣхала, чтобы броситься на шею этому великодушному молодому человѣку и сдѣлать изъ него такого же адепта нигилизма, какъ и она сама... Недаромъ она курсистка!..

— А вѣдь вы угадали, Марья Петровна!—снова вставилъ Сикорскій, съ интересомъ наблюдавшій за результатомъ своей «исторійки».—Я кое-что слышалъ о госпожѣ Степовой и знаю, что она изъ красныхъ барышень... Она ужъ удостоилась быть выгнанной изъ одной деревни, гдѣ, послѣ окончанія курса, была учительницей и гдѣ, конечно, пропагандировала идеи всеобщаго благополучія... Вѣроятно, и здѣсь, на родинѣ, она, какъ горячая патріотка, будетъ пропагандировать идеи сибирскаго патріотизма и, чего добраго, обратитъ милѣйшаго Евгенія Алексѣевича въ мѣстнаго патріота... «Америка для американцевъ»... «Сибирь для сибиряковъ»!

И Сикорскій, этотъ старый Яго, засмѣялся своимъ беззвучнымъ смѣхомъ, посматривая на Василія Андреевича.

— Вотъ видишь ли?—воскликнула Марья Петровна, довольная, что нашла союзника.—А ты... ты...

— Что я?—оторопѣлъ бѣдняга Василій Андреевичъ, почувствовавшій, что готовится бурная сцена.

— А ты, по обыкновенію, готовъ защищать всякую смазливую рожицу и не видишь, что у тебя дѣлается!—со злостью, хотя и безъ всякой послѣдовательности, прибавила Марья Петровна.

Сикорскій благоразумно откланялся, предоставивъ Василію Андреевичу одному выдержать продолженіе семейнаго шторма, неминуемость котораго Сикорскій предвидѣлъ.

И онъ не ошибся. Только-что онъ вышелъ за двери, какъ Марья Петровна, давъ волю своему гнѣву, обрушилась на супруга.

XXI.

Ревность.

Послѣдствія ловко и во-время разсказанной Сикорскимъ любовной исторійки, украшенной узорами «сибирскаго патріотизма» и намеками на неблагонадежность пріѣзжей курсистки, не замедлили обнаружиться.

«Взвинченная», какъ слѣдуетъ, Марья Петровна кипѣла гнѣвомъ и преслѣдовала мужа разными зловѣщими предостереженіями, пугая его, по обыкновенію, «Петербургомъ», котораго такъ боялся Василій Андреевичъ. Какъ ни жаль молодого человѣка, а его слѣдовало бы удалить! Если, благодаря этой «сибирской патріоткѣ», Невѣжинъ впутается въ какую-нибудь глупую исторію и въ Петербургѣ узнаютъ, что Невѣжинъ— секретарь Василія Андреевича, нечего сказать, хорошо будетъ его положеніе!.. И за этой госпожой надо зорко смотрѣть... «Нынче, самъ знаешь, какія времена!»

Такъ донимала Марья Петровна бѣднаго старика, повторяя внушенія Сикорскаго.

Не терялъ, разумѣется, времени и самъ вдохновитель всей этой интриги — Сикорскій, передавая Василію Андреевичу сплетни своего же сочиненія, циркулирующія будто бы въ городѣ насчетъ этого «милаго, но нѣсколько легкомысленнаго молодого человѣка».

«Конечно, это глупыя сплетни, но все-таки нѣтъ дыма безъ огня...»

И, съ видомъ глубочайшаго сожалѣнія, что ходятъ такія «глупыя сплетни», Михаилъ Яковлевичъ тѣмъ не менѣе разсказывалъ ихъ съ подробностями, отлично зная, что именно слѣдуетъ подчеркнуть въ нихъ для вящшаго уязвленія его превосходительства. Разумѣется, сильнѣе всего подчеркивалась «невѣроятная чепуха», что Невѣжинъ будто бы хвастаетъ своимъ вліяніемъ на Василія Андреевича черезъ Марью Петровну и вездѣ разсказываетъ, что съ его поступленіемъ въ секретари дѣла пошли лучше...

Одно только дѣло Толстобрюхова направлено, по мнѣнію господина Невѣжина, не такъ, какъ слѣдуетъ, но молодой человѣкъ не теряетъ надежды убѣдить его превосходительство, что Толстобрюховъ негодяй, за котораго не слѣдуетъ хлопотать... Кромѣ того, ходятъ слухи, что Евгеній Алексѣевичъ

болтливъ и не умѣетъ держать въ секретѣ бумагъ, ему порученныхъ.

Весь этотъ вздоръ приподносился Василію Андреевичу не сразу, а въ небольшихъ дозахъ, съ хорошо разсчитанной постепенностью, благодаря которой всякая чепуха можетъ у нѣкоторыхъ людей принимать видъ правдоподобія, и, конечно, съ мастерствомъ опытнаго сплетника, который передаетъ подобные слухи не потому, что они заслуживаютъ вѣры, а единственно какъ образчикъ тѣхъ «невѣроятныхъ нелѣпостей», которыя могутъ распространяться въ такомъ «провинціальномъ болотѣ», какъ Жиганскъ.

И, разумѣется, Сикорскій первый же защищалъ Невѣжина.

— На бѣднаго Евгенія Алексѣевича клевещутъ такъ же, какъ клеветали и на меня!—прибавлялъ обыкновенно Сикорскій, заключая порцію собственныхъ сплетенъ.—Невѣжинъ не настолько глупъ, чтобы говорить чепуху въ родѣ той, о которой толкуютъ въ городѣ... Если онъ и выражаетъ неудовольствіе, что дѣло Толстобрюхова приняло, по его мнѣнію, неправильный оборотъ, то согласитесь, ваше превосходительство, что отъ этого еще далеко до нелѣпостей, о которыхъ разсказываютъ...

— А развѣ Невѣжинъ разсказывалъ объ этомъ дѣлѣ?—спросилъ недовольнымъ тономъ старикъ.—Вѣдь я просилъ его ни слова о немъ не говорить, и онъ мнѣ далъ слово!

— Молодъ Евгеній Алексѣевичъ... А вѣдь молодость болтлива, Василій Андреевичъ!—съ улыбкой, полной сочувствія къ «болтливой молодости», прибавлялъ Сикорскій.—Мы, старики, понимаемъ цѣну молчанія, а они...

И онъ тихо смѣялся и умолкалъ.

Вначалѣ Ржевскій - Пряникъ вмѣстѣ съ Сикорскимъ рѣшительно не вѣрилъ всѣмъ этимъ сплетнямъ, распускаемымъ про Невѣжина, и не разъ защищалъ его передъ Марьей Петровной, требовавшей удаленія Невѣжина съ упорнымъ постоянствомъ Катона и постоянно пугавшей бѣднаго старика Петербургомъ. Но мало-по-малу и онъ сталъ думать, что нѣтъ дыма безъ огня. Когда же и до Марьи Петровны, при посредствѣ Сикорскаго, дошли слухи о томъ, что Невѣжинъ будто бы хвалился своимъ вліяніемъ на самую Марью Петровну, она такъ напала на мужа, что онъ обѣщалъ наконецъ удалить Невѣжина.

Но доброта Василія Андреевича все-таки нѣсколько возмущалась. Онъ чувствовалъ нѣкоторую неловкость при мысли, что ему приходится лишить человѣка мѣста безъ всякаго видимаго повода. Невѣжинъ ему нравился. Онъ былъ такъ при-

личенъ, такъ быстро умѣлъ схватывать мысли его превосходительства и облекать ихъ въ изящную форму... Бумаги, составленныя имъ, положительно были хороши, а Василій Андреевичъ любилъ хорошо составленныя донесенія, безъ того лапидарнаго подьяческаго слога, которымъ пропитаны были всѣ произведенія сибирскаго чиновничества. Наконецъ Невѣжинъ былъ изъ хорошаго общества, съ нимъ можно было поговорить; если онъ и «пострадалъ», то все-таки не за позорное дѣяніе, въ родѣ растраты, подлога или мошенничества, а за «сердечныя дѣла», къ которымъ самъ Василій Андреевичъ чувствовалъ нѣкоторую склонность, припоминая тѣ прошедшія времена, когда онъ еще не былъ «старымъ колпакомъ», по брезгливому выраженію его супруги. Не могъ онъ забыть и того, что Невѣжинъ былъ сынъ заслуженнаго генерала, и что съ матерью его онъ когда-то танцовалъ мазурку...

Все это заставляло Василія Андреевича, по обыкновенію всѣхъ безхарактерныхъ людей, «тянуть» дѣло и на вопросы Марьи Петровны: скоро ли будетъ уволенъ Невѣжинъ—дипломатически отвѣчать, что онъ его уволитъ, какъ только Невѣжинъ окончитъ большую работу, порученную ему.

— А Сикорскій развѣ не можетъ?

— Сикорскій и безъ того, бѣдный, заваленъ работой...

Приходилось довольствоваться этими объясненіями, тѣмъ болѣе, что настаивать было и неловко. Не сама ли Марья Петровна упрашивала мужа сдѣлать Невѣжина секретаремъ, не она ли такъ расхваливала его!?

И Василій Андреевичъ недоумѣвалъ такой перемѣнѣ во взглядахъ супруги и однажды добродушно спросилъ:

— Отчего ты, Marie, такъ не взлюбила Невѣжина?

Пойманная врасплохъ, Марья Петровна смутилась, но, взглянувъ на Василія Андреевича, быстро оправилась и проговорила:

— Ты глупости говоришь! Съ чего мнѣ не взлюбить твоего Невѣжина?

— Но ты вѣришь глупымъ сплетнямъ. Ну, посуди, развѣ возможно, чтобы онъ могъ сочинить нелѣпость, будто имѣлъ на тебя вліяніе?

Марья Петровна еще пристальнѣе взглянула на мужа и, усмѣхнувшись, замѣтила:

— Этому я не повѣрила... Надѣюсь, Невѣжинъ достаточно уменъ для того, чтобы не сочинять такихъ пустяковъ... Если я и совѣтую удалить его, то оберегая тебя... Не довольно ли развѣ и безъ того доносовъ на тебя?.. Ахъ, Basile, Basile,

какъ это все надоѣло... И этотъ скверный Жиганскъ... Скорѣй бы отсюда уѣхать... Просить непремѣнно... Я уже писала Катринъ...

Къ удивленію Василія Андреевича, супруга его была на этотъ разъ необыкновенно ласкова и любезна и, заканчивая разговоръ, даже поцѣловала въ плѣшивый лобъ супруга и снова повторила, что Жиганскъ ей до смерти надоѣлъ...

Такимъ образомъ Невѣжинъ продолжалъ еще работать у его превосходительства, пока надъ мирнымъ Жиганскомъ совершенно неожиданно не разорвалась бомба въ видѣ обширной и необыкновенно воинственной корреспонденціи, напечатанной въ одной столичной газетѣ.

Корреспонденція эта всколыхала сонное болото и перепугала бѣднаго старика...

XXII.

«Бомба».

Кто не живалъ въ глухихъ провинціальныхъ захолустьяхъ, тотъ, разумѣется, не представитъ себѣ впечатлѣнія, произведеннаго въ сонномъ Жиганскѣ этой обширной корреспонденціей, напечатанной, вдобавокъ, въ газетѣ, хорошо извѣстной своимъ воинственнымъ направленіемъ. Это, собственно говоря, была не корреспонденція, а грозный доносъ, облеченный въ литературную форму, доносъ, въ которомъ крупицы правды терялись въ морѣ самой фантастической лжи. Прочитывая это произведеніе, человѣкъ, хорошо не знакомый съ русской жизнью и съ литературными пріемами извѣстныхъ газетъ, въ самомъ дѣлѣ могъ бы подумать, что Жиганскъ находится въ состояніи полнѣйшей анархіи, и что всевозможные неблагонадежные элементы, благодаря необъяснимому попустительству мѣстныхъ властей, держатъ чуть ли не въ рукахъ весь городъ и ждутъ только благопріятной минуты, чтобы открыто объявить Жиганскую республику.

Нечего и прибавлять, что авторъ грозно взывалъ: «caveant consules!» и серьезно предостерегалъ противъ открытія высшаго учебнаго заведенія, если только правительство не имѣетъ въ виду создать правильные кадры «сибирскихъ патріотовъ» и «сдѣлать изъ Сибири будущую Польшу».

«Больше грозной власти, пока еще есть время!»—эффектно заканчивалась передовая статья, написанная несомнѣнно опытной рукой, по поводу этой корреспонденціи.

И странное дѣло! Несмотря на очевидную нелѣпость этихъ предостереженій, Василій Андреевичъ, прочитавъ корреспон-

денцію, пришелъ въ неописанное смущеніе. Онъ сознавалъ, что все въ ней лживо, съ начала до конца, и все-таки перетрусилъ до того, что въ первую минуту рѣшительно потерялъ голову и не зналъ, какъ ему быть и что предпринять.

Только черезъ полчаса онъ нѣсколько пришелъ въ себя и задалъ вопросъ: кто бы могъ написать эту корреспонденцію, и какая цѣль была у издателя не только печатать ее, но еще и подчеркнуть, предпославъ ей передовую статью.

«Вѣдь не могъ же онъ не понимать, что печатаетъ завѣдомую ложь!..»

Такъ разсуждалъ старикъ и все-таки трусилъ, ожидая вслѣдъ за этой громоносной статьей какой-нибудь непріятности.

«Но кто однако написалъ такую мерзость?» — ломалъ голову его превосходительство, сгорая отъ любопытства узнать автора.

Онъ перебиралъ разныхъ лицъ и не могъ остановиться ни на комъ. Онъ снова перечиталъ корреспонденцію. По нѣкоторымъ мѣстамъ ея видно было, что авторъ, очевидно, пользовался офиціальными бумагами—перепиской его превосходительства — и вообще былъ знакомъ со многими канцелярскими тайнами, — и это еще болѣе волновало добраго старика.

«Не догадается ли Сикорскій?» — рѣшилъ его превосходительство и тотчасъ же послалъ за нимъ верхового.

Черезъ четверть часа Сикорскій входилъ въ кабинетъ Ржевскаго-Пряника, смущенный и взволнованный.

— Читали?—проговорилъ Василій Андреевичъ, указывая на нумеръ газеты.

— Читалъ... Вѣрнѣе: имѣлъ несчастіе прочесть.

— Каково?

Михаилъ Яковлевичъ только пожалъ плечами и вздохнулъ, возведя очи къ небу, какъ человѣкъ, желавшій выразить безмолвное сочувствіе къ положенію его превосходительства.

— Кто бы это могъ написать? Какъ вы думаете? Ужъ не Аркадій ли Аркадіевичъ? Онъ вѣдь терпѣть меня не можетъ и человѣкъ очень лукавый... на всѣ руки... Когда нужно—либеральничаетъ, когда нужно—первый рекомендуетъ энергію. Не хочетъ ли онъ на мое мѣсто сѣсть? Но вѣдь ошибается. Его все равно никогда не назначатъ. Никогда! И онъ это долженъ понимать, этотъ интриганъ. Я знаю: онъ науськивалъ писать на меня доносы... было дѣло!

— Едва ли это Аркадій Аркадіевичъ! — внушительно промолвилъ Сикорскій. — Онъ бы не сталъ самъ себя бичевать.

Вѣдь тутъ и ему досталось на орѣхи. Вы изволили обратить яниманіе на то мѣсто, гдѣ намекается на сочувствіе нѣкоторыхъ чиновниковъ къ «Жиганскому Курьеру»? Кто же эти «нѣкоторые», какъ не самъ Аркадій Аркадіевичъ? Да и, вдобавокъ, онъ вѣдь и самъ изъ сибирскихъ патріотовъ!—улыбнулся Сикорскій.—Конечно, Аркадій Аркадіевичъ не мечтаетъ о Сибирской республикѣ, но все-таки...

— Теплый парень, а?—закончилъ за Сикорскаго Василій Андреевичъ и нетерпѣливо прибавилъ:—Такъ кто же могъ написать?

— Ужъ не Пятиизбянскій ли?—словно бы въ раздумьѣ промолвилъ Сикорскій.

При этомъ имени, лысина Василія Андреевича побагровѣла, и онъ прокричалъ задыхающимся отъ волненія теноркомъ:

— Пятиизбянскій!? А вѣдь правда, что больше некому. Отъ этого юса можно ждать рѣшительно всякой пакости. Онъ, онъ, непремѣнно онъ!—вскрикивалъ въ волненіи Василій Андреевичъ и, вспомнивъ, вѣроятно, привычки военной службы, осыпалъ при этомъ Пятиизбянскаго самыми площадными ругательствами.

О, онъ знаетъ хорошо этого заматорѣлаго взяточника!.. Ужъ давно онъ подкапывается подъ него... давно фрондируетъ, заявляя на каждомъ шагу о своихъ архиблагонамѣренныхъ убѣжденіяхъ.—Еще недавно онъ позволилъ себѣ черезчуръ много по поводу того, что я держу при себѣ Невѣжина... «Это дискредитируетъ достоинство власти!..» Хапуга старый!! А взяточничество не дискредитируетъ!? А дружба со всякой сволочью, съ разными кабатчиками, а пьянство съ сиволапыми мошнами не дискредитируетъ!?—выкрикивалъ старикъ.—Я вотъ самъ поѣду въ Петербургъ. Непремѣнно поѣду и объясню тамъ, въ какомъ положеніи находится здѣсь благонамѣренный администраторъ. Со всѣхъ сторонъ интриги, противодѣйствія, доносы... Это чортъ знаетъ что̀. И послѣ этого работай... Спрашиваю я васъ: возможно ли что-нибудь сдѣлать при такихъ условіяхъ!?

Пока Василій Андреевичъ хорохорился, Сикорскій молча сидѣлъ, покуривая папироску, и, когда старикъ наконецъ окончилъ, Михаилъ Яковлевичъ спросилъ:

— Что̀ же вы предполагаете теперь дѣлать? Оставите статью безъ вниманія или напишете опроверженіе?

— Я самъ напишу куда слѣдуетъ. Объясню, что все въ этой корреспонденціи ложь... все, съ начала до конца. Какіе-такіе неблагонадежные элементы здѣсь играютъ роль!? Кто

здѣсь попустители? Я, слава Богу, тридцать пять лѣтъ служу своему государю и понимаю, что дѣлаю. Если одинъ или двое изъ политическихъ ссыльныхъ служатъ писцами въ банкѣ, то это развѣ попустительство? Что-жъ, лучше ли будетъ ожесточать ихъ, лишая куска хлѣба? И развѣ правительство имѣетъ это въ виду!? Надо не уважать правительство, чтобы допустить такую низкую месть. Ну, человѣкъ виноватъ — накажи его, но изъ этого не слѣдуетъ, что я долженъ преслѣдовать его даже лишеніемъ куска хлѣба.

Долго еще говорилъ на эту тему добрый старикъ и въ концѣ концовъ все-таки рѣшилъ, что надо «вообще подтянуть», и, отпустивъ Сикорскаго, послалъ за полицеймейстеромъ и долго съ нимъ бесѣдовалъ.

— А Келасури такъ и не найденъ?—спросилъ онъ въ заключеніе.

— Еще нѣтъ свѣдѣній.

— Ахъ, ужъ эта полиція. Ахъ, что за полиція у насъ, г. полицеймейстеръ!

XXIII.

Новая непріятность.

Однажды раннимъ утромъ, вскорѣ послѣ полученія въ Жиганскѣ знаменитой корреспонденціи, Василій Андреевичъ распечаталъ поданную телеграмму, прочелъ и... смутился. Его вызывали въ Петербургъ, но съ какой цѣлью—этого лаконическая депеша не объясняла. Василій Андреевичъ, едва успѣвшій нѣсколько успокоиться послѣ «боевой» корреспонденціи и уже набросавшій, при помощи Сикорскаго, обстоятельную объяснительную записку, получивъ это неожиданное приглашеніе, совсѣмъ упалъ духомъ.

«Къ чему его вызываютъ? Разумѣется, для объясненій, но по какому поводу?» Невольно онъ сопоставлялъ этотъ вызовъ съ появленіемъ корреспонденціи, хотя, съ другой стороны, утѣшалъ себя мыслью, что это неправдоподобно. Если бы статья дѣйствительно произвела тамъ впечатлѣніе, то онъ бы, конечно, получилъ запросъ, но до сихъ поръ никакого запроса не было.

Бѣдный старикъ въ волненіи ходилъ по кабинету, приказавъ никого не принимать, когда къ нему вошла супруга.

— Что еще случилось?—тревожно спросила она, замѣтивъ разстроенный видъ мужа.

— Ничего особеннаго, мой другъ... Зовутъ въ Петербургъ... Вотъ прочти...

Марья Петровна прочла телеграмму и, измѣнившись въ лицѣ, протянула съ ядовитой ироніей:

— Поздравляю... Дождался-таки...

— Чего дождался?

— Онъ еще спрашиваетъ? Скажите, какая наивность!.. Развѣ не ясно, какъ день, что тебя вызываютъ для объясненій, послѣ которыхъ поблагодарятъ за труды и скажутъ, что такой администраторъ, какъ ты, не нуженъ... Поздравляю! Очень пріятная новость!

— Ты, Marie, мрачно смотришь... Если бы хотѣли смѣнить, то прямо бы написали...

— Утѣшайся... утѣшайся этимъ... Нечего сказать, придумалъ утѣшеніе...

Взволнованная и раздраженная, предвидѣвшая непріятную перспективу, въ случаѣ потери мѣста, жить гдѣ-нибудь въ четвертомъ этажѣ на Пескахъ или въ дальней Коломнѣ и растрачивать послѣднія крохи когда-то хорошаго состоянія, Марья Петровна, вмѣсто того чтобы поддержать и ободрить мужа, продолжала его терзать съ искусствомъ и безпощадностью женщины, считающей себя глубоко несчастной, пока не довела Василія Андреевича до безпомощнаго состоянія мокрой курицы, забывшей объ Инкерманскомъ сраженіи, и не заставила его просить ея совѣта.

Тогда только она нѣсколько смягчилась и тотчасъ же проявила свою способность не теряться, обнаруживъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, меньшій пессимизмъ насчетъ ихъ положенія. Во-первыхъ, она немедленно же пошлетъ депешу Катринъ за разъясненіями, во-вторыхъ, они уѣдутъ въ Петербургъ вмѣстѣ, въ-третьихъ, пусть онъ поручитъ Сикорскому написать записку и откроетъ *тамъ* глаза на положеніе края, сообразуясь съ вѣяніями Петербурга, а она, въ свою очередь, будетъ хлопотать, чтобъ ему дали мѣсто гдѣ-нибудь въ Россіи, а не въ этой ужасной трущобѣ. Слава Богу, у нея есть связи. Родные ее еще не забыли... Катринъ доказала, что готова для нея все сдѣлать...

— Понимаешь ли, для меня!—подчеркнула Марья Петровна.

Послѣ этихъ словъ Василій Андреевичъ нѣсколько оправился и сталъ-было увѣрять жену, что онъ на отличномъ счету въ Петербургѣ, но она, видимо, не особенно этому вѣрила и довольно безцеремонно прервала его изліянія вопросомъ: «когда ѣхать?»

Рѣшено было немедленно же собираться, чтобы ѣхать черезъ недѣлю, а не на послѣднемъ пароходѣ. Собраться она успѣетъ. Мебель можно будетъ поручить продать потомъ, если, дастъ Богъ, они не вернутся.

— Ты говори всѣмъ, что тебя вызываютъ въ какую-нибудь комиссію, какъ опытнаго человѣка!—внушала Марья Петровна и закончила вопросомъ:—а имя автора этой корреспонденціи узналъ?

— То-то нѣтъ... Одни предположенія, что Пятиизбянскій...

— Въ Москвѣ побывай у издателя... Объясни ему... Попроси написать опроверженіе.

Василій Андреевичъ покорно соглашался на всякое предложеніе Марьи Петровны и, когда разговоры были окончены, послалъ за Сикорскимъ и просилъ его какъ можно скорѣй окончить записку.

— Черезъ недѣлю уѣзжаю въ Петербургъ. Вызываютъ для участія въ комиссіи по вопросу о желѣзной дорогѣ!—совралъ Василій Андреевичъ.

Эта новость смутила Сикорскаго.

— Но вы вернетесь?—спросилъ онъ.

— Вернусь, если не найду ничего лучшаго.

Сикорскій вздохнулъ и напомнилъ Василію Андреевичу о своемъ положеніи. Десять лѣтъ страданій, десять лѣтъ незаслуженнаго позора. Неужели еще долго терпѣть?!

Ржевскій-Пряникъ старался утѣшить его. Онъ далъ честное слово лично поддержать свое ходатайство, не имѣвшее успѣха. Онъ нарочно съѣздитъ въ министерство юстиціи... Пусть Михаилъ Яковлевичъ составитъ краткую памятную записку и напишетъ прошеніе на Высочайшее имя. Онъ все это возьметъ съ собой и передастъ, куда слѣдуетъ, съ соотвѣтствующими объясненіями... А здѣсь его, вѣроятно, не потревожатъ и оставятъ на мѣстѣ. Еще недавно предсѣдатель контрольной палаты хвалилъ его...

— Могутъ назначить вмѣсто васъ человѣка, который будетъ иначе смотрѣть на насъ, несчастныхъ, и тогда...

Онъ не досказалъ и безпомощно склонилъ голову.

Василій Андреевичъ пожалъ руку Сикорскому и снова далъ слово похлопотать, чтобъ Михаилу Яковлевичу разрѣшили вернуться въ Россію. Сикорскій разсыпался въ благодарностяхъ, но тѣмъ не менѣе ушелъ отъ него сумрачный и недовольный, зная, какъ трудно полагаться на обѣщанія Ржевскаго-Пряника.

Онъ не пошелъ въ этотъ день на службу и долго ходилъ въ своей небольшой квартиркѣ въ тяжеломъ раздумьѣ. И прежняя его блестящая жизнь извѣстнаго банковаго дѣльца проносилась передъ нимъ.

«И хоть бы сохранились деньги, изъ-за которыхъ онъ пострадалъ!—въ безсильной злобѣ думалъ онъ.—А то всего

какихъ-нибудь пятьдесятъ тысячъ, на которыя существуетъ семейство!»

«Дуракъ... дуракъ!»—шепталъ вслухъ Сикорскій, и блѣдныя его губы шептали кому-то проклятія.

Въ тотъ же день въ Жиганскѣ уже было извѣстно о полученной Василіемъ Андреевичемъ телеграммѣ, вызывающей его въ Петербургъ, хотя ни его превосходительство ни Сикорскій никому еще не говорили объ этой новости. Распространилась она въ городѣ благодаря привычкѣ господъ телеграфистовъ сообщать по секрету о всякой болѣе или менѣе интересной телеграммѣ, которая получалась или проходила черезъ Жиганскъ. Такимъ путемъ въ Жиганскѣ нерѣдко узнавались всевозможныя новости, имѣющія не только общественный интересъ, но и интересъ совершенно частнаго характера. Новость эта произвела, конечно, сенсацію, и къ вечеру уже всѣ говорили, что Ржевскаго-Пряника смѣняютъ изъ-за корреспонденціи. Стали, какъ водится, разбирать—каковъ былъ Василій Андреевичъ, и большинство находило, что старикъ ничего-себѣ... человѣкъ добрый, съ которымъ жить можно. Правда, и при немъ безъ денегъ не подвинешь никакого дѣла, хотя самъ онъ былъ безукоризненно честенъ, но къ этому всѣ такъ привыкли, что рѣшительно не могли себѣ представить возможности однимъ не брать, а другимъ не давать, и потому за это не строго судили. Одно только не нравилось въ немъ, и особенно чиновникамъ,—это то, что онъ приблизилъ къ себѣ Сикорскаго, нерѣдко подсмѣивался надъ сибиряками и часто заставлялъ ждать чиновниковъ, пока болталъ у себя въ кабинетѣ съ разными «уголовными» господами.

Въ тотъ же день Киръ Пахомычъ Толстобрюховъ былъ съ визитомъ у Марьи Петровны и вручилъ ей три тысячи на благотворительныя дѣла, по ея усмотрѣнію, прибавивъ къ этому просьбицу—не отказать напомнить его превосходительству похлопотать въ Петербургѣ о его дѣльцѣ, которое затянулось благодаря господину Невѣжину. Марья Петровна обѣщала и, когда Киръ Пахомычъ ушелъ, деликатно попросивъ сохранить въ тайнѣ его посильное пожертвованіе, спрятала деньги въ свою шкатулку, рѣшивъ, что онѣ могутъ пригодиться въ Петербургѣ.

Въ тотъ же вечеръ и Невѣжинъ, возвратившись домой, сообщилъ Зинаидѣ Николаевнѣ, что онъ пока опять свободенъ, что̀ вызвало крайнее соболѣзнованіе какъ въ ней, такъ и въ добрѣйшей старушкѣ Степанидѣ Власьевнѣ.

— Что̀ же вы теперь будете дѣлать, Евгеній Алексѣевичъ?

— Евгеній Алексѣевичъ пріищетъ себѣ другое занятіе!— вступилась дѣвушка.

— Ой, ой... трудно вѣдь здѣсь найти мѣсто. Ты вотъ по урокамъ цѣлый день ходишь, а много ли зарабатываешь? Всего тридцать рублей, а Евгенію Алексѣевичу на такія деньги не прожить. Онъ вѣдь привыкъ не къ такой жизни, какъ мы съ тобой.

— Надо привыкать!—серьезно проронила дѣвушка.

Но Невѣжину эта перспектива не особенно улыбалась. Однако онъ промолчалъ и подумалъ про себя, что поступилъ умно, не отославъ назадъ двухъ тысячъ рублей, присланныхъ его женой.

Въ тотъ же вечеръ сливки «уголовныхъ страдальцевъ на покоѣ» собрались на квартирѣ Сикорскаго, взволнованные вѣстью о возможной смѣнѣ «этого милаго и прелестнаго старика», какъ называли Ржевскаго-Пряника «невинные» страдальцы.

XXIV.

Испытаніе любви.

I.

Прошелъ почти мѣсяцъ съ отъѣзда Ржевскаго-Пряника, а Невѣжинъ, повидимому, не особенно заботился о пріисканіи работы. Правда, на вопросы Зинаиды Николаевны онъ отвѣчалъ, что хлопочетъ, но говорилъ это лишь для того, чтобы избѣжать неминуемаго признанья въ томъ, что черная работа какого-нибудь писца ему вовсе не интересна.

Онъ незамѣтно начиналъ скучать, несмотря на присутствіе Зинаиды Николаевны. Все какъ-то было не то, на что надѣялся, чего ждалъ отъ ея пріѣзда этотъ балованный, не привыкшій къ труду человѣкъ. Его начинала тяготить сѣренькая, будничная жизнь маленькаго домика, полная мелкихъ интересовъ и заботъ о кускѣ хлѣба. Та нравственная переработка, о которой онъ мечталъ въ минуты просвѣтлѣнія, подъ вліяніемъ чувства къ Зинаидѣ Николаевнѣ, оказывалась однимъ лишь добрымъ намѣреніемъ, вспышкой безхарактерной слабой натуры. Старая закваска брала свое: серьезно вдумываться, работать, даже любить онъ былъ неспособенъ.

И эти чтенія вдвоемъ съ Зинаидой Николаевной, которыя сперва ему такъ понравились, начинали надоѣдать молодому человѣку. Онъ мечталъ, что они окончатся наконецъ интимнымъ признаніемъ, вслѣдъ за которымъ наступитъ счастливая пора любви, а между тѣмъ ничего этого не было. Зинаида Николаевна, послѣ принятаго ею рѣшенія, держала себя сдер-

жанно до холодности, избѣгая всякаго повода для какихъ бы то ни было изліяній съ его стороны, и когда однажды Невѣжинъ, охваченный страстнымъ желаніемъ, вдругъ заговорилъ-было ей о своей любви, дѣвушка строго остановила его:

— Ни слова объ этомъ, Невѣжинъ, если хотите остаться друзьями!

— Но развѣ вы не видите?.. Я васъ люблю... Люблю, люблю!—повторялъ онъ страстнымъ шопотомъ, схватывая ея руки.

Она съ трудомъ сдерживала волненіе. Страстное чувство охватило ее всю, зажигая огонь въ крови. Вспыхнувъ до ушей, она рѣзкимъ движеніемъ отдернула руки и еще суровѣе и глуше проговорила, не подымая глазъ:

— Замолчите... Вспомните о своей женѣ... Неужели вы бы хотѣли доконать ее?

Съ этими словами она встала и быстро вышла изъ комнаты.

Невѣжинъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ, какъ капризный ребенокъ, неудовлетворенный въ своемъ желаніи. Онъ не понялъ значенія ея поступка и поспѣшно объяснилъ ея поведеніе холодностью и сухостью ея натуры. Какъ у всѣхъ слабохарактерныхъ, неспособныхъ на глубокое чувство натуръ, его любовь стала слабѣть въ виду препятствій, и съ той минуты, какъ Невѣжинъ понялъ, что нравится дѣвушкѣ, прежнее чувство восторженнаго благоговѣнія въ немъ исчезло, смѣнившись лишь однимъ желаніемъ обладать дѣвушкой, но и это желаніе, какъ всѣ его желанія, было лишь порывомъ капризной, но не сильной страсти. Онъ чаще и чаще сталъ находить теперь въ дѣвушкѣ недостатки, которыхъ не смѣлъ видѣть прежде, когда увлекся новымъ для него типомъ, питая это увлеченіе благодаря послѣдствіямъ внезапной вспышки и рокового выстрѣла. Въ отдаленіи она казалась ему болѣе праздничной и нарядной. Теперь же, чѣмъ ближе онъ узнавалъ эту дѣвушку, тѣмъ болѣе начиналъ не то что бояться ея, а чувствовать передъ ней какую-то внутреннюю неловкость, точно она была для него живымъ укоромъ его собственной пустоты и слабости. Ея трудовая, будничная жизнь, ея суровые взгляды на обязанности, ея убѣжденія и правила—все это не находило отклика въ его душевномъ мірѣ и казалось теперь ригоризмомъ, мало поэтичнымъ въ женщинѣ. И манеры ея онъ сталъ находить не всегда изящными, и костюмъ вульгарнымъ, и руки недостаточно выхоленными. Въ ней не было, по его мнѣнію, «породы», ничего раздражающаго, кокетливаго, словомъ, того, что̀ нравится мужчинамъ, привыкшимъ къ развращенной, пряной интродук-

ціи любви. Все въ ней было просто, ясно и опредѣленно. Любовь къ ней—Невѣжинъ это понималъ—обязывала къ чему-то серьезному, строгому, до котораго онъ долженъ быть подняться. Долгъ, обязанности, работа, извѣстный строй ума и чувства—вотъ что̀ сулила ему привязанность такой дѣвушки, какъ Зинаида Николаевна, а между тѣмъ всѣ эти понятія были для него одними словами... Онъ понималъ ихъ и только.

Послѣ бывшей сцены, эти чтенія вдвоемъ какъ-то сами собой прекратились. Зинаида Николаевна стала еще сдержаннѣе, а Невѣжинъ чаще сталъ уходить изъ дому, встрѣчаясь съ дѣвушкой за обѣдами и изрѣдка по вечерамъ, когда не было спектаклей. Онъ былъ попрежнему милъ и любезенъ, но уже не повторялъ признаній, а Зинаида Николаевна, суровая на людяхъ, нерѣдко плакала по ночамъ, задавая себѣ вопросъ: не виновата ли она передъ Невѣжинымъ, не слишкомъ ли она сурова съ нимъ?.. И чѣмъ рѣже она видѣла Невѣжина, тѣмъ задумчивѣе и серьезнѣе становилось ея лицо, и глухая ревность подымалась въ ея сердцѣ.

Она смутно чувствовала, что эта внезапная любовь къ театру вызвана была красивой пріѣзжей актрисой Панютиной, но, разумѣется, не догадывалась, какія интимныя и пріятныя утреннія tête-à-tête проводитъ Невѣжинъ съ Панютиной, коротая время съ этой умной, кокетливой, пикантной актрисой въ веселой болтовнѣ, полной прелести игривыхъ недомолвокъ, полупризнаній, намековъ, кокетства и блестокъ легкаго ума. А главное: съ этой женщиной чувствуется такъ легко и свободно. Ничто не напоминаетъ ему о долгѣ, объ обязанностяхъ, о работѣ, о внутреннемъ совершенствованіи. Напротивъ! И эти полузакрытые глаза, блестящіе огнемъ желанія, и этотъ выразительный шопотъ рѣчи, и гибкій, извивающійся станъ, и пожатіе горячихъ влажныхъ рукъ, и эти быстрые переходы настроенія—все говорило о радости и наслажденіи любви, ни къ чему не обязывающей, ничего не требующей и словно говорящей: «Живи, пока живется».

И Невѣжинъ пользовался этими «счастливыми мгновеніями» съ той же беззаботной легкостью, съ какой и прежде срывалъ цвѣты жизни, съ какою женился и съ какою чуть не сдѣлался присяжнымъ любовникомъ Марьи Петровны,—не задумываясь о будущемъ.

Онъ «развлекался», тщательно, впрочемъ, скрывая отъ обитательницъ маленькаго домика свое увлеченіе хорошенькой актрисой, и въ этотъ періодъ времени былъ особенно ласковъ и со старушкой Степанидой Власьевной, и съ Зи-

наидой Николаевной, и съ Прасковьей. Онъ точно старался задобрить ихъ, инстинктивно боясь всякихъ объясненій, которыя бы могли нарушить беззаботный покой его наивно-эгоистической натуры.

II.

Однажды Зинаида Николаевна вернулась съ уроковъ веселая и радостная и, снявши съ себя засыпанную снѣгомъ шубку, не заходя къ себѣ, постучалась къ Невѣжину.

Невѣжинъ впустилъ ее и удивился. Такой оживленной онъ давно ее не видалъ. Лицо ея, свѣжее и румяное съ мороза, точно все сіяло. Сіяли ея лучистые глаза, сіяла улыбка. При видѣ ея такой жизнерадостной и красивой, Невѣжинъ, хандрившій все утро, вслѣдствіе размолвки съ Панютиной, невольно и самъ просіялъ и какъ-то весело, съ внезапно нахлынувшей нѣжностью, проговорилъ, крѣпко пожимая руку дѣвушки:

— Садитесь, садитесь, Зинаида Николаевна... Вы вѣдь такая рѣдкая стали гостья!

Но она не присѣла и, снимая мѣховую шапочку, быстро проговорила:

— Я къ вамъ съ пріятной вѣстью, Евгеній Алексѣичъ... Вамъ предлагаютъ занятія...

— Занятія? — переспросилъ онъ, не выказывая особенной радости.—Какія занятія?

Этотъ равнодушный тонъ кольнулъ ее. Если-бъ онъ зналъ, сколько было стараній и хлопотъ съ ея стороны въ теченіе этого мѣсяца, чтобы достать ему работу! Она обращалась ко всѣмъ знакомымъ, просила, убѣждала и, счастливая теперь, что ея усилія увѣнчались успѣхомъ, спѣшила порадовать его пріятнымъ извѣстіемъ, а онъ съ такимъ небрежнымъ равнодушіемъ спрашиваетъ: «какія занятія?»

— Въ страховомъ агентствѣ, мѣсто конторщика... Жалованья сорокъ рублей въ мѣсяцъ, работа отъ девяти до трехъ часовъ!..—торопливо говорила Зинаида Николаевна, спѣша обрадовать Невѣжина хорошимъ мѣстомъ.—Сегодня мнѣ говорилъ агентъ, у котораго я даю уроки, что онъ съ удовольствіемъ предлагаетъ это мѣсто вамъ... Въ ожиданіи лучшаго, и это мѣсто недурно... Не правда ли, Евгеній Алексѣичъ?

Едва замѣтная, невольная презрительная гримаска быстрой тѣнью скользнула по красивому лицу Невѣжина и остановилась на губахъ.

— Мѣсто конторщика?—протянулъ онъ.—Непривлекательное занятіе!

Но, замѣтивъ въ ту же секунду, что съ лица дѣвушки сбѣжало вдругъ веселое и сіяющее выраженіе, которымъ только-что дышало оно такой неотразимой прелестью, и глаза ея прямо глядѣли на него съ какимъ-то серьезнымъ недоумѣніемъ, — Невѣжинъ вдругъ спохватился и съ подкупающей искренностью балованнаго школьника, боящагося огорчить добраго учителя, проговорилъ торопливо и мягко:

— Благодарю, благодарю васъ, милая Зинаида Николаевна, за хлопоты обо мнѣ... Вѣдь это вы устроили мнѣ мѣсто?.. Повѣрьте... я глубоко тронутъ... Я завтра же пойду къ агенту узнать — какія именно предстоятъ мнѣ занятія... Сегодня вѣдь поздно?.. Непремѣнно пойду ровно въ десять часовъ и подробно переговорю... Но, видите ли, я боюсь, что скучная и безцѣльная конторская работа мнѣ скоро опротивитъ... Сидѣть цѣлый день, переписывая цифры или глупѣйшія бумаги, — вѣдь подобная работа, согласитесь, не можетъ привести въ восторгъ? Какъ вы думаете?—спрашивалъ Невѣжинъ, улыбаясь и лицомъ и глазами какъ-то мягко и застѣнчиво, словно оправдываясь и въ то же время желая избѣжать дальнѣйшихъ непріятныхъ объясненій.

— Не спорю, работа не особенно пріятная!—отвѣчала дѣвушка, невольно смягчаясь при взглядѣ на Невѣжина.

— Ну, вотъ видите... Вы сами согласны. Такъ къ чему же я ее возьму?..

— Но вѣдь вамъ необходимы занятія... Вы сами говорили, что у васъ средствъ нѣтъ... И, значитъ, разбирать пока нечего!—прибавила Зинаида Николаевна.

— Пока я не нуждаюсь еще и могу ждать болѣе подходящихъ занятій... Мнѣ мать помогаетъ! — внезапно прибавилъ онъ и тотчасъ же смутился при этой лжи, не смѣя признаться, что живетъ на деньги, присланныя раньше женой.

Зинаида Николаевна молча взглянула на него и медленно вышла изъ комнаты.

За обѣдомъ Невѣжинъ снова заговорилъ о мѣстѣ. Онъ пойдетъ завтра справиться... непремѣнно пойдетъ! «Только ужъ вы не сердитесь!»—слышалось въ его тонѣ.

— Да если вамъ не нравится—къ чему же ходить?..

— Нѣтъ, все-таки...

Онъ снова сталъ бранить эту глупѣйшую конторскую работу. Она ему не по душѣ. Онъ это чувствуетъ. Онъ лучше постарается пріискать что-нибудь лучшее...

— Напримѣръ?

Онъ и самъ не зналъ, что̀ именно. Но въ эту минуту ему

пришла мысль, что онъ могъ бы заняться адвокатурой, и онъ тотчасъ же сказалъ объ этомъ и прибавилъ:

— Все же это лучше... Не такъ ли, Зинаида Николаевна?

— Вы серьезно хотите заняться этимъ? —недовѣрчиво спросила она.

— А то какъ же? Или вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я ни на что не способенъ?—улыбнулся Невѣжинъ.

Она взглянула на него и сама улыбнулась. Рѣшительно на него нельзя было долго сердиться!

III.

Дня три спустя Степанида Власьевна говорила племянницѣ:

— И на что нашему милому Евгенію Алексѣичу мѣсто... Къ чему за сорокъ рублей ему гнуть спину?.. Тоже нужда большая!..

— Почему вы такъ думаете, тетя?..

— А потому, что онъ и безъ мѣста проживетъ. Сегодня ему пришла повѣстка... Подалъ почтальонъ, такъ я, подумавши, не мнѣ ли, и посмотрѣла... На три тысячи повѣстка!..—съ восторженнымъ благоговѣніемъ проговорила старушка. — На три тысячи! Къ чему тутъ мѣста? Станетъ онъ о мѣстахъ думать, когда такія деньги получаетъ. Мать-то у него, видно, богатая, Зиночка?

Зинаида Николаевна не отвѣчала, подавленная, взволнованная этимъ извѣстіемъ. Какъ молнія, блеснула въ головѣ ея мысль, что жена посылаетъ Невѣжину деньги, и это возмутило ее.

Но въ слѣдующую же минуту она устыдилась своего подозрѣнія. Это не можетъ быть... На такое униженіе онъ не способенъ!

— Мать-то у него богатая, Зиночка?—повторила Степанида Власьевна.

— Право, не знаю, тетя... Вѣрно, богатая, если посылаетъ сыну такія суммы...

— А то, быть-можетъ, жена посылаетъ... Жена, говорятъ, у него богатая...

— Что̀ вы, что̀ вы, тетя?.. Развѣ онъ станетъ брать отъ жены!

— И то правда, Зиночка... Не станетъ Евгеній Алексѣичъ... Да скажи ты мнѣ, изъ-за чего это онъ въ нее стрѣлялъ, Зиночка?.. Вотъ ужъ никакъ бы не подумала, что Евгеній Алексѣичъ можетъ стрѣлять въ человѣка... Насолила, видно, ему жена-то!.. Ты знаешь эту исторію, Зиночка?

Но Зиночка отвѣтила, что ничего не знаетъ, и ушла въ свою комнату, оставивъ Степаниду Власьевну въ неизвѣстно-

сти насчетъ «исторіи», которая давно возбуждала любопытство доброй старушки.

Невѣжинъ сразу догадался, отъ кого эти деньги. Въ тотъ же день онъ читалъ письмо жены, въ которомъ она, между прочимъ, умоляла его не отказываться отъ посылаемой бездѣлицы и умоляла чаще писать ей. О себѣ она коротко сообщала, что живетъ въ Монтрё и что чувствуетъ себя лучше. Это ласковое и нѣжное письмо умилило Невѣжина, скоро успокоивъ чувство униженія, испытанное имъ въ первыя минуты; и онъ не безъ удовольствія спряталъ деньги въ карманъ и въ тотъ же день привезъ Панютиной роскошный серебряный чайный сервизъ.

Но, разумѣется, Зинаида Николаевна не должна была знать—откуда эти деньги. И когда Степанида Власьевна, передавая повѣстку, добродушно поздравила его съ большимъ полученіемъ, Невѣжинъ за обѣдомъ разсказалъ длинную исторію о томъ, что мать его получила большое наслѣдство и прислала ему три тысячи.

Зинаида Николаевна повѣрила этой выдумкѣ и мучилась, что могла хоть на минуту заподозрѣть человѣка, который, вдобавокъ, еще такъ просто и искренно просилъ ее взять пятьсотъ рублей на какое-нибудь доброе дѣло, что дѣвушка не могла отказать и крѣпко пожала ему руку, сказавъ, что пошлетъ эти деньги въ пользу учащихся сибиряковъ.

Скоро однако, благодаря неосторожности самого Невѣжина, ложь его обнаружилась.

Какъ-то, черезъ нѣсколько дней, Зинаида Николаевна, зайдя на кухню, увидала, что Прасковья съ любопытствомъ разглядываетъ какой-то конвертъ.

— Что̀ вы смотрите, Прасковья?

— Да вотъ чудной конвертъ вымела сегодня изъ комнаты Евгенія Алексѣевича, барышня... Ишь какія на емъ картинки... Никогда такихъ не видала!—сказала она, подавая конвертъ въ руки Зинаиды Николаевны.

Та взглянула на конвертъ и узнала почеркъ Невѣжиной. На конвертѣ крупными буквами было написано: «Со вложеніемъ трехъ тысячъ».

— Это швейцарскія марки!—прошептала она упавшимъ голосомъ, выходя изъ кухни.

«Такъ вотъ отъ кого эти деньги! И онъ беретъ ихъ отъ жены!»

Долго она сидѣла у себя въ комнатѣ, раздумывая о Невѣжинѣ. Въ первыя минуты она почувствовала презрѣніе къ нему, къ себѣ за то, что могла любить человѣка, у котораго

нѣтъ даже чести. По остротѣ боли и оскорбленія, которое испытывала Зинаида Николаевна, она поняла, какъ сильно любитъ этого человѣка, и это сознаніе заставило ее еще безпощаднѣе относиться къ нему. Теперь передъ строгимъ ея судомъ былъ не тотъ Невѣжинъ, какимъ она раньше представляла его себѣ, а другой—лживый, пустой, безчестный. И она его любила! Однако, вслѣдъ за тѣмъ, она-жъ сама стала пріискивать оправданія, придумывая ихъ съ находчивостью любящей женщины. И, надо правду сказать, эта защита была ловкой защитой хорошаго адвоката... Не должна ли она поддержать его, падающаго, слабаго? Чувство состраданія и сожалѣнія пересиливали другія чувства, когда она представляла себѣ его красиваго, свѣжаго, смѣющагося, его улыбку, ласковую и нѣжную... Она не разъ ловила себя на этомъ и... ее охватывалъ стыдъ...

Мысли ея путались. Голова горѣла. Она чувствовала позоръ этой любви и презрѣніе къ самой себѣ.

«Вырвать, вырвать надо это чувство!»—шептала она и слезы тихо катились изъ глазъ дѣвушки.

Она вышла изъ дому и пошла безцѣльно бродить. Незамѣтно она вышла на окраину города, какъ звонъ колокольчиковъ заставилъ ее поднять голову. Мимо нея пронеслась лихая тройка, и въ изукрашенной кошевкѣ сидѣлъ Невѣжинъ съ Панютиной. Она успѣла замѣтить ихъ веселыя, оживленныя лица и торопливо опустила глаза.

«Вотъ кого ему нужно... Вотъ кого онъ любитъ!»—подумала она, чувствуя презрѣніе и зависть, негодованіе и обиду.

Послѣ этой встрѣчи Зинаида Николаевна болѣе не колебалась. Приговоръ Невѣжину былъ подписанъ въ ея сердцѣ, и не было смягчающихъ обстоятельствъ. Онъ—пустой, лживый, поверхностный человѣкъ безъ правилъ, балованный эгоистъ, котораго спасти невозможно и которому вѣрить нельзя.

«Уѣхать отсюда!»—повторяла она, словно боясь, что присутствіе Невѣжина можетъ смягчить этотъ приговоръ и не позволитъ скорѣй похоронить эту постыдную любовь.

Недѣлю она прохворала и не выходила изъ комнаты. Когда наконецъ блѣдная, осунувшаяся, съ заострившимися чертами, она вышла къ обѣду и встрѣтилась съ Невѣжинымъ, который искренно и горячо привѣтствовалъ ея выздоровленіе, сердце у нея сжалось, и краска залила щеки. Но она справилась скоро съ собой и отвѣчала на привѣтствіе словами, отъ которыхъ вѣяло холодомъ. «Лжетъ?»—спрашивала себя дѣвушка, вслушиваясь въ звуки этого мягкаго, вкрадчиваго голоса, и подумала, что если и лжетъ, то лжетъ безсознательно...

— За что ты такъ неласкова, Зиночка, съ Евгеніемъ Алексѣичемъ?—спрашивала вскорѣ Степанида Власьевна, искренно полюбившая молодого человѣка.

— Вамъ такъ кажется, тетя!—отвѣчала племянница, отводя глаза отъ проникновеннаго взора добрѣйшей старушки.

— Онъ вѣдь такой милый, ласковый, этотъ Евгеній Алексѣичъ... Его жалѣть надо!

«Всѣ, видно, его жалѣли!»—подумала съ горькой улыбкой Зинаида Николаевна и ничего не отвѣтила.

XXV.

«Короли въ изгнаніи».

Сикорскій, крѣпко-было пріунывшій при извѣстіи объ отъѣздѣ своего доброжелателя, снова пріободрился послѣ собранія, бывшаго у него вечеромъ того дня, когда Ржевскій-Пряникъ объявилъ ему эту печальную новость.

На этомъ интимномъ вечерѣ было рѣшено интересное дѣло.

Въ небольшой гостиной Сикорскаго, убранной не безъ кокетливой простоты, свидѣтельствовавшей, при какой скромной обстановкѣ «несетъ свой крестъ» бывшій заправила лопнувшаго банка, въ этотъ памятный вечеръ собралось маленькое, но избранное общество.

За исключеніемъ одного человѣка, за круглымъ столомъ, накрытымъ бѣлоснѣжной скатертью, сидѣли, прихлебывая чай, главнѣйшіе «короли въ изгнаніи», какъ прозвалъ одинъ мѣстный острякъ этихъ извѣстныхъ героевъ уголовныхъ процессовъ, проживавшихъ, послѣ бурной и блестящей жизни въ столицахъ, «на покоѣ» въ захолустномъ Жиганскѣ.

Съ хозяиномъ читатели знакомы. Остается представить гостей.

По правую руку амфитріона, сидѣвшаго за самоваромъ, сидитъ молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, въ темной, видимо, еще столичной жакеткѣ,—недурной собой, съ вьющимися бѣлокурыми волосами, ниспадавшими почти на плечи, что придаетъ его физіономіи нѣсколько мечтательный видъ шиллеровскаго героя. У него тонкія черты худощаваго, блѣднаго лица, бородка à la Henri IV и сѣрые небольшіе глаза. Взглядъ этихъ глазъ какой-то неопредѣленно-безпокойный, не останавливающійся долго на одномъ предметѣ — точно у человѣка, который что-то забылъ или неожиданно встрѣтился съ кредиторомъ. Тѣмъ не менѣе въ лицѣ Жиркова было что-то располагающее—и добрая привѣтливая улыбка и мягкая ласковость выраженія, — такъ что люди, мало его знавшіе,

охотно вѣрили, когда Жирковъ, въ порывѣ откровенности, съ дрожью въ голосѣ и съ увлаженными глазами, разсказывалъ, что онъ жертва печальнаго недоразумѣнія и собственной опрометчивости. Нѣтъ сомнѣнія, что, повторяя въ эти откровенные моменты еще въ тюрьмѣ придуманную исторію объ «умирающей матери», которую надо было отправить за границу, вслѣдствіе чего онъ «задержалъ» на недѣлю нѣсколько тысячъ, данныхъ ему кліентами для взноса судебныхъ пошлинъ,—Жирковъ и самъ вѣрилъ въ «умирающую мать». И хотя въ трогательной исторіи сына, желающаго спасти мать, не было ни одной іоты правды, Жирковъ все-таки каждый разъ при этомъ разсказѣ неизмѣнно вытиралъ набѣгающія слезы, искренно волнуясь, какъ хорошій актеръ, проникшійся изображаемой имъ ролью.

Этой искренности и легкости проникновенія всевозможными ролями, помимо лживости и легкомысленности характера Жиркова, немало, вѣроятно, помогала и бывшая профессія молодого человѣка, прежняго бойкаго, талантливаго московскаго адвоката, блиставшаго одно время либеральными рѣчами, тонкими обѣдами и художественнымъ изяществомъ обстановки. Жирковъ тогда начиналъ пріобрѣтать въ Москвѣ извѣстность, какъ хорошій адвокатъ. Среди товарищей онъ пользовался репутаціею «добраго, умнаго малаго», нѣсколько безхарактернаго и черезчуръ женолюбиваго. Онъ былъ со всѣми въ ладу; близкіе знакомые ласково называли его «Мишенькой», и многіе коллеги завидовали его необыкновенной способности занимать деньги и успокаивать нетерпѣніе кредиторовъ устно и письменно. Когда наконецъ Жирковъ запутался и кредиторы, извѣрившись въ «литературу успокоенія», стали его травить, молодой адвокатъ растратилъ деньги кліентовъ и, къ изумленію коллегъ, не сумѣлъ отвертѣться отъ скамьи подсудимыхъ.

Патетически, не безъ ораторскаго искусства разсказанной сказкѣ объ умирающей матери присяжные засѣдатели однако не повѣрили, ибо сумма денегъ, растраченная адвокатомъ, представляла собой такую внушительную цифру, что на нее можно было бы послать на «Ривьеру» *) десятка два умирающихъ матерей, а не то что одну, и притомъ совершенно здоровую, хотя и подкошенную горемъ при такой безстыдной публичной лжи на мать, которая своему же любимцу Мишенькѣ отдала послѣднія крохи.

Въ Сибири Жирковъ не пропалъ. Интеллигентный и способ-

*) Береговая полоса Средиземнаго моря отъ Марсели до Генуи.

ный молодой человѣкъ очаровалъ своимъ умомъ и дѣловитостью мѣстное начальство, которое помогло ему устроиться довольно хорошо для его новаго положенія. Кромѣ того Жирковъ давалъ юридическіе совѣты, писалъ просьбы по серьезнымъ дѣламъ и, когда не хватало средствъ для удовлетворенія прежнихъ широкихъ привычекъ эпикурейца и женолюба,— время отъ времени прибѣгалъ къ займамъ, съ успѣхомъ пользуясь (особенно вначалѣ) миѳическими телеграммами или бездорожьемъ, задержавшимъ полученіе будто бы высланныхъ денегъ.

Онъ былъ добродушенъ и услужливъ, милъ и остроуменъ, и его охотно принимали вездѣ. Всѣ въ Жиганскѣ любили Жиркова и, вдобавокъ, невольно его жалѣли.

«Такой милый, образованный человѣкъ—и вдругъ такъ жестоко пострадать изъ-за умирающей матери!»—говорили обыкновенно знакомыя съ легендой дамы. Мужчины, не совсѣмъ довѣрявшіе легендѣ, коротко замѣчали: «Умный человѣкъ, а влопался!» и снисходительно пожимали плечами, пока не испытывали на себѣ неотразимости увѣреній Жиркова о неисправности почтово-телеграфнаго вѣдомства и, къ счастію своему, не были еще знакомы съ его художественными записками успокоенія.

Сосѣдъ Жиркова представлялъ собою другого рода типъ. Это былъ сгорбленный старикъ, съ сухимъ, изможденнымъ, морщинистымъ лицомъ, на которомъ словно застыло угрюмое выраженіе равнодушія. Онъ молча прислушивался къ разговору, посасывая скверную сигару, и по временамъ озиралъ присутствующихъ спокойнымъ взглядомъ своихъ выцвѣтшихъ старческихъ глазъ, глубоко сидящихъ подъ густыми сѣдыми бровями. Костюмъ на немъ былъ жалкій: черный, изношенный, наглухо застегнутый сюртукъ лоснился и бѣлѣлъ по швамъ; бѣлье было сомнительной чистоты.

Глядя на этого угрюмаго старика, никто бы не догадался, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ Рудольфъ Ивановичъ фонъ-Таухницъ былъ грозой цѣлаго вѣдомства — суровымъ, надменнымъ начальникомъ, передъ которымъ дрожали подчиненные, и потомъ—героемъ громкаго процесса, завершившаго ссылкой долгую службу ученаго генерала изъ остзейцевъ. Въ теченіе трехъ безконечныхъ дней суда этотъ старикъ, въ шитомъ генеральскомъ мундирѣ, съ грудью, сверкавшей звѣздами и орденами, еще полный энергіи и жизни, храбро боролся съ позоромъ публичнаго обвиненія въ лихоимствѣ. Кто видѣлъ тогда этого затравливаемаго, но все еще не сдававшагося, крупнаго звѣря, въ безсильной злобѣ метавшаго взгляды,

сверкавшіе то ненавистью, то презрѣніемъ, на безчисленныхъ свидѣтелей, бывшихъ подчиненныхъ, еще недавно раболѣпныхъ, а теперь спѣшившихъ наперерывъ забросать его грязью,— тотъ едва ли узналъ бы въ этомъ жалкомъ, хиломъ, нищенски одѣтомъ дряхломъ старикѣ грознаго и въ судѣ генерала, шагъ за шагомъ, съ энергіей отчаянія, отбивающагося отъ массы подавляющихъ мелкихъ косвенныхъ уликъ,—такъ онъ измѣнился. Старикъ, пережившій въ эти три дня цѣлую вѣчность, вышелъ послѣ приговора, шатаясь, изъ суда, разбитый нравственно и физически подъ игомъ позора, увѣнчавшаго закатъ его дней. Онъ отлично понималъ, что судъ надъ нимъ вызванъ былъ не столько его злоупотребленіями, сколько закулисной борьбой чужихъ честолюбій—желаніемъ унизить прежняго главнаго начальника обвиненнаго, и что онъ былъ лишь козломъ отпущенія. И это еще болѣе уязвляло самолюбиваго генерала.

Надо отдать справедливость: онъ несъ кару съ достоинствомъ, никогда никому не разсказывая о своемъ дѣлѣ, не жалуясь, никого не обвиняя, не драпируясь въ мантію невинно пострадавшей жертвы. Жилъ онъ въ Жиганскѣ въ какой-то конурѣ, въ одной изъ дальнихъ глухихъ улицъ, болѣе чѣмъ скромно, почти бѣдно, на ничтожныя средства, отсылая бо̀льшую часть своей эмеритуры (единственный свой доходъ) престарѣлымъ сестрамъ, которымъ онъ всегда помогалъ. Одинокій и брошенный, одряхлѣвшій и удрученный сознаніемъ черезчуръ жестокаго позора, самолюбивый старикъ систематически избѣгалъ знакомствъ и не показывался ни на какихъ собраніяхъ. Онъ и на улицу выходилъ только въ ранніе часы, сохранивъ старую привычку совершать ежедневныя прогулки, и только изрѣдка, и то по приглашенію, заходилъ къ Сикорскому, который давалъ ему иногда работу по порученію Ржевскаго-Пряника, желавшаго чѣмъ-нибудь помочь Таухницу.

Совершеннѣйшую противоположность представлялъ собой vis-à-vis Таухница—господинъ Кауровъ, одинъ изъ «птенцовъ славной стаи» интендантовъ, судившихся послѣ послѣдней турецкой войны, — румяный, веселый толстякъ громадныхъ размѣровъ, съ большой круглой головой, на которой начинали серебриться черные, щетинистые, коротко остриженные волосы. Въ Жиганскѣ недаромъ прозвали Сергѣя Сергѣевича Каурова «веселымъ интендантомъ». И его толстое мясистое лицо хорошо упитаннаго борова, обрамленное окладистой, выхоленной, надушенной бородой, скрывающей трехэтажный подбородокъ,—лицо съ плотояднымъ, широкимъ ртомъ, крупнымъ,

вздернутымъ кверху носомъ, словно что-то нюхающимъ, — съ маленькими, оплывшими жиромъ и отливавшими маслянистымъ блескомъ, веселыми глазами,—и этотъ густой, сочный хохотъ, колыхавшій его грандіозное брюхо, — и выраженіе довольства, беззаботности и нахальства, которымъ, казалось, дышала вся его колоссальная фигура, начиная съ лица и кончая толстыми короткими пальцами, которыми Кауровъ игриво отбивалъ такъ по столу, любуясь по временамъ игрой крупнаго брильянта на мизинцѣ, — и щегольской костюмъ, и безукоризненное бѣлье, — однимъ словомъ, рѣшительно все свидѣтельствовало, что этотъ «король въ изгнаніи» несетъ бремя ссылки весело и легко, въ отличной квартирѣ, съ превосходнымъ поваромъ, не отказывая себѣ и въ другихъ развлеченіяхъ, соотвѣтствующихъ склонностямъ «веселаго интенданта».

И Кауровъ, разумѣется, не плакался на судьбу, а только ругался, что его законопатили въ этотъ подлый Жиганскъ, гдѣ ни за какія деньги нельзя достать восхитительной румынки, хорошаго рокфора и настоящаго кло-де-вужо. Съ веселымъ цинизмомъ признавался онъ подъ пьяную руку, что у него осталось-таки сотни двѣ тысячъ про черный день, и жилъ, не стѣсняясь: держалъ лошадей, велъ большую игру, задавалъ обѣды, имѣлъ широкое знакомство, часто повторяя, что у кого есть деньги, у того всегда найдутся друзья. Семья Каурова не жила съ нимъ, и онъ, кажется, не стѣснялся этимъ, мѣняя часто молоденькихъ экономокъ и награждая ихъ, при уходѣ, съ щедростью, заставлявшею многихъ жиганскихъ швеекъ и горничныхъ добиваться этого мѣста. Въ откровенныя минуты Кауровъ прямо говорилъ, заливаясь раскатистымъ смѣхомъ, что назначь его опять интендантомъ, онъ снова огрѣлъ бы матушку-казну, потому что... потому что онъ, Сергѣй Сергѣевичъ Кауровъ, слава Богу, не дуракъ и, попавши въ Голконду, не будетъ стоять, разинувъ ротъ, въ то время, какъ другіе собираютъ сокровища. Попался же онъ, собственно говоря, по своей же глупости: пожалѣлъ крупнаго куша, когда не слѣдовало, и угодилъ въ мѣста не столь отдаленныя.

— Но, конечно, не надолго. Насъ простятъ. Мы вѣдь вѣрные слуги отечества, люди благонамѣренные, столпы въ нѣкоторомъ родѣ, не то что эта неблагонадежная голытьба, потрясающая основы,—съ хохотомъ прибавлялъ Кауровъ.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Хрисанфъ Андреевичъ Мосягинъ, бывшій почетный гражданинъ и милліонеръ, судившійся за поджогъ пустыхъ лавокъ въ одномъ изъ городовъ Поволжья. Мосягинъ хоть и старый уже человѣкъ, но на видъ ему не

болѣе пятидесяти лѣтъ; лицо у него мускулистое, крѣпкое, съ тѣмъ смиреннымъ выраженіемъ, какое бываетъ у монаховъ въ публикѣ, бородка рѣденькая, клинушкомъ, глаза небольшіе, круглые и зоркіе, какъ у копчика. Онъ не толстъ, не худъ, а, какъ выражается самъ про себя, «мужикъ въ препорцію». Несмотря на то, что преступленіе сравняло его, по званію мѣщанина изъ ссыльныхъ, съ остальными присутствовавшими здѣсь гостями, Мосягинъ все-таки держитъ себя въ ихъ обществѣ съ нѣкоторой осторожной почтительностью. Это—хищникъ, стяжатель, скупецъ и философъ, любящій пофилософствовать за стаканомъ чая о суетѣ мірской вообще и о неблагодарности дѣтей въ особенности. Онъ, видите ли, «послѣ несчастія, посланнаго ему Богомъ», передалъ сыновьямъ, вмѣстѣ съ фирмой, все свое состояніе, а они забыли родителя и лишаютъ его, бѣднягу, самаго необходимаго.

Такъ иногда жалуется Мосягинъ, скрывая, что у него есть капиталъ, и капиталъ большой, хранящійся въ одномъ изъ банковъ и положенный на имя своячиницы, не старой еще женщины, которая пріѣхала въ ссылку оберегать покой престарѣлаго страдальца. Живетъ онъ скаредно, но и въ ссылкѣ не забываетъ дѣлъ: въ компаніи съ однимъ жиганскимъ купцомъ ведетъ хлѣбную торговлю и, при случаѣ, даетъ деньги подъ проценты, подъ большимъ секретомъ. Ссылка для этого бывшаго милліонера, царя хлѣбной торговли Поволжья — новая арена для его стяжательныхъ талантовъ, но эта арена мала, и, главное, онъ боится, что его, безправнаго, обманутъ, и потому Мосягинъ въ ссылкѣ груститъ и все хлопочетъ о помилованіи, для чего часто захаживаетъ къ Сикорскому за совѣтами. Сперва-было онъ обращался къ Жиркову, но, поплатившись ста рублями, нашелъ, что это убыточно... Сикорскій же одолжаетъ Мосягина даромъ, имѣя на то свои причины.

Послѣдній гость, съ которымъ остается познакомить читателя, — господинъ Пеклеванный, извѣстный въ кругу жиганскихъ кутилъ подъ именемъ «Гришки Пеклеваннаго». Этотъ высокій, кудластый брюнетъ, съ широкимъ, выбритымъ лицомъ калмыцкаго типа и небольшими неглупыми глазами, обличьемъ и развязными манерами напоминающій не то маркера, не то трактирнаго забулдыгу, не имѣлъ чести раздѣлять печальной участи «королей въ изгнаніи». Господинъ Пеклеванный пріѣхалъ въ Сибирь добровольно, влекомый сюда, если вѣрить его словамъ, цивилизаторской миссіей — желаніемъ послужить своими талантами темному, некультурному краю, такъ нуждающемуся въ образованныхъ людяхъ. И онъ

служилъ краю въ качествѣ не особенно разборчиваго ходатая по разнымъ дѣламъ, прославившись гораздо болѣе, какъ неутомимый скандалистъ, затѣвавшій въ пьяномъ видѣ «исторіи», обычнымъ результатомъ которыхъ бывали драки съ перемѣннымъ счастіемъ, такъ что разсказы о такихъ происшествіяхъ были въ Жиганскѣ самыми частыми новостями, разнообразившими адскую провинціальную скуку. То Пеклеванный кого-нибудь билъ, то Пеклеваннаго били. То онъ смазывалъ физіономію какого-нибудь пріятеля-собутыльника горчицей или обливалъ голову пивомъ, то съ нимъ продѣлывали нѣчто подобное. Всѣ эти маленькія «недоразумѣнія» какъ съ чужими физіономіями, такъ и со своей не особенно смущали Пеклеваннаго, часто бывавшаго въ такихъ передѣлкахъ. Послѣ дня-другого сидѣнья дома съ примочками арники, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, показывался въ людяхъ, пилъ на мировую или великодушно забывалъ полученную мятку и съ прежнимъ апломбомъ ораторствовалъ, гдѣ только могъ, о томъ, что онъ «истинно-русскій человѣкъ» и высоко держитъ знамя законности, порядка и культуры.

XXVI.

«Идея».

Главной темой разговоровъ, былъ, конечно, отъѣздъ Ржевскаго-Пряника.

— Неужели старикъ такъ и не вернется сюда? — спрашивали со всѣхъ сторонъ у Сикорскаго.

— Едва ли вернется!.. — авторитетно отвѣчалъ Сикорскій, грустно покачивая головой.

Эти слова близкаго «старику» человѣка вызвали непритворное сожалѣніе среди «королей въ изгнаніи». Всѣ хвалили Василія Андреевича; всякій вспоминалъ о томъ или другомъ фактѣ вниманія. Другого Ржевскаго-Пряника имъ не дождаться. Каждый изъ присутствующихъ съ тревогой думалъ о будущемъ.

Одинъ только Таухницъ угрюмо молчалъ, не принимая почти никакого участія въ оживленной бесѣдѣ. Не все ли равно ему — останется или нѣтъ Ржевскій-Пряникъ, и кто будетъ на его мѣстѣ? Онъ во всякомъ случаѣ не думаетъ просить о помилованіи и вообще не станетъ обращаться съ какими бы то ни было просьбами и докуками къ мѣстной администраціи, и потому былъ совершенно равнодушенъ къ вопросу, волновавшему остальныхъ присутствующихъ.

А всѣ, несомнѣнно, были взволнованы. Особенно волно-

вался Сикорскій, хоть и умѣлъ скрыть свое волненіе подъ маской непроницаемости. Пройдутъ для него красные дни съ отъѣздомъ Василія Андреевича. Каково будетъ жить съ новымъ начальствомъ? Начальство въ Сибири, при желаніи, вѣдь можетъ каждому изъ «королей» отравить жизнь. Оно можетъ лишить ихъ права жить въ Жиганскѣ и въ двадцать четыре часа отправить на жительство въ какую-нибудь трущобистую дыру. Положимъ, съ «королями» такъ поступать стѣсняются, но кто знаетъ, какъ посмотритъ на нихъ «новый» и подъ какими впечатлѣніями онъ пріѣдетъ сюда? Что̀ если онъ провѣритъ всѣ эти безчисленныя жалобы и озлобленныя выходки «Жиганскаго Курьера» противъ уголовныхъ ссыльныхъ и лишитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мѣстъ! Вѣдь могутъ найтись совѣтники, которые скажутъ, что неудобно и неприлично какому-нибудь банкокраду или человѣку, сосланному за подлогъ, служа по вольному найму, отъ имени правительства контролировать какое-нибудь учрежденіе и дѣлать еще замѣчанія.

Обо всемъ этомъ вспомнилъ Сикорскій, и, разумѣется, не веселыя мысли волновали его. Неспокойны были Жирковъ и Мосягинъ, да и Кауровъ, хоть и говорилъ, что ему «наплевать», и что онъ постарается выхлопотать право жить въ Царскомъ Селѣ вмѣсто Питера и помимо мѣстной администраціи, все-таки нѣсколько пріунылъ, слушая пессимистическія пророчества Сикорскаго.

— Да полноте вамъ, родной Михаилъ Яковлевичъ, пугать насъ!.. Богъ не безъ милости, свинья не безъ поросятъ! — наконецъ проговорилъ онъ.

«Тебѣ-то хорошо съ деньгами», — подумалъ Сикорскій и сказалъ:

— Я не пугаю, дорогой Сергѣй Сергѣичъ... Я только комбинирую...

— Лучше велите-ка своей Милитрисѣ Кирбитьевнѣ подать намъ по рюмкѣ водки... Тогда комбинаціи будутъ не такія мрачныя!—съ веселымъ хохотомъ продолжалъ Кауровъ.—Ужъ Пеклеванный изнываетъ... Сосетъ вѣдь у тебя подъ ложечкой, другъ Пеклеванный, а?—обратился Кауровъ къ тому тономъ панибратства, въ которомъ слышалась едва замѣтная нотка нѣкотораго пренебреженія.—Сколько сегодня выпилъ?.. Было дѣло, а?

— Вѣрно, и ты, беззаботный интендантъ, не безъ грѣха... Говорятъ, за завтракомъ у тебя сегодня пили много...

— А что-жъ ты не пріѣхалъ, коли зналъ, что у меня пьютъ... Какъ это ты прозѣвалъ случай, а?—подсмѣивался Кауровъ.

Между тѣмъ миловидная, чисто одѣтая горничная, шурша платьемъ и жеманно опуская глаза каждый разъ, какъ Кауровъ пристально взглядывалъ на нее своимъ масленымъ взоромъ, поставила на столъ различныя холодныя закуски, хлѣбъ, масло, разныхъ сортовъ водки и нѣсколько бутылокъ вина.

Сикорскій слегка нахмурилъ брови, замѣтивъ взгляды Каурова, но тотчасъ же разгладилъ ихъ и съ обычной своей любезностью предложилъ гостямъ закусить, наполняя рюмки водкой. Всѣ, кромѣ Таухница, выпили съ видимымъ удовольствіемъ и стали закусывать.

— Что-жъ вы, Рудольфъ Ивановичъ? Хоть рюмку вина выпейте да закусите чего-нибудь!.. Сыръ недуренъ!—прибавилъ Сикорскій, обращаясь къ Таухницу.

— Благодарю. Вы вѣдь знаете: я не ужинаю.

Онъ взглянулъ на свою серебряную луковицу и сталъ собираться. Сикорскій началъ его удерживать.

— Поздно... Одиннадцатый часъ, а мнѣ въ Слободку.

— Моя лошадь къ вашимъ услугамъ, Рудольфъ Иванычъ!—съ почтительной аттенціей предложилъ Кауровъ.

— И моя тоже!—повторили Жирковъ и Пеклеванный.

Но старикъ, поблагодаривъ, отказался и сталъ прощаться.

— Жаль, что вы не остались, Рудольфъ Иванычъ!—говорилъ ему въ передней Сикорскій конфиденціальнымъ тономъ, съ особенной ласковой почтительностью пожимая ему руку.—Я было-хотѣлъ спросить вашего совѣта насчетъ одного дѣла, мною задуманнаго. Впрочемъ, я завтра побываю у васъ... Оно и лучше: побесѣдуемъ наединѣ.

Старикъ даже не полюбопытствовалъ узнать, въ чемъ дѣло, и только промолвилъ, что онъ цѣлый день дома.

— А вѣдь отлично сдѣлалъ мрачный генералъ, что ушелъ!—воскликнулъ Кауровъ, когда Сикорскій проводилъ Таухница.—Помилуйте! Самъ не пьетъ и только другихъ стѣсняетъ своимъ строгимъ видомъ... За вами очередь, дорогой Михаилъ Яковлевичъ! Мы безъ васъ уже по второй выпили.

— Вамъ можно и по третьей, а мнѣ вредно.

— Ну, для меня, Михаилъ Яковлевичъ.

— Такъ и быть, развѣ для васъ, Сергѣй Сергѣевичъ!

И, наливъ рюмку портвейна, Сикорскій чокнулся съ Кауровымъ.

За ужиномъ ѣли и пили много. Къ концу ужина лица у всѣхъ гостей были возбуждены. Разговоры оживились. Весе-

лый интендантъ разсказывалъ о жизни въ Бухарестѣ и постоянно прибавлялъ, обращаясь къ Пеклеванному:

— Понимаешь ли ты, какъ было хорошо, а?

На что Пеклеванный подмигивалъ глазомъ и отвѣчалъ, что понимаетъ.

Мосягинъ ѣлъ молча, съ жадностью человѣка, вознаграждающаго себя за скудную пищу дома хорошими кушаньями, за которыя не придется платить, и пилъ одну водку. Жирковъ, откинувшись на стулъ, смаковалъ дорогое красное вино. Всѣ были веселы, но никто не былъ пьянъ. Самъ Сикорскій, угощая гостей, почти ничего не пилъ. Когда интендантъ окончилъ свои воспоминанія, Михаилъ Яковлевичъ значительно проговорилъ:

— У меня, милые гости, есть одно предположеніе... идея, о которой я хотѣлъ бы поговорить съ вами... Только напередъ буду покорнѣйше всѣхъ просить держать пока мою идею въ секретѣ...

Всѣ глаза обратились съ любопытствомъ на Сикорскаго.

Михаилъ Яковлевичъ продолжалъ:

— Вы знаете, конечно, съ какимъ озлобленіемъ относятся сибиряки къ пріѣзжимъ, къ людямъ, не раздѣляющимъ сибирскихъ взглядовъ. Вы знаете тоже, какова здѣсь мѣстная печать... какія проводитъ она тенденціи и съ какою наглостью позоритъ и клевещетъ на людей, имѣющихъ несчастіе быть въ нашемъ положеніи. Никого эти гнусныя газеты не оставляютъ въ покоѣ... Еще на-дняхъ — помните, Сергѣй Сергѣевичъ, какую гадость напечаталъ «Жиганскій Курьеръ» про васъ?

— Мерзавцы!—проговорилъ въ отвѣтъ Кауровъ.

— Все это навело меня на мысль,—продолжалъ Михаилъ Яковлевичъ:—что было бы весьма полезно—основать здѣсь органъ, который бы проводилъ здоровыя, истинно-русскія идеи, ничего общаго не имѣющія съ тѣмъ, что пишутъ тамъ разные «сибирскіе патріоты»—органъ, который бы помогалъ администраціи въ ея стремленіяхъ сдѣлать что-нибудь для края... Однимъ словомъ, недурно было бы имѣть газету вполнѣ приличную, которая бы противодѣйствовала вредному сибирскому вліянію.

— А вѣдь это... идея!—проговорилъ со смѣхомъ Кауровъ.—Имѣть свою газету... Ей-Богу... идея!.. Но только гдѣ вы найдете людей?.. Кто будетъ писать, а?..

— Объ этомъ безпокоиться нечего... Вѣдь не боги же горшки лѣпятъ... И здѣсь найдутся люди... Я, хоть и не литераторъ, а, надѣюсь, сумѣю толково и литературно изло-

жить свои мысли... Михаилъ Петровичъ не откажется, Таухницъ обѣщалъ... Григорій Григорьевичъ тоже приметъ участіе...

Пеклеванный даже вспыхнулъ отъ удовольствія и проговорилъ, что онъ будетъ очень радъ.

— Надѣюсь, и вы, Сергѣй Сергѣичъ...

— Что вы... что вы!—съ хохотомъ перебилъ Кауровъ.—Я отъ роду не писалъ...

— Попробуйте, это не такъ трудно!—улыбнулся Жирковъ.

— Дѣло не въ этомъ, господа. Сотрудники найдутся, но прежде всего надо пріискать издателя и редактора. Не откажите намъ въ этомъ, Григорій Григорьевичъ!

Самъ Пеклеванный въ первую минуту смутился отъ подобнаго предложенія, до того было оно невѣроятно. Гришка Пеклеванный, герой всевозможныхъ скандаловъ, въ роли издателя и редактора!?

— Утвердятъ ли? — проговорилъ онъ и даже какъ будто сконфузился.

— Чѣмъ ты не редакторъ?—сказалъ Кауровъ съ улыбкой.

— О васъ дадутъ прекрасный отзывъ, ручаясь за вашу благонадежность. Это обѣщано,—замѣтилъ Сикорскій.

— Я что же... я согласенъ!..

— И отлично... Теперь лишь остается обезпечить изданіе на первый годъ... Первый годъ, разумѣется, будетъ дефицитъ...

При этихъ словахъ веселый интендантъ сдѣлался вдругъ серьезенъ, а Мосягинъ задумчиво опустилъ глаза.

— Нужна будетъ пустяшная сумма... тысячъ пять! — проговорилъ Сикорскій:—и мы разсчитываемъ на васъ, добрѣйшій Сергѣй Сергѣичъ, и на васъ, Хрисанфъ Андреевичъ.

— Я, повѣрьте, съ полнымъ моимъ удовольствіемъ, если-бъ имѣлъ деньги,—заговорилъ Мосягинъ.—Вы вѣдь знаете, что дѣти меня обобрали, и я...

— Полно... полно, Хрисаша, не ври... Деньги-то у тебя есть, милый человѣкъ!—перебилъ его со смѣхомъ Кауровъ.—Я дамъ, пожалуй, половину, дай и ты... Вѣдь дѣло-то хорошее: понимаешь ли—газета, а? Даромъ будешь читать...

Но Мосягинъ уперся и лишь послѣ усиленныхъ настояній Сикорскаго, сопровождаемыхъ кое-какими намеками, обѣщалъ достать у своячиницы тысячу рублей безъ процентовъ. Тогда Кауровъ обозвалъ Мосягина «скареднымъ Хрисашкой» и объявилъ, что даетъ четыре тысячи безъ всякихъ условій.

Произошла трогательная сцена. Сикорскій облобызалъ Сергѣя Сергѣевича и сказалъ благодарственный спичъ. Вслѣдъ

затѣмъ онъ послалъ за шампанскимъ, и господа «бубновые тузы», будущіе руководители общественнаго мнѣнія, долго еще пировали.

XXVII.

Медовый мѣсяцъ.

Медовый мѣсяцъ Панютиной и Невѣжина окончился скоро, благодаря веселому интенданту. Онъ явился серьезнымъ соперникомъ молодого человѣка, хотя и не открывалъ своихъ козырей. Молодая красивая актриса серьезно плѣнила Каурова, напомнивъ ему одну изъ тѣхъ соблазнительныхъ румынокъ, на которыхъ онъ, бывало, просаживалъ немало казенныхъ денегъ, и Кауровъ сталъ ухаживать за актрисой съ терпѣливымъ упорствомъ человѣка, увѣреннаго, что въ концѣ концовъ достигнетъ цѣли — слѣдуетъ только не горячиться и переждать первые восторги этой «идилліи всухомятку», какъ цинично называлъ онъ всякое ухаживанье за женщинами, не сопровождавшееся сумасшедшими тратами. Онъ положительно забрасывалъ Панютину букетами, подносилъ ей отъ имени публики цѣнные подарки, ежедневно являлся къ ней послѣ репетиціи и, терпѣливо выслушивая тонкія насмѣшки въ отвѣтъ на свои любовные намеки, только щурилъ, какъ котъ, свои масленые глазки и, цѣлуя на прощанье бѣлую, пухлую ручку актрисы, приговаривалъ со вздохомъ:

— До свиданія, божественная королева!

— До свиданія, вѣрный рыцарь!

— И вы попрежнему безжалостны къ вѣрному рыцарю?— шутливо прибавлялъ онъ.

— Безжалостна!—смѣясь, отвѣчала Панютина.

— И нѣтъ никакой надежды?

— Никакой! — говорила она все тѣмъ же шутливымъ тономъ.

Онъ снова покрывалъ поцѣлуями ея руку, грустно покачивалъ головой и удалялся, встрѣчая нерѣдко въ прихожей веселаго, довольнаго Невѣжина. Влюбленному толстяку, при всемъ его добродушіи, въ минуты подобныхъ встрѣчъ хотѣлось перервать горло этому счастливцу, ставшему ему на дорогѣ, но вмѣсто того онъ съ особенной любезностью пожималъ ему руку и только презрительно косилъ глаза на цвѣты и конфеты, которые привозилъ Невѣжинъ.

— Недолго тебѣ, шерамыжнику, придется носить цвѣточки!—шепталъ онъ сдавленнымъ отъ зависти голосомъ.

Однако терпѣніе веселаго интенданта начинало истощаться. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ — онъ сдѣлалъ актрисѣ, по крайней мѣрѣ, тысячи на двѣ подарковъ, а она, казалось, не подавала никакой надежды на благосклонность къ влюбленному интенданту и позволяла только цѣловать свои красивыя руки не выше локтей да пожирать глазами роскошную шею и круглыя плечи, когда Кауровъ заставалъ ее иногда полуодѣтою въ уборной. Знатокъ и любитель красиваго женскаго тѣла, онъ вздрагивалъ отъ восторга, мысленно совсѣмъ оголяя актрису, и начиналъ не на шутку сердиться этотъ сластолюбивый толстякъ, изъ-за женщинъ попавшій въ Сибирь. Небрежное равнодушіе красивой пикантной женщины только разжигало его желанія, и онъ наконецъ рѣшилъ, что пора пустить Невѣжина «на смарку» и «козырнуть», какъ, бывало, умѣлъ козырять онъ въ тѣ счастливыя времена, когда былъ интендантскимъ «аркадскимъ принцемъ».

И Кауровъ однажды не явился къ Панютиной «за приказаніями», какъ шутя называлъ онъ ежедневные свои визиты, а вмѣсто того прислалъ письмо, полное нѣжныхъ и страстныхъ изліяній, послѣ которыхъ шло дѣловое объясненіе. Съ обстоятельностью серьезнаго человѣка, Кауровъ точно обозначилъ весьма солидную сумму, которую онъ былъ бы готовъ повергнуть къ стопамъ божественной королевы для обезпеченія ея отъ всякихъ случайностей жизни, въ случаѣ, если она не отвергнетъ его любви, и почтительно прилагалъ теперь же чекъ на три тысячи безъ всякихъ условій, какъ слабую дань ея красотѣ. Въ заключеніе онъ просилъ дать отвѣтъ черезъ три дня.

Предложеніе было заманчиво. О немъ стоило серьезно подумать. Влюбленный интендантъ предлагалъ актрисѣ по три тысячи въ мѣсяцъ, бралъ все ея содержаніе на свой счетъ, предлагая къ ея услугамъ свою квартиру, и кромѣ того обѣщалъ при разставаніи выдать десять тысячъ. Не трудно было сообразить, что судьба посылаетъ ей маленькое состояніе, которое дастъ ей возможность въ будущемъ не вести цыганской, полной всякихъ случайностей жизни. Съ деньгами можно и условія заключать болѣе выгодныя и взять наконецъ самой антрепризу. Надоѣли ужъ Панютиной и эти перекочевки изъ Казани въ Симферополь, изъ Симферополя въ Орелъ, изъ Орла въ Сибирь, и зависимость отъ антрепренеровъ, и страхъ за свое жалованье, и переходы отъ лишеній къ показной, дутой роскоши «перваго сюжета». Она знала дѣйствительную цѣну громадныхъ окладовъ, которые ставились въ контрактахъ, знала легкость театральныхъ краховъ и исчез-

новенія антрепренеровъ, и собственнымъ горькимъ опытомъ понимала, что безъ сбереженій провинціальной актрисѣ приходится плохо... «Мертвые сезоны», интриги, лишающія выгоднаго ангажемента, борьба самолюбій, заставляющая выйти изъ трупы... мало ли терній для актрисы, хотя и замѣтной на провинціальныхъ сценахъ, но не имѣющей счастья быть знаменитостью, за которою гоняются. Была бы она знаменитостью, не пріѣхала бы въ Жиганскъ на пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ! «Романическая исторія», заставившая будто бы ее ѣхать въ Сибирь, была ловкой выдумкой антрепренера, повторенной довѣрчивымъ репортеромъ мѣстной газеты, — не болѣе. Она вотъ служитъ искусству десять лѣтъ, и до сихъ поръ никакого солиднаго обезпеченія... Брильянтовъ тысячи на двѣ да разные подарки... вотъ и все ея состояніе. Пора подумать и о будущемъ, пока она еще молода...

Въ этой женщинѣ, выросшей въ атмосферѣ провинціальныхъ кулисъ, интригъ и безшабашнаго прожиганія жизни, съ привычками легкихъ, мимолетныхъ связей перелетной птицы, тѣмъ не менѣе была практическая жилка предусмотрительной женщины и чувствовалось то инстинктивное стремленіе къ осѣдлой жизни, силу котораго не могло заглушить долгое артистическое бродяжничество. Она обрадовалась «случаю», никакъ не предполагая, что Кауровъ можетъ такъ щедро оцѣнить ея благосклонность. Невѣжинъ, правда, ей нравился—онъ такой красивый, милый, порывистый, этотъ «Мишенька», какъ она называла его — но вѣдь любви къ нему не было, какъ и у него къ ней. Такъ нравились ей десятки людей, съ которыми она сходилась послѣ лишняго бокала шампанскаго и расходилась передъ отъѣздомъ въ другой городъ. И она не задумалась пожертвовать этой случайной связью, въ виду такого серьезнаго предложенія Каурова, и быть вѣрной новому любовнику.

— Да и этотъ толстякъ вовсе не противенъ!—проговорила она вслухъ, присаживаясь къ столу, чтобы написать Каурову короткій отвѣтъ: «Согласна. Завтра васъ жду, милый Сергѣй Сергѣичъ!»

Но это рѣшеніе, обдуманное и спокойное, столь не похожее на роли тѣхъ страстныхъ «драматическихъ» кокотокъ, которыхъ такъ хорошо изображала Панютина на сценѣ, не помѣшало ей отдать этотъ послѣдній свободный вечеръ Невѣжину, и она провела его вмѣстѣ съ нимъ, особенно нѣжная, возбужденная, какъ будто стараясь горячими ласками вознаградить и себя и Невѣжина за горечь разлуки. Это былъ сумасшедшій вечеръ, по окончаніи котораго Панютина, том-

ная и усталая, объявила, что этотъ вечеръ—лебединая пѣснь ихъ любви, и не отказала себѣ въ удовольствіи маленькой трогательной сцены съ объятіями и слезами, пожалуй, и искренними.

— Послѣдній!? почему?..

Она, не стѣсняясь, правдиво объяснила Невѣжину, почему рѣшила разстаться съ нимъ, и просила его не сердиться, а вспоминать ихъ веселый мѣсяцъ любви безъ злого чувства.

— Вѣдь и ты любилъ не меня, а мои ласки!—сказала она, смѣясь сквозь слезы, и прибавила:—разойтись мѣсяцемъ раньше, мѣсяцемъ позже, не все ли равно? И наконецъ, говорятъ, у тебя есть невѣста... Я вѣдь видѣла эту красивую строгую барышню!

Но Невѣжинъ принялъ видъ оскорбленнаго любовника и проговорилъ горячій монологъ, полный негодованія и оскорбительныхъ намековъ, что̀ вызвало сперва удивленіе Панютиной, а потомъ досаду.

«Неблагодарный! Онъ еще читаетъ мнѣ мораль!»—подумала она и, насмѣшливо улыбаясь, спросила: «По какому праву онъ оскорбляетъ ее? Развѣ она давала ему какія-либо обѣщанія? Развѣ они чѣмъ-нибудь связаны? Развѣ она требовала отъ него какихъ-нибудь клятвъ?»

— Въ васъ, Невѣжинъ, скверное мужское самолюбіе говоритъ — вотъ и все! Разойдемтесь-ка лучше по-пріятельски... Я не хочу съ вами ссориться... Слышите ли?—прибавила она смягченнымъ ласковымъ тономъ.

И протянула Невѣжину свою красивую обнаженную руку, которую Невѣжинъ поцѣловалъ съ видомъ дующагося ребенка, не сознающаго своей вины.

XXVIII.

«Страдалецъ».

I.

На слѣдующій же день Панютина переѣхала въ роскошную квартиру веселаго интенданта, а Кауровъ, ради соблюденія приличій, перебрался въ гостиницу. Узнавши объ этомъ, Невѣжинъ вечеромъ не пошелъ въ театръ и просидѣлъ дома, меланхолически раздумывая объ испорченности актрисы, связавшейся съ этимъ толстякомъ ради денегъ. Философствуя на эту благодарную тему, онъ, конечно, не вспоминалъ о своей женитьбѣ и находился въ неопредѣленно-тоскливомъ настроеніи бездѣльнаго человѣка, для котораго, послѣ веселаго праздника, совсѣмъ неожиданно наступили будни, сѣрые,

однообразные, съ томительной скукой впереди. Онъ сожалѣлъ, что не богатъ. Тогда бы этотъ праздникъ не кончился такъ внезапно. «Да, безъ состоянія не весело жить, что̀ тамъ ни проповѣдуй моралисты!»—философствовалъ Невѣжинъ и грустно задумался, вспомнивъ о своемъ опустѣвшемъ бумажникѣ. Онъ сосчиталъ свои капиталы: отъ трехъ тысячъ, недавно полученныхъ, осталось всего триста рублей. Все остальное, кромѣ пятисотъ рублей, истрачено на цвѣты, на конфеты, на подарки, на катанія.

— Нѣтъ, надо иначе жить, не такъ глупо!—внезапно рѣшилъ онъ, охваченный вдругъ тѣмъ порывомъ не то сожалѣнія, не то раскаянія, который, какъ шквалъ, рябитъ поверхность безхарактерныхъ натуръ, набѣгая на нихъ вслѣдъ за какой-нибудь неудачей.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ глупо растратилъ присланныя деньги, не подумавъ о своемъ положеніи. «Конечно, можно бы написать женѣ...» Но Невѣжинъ въ ту же минуту отогналъ соблазнительную мысль. Этого онъ не сдѣлаетъ. Онъ можетъ еще принять деньги отъ жены, но просить... никогда!.. Рѣшительно надо взяться за какую-нибудь работу... Чего лучше, адвокатура. Жирковъ, пожалуй, согласится принять его къ себѣ въ помощники. Онъ еще недавно говорилъ, что у него много дѣлъ... Во всякомъ случаѣ, надо переговорить съ этимъ добрымъ, симпатичнымъ Жирковымъ. Онъ дастъ совѣтъ.

И Невѣжинъ припомнилъ недавнее свое знакомство съ «жертвой недоразумѣнія», окончившееся неожиданной исповѣдью въ трактирѣ объ «умирающей матери» — исповѣдью, которая такъ тронула Невѣжина, что заставила его, при первомъ же брошенномъ Жирковымъ вскользь намекѣ о временномъ денежномъ затрудненіи, предупредительно предложить ему сто рублей. Жирковъ великодушно согласился на это, небрежно сунулъ сторублевую бумажку въ карманъ, послѣ чего крѣпко потрясъ Невѣжину руку и сказалъ, что возвратитъ «эти пустяки» на-дняхъ.

— Я вчера получилъ телеграмму, что деньги высланы!—съ стремительной горячностью проговорилъ Жирковъ, ничѣмъ не вызываемый на эту ложь.

Онъ даже съ рѣшительнымъ видомъ полѣзъ въ боковой карманъ за этой миѳической телеграммой и, несмотря на протесты Невѣжина, озабоченно искалъ ее въ бумажникѣ, пока наконецъ не воскликнулъ:

— Такъ и есть, осталась дома!.. Нѣтъ, вообразите, что̀ у насъ за почта! Мнѣ телеграфируютъ, что пятьсотъ рублей

высланы три недѣли назадъ, а денегъ нѣтъ... Говорятъ... мосты сорваны, что ли?..

И вслѣдъ затѣмъ Жирковъ велѣлъ подать бутылку шампанскаго, послѣ которой новые знакомые разстались пріятелями.

Невѣжинъ теперь вспомнилъ, что Жирковъ звалъ его работать въ новой газетѣ. Тогда онъ отказался... Но отчего не попробовать?.. Не такъ это трудно!..—думалъ Невѣжинъ и рѣшилъ попробовать.

Затѣмъ мысли его обратились къ Зинаидѣ Николаевнѣ. Теперь, послѣ разрыва съ Панютиной, холодное отношеніе дѣвушки было ему еще непріятнѣй, и онъ легкомысленно мечталъ вернуть прежнее расположеніе Зинаиды Николаевны, въ которомъ не сомнѣвался. Она все-таки его любитъ!

Прошла недѣля. Панютина была забыта. Зинаида Николаевна снова занимала его воображеніе. Ему опять казалось, что онъ любитъ ее, а она къ нему несправедлива и даже жестока.

Зинаида Николаевна видимо избѣгала его. При рѣдкихъ, случайныхъ встрѣчахъ она почти не говорила съ Невѣжинымъ и сухо отвѣчала на его вопросы. И онъ отходилъ грустный, считая себя несчастнымъ, одинскимъ, несправедливо обиженнымъ.

«За что она сердится?—наивно спрашивалъ себя Невѣжинъ, шагая по комнатѣ съ мрачнымъ видомъ.—Она, конечно, не знаетъ объ его отношеніяхъ къ Панютиной... Да если-бъ и знала? Монахъ онъ развѣ? Не за то ли, что онъ не бросился тогда на это мѣсто конторщика?»

Онъ постепенно начиналъ обвинять Зинаиду Николаевну. Къ чему она пріѣхала сюда, зная, что онъ ее любитъ... Къ чему были эти чтенія, эти прогулки вдвоемъ, эти заботы о немъ? Для того, чтобы въ концѣ концовъ читать проповѣди о трудѣ и обязанностяхъ!?. Не изъ-за нея ли попалъ онъ въ эту проклятую дыру? Не поступи онъ тогда, какъ джентльменъ, не скрой онъ на судѣ причину этого глупаго выстрѣла, присяжные оправдали бы, и жизнь его не была бы въ конецъ изгажена. И всего этого она не цѣнитъ, холодная, безсердечная сибирячка!

Онъ искалъ случая объясниться съ ней, но такого случая, какъ нарочно, не представлялось. Съ ранняго утра она уходила на уроки, обѣдала съ теткой раньше Невѣжина и по вечерамъ сидѣла опять-таки со Степанидой Власьевной. Его теперь не звали, какъ прежде, почитать вдвоемъ, съ нимъ не дѣлились впечатлѣніями; онъ, видимо, былъ какъ-то незамѣтно отчужденъ отъ интимной жизни маленькаго домика.

И Невѣжинъ, не зная, какъ убить время, еще острѣе чувствовалъ одиночество ссылки, оставаясь наединѣ самъ съ собой.

При мысли, что онъ можетъ надолго остаться въ Сибири, на него нападалъ ужасъ. Что̀ если хлопоты матери, несмотря на ея связи, не помогутъ? Неужели онъ долженъ пропадать здѣсь одинокій, безпомощный, — онъ, привыкшій къ иной жизни!?.

И Невѣжинъ, думавшій, какъ и всѣ эгоисты, только о себѣ, готовъ былъ въ такія минуты сожалѣть объ единственно хорошемъ своемъ поступкѣ — о молчаніи на судѣ. Онъ проклиналъ этотъ дурацкій выстрѣлъ, готовъ былъ сожалѣть о разрывѣ съ женой и, слабый и жалкій, плакалъ, считая себя глубоко несчастнымъ, обиженнымъ, что на его любовь отвѣчаютъ равнодушіемъ... И красивый образъ дѣвушки преслѣдовалъ его, возбуждая желанія. Ему хотѣлось ея участія, любви, ласки, безъ которыхъ ему, какъ балованному ребенку, жизнь казалась невозможной...

II.

Какъ-то, послѣ одной изъ такихъ вспышекъ, въ комнату къ нему зашла Степанида Власьевна съ тарелкой горячихъ пирожковъ.

Добрая старушка, попрежнему расположенная къ Невѣжину, увидавъ его разстроеннымъ, съ глазами, полными слезъ, воскликнула:

— Что̀ это съ вами, родной мой? Или получили какую-нибудь печальную вѣсточку?

Въ этомъ вопросѣ было столько тревоги, участія и доброты, глаза старушки такъ ласково, вдумчиво смотрѣли на молодого человѣка, что Невѣжинъ съ чувствомъ пожалъ руку Степаниды Власьевны и, еще болѣе взволнованный, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, милая Степанида Власьевна, никакихъ печальныхъ вѣстей я не получалъ, а такъ... взгрустнулось... Невесело здѣсь!—прибавилъ онъ съ печальной улыбкой, подвигая старушкѣ стулъ.

— Ахъ, ты, бѣдный мой!—участливо протянула Степанида Власьевна, присаживаясь на стулъ и ставя на столъ тарелку.— Еще бы!.. Какое здѣсь для васъ веселье послѣ прежней-то жизни?.. Къ хорошему-то привыкать легко, а къ худому трудно... Тамъ, въ Петербургѣ, у васъ и родные, и знакомые, и развлеченія какія угодно... И жили-то вы въ полное свое удовольствіе и занятія, вѣрно, имѣли, а здѣсь что̀?.. Какъ тутъ не заскучать?.. Я и то говорю Зиночкѣ, что нельзя вся-

каго человѣка на одинъ аршинъ мѣрить... Она вотъ нигдѣ не скучаетъ, все будто около чего-то суетится, ну, а другой не можетъ... Воспитанія не такого. То-то оно и есть! Да вы пирожки-то кушайте, пока горячіе... Кушайте, кушайте, Евгеній Алексѣичъ!..—настаивала старушка.

Чтобъ не обидѣть Степаниды Власьевны, Невѣжинъ отвѣдалъ пирожка.

— А вы, голубчикъ, Евгеній Алексѣичъ, все-таки духомъ-то не падайте, не поддавайтесь скукѣ. Скука эта что̀ червь точитъ человѣка. Богъ милостивъ... Перемелется, мука будетъ, повѣрьте старухѣ. Потерпите, что̀ дѣлать... Можетъ-быть, тамъ въ Питерѣ за васъ похлопочутъ, вы и въ Россію вернетесь. И не такимъ, какъ вы, возвращали права... А вы, слава Богу, не какой-нибудь тамъ преступникъ, и, слышала я, васъ ужъ слишкомъ строго засудили. Мало ли какихъ ссоръ не бываетъ между мужемъ и женою?.. То-то оно и есть. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ...

И, помолчавъ, старушка спросила, стараясь скрыть любопытство подъ тономъ равнодушія:

— Видно, супруга-то ваша ужъ очень васъ обидѣла, а?

— Меня?—удивился Невѣжинъ.—Да развѣ вы не знаете, за что я сосланъ? Развѣ Зинаида Николаевна вамъ не разсказывала?

— То-то не разсказывала подробностей... говорила только, что вы, бѣдненькій, были несчастливы въ супружествѣ... Вѣрно, супруга не любила васъ?

— Напротивъ, очень!

— Значитъ, вы разлюбили жену?

— Я никогда ее и не любилъ, Степанида Власьевна... Она была гораздо старше меня, некрасива, ревнива...

— Такъ зачѣмъ же вы, голубчикъ, женились?—добродушно воскликнула старушка.

Невѣжинъ молчалъ. Старушка догадалась.

Но, мучимая любопытствомъ, она все-таки не могла не спросить:

— Ревнива, говорите вы?..

— Очень...

— Что-жъ пирожки-то! Простынутъ! — спохватилась старушка и, покачавъ головой, прибавила:—Такъ... такъ... Это бываетъ!.. Другая такая ревнивая, что не дай Богъ...

И такъ какъ Невѣжинъ все-таки не разсказывалъ окончанія исторіи, то старушка, сгорая отъ нетерпѣнія скорѣй узнать конецъ, снова заговорила:

— У насъ тутъ въ Жиганскѣ тоже была такая исторія... Мужъ влюбился въ другую да и...

Она вдругъ спохватилась, останавливая испуганные, широко раскрытые глаза на Невѣжинѣ...

— Нѣтъ, не то, Степанида Власьевна... Я не такой злодѣй!—улыбнулся Невѣжинъ.—Мой выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ порывѣ глупой вспышки за то, что жена поносила одну совершенно невинную дѣвушку...

— Которую вы любили?..—подсказала Степанида Власьевна.

— Да.

— А она?

— Она объ этомъ и не знала тогда... Ужъ послѣ узнала отъ жены...

— Ишь ты... Жена, значитъ, объяснила той-то... Что-жъ дальше?..

— Дальше? Послѣ суда жена простила меня... Разводъ предлагала...

— Еще-бъ не простить... Тоже насильно милъ не будешь... А та-то, любимая?.,

— Та?—переспросилъ Невѣжинъ.—Та меня, видно, не любитъ!..—грустно прибавилъ Невѣжинъ.

— Вишь какія дѣла-то на свѣтѣ бываютъ! — раздумчиво проронила старушка.—Не лю-битъ! Бѣдный, бѣдный!—пожалѣла старуха.

И, снова помолчавъ, сказала:

— А вы все-таки духомъ-то не падайте... Свѣтъ не клиномъ сошелся... Еще найдете себѣ милѣе по сердцу, какъ въ Питеръ вернетесь... Вѣдь жена разводъ даетъ!.. Жизнь перемѣнится... Молоды еще... Слава Богу!.. Да не сидите вы сиднемъ дома... Сходили бы куда, въ театръ, что ли, все развлеченіе, а то въ своей-то комнатѣ, да съ горькими мыслями, и жизнь горше покажется... Право! Вотъ прежде не сидѣли дома и не скучали такъ... Да къ Зиночкѣ когда бы зашли, съ ней бы словцомъ перекинулись, все бы легче, чѣмъ одному киснуть! А то въ послѣднее время между вами точно кошка пробѣжала...

— Вѣрно, Зинаида Николаевна сердится?

— Да за что ей сердиться на васъ?.. Она только съ виду строга, Зиночка, а сама предобрая... Нечего вамъ и ссориться. Ужъ недолго и видать-то ее... всего недѣльку какую-нибудь...

— Какъ недѣльку?—воскликнулъ Невѣжинъ.

— Да развѣ она вамъ не говорила ничего, наша молчальница?

— Ничего...

— Ишь какая!.. Она вѣдь уѣзжаетъ!

— Уѣзжаетъ? — переспросилъ Невѣжинъ упавшимъ голосомъ, испытывая острое чувство обиды.—Куда?

— Да за границу... Уже и паспортъ выправила... Докторшей хочетъ сдѣлаться и потомъ ужъ совсѣмъ вернуться сюда. Говоритъ, что дѣти здѣсь мрутъ зря... Да вы ступайте къ ней... ступайте... Она вамъ сама лучше все разскажетъ... А мнѣ на кухню надо... А что-жъ пирожки?.. Такъ и не съѣли?.. Не нравятся, видно?

— Не хочу.

— То-то и есть... И аппетиту нѣтъ... А все отъ того, что дома сидите. Идите же къ Зиночкѣ, — прибавила старушка, уходя изъ комнаты.

XXIX.

Послѣднее объясненіе.

— Мнѣ необходимо переговорить съ вами, Зинаида Николаевна!—воскликнулъ Невѣжинъ, переступая порогъ этой небольшой комнатки, свѣтлой, уютной, съ цвѣтами на окнахъ, видимо, убранной умѣлой и аккуратной женской рукой.—Вы позволите?

Зинаида Николаевна, не ожидавшая увидѣть Невѣжина, невольно вздрогнула при звукахъ этого знакомаго, нѣжнаго голоса. Она подняла свои глаза, серьезные, строгіе и удивленные, на взволнованное лицо молодого человѣка и въ ту же минуту опустила ихъ на книгу, за которой сидѣла у стола. Кровь быстро отлила отъ ея щекъ, и страдальческое выраженіе появилось въ чертахъ осунувшагося, блѣднаго, но все-таки прекраснаго лица, Углы губъ вздрагивали, и тонкіе пальцы нервно перевертывали страницы книги.

— Садитесь!—промолвила тихо дѣвушка дрогнувшимъ голосомъ, наклоняя голову, словно готовая слушать.

— Я давно хотѣлъ объясниться съ вами, Зинаида Николаевна,—обиженно началъ Невѣжинъ, присаживаясь рядомъ съ дѣвушкой:—но вы избѣгали меня... вы не хотѣли меня видѣть послѣднее время... Вѣдь это такъ?

— Такъ!—тихо проронила дѣвушка, еще ниже наклоняя голову.

— За что же вы вдругъ измѣнились ко мнѣ?

Зинаида Николаевна молчала.

— Я хочу знать... Я прошу... Я требую! — воскликнулъ Невѣжинъ.

— Зачѣмъ? И развѣ вамъ, Невѣжинъ, не все равно: измѣнилась ли я, или нѣтъ? Будьте правдивы...

Она проговорила эти слова холодно и строго. Этотъ тонъ еще болѣе обидѣлъ молодого человѣка.

— Все равно!?—переспросилъ онъ съ горькой усмѣшкой.— Этого... этого я отъ васъ не ожидалъ... «Все равно»! Точно вы не знаете, не видите, не чувствуете, какъ я люблю васъ... Да, люблю, какъ никогда никого не любилъ!—съ порывистой восторженностью повторялъ Невѣжинъ, искренно вѣря въ эту минуту, что любитъ эту красивую дѣвушку, вздрагивавшую отъ его словъ, и чувствуя, что отъ этого объясненія зависитъ его судьба. «Она не уѣдетъ!» — мелькнуло въ его головѣ, и онъ продолжалъ:

— И вы еще спрашиваете: «не все ли равно?» Скажите же, чѣмъ я провинился?.. Что̀ я сдѣлалъ такого, что вы лишили меня даже того дружескаго расположенія, которое давали взамѣнъ моей привязанности... За что эта презрительная холодность?

«Къ чему онъ такъ говоритъ? Къ чему онъ требуетъ отвѣта?»—невольно подумала дѣвушка, съ болью въ сердцѣ слушая эти, казалось, искреннія слова. И чувство состраданія и жалости невольно закрадывалось въ ея душу.

— Что-жъ вы молчите? Или я не сто̀ю даже отвѣта?

— Мнѣ тяжело говорить. Вы сами должны знать...

— Но я не знаю. Клянусь Богомъ, не знаю!—воскликнулъ Невѣжинъ.

Зинаида Николаевна взглянула на него, и сердце ея сжалось больнѣй.

«Увы! Вѣдь онъ говоритъ правду. Онъ даже въ эту минуту не понимаетъ, отчего она измѣнилась къ нему. И она любила такого человѣка!»

— Оставимъ лучше эти объясненія... Они безполезны!— холодно промолвила дѣвушка.

— Безполезны!?—порывисто подхватилъ онъ, почувствовавъ острую боль оскорбленнаго самолюбія.—Еще бы! Вамъ, видите ли, тяжело, а мнѣ не можетъ быть тяжело? И вы даже не удостоиваете сказать: въ чемъ обвиняете меня! Нечего сказать, это по-христіански. Очень хорошо поступлено... Превосходно!.. Такъ зачѣмъ же вы пріѣзжали сюда? Зачѣмъ? Зачѣмъ?.. Что̀ это было: кокетство или опыты реабилитаціи? Христіанская любовь или... или развлеченіе холодной безстрастной натуры!? И когда васъ полюбили, питая надежду, что и вы наконецъ отвѣтите взаимностью, вы отталкиваете человѣка, а сами великодушно уѣзжаете... Что-жъ! Вѣрно, опыты реабилитаціи не удались? Я, по вашему мнѣнію, негодный человѣкъ? Я праздно провожу время, я не несу обязанностей? Такъ, что ли?..

Зинаида Николаевна слушала эти обвиненія съ тяжелымъ чувствомъ. Она порывалась-было что-то возразить, но Невѣжинъ продолжалъ:

— Если это и такъ, если я, въ самомъ дѣлѣ, слабый, негодный, гадкій человѣкъ,—неужели хорошо бросить его въ этой проклятой дырѣ одного, безъ поддержки? Пусть пропадаетъ! Это что̀ же? Тоже по морали святыхъ людей!? Хороша мораль! Да вы хоть бы вспомнили, изъ-за кого я здѣсь, безсердечная дѣвушка!—вдругъ крикнулъ возбужденно Невѣжинъ.

Это ужъ было слишкомъ даже и для терпѣнія Зинаиды Николаевны. Тяжкое обвиненіе, съ легкимъ сердцемъ брошенное въ глаза, возмутило дѣвушку до глубины души.

— Не лгите, Невѣжинъ!—сурово остановила она.—Вы отлично знаете, что я не виновата въ этомъ!

И, взволнованная, съ блѣднымъ лицомъ и строгими глазами, она проговорила:

— Вы требуете отвѣта? Извольте, я дамъ его, хоть мнѣ и тяжело, но вы сами хотите... Такъ слушайте.

Тонъ ея былъ такъ строгъ и серьезенъ, что Невѣжинъ невольно притихъ и опустилъ глаза.

— Вы помните тамъ, въ тюрьмѣ, наше свиданіе?.. Вы помните, что̀ говорили тогда?.. Я повѣрила вамъ... Я думала, что вы въ самомъ дѣлѣ сознали ужасъ и пустоту прежней жизни и искренно хотите начать новую... Я жалѣла васъ, Невѣжинъ, жалѣла, что была отчасти невольной причиной вашего несчастія, и въ то же время радовалась, что несчастіе заставитъ васъ серьезно поработать надъ собой и сдѣлаетъ васъ другимъ человѣкомъ... Вы такъ горячо, казалось, этого хотѣли, разсказывая свою исповѣдь... Сперва я жалѣла, а потомъ... потомъ полюбила васъ, Невѣжинъ!—прошептала Зинаида Николаевна, не глядя на него. — Но я старалась скрывать это чувство, и вы знаете почему? Я не могла доконать больную, умирающую женщину, которая васъ любитъ... Я думала, что вы способны на серьезное чувство и поймете его въ другомъ... Но я ошиблась... Вы, говорившій о своей любви, въ то же время профанировали эту любовь... Я вѣдь знаю ваши отношенія къ Панютиной... Знаю, отчего они оборвались...

— Но это была не любовь!..

— А что̀ же?..—строго спросила Зинаида Николаевна.

— Такъ... увлеченіе...

Зинаида Николаевна грустно усмѣхнулась...

— Пожалуй, вы правы... У васъ вѣдь все увлеченія, за которыя вы не считаете себя отвѣтственнымъ... Но вы лгали и въ другихъ случаяхъ... Эта исторія съ деньгами...

— Какая исторія?..

— Вы и это забыли? Забыли, что не мать посылала вамъ деньги, а жена... И вы брали ихъ!.. Вы продолжали жить на счетъ женщины, которую не любите, вмѣсто того, чтобъ честно работать!.. И вы могли думать, что можно уважать такого человѣка!?. А развѣ любовь возможна безъ уваженія! Думали ли вы объ этомъ?..

Невѣжинъ вспыхнулъ отъ стыда, униженія и досады.

— Ну да... я бралъ отъ жены... Я не просилъ ее... Она сама посылала, и я не хотѣлъ ее обидѣть отказомъ, но если вы знали объ этомъ, отчего-жъ вы не сказали мнѣ... отчего не остановили?

— Останавливать отъ такихъ поступковъ?..—горько усмѣхнулась Зинаида Николаевна. — Я и то старалась оправдать васъ и... не могла... Я много передумала тогда и пришла наконецъ къ заключенію, что вы...

Она остановилась, словно пріискивая слово.

— Что̀ же не договариваете? Что я погибшій человѣкъ?— промолвилъ тихо Невѣжинъ.

— Что вы совсѣмъ не тотъ человѣкъ, какимъ создало васъ мое воображеніе!—досказала Зинаида Николаевна.

Прошла тягостная минута молчанія. Невѣжинъ сидѣлъ, опустивъ голову, и не уходилъ. Чувство униженія, уязвленнаго самолюбія, досады и въ то же время неудержимое желаніе возвратить любовь этой дѣвушки, которая еще щадила его послѣ всего, что̀ онъ позволилъ себѣ сказать ей,—всѣ эти ощущенія волновали его... «Она уѣдетъ, а онъ останется здѣсь одинъ... Нѣтъ, это невозможно!»

И онъ порывисто сталъ молить о прощеніи. Онъ несправедливо осмѣлился обвинять ее, тогда какъ самъ виноватъ во всемъ... О, онъ только теперь понялъ, чего лишился, потерявъ ея привязанность... Онъ сознаётъ свою мерзость, но онъ исправится... только пусть она не уѣзжаетъ, пусть вернетъ расположеніе, пусть испытаетъ его любовь...

— Неужели вы и любви моей не вѣрите?—горячо и порывисто восклицалъ онъ.

Зинаида Николаевна отрицательно покачала головой и проронила:

— Развѣ это любовь?

— Такъ что-жъ это?

— Капризъ балованнаго человѣка, который скоро пройдетъ... Вы, Невѣжинъ, сами себя не знаете... Вы такъ же легко увлеклись мною при встрѣчѣ, какъ увлеклись потомъ Панютиной и какъ увлечетесь многими другими... Теперь вамъ снова кажется, что вы любите...

— Кажется?

— Да, кажется. Отъ бездѣлья, отъ скуки. Любятъ не такъ.

— Такъ развѣ я и любить не могу?

— Не можете... Вы любите одного себя. И къ чему вамъ моя привязанность? Вы скоро бы тяготились ею... Мы слишкомъ непохожи другъ на друга, между нами—пропасть. Для васъ идеалъ жизни—безконечно-веселый праздникъ, на которомъ вы бы блистали. Для меня жизнь—сѣренькіе будни, нелегкая задача труда и обязанностей...

— И вы... вы теперь презираете меня?

— Мнѣ жаль васъ, Невѣжинъ. Вотъ все, что̀ осталось отъ прежняго! — проговорила Зинаида Николаевна съ какой-то вдумчивой серьезностью.—Не сердитесь на меня за то, что̀ я высказала... Вы сами этого требовали!—мягко̀ прибавила она.

Съ каждымъ ея словомъ Невѣжинъ чувствовалъ себя болѣе и болѣе несчастнымъ. Его охватило то неопредѣленно-чувствительное настроеніе, которое у поверхностныхъ натуръ замѣняетъ глубокое чувство. Слезы подступали къ горлу. Онъ хотѣлъ что-то сказать, о чемъ-то умолять, но словъ не находилось, и онъ вдругъ припалъ къ ногамъ дѣвушки, рыдая и покрывая ея руки страстными поцѣлуями и слезами.

Странныя ощущенія овладѣли на минуту дѣвушкой. Она чувствовала презрѣніе къ Невѣжину, и ей было безконечно жаль его. Эти поцѣлуи оскорбляли ее и въ то же время, сладко волнуя, заставляли трепетно биться сердце... Она медлила отнимать руки. Еще мгновеніе, и она готова была, пожалуй, «простить» его, но мысль, что въ ней говоритъ не человѣкъ, считающій чувство святыней, а чувственность женщины, вдругъ пронеслась въ ея головѣ, и она съ какой-то брезгливостью отдернула руки и, вся замирая отъ стыда за себя, проговорила рѣзко и повелительно:

— Встаньте, Невѣжинъ... Не унижайтесь, по крайней мѣрѣ!

И Невѣжинъ вскочилъ, какъ ужаленный, и выбѣжалъ изъ комнаты. Придя къ себѣ, онъ бросился на постель и плакалъ, какъ безпомощный капризный ребенокъ, потерявшій дорогую игрушку.

А Зинаида Николаевна еще долго сидѣла, словно окаменѣвшая, на своемъ мѣстѣ.

Черезъ два дня Невѣжинъ переѣхалъ на другую квартиру, объяснивъ Степанидѣ Власьевнѣ внезапный переѣздъ необходимостью жить въ центрѣ города для занятія адвокатурой. Прошло еще три дня, и Невѣжинъ получилъ письмо отъ Зинаиды Николаевны. Письмо было мягко и серьезно. Въ немъ Зинаида Николаевна еще разъ просила извиненія за все, что̀

должна была по совѣсти сказать ему, и оканчивала письмо слѣдующими словами:

«Повѣрьте, я искренно порадуюсь, если до меня дойдутъ слухи, что вы стали другимъ человѣкомъ. Вы молоды. Еще есть время поработать надъ собой».

Невѣжинъ тотчасъ же побѣжалъ въ маленькій домикъ, надѣясь еще разъ увидѣть Зинаиду Николаевну, но не засталъ дѣвушки. Степанида Власьевна объявила ему, что Зиночка утромъ уѣхала, и прибавила:

— О васъ вспомнила передъ отъѣздомъ. Просила сообщать въ письмахъ—какъ вы живете... То-то оно и есть! Напрасно не зашли съ ней проститься, Евгеній Алексѣичъ!

XXX.

Пріѣздъ «новаго».

Благословенный Жиганскъ утопалъ въ невылазной грязи. Наступила весна.

Съ ея приходомъ разрѣшилось наконецъ и томительное ожиданіе жигановцевъ, остававшихся, послѣ отъѣзда Ржевскаго-Пряника, долгое время безъ «хозяина губерніи». На Святой недѣлѣ получена была телеграмма, что Ржевскій-Пряникъ переводится въ одну изъ великороссійскихъ губерній, а въ Жиганскъ назначается генералъ-майоръ Добрецовъ. Онъ долженъ былъ пріѣхать съ первымъ пароходомъ.

Когда получена была телеграмма о назначеніи военнаго генерала, многіе чиновники обрадовались, предполагая, что военный плохъ въ бумажныхъ дѣлахъ. Но дальнѣйшія свѣдѣнія омрачили эту радость. По этимъ извѣстіямъ, генералъ былъ образованный, справедливый и честный человѣкъ, умѣлъ терпѣливо и усидчиво работать, несмотря на свой преклонный возрастъ, и отличался характеромъ упорнымъ и нѣсколько подозрительнымъ.

Эти слухи, ходившіе въ Жиганскѣ, производили сенсацію, радуя однихъ и смущая другихъ. Читатель, въ особенности читатель-сибирякъ, пойметъ это волненіе. Люди, которыхъ интересы, положеніе, часто даже самое существованіе зависитъ отъ личныхъ качествъ одного лица, не могли не волноваться и не ловить съ жадностью слуховъ о такомъ лицѣ.

Раннимъ погожимъ майскимъ утромъ, свѣжимъ и яркимъ, на рѣкѣ раздался рѣзкій свистъ, и первый въ эту навигацію пассажирскій пароходъ, ведя арестантскую баржу на буксирѣ, подходилъ къ Жиганску.

Необыкновенно галантный, щеголяющій обходительностью

и манерами, полицеймейстеръ, добрый, безобидный старый человѣкъ, любившій болѣе кутнуть и пошумѣть для «порядка», чѣмъ блюсти порядокъ въ такой клоакѣ, какъ Жиганскъ,— ожидавшій съ разсвѣта запоздавшій пароходъ, заслыша свистокъ, встрепенулся, какъ вспуганная птица, подтянулся и, подрагивая ногой, спѣшной бравой походкой подошелъ къ краю баржи и съ большей, противъ обыкновеннаго, начальственной аффектаціей въ голосѣ приказалъ конному стражнику скакать къ Аркадію Аркадьевичу и доложить, что пароходъ идетъ.

— Да живѣй, живѣй, братецъ! — съ полицеймейстерской молодцоватостью прибавилъ онъ.

Пожилой исправникъ, съ дореформенной физіономіей гоголевскихъ персонажей, красный и отъ узкаго мундира и отъ волненія, покраснѣлъ еще болѣе и, нервно обдергивая перчатки, сосредоточенно и упорно смотрѣлъ напряженно-вытаращенными глазами на дымокъ парохода, заранѣе испытывая приближеніе внутренняго трепета не столько отъ сознанія какой-нибудь крупной вины, сколько отъ унаслѣдованной долгими годами привычки трепетать при встрѣчѣ съ начальствомъ.

То же ощущеніе, но лишь въ болѣе скрытой формѣ, проявлялось и въ господинѣ Спасскомъ—этомъ «молодомъ изъ раннихъ» частномъ приставѣ, томъ самомъ, который ловилъ Келасури и признавался Невѣжину, что беретъ «благородно». Онъ сбѣгалъ на берегъ, чтобы удостовѣриться, въ порядкѣ ли стоятъ извозчики у пристани, достаточно ли очищена отъ грязи улица, и, вернувшись, то и дѣло безпокойно поглядывалъ по сторонамъ, выискивая: нѣтъ ли чего-нибудь такого, что̀ могло бы оскорбить взоръ начальства.

Минутъ черезъ десять къ пристани подкатилъ Аркадій Аркадьевичъ въ полномъ парадѣ.

Предшествуемый полицеймейстеромъ, Аркадій Аркадьевичъ торопливой дѣловой походкой проходилъ впередъ, стараясь сохранить на своемъ угреватомъ, некрасивомъ лицѣ видъ полнѣйшаго равнодушія и съ обычной привѣтливостью здороваясь съ встрѣчавшимися знакомыми въ публикѣ.

— А вы кого встрѣчаете, Киръ Пахомычъ?—любезно спросилъ онъ, пріостанавливаясь около Толстобрюхова и пожимая ему руку.

— Дочка ѣдетъ, Аркадій Аркадьевичъ.

— А наше вотъ дѣло начальство встрѣчать. Дождались наконецъ!

— Какого Богъ дастъ? Намъ бы лучше васъ не надо!— шутливо замѣтилъ Киръ Пахомычъ.

— Лучше будетъ, лучше!—не безъ игривости, подмигнувъ глазомъ, отвѣчалъ Аркадій Аркадьевичъ, проходя далѣе.

Пароходъ между тѣмъ приставалъ.

— Однако пассажировъ много!—тихо замѣтилъ вице-губернаторъ.

— Полнешенекъ пароходъ! Вонъ, вѣроятно, и его превосходительство, господинъ начальникъ губерніи!—еще тише проговорилъ полицеймейстеръ, указывая глазами на военнаго генерала, стоявшаго среди пассажировъ.

— Должно-быть, онъ...

Еще минута-другая, и Аркадій Аркадьевичъ, сопровождаемый полицеймейстеромъ и исправникомъ, первые прошли на пароходъ, направляясь къ рубкѣ, около которой, по указанію капитана, стоялъ губернаторъ.

— Честь имѣю представиться... Временно исправляющій должность начальника губерніи!..—проговорилъ Аркадій Аркадьевичъ, прикладывая руку къ козырьку фуражки.

Маленькаго роста, сѣдой, какъ лунь, старичокъ весьма скромнаго вида, бодрый и свѣжій, встрѣтилъ вице-губернатора вѣжливо, но безъ особенной привѣтливости.

Протянувъ ему руку и сказавъ обычное: «очень пріятно познакомиться!», старикъ-генералъ, нѣсколько сконфуженный при видѣ собравшейся и глазѣющей публики, поздоровался съ полицеймейстеромъ и, покосившись на исправника, выразилъ удивленіе, что послѣдній пріѣхалъ его встрѣчать.

Затѣмъ, послѣ минуты-другой неопредѣленнаго тягостнаго положенія, въ которомъ находился и генералъ, очевидно, спѣшившій на квартиру, и встрѣчавшіе чиновники, почтительно стоявшіе около него, старикъ направился съ парохода, приказавъ своему лакею позаботиться о вещахъ.

— Смотри только въ оба, братецъ... Какъ бы не украли чего!..—шутливо замѣтилъ генералъ.

Полицеймейстеръ вспыхнулъ отъ этихъ словъ.

«Однако хорошо у него мнѣніе о жиганской полиціи!»—подумалъ онъ.

Едва генералъ ступилъ на берегъ, какъ, по мановенію невидимой руки Спасскаго, была подана коляска, запряженная парою славныхъ сѣрыхъ рысаковъ, и подскочившій полицеймейстеръ предложилъ его превосходительству садиться.

— Чей это экипажъ?

— Здѣшняго купца первой гильдіи Толстобрюхова, ваше превосходительство!

Старикъ поморщился и проговорилъ:

— Ужъ я лучше доѣду въ вашемъ экипажѣ, если позволите!

— Не угодно ли мой?—предложилъ Аркадій Аркадьевичъ.

Но дрожки полицеймейстера уже были поданы, и генералъ, поблагодаривъ Аркадія Аркадьевича за предложеніе, пожалъ ему руку и попросилъ заѣхать къ нему часа черезъ два—«поговорить кое-о-чемъ».

— А пока я немного отдохну. Усталъ съ дороги. Старость даетъ себя знать!—прибавилъ старикъ, садясь въ дрожки и приглашая полицеймейстера съ собой.

Полицеймейстеръ вскочилъ, присѣвши бочкомъ. Дрожки понеслись, подпрыгивая на ухабахъ.

Аркадій Аркадьевичъ ѣхалъ къ генералу нѣсколько встревоженный. Этотъ скромный на видъ старичокъ съ проницательнымъ взглядомъ, говорившимъ, казалось, что эти небольшіе сѣрые глаза многое видѣли на своемъ вѣку,—не особенно понравился Аркадію Аркадьевичу. Хоть онъ и не «раскусилъ» еще пріѣхавшаго генерала, но съ первой же встрѣчи почувствовалъ, что съ нимъ надо держать ухо востро.

И впечатлѣніе произвелъ онъ совсѣмъ не такое, какое производили прежніе начальники.

Въ немъ не было ни юпитеровскаго величія старинныхъ «хозяевъ губерній», ни генеральскаго нахрапа, ни привѣтливой развязности и откровеннаго амикошонства многихъ администраторовъ новѣйшей формаціи. Что-то простое, серьезное и вмѣстѣ съ тѣмъ «себѣ на умѣ» сказывалось во взглядѣ, въ манерахъ, въ сдержанной рѣчи этого скромнаго старичка.

Генералъ принялъ Аркадія Аркадьевича Переметнаго въ кабинетѣ. Какъ только они усѣлись, старикъ попросилъ гостя дать ему общее понятіе о положеніи края, о чиновникахъ, объ обществѣ, о ссыльныхъ.

— Я, конечно, читалъ въ Петербургѣ отчеты о состояніи губерніи,—прибавилъ онъ:—но мнѣ бы хотѣлось, прежде чѣмъ я лично ознакомлюсь съ людьми и дѣлами, услышать живую рѣчь знающаго человѣка.

Аркадій Аркадьевичъ не напрасно слылъ въ Жиганскѣ за «очень ловкаго сибиряка», умѣвшаго ладить съ начальствомъ. Смышленый и лукавый, знавшій край и людей и отлично понимавшій теорію приспособленія, хотя и незнакомый съ сочиненіями Дарвина,—Аркадій Аркадьевичъ, несмотря на то, что не внушалъ особеннаго довѣрія своимъ непосредственнымъ начальникамъ, тѣмъ не менѣе умѣлъ ловко и незамѣтно водить ихъ за носъ, оставаясь при этомъ всегда въ тѣни, въ качествѣ исполнителя чужихъ велѣній и скромно предоставляя право отвѣтственности руководимымъ имъ людямъ.

Въ отвѣтъ на просьбу генерала, Аркадій Аркадьевичъ сталъ знакомить его превосходительство съ положеніемъ дѣлъ, не пускаясь, впрочемъ, въ большія подробности и дѣлая оцѣнки людей съ дипломатической осторожностью. Несмотря на видимую откровенность, общій тонъ его административной исповѣди былъ однако трудно уловимъ.

«Новый» слушалъ внимательно, чуть-чуть наклонивъ свою сѣдую, коротко остриженную голову. Изрѣдка только онъ вставлялъ замѣчанія или дѣлалъ вопросы, показывавшіе, что генералъ пріѣхалъ въ Жиганскъ, уже ознакомленный и, повидимому, обстоятельно, съ положеніемъ дѣлъ и особенно съ людьми.

И всякій разъ послѣ подобнаго замѣчанія Аркадій Аркадьевичъ становился еще осторожнѣе, выжидая, когда старикъ покажетъ всѣ свои козыри.

— Говорятъ, будто здѣсь невозможное взяточничество?— спросилъ генералъ, когда Переметный смолкъ.

Аркадій Аркадьевичъ чуть-чуть пожалъ плечами.

— Эти толки—ходячее мнѣніе, ваше превосходительство!..

— Но справедливое?—улыбнулся старикъ.

— Сами извольте провѣрить. Я полагаю однако, что эта слава о сибирскомъ взяточничествѣ значительно преувеличена, хотя, разумѣется, и не стану безусловно отвергать злоупотребленій... Они, несомнѣнно, существуютъ, но вамъ, конечно, извѣстно, какими нищенскими окладами вознаграждаются сибирскіе чиновники.

— Да... да... Штаты, дѣйствительно, мизерны, и я очень хорошо понимаю, что никакая власть не въ силахъ, при такихъ условіяхъ, уничтожить взяточничество... Но уменьшить его... не допускать хоть грабительства, стараться, чтобы, по возможности, исполнялся законъ, — это будетъ моей главной задачей... И я буду непреклонно преслѣдовать ее... Попался— прошу не пенять!—отдамъ подъ судъ! Потакать грабежу и произволу не стану. Не въ правѣ-съ, какъ представитель власти!—строго и серьезно прибавилъ старикъ.

«Старая пѣсня!»—подумалъ про себя Аркадій Аркадьевичъ и замѣтилъ съ видомъ соболѣзнованія:

— Людей здѣсь мало, ваше превосходительство. Поневолѣ приходится не всегда быть разборчивымъ...

— Конечно, конечно, но все-таки можно, я думаю, тщательнѣе выбирать ихъ... Я слышалъ, напримѣръ, что недавно назначены исправниками двое господъ, отставленные моимъ предмѣстникомъ за наглое взяточничество... Развѣ нельзя было сдѣлать лучшаго выбора?—спросилъ генералъ, останавливая на собесѣдникѣ взглядъ и тотчасъ же отводя его.

Аркадій Аркадьевичъ, назначившій во время своего калифства на часъ этихъ двухъ исправниковъ, нѣсколько смутился отъ неожиданнаго вопроса.

«Откуда онъ успѣлъ все это узнать!?»—промелькнуло въ его головѣ.

Онъ однако поспѣшилъ отвѣтить, что, дѣйствительно, лица, о которыхъ говоритъ его превосходительство, были уволены при Ржевскомъ-Пряникѣ, но лишь на основаніи доноса, ничѣмъ не провѣреннаго.

— Это не резонъ!..—вставилъ генералъ.—Доносамъ не слѣдуетъ довѣрять.

— Я, разумѣется, не могу вполнѣ ручаться за этихъ господъ, но по совѣсти думаю, ваше превосходительство, что они не хуже другихъ.

Генералъ помолчалъ и затѣмъ снова спросилъ:

— А этого господина горнаго исправника, который грабитъ пріиски и засѣкаетъ рабочихъ и о которомъ производится нѣсколько дѣлъ, тоже, видно, некѣмъ замѣнить?

— Дѣйствительно, этотъ господинъ пользуется нелестной репутаціей, и совершенно вѣрно, что дѣла о немъ, по разнымъ жалобамъ, находятся у прокурора, но если прокурорскій надзоръ не нашелъ уважительныхъ поводовъ къ преслѣдованію, то согласитесь, ваше превосходительство, что увольнять человѣка, котораго вполнѣ одобряли двое предмѣстниковъ вашего превосходительства,—я не имѣлъ никакого нравственнаго права... Снова повторю: репутація этого господина дѣйствительно скверная, но его терпѣли, и могъ ли я, калифъ на часъ, принять какія-либо мѣры, если бы даже и считалъ его виноватымъ...

— О, разумѣется, разумѣется... Я просто — освѣдомился... Если нѣтъ вѣскихъ уликъ, то, конечно, благоразуміе предписываетъ... ждать ихъ!—прибавилъ съ едва замѣтной улыбкой старикъ.—Ну, а какъ тутъ у васъ ведутъ себя ссыльные?—круто перемѣнилъ разговоръ генералъ.

— Какіе, ваше превосходительство? политическіе или уголовные?

— Про первыхъ я имѣю свѣдѣнія... Нѣтъ, я хотѣлъ спросить васъ насчетъ разныхъ уголовныхъ тузовъ, про всѣхъ этихъ Сикорскихъ, Жирковыхъ, Кауровыхъ?..

— Кажется, ведутъ себя смирно.

— Но мнѣ говорили, что они здѣсь играютъ роль!.. Говорятъ, будто Сикорскій служитъ въ совѣтѣ, Жирковъ въ контрольной палатѣ, а другіе въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Это вѣрно?

— Къ сожалѣнію, совершенно вѣрно, ваше превосходительство.

— Это мнѣ кажется вовсе неприличнымъ!—не безъ горячности проговорилъ старикъ. — Давать мѣста, и мѣста отвѣтственныя, въ правительственныхъ учрежденіяхъ, людямъ безнравственнымъ и опозореннымъ потому только, что эти господа сами громко называютъ себя консерваторами и благонадежными людьми—это значитъ компрометировать самыя правительственныя учрежденія... Согласитесь, что если каждый воръ и мошенникъ назоветъ себя консерваторомъ—изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы подобныхъ консерваторовъ считать порядочными людьми... Съ такими консерваторами только дискредитируется честный консерватизмъ... Пусть морочатъ людей въ своей газетѣ, но пусть знаютъ свое мѣсто... Сикорскому предложите немедленно оставить совѣтъ... Человѣкъ, обокравшій банкъ, не долженъ служить у насъ. Люди, сосланные за подлоги, не могутъ контролировать другихъ!—строго прибавилъ старикъ.

— Я уже говорилъ Сикорскому и ждалъ только пріѣзда вашего превосходительства... Онъ сегодня же будетъ уволенъ... Что же касается другихъ, они внѣ нашей компетенціи...

И Аркадій Аркадьевичъ излился въ благородномъ негодованіи по поводу пріема на службу подобныхъ господъ. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдныхъ тружениковъ, мѣстныхъ чиновниковъ, обходятъ, а разнымъ уголовнымъ проходимцамъ даютъ мѣста! Это, какъ совершенно вѣрно выразился его превосходительство, совершенно дискредитируетъ власть... Всѣ чиновники были обижены назначеніемъ Сикорскаго... Онъ, съ своей стороны, не разъ докладывалъ объ этомъ предмѣстнику его превосходительства, но преставленія не были уважаемы...

Старикъ молча слушалъ ламентаціи Аркадія Аркадьевича и, казалось, не очень довѣрялъ ихъ искренности. Но онъ ни слова не сказалъ и только хмурилъ брови да потиралъ свои маленькія сухія руки.

Послѣ продолжительной бесѣды, во время которой генералъ ощупалъ со всѣхъ сторонъ Аркадія Аркадьевича, они разстались, повидимому, недовольные другъ другомъ.

Въ тотъ же вечеръ старикъ, имѣвшій обыкновеніе заносить въ дневникъ свои впечатлѣнія, между прочимъ, записалъ слѣдующее:

«Пріѣхалъ въ Жиганскъ. Впечатлѣніе неблагопріятное. Грязь и безпорядокъ. Чувствую, что предстоитъ много труда и непріятностей на новомъ посту. Постараюсь исполнять обязанности, насколько хватитъ силъ. Все, о чемъ слышалъ въ

Петербургѣ, кажется, оправдается. Переметному не довѣряю. Хоть онъ и много говорилъ, а сказалъ мало. Видно, самому придется мнѣ копаться въ этой грязи и расчищать ее... Полицеймейстеръ, кажется, добрый человѣкъ, но не на своемъ мѣстѣ и недостаточно энергиченъ для Жиганска. Сикорскій, извѣстный банкокрадъ, служитъ и играетъ роль. И другіе уголовные молодцы тоже. Приказалъ немедленно уволить Сикорскаго. И другихъ подобныхъ надо убрать. Срамъ!»

Черезъ двѣ недѣли старикъ уже писалъ такія строки:

«Чиновники распущены. На службу являются поздно. Подтянулъ. Работаю съ утра до вечера, и чѣмъ дальше въ лѣсъ— тѣмъ больше дровъ. Некому довѣрять. Взяточничество поголовное, но безъ фактовъ не гоню людей. Можно выгнать и невиннаго. Чѣмъ болѣе знакомлюсь съ здѣшними дѣлами, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, какая здѣсь клоака. Мои помощники ненадежны во всѣхъ отношеніяхъ. Переметный лебезитъ передо мной, но не внушаетъ довѣрія. Пятиизбянскій не лучше, но держитъ себя приличнѣе. Старый воръ, а считаетъ себя настоящимъ консерваторомъ. Хорошъ консерваторъ!.. Полицеймейстера надо смѣнить, но кого назначить? Рекомендуютъ Кувалду. Говорятъ, что онъ расторопенъ и на глазахъ не станетъ грабить, какъ грабитъ на мѣстѣ горнаго исправника. Этотъ Кувалда съ виду настоящій разбойникъ, а лучшаго, говорятъ, нѣтъ! Раскаиваюсь, что сюда пріѣхалъ. При всемъ желаніи сдѣлать добро, чувствую, что сдѣлать зла могу сколько угодно, а добра нисколько. Долженъ самъ перечитывать дѣла— иначе обманутъ. Одинъ изъ моихъ начальниковъ отдѣленія недодаетъ жалованье мелкимъ чиновникамъ. Я объ этомъ слышалъ, но никто изъ обиженныхъ не жалуется, и я... пока молчу. Жалобъ на исправниковъ и засѣдателей не оберешься, и все одно и то же: произволъ, вымогательство, потворство кулакамъ. Ѣду на-дняхъ въ губернію. Беру съ собой Ливанскаго. Кажется, порядочный человѣкъ, вѣроятно, потому и былъ раньше въ загонѣ! Одному въ этомъ чиновничьемъ сибирскомъ лѣсу—невозможно.

«Перечитывалъ сибирскія письма Сперанскаго. Какъ недалеко ушла мѣстная администрація съ тѣхъ поръ. Изъ всего персонала нашихъ чиновниковъ двое съ университетскимъ образованіемъ, а остальные!? Есть исправники почти безграмотные. И съ такимъ-то народомъ приходится работать! Помоги мнѣ, Боже, исполнить долгъ свой по совѣсти!»

XXXI.

«Счастливый молодой человѣкъ».

I.

Изъ числа многочисленныхъ пассажировъ, отправлявшихся въ серединѣ іюня изъ Жиганска на пароходѣ «Ермакъ», едва ли не самымъ счастливымъ и веселымъ былъ нашъ старый знакомый Невѣжинъ. Еще бы! Онъ покидалъ «не столь отдаленныя мѣста» вполнѣ помилованный и возстановленный въ своихъ правахъ, и притомъ—наслѣдникомъ огромнаго состоянія, оставленнаго ему женой, скончавшейся ранней весной на чужбинѣ, въ полномъ одиночествѣ.

Эти извѣстія пришли въ Жиганскъ почти одновременно, въ концѣ мая. Смерть жены, оставившей ему все состояніе, заставила Невѣжина умилиться и проронить нѣсколько слезинокъ, а затѣмъ... затѣмъ невообразимая радость охватила молодого человѣка... Онъ теперь свободенъ и богатъ! Богатъ и свободенъ! Нечего и говорить, что у него явилось желаніе немедленно же оставить этотъ мерзѣйшій Жиганскъ, чтобы поскорѣй вознаградить себя за тяжелое время ссылки. Всего годъ, правда, пробылъ Невѣжинъ въ ссылкѣ, но и этотъ годъ теперь, въ виду будущей блестящей перспективы, казался ему длиннымъ, невыносимо-тоскливымъ годомъ. Но это все прошло. Впереди что-то безконечно веселое, праздничное! Разумѣется, онъ сперва поѣдетъ въ Петербургъ, чтобы получить наслѣдство и поблагодарить мать за хлопоты,—это вѣдь она добилась скораго помилованія,—а затѣмъ отправится отдохнуть за границу: сперва въ Баденъ-Баденъ, потомъ купаться въ Трувиль, осень проживетъ въ Парижѣ, зиму въ Италіи...

А потомъ?

Объ этомъ Невѣжинъ пока не особенно задумывался, благо ближайшее будущее было очень хорошо... И «порядочная» жизнь порядочнаго человѣка, съ двадцатью тысячами годового дохода, рисовалась въ его воображеніи шаблонными картинами, которыя запечатлѣлись въ его мозгу съ дѣтства и манили къ себѣ всю жизнь. Изящная обстановка, хорошія лошади, тонкіе завтраки съ пріятелями, красивыя женщины, блескъ, роскошь, удовольствія свѣта...

Невѣжинъ давнымъ-давно, разумѣется, забылъ о своей любви къ Зинаидѣ Николаевнѣ, и если бы не Степанида Власьевна, заходившая изрѣдка къ Невѣжину, чтобы сказать о полученномъ отъ Зиночки письмѣ,—едва ли Невѣжинъ и вспомнилъ бы о дѣвушкѣ, которая—думалъ онъ—поступила съ

нимъ недобросовѣстно и неблагодарно. Богъ съ ней, съ этой проповѣдницей акридъ и меда! Послѣ ея отъѣзда Невѣжинъ скоро успокоился, тѣмъ болѣе, что новыя знакомства давали ему возможность убивать время. Онъ принималъ участіе въ концертахъ любителей, пѣлъ, игралъ, ухаживалъ за дамами, устраивалъ пикники и все откладывалъ занятіе адвокатурой, такъ какъ жена опять прислала денегъ (хотя онъ и не просилъ), и слѣдовательно ему не нужно было думать о завтрашнемъ днѣ. У него, впрочемъ, нашлось и занятіе. Онъ писалъ въ новой газетѣ театральныя и музыкальныя рецензіи. Это занятіе доставляло Невѣжину удовольствіе. Въ глазахъ любительницъ-дамъ этотъ дьявольски-красивый, изящный молодой человѣкъ былъ интереснѣе отъ того, что писалъ рецензіи, милыя, легкія, нѣжныя и остроумныя, какъ и онъ самъ. Любители-пѣвцы тоже не имѣли причинъ быть недовольными. Невѣжинъ никого не порицалъ—всѣ у него пѣли мило и, во всякомъ случаѣ (если ужъ пѣвецъ совсѣмъ безголосый), «съ большимъ выраженіемъ», за что и его товарищи по музыкальнымъ упражненіямъ находили, въ свою очередь, что у Невѣжина необыкновенно пріятный теноръ di grazia и «много, много чувства». Словомъ, нашъ молодой человѣкъ всѣмъ нравился и вездѣ былъ принятъ.

Онъ сошелся съ Жирковымъ и черезъ него ближе познакомился съ Сикорскимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Ржевскій-Пряникъ, и слѣдовательно Невѣжинъ не стоялъ у него на дорогѣ, Сикорскій относился съ необыкновенной любезностью къ молодому человѣку и умѣлъ-таки очаровать его. Бывая въ обществѣ «королей въ изгнаніи», Невѣжинъ въ концѣ концовъ повѣрилъ, что Сикорскій «невинный страдалецъ», преслѣдуемый злобой, какъ вѣрилъ, что Жирковъ «жертва недоразумѣнія», пострадавшая изъ-за умирающей матери. Ему дѣла не было до ихъ прошлаго; онъ чувствовалъ, что эти люди—свои люди по внѣшней порядочности, вкусамъ и привычкамъ, и стоялъ за нихъ горой, когда ихъ, случалось, начинали бранить въ обществѣ. Но у Каурова онъ не бывалъ. «Веселый интендантъ», серьезно влюбившійся въ актрису и уже истратившій на нее гораздо болѣе, чѣмъ обѣщалъ, ревновалъ Панютину къ этому «красивому прощалыгѣ» и поставилъ рѣшительное условіе Панютиной—не встрѣчаться съ нимъ.

Такъ проводилъ свою жизнь въ ссылкѣ Невѣжинъ и, по правдѣ говоря, не особенно скучалъ.

Но когда, совершенно неожиданно, Невѣжинъ сдѣлался богатымъ наслѣдникомъ и свободнымъ человѣкомъ, вся эта жи-

ганская жизнь съ ея интересами показалась ему такой ничтожной въ сравненіи съ той жизнью, которая его ожидала.

Скорѣй, скорѣй изъ Жиганска!

Онъ уѣхалъ бы съ первымъ пароходомъ, но его упросила Панютина ѣхать вмѣстѣ на третьемъ. Она наконецъ оставляла своего «толстяка», и то загостившись у него дольше, чѣмъ хотѣла, и собиралась теперь на Кавказъ отдохнуть до сезона, веселая и довольная, имѣя въ шкатулкѣ переводный билетъ на двадцать тысячъ и тысячъ на десять брильянтовъ. Интендантъ умолялъ ее остаться еще, предлагалъ большія деньги, но она давно скучала и наотрѣзъ отказалась отъ предложенія, пренебрегая возможностью совсѣмъ обобрать влюбленнаго интенданта.

«Съ меня довольно!»—рѣшила она и, встрѣтивъ какъ-то на улицѣ Невѣжина, предложила ему вмѣстѣ скоротать скуку дороги до Нижняго и «помянуть старое».

— Идетъ?—смѣясь, прибавила она, обжигая Невѣжина горячимъ взглядомъ.

Невѣжинъ, разумѣется, обрадовался.

— Такъ ѣдемъ на третьемъ пароходѣ и берите каюты рядомъ...

— Отчего не одну?—пошутилъ Невѣжинъ.

— А что будетъ съ влюбленнымъ интендантомъ? Я не хочу обижать его... И до отхода парохода мы попрежнему съ вами въ ссорѣ... Слышите ли, красивый мужчина!—прибавила Панютина, протягивая ему руку и пощипывая своими пальцами его ладонь.—Будьте же терпѣливы, милый мальчикъ.

II.

Съ вечера на «Ермакъ» стала собираться публика—пассажиры, провожавшіе и просто гулявшіе. Часамъ къ десяти на пароходѣ уже была давка. Всѣ мѣста, гдѣ можно было бы присѣсть, были заняты. На палубѣ трудно было пройти. Разгуливавшіе по площадкѣ толкали другъ друга. Вечеръ стоялъ прелестный. Полный мѣсяцъ кротко и безсмысленно глядѣлъ сверху, играя въ притихшей рѣкѣ чуднымъ серебристымъ свѣтомъ. Невдалекѣ скользила лодка, и оттуда неслась хоровая пѣсня.

Въ рубкѣ перваго класса, за столомъ, сидѣла компанія провожавшихъ Невѣжина. Между провожавшими было нѣсколько дамъ. Веселый и оживленный Невѣжинъ то и дѣло приказывалъ подавать замороженныя бутылки шампанскаго, любезно угощая присутствующихъ. Разговоры не умолкали, прерываемые смѣхомъ. Послѣ шампанскаго всѣ были нѣсколько

возбуждены и всѣ чувствовали потребность выразить сочувствіе милому Евгенію Алексѣичу. Много было сказано любезностей и произнесено тостовъ. Дамы крѣпко жали на прощанье руку молодого человѣка, а мужчины, раскраснѣвшіеся отъ вина и жары, лобызались съ Невѣжинымъ съ нѣжной стремительностью, повторяя вслѣдъ затѣмъ обычныя пожеланія тѣмъ слегка дрожащимъ голосомъ, какимъ обыкновенно стараются говорить въ моменты разставанья, чтобы не было сомнѣнія въ искренности чувствъ.

За полночь въ рубкѣ остались болѣе близкіе знакомые Невѣжина да нѣсколько охотниковъ до чужого шампанскаго, которые являются на каждую выпивку, какъ бабочки на огонь, часто начиная и оканчивая мимолетное знакомство за даровымъ угощеніемъ.

Григорій Григорьевичъ Пеклеванный къ концу проводовъ немного захмелѣлъ. Онъ проговорилъ уже много прочувствованныхъ словъ въ честь отъѣзжающаго и теперь порывался на палубу, чтобы кому-то «раскровянить морду». Сикорскій и Жирковъ уговаривали его вмѣстѣ съ г. Кувалдой, недавно назначеннымъ полицеймейстеромъ, человѣкомъ такихъ непомѣрныхъ размѣровъ и съ такими феноменальными дореформенными кулаками, словно бы Господь Богъ спеціально создалъ подобную стѣнобитную машину исключительно для Сибири, въ видахъ устрашенія извозчиковъ, водовозовъ и вообще скромныхъ гражданъ, физіономіи которыхъ чаще всего могутъ подвергаться опустошеніямъ, для цѣлей порядка и благочинія. Господинъ Кувалда только-что присѣлъ къ компаніи. Грузно опустившись на диванъ и отодвинувъ немного столъ, чтобы дать мѣсто своему, мѣрно колыхавшемуся, грандіозному брюху, въ бездонныя пропасти котораго уже было вылито за вечеръ громадное количество рюмокъ водки,—онъ съ восторгомъ душилъ холодное шампанское, постоянно щуря глаза и подсапывая носомъ, словно паровая машина.

— Гриша... Григорій Григорьичъ!.. Нехорошо, ей-Богу, нехорошо!—успокаивалъ г. Кувалда, стараясь придать своему зычному, трубному голосу нѣжное выраженіе.—Ты вѣдь образованный человѣкъ, редакторъ... Здѣсь публика... Не ставь меня въ щекотливое положеніе...

— Ну, хорошо... Не буду... Сяду... Изъ уваженія къ тебѣ, Кувалда Кувалдычъ... Слышишь?.. Только изъ уваженія къ новому полицеймейстеру... Ты вѣдь хорошій человѣкъ... Отличный... Я, братецъ, не вѣрю, что̀ про тебя говорятъ! Будто ты грабилъ на пріискахъ... Ни одному слову... Клянусь!.. Выпьемъ, голубчикъ... Ты русскій человѣкъ!

Русскіе люди чокнулись, и Пеклеванный продолжалъ:

— А съ нимъ я еще встрѣчусь и дамъ въ морду... Обязательно!

— Отчего Панютиной нѣтъ?..—воскликнулъ Жирковъ.—Ужъ не уговорилъ ли ее Кауровъ остаться?

— Вѣрно, интендантъ прощается и не можетъ проститься!—замѣтилъ кто-то.

— И Аркадія Аркадьевича еще нѣтъ!—проговорилъ Кувалда, взглядывая на часы.

— Надолго онъ ѣдетъ?

— На четыре мѣсяца...

— Лѣчиться?

— Лѣчиться, — усмѣхнулся Кувалда. — Отъ генерала лѣчиться и поискать другого мѣста!—вотъ зачѣмъ ѣдетъ Аркадій Аркадьевичъ.

Въ эту минуту вошла въ рубку Панютина, веселая, улыбающаяся, слегка возбужденная... Сзади нея шелъ Кауровъ, нагруженный шкатулочками и саквояжами, грустно опустивъ голову.

— Наконецъ-то! А ужъ мы думали, Ольга Викентьевна, что вы остаетесь, чтобы не огорчить всѣхъ насъ!—воскликнулъ Жирковъ.

И всѣ весело и шумно привѣтствовали актрису. Одинъ только Невѣжинъ сдержанно поклонился ей.

— Что, братъ-интендантъ... грустно?.. Давай-ка лучше выпьемъ!..—проговорилъ Пеклеванный. — За здоровье Ольги Викентьевны... несравненной артистки... Урра!

Всѣ поддержали этотъ тостъ. Жирковъ подалъ бокалъ Панютиной. Она со всѣми чокнулась.

— А вотъ и Аркадій Аркадьевичъ!—замѣтилъ кто-то.

Аркадій Аркадьевичъ любезно пожималъ всѣмъ руки. Спустившись внизъ, онъ черезъ нѣсколько минутъ вышелъ на палубу, гдѣ его окружили провожающіе.

Наконецъ раздался первый свистокъ. Пора оставлять пароходъ! Еще нѣсколько тостовъ, послѣдніе поцѣлуи, и компанія, провожавшая Невѣжина, перешла на баржу.

Третій свистокъ, и «Ермакъ» тронулся, плавно разсѣкая гладь рѣки. Невѣжинъ стоялъ на площадкѣ и нѣсколько времени смотрѣлъ на удаляющійся городъ. Онъ былъ веселъ и возбужденъ и отъ выпитаго шампанскаго и отъ радости.

Будущее казалось ему такимъ же яркимъ и свѣтлымъ, какъ и золотистые снопы зари, алѣющей на горизонтѣ.

— Прощайте, не столь отдаленныя мѣста!—весело повторялъ онъ, вдыхая полной грудью острый и свѣжій воздухъ занимающагося утра.

Эпилогъ.

Прошло четыре года. Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней на франкфуртскомъ вокзалѣ, въ числѣ многочисленныхъ пассажировъ, за столомъ сидѣла наша старая знакомая Зинаида Николаевна, съ мѣсяцъ тому назадъ окончившая курсъ въ женевскомъ университетѣ, свѣжая, пополнѣвшая, веселая и счастливая. Она была не одна. Рядомъ съ ней сидѣлъ господинъ лѣтъ за тридцать, съ мужественнымъ, выразительнымъ лицомъ. Это былъ мужъ Зинаиды Николаевны, тоже врачъ, сибирскій уроженецъ, пробывшій послѣ окончанія курса два года въ Парижѣ, при больницѣ Шарко. Всего мѣсяцъ тому назадъ, какъ они повѣнчались, послѣ того, какъ ихъ любовь выдержала годовое испытаніе, и теперь, счастливые, любящіе, уважающіе другъ друга, сдѣлавъ прогулку по Швейцаріи, ѣхали въ Петербургъ, чтобы послѣ экзамена, который должна была держать въ Россіи Зинаида Николаевна, какъ иностранный врачъ,—возвратиться на далекую родину и послужить ей своими знаніями и силами.

Они весело ѣли поданныя имъ котлеты, запивая ихъ пивомъ и обмѣниваясь радостными замѣчаніями, что ѣдутъ наконецъ домой, какъ грохотъ подошедшаго поѣзда заставилъ Зинаиду Николаевну встрепенуться.

— Это нашъ поѣздъ?—безпокойно спросила она.

— Однако нѣтъ!—весело улыбнулся мужъ, подчеркивая это сибирское: «однако».—Ѣшь-себѣ спокойно, Зина... Намъ ѣхать еще чрезъ полчаса... Это какой поѣздъ?—спросилъ онъ у кельнера.

— Шнельцугъ изъ Берлина въ Базель... Черезъ четверть часа уходитъ.

Пассажиры съ прибывшаго поѣзда хлынули въ залу, бросаясь къ столамъ.

Неподалеку отъ нашихъ сибиряковъ сѣлъ изящно одѣтый молодой господинъ въ щегольскомъ кашъ-пуссьерѣ и какой-то оригинальной каскеткѣ съ маленькой вуалеткой. Съ нимъ усѣлась красивая, пестро одѣтая француженка, своимъ видомъ, костюмомъ и манерами похожая на кокотку. Она такъ громко смѣялась, ругая нѣмецкую кухню и презрительно щурясь на поданный шнель-клопсъ, что Зинаида Николаевна невольно взглянула въ ту сторону, взглянула и... вдругъ отвела глаза, слегка поблѣднѣвшая, смущенная и изумленная.

— Что̀ это ты, Зина?..—безпокойно спросилъ мужъ.

— Ничего... я увидала одного знакомаго... Помнишь... я тебѣ говорила о Невѣжинѣ,—слегка краснѣя, промолвила тихо Зинаида Николаевна.

Мужъ взглянулъ на молодого человѣка. Онъ весело смѣялся, что-то нашептывая на ухо француженкѣ.

«Шутъ гороховый!»—подумалъ сибирякъ, оглядывая его костюмъ.

«Все тотъ же!»—подумала Зинаида Николаевна и, отвернувшись, снова заговорила съ мужемъ.

Раздался звонокъ... Пассажиры шнельцуга спѣшили выходить изъ-за стола. Поднялся и Невѣжинъ и, обводя прищуреннымъ взглядомъ публику, увидалъ Зинаиду Николаевну и на секунду пріостановился.

Что-то давно забытое, хорошее, свѣтлое вдругъ хлынуло на него при видѣ Зинаиды Николаевны, свѣжей, цвѣтущей, похорошѣвшей... Онъ хотѣлъ-было подойти къ ней, но въ эту минуту француженка нетерпѣливо вскрикнула:

— Что̀ же... Ты хочешь опоздать?

И Невѣжинъ, подавъ спутницѣ руку, спѣшилъ къ выходу, чтобы не опоздать на поѣздъ, который увозилъ его въ Баденъ-Баденъ.

— Eh bien? О чемъ мы задумались?—спрашивала Невѣжина черезъ минуту его спутница,—случайная подруга, взятая имъ изъ хористокъ маленькаго театра,—ударивъ Невѣжина вѣеромъ по плечу.

О чемъ онъ задумался?

Этого Невѣжинъ не могъ бы сказать. Тысяча мыслей пробѣгала въ его головѣ. И позднее сожалѣніе о потерянной любви Зинаиды Николаевны, и сознаніе позора своей безпутной жизни, и досада о глупо-растрачиваемомъ состояніи, и страхъ передъ будущимъ... Все это, подъ вліяніемъ неожиданной встрѣчи, заставило Невѣжина задуматься на минуту и взглянуть на свою спутницу недовольнымъ взглядомъ.

Но «минута» прошла, и Невѣжинъ снова весело болталъ съ пикантной актрисой.

ВЪ РОДѢ СВЯТОЧНАГО РАЗСКАЗА.

I.

Елка, сіявшая огнями и увѣшанная съ верху до низу игрушками, бомбоньерками, сластями и фруктами, стоившая присяжному повѣренному Ивану Ивановичу Гульчевскому порядочныхъ-таки денегъ («Охъ, ужъ эти праздники!»—думалъ онъ про себя),—наконецъ потушена. Въ гостиной, гдѣ она стояла, было душно, пахло гарью и магніемъ.

Приглашенныя вмѣстѣ съ маменьками дѣти наѣлись сластей, напились чаю и, получивши по цѣлому коробку съ елки, уѣхали къ большому удовольствію уставшей, сбившейся съ ногъ хозяйки, хотя она и умоляла, съ самой любезной улыбкой, не уѣзжать такъ рано,—и вслѣдъ затѣмъ свои дѣти были отправлены спать.

Но нѣсколько болѣе короткихъ знакомыхъ хозяева настойчиво просили еще «посидѣть». Особенно настаивала хозяйка. Лечь спать въ десять часовъ было просто неприлично, а оставаться вдвоемъ съ мужемъ, съ которымъ она безупречно прожила пятнадцать лѣтъ, не представляло особой заманчивости.

По той же причинѣ не отказались посидѣть и трое пожилыхъ холостяковъ. Идти домой и лечь спать было и для нихъ рано, а найти въ клубѣ партію винта—поздно, да и хозяева милые люди и, вѣрно, дадутъ потомъ поужинать. Жаль только, что у нихъ не играли въ карты.

Варвара Петровна не допускала ихъ у себя въ домѣ, находя, что это банально, и что можно играть въ клубахъ, а дома, когда соберется кружокъ знакомыхъ, несравненно пріятнѣе вести умные разговоры. Слава Богу, всегда найдется о чемъ поговорить!

Такъ какъ Варвара Петровна, несмотря на свои тридцать

пять лѣтъ,—единицы она, впрочемъ, откидывала,—была довольно свѣжая и хорошенькая брюнетка съ большими, искусно подведенными глазами и неподдѣльнымъ румянцемъ на смугловатыхъ щекахъ, и болѣе уважала, чѣмъ любила своего Ивана Ивановича, и такъ какъ Ивану Ивановичу были всѣ пятьдесятъ,—на видъ и того больше,—и онъ не только уважалъ и слегка побаивался, но былъ до сихъ поръ чуть ли не влюбленъ въ свою кокетливую Вавочку, находя, что другой такой жены нѣтъ въ подлунной, то понятно, что картъ въ домѣ не водилось, хотя Иванъ Ивановичъ, грѣшнымъ дѣломъ, и любилъ повинтить.

Хозяинъ увелъ гостей въ свой большой кабинетъ, убранный съ роскошью адвоката, имѣющаго практику, предложилъ желающимъ хорошія сигары, и всѣ усѣлись въ большія мягкія кресла вокругъ круглаго стола, у дивана. Въ кабинетѣ стоялъ полусвѣтъ; въ каминѣ тихо шипѣли уголья. Гости лѣниво перекидывались словами.

Скоро явилась Варвара Петровна и, опустившись на диванъ, проговорила, обращаясь къ гостямъ:

— Ну, господа, я вамъ молчать не позволю. Разсказывайте что-нибудь интересное...

— Ничего интереснаго нѣтъ, Варвара Петровна,—отозвался одинъ изъ гостей.

— Ну такъ вотъ что̀... Пусть кто-нибудь разскажетъ какую-нибудь исторію или какое-нибудь воспоминаніе изъ своей жизни... Сегодня такой вечеръ, когда какъ разъ кстати святочные разсказы!.. Это будетъ очень мило!

— Эти разсказы мы завтра прочтемъ въ газетахъ. Это дѣло господъ литераторовъ. Наше дѣло говорить только на судѣ!—смѣясь, проговорилъ видный блондинъ съ солиднымъ брюшкомъ и съ лысой головой.

Но Варвара Петровна была не такая женщина, чтобы отказаться отъ своего желанія, разъ оно забрело въ ея голову. Она сдѣлала недовольную, но милую гримаску, обводя взглядомъ всѣхъ трехъ гостей, и выбрала жертвой одного стараго господина съ засѣдѣвшей бородой, молча курившаго сигару, вѣроятно, въ виду того, что онъ лѣтъ пять тому назадъ любилъ водить съ Варварой Петровной разговоры о дружбѣ и частенько пріѣзжалъ взглянуть, здоровы ли ея прелестныя малютки.

— Сергѣй Николаичъ! Вы должны что-нибудь разсказать.

— Почему же долженъ, Варвара Петровна?

— Потому, что я этого хочу... И вы, какъ нашъ старый другъ, должны доставить мнѣ удовольствіе...

— Охотно доставилъ бы его, но мнѣ нечего разсказывать...

— Вамъ-то?.. Точно съ вами во всю жизнь не случалось ничего интереснаго... Ну, разскажите, напримѣръ, почему вы не женились?..

— Право, это неинтересно... На комъ хотѣлъ жениться— не могъ, а на комъ могъ—не хотѣлъ.

— Во всякомъ случаѣ разсказывайте... Вы, какъ докторъ, должны знать много любопытныхъ исторій... и, вѣроятно, таинственныхъ... Ну, ну, не ломайтесь, Сергѣй Николаевичъ. Я васъ прошу!—подчеркнула Варвара Петровна и даже подарила стараго доктора однимъ изъ тѣхъ милыхъ взглядовъ, которыми она умѣла очаровывать не одного только мужа, но и другихъ неосторожныхъ людей.

Но старый докторъ встрѣтилъ этотъ взглядъ, когда-то приводившій его въ нервное настроеніе, довольно равнодушно.

«Было, молъ, время, когда ты меня оболванивала, но теперь прошло!»—весело подумалъ онъ и не безъ насмѣшливости улыбнулся своими маленькими острыми глазами.

— Ну, извольте, я вамъ разскажу объ одномъ своемъ пріятелѣ... Но только предупреждаю: ничего таинственнаго не будетъ въ моей исторіи.

— Все равно, разсказывайте...

И докторъ началъ.

II.

— Моему пріятелю,—назовемъ его хоть Башутинымъ: къ чему вамъ знать настоящую фамилію?—было въ то время пятьдесятъ пять лѣтъ... Возрастъ, кажется, почтенный, господа, когда благоразуміе и предусмотрительность почти что обязательны и задерживающіе центры, казалось бы, должны работать добросовѣстно, особенно въ профессорѣ физіологіи, и притомъ умномъ человѣкѣ, и тѣмъ не менѣе...

— Это вы въ нашъ огородъ, что ли, докторъ?—замѣтилъ видный блондинъ.

— Не перебивайте его... Онъ и своего огорода не минуетъ, даромъ что представляется женоненавистникомъ!—иронически проговорила Варвара Петровна. — Продолжайте, Сергѣй Николаичъ...

— Мой огородъ теперь неуязвимъ, Варвара Петровна, будьте-съ покойны за него... На немъ одна капуста да морковь, а незабудокъ нѣтъ! — подчеркнулъ докторъ.—Итакъ, продолжаю. Началось это у моего пріятеля съ того, что въ одно скверное октябрьское утро онъ обкарналъ свои длинные засѣдѣвшіе волосы, остригъ свою красивую сѣдую бороду,

сдѣлавъ изъ нея купую модную бородку à la Henri IV, и купилъ флаконъ Jockey Club'a. Начало, какъ видите, не предвѣщало ничего добраго. Наблюденія привели меня къ такому выводу: если человѣкъ преклоннаго возраста, привыкшій носить длинную шевелюру и большую бороду, вдругъ мѣняетъ свою физіономію, то тутъ что-то неладное. Однако, когда Бапутинъ вошелъ въ мою половину,—мы жили съ нимъ въ одной квартирѣ,—подстриженный, напомаженный и, вдобавокъ, не въ черномъ, довольно неряшливомъ сюртукѣ, въ какомъ онъ всегда ходилъ, а въ модномъ короткомъ вестонѣ, признаться, сердце у меня екнуло. Но я не подалъ и вида, что замѣчаю перемѣну въ пріятелѣ, и, какъ ни въ чемъ не бывало, спросилъ:

— Ты вечеромъ куда... Въ засѣданіе?—«Нѣтъ,—говоритъ,—не въ засѣданіе... Нужно въ одно мѣсто!» Отвѣчалъ онъ умышленно-небрежнымъ тономъ и, показалось мнѣ, нѣсколько смутился.

Разсказчикъ закурилъ папироску, затянулся раза два и продолжалъ:

— И это «одно мѣсто» показалось мнѣ подозрительнымъ. Обыкновенно пріятели, ходящіе въ разныя мѣста, называютъ ихъ, но какъ только они начинаютъ посѣщать «одно мѣсто», то стыдливо умалчиваютъ. Я, конечно, не спросилъ, какое это «одно мѣсто» вдругъ нашлось у почтеннаго профессора, немногочисленные знакомые котораго были мнѣ извѣстны, хотя, признаться, любопытство мое было возбуждено до послѣдней степени. Со временемъ, думаю, самъ разскажетъ, а теперь я рѣшилъ наблюдать за нимъ...

Онъ посидѣлъ у меня нѣсколько минутъ и вдругъ, словно бы удивленный, что я не обращаю вниманія на перемѣну въ немъ, спросилъ:

— А ты не замѣчаешь, что я выстригся?

— Что̀ это тебѣ вздумалось?—самымъ равнодушнымъ тономъ спросилъ я.

— Да, видишь ли, жарко спать съ длинными волосами и, когда ѣшь, только пачкаешь бороду... Неопрятно какъ-то!

И если-бъ вы только слышали, господа, какимъ это онъ невиннѣйшимъ тономъ произнесъ, старый шельмецъ, будто и въ самомъ дѣлѣ приведенные имъ поводы и были истинными причинами его посѣщенія парикмахера. Прежде, небось, не жарко было спать и не стыдно было пачкать бороду, а теперь вдругъ, видите ли, неопрятно. И предъ кѣмъ онъ лукавилъ? Еще добро бы передъ супругой, которая могла бы задать взбучку и которой у него не было, а то передъ закадычнымъ

пріятелемъ. Тѣмъ не менѣе я велъ свою линію, не выразилъ ни малѣйшаго удивленія и даже поддакнулъ:—«Да, говорю, пожалуй, удобнѣе».—«Совѣтую, говоритъ, и тебѣ послѣдовать моему примѣру, а то ты совсѣмъ лохматый». Я усмѣхнулся и отвѣтилъ, что мнѣ и такъ удобно... Онъ поднялся и, подавая мнѣ руку, спросилъ, не нахожу ли я, что онъ нѣсколько измѣнился. Ясно было, что онъ хотѣлъ спросить, не помолодѣлъ ли онъ. Но я взглянулъ на его дѣйствительно нѣсколько помолодѣвшее, хотя все-таки, между нами говоря, морщинистое, старое, худое лицо и даже, казалось мнѣ, поглупѣвшее, и отвѣтилъ, что никакой перемѣны не вижу.—«Морщины только замѣтнѣе стали на щекахъ съ тѣхъ поръ, какъ ты окарналъ бороду!»—ехидно прибавилъ я.—«Ну, ты всегда непріятности говоришь... До свиданія...»

Съ этого самаго дня мой Алексѣй Алексѣичъ, что̀ называется, выбился изъ своей колеи. Прежде, бывало, рѣдко-рѣдко когда выходилъ по вечерамъ, все больше дома и въ халатѣ за книгами, а теперь почти ни одного вечера его нѣтъ дома... Все, вѣрно, въ «одно мѣсто» ѣздилъ, а то по театрамъ... И сталъ какой-то возбужденный, знаете ли... Ну, думаю, плохи дѣла съ Алексѣемъ Алексѣичемъ. На старости лѣтъ сбрендилъ. И какъ-то спрашиваю его, гдѣ это онъ по вечерамъ пропадаетъ. Покраснѣлъ слегка.—«Въ театры, говоритъ, ѣзжу. Прежде я, говоритъ, дуракъ былъ, сидѣлъ все сиднемъ, а теперь захотѣлось музыки послушать... я всегда любилъ музыку... И тебѣ совѣтую».—«Благодарю покорно за совѣтъ... Не вредно ли въ наши годы все по театрамъ шататься?» Озлился.—«Что̀ ты все съ годами да съ годами! Не дряхлый же я старикъ...» И ушелъ къ себѣ.

Но, видно, мои слова задѣли его за живое. Ужъ я давно совѣтовалъ ему массажъ и гимнастику, но онъ и ухомъ не велъ, а теперь передъ лекціями каждое утро сталъ ходить въ гимнастическое заведеніе, души холодные сталъ брать, гири подымать, однимъ словомъ, мнилъ обратиться нѣкоторымъ образомъ въ Фауста... Подите же... А вѣдь умный человѣкъ,—воскликнулъ, смѣясь, докторъ.

— А кто же была Маргарита? Брюнетка или блондинка? Замужняя или дѣвушка?—спрашивала Варвара Петровна.

— Въ свое время узнаете, Варвара Петровна... Заставили разсказывать, такъ не перебивайте!.. Дайте только папиросочку выкурить.

Докторъ выкурилъ папироску.

— Прошелъ такъ съ мѣсяцъ. Я надѣялся, что мѣсяцъ для старческой блажи срокъ совершенно достаточный, и думалъ,

что мой другъ наконецъ перестанетъ ходить въ «одно мѣсто» и образумится... Не могъ же онъ разсчитывать на взаимность, если и въ самомъ дѣлѣ втюрился... Хоть онъ и поглупѣлъ, но не настолько же!..

— А развѣ непремѣнно разсчитываютъ на взаимность? Развѣ нельзя безнадежно любить?—перебила Варвара Петровна.

– Полагаю, что долго нельзя, а, впрочемъ, это не относится къ дѣлу.

— И наконецъ развѣ нельзя полюбить старика, особенно если онъ умный и интересный?—снова замѣтила хозяйка.

Докторъ разсмѣялся.

— Ну, вы, Варвара Петровна, составляете, значитъ, исключеніе. А я повторю слова Гейне, кажется, что лучше два раза любить двадцатипятилѣтнихъ, чѣмъ разъ пятидесятилѣтняго.

— Вы циникъ и больше ничего.

— А вы, вѣрно, въ душѣ согласны со мной... Однако не мѣшайте... Прошелъ, говорю, мѣсяцъ, но Алексѣй Алексѣевичъ не только не излѣчивался, но глупѣлъ все болѣе и болѣе... По крайней мѣрѣ дошелъ до того ошалѣлаго состоянія, что на старости лѣтъ заговорилъ стихами. Вы удивляетесь? Честное слово! И какіе еще трогательные. Однажды я увидалъ у себя въ кабинетѣ листокъ бумаги... Это мой пріятель въ разсѣянности обронилъ... Поднимаю и читаю... Я ихъ до сихъ поръ помню. Вотъ они:

О, если только ты не та,
Что̀ говорятъ мнѣ наблюденья,
Не отрицай. Въ мои лѣта
Вѣдь такъ отрадны заблужденья.
Пусть помнитъ ту моя мечта,
Въ комъ тонкій умъ, въ комъ духъ сомнѣнья,
Натуры чуткой простота,
Души возвышенной стремленья.
И, цѣломудренно чиста,
Внушая культъ благоговѣнья,
Сіяетъ гордо красота.
. . . . . .
Такъ дай мнѣ грезы сновидѣнья
И не буди, коль ты не та!

«Ну, значитъ, что̀ называется, съ сапогами втюрился!—подумалъ я, прочитавши это стихотворное изліяніе. — Надо принимать мѣры». И, когда Алексѣй Алексѣичъ пришелъ обѣдать, я подалъ ему его листокъ и говорю:—«Ты обронилъ, дружище».—Покраснѣлъ старикъ, словно школяръ, застигнутый за кражей яблокъ.—«Ты читалъ?»—«Читалъ».—«Это, говоритъ, я списалъ изъ одного журнала». Вижу, что нагло врстъ, и спрашиваю:—«Почему же они тебѣ такъ понравились?

Прежде, кажется, ты стихи не особенно любилъ?»—«Неправда, всегда любилъ. Въ этомъ стихотвореніи чувствуется искренность, и вообще оно мнѣ кажется недурнымъ!»—конфузливо прибавилъ онъ.—«Не нахожу. Вирши самые ординарные. Удивляюсь, что ихъ напечатали. Въ какомъ журналѣ ты ихъ нашелъ?»—Отозвался запамятованіемъ—еще бы!—и окрысился. Такъ мы и промолчали весь обѣдъ.

Прошло такъ нѣсколько дней, и онъ вдругъ почему-то заговорилъ объ одномъ профессорѣ, который шестидесяти лѣтъ женился на восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ.

— Развѣ ты не находишь, что этотъ профессоръ идіотъ?

— И что̀ это у тебя за привычка вѣчно ругаться... Чѣмъ же онъ, какъ ты говоришь, «идіотъ»... А Мазепа... А Лессепсъ? Въ какихъ они преклонныхъ годахъ женились...

«Такъ вотъ оно что̀!»—подумалъ я, и мнѣ стало безконечно жаль этого «Мазепу», да еще съ хроническимъ катарромъ желудка и съ астмой.

— Ахъ, Алексѣй Алексѣичъ, ужели ты, профессоръ еще физіологіи, этого не понимаешь?.. Ну развѣ ты, напримѣръ, рѣшился бы жениться на молодой дѣвушкѣ? Хватило бы у тебя храбрости, если-бъ и нашлась дурочка, которая согласилась бы за тебя выйти замужъ?.. Развѣ ты взялъ бы на себя грѣхъ погубить молодое созданіе?..

— Отчего непремѣнно погубить... Развѣ она не будетъ свободна оставить мужа, когда ей угодно?.. Развѣ наконецъ старики не могутъ любить?.. «Любви всѣ возрасты покорны».

— Да она-то не можетъ любить старика... Ты только подумай, какое это свинство... А если у стариковъ большой мозгъ пошаливаетъ, то надо лѣчиться... вотъ что̀ я тебѣ скажу, и серьезно лѣчиться... Главнымъ образомъ не навѣщать никакихъ барышень и взять себя хорошенько въ руки... Да и развѣ такихъ, какъ мы съ тобой, можно въ самомъ дѣлѣ полюбить?.. Надъ нами смѣяться только можно, если мы оглупѣемъ до того, что вообразимъ, будто можемъ еще нравиться.

Мой пріятель слушалъ все это съ видимымъ раздраженіемъ. Непріятно вѣдь слушать, когда тебѣ говорятъ: «Оставь надежду навсегда!» Онъ сдѣлался холоднѣе со мною. Не захаживалъ, какъ бывало, поболтать по вечерамъ,—да его и дома не бывало,—и за обѣдомъ ни о Мазепѣ ни о Лессепсѣ не заговаривалъ. Признаюсь, мнѣ очень хотѣлось узнать, въ какое это «мѣсто» зачастилъ Алексѣй Алексѣичъ и какое совершенство женскаго пола свело съ ума почтеннаго старика, который продолжалъ тщательно умалчивать объ этомъ «одномъ мѣстѣ». Случай помогъ мнѣ: вскорѣ послѣ нашего разговора

я получилъ записку, приглашающую меня посмотрѣть больного ребенка. Записка, написанная красивымъ женскимъ почеркомъ, была подписана совершенно незнакомой мнѣ фамиліей «Орловской». Пріѣзжаю на Кирочную, и вы, конечно, догадываетесь, что тамъ я нашелъ сокровище моего друга въ лицѣ молодой дѣвушки-курсистки лѣтъ двадцати пяти-шести, дочери добродушной вдовы Орловской. Обѣ онѣ мнѣ и объяснили, что послали за мной, такъ какъ очень много слышали обо мнѣ отъ Алексѣя Алексѣича.

— Что-жъ, хороша она была?—нетерпѣливо спросила хозяйка.

— Какъ вамъ сказать... Хороша—нѣтъ, но удивительно привлекательна... Въ этомъ надо отдать справедливость моему пріятелю... Вкусъ у него оказался, дѣйствительно, тонкій... Высокая, стройная, изящная, съ необыкновенно умнымъ и выразительнымъ лицомъ...

— Брюнетка или блондинка?..

— Скорѣй блондинка, Варвара Петровна... Пепельные волосы... Прелестныя руки съ длинными пальцами... И, по правдѣ говоря, мой-то старикъ вѣрно передалъ: «И, цѣломудренно чиста, сіяла гордо красота»... Именно, въ ея своеобразной красотѣ было что-то одухотворенное... Видно было, что ея головка много думала.. И костюмъ ея былъ подходящій... скромный такой... Вся въ черномъ, точно монашка... ни серегъ ни колецъ, а только маленькая брошка... Очень симпатичная дѣвушка... Ну, я осмотрѣлъ ея брата, десятилѣтняго мальчика, прописалъ лѣкарство и просидѣлъ у нихъ полчаса. Конечно, болѣе разговаривали о моемъ пріятелѣ. Мнѣ было интересно знать, какъ относится къ нему Маргарита Михайловна,—такъ звали барышню... Неужели, думалъ я, ей могъ понравиться мой старикъ? Но—бѣдный Алексѣй Алексѣевичъ!.. Если бы онъ слышалъ, съ какимъ уваженіемъ относилась она къ «этому милому старику»,—такъ и сказала, я вамъ доложу, «старику»,—который такъ добръ, что читаетъ ей курсъ анатоміи, когда пріѣзжаетъ... Онъ такой общительный... Ишь вѣдь шельмецъ!.. Какой предлогъ нашелъ!.. Анатомію читаетъ и, конечно, тщательно скрываетъ свои чувства... Но вѣдь отъ вашей сестры не скроешь, Варвара Петровна, коли тутъ не одна анатомія... Не такъ ли?..

— Конечно, не скроешь, Сергѣй Николаичъ!—засмѣялась хозяйка,

— То-то и есть. И я, грѣшный человѣкъ, подумалъ, что и Маргарита Михайловна, при всей своей серьезности и любви къ наукамъ, должна же была видѣть, что профессоръ втю-

рился. И я, признаться, такъ, легонько, обинякомъ намекнулъ ей, что бѣдный мой другъ сталъ совсѣмъ неузнаваемъ.

— Что̀ же она?

— Усмѣхнулась глазами больше, а лицо продолжало быть серьезнымъ и точно не понимающимъ, въ чемъ дѣло. И тутъ я замѣтилъ, что она хоть и монашка, а у нея, знаете ли, этакіе русалочные глаза... Однимъ словомъ—женщина! Ну, простился я, обѣщалъ на другой день пріѣхать, и за обѣдомъ разсказываю все Алексѣю Алексѣевичу моему. Смутился. И потомъ спрашиваетъ, какъ понравилась мнѣ Маргарита Михайловна. Говорю—«умная и милая дѣвушка и очень тебя уважаетъ... Хвалитъ твое преподаваніе... Я, молъ, и не зналъ, что ты частными уроками занимаешься, Алексѣй Алексѣичъ?»—«Ну, такъ что-жъ... Я всегда готовъ помочь... Время у меня есть!»—точно оправдывался онъ, а самъ покраснѣлъ, какъ вареный ракъ... Такъ, господа, продолжалось дѣло до декабря... Но въ одинъ день приходитъ онъ обѣдать; смотрю—видъ у него, знаете ли, точно у кота, котораго только-что ошпарили кипяткомъ... Ну, думаю, объяснился, старый дуракъ, и получилъ должное... А онъ три рюмки водки царапнулъ да стакана три краснаго вина... Я только гляжу на него... Видно, Маргарита-то эта самая ошпарила стараго Фауста по-настоящему, и не пойдетъ онъ сегодня въ «одно мѣсто». Дѣйствительно, вечеръ просидѣлъ дома и халатъ надѣлъ. На другой вечеръ опять въ халатѣ и опять дома... На третій... ну, словомъ, мой старикъ заперся и музыку даже позабылъ... Однако, замѣчаю, бѣдняга совсѣмъ исхудалъ... и находится въ большой меланхоліи.—«Что̀, говорю, старина, видно, безсонница одолѣваетъ?»—«Не спится что-то!»—виновато такъ отвѣчаетъ.—«Переутомился, видно, а?»—«Видно, переутомился».—«Ну, братъ, возьми себя въ руки, а я тебѣ пропишу бромъ... Дурь-то всю надо выбросить...»

— И что-жъ, помогъ ему вашъ бромъ?—насмѣшливо спросила Варвара Петровна.

— То-то нѣтъ... Ужъ слишкомъ острое было воспаленіе... Излѣчило его совсѣмъ другое...

— А что̀ же?

— Очень, можно сказать, неожиданное происшествіе, и случилось оно какъ разъ въ сочельникъ. Сидѣли мы съ нимъ вдвоемъ у него въ кабинетѣ; онъ былъ въ пальто и снова запустилъ и волосы и бороду. Какъ вдругъ звонокъ... Наша Акулина пошла отворять и черезъ минуту приноситъ корзину. Говоритъ: велѣно господамъ отдать... Открываемъ, и что̀ бы вы думали въ ней? Ребенокъ... дѣвочка этакъ мѣсяцевъ около

двухъ, и около нея записка: «Не оставьте, Христа ради... Крещена, зовутъ Анна»... Сперва мы оба ахнули, а затѣмъ Алексѣй Алексѣичъ сообразилъ, что надо послать за соской и молокомъ... И въ ту же минуту вышелъ... Вернулся съ молокомъ и съ соской и заставилъ Акулину устроить постельку дѣвочкѣ у себя въ комнатѣ и рѣшительно объявилъ, что оставляетъ у себя дѣвочку... Съ той поры его болѣзнь прошла. Онъ опять повеселѣлъ и поумнѣлъ... Теперь онъ только и знаетъ свою Нюточку и няньчится съ ней... Но о Мазепѣ не говоритъ. Вотъ вамъ и разсказъ.

— А я думала, что дѣло кончится трагически!—проговорила недовольно Варвара Петровна.

— Напрасно такъ думали. Я вамъ разсказалъ все, какъ было... не виноватъ, что трагедіи нѣтъ.

Въ это время лакей доложилъ, что кушать подано, и всѣ пошли въ столовую.

ДУРАКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Младшій помощникъ столоначальника Липецкій, худощавый, бѣлобрысый молодой человѣкъ въ потертомъ пиджакѣ, съ жиденькой свѣтлорусой бородкой и сѣрыми, нѣсколько близорукими глазами въ очкахъ, добросовѣстно высидѣлъ шесть часовъ на службѣ и не менѣе добросовѣстно написалъ за это время немало отношеній, предписаній и докладовъ. Столоначальникъ Кузьминъ то и дѣло подваливалъ Липецкому бумагъ, очень обрадованный, что напалъ на простофилю, готоваго работать, какъ волъ, вмѣсто того, чтобы въ теченіе дня возиться съ одной бумажкой, и даже снисходительно находилъ, что Липецкій недурно составляетъ бумаги, особенно для молодого человѣка, всего лишь два года какъ вкусившаго прелести службы.

Въ пятомъ часу мысли Липецкаго заняты были исключительно обѣдомъ, который онъ будетъ скоро ѣсть въ своей маленькой квартиркѣ въ Измайловскомъ полку вмѣстѣ съ вдовой-матерью и сестренкой-гимназисткой. Онъ обожалъ и мать и сестру и былъ ихъ единственной подпорой, отдавая матери бо̀льшую часть своего жалованья и небольшого дополнительнаго заработка отъ литературной работы. Изъ-за этихъ двухъ любимыхъ существъ Липецкій и поступилъ на службу, вмѣсто того, чтобы остаться, по окончаніи курса, при университетѣ и посвятить себя ученой дѣятельности, какъ онъ мечталъ, пока живъ былъ отецъ, имѣвшій довольно хорошее мѣсто на частной службѣ.

Молодой человѣкъ рѣшительно сложилъ свои бумаги въ столъ и, взглянувъ на часы, собирался исчезнуть изъ департамента, находя, что за свои шестьдесятъ рублей жалованья въ мѣсяцъ онъ достаточно извелъ бумаги и, пожалуй, даже болѣе, чѣмъ требовало обычное право, если судить, по крайней мѣрѣ, по работѣ другихъ, такихъ же молодыхъ сослуживцевъ.

Только одинъ Кузьминъ изнывалъ надъ работой и, казалось, находилъ въ ней особенную прелесть. Но недаромъ же помощники прозвали его «Юсомъ» и говорили, что «Юсъ» дальше начальника отдѣленія не пойдетъ, такъ какъ у него нѣтъ никакихъ талантовъ и никакого умѣнья выдвинуться.

Рѣшительно пора уходить, хотя столоначальникъ, повидимому, объ этомъ и не думаетъ, основательно позавтракавъ въ 12 часовъ. Но молодой человѣкъ, принужденный разсчитывать каждый грошъ, долженъ былъ ограничиться стаканомъ кофе и двумя бутербродами и потому испытывалъ теперь волчій голодъ.

И Липецкій съ веселою улыбкой щелкнулъ ключомъ, запирая столъ, и предвкушалъ радость очутиться на улицѣ, да еще въ рѣдкій для Петербурга солнечный октябрьскій день, и, послѣ получасовой невольной прогулки до Измайловскаго полка, быть дома. Радъ онъ былъ и тому, что хоть до завтрашняго утра избавится отъ скучной, несимпатичной ему канцелярской работы—отъ писанія этихъ безчисленныхъ, однообразныхъ бумагъ, надъ которыми потомъ священнодѣйствуетъ Кузьминъ, черноволосый, худой и длинный, похожій на задумчивую цаплю, смакуя каждое слово, точно геніальное произведеніе великаго художника,—и отъ табачнаго дыма и сутолоки этой большой, заставленной столами комнаты, черезъ которую то и дѣло шмыгаютъ съ озабоченно-дѣловымъ видомъ чиновники въ кабинетъ начальника отдѣленія,—избавиться и отъ пошловатой болтовни и глупыхъ остротъ, которыми коротаютъ служебное время юные свѣтскіе шалопаи, хорошо знающіе, что и безъ черной работы они въ свое время получатъ болѣе или менѣе приличныя мѣста.

И Липецкій хотѣлъ-было пройти къ Кузьмину, чтобъ откланяться, какъ въ эту самую минуту къ молодому человѣку подошелъ бравый и молодцоватый курьеръ съ золотою медалью на шеѣ и громко и торжественно, видимо сознавая, что сообщаетъ нѣчто весьма значительное и, несомнѣнно, весьма лестное для такого маленькаго чиновника, какъ Липецкій, произнесъ:

— Господинъ директоръ департамента васъ проситъ.

— Меня!? — невольно переспросилъ удивленный молодой человѣкъ.

— Точно такъ, васъ!—отчеканилъ курьеръ, бросая на Липецкаго взглядъ, который, казалось, говорилъ: «Небось, не ожидалъ такой чести?»

И, прежде чѣмъ уйти, прибавилъ:

— Просятъ немедленно!

— Хорошо!—проговорилъ Липецкій.

Это приглашеніе помощника столоначальника къ директору департамента произвело значительную сенсацію.

Столоначальникъ Кузьминъ, сидѣвшій за дальнимъ столомъ, поднялъ голову, и на его желто-смугломъ лицѣ застыло выраженіе такого недоумѣнія, словно бы онъ услыхалъ о паденіи луны или объ упраздненіи чиновниковъ.

Положимъ, недавно назначенный къ нимъ директоромъ Драгоцѣнный и щеголяетъ доступностью и простотой обращенія, но все-таки даже столоначальники никогда не приглашались къ нему, и вдругъ онъ требуетъ помощника. Что̀ могло бы это значить?

Ужъ не попалъ ли въ какую-нибудь исторію этотъ Липецкій? Онъ, кажется, того... крайнихъ мнѣній. Хоть и не высказывается, а все-таки видно...

Эта мысль, явившаяся въ голову Кузьмина внезапно, безъ какихъ бы то ни было основаній, какъ единственно возможное объясненіе столь необычайнаго приглашенія къ директору маленькаго чиновника безъ связей и протекціи, вызвала въ «Юсѣ» невольное чувство участія къ молодому человѣку. Липецкій ему нравился. Онъ былъ отличный работникъ и, казалось, порядочный, добрый человѣкъ. Недаромъ писцы его любили.

Угнетенный мыслью, что Липецкаго потребовали для непріятныхъ объясненій, этотъ бумажный человѣкъ, котораго десятилѣтняя канцелярская служба порядочно-таки изсушила и пришибла, невольно пожалѣлъ Липецкаго, попавшаго, конечно, въ бѣду... Онъ самъ былъ студентомъ и знаетъ: долго ли до грѣха? Какое-нибудь неосмотрительное слово, неосторожное знакомство и... пропалъ иногда человѣкъ.

И въ недоумѣвающемъ взглядѣ Кузьмина блеснуло что-то теплое, мягкое.

Но въ Кузьминѣ недаромъ прежде всего сидѣлъ чиновникъ. Онъ эгоистически гораздо болѣе пожалѣлъ Липецкаго, какъ хорошаго помощника, котораго можетъ лишиться, если опасенія его, не дай Богъ, оправдаются. И тогда оставайся опять съ двумя лодырями: барономъ и Айвазовымъ, навязанными ему начальникомъ отдѣленія.

II.

Одинъ изъ этихъ «лодырей», старшій помощникъ, баронъ Фирксъ фонъ-Шенау, молодой человѣкъ изъ правовѣдовъ, безукоризненно одѣтый, красивый, свѣжій, благоухающій и нѣсколько хлыщеватый, съ гладко выбритыми щеками и подбородкомъ и закрученными кверху пушистыми усами, растягивающій слова и съ необыкновеннымъ апломбомъ изрекающій обыкновенные пустяки,—бросилъ на Липецкаго взглядъ, въ которомъ была и зависть, и изумленіе, и ироническая насмѣшка.

Мечтавшій о карьерѣ баронъ вездѣ подозрѣвалъ интригу и во всѣхъ видѣлъ соперниковъ, считая себя несправедливо обиженнымъ тѣмъ, что два года сидитъ въ помощникахъ и, несмотря на заискиванія вездѣ, гдѣ только возможно, не получаетъ повышенія. Онъ не особенно часто посѣщаетъ департаментъ и ровно ничего не дѣлаетъ, пользуясь деликатностью Кузьмина, котораго въ душѣ презираетъ, считая его недалекой канцелярской крысой. Не имѣя никакихъ средствъ, баронъ жаждетъ мѣста съ приличнымъ окладомъ и старается получить его и вообще выдвинуться участіемъ въ спектакляхъ, устраиваемыхъ благотворительными дамами «грандмонда», и ухаживаніемъ за старушками съ вліяніемъ.

Когда онъ бываетъ на службѣ, то бо́льшую часть времени посвящаетъ разсказамъ Айвазову о своихъ сценическихъ и свѣтскихъ успѣхахъ, намѣренно громко называя титулованныя имена, чтобы Кузьминъ и другіе знали, въ какомъ избранномъ обществѣ вращается баронъ. Онъ давно разсчитываетъ на мѣсто Кузьмина и искренно удивляется, какъ это, несмотря на его связи, Кузьмина не убираютъ, чтобы дать барону двѣ тысячи для начала его будущей блестящей, конечно, карьеры, на которую онъ надѣется съ несокрушимой увѣренностью влюбленнаго въ себя остзейскаго нѣмца.

Съ Кузьминымъ онъ офиціально любезенъ, а Липецкаго не можетъ терпѣть и за то, что Липецкій, по выраженію барона, изъ «мовежанра», и за то, что Липецкій не слушаетъ его великосвѣтскихъ разсказовъ и вообще не обнаруживаетъ ни малѣйшаго къ нему вниманія. Напротивъ, несмотря на снисходительно-любезные авансы барона вначалѣ, Липецкій былъ крайне сдержанъ и сухъ, видимо сторонился отъ барона и порой насмѣшливо улыбался, когда баронъ, случалось, поучалъ Айвазова насчетъ того, что такое порядочные люди.

Когда Липецкій вышелъ изъ комнаты, не обнаруживъ, къ

удивленію Кузьмина, ни малѣйшаго волненія и даже не ускоривъ шаговъ, баронъ шепнулъ Айвазову:

— Что̀ ты думаешь объ этомъ, а?

И подмигнулъ глазомъ.

— О чемъ объ этомъ?—простодушно спросилъ, съ акцентомъ восточнаго человѣка, плотный и коренастый брюнетъ, поднимая на барона большіе волоокіе черные глаза.

— Ты неисправимъ въ своей... недогадливости, мой милый! Я говорю о приглашеніи Липецкаго къ директору.

Айвазовъ, повидимому, относился довольно безразлично къ этому факту.

У него была богатая мать въ Тифлисѣ, и онъ «тянулъ лямку», какъ называлъ свое присутствіе въ департаментѣ, гдѣ выкуривалъ безчисленное количество папиросъ, прочитывалъ газеты и иногда съ видомъ страдальца осиливалъ какую-нибудь бумагу,—только потому, что въ противномъ случаѣ мать не давала бы денегъ.

Далеко не честолюбивый, лѣнивый и медлительный, не лишенный лукавства въ практическихъ дѣлахъ и потому считавшій себя тонкимъ человѣкомъ, Айвазовъ не гнался за карьерой, не разсчитывалъ въ будущемъ на министерскій постъ и довольствовался тайными мечтами о мундирѣ камеръ-юнкера, чтобы утѣшить мать. Онъ предпочелъ бы всякой службѣ спокойную жизнь въ своемъ чудномъ хуторѣ подъ Тифлисомъ, гдѣ славный домъ въ тѣни дубовъ, чинаръ и орѣшниковъ и гдѣ большія плантаціи виноградниковъ. Можно выдѣлывать отличное вино и имѣть большой доходъ. О, онъ поставилъ бы это дѣло на широкую ногу, и айвазовское вино славилось бы въ Петербургѣ...

— Но маменька не позволяетъ, ты понимаешь?—говорилъ онъ нерѣдко барону и прибавлялъ:—И я, понимаешь, долженъ ходить сюда и тянуть лямку, разстраивая свое здоровье...

— Ну, о здоровьѣ ты лучше не говори,—останавливалъ его баронъ.

Дѣйствительно, и крѣпкая, коренастая фигура Айвазова, и волосатое лицо, отливавшее румянцемъ, свидѣтельствовали объ избыткѣ силъ и здоровья.

Къ барону Фирксу Айвазовъ относился съ нѣкоторымъ почтеніемъ, какъ къ аристократу, бывающему въ высшемъ обществѣ и, главное, имѣющему счастіе видѣть аристократическихъ дамъ, къ которымъ молодой восточный человѣкъ питалъ какой-то особенно нѣжный культъ. Гордый расположеніемъ барона, Айвазовъ считалъ его умницей и искренно былъ привязанъ къ нему, но при всемъ этомъ не давалъ ему боль-

шихъ суммъ взаймы, умѣя отказывать очень ловко, и аккуратно записывалъ тѣ небольшія суммы, которыя перебиралъ у него баронъ.

Въ отвѣтъ на вопросъ барона, Айвазовъ добродушно улыбнулся, оскаливая изъ-за черныхъ усовъ ослѣпительно-бѣлые зубы, и затѣмъ проговорилъ:

— Я рѣшительно не понимаю, что̀ это значитъ. А ты, баронъ, понимаешь?

— Понимаю.

— Въ чемъ же дѣло?

— А въ томъ, что этотъ Липецкій интриганъ.

— Ну?—усомнился Айвазовъ, видимо, протестовавшій противъ такого категорическаго опредѣленія. — Почему ты такъ думаешь?

— По всему!—рѣшительно проговорилъ баронъ, и его красивое лицо приняло злое выраженіе, и глаза загорѣлись.—Я только не говорилъ этого раньше, но всегда былъ нелестнаго мнѣнія объ этомъ господинѣ. Ты развѣ не видишь, какъ онъ усердствуетъ, желая отличиться передъ Юсомъ, какъ онъ старается сблизиться съ нимъ и держаться отъ насъ въ сторонѣ, зная, что Юсъ не очень-то благоволитъ къ намъ? Корчитъ изъ себя человѣка съ принципами, а нашелъ-таки ходъ къ директору департамента. Недаромъ же его пригласилъ Драгоцѣнный. Вѣрно, кто-нибудь да просилъ за Липецкаго. А помнишь, что̀ онъ говорилъ о карьеристахъ? А самъ! Оказывается, лицемѣръ и интриганъ... сумѣлъ подъѣхать къ Драгоцѣнному... А Драгоцѣнный восходящая звѣзда, любимецъ министра... Онъ самъ выскочка, изъ какихъ-то вчерашнихъ дворянъ, сдѣлавшій необыкновенную карьеру, и тянетъ такихъ же проходимцевъ... Слѣдовательно...

Обыкновенно соглашавшійся со всѣмъ, что̀ ни изрекалъ баронъ, Айвазовъ на этотъ разъ перебилъ барона и произнесъ:

— Извини, баронъ, я не могу согласиться съ тобой.

— Интересно, почему?—изумился баронъ, не ожидая такого протеста.

— Ты напрасно чернишь человѣка, не имѣя никакихъ данныхъ... И вообще у тебя скверная привычка видѣть во всѣхъ только дурное... Липецкому я не симпатизирую, но онъ, по моему мнѣнію, не интриганъ и порядочный человѣкъ.

— Порядочный!? О, какъ ты проницателенъ! Удивительно проницателенъ!—съ презрительной усмѣшкой кинулъ баронъ.— Поздравляю тебя съ такимъ порядочнымъ человѣкомъ. Вотъ увидишь, что этого порядочнаго человѣка назначатъ столоначальникомъ, а меня и тебя обойдутъ.

— И пусть... Мнѣ все равно.

— Но мнѣ-то не все равно... Понимаешь ли это.

Съ губъ барона чуть не сорвалось: «идіотъ».

Но онъ удержался и повторилъ:

— Понимаешь ли ты это, сообразительный человѣкъ!

— Я вижу, что у тебя разлита желчь и ты ругаешься!— обиженно замѣтилъ Айвазовъ.

III.

Между тѣмъ Липецкій вошелъ въ большой кабинетъ и остановился вблизи письменнаго стола, заваленнаго бумагами, за которымъ сидѣлъ директоръ.

— Господинъ Липецкій?—раздался пріятный баритонъ директора, когда онъ поднялъ свою свѣтлорусую, коротко остриженную голову и остановилъ на вошедшемъ пристальный взглядъ.

— Липецкій. Ваше превосходительство требовали меня!— проговорилъ молодой человѣкъ.

И, въ свою очередь, не безъ любопытства взглядывалъ на Драгоцѣннаго, о которомъ такъ много говорили и въ министерствѣ, и въ обществѣ, и въ газетахъ, какъ о замѣчательно талантливомъ чиновникѣ и неутомимомъ работникѣ, которому предстоитъ блестящая будущность.

Но, разумѣется, рядомъ съ похвалами были и порицанія, особенно со стороны завистниковъ.

Говорили, что Драгоцѣнный всегда держитъ хвостъ по вѣтру и потому такъ преуспѣваетъ. Его называли выскочкой, наглецомъ и человѣкомъ, у котораго ni foi ni loi.

Все это невольно припомнилъ Липецкій, посматривая на этого блондина, бывшаго не въ вицмундирѣ, а въ скромномъ пиджакѣ, и не имѣвшаго въ себѣ ничего юпитеровскаго. Полноватое, нѣсколько утомлённое лицо съ рыжеватой бородой, небольшіе умные глаза, какая-то мягкость и въ то же время увѣренность въ ихъ взглядѣ,—все это производило съ перваго раза благопріятное впечатлѣніе.

— Я просилъ васъ,—любезно подчеркнулъ его превосходительство, привѣтливо кивнувъ головой:—чтобъ лично съ вами познакомиться... Прошу присѣсть!—указалъ онъ на кресло около письменнаго стола.

И, когда Липецкій, рѣшительно не понимавшій, зачѣмъ директоръ департамента желаетъ знакомиться съ такимъ незначительнымъ чиновникомъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ столу, его превосходительство привсталъ съ кресла и протянулъ свою бѣлую широкую руку съ крупными ногтями.

— Садитесь, Григорій Николаичъ... Прикажете папироску?

— Благодарю, я не курю!—отвѣтилъ молодой человѣкъ, окончательно изумленный, что его назвали по имени и отчеству.

— Счастливецъ, что не курите... А я вотъ не выпускаю изо рта папироски!—говорилъ Драгоцѣнный, закуривая папироску.—Очень радъ съ вами поближе познакомиться... Надѣюсь, мы останемся довольны другъ другомъ... Мнѣ говорилъ о васъ начальникъ отдѣленія, какъ о способномъ, трудолюбивомъ чиновникѣ.... А я очень дорожу хорошими работниками... Ихъ вѣдь такъ мало у насъ...

Его превосходительство пыхнулъ дымкомъ и продолжалъ:

— Кромѣ того, мнѣ хотѣлось поблагодарить васъ за удовольствіе, доставляемое мнѣ чтеніемъ вашихъ статей. Вѣдь это вы пишете въ «Правдѣ»? Вчерашняя передовая статья ваша?

— Моя!—промолвилъ Липецкій.

— Превосходная статья! Сжатая, ясная, безъ лишнихъ фразъ... Говорю вамъ это безъ всякихъ комплиментовъ... Я прочелъ ее и, признаюсь, заинтересовался авторомъ... Вчера я случайно узналъ, что вы сотрудничаете въ «Правдѣ».

«Вотъ оно что!»—подумалъ Липецкій и насторожился.

— Я обрадовался, что у насъ въ департаментѣ такой талантливый публицистъ, и рѣшилъ эксплоатировать ваше золотое перышко и дать вамъ случай выдвинуться, предложивъ вамъ работу, которую, я увѣренъ, вы сдѣлаете отлично.

И его превосходительство кратко и точно объяснилъ, какая это работа.

Дѣло въ томъ, что, по приказанію начальства, составленъ проектъ весьма благодѣтельной реформы. Проектъ поступитъ въ скоромъ времени на обсужденіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ желательно было бы познакомить съ нимъ и публику.

— Вы послужите хорошему дѣлу, если напечатаете небольшую статью въ «Правдѣ», внушите читателямъ здравыя понятія о важности и полезности нашего проекта, имѣющаго серьезное государственное значеніе... Познакомтесь съ проектомъ и объяснительной запиской и, когда статья будетъ готова, потрудитесь зайти ко мнѣ на квартиру, и мы прочтемъ вмѣстѣ... До одиннадцати я всегда дома.

Съ этими словами Драгоцѣнный, не спрашивая Липецкаго о согласіи и вполнѣ увѣренный, что молодой человѣкъ долженъ быть несказанно обрадованъ порученіемъ, которое дастъ случай «выдвинуться», взялъ со стола объемистую печатную тетрадь и, подавая ее Липецкому, замѣтилъ:

— Какъ видите, трудъ почтенный. Увѣренъ, вы оцѣните его по достоинству.

И, не ожидая отвѣта, спросилъ:

— Давно вы у насъ служите?

— Два года, ваше превосходительство.

— Помощникомъ столоначальника?

— Да.

— Окончили на юридическомъ?

— Нѣтъ, на естественномъ.

— Я постараюсь васъ лучше устроить и дать возможность развернуть свои способности. Намъ нужны образованные и трудолюбивые чиновники. До свиданія! Жду васъ на-дняхъ у себя. Очень радъ, что познакомился съ вами,—еще разъ съ привѣтливою улыбкой повторилъ директоръ, протягивая Липецкому руку.

Былъ ли молодой человѣкъ пораженъ неожиданностью или сконфуженъ, но дѣло только въ томъ, что онъ не догадался поблагодарить его превосходительство за всѣ любезности и вообще въ этотъ памятный день не оказался на высотѣ своего новаго положенія, неожиданно открывавшаго передъ нимъ блестящія перспективы.

Онъ молча откланялся и вышелъ изъ директорскаго кабинета далеко не сіяющій, какимъ, казалось, долженъ быть добрый чиновникъ, получившій столь лестное порученіе да еще отъ такой «звѣзды», какою былъ Драгоцѣнный, портретъ котораго еще недавно украшалъ иллюстрированные журналы.

Нашъ молодой человѣкъ не только не сіялъ, а, напротивъ, имѣлъ такой смущенный, словно бы виноватый видъ, что курьеръ вывелъ заключеніе о головомойкѣ, полученной «замухрыжкой»-чиновникомъ отъ генерала.

Липецкій торопливо шелъ по улицамъ, направляясь домой, раздумывая о неожиданномъ свиданіи съ директоромъ и объ его предложеніи.

Оно казалось ему страннымъ и стѣснительнымъ. Напрасно онъ не уклонился отъ него!

А быть-можетъ, и въ самомъ дѣлѣ проектъ заслуживаетъ одобренія, и тогда...

Это соображеніе нѣсколько успокоило Липецкаго и вызвало въ немъ мысль о томъ, что давно уже пора завести новую шубу матери и сдѣлать сестренкѣ новое пальто... Совсѣмъ обносились онѣ.

Все это представлялось теперь осуществимымъ...

Однако за обѣдомъ онъ ни слова не сказалъ ни о бесѣдѣ съ Драгоцѣннымъ ни о данномъ ему порученіи, хотя обыкновенно и разсказывалъ матери о служебныхъ дѣлахъ.

Онъ, видимо, былъ возбужденъ и тотчасъ же послѣ обѣда

ушелъ въ свою комнату и принялся штудировать проектъ благодѣтельной реформы.

Когда онъ наконецъ его окончилъ, то долго ходилъ по свой маленькой комнаткѣ взволнованный и негодующій.

IV.

На слѣдующее утро Липецкій облачился въ черный сюртукъ.

Напившись чаю, онъ сегодня какъ-то особенно нѣжно поцѣловалъ на прощанье мать, худощавую старушку съ сбитымъ набокъ чепцомъ и съ добрыми глазами, и вышелъ изъ дома ранѣе обыкновеннаго, объяснивъ матери, что до службы надо зайти въ одно мѣсто.

Липецкій взялъ извозчика и ровно въ десять часовъ уже былъ у дверей квартиры Евгенія Аркадьевича Драгоцѣннаго и рѣшительно надавилъ пуговку электрическаго звонка.

Великолѣпный лакей въ бѣломъ передникѣ, съ роскошными выхоленными черными бакенбардами, отворилъ дверь.

Оглядывая весьма двусмысленное пальтецо Липецкаго и не первой свѣжести котелокъ юпитеровскимъ, нѣсколько застланнымъ взглядомъ, онъ процѣдилъ снисходительно-небрежнымъ тономъ, загораживая своею особой входъ:

— Генералъ не принимаетъ просителей на дому. Идите въ департаментъ.

— Я не проситель!—рѣзко кинулъ, возвышая голосъ, Липецкій.—Доложите!

Секунда колебанія на лицѣ камердинера—и молодой человѣкъ былъ впущенъ въ прихожую.

Но пальто съ него не снимали.

— Какъ о васъ доложить?—недовольно спросилъ лакей.

— Липецкій! Коллежскій секретарь Липецкій!

Онъ выкрикнулъ эти слова такъ нетерпѣливо и такимъ вызывающимъ тономъ, что великолѣпный лакей, привыкшій встрѣчать болѣе мягкихъ посѣтителей и притомъ почти всегда награждающихъ его бумажками, былъ озадаченъ.

— Да вамъ по какому дѣлу нужно?—спросилъ онъ.

— Нужно, вотъ и все.

— Генералъ знаетъ васъ?

— Онъ просилъ меня быть у него. Идите же докладывать!—громко и настойчиво приказывалъ Липецкій.

— Подождите минутку. Сейчасъ доложу!

Дѣйствительно, черезъ минуту камердинеръ его превосходительства вернулся и уже совсѣмъ другимъ тономъ проговорилъ, снимая съ Липецкаго его двусмысленное пальтецо:

— Пожалуйте въ кабинетъ... Вотъ сюда!—докладывалъ онъ, отворяя двери.

Липецкій вошелъ въ большой свѣтлый кабинетъ съ темною, обитою сафьяномъ мебелью, съ книжными шкапами и картинами на стѣнахъ. Громадный письменный столъ, стоявшій посрединѣ, былъ заваленъ бумагами, книгами и брошюрами.

Въ дальнемъ углу на оттоманкѣ сидѣлъ его превосходительство съ газетой въ рукахъ. Пачка свѣжихъ, еще не тронутыхъ газетъ лежала передъ нимъ на маленькомъ столѣ.

— Уже готово?—весело воскликнулъ Драгоцѣнный.

И съ этими словами онъ поднялся съ оттоманки и пошелъ навстрѣчу Липецкому, протягивая ему свою широкую руку.

Его превосходительство, видимо, былъ въ отличномъ расположеніи духа. Хорошо выспавшійся (хотя газеты и утверждали, что онъ спитъ всего лишь четыре часа въ сутки), съ лучшимъ цвѣтомъ лица, чѣмъ наканунѣ въ министерствѣ, слегка благоухающій, съ расчесанной бородкой, въ своемъ короткомъ синемъ вестонѣ и въ туфляхъ на ногахъ, онъ казался гораздо моложе своихъ пятидесяти лѣтъ.

— Ну и молодецъ же вы, Григорій Николаевичъ. Быстро работаете. Присаживайтесь-ка и читайте!—говорилъ онъ, не обративъ, повидимому, ни малѣйшаго вниманія ни на офиціально-сдержанный видъ молодого чиновника, ни на выраженіе его лица и особенно близорукихъ глазъ, въ которыхъ блестѣла едва замѣтная и ироническая усмѣшка.

«Убѣжденъ, что я такая же безпринципная каналья, какъ и онъ самъ»,—подумалъ Липецкій, довольно сдержанно отвѣчая на горячее пожатіе руки хозяина.

И, предвкушая злорадное удовольствіе удивить эту «восходящую звѣзду», къ которой чувствовалъ теперь непріязнь, онъ громко, слегка дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ:

— У меня ничего не готово. Я пришелъ заявить вашему превосходительству, что отказываюсь отъ предложенной мнѣ работы.

И вслѣдъ за этими словами положилъ на письменный столъ объемистую тетрадь.

Хотя его превосходительство и былъ недурнымъ актеромъ въ жизни, играя разнообразныя роли во время своей служебной карьеры, тѣмъ не менѣе слова молодого человѣка настолько поразили Драгоцѣннаго, что онъ широко раскрылъ отъ изумленія глаза—до того отказъ Липецкаго отъ предложеннаго ему «случая выдвинуться» казался чѣмъ-то диковиннымъ, невѣроятнымъ. Самъ Евгеній Аркадьевичъ съ цинизмомъ безшабашнаго карьериста, не задумываясь, не только писалъ, но и проводилъ

въ жизнь то, что считалъ часто и вреднымъ и безсмысленнымъ и надъ чѣмъ самъ же въ душѣ смѣялся. Дѣлали то же самое и всѣ. Любой изъ его чиновниковъ съ восторгомъ принялъ бы подобное порученіе. И вдругъ этотъ маленькій чиновникъ и притомъ нищій, имѣвшій на рукахъ мать и сестру (его превосходительство собралъ о немъ свѣдѣнія), отказывается, и притомъ такой тонъ... неслыханный тонъ.

Всѣ эти мысли пробѣгали въ головѣ его превосходительства, и онъ наконецъ проговорилъ, точно еще не вѣря своимъ ушамъ:

— Такъ вы отказываетесь и не хотите воспользоваться случаемъ выдвинуться. Подумали ли вы объ этомъ?

— Подумалъ, ваше превосходительство, и отказался, такъ какъ считаю проектъ не только не благодѣтельнымъ, а прямо вреднымъ, и одобрять его въ газетахъ, разумѣется, не стану...

— Меня нисколько не интересуетъ ваше мнѣніе, г. Липецкій, о проектѣ!—перебилъ его рѣзкимъ тономъ его превосходительство.

И мгновенно лицо его приняло серьезное начальническое выраженіе, и въ его глазахъ блеснулъ злой огонекъ.

— Я полагалъ, что, предлагая мнѣ расхвалить проектъ, вы интересовались моимъ мнѣніемъ, ваше превосходительство...

— Вы полагали?—презрительно протянулъ Драгоцѣнный.— А я полагаю, что вамъ не слѣдовало бы служить съ такими взглядами, какъ у васъ... Вотъ что я полагаю...

И, кивнувъ головой и не подавъ, конечно, руки, его превосходительство далъ знать, что аудіенція окончена.

Оставшись одинъ, Драгоцѣнный проговорилъ вслухъ:

— Вотъ-то дуракъ!

V.

Веселый, точно свалившій съ себя непріятную обузу, Липецкій вышелъ изъ директорскаго кабинета и отправился на службу.

Кузьминъ очень обрадовался, увидѣвъ своего помощника.

Когда онъ узналъ отъ него о предложеніи директора департамента и объ отказѣ исполнить порученіе, то пришелъ въ какой-то священный ужасъ и въ то же время смотрѣлъ на молодого человѣка, какъ на героя.

— Ну, теперь не забудетъ онъ вамъ этого, Григорій Николаичъ! Не забудетъ! А вы поступили, можно сказать, героически... Отказаться отъ такого случая... отъ покровительства такого орла, какъ Драгоцѣнный, это я вамъ скажу... неслыханно... Вы просто-таки герой, и я васъ за это очень уважаю!—гово-

рилъ Кузьминъ шопотомъ, словно бы боясь выразить свое сочувствіе открыто.

Къ тремъ часамъ дня уже весь департаментъ зналъ объ исторіи съ Липецкимъ; всѣ находили, что онъ большой дуракъ, и приходили взглянуть на такого дурака...

— Фе-но-ме-наль-ный! — шепталъ на ухо Айвазову баронъ Фирксъ.—Не-воз-мож-ный! Теперь его пѣсенка здѣсь спѣта!— прибавилъ онъ, весьма довольный, что Липецкій оказался такимъ дуракомъ.

И дѣйствительно пѣсенка Липецкаго было скоро спѣта въ департаментѣ.

Черезъ нѣсколько дней въ одной газетѣ появилась хвалебная статья о проектѣ, а вслѣдъ затѣмъ въ «Правдѣ» была напечатана обстоятельная замѣтка, доказывавшая, что проектъ лишенъ серьезности и не только не благодѣтеленъ, но прямо-таки вреденъ интересамъ платежныхъ силъ страны.

И въ тотъ же день, когда напечатана была эта замѣтка, начальникъ отдѣленія позвалъ Липецкаго въ кабинетъ и сообщилъ ему о приказаніи подать въ отставку.

— Ну, не дуракъ ли?—говорилъ на другой день баронъ Фирксъ въ кружкѣ собравшихся чиновниковъ.—Могъ бы сдѣлать карьеру, а вмѣсто этого...

Всѣ соглашались, что Липецкій дуракъ. Одинъ Кузьминъ отмалчивался.

И только мать, сестра и нѣсколько друзей Липецкаго продолжали считать его умнымъ человѣкомъ.

Оглавленіе

VIII ТОМА.

стр.

Откровенные. Романъ въ двухъ частяхъ. 3

Въ мѣста не столь отдаленныя. Романъ. 249

Въ родѣ святочнаго разсказа. 449

Дуракъ. Разсказъ. 459

Y0-AIQ-164